

ЭВАКУАЦИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ, СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Министерство образования Чувашской Республики
Российское военно-историческое общество
Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЭВАКУАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ, СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник статей

Чебоксары
2026

УДК 355/359(063)
ББК 63.3(2Рос.Чув)622я43
Э14

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук

Составители и ответственные редакторы:
доктор исторических наук И.И. Бойко
кандидат исторических наук В.Г. Харитонова

Редакционная коллегия:
Д.В. Басманцев, И.И. Бойко (ответственный редактор),
Д.А. Захаров, Ю.Н. Исаев, И.Ю. Кириллова,
В.Г. Харитонова (ответственный редактор)

Э14 **Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве**: сборник статей / сост. и отв. ред.: И.И. Бойко, В.Г. Харитонова. – Чебоксары: ЧГИГН, 2026. – 360 с.

ISBN 978–5–87677–305–0

Сборник статей подготовлен на основе материалов Международной научно-практической конференции «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве», которая состоялась 17 апреля 2026 г. в г. Канаше Чувашской Республики. Основными темами исследований стали: эвакуация объектов промышленности, сельского хозяйства и культурных ценностей из прифронтовой зоны; проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности, повседневная жизнь эвакуированного населения в годы войны; люди и их судьбы; деятельность эвакуированных учреждений культуры, образования и науки в период Великой Отечественной войны; сохранение исторической памяти и наследия об эвакуации.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

УДК 355/359(063)
ББК 63.3(2Рос.Чув)622я43

ISBN 978–5–87677–305–0

© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2026

О.А. Николаев,
Глава Чувашской Республики

Уважаемые участники и гости конференции!

Сердечно приветствую вас на значимом мероприятии – Международной научно-практической конференции «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве»!

Эвакуация стала беспрецедентным по масштабам и мужеству актом спасения. Она позволила не только сохранить миллионы жизней, но и создать в тылу арсенал Победы. В годы суровых испытаний Чувашия также стала домом для десятков тысяч эвакуированных граждан, потерявших свой кров, родных и близких. Республика разместила и организовала работу около 30 эвакуированных предприятий.

Сохранение памяти об этих событиях – фундамент для воспитания патриотизма и подлинного единства перед лицом любых угроз. Особенно ценно то, что конференция объединяет видных ученых, архивистов, работников образования и общественных деятелей из разных стран евразийского пространства. В годы войны общая беда и вера в Победу сплотили народы Советского Союза. И сегодня героическое прошлое по-прежнему является основой для добрососедства и взаимопонимания. Восстановление хронологии событий, маршрутов эвакуации, изучение семейных архивов, увековечение имен тружеников тыла – это не просто научная работа, а живая нить, связывающая поколения.

Желаю вам плодотворной работы, интересных дискуссий и новых открытий. Пусть ваши труды помогут сохранить правду о войне, воспитать у молодежи уважение к подвигу предков и не допустить переписывания истории.

В.Р. Мединский,
помощник Президента
Российской Федерации

Уважаемые коллеги!
Друзья!

Рад приветствовать организаторов и участников представительной конференции, посвященной вопросам эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Такого масштабного перемещения трети населения страны, почти половины ее технологических ресурсов не знала ни одна страна – участница Второй мировой войны. Предпринятая в тяжелейших условиях, в крайне сжатые сроки эвакуация в СССР в годы Великой Отечественной войны не имеет аналогов в мировой истории.

Только благодаря сплоченности советских людей разных национальностей нашей стране удалось сохранить свой промышленный и человеческий ресурс, приблизить Великую Победу.

Благодарю организаторов конференции и желаю всем ее участникам плодотворной работы, успехов в научных изысканиях и всего самого доброго.

ПРЕДИСЛОВИЕ

17 апреля 2026 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук традиционно провел масштабный научный форум, посвященный истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Международная научно-практическая конференция «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве» проходила в г. Канаше Чувашской Республики, крупном железнодорожном узле, который играл в годы войны важную роль в приеме эвакуированных предприятий и населения, направленных в Чувашию или же проезжавших через эту станцию транзитными рейсами.

Организаторами научного события выступили Министерство образования Чувашской Республики, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российское военно-историческое общество.

Научный форум, учитывая единство и самоотверженность представителей всех народов Советского Союза в Победе над фашизмом, был призван консолидировать усилия исследователей и широкой общественности, направленные на сохранение памяти и общего исторического наследия Великой Отечественной войны на евразийском пространстве; актуализировать изучение ключевых проблем истории Великой Отечественной войны; привлекать к исследованиям молодое поколение специалистов; расширить сотрудничество между научными школами и общественными организациями России и зарубежья.

В оргкомитет поступило свыше 120 заявок от историков и других ученых-гуманитариев из крупнейших научных и образовательных учреждений Российской Федерации (более 30 регионов), Азербайджана (г. Баку), Республики Беларусь (г. Минск, г. Брест), Казахстана (г. Астана), Кыргызстана (г. Бишкек), Таджикистана (г. Душанбе), Узбекистана (г. Нукус).

Основными темами для обсуждения стали: эвакуация в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы и источники; эвакуация объектов промышленности, сельского хозяйства и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны; проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности, повседневная жизнь эвакуированного населения в годы войны: люди и их судьбы; деятельность эвакуированных учреждений культуры, образования и науки в период Великой Отечественной войны; сохранение исторической памяти и наследия об эвакуации.

С приветственным словом к участникам конференции обратились: О.А. Николаев, глава Чувашской Республики; В.Р. Мединский, помощник Президента Российской Федерации; А.Г. Аксаков, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; А.В. Романов, Герой Российской Федерации, референт Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам; А.А. Шойгу, директор Департамента региональной политики Российского военно-исторического общества; Н.Ф. Гаврилов, Герой Российской Федерации; Д.А. Захаров, министр образования Чувашской Республики; А.С. Синицкий, руководитель отделения в г. Чебоксары Представительства МИД России в Нижнем Новгороде; Л.А. Речицкий, главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации»; В.А. Чернов, глава Канашского муниципального округа Чувашской Республики.

На пленарном заседании было заслушано 7 докладов, в том числе доклады о проблемах эвакуационных процессов в Азербайджане (С.И. Алиева), Казахстане (Ж.А. Ермекбай), Кыргызстане (Ш.Д. Батырбаева), Таджикистане (А.М. Гафуров). Доклад А.В. Берлова (г. Москва) был посвящен сохранению памяти об эвакуации как важному элементу исторической памяти. В.Б. Жиромская (г. Москва) представила сведения об оценках численности и особенностях размещения эвакуированного населения. И.И. Бойко (г. Чебоксары) выступил с докладом о роли промышленной эвакуации для индустриального развития Чувашии.

В ходе работы первой секции основное внимание уделялось масштабам и логистике перемещения производственных мощностей, сельскохозяйственных ресурсов и произведений культуры и искусства, а также оценке эффективности принятых мер по их сохранению и последующему восстановлению (М.Н. Потемкина, г. Магнитогорск; Е.М. Малышева, г. Майкоп; Б.У. Серазетдинов, г. Москва; А.В. Чуриков, г. Магнитогорск; А.В. Морозов и О.Н. Морозова, г. Казань и др.). В отдельных докладах были подняты вопросы о роли эвакуации в поддержании обороноспособности страны, о влиянии этого процесса на жизнь и быт населения прифронтовых территорий, а также о значении спасенных культурных сокровищ для послевоенного возрождения и сохранения национальной идентичности.

Во время работы второй секции значительное место было уделено вопросам эвакуации, размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности эвакуированного населения. Участники форума были ознакомлены с особенностями этих процессов в Беларуси, Кыргызстане, Узбекистане, российских регионах. Активное участие в работе секции приняли исследователи из Чувашии, и заметное место в их выступлениях заняли материалы о приеме эвакуированного населения в различных городах и районах республики, возникавших проблемах, связанных с обеспечением прибывших жильем, одеждой, обувью, хозяйственным инвентарем и т. д., что позволило комплексно подойти к анализу процесса эвакуации в республику (А.Д. Григорьев, Д.В. Басманцев, Н.В. Золотова, С.В. Охотникова и др.). Получила серьезное научное освещение тема эвакуированных детских учреждений, детей, вывезенных из Ленинграда и других регионов.

В ходе работы третьей секции анализировалась деятельность эвакуированных учреждений культуры, образования, науки, были показаны примеры творчества художников, композиторов, писателей. Заметное место в выступлениях заняли материалы о представителях творческой интеллигенции, рассказы о жизни отдельных лиц, оказавшихся в эвакуации и заметно проявивших себя в различных жизненных сферах. Из докладов участники конференции узнали о роли эвакуированных учителей, внесших вклад в развитие образования в Чувашии (Л.А. Ефимов), о творчестве художников, эвакуированных в Чувашию (М.В. Готлиб, А.А. Малинина), о жизненных путях тех, кто уже после войны остался в Чувашии и проявил себя в организации промышленности (Л.И. Васильева), муниципальном управлении, развитии образования (Е.В. Сухова). Участники конференции познакомились с личными историями тех, кто, несмотря на тяготы войны, продолжал творить, учить и исследовать, сохраняя и приумножая интеллектуальный и культурный потенциал страны.

В работе круглого стола «Исторический опыт и механизмы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне» приняли участие учителя истории из разных городов и муниципальных округов Чувашии. Они делились своим опытом изучения эвакуации, жизни и деятельности лиц, прибывших в республику из разных концов страны. Большое место было уделено созданию и деятельности школьных му-

зеев о Великой Отечественной войне в целом и эвакуации – в частности. Оживленную дискуссию вызвали вопросы о возможности знакомства школьников с проблемами, возникавшими у эвакуированного населения. В частности, речь шла о конфликтных ситуациях между представителями местного населения и некоторыми эвакуированными. Участники круглого стола пришли к выводу, что в ходе образовательного процесса следует вести речь и о таких случаях, но обращать внимание школьников, что не они были определяющими, рассмотрели актуальные подходы к изучению и преподаванию истории войны, роль семейных архивов и личных свидетельств в формировании коллективной памяти, новые форматы и технологии, используемые для популяризации знаний о подвиге народа.

В своих докладах ученые отметили вклад всех стран евразийского пространства в помощь эвакуированному населению, восстановлению промышленного потенциала и сохранению человеческого капитала в годы Великой Отечественной войны, подчеркнув, что именно единство и взаимная поддержка стали залогом не только выживания, но и будущей Победы.

В рамках конференции состоялось открытие выставки Российского военно-исторического общества «Подвиг детей войны – на века!», организованной при поддержке советника председателя РВИО Р.И. Мединского. Активное участие в ее подготовке приняли научные и архивные учреждения Чувашской Республики. В экспозиции была представлена история трудового и воинского подвига юных защитников Родины, судьбы детей, на чью долю выпали тяжелые испытания, кто в эвакуации мужественно переживал тяготы военного времени, учился, трудился и выстоял во имя Победы! Уникальные фотографии – документальные свидетельства подвига сынов полков – воспитанников боевых частей, юнг, летчиков, медицинских сестер, разведчиков, строки из стихотворений, писем, воспоминаний юных участников войны, заботы об эвакуированных детях.

Также в Канашском муниципальном округе состоялись торжественные церемонии открытия памятных досок выдающимся защитникам Отечества. Памятные знаки были установлены в средних общеобразовательных школах, носящих имена героев. В школе № 11 г. Канаш открыли доску Герою Советского Союза Ивану Андреевичу Кабалину, в Янгличской школе – Герою России Николаю Федоровичу Гаврилову. В мероприятиях приняли участие представители федеральных и региональных органов власти, научного, образовательного сообщества и общественности, Герои Российской Федерации Алексей Романов и Николай Гаврилов.

Не остались в стороне и те, кто в годы войны находился в эвакуации в г. Канаше. Л.А. Речицкий, кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации» в приветственном слове к участникам конференции отметил: «Эвакуация в годы войны – это одно из направлений для междисциплинарного исследования ученых-гуманитариев, в первую очередь историков, социологов, психологов». Также выразил благодарность канашцам: «В нашей семье всегда тепло отзывались о канашцах, живших по соседству. Они душой понимали, как трудно приходилось бабушке и маме в военные годы на новом месте с маленькими детьми. И помогали словом и хлебом. Делились всем, что имели на своем столе. И за эту идущую от самого сердца помощь я благодарен жителям Канаша и всему народу Чувашии».

Участники и почетные гости подчеркнули актуальность изучения истории Великой Отечественной войны. В ходе конференции представители образовательных учреждений, поискового движения, общественных организаций обсудили актуальные вопросы сохранения исторической памяти у подрастающего поколения и патриотического

воспитания. В Год единства народов России выставка РВИО и конференция напомнили о сплоченности и самоотверженности всех народов Советского Союза в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Как отметили эксперты, бережное отношение к Исторической Памяти – это фундамент нашего будущего, нравственный ориентир для молодого поколения россиян.

Но было бы неверным утверждать об отсутствии «белых пятен» в трудах исследователей. Об этом также шла речь на конференции, и определялись проблемы, которые требуют дальнейшего изучения.

В статьях участников Международной научно-практической конференции, посвященной вопросам эвакуации в годы Великой Отечественной войны, нашли отражение многие аспекты этой большой темы, в научный оборот введены новые данные, отдельные сюжеты получили комплексное освещение. Собранные по крупицам материалы об эвакуированных детях, личные истории вызвали большой интерес у аудитории, и могут быть использованы в повседневной работе по сохранению исторической памяти, воспитанию молодого поколения.

Таким образом, Международная научно-практическая конференция «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве» стала уникальной и эффективной площадкой для обсуждения проблем истории Великой Отечественной войны, укрепления сотрудничества между научными школами и общественными институтами Российской Федерации и зарубежных стран.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ДОКЛАДЫ

УДК 94(479.24)”1941/1945”

С.И. Алиева

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР И ЭВАКУАЦИЯ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ЛЮДИ И ТРАНСПОРТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье рассмотрена роль Азербайджанской ССР как тылового арсенала в годы Великой Отечественной войны. Через республику осуществлялся транзит и перемещение эвакуированных из зон боевых действий и находящихся под угрозой противника граждан, ресурсов, промышленных предприятий, ценностей. Выяснилось, что эвакуация через Баку осложнялась необходимостью обеспечения фронта нефтью, для чего задействовались имеющиеся транспортные ресурсы и логистика. Скопление людей, техники, составов требовало оперативных решений и возможностей. В напряженных условиях дефицита технических возможностей работники Бакинского порта, железнодорожных путей сообщения, проявив самоотверженность, достойно справлялись с задачей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Азербайджанская ССР, Бакинский морской порт.

S.I. Alieva

THE AZERBAIJAN SSR AND EVACUATION: INDUSTRY, PEOPLE, AND TRANSPORT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. The article examines the role of the Azerbaijan SSR as a rear arsenal during the Great Patriotic War. Citizens, resources, industrial enterprises, and valuables evacuated from combat zones and threatened by the enemy were transported through the republic. It turned out that the evacuation through Baku was complicated by the need to provide the front with oil, which involved the available transport resources and logistics. The accumulation of people, equipment, and trains required operational solutions and capabilities. In the tense conditions and lack of technical capabilities, the employees of the Baku port and railway lines performed their dedicated work with dignity.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, Azerbaijan SSR, Baku seaport.

Эвакуация в СССР в годы Великой Отечественной войны представляла собой масштабное и беспрецедентное перемещение населения, промышленных предприятий, учреждений, материальных ценностей и культурных объектов из районов боевых действий и угрозы оккупации в тыловые, более безопасные регионы страны. Она стала одним из ключевых факторов сохранения экономического потенциала государства и обеспечения фронта людскими и материальными ресурсами.

Особое место в системе эвакуационных мероприятий занимала Азербайджанская ССР. Будучи одной из республик Закавказья и располагаясь на побережье Каспийского моря, Азербайджан имел устойчивую транспортную связь с относительно удаленной от линии фронта Средней Азией. Республика активно участвовала как в приеме эвакуированного населения, так и в организации транзита людей, промышленных предприятий и оборудования. Баку, обладавший стратегически важной нефтедобывающей базой, развитой портовой и железнодорожной инфраструктурой, превратился в один из крупнейших эвакуационных и логистических центров СССР.

Азербайджанская ССР превратилась в ключевой транзитный регион Каспийского бассейна в системе эвакуации СССР и была включена в многоуровневую логистическую систему, объединявшую морской, железнодорожный и портовый компоненты.

В настоящей статье проанализируем вклад Азербайджанской ССР в реализацию эвакуационных мероприятий, рассмотрим в том числе социально-гуманитарные аспекты проблемы: практику взаимопомощи, адаптации и интеграции эвакуированных в условиях военного времени.

Начальный этап эвакуации (1941)

27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление об эвакуации населения и материально-производственных ценностей из регионов, которые находились под угрозой захвата противником. В кратчайшие сроки перед государством встала задача вывоза миллионов людей и огромных объемов имущества из прифронтовой полосы вглубь страны. В соответствии с директивами, ценности, не подлежавшие эвакуации, должны были уничтожаться [7; 9, с. 56].

Уже летом 1941 г. Бакинский морской порт стал важнейшим узлом эвакуационных перевозок. Через него осуществлялась переправа населения, рабочих коллективов, оборудования, техники и документации из западных районов СССР в Среднюю Азию и Казахстан. Для этих целей использовались пассажирские и грузовые суда, нефтяные танкеры, рыболовецкие суда и даже деревянные плоты вместимостью от 800 до 2000 чел. В обратном направлении – из Красноводска в Баку – перевозились воинские контингенты, промышленное оборудование и грузы из Средней Азии [4, с. 149; 15, с. 11].

Только за первые шесть месяцев войны Бакинский порт обеспечил перевозку на восточное побережье Каспийского моря свыше 1 млн чел. и более 11 тыс. вагонов с эвакуационными грузами, включая значительные объемы промышленного оборудования.

Эвакуация промышленности и населения (конец 1941 г.)

С 28 октября 1941 г. по решению Государственного комитета обороны (ГКО) началось перебазирование предприятий нефтяной отрасли, в том числе «Майкопнефти» и «Грознефти». К 9 ноября 1941 г. на Закавказскую железную дорогу с Орджоникидзевской магистрали поступило 16 208 вагонов с эвакуационными грузами, из которых 10 758 вагонов составляло промышленное оборудование и материалы. Почти весь этот поток направлялся на перевалку в Бакинский порт.

В Баку и других районах Азербайджанской ССР размещались эвакуированные из различных регионов страны. Этнический состав эвакуированных был многонациональным и отражал общесоюзный характер эвакуации. Местное население, несмотря на тяжелые бытовые условия военного времени, в большинстве случаев проявляло солидарность и гостеприимство, принимая беженцев и сирот, делясь жильем, продовольствием и предметами первой необходимости. Так, в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано 2745 чел. Из них: русских – 114 чел., украинцев – 65 чел., евреев – 2545 чел. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины и 13 поляков [9].

Летом-осенью 1941 г. в связи с эвакуацией в Баку некоторых ростовских предприятий, рабочих и специалистов ростовского завода № 458 расселили в Октябрьском и Городском районах Баку. В Азербайджане в первые месяцы войны оказались эвакуированные партийные и советские работники из западных регионов СССР. В письме в Государственный комитет обороны на имя Сталина от 2 ноября 1941 г. заместитель председателя Совета по эвакуации А.Н. Косыгин сообщал о 100 000 эвакуированных из Сталинской, Ворошиловградской и Ростовской областей, которых необходимо расселить, в том числе на территории Азербайджанской ССР. Недатированный проект постановления ГКО о размещении эвакуируемого населения из Ростовской, Сталинской, Ворошиловградской областей в союзные республики Закавказья пред-

полагал размещение в Азербайджанской ССР 25 000 чел. В постановлении № С7-183 Совета по эвакуации от 8 ноября 1941 г. (с грифом «Секретно» и за подписью заместителя председателя Совета по эвакуации А.Н. Косыгина и секретаря Совета по эвакуации М.Р. Кузьмина) говорилось о направлении 20 тыс. чел. из 100 тыс. эвакуированных, скопившихся на пристани Махачкалы, в Азербайджанскую ССР (кроме г. Баку) с возложением обязанностей по их перевозке на Совнарком Азербайджанской ССР. К записке заместителя председателя СНК СССР К.Д. Панфилова секретарю Совета по эвакуации М.Р. Кузьмину по вопросу разгрузки Орджоникидзевской железной дороги, Махачкалы, Поти, Батуми и Сухуми от 25 ноября 1941 г. отмечалось, что СНК Азербайджана возражают против приема 25 тыс. эвакуированных. Проект постановления Совета по эвакуации, который подписали заместитель председателя Совета по эвакуации М.Г. Первухин и заместитель секретаря Совета по эвакуации Л.И. Погребной, предполагал направление во все республики Закавказья 40 тыс. эвакуированных, скопившихся на пристани Махачкалы, станциях Батуми, Сухуми, Поти и Орджоникидзевской железной дороги. Но вскоре эта цифра была вновь скорректирована (видимо, после возражений руководства Азербайджана): лишь 10 тыс. чел. предполагалось направить в Азербайджанскую ССР, обязав Совнарком республики обеспечить перевозку эвакуированных до места расселения и организовать их трудоустройство. Эвакуированных разместили в сельских районах. Местные партийные и советские органы проявляли значительное внимание к проблемам эвакуированного населения, оказывая содействие его размещению и трудоустройству, а также обеспечению одеждой, продовольствием и другими предметами первой необходимости [1, с. 63–67; 2, с. 32–45].

В то же время в соответствии с постановлением ГКО от 26 сентября 1941 г. ЦК КП и СНК Азербайджанской ССР 30 сентября 1941 г. приняли решение о запрете прописки в г. Баку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывавших в неорганизованном порядке. Право на прописку и трудоустройство в городе предоставлялось исключительно лицам, прибывавшим в составе эвакуированных учреждений и предприятий по направлениям Совета по эвакуации и его уполномоченных на местах.

Подобные ограничительные меры были обусловлены стратегическим значением Баку как основного нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего центра СССР, а также наличием в городе промышленных предприятий военного назначения. Кроме того, Баку являлся важнейшим морским и сухопутным транспортным узлом, связывавшим как различные регионы Советского Союза, так и направления внешних коммуникаций. В этих условиях строгий учет населения рассматривался как необходимая мера по предотвращению возможных диверсий и иных угроз безопасности.

Эвакуация населения в Азербайджанскую ССР в начальный период Великой Отечественной войны носила сложный и противоречивый характер. С одной стороны, республика сыграла важную роль как транзитный и принимающий регион для десятков тысяч граждан, спасавшихся от нацистской оккупации. С другой стороны, реальные условия размещения эвакуированных, особенно в сельских и климатически неблагоприятных районах, существенно осложняли их повседневную жизнь и нередко приводили к тяжелым социально-бытовым и медицинским последствиям.

Тема войны нашла отражение в кинематографе. Судьба эвакуированной из Ленинграда в Баку девочки в художественном фильме «Bizim Cbi mьllim» («Наш Джаби муаллим», снят в 1969 г. на киностудии «Азербайджанфильм», режиссер – Гасан Сеидбейли, сценарист – Максуд Ибрагимбеков) отражает трагические события, переживаемые детьми в годы войны, и символизирует судьбу тысяч детей, вынужденных

покинуть родные очаги в результате эвакуации. Образ русской девочки олицетворяет уязвимость, одиночество и психологическую травму, вызванные разрывом с семьей и привычным миром. Вместе с тем через ее восприятие войны фильм подчеркивает гуманистические ценности – сострадание, взаимопомощь и солидарность простых людей, которые, несмотря на лишения, делятся с ней последним куском хлеба. Эвакуированная девочка становится нравственным центром повествования, позволяя показать войну не через боевые действия, а через повседневную борьбу за выживание и сохранение человеческого достоинства. Стоит отметить, что свыше 1000 детей, потерявших родителей во время Великой Отечественной войны, были взяты на воспитание в семьи трудящихся Баку [13].

Транспортные маршруты и роль Каспийского региона

Важной особенностью эвакуации в Среднюю Азию являлось разнообразие транспортных маршрутов. Наряду с железнодорожными путями через Поволжье, Урал и Сибирь, особое значение имел «южный» маршрут: Махачкала – Дербент – Баку – Красноводск с дальнейшим следованием по Ашхабадской и Ташкентской железным дорогам. Несмотря на сложность и многоэтапность, этот путь был кратчайшим по расстоянию и фактически единственно возможным.

Каспийская военная флотилия и гражданские пароходства («Каспфлот», «Касптанкер», «Касптехфлот») обеспечивали перевозку эвакуированных, раненых, больных, хлеба и промышленного оборудования. В условиях светомаскировки, нехватки судов и перегруженности портов моряки, портовые рабочие и железнодорожники Азербайджана работали в чрезвычайно напряженном режиме [3].

По данным из докладной записки «Каспфлота» и «Касптанкера» в ЦК КП(б) Азербайджана «О боевых и трудовых подвигах Каспийских моряков в годы Великой Отечественной войны» от 11 мая 1945 г., с первых дней Великой Отечественной войны значительная часть сухогрузного флота была передана в распоряжение Каспийской военной флотилии, что привело к существенному сокращению его провозной способности при одновременном резком росте объемов и номенклатуры перевозок [5, с. 335–337]. Через Баку и Махачкалу начался непрерывный поток эвакуируемого населения, промышленного и транспортного оборудования, продовольственных и иных грузов, подлежащих срочной переправе за Каспий, где уже велось строительство новых промышленных предприятий. Одновременно ожесточенные боевые действия советских войск, оборонявших Кавказ, требовали бесперебойной доставки людских пополнений, горючего, боеприпасов, вооружения и продовольствия, а также эвакуации раненых в тыловые госпитали.

Несмотря на крайне сложные условия военного времени, торговый флот и портовое хозяйство Каспийского бассейна обеспечили выполнение указанных перевозок своевременно и в полном объеме. Работа осуществлялась круглосуточно, при полном затемнении портов и фарватеров, в условиях повышенной опасности, включая неоднократные налеты вражеской авиации. Особая роль в транспортном обеспечении принадлежала нефтеналивному флоту. Помимо перевозки горючего в танкерах, на палубах судов осуществлялась транспортировка личного состава, вооружения и даже кавалерийских подразделений. В рассматриваемый период нефтеналивным флотом было перевезено около 830 тыс. чел. личного состава и свыше 105 тыс. т военных грузов и эвакуационного оборудования. Нефтеналивные бензиновозные баржи были переоборудованы для перевозки на палубах мощных паровозов серий «Серго Орджоникидзе», «Иосиф Сталин» и «Феликс Дзержинский». В результате данным способом было переправлено 135 паровозов с тендерами, 50 тяжеловесных четырехосных груженых вагонов и 50 железнодорожных цистерн. Сухогрузный флот,

помимо выполнения основных задач, перевез около 200 тыс. чел. эвакуированного населения и 194 тыс. т эвакуационных грузов.

Торговый флот принимал активное участие и в десантных операциях на побережье Ирана в 1941 г. Около 30 судов, включая теплоходы «Дагестан», «Баксовет», «Осетия», «Спартак», «Куйбышев», танкер «Коминтерн» и другие, обеспечили доставку и высадку личного состава, лошадей, вооружения, боеприпасов и различных материальных средств. В период непосредственной угрозы г. Грозному нефтеналивному флоту было поручено срочно эвакуировать нефтепродукты, прежде всего бензин, из Махачкалы. В кратчайшие сроки на судах, изначально не предназначенных для перевозки бензина, моряки танкерного флота доставили на Астраханский рейд и в Красноводск около 392 тыс. т нефтепродуктов, в том числе 135 тыс. т бензина [5, с. 335–337].

Значение Азербайджанской ССР в системе эвакуации 1941 года

В результате эвакуации удалось сохранить значительную часть промышленного оборудования, обеспечить продолжение работы эвакуированных предприятий и спасти сотни тысяч человеческих жизней. Все это в совокупности внесло весомый вклад в укрепление тыла и достижение Победы в Великой Отечественной войне.

Особенности эвакуации в 1942 году

Согласно постановлению ЦК КП(б) Азербайджана и Совнаркома Азербайджанской ССР «О приеме, отправке и обслуживании эвакуированных, проезжающих через г. Баку» от 18 августа 1942 г., был установлен четкий порядок транзита и размещения эвакуированного населения. Эвакуированные, прибывавшие железнодорожными эшелонами для дальнейшей отправки морским путем, подлежали остановке на станции Баку-II, тогда как эшелоны, предназначенные для размещения в районах Азербайджанской ССР, направлялись на станцию Баладжары для переформирования и последующей отправки к месту назначения. Для посадки на морские суда эшелоны со станции Баку-II следовали по Ахмедлинской ветке к пристани № 57. Временное использование наливной пристани № 57 в Ахмедлы и прилегающей к ней территории возлагалось на «Каспфлот», при содействии «Азнефтекомбината», которому предписывалось освободить соответствующие помещения. В десятидневный срок силами руководства и политотдела «Каспфлота» совместно с Бакинским горисполкомом предусматривалась подготовка приспособления пристани для временного размещения эвакуированных, включая оборудование навесов, детской комнаты, медицинского и агитационного пунктов. Дополнительно организовывалась спасательная служба и телефонная связь. Для обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности все эвакуированные подлежали обязательной санитарной обработке на станции Баку-I, а при перегруженности санпропускника – на карантинной станции в Зыхе и в дезинфекционных пунктах при предприятиях города. Медицинское обследование в пути следования и выявление инфекционных больных возлагались на специализированный медицинский персонал, при выявлении заболеваний предусматривались карантин и госпитализация.

Торговые и коммунальные органы обеспечивали прибывших граждан продовольствием, питьевой водой и горячим питанием за счет выделенных фондов. Одновременно партийные органы города организовывали агитационно-массовую работу среди эвакуированных на станции Баку-II и пристани № 57. «Каспфлот» обязывался бесперебойно предоставлять необходимый тоннаж для морской отправки эвакуированных по мере их прибытия [7, с. 225–227].

Из-за перегруженности железнодорожной линии Баку–Ростов было принято решение перебрасывать вагоны, паровозы и эвакуированное население морским

путем через Каспий. Так, к концу августа 1941 г. в Бакинском морском порту находилось свыше 21 тыс. эвакуированных. Только в августе 1942 г. в Красноводск было переправлено свыше 100 паровозов, большое количество груженых вагонов и десятки тысяч беженцев. По воспоминаниям начальника «Каспфлота» М.Д. Рагимова, в начале войны каспийские перевозки обеспечивались ограниченными силами гражданского флота, значительная часть которого была отвлечена на военные нужды. Работа судов велась в условиях острой нехватки плавсредств и строгой светомаскировки, что существенно осложняло навигацию и увеличивало нагрузку на экипажи [10, с. 131–139; 14, с. 163–164].

Бакинский морской и железнодорожный узел на втором этапе эвакуации

Со второй половины 1942 г., в связи с угрозой захвата Северного Кавказа, эвакуационные перевозки приобрели особенно массовый характер. Значительные ресурсы Наркомата путей сообщения были направлены на вывоз хлеба из Кубани и Ростовской области. Существенная часть этих грузов поступала в Азербайджан. В 1942 г. в Баку был построен железнодорожный и портовый узел, специализированный на приеме и отправке эвакуированного промышленного оборудования вглубь СССР. Республика выполняла функцию ключевого транспортного узла для промышленных предприятий, перемещавшихся из западных регионов в Центральную Азию и Казахстан, что входило в масштабную эвакуационную операцию по спасению промышленной базы страны и обеспечению производства вооружения и средств жизнеобеспечения в тылу [1, с. 63–67].

Баку также стал крупным госпитальным центром: городские школы, санатории и промышленные объекты переоборудовывались под госпитали для раненых солдат, где работали эвакуированные врачи и медсестры. Под руководством полковника Р. Гуревича создавались эвакуационные госпитали, оказавшие помощь тысячам советских солдат.

26 апреля 1942 г. ГКО принял решение о вывозе нефтепродуктов из Баку и Грозного. С конца мая 1942 г. началось перебазирование промышленных предприятий из Ростова, Воронежа, Орла и Сталинграда, включая оборудование нефтеперерабатывающих заводов Донбасса и Северного Кавказа. Для перевозки использовались, в частности, пароходы «Казахстан» и «Баксовет». Грузы сначала доставлялись в Красноводск через Каспийское море, а затем отправлялись в восточные части страны. Из Баку также перевозились десятки тысяч тонн топлива, марганцевый порошок, ферросплавы, купорос и нефтепродукты (авиационный и автомобильный бензин, солярка, нефть, дизельное топливо, моторное масло и мазут).

С началом летних боевых действий 1942 г., когда немецкие войска подошли к Моздоку и Эльхотово, все грузы, эвакуированные с Северного Кавказа, почти полностью шли через Каспийское море. 29 июля начальник «Каспфлота» докладывал о значительном превышении нормы дневного остатка грузов в Баку (30 тыс. т). В течение первых восьми дней июля требовалось перевезти 25 тыс. т марганцевой руды, 2500 т ферросплавов и 3 тыс. т сульфата, а также 10 тыс. рабочих, 17 тыс. учеников авиационной промышленности и 60 тыс. допризывников. Одновременно нужно было обеспечивать перевозку тысяч эвакуирующихся семей.

Для организации погрузки в порту была сооружена специальная пристань в районе холодильника, а излишние паровозы (более 100) передавались Ашхабадской железной дороге. В августе 1942 г. в Баку начали прибывать маршрутные поезда с оборудованием Грозненской ГЭС (220 вагонов) и Шахтинской ГРЭС (400 вагонов). В конце сентября 1942 г. Наркомфлот получил задание по срочной переброске значительного количества оборудования нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов на восток, включая 10-дюймовый трубопровод Баку–Батуми и тяжелые колонны заводов весом более 50 т.

Осенью 1942 г. демонтированное оборудование с Грозненского, Майкопского, Туапсинского и Батумского нефтеперерабатывающих заводов, а также части нефтепровода Баку–Батуми направлялось на восточный берег Каспия. В сентябре-октябре через Бакинский порт в Красноводск было перевезено 2400 т рельсов. В 1941–1942 гг. через порт прошло около 1 млн чел. и 14 тыс. вагонов с оборудованием заводов «Ростсельмаш», «Красный Аксай», «Красный котельщик», Туапсинского завода, электростанций, буровых машин и нефтеперегонных установок [11, с. 133].

Эвакуационные перевозки требовали высокой организации и самоотверженного труда. Экипажи Каспийского морского пароходства, включая капитана Шовкет Салимову, своевременно выполняли задачи по перегрузке и доставке оборудования и эвакуированных, несмотря на тяжелые условия, перегрузки и напряженный график. Женщина-капитан Ш. Салимова командовала судном «Днепр» и была награждена орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Осенью 1942 г. «Каспфлот» вывез из Баку в Красноводск более 20 тыс. т энергетического оборудования для электростанций на востоке страны. Фашисты пытались препятствовать эвакуации, бомбя железнодорожные узлы, перегоны и мосты, при этом немало работников железных дорог Азербайджана, Закавказья и Северного Кавказа погибли героической смертью [14, с. 165].

Значительная работа по транспортировке и эвакуации населения была выполнена пассажирской станцией Баку. Несмотря на чрезвычайно высокий наплыв пассажиров, работники вокзала проявляли повышенное внимание и заботу к эвакуированным, успешно справляясь с их обслуживанием и последующей переотправкой к месту назначения. В годы войны в пределах Азербайджанской ССР наилучшее пассажирское обслуживание было обеспечено коллективами вокзалов станций Баку и Кировабад.

Участвуя во Всесоюзном социалистическом соревновании и соперничая с другими пассажирскими станциями Закавказской железной дороги, коллектив станции Баку-Пассажирская благодаря образцовой работе в июле 1942 г. завоевал дорожное переходящее Красное знамя и удерживал его до конца войны [4, с. 152].

В августе 1942 г. суда Каспийского пароходства приступили к организации вывоза нефтепродуктов и нефтепромыслового оборудования грозненских и майкопских заводов. Моряки успешно выполнили эту важную задачу: в период с августа по декабрь 1942 г. судами «Касптанкера» были вывезены в Астрахань, Гурьев и Красноводск сотни тысяч тонн оборудования промыслов и заводов Майкопа и Грозного, а также оборудование завода «Ростсельмаш».

В годы войны был разработан и освоен новый способ переброски груженых вагонов и паровозов из Баку в Красноводск на палубах нефтеналивных судов. Летом 1942 г., когда в Баку поступил новый поток эвакуационных грузов, включая значительное количество груженых вагонов и эвакуированных паровозов, Наркомат морского флота предложил организовать их морскую переправу через Каспий.

Поскольку моряки ранее не имели опыта подобных перевозок, выполнение задания потребовало тщательной подготовки. Руководство работами осуществляла партийная организация Азербайджана, оказывая всестороннюю помощь. ЦК КП(б) Азербайджана провел по данному вопросу специальное расширенное совещание с участием инженерно-технических работников «Каспфлота», «Касптанкера», Бакинского порта, а также представителей Наркомата путей сообщения и Закавказской железной дороги. На совещании были намечены конкретные меры по осуществлению перевозок.

В рекордно короткие сроки было проведено переоборудование судов и шаланд, предназначенных для транспортировки паровозов, а также подготовлены пирсы в

Баку и Красноводске. Палубы пароходов и барж были оснащены рельсовыми путями. Благодаря слаженным действиям моряков, железнодорожников и портовых рабочих опыт морской перевозки паровозов с тендерами и груженых вагонов оказался исключительно успешным. Только за август 1942 г. было перевезено свыше ста паровозов; аналогичным образом осуществлялась транспортировка и груженых вагонов.

Проявляя изобретательность и инициативу, моряки Каспия впервые успешно применили буксировку железнодорожных цистерн по морю в порожнем и груженом состоянии при герметически закрытых горловинах.

В период битвы за Кавказ особенно высокая нагрузка легла на работников Бакинского порта, который должен был бесперебойно обеспечивать советские войска, сражавшиеся на Северном Кавказе, всем необходимым. Через порт проходили значительные объемы военного снаряжения и эвакуационных грузов. Портовики столкнулись с серьезными трудностями при погрузке и выгрузке, однако в короткие сроки освоили технику перегрузки крупногабаритных и особо сложных грузов, требующих повышенной осторожности и внимания [4, с. 153].

С большими трудностями была связана, в частности, транспортировка колонн нефтеперерабатывающих заводов, представлявших собой металлические конструкции длиной до 35 м и диаметром 3–4 м, весом свыше 50 т. Эти сооружения невозможно было разместить на палубах судов или перевозить морем на железнодорожных платформах. Выход из ситуации предложил инженер, начальник производственного участка порта Аллахвердиев, по инициативе которого на баржах были оборудованы дополнительные крепления, что позволило успешно доставлять колонны к месту назначения.

Значительная нагрузка в годы войны пришлась и на паровозные депо. Особенно тяжелым оказался период с июля 1942 г., когда в связи с началом битвы за Кавказ резко возросло количество эвакуированных паровозов. В депо Баку и Баладжары скопилось большое число локомотивов различных серий, требовавших ремонта, осмотра и подготовки к дальнейшей эксплуатации или длительному хранению. В 1942 г. ремонт эвакуированных паровозов составлял не менее 50 % производственного плана депо. В период с августа по октябрь 1942 г. Бакинское паровозное отделение подготовило и отправило морским путем в Красноводск 125 паровозов, а через Кизляро-Астраханскую ветку – свыше 800 паровозов. В 1942–1943 гг. в депо Баку и Баладжары было отремонтировано и отправлено на различные железные дороги СССР более 200 паровозов [4, с. 172].

26 декабря 1942 г. ЦК КП(б) Азербайджана и Совнарком Азербайджанской ССР приняли постановление о развертывании дополнительных эвакогоспиталей в Баку. Целью документа было ускорение создания новых госпиталей для эвакуированных граждан и раненых бойцов. В рамках реализации постановления Наркомздраву Азербайджанской ССР было поручено организовать 3500 коек в новых медицинских учреждениях в течение декады. Для этого были выделены и приспособлены под госпитали различные городские помещения, включая общежития завода № 9, школы БОНО № 1 и в Сумгаите, школы ФЗО № 3 и № 2, а также мортехникум и общежитие стройконторы в пос. Степана Разина. Передача этих помещений под госпитали должна была быть завершена в кратчайшие сроки при участии «Азнефтестроя», Бакгорисполкома, Управления трудрезервов, «Касптанкера» и «Азнефтекомбината». Особое внимание уделялось оборудованию и обеспечению госпиталей. Госплан снабжал поставку необходимого оборудования, Наркомтекстильпром – белья и хлопчатобумажных изделий, а «Азнефтекомбинат» совместно с Бакгорисполкомом – организацию стирки белья. Для создания культурной и бытовой обстановки в новых госпиталях были привлечены широкие массы населения, а секретари ЦК и БК КП(б)

Азербайджана осуществляли ежедневный контроль за ходом работ. Кроме того, постановление предусматривало логистическую поддержку: Закавказская железная дорога обеспечивала переброску нафталана со станции Герань в Баку для нужд госпиталей [12, с. 241–243].

Таким образом, данное постановление демонстрирует системный и координированный подход советских органов власти к обеспечению эвакуированных граждан и военнослужащих в условиях войны, сочетая вопросы размещения, оснащения, бытового обеспечения и контроля за организацией госпиталей.

Заключение

Эвакуация в годы Великой Отечественной войны стала одним из важнейших инструментов сохранения людского и промышленного потенциала СССР. Анализ материалов показывает, что Азербайджанская ССР заняла особое место в этой системе, выступив не только в роли приемного региона, но и ключевого транзитного узла между европейской частью страны, Кавказом и Средней Азией. Политика эвакуации в Азербайджане формировалась под воздействием не только гуманитарных соображений, но и стратегических, экономических и военно-безопасных факторов. Это обусловило сочетание мер поддержки эвакуированного населения с жесткими ограничениями и регламентацией, характерными для условий тотальной войны.

Стратегическое значение Азербайджана определялось совокупностью факторов: географическим положением, наличием развитой портовой и железнодорожной инфраструктуры, а также решающей ролью бакинской нефтяной промышленности в обеспечении фронта и тыла. Бакинский морской порт и каспийские пароходства обеспечили устойчивое функционирование «южного маршрута» эвакуации, который во многих случаях являлся единственно возможным для населения и предприятий Кавказа и Закавказья.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, нехватку транспортных средств, перегруженность коммуникаций и угрозу военных действий, эвакуационные мероприятия на территории Азербайджанской ССР были в целом успешно реализованы. Существенную роль в этом сыграли самоотверженный труд моряков, портовых рабочих, железнодорожников, а также солидарность местного населения, принимавшего эвакуированных и оказывавшего им всестороннюю помощь.

Таким образом, Азербайджанская ССР сыграла одну из ключевых ролей в системе эвакуации СССР в годы Великой Отечественной войны. Республика стала важнейшим транзитным и приемным регионом, обеспечившим сохранение промышленного потенциала страны, спасение миллионов людей и устойчивую связь между европейской частью СССР и восточными районами. Деятельность транспортников, моряков, портовых рабочих и всего населения Азербайджана внесла весомый вклад в достижение Победы.

Литература и источники

1. *Алиева С.И.* Азербайджанцы в годы Второй мировой войны на Северном Кавказе (к 65-летию Дня победы) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 2 (27). Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 63–67.

2. *Алиева С.И.* Вклад азербайджанского народа в Великую Победу: память, гордость, наследие (К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) // Победа Единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 5–6 мая 2025 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2025. С. 32–45.

3. *Беленко М.П.* Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 9. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-09.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

4. *Беляева В.А.* Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Баку: Азербайджан. гос. изд-во нефтяной и научно-тех. лит-ры, 1967. 188 с.

5. Из Докладной записки «Каспфлота» и «Касптанкера» в ЦК КП(б) Азербайджана о боевых и трудовых подвигах каспийских моряков в годы Великой Отечественной войны, 11 мая 1945 г. // Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов: в 2 т. Т. II. Баку: Азербайджан. гос. изд-во, 1977. С. 335–337.

6. Из постановления IV Пленума БК ЛКСМ «О работе Бакинской комсомольской организации» // Бакинский рабочий. 1941. 4 декабря.

7. Из постановления ЦК КП(б) Азербайджана и Совнаркома Азербайджанской ССР «О приеме, отправке и обслуживании эвакуированных, проезжающих через гор. Баку» 18 августа 1942 г. // Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов: в 2 т. Т. II. Баку: Азербайджан. гос. изд-во, 1977. С. 225–227.

8. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г.– ноябрь 1942 г.). Москва: Воен. изд-во Мин-ва обороны Союза ССР, 1961. 682 с.

9. *Куманёв Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. URL: https://militera.org/h/articles/k/t32967/ (дата обращения: 03.02.2026).

10. *Куманёв Г.А.* Подвиг железнодорожников // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Москва: Наука, 1966. С. 131–139.

11. *Маковский А.А., Радченко Б.М.* Каспийская Краснознаменная. Москва: Воениздат, 1982. 171 с.

12. Постановление ЦК КП(б) Азербайджана и Совнаркома Азербайджанской ССР «О развертывании дополнительных эвакогоспиталей в гор. Баку», 26 декабря 1942 г. // Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов: в 2 т. Т. II. Баку: Азербайджан. гос. изд-во, 1977. С. 241–243.

13. Правда. 1943. 18 августа.

14. *Эдлинский С.Ф.* На морских коммуникациях // Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний. Москва: Наука, 1966. С. 141–167.

15. *Cəfərov İ.* Xəzər dəniz nəqliyyatı Sovet hakimiyyətinin yetirməsidir. Bakı: Azərnəşr, 1971. 20 c.

УДК 94(575.2)»1941/1945»:930.1+930.2

Ш.Д. Батырбаева

ЭВАКУАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления изучения эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны. Анализируются историографические подходы, состояние источниковой базы, источниковедческие проблемы и перспективы дальнейших исследований данной темы.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, Кыргызстан, историография, источниковедение, советский тыл, цифровая история.

Sh.D. Batyrbaeva

EVACUATION TO KYRGYZSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORIOGRAPHICAL APPROACHES, SOURCE-STUDY PROBLEMS, AND RESEARCH PERSPECTIVES

Abstract. The article examines the main approaches to the study of evacuation to Kyrgyzstan during the Great Patriotic War. It analyzes historiographical trends, the source base, source-study challenges, and prospects for further research on this topic.

Keywords: evacuation, the Great Patriotic War, Kyrgyzstan, historiography, source studies, Soviet rear, digital history.

Великая Отечественная война стала переломным этапом в истории Советского Союза, обусловив масштабные политические, экономические и социально-демографические преобразования. Одним из ключевых механизмов функционирования советского тыла выступила эвакуация населения, промышленных предприятий, научных и культурных учреждений из прифронтовых районов в восточные регионы страны. В данной системе особое место занимал Кыргызстан, который в годы войны превратился в один из важных экономических и гуманитарных центров СССР. Республика принимала эвакуированное население и предприятия, обеспечивала фронт стратегическим сырьем и трудовыми ресурсами, а также способствовала сохранению научного и культурного потенциала страны. Эвакуационные процессы оказали существенное влияние на социально-экономическое и культурное развитие Кыргызстана, ускорив индустриализацию, усилив межэтнические контакты и трансформировав структуру общества.

В годы Великой Отечественной войны публикации, затрагивавшие вопросы эвакуации в Киргизскую ССР, носили преимущественно публицистический характер и были направлены на освещение трудового подвига населения, помощи фронту и размещения эвакуированных предприятий. Комплексного анализа эвакуационных процессов в этот период не проводилось. С конца 1940-х гг. начинается формирование научного изучения истории войны. В исследованиях С.Т. Табышалиева, И.Н. Глускина, А.В. Казанского, а также в обобщающих трудах по истории Киргизии вопросы эвакуации рассматривались в контексте деятельности советского тыла, мобилизации населения и перестройки экономики республики.

Наиболее заметное развитие в советской историографии получили исследования экономики военного времени. В работах Т.К. Сарыкова, Р. Бекмамбетова, Х.М. Мусина, С.К. Керимбаева, Б.Д. Чыймылова и других авторов анализировались развитие промышленности, трудовая мобилизация и обеспечение фронта стратегическим сырьем. В этих исследованиях размещение эвакуированных предприятий рассматривалось как один из факторов ускоренного промышленного развития республики. Особое место занимает статья С.А. Аттокурова «Борьба Коммунистической партии Киргизии за восстановление эвакуированных промышленных предприятий (1941–1942 гг.)», в которой автор одним из первых специально обратился к вопросам размещения и восстановления эвакуированных предприятий на территории Кыргызстана. Исследователь показал роль партийных и государственных органов в организации работы промышленных объектов и подчеркнул значение эвакуированных предприятий и специалистов для укрепления военно-экономического потенциала республики.

В 1960–1980-х гг. постепенно расширяется изучение социальных аспектов военного времени. В работах Н.П. Животовской, С. Бегматова, Ж.С. Татыбекова и О.С. Сагынбаева рассматривались вопросы трудового участия населения, помощи эвакуированным гражданам и взаимодействия местного населения с прибывшими переселенцами. Существенное значение для развития данной проблематики имел обобщающий труд С.К. Керимбаева «Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в котором наряду с вопросами мобилизации экономики и трудового вклада населения нашли отражение проблемы социальной поддержки эвакуированных, деятельность государственных и общественных организаций по их размещению и бытовому устройству, а также участие населения республики в оказании помощи переселенцам. Несмотря на преобладание характерных для советской историографии подходов, данная работа на протяжении длительного времени оставалась одним из наиболее полных исследований истории Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны и сохраняет значение как важный этап в изучении социальной истории военного периода.

В целом советская историография сформировала значительную фактологическую базу по истории Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны и прошла путь от публицистических материалов военного времени к крупным академическим исследованиям. Наиболее полное обобщение накопленного материала было представлено в четвертом томе фундаментального академического издания «История Киргизской ССР», который охватывает период 1938–1960 гг. В данном труде были систематизированы основные достижения советской историографии по истории Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны, обобщены материалы о деятельности партийных и советских органов, трудовом вкладе населения, развитии промышленности и сельского хозяйства, участии женщин и молодежи в обеспечении Победы, а также о развитии науки, образования и культуры в условиях военного времени. Особое значение данного издания заключается в том, что оно подвело итоги многолетнего изучения военного периода и определило основные направления дальнейших исследований.

Вместе с тем авторы отмечали наличие ряда недостаточно изученных проблем. В частности, подчеркивалась недостаточная изученность социально-этнических процессов: влияние войны на жизнедеятельность наций и народностей Кыргызстана, их сознание и психологию, усиление взаимодействия национальных культур. Несмотря на значительный объем накопленного фактического материала, эвакуация в советской историографии продолжала рассматриваться преимущественно как составная часть истории советского тыла и мобилизационной экономики. Значительно слабее были разработаны вопросы социальной адаптации эвакуированного населения, межэтнического взаимодействия, повседневной жизни переселенцев, положения детей и женщин, а также демографических последствий массовых миграционных процессов военного времени. Тем не менее советская историография создала прочную фактологичес-

кую и источниковую основу, которая стала фундаментом для последующего развития исследований эвакуации в постсоветский период.

Современная историография эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны характеризуется существенным расширением исследовательской проблематики и переходом от описательного освещения событий к комплексному анализу экономических, социальных, демографических и культурных последствий эвакуационных процессов [10; 11; 15]. В современных исследованиях эвакуация рассматривается не только как военно-хозяйственная мера, направленная на сохранение производственного и человеческого потенциала страны, но и как масштабный исторический процесс, оказавший долговременное влияние на развитие республики. Об этом свидетельствует как расширение круга исследуемых вопросов, так и разнообразие форм научного осмысления темы. Значительная часть работ представлена научными статьями, опубликованными в тематических сборниках и материалах конференций, посвященных истории Великой Отечественной войны и различным аспектам развития Кыргызстана в военный период. Отдельные темы рассматриваемой проблемы нашли отражение в диссертационных исследованиях, посвященных истории Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны. В них вопросы эвакуации населения, предприятий и учреждений рассматриваются в контексте экономических, социальных, демографических и культурных процессов военного времени [4; 6; 7]. В частности, А.С. Иманалиева исследует функционирование эвакуированных предприятий военно-промышленного комплекса, Н.А. Дакенова рассматривает эвакуацию как самостоятельное историческое явление периода войны, а У.К. Алайчиев анализирует ее роль в обеспечении военной экономики и тыловой мобилизации СССР. Одновременно происходит накопление обобщающих научных трудов, включая коллективные и монографические исследования, что свидетельствует о постепенном переходе от изучения отдельных аспектов эвакуации к комплексному анализу ее места и роли в истории Кыргызстана периода Великой Отечественной войны [2; 8].

Одним из наиболее разработанных направлений современной историографии остается изучение влияния эвакуации на экономическое развитие Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны. Важное место в разработке данной проблематики занимает докторская диссертация Г.Д. Джунушалиевой «Экономика Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в которой комплексно исследованы вопросы функционирования экономики республики в условиях военного времени, мобилизации трудовых и материальных ресурсов, развития промышленности и сельского хозяйства [6].

Значительный вклад в изучение военно-экономического потенциала республики внесли исследования Н.А. Алымкулова [3]. В статье «Свинцово-цинково-оловянный комбинат Ак-Тюз в годы Великой Отечественной войны» анализируется деятельность одного из важнейших предприятий цветной металлургии Кыргызстана, обеспечивавшего потребности оборонной промышленности. Работа «Хайдарканский ртутно-сурьмяной комбинат (комбинат № 5) в годы великих испытаний» посвящена значению ртутного и сурьмяного производства для нужд фронта. В исследовании «Предприятия сахарной промышленности Кыргызстана в период Великой Отечественной войны» раскрываются особенности функционирования пищевой промышленности республики, а в статье «Вовлечение женщин Кыргызстана в тыловую деятельность в период войны (1941–1945 гг.)» – участие женщин в обеспечении деятельности тыла. Отдельное внимание автор уделяет финансово-экономическим аспектам военного времени в работе «Государственный бюджет Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны: источники формирования и общие направления расходов», где анализируются основные направления мобилизации и распределения финансовых ресурсов республики.

Вопросы перестройки экономики на военный лад нашли отражение и в статье А.Т. Жанакеевой «О перестройке промышленности Кыргызстана на военный лад в период Великой Отечественной войны», где анализируются особенности адаптации промышленного комплекса республики к потребностям фронта. Значение сельского хозяйства в обеспечении Победы рассматривается в работе В.П. Мотревича «Вклад сельского хозяйства Киргизской ССР в Победу в Великой Отечественной войне». Региональный аспект проблемы представлен в статье Б.К. Абытова «Ошская область в годы Великой Отечественной войны», раскрывающей особенности социально-экономического развития юга республики в условиях войны [1], а также в исследовании «Вклад тружеников Кыргызстана в Великую Победу», посвященном трудовому подвигу населения республики. Обобщающий взгляд на вклад Кыргызстана в Победу представлен в работе Н.В. Лидера «Вклад Киргизской ССР в Победу в Великой Отечественной войне».

Новым этапом в изучении военной экономики Кыргызстана стало исследование У.К. Алайчиева «Становление системы оборонного производства в Киргизской ССР в условиях мобилизационной экономики в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)» [2]. На основе широкого круга архивных источников автор рассматривает формирование оборонного производства, деятельность эвакуированных предприятий и роль республики в обеспечении военно-экономических потребностей Советского Союза. В совокупности данные исследования позволяют рассматривать эвакуацию предприятий и специалистов как важнейший фактор трансформации экономики Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны.

Существенное место в современной историографии занимает социальная история эвакуации. Исследования кыргызстанских ученых раскрывают влияние войны и эвакуации на демографические процессы, миграцию населения, семейные отношения, положение женщин и детей, а также изменения социальной структуры кыргызского общества. Особое внимание уделяется вопросам продовольственного обеспечения, бытовой адаптации эвакуированного населения, трансформации городской среды, межэтническим отношениям и процессам социальной интеграции.

Важное значение для изучения демографических последствий военного времени имеет статья Ш.Д. Батырбаевой и А.К. Карыевой «Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны: демографические процессы и вызовы», в которой рассматриваются особенности естественного и механического движения населения, влияние мобилизации, эвакуации и миграционных процессов на демографическое развитие республики [5]. Вопросы повседневной жизни населения получили освещение в статье С.С. Джеенбековой «Повседневная жизнь кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны», где анализируются условия жизни населения, проблемы снабжения, трудовой мобилизации и социально-бытовой адаптации в условиях военного времени.

Отдельное направление исследований связано с изучением социальной защиты различных категорий населения. Так, в статье А.К. Бекбоевой и Н.У. Курбановой «Социальная защита семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на примере Кыргызстана)» рассматриваются формы государственной поддержки семей фронтовиков, система льгот, материального обеспечения и социальной помощи в условиях войны.

В целом исследования данного направления позволяют рассматривать эвакуацию не только как демографический и миграционный процессы, но и как важный фактор трансформации социальной структуры общества, повседневной жизни населения и механизмов социальной адаптации в Кыргызстане в годы Великой Отечественной войны. Самостоятельным направлением исследований стало изучение эвакуации детей в Киргизскую ССР. Особое внимание уделяется судьбам детей блокадного Ле-

нинграда, деятельности детских домов, интернатов и приемников-распределителей, вопросам материально-бытового обеспечения, воспитания и обучения. Исследования Л.И. Сумарокова [14] и других авторов позволяют реконструировать деятельность эвакуированных ленинградских детских учреждений, выявить роль местных органов власти и населения в обеспечении их функционирования, а также показать значение системы охраны детства в условиях военного времени. В последние годы данная проблематика получила дальнейшее развитие в региональных исследованиях. Так, в статье А. Акматовой и А. Бабаевой «Организация проживания и образования эвакуированных детей блокадного Ленинграда в Ошской области Киргизии» рассматриваются вопросы размещения, бытового обеспечения и организации обучения эвакуированных детей на региональном уровне. В свою очередь, Н.У. Курбанова и А.К. Бекбоева в статье «Кыргызстан – вторая родина детей эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны» анализируют деятельность эвакуированных детских учреждений, условия проживания и воспитания детей, а также процессы их адаптации в республике.

Значительное развитие получило изучение системы здравоохранения и военно-медицинской инфраструктуры Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны. Исследования данного направления раскрывают деятельность эвакогоспиталей, подготовку медицинских кадров, организацию санитарно-эпидемиологической службы и оказание помощи раненым. В статье Н.С. Усуповой и А.Т. Токтоналиевой «Военные госпитали Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны» рассматриваются вопросы организации и функционирования госпитальной сети республики, ее кадрового обеспечения и роли в лечении раненых военнослужащих. К исследованию деятельности отдельных медицинских учреждений обращаются О.А. Болбачан и Д.Д. Ибраимова в работе «Эвакогоспиталь № 1081 в Киргизии в годы Великой Отечественной войны», где на основе архивных материалов раскрываются особенности работы одного из крупнейших эвакогоспиталей республики. В статье К.У. Акынбекова, А.А. Орозалиевой и Э.К. Шатмановой «Вклад медработников Кыргызстана в Великую Победу» освещается участие медицинских работников республики в обеспечении деятельности госпиталей и оказании медицинской помощи фронту и тылу. В свою очередь, Н.А. Алымкулов в статье «Подвиг советских медиков. Госпитали Киргизии в годы войны» рассматривает деятельность эвакогоспиталей как важнейшего элемента военно-медицинской системы советского тыла.

Отдельное направление исследований представлено работами по истории медицины и здравоохранения, авторами которых выступают преимущественно специалисты в области медицинских наук. В центре их внимания находятся вопросы развития медицинской науки, санитарно-эпидемиологической службы, подготовки медицинских кадров и влияния эвакуации на систему здравоохранения Кыргызстана. Так, в статье О.Т. Касымова и Г.В. Белова «Профилактическая медицина – самое первое и приоритетное направление медицинской науки в Кыргызстане» рассматриваются становление профилактической медицины, деятельность Фрунзенского санитарно-бактериологического института, роль Б.Я. Эльберта, а также вклад эвакуированных ученых в развитие научных учреждений и кадрового потенциала здравоохранения республики. В работе А. Кошмуратова, К.А. Атаханова и А.А. Амиракуловой «Здравоохранение юга Кыргызстана в первые годы советской власти и в годы Великой Отечественной войны» анализируется состояние медицинской сети южных регионов республики и ее деятельность в условиях военного времени. Отдельные аспекты истории медицинской науки и формирования научно-медицинских кадров нашли отражение в исследованиях В.Т. Давыдова и Г.В. Белова, посвященных выдающимся представителям медицинской школы Кыргызстана. В совокупности данные работы позволяют глубже понять роль эвакуированных ученых, медицинских учреждений и системы здравоохранения в

развитии научного и кадрового потенциала республики, а также значение Кыргызстана как одного из важных военно-медицинских центров советского тыла.

Важным направлением социальной истории эвакуации является изучение науки, образования, культуры и интеллигенции в условиях военного времени. Исследования показывают, что эвакуация научных учреждений, высших учебных заведений, преподавателей, деятелей культуры и искусства сыграла значительную роль в укреплении интеллектуального потенциала республики. Особое внимание уделяется деятельности эвакуированных вузов, подготовке педагогических кадров, развитию научных исследований, библиотечного дела, театра и культурно-просветительной работы. Эвакуированные специалисты способствовали формированию новых научных школ, расширению академических связей и развитию культурной среды Кыргызстана.

Значительное внимание данным вопросам уделено в статье У. Атамбаевой «Ошский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны», в которой рассматриваются деятельность Ошского пединститута в условиях военного времени, эвакуация в Ош высших учебных заведений из прифронтовых районов СССР, подготовка педагогических кадров и развитие системы высшего образования республики. Вопросы функционирования эвакуированных высших учебных заведений получили дальнейшее освещение в работе Н.А. Алымкулова «Ленинградский институт имени П.Ф. Лесгафта и другие эвакуированные высшие учебные заведения (ВУЗы) в Кыргызстане», где анализируются особенности размещения и деятельности эвакуированных вузов, а также их влияние на развитие образовательного и научного пространства республики.

Отдельные аспекты культурной жизни военного времени рассматриваются в статье Н.Н. Нуралиевой «Сценическая культура Киргизии в годы Великой Отечественной войны», посвященной развитию театрального искусства и культурно-просветительной деятельности в условиях войны. Исследование М.И. Тагаева и С.С. Азизбаева «Физическая культура и спорт в Кыргызстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» раскрывает состояние физкультурного движения и спортивной работы в годы войны, показывая их роль в военно-патриотическом воспитании и подготовке населения. Существенное значение для изучения истории высшего образования и научной интеллигенции имеет коллективная монография Д.Т. Чонтоева и Ш.Д. Батырбаевой «От истоков к вершинам: 100 лет становления и развития Кыргызского национального университета (1925–2025)», в которой представлены материалы о деятельности высших учебных заведений республики в военный период, включая вопросы эвакуации преподавателей, научных кадров и образовательных учреждений.

В совокупности данные исследования позволяют рассматривать эвакуацию не только как экономическое или демографическое явление, но и как важный фактор развития науки, образования и культуры Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны.

При изучении эвакуации как одного из важнейших явлений периода Великой Отечественной войны следует учитывать и исследования, посвященные депортациям и спецпереселенцам. В современной историографии данная проблематика рассматривается в контексте масштабных миграционных процессов военного времени. Значительное место в ее изучении занимает диссертационное исследование Л.Н. Дьяченко «Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации)», в котором комплексно рассмотрены вопросы размещения, хозяйственного устройства, социальной адаптации и последующей реабилитации депортированных народов [7]. Отдельные аспекты данной проблемы получили освещение и в статье С.И. Бегалиева «Прием и расселение в Киргизской ССР депортированных народов Северного Кавказа (чеченцев и ингушей) в годы Великой Отечественной войны», посвященной особенностям расселения и адаптации спецпереселенцев в

республике. Исследования данного направления позволяют рассматривать эвакуацию не как изолированное явление, а как составную часть более широких миграционных процессов военного периода, существенно повлиявших на демографическое, социальное и этнокультурное развитие Кыргызстана.

Таким образом, современная историография эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны постепенно переходит к комплексному междисциплинарному анализу. Вместе с тем сохраняется необходимость дальнейшего изучения эвакуационных процессов на микроуровне — в рамках отдельных регионов, городов, предприятий, госпиталей, детских домов, образовательных учреждений и социальных групп. Перспективным направлением представляется также сравнительно-сопоставительное исследование опыта Кыргызстана и других тыловых регионов СССР, что позволит более глубоко раскрыть механизмы социально-экономической, демографической и культурной трансформации советского общества в условиях войны.

Источниковая база исследования эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны представлена широким комплексом архивных документов различного происхождения. Основной массив неопубликованных материалов сосредоточен в фондах Центрального государственного архива Кыргызской Республики, Центрального государственного архива общественно-политической документации Кыргызской Республики, а также архивов государств и регионов бывшего СССР, из которых в годы войны осуществлялась эвакуация населения, промышленных предприятий, учреждений науки, образования и культуры.

Актуальное значение для изучения эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны сохраняют опубликованные документальные сборники советского периода. С их помощью введены в научный оборот документы партийных, советских и хозяйственных органов, статистические материалы, публикации периодической печати, а также документы предприятий, учреждений и общественных организаций [8]. Эти издания продолжают оставаться важным источником по истории эвакуации и позволяют проследить основные направления государственной политики и практики ее реализации в годы войны.

После распада СССР произошло существенное расширение источниковой базы за счет рассекречивания архивных фондов и введения в научный оборот ранее неизвестных документов. Значительная часть новых источников была опубликована в рамках монографий, диссертаций и научных статей, посвященных различным аспектам истории Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны. Следует также отметить издание сборника документов и материалов «Кыргызстан во Второй мировой войне (1939–1945 гг.)» [11], содержащего архивные документы по истории военного времени, в том числе материалы, отражающие деятельность тыла, размещение эвакуированного населения и предприятий, функционирование эвакуационных органов и другие аспекты эвакуационных процессов на территории республики.

Определенный интерес для изучения эвакуации представляют документально-публицистические издания, подготовленные на основе архивных материалов и свидетельств очевидцев. В частности, в книге С. Нурматовой «Эвакуация (по материалам архивов 1941–1945 гг.)» опубликованы документы и фотоматериалы, посвященные эвакуации в Киргизию жителей Белоруссии, Украины и регионов РСФСР, оказавшихся в начале войны на прифронтовых и угрожаемых территориях [12]. Дополняет данное издание сборник рассказов «Эвакуация. Время испытаний», основанный на воспоминаниях и свидетельствах участников событий. Данные публикации расширяют источниковую базу исследования за счет введения в научный и общественный оборот архивных материалов и личных свидетельств, позволяющих раскрыть отдельные аспекты повседневной жизни, адаптации и интеграции эвакуированного населения в республике.

Наряду с традиционными архивными источниками все большее значение приобретают современные цифровые ресурсы. Особый интерес представляет историко-документальный портал Архивной службы Кыргызской Республики «В борьбе с фашизмом мы были вместе», созданный на основе материалов Центрального государственного архива Кыргызской Республики, Центрального государственного архива общественно-политической документации Кыргызской Республики, Архива кино-фотофонодокументов [15]. Портал содержит документы, фотографии, аудиозаписи и иные материалы, отражающие участие Кыргызстана в Великой Отечественной войне, включая вопросы эвакуации населения, предприятий и учреждений. Важным цифровым ресурсом является также портал «Бессмертный полк – Кыргызстан», аккумулирующий биографические сведения, фотографии и семейные архивы участников войны.

В последние годы исследовательские возможности существенно расширились благодаря использованию цифровых гуманитарных ресурсов, социальных сетей, тематических интернет-сообществ, видеохостингов и документальных проектов. На специализированных интернет-площадках, в социальных сетях и на видеоканалах публикуются воспоминания потомков эвакуированных, семейные архивы, интервью, фотографии и видеосвидетельства, связанные с судьбами эвакуированных граждан, детей блокадного Ленинграда, представителей науки, культуры и промышленности, оказавшихся на территории Кыргызстана в годы войны. В качестве примера можно отметить документальный видеопроект «Токтогон Алтыбасарова и 150 детей блокадного Ленинграда. Путь в солнечную страну», посвященный истории эвакуации ленинградских детей в Кыргызстан и деятельности Токтогон Алтыбасаровой по их приему и воспитанию. Подобные материалы позволяют дополнить официальные документы личными свидетельствами участников событий и расширяют возможности изучения социальной истории эвакуации.

Вместе с тем изучение эвакуационных процессов по-прежнему сопровождается рядом источниковедческих проблем. Одной из наиболее существенных остается разрозненность документального комплекса, поскольку материалы по истории эвакуации распределены между архивами Кыргызстана и государств, территории которых в годы войны стали фронтовыми и прифронтовыми районами СССР. Значительные трудности вызывает фрагментарность статистических данных, различия в ведомственном учете эвакуированного населения, предприятий и учреждений, а также неполнота сведений о реэвакуации и последующих миграционных перемещениях. Существенной проблемой остается недостаточная представленность источников личного происхождения, позволяющих реконструировать повседневный опыт эвакуированных. Кроме того, использование цифровых ресурсов требует обязательной проверки содержащейся в них информации и ее сопоставления с архивными материалами. В связи с этим одной из важнейших задач современной исторической науки остается дальнейшее выявление, публикация и введение в научный оборот новых архивных документов, а также комплексное использование различных категорий источников для более полного изучения масштабов, механизмов и последствий эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, современный этап изучения эвакуации в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны характеризуется расширением источниковой базы, междисциплинарностью исследований и активным внедрением цифровых технологий в историческую науку. Использование электронных архивов, специализированных баз данных, цифровых коллекций документов и ГИС-технологий открывает новые возможности для комплексного анализа эвакуационных процессов.

В последние годы исследовательские возможности существенно расширяются благодаря развитию цифровой истории (Digital History) и цифровой гуманитаристики (Digital Humanities). Использование электронных баз данных, цифровых архивов,

оцифрованных документальных коллекций и информационно-поисковых систем позволяет значительно увеличить объем привлекаемых источников и повысить эффективность их анализа. Особое значение приобретают ГИС-технологии, обеспечивающие пространственную визуализацию эвакуационных маршрутов, размещения предприятий, детских учреждений, госпиталей и эвакуированного населения на территории республики. Перспективным направлением является создание специализированных баз данных по эвакуации, объединяющих статистические, картографические и биографические сведения, что открывает новые возможности для комплексного изучения миграционных процессов военного времени и их последствий для Кыргызстана.

Перспективы дальнейших исследований связаны с выявлением и введением в научный оборот новых архивных материалов, прежде всего регионального уровня, а также с расширением взаимодействия между архивными учреждениями и междисциплинарных исследований. Особую актуальность сохраняет изучение повседневной жизни эвакуированных, механизмов их социальной адаптации, межэтнического взаимодействия и влияния массовых перемещений населения на демографическое, социально-экономическое и культурное развитие республики. Использование современных цифровых технологий, методов пространственного анализа и интегрированных информационных ресурсов позволит перейти от исследования отдельных аспектов проблемы к более комплексной реконструкции эвакуации как одного из важнейших явлений истории Кыргызстана периода Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. *Абытов Б.К.* Ошская область в годы Великой Отечественной войны // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 35–38.

2. *Алайчиев У.К.* Становление системы оборонного производства в Киргизской ССР в условиях мобилизационной экономики в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Экономическая история. 2026. Т. 22. № 1. С. 25–35.

3. *Алымкулов Н.А.* Кыргызстанцы – Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы: новые факты, имена. Бишкек: Изд. центр «Илим» НАН КР, 2025.15 с.

4. *Батырбаева Ш.Д.* Демографическое развитие Кыргызстана в 20–50-е годы XX в.: источники и методы их изучения: дис. ... доктора ист. наук. Бишкек, 2005. 363 с.

5. *Батырбаева Ш.Д., Карыева А.К.* Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны: демографические процессы и вызовы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30. № 2. С. 70–84.

6. *Джунушалиева Г.Д.* Экономика Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Бишкек, 2013. 412 с.

7. *Дьяченко Л.Н.* Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): дис. ... доктора ист. наук. Бишкек, 2013. 344 с.

8 Историко-просветительский проект Архивной службы Кыргызской Республики «В борьбе с фашизмом мы были вместе». URL: http://vov.archives.gov.kg/ru/ (дата обращения: 05.06.2026).

9. Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Фрунзе: Кыргызстан, 1965. 583 с.

10. *Кудаяров К.А.* Освещение Великой Отечественной войны в трудах экспертного сообщества Кыргызстана (1991–2025) // Россия и мусульманский мир. 2025. № 4 (338). С. 92–102.

11. Кыргызстан – вехи государственности: годы, опаленные войной (посвящается 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Бишкек: Maxprint, 2025. 634 с.

12. Кыргызстан во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): сборник документов и материалов / сост. В.С. Власов и др. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. 176 с.

13. *Нурматова С.* Эвакуация (по материалам архивов 1941–1945 гг.). Бишкек: Турар, 2015. 160 с.

14. *Сумароков Л.И.* Жизнь и деятельность ленинградских детских домов, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Киргизскую ССР // Вестник КРСУ. 2024. Т. 24. № 6. С. 16–23.

15. *Утрекеева Д.А.* Историография Великой Отечественной войны в трудах кыргызских ученых периода независимости // Вопросы истории Кыргызстана. 2010. № 1. С. 213–216.

УДК 355.244(575.3)”1941/1945”

А.М. Гафуров

ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ТАДЖИКИСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируется процесс промышленной эвакуации в Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. В силу особенностей индустриального развития республики, сырьевых и кадровых возможностей сюда были направлены предприятия в основном легкой и пищевой промышленности. Показана напряженная работа по размещению и пуску эвакуированных предприятий. Отмечен их вклад в развитие экономики Таджикистана.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Таджикистан, промышленная эвакуация, размещение предприятий, легкая и пищевая отрасли промышленности.

A.M. Gafurov

RECEPTION AND PLACEMENT OF EVACUATED ENTERPRISES IN TAJIKISTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article analyzes the process of industrial evacuation to Tajikistan during the Great Patriotic War. Due to the peculiarities of the republics industrial development, as well as its resource and personnel capabilities, enterprises from the light and food industries were mainly relocated to Tajikistan. The article highlights the significant efforts made to establish and launch the evacuated enterprises. It also recognizes their contribution to the development of Tajikistans economy.

Keywords: the Great Patriotic War, Tajikistan, industrial evacuation, placement of enterprises, light and food industries.

В годы Великой Отечественной войны Таджикистан стал одним из важных тыловых регионов Советского Союза, приняв на своей территории десятки эвакуированных предприятий и организаций. Этот процесс оказал существенное влияние на экономическое и социальное развитие республики, а также на общий вклад в победу над фашизмом.

Необходимые меры по мобилизации всех сил на борьбу с врагом были приняты в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей 29 июня 1941 г. [9, л. 109–112]. В директиве было указано, что первейший долг партийных организаций и советов в тылу состоит в том, чтобы возглавить политический и трудовой подъем народа, воспитывать народ в духе самопожертвования и напряженного труда.

Все население Советского Союза единодушно откликнулось на призыв партии и правительства. После правительственного сообщения о нападении Германии на СССР по всей стране, в том числе по Таджикистану, прокатилась мощная волна митингов и собраний. Рабочие Ленинабадского шелкокомбината заявили: «...в ответ на фашистскую вылазку мы обязуемся удесятерить свою энергию, соблюдать строжайшую дисциплину труда на производстве, чтобы было больше танков, самолетов, кораблей и снарядов у Красной Армии» [5, с. 212]. Такие митинги проходили по всей республике. Руководством всех процессов занялся Государственный комитет обороны (ГКО), созданный 30 июня 1941 г. Для оперативного руководства отдельными областями работы были

созданы новые учреждения – Комитет по учету и распределению рабочей силы, Совет по эвакуации, Совинформбюро, организованы новые народные комиссариаты танковой промышленности, вооружения, боеприпасов, минометного вооружения и т. д.

Принятый мобилизационный военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии содержал развернутую программу перестройки экономики на военный лад. Руководством Таджикистана также был разработан военно-хозяйственный план на 1942 г., согласно которому: «Была пересмотрена вся номенклатура изделий, выпускаемых промышленностью республики: снижен выпуск продукции, производимой из завозного дефицитного сырья, уменьшена программа производства некоторых видов строительных материалов и т. д. Вместе с тем планировался большой прирост продукции, предназначенной для фронта. Так, выпуск различных кожтоваров увеличивался на 15–30 %, производства фруктовых консервов – на 29 %. В связи с пуском первых цехов Душанбинского текстильного комбината выпуск хлопчатобумажных тканей предусматривалось увеличить в 10,5 раза. Планировались также организация или расширение производства целого ряда изделий, которые ранее вовсе не производились или производились в незначительном количестве» [5, с. 213].

Главной составной частью перестройки промышленности на военный лад явились мероприятия по осуществлению перебазирования производительных сил из прифронтовых районов на восток. В постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» (от 27 июня 1941 г.) и «О порядке эвакуации населения в военное время» (от 5 июля 1941 г.) были определены конкретные задачи партийных и советских органов по эвакуации. При подготовке планов перебазирования производственных мощностей на восток, Совет по эвакуации рассматривал и учитывал потенциальные возможности каждого экономического района, его специализацию, перспективы и интенсивность дальнейшего развития, близость к сырьевым источникам, запасы трудовых, энергетических и материальных ресурсов на местах, наличие жилого фонда и т. д. По распоряжению СНК СССР от 24 августа 1941 г. часть промышленных предприятий, подлежащих эвакуации, была направлена в Таджикскую ССР. При этом были учтены возможности республики, не имевшей тогда больших производственных площадей, освоенной металлургической и энергетической базы для приема оборудования оборонной промышленности, и поэтому сюда перебазировалось оборудование предприятий текстильной, легкой и пищевой отраслей, так как именно здесь для них предоставлялась возможность изыскать ресурсы, необходимое сырье и трудовые резервы.

Перевод промышленности на военный лад был связан с монтажом и пуском эвакуированных предприятий. Госплан республики совместно с наркоматами Таджикской ССР при рассмотрении плана народного хозяйства на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. определили место расположения эвакуированных предприятий и количество выпускаемой продукции.

Исследователь Р. Абдуллоев отмечает, что в Таджикистан «предприятия были эвакуированы в два этапа: 1) лето и осень 1941 г. и 2) лето и осень 1942 года» [1, с. 23].

Совет по эвакуации при СНК СССР запланировал направить в Таджикистан для размещения в Наркомат пищевой промышленности оборудование 13 предприятий: Одесского маслозавода № 3, Вяземских маслозаводов № 1 и № 2, Карачевского косточкодробильного завода, Тираспольского консервного завода им. 1 мая, Феодосийского консервного завода «Красный Перекоп», Новочеркасского пивзавода, Валуйского и

Полтавского маслозаводов, Одесского пивзавода, Московского мыловаренного завода и др.[5, с. 216].

Прибытие эвакуированных предприятий потребовало от Таджикистана огромных усилий по размещению оборудования, обеспечению жильем рабочих и специалистов, а также по организации производства в новых условиях. Местные ресурсы были мобилизованы для строительства новых цехов, переоборудования существующих зданий и обеспечения предприятий необходимым сырьем и энергией.

Эвакуированные предприятия в Таджикистане сыграли важную роль в обеспечении фронта военной продукцией. Они производили боеприпасы, оружие, обмундирование, медикаменты и другую необходимую для армии продукцию. Многие заводы и фабрики в кратчайшие сроки перешли на выпуск военной продукции, осваивая новые технологии и методы работы.

Деятельность эвакуированных предприятий и организаций в Таджикистане в годы Великой Отечественной войны стала важным фактором укрепления обороноспособности страны и обеспечения победы над врагом. Этот период оставил глубокий след в истории республики и стал символом единства и сплоченности советского народа в борьбе за свободу и независимость.

В распоряжение Наркомата текстильной промышленности Таджикской ССР направлялось оборудование: Люберецкой прядильной и Павло-Покровской прядильно-ткацкой фабрик, Московского шелкоткацкого комбината им. Щербакова, Балашихинской хлопкопрядильной фабрики, оборудование трех швейных фабрик из Ростовской области [3, л. 109].

На предприятиях легкой промышленности республики планировалось разместить оборудование четырех трикотажных фабрик из Ростовской области. Во время вторичной эвакуации из Кузнецка в Таджикистан постановлением СНК СССР от 25 июля 1942 г. была эвакуирована часть оборудования Московской обувной фабрики «Буревестник», с тем чтобы разместить его на площадке Сталинабадской обувной фабрики [12, л. 83].

Этим же постановлением СНК Таджикской ССР были определены следующие задачи: «Обязать Наркомтекстильпром принять все меры к изготовлению на месте недостающих несложных деталей к прибывшему оборудованию и обеспечить выпуск в течение 2-го квартала с. г. на вновь установленных станках на Ленинабадском шелкокомбинате 100 тыс. метров ткани; просить Наркомтекстильпром СССР выделить недостающее оборудование, строительные материалы для монтажа и ввода в действие всех прибывших ткацких станков Щербаковской шелкоткацкой фабрики, а также 2 трансформатора и электрооборудование; обязать Наркомлегпром на базе полученного оборудования с Балашихинской прядильной фабрики и переданного оборудования и производственных помещений Канибадамской прядильной фабрики, Наркомместпрома, организовать прядильную фабрику в количестве 3500 веретен со сроком пуска во втором квартале; обязать облисполкомы и обкомы партии Сталинабадской, Кулябской, Ленинабадской областей принять все необходимые меры по оказанию помощи и размещении эвакуированного оборудования и строительства заводов, обеспечивая стройки рабочей силой и местным транспортом; обязать Наркомторг и Потребсоюз обеспечить нормальную работу столовых и торговлю промтоварами на строительстве маслозавода и мыловаренного завода» [12, л. 83].

Из-под Москвы в Ленинабадскую область был эвакуирован один из заводов Главредмета (редкие металлы). И вскоре именно в Ленинабадской области началась промышленная добыча и очистка урана, из которого было создано советское ядерное

оружие. «Свою первую продукцию предприятие отправило на фронт уже в феврале 1942 года к 24-й годовщине Красной Армии» [6, с. 8]. 15 мая 1945 г. первый урановый комбинат № 6 для отработки месторождений заработал в Табошаре и Адрасмане.

Среди предприятий, эвакуированных в Таджикистан, был и секретный завод № 662, который был эвакуирован в Канибадам из г. Харькова, а после был передислоцирован в г. Барнаул. Скорее всего, завод производил радиостанции А-7 для танков и артиллерийских самоходов. По другой версии, это был не завод боеприпасов, а настоящий радиозавод, который вел свою историю от харьковского завода № 193 НКЭП (Наркомат электропромышленности), специализировавшегося на аппаратуре для радиоразведки. Харьковский радиозавод был эвакуирован в г. Касли Челябинской области, но какая-то его часть оказалась в таджикском Канибадаме. Видимо, сказалась неразбериха первых месяцев эвакуации.

Согласно другим данным, Канибадамский механический завод, строительство которого заканчивалось, был передан в декадный срок в ведение Главрадиопрома НКЭП, на его площадке размещено эвакуированное предприятие, на базе которого организован Канибадамский радиозавод, или завод № 622. На заводе планировалось организовать производство радиоаппаратуры с доведением годовой мощности в III квартале 1942 г. до 10 тыс. танковых радиостанций, переговорных устройств и гарнитур. В августе 1942 г. завод был специализирован на выпуске передатчиков «Тапир» (9Р) упрощенный, танкового переговорного устройства ТПУ-Ф, гарнитур с ларингофоном. Но в связи с кадровыми и организационными проблемами предприятие было переведено в Барнаул [7].

В Канибадам был эвакуирован Феодосийский консервный комбинат, который за годы войны «произвел 19 315 000 банок и 21 700 тонн сухофруктов. Эта продукция в основном отправлялась на фронт» [10, с. 4]. В суровые годы войны была сдана в эксплуатацию также прядильная фабрика. Промышленные артели Канибадама выпускали обмундирование, армейскую обувь и валенки для воинов Красной Армии.

В Канибадаме помещения авторемонтного завода были переданы в ведение Наркомата электротехнической промышленности СССР для размещения эвакуированного завода. При швейной артели им. Дзержинского открыли одеяльный цех, а при консервном комбинате открылись мясной и мясомолочный цеха [10, с. 4].

Кроме того, в Таджикистан были эвакуированы различные мастерские, артели и небольшие предприятия, специализировавшиеся на производстве товаров народного потребления и продукции для нужд армии.

Следует оговориться, что не все запланированные к эвакуации объекты прибыли на место назначения. Часть оборудования не успели вывести, а часть переадресовали во время перевозки.

Задача размещения и пуска в ход перебазированного оборудования была чрезвычайно сложной. Руководство республики, районные и городские органы власти работали предельно напряженно: необходимо было обеспечить эвакуированные заводы и фабрики производственными площадями. Так как условия военного времени требовали немедленного пуска их в эксплуатацию, подыскивались производственные площади на работавших промышленных объектах.

В ноябре 1941 г. Пленум ЦК КП(б) Таджикистана в резолюции по этому вопросу подчеркнул: в целях быстрейшего монтажа и промышленного освоения перемещаемых в Таджикистан предприятий областные, районные партийные и советские организации должны помочь промышленным наркоматам: целесообразно разместить прибывающее оборудование фабрик и заводов, составить график монтажа оборудования, достройки

и пристройки требуемых производственных помещений, подготовить необходимые квалифицированные кадры и т. д.

В сентябре 1941 г. в Таджикистан стали прибывать первые эшелоны с оборудованием. На разгрузке и доставке оборудования к месту назначения в связи с недостатком автомашин, подъемных кранов, транспортеров активно работало городское и сельское население.

Необходимо отметить, что до начала Великой Отечественной войны в Таджикистане индустриализация республики продолжалась высокими темпами, строились заводы и фабрики. Война нарушила эти планы. Некоторые промышленные стройки были законсервированы, а другие строились ускоренными темпами, чтобы принять эвакуированное оборудование. Тем не менее это оборудование вливалось в действующие предприятия и лишь частично поступала на вновь строившиеся объекты. Центральный комитет партии требовал от партийных и советских организаций создать такую обстановку, чтобы старые предприятия всемерно помогали новым, чтобы коллективы старых предприятий дружно содействовали вновь прибывшим коллективам [8].

13 октября 1941 г. Ленинабадский обком и облисполком на совместном заседании приняли решение «О размещении прибывших консервных заводов и о расширении консервной промышленности Ленинабадской области». В нем говорилось: «...прибывшее оборудование консервных заводов имени 1 мая и "Красный Перекоп" разместить на действующие консервные заводы Ленинабадской области в городах Ленинабаде, Канибадаме, Исфаре, Костакозе. В цехах Канибадамского консервного завода было размещено оборудование Феодосийского консервного завода "Красный Перекоп"» [15, л. 46].

Расширение возможности консервных предприятий вызывали и некоторые проблемы, которые сложно было решать на месте. Ленинабадский облисполком в письме в адрес Ашхабадского механизированного стекольного завода от 27 января 1942 г. сообщает, что «в связи с размещением на заводах Ленинабадской области оборудования эвакуированных консервных заводов и для обеспечения последних сырьем, нами по особому правительственному заданию увеличены посевные площади овощных культур. Для выращивания рассады и организации парникового хозяйства совершенно отсутствует стекло. Просим вас сделать распоряжение о внеочередной отгрузке четырех вагонов стекла с назначением на ст. Мельниково – 2 и на ст. Ленинабад – 2» [4, л. 297].

На строившийся Душанбинский мыловаренный завод прибыло оборудование Московского и часть оборудования Харьковского мыловаренных заводов. Части технологического и электротехнического оборудования Полтавского маслозавода № 10 поступили на строившийся Регарский маслозавод. На Ленинабадские шелкокомбинат и шелкоткацкую фабрику «Красный ткач» было завезено эвакуированное оборудование Московского шелкоткацкого комбината им. Щербакова – ватера (прядильные машины), ткацкие станки, шпульные, красильно-отделочные и другие виды техники. Постановлением СНК Таджикской ССР от 5 февраля 1942 г. стоимость капитальных работ по размещению эвакуированного оборудования была определена в 2800 тыс. руб. (с учетом организации нового красильно-отделочного цеха). Около 90 вагонов некомплектного оборудования Люберецкой фабрики поступило на строившийся в Душанбе текстильный комбинат. На этот же комбинат было отгружено 47 вагонов оборудования (11 000 веретен, 300 ткацких станков) Павло-Покровской фабрики.

Монтаж эвакуированного оборудования оказался очень сложным и трудоемким. Не хватало строительных материалов, необходимых механизмов, квалифицированной рабочей силы, оборудование часто оказывалось некомплектным, без необходимых

описей и т. п. Партийные организации, выполняя решения ноябрьского (1941) и майского (1942) пленумов ЦК КП(б) Таджикистана, опираясь на трудовой подъем рабочего класса, принимали все меры, чтобы в намеченные сроки установить и сдать в эксплуатацию оборудование. Многие коллективы успешно справились с этими задачами. Так, «коллектив эвакуированного в Ленинабадскую область завода Главредмета выполнил строительно-монтажные работы за январь 1942 г. на 300 %. На заводе резко повысилась производительность труда, и к 23 февраля 1942 г. завод выдал первую продукцию».

За счет ввода в действие эвакуированного оборудования возросла производственная база пищевой промышленности республики: «В 1942 г. пустили в ход прибывшее оборудование Кировабадский, Шаартузский, Пархарский и Регарский маслозаводы. Годовая производительность хлопкового масла этих заводов увеличилась до 7800 тонн» [13, л. 33].

На душанбинском мясокомбинате был смонтирован и сдан в эксплуатацию цех мясных консервов мощностью 2,5 млн условных банок в год. Здесь же был освоен сбор эндокринного сырья, началась организация цеха эндокринных препаратов.

Консервные предприятия республики были дополнены новыми линиями и цехами по выпуску фруктовых и овощных консервов. Так, Канибадамский консервный завод до 1941 г. производил в основном обработку сухофруктов. В связи с установкой эвакуированного оборудования завод реконструировали и в мае 1942 г. приняли в эксплуатацию как консервный комбинат. «Кроме обработки сухофруктов, он мог выпускать в год 7 400 000 условных банок мясных, мясно-растительных, овощных консервов и фруктовых компотов» [14, л. 23].

В 1942 г. на базе Ура-Тюбинского кишмишного цеха Ленинабадского консервного комбината был организован самостоятельный кишмишно-консервный завод. Исфаринский консервный завод за первый военный год освоил 9 видов новой продукции. В эксплуатацию были сданы томатный, сушильный из засолочных цехов, вырабатывавшие сухие компоты, томат, соленые овощи. Было налажено производство фруктового чая, спирта, повидла.

В середине 1943 г. «на Ленинабадском консервном комбинате им. Микояна был сдан в эксплуатацию стеклотарный цех, оборудованный механизмами эвакуированного Симферопольского завода. С пуском этого цеха появилась возможность изготовлять стеклянную тару – банки и баллоны различной емкости» [11].

За счет ввода в строй эвакуированного оборудования производственная мощность консервной промышленности республики увеличилась на 3,2 млн условных банок. Энергетическая база этой отрасли по промышленности возросла на 545 л. с., а поверхность нагрева котлов – на 570 кв. м.

Значительного увеличения выпуска продукции добились некоторые предприятия консервной промышленности за счет совершенствования технологии, в частности, введения поточного метода производства. Например, на Ленинабадском консервном комбинате им. Микояна в 1943 г. поточно-конвейерным способом работали компотный, повидловый, жестяно-баночный и другие цеха. Эта система повышала производительность труда на 20–25 %. Эвакуированное оборудование ускорило пуск и эксплуатацию новых предприятий, укрепило материально-производственную базу легкой промышленности республики, тем более что после войны оно не вывозилось обратно.

СНК СССР определил срок пуска Душанбинского текстильного комбината мощностью 34 400 прядильных веретен и 844 ткацких станка к 1 октября 1942 г. Здесь

предлагалось использовать прядильное оборудование Люберецкой фабрики – 15 000 веретен, ткацкое оборудование фабрики «Красный текстильщик» – 144 станка, фабрики «Х Октябрь» – 214 станков и 486 станков, завезенных еще до войны. Благодаря использованию эвакуированного оборудования прядильная и ткацкая фабрики комбината вступили в строй в марте 1942 г.

Из поступившего на Ленинабадский шелкокомбинат эвакуированного оборудования Щербаковского шелкоткацкого комбината было установлено 240 станков со средней годовой производственной мощностью в 2700 тыс. м шелковых и полушелковых тканей. При размещении и пуске эвакуированного оборудования возникали трудности. Это видно из обращения руководства Ленинабадской области к Ташкентскому управлению железной дороги о предоставлении вагонов для доставки в Ленинабад из Москвы эвакуированного оборудования. В обращении отмечается, что «в Ленинабад из Москвы в распоряжение Ленинабадского шелкокомбината ткацкие станки, пуск которых задерживается отсутствием электромоторов. На основании распоряжения Наркома текстильной промышленности СССР указанные моторы отпущены текстильным комбинатом им. Сталина в Ташкенте, но задерживается с пересылкой на места из-за отсутствия вагонов. Учитывая необходимость срочного пуска эвакуированного оборудования исполком Ленинабадского облсовета депутатов трудящихся просит вас оказать содействие в представлении вагонов, для скорейшей отправки моторов и других материалов для Ленинабадского шелкокомбината» [4, л. 123].

К концу войны на Ленинабадском шелкокомбинате была построена новая красильно-отделочная фабрика с суточной производительностью в 17 тыс. м ткани. На базе Канибадамского хлопкоочистительного завода стала работать новая прядильная фабрика, пущенная в эксплуатацию в ноябре 1943 г. с годовым выпуском продукции на 250 тыс. руб. В 1942 г. Исписарский джингауз (хлопкоочистительная установка), находившийся в ведении Ленинабадского хлопкоочистительного завода, был выделен в самостоятельный хлопкоочистительный завод («Чкаловский»). В 1943 г. была закончена реконструкция производственных помещений и монтаж эвакуированного оборудования на обувной фабрике № 1 в Душанбе, что увеличило ее производственную мощность на 500 пар обуви в смену [2, л. 18].

Вопреки многим утверждениям, Московская фабрика «Трехгорная мануфактура» не была эвакуирована в Таджикистан, а 20 ее представительниц были приглашены для обучения местных мастериц в Сталинабадский шелкокомбинат.

В связи с потерей угольных районов Донбасса ограниченными возможностями получения нефти с Кавказа Коммунистическая партия и Советское правительство принимали срочные меры по усилению добычи угля и нефти в восточных районах. Шахтеры и нефтяники Таджикистана упорно искали резервы для увеличения производства твердого и жидкого топлива. «На нефтепромыслах “КИМ” стали вводить в строй истощенные, ранее бездействовавшие скважины, осваивали новые. На таджикской кочегарке Шурабуголь в 1942 г. была построена ТЭЦ, которая усилила энергоснабжение всех шахт, железнодорожная ветка к шахте № 1–5. Несколько позже здесь была введена в строй шахта № 10. В 1943 г. было закончено строительство Исфаринской угольной шахты № 3. Уже в этом году шахтеры исфаринских угольных копей добыли угля на 70 % больше, чем за весь 1942 г., себестоимость угля была снижена на 27,8 %» [2, л. 22, 24].

Таким образом, в Таджикистан было эвакуировано оборудование более 30 промышленных предприятий. Естественно, в те напряженные, тяжелые месяцы начального периода войны не все запланированное оборудование было доставлено в республику: некоторые не успели полностью вывезти в связи с оккупацией тех мест немецко-

фашистскими войсками, а для других, уже в пути следования, были переадресованы пункты назначения. К тому же не всегда оборудование отправлялось в компактном виде, чаще всего без описей, «навалом», иногда и без адреса. Грузы застревали в пути. Все это усложняло работу по восстановлению оборудования на местах.

Тем не менее официальные органы Таджикской ССР своевременно выполнили свои задачи по приему и размещению эвакуированных предприятий и организаций и за короткое время эти предприятия начали работу по выпуску продукций для фронта.

Литература и источники

1. *Абдуллоев Р.* Менаткашони Тоикистон дар солои анги Бузурги ватан (Трудящиеся Таджикистана в годы Великой Отечественной войны). Душанбе: Ирфон, 1994. 96 с.

2. Государственный архив новейшей истории Таджикистана (ГАНИТ). Ф. 3. Оп. 6. Д. 861.

3. ГАНИТ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 31, 109.

4. Государственный архив Согдийской области. Ф. 20. Оп. 16. Д. 429.

5. История рабочего класса Таджикистана (1917–1945). Т. 1. Душанбе: Дониш, 1972. 294 с.

6. *Масов Р.* Ратный и трудовой подвиг таджиков и таджикистанцев в годы Великой Отечественой войны // Историк. 2015. С. 4–9.

7. *Матюхина О.* Барнаульский завод № 662: история славных дел и легендарные рации // Вечерний Барнаул. 2025. 28 декабря.

8. Правда. 1941. 3 декабря.

9. Российский государственный архив Новейшей истории. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415.

10. Солномаи Конибодом (летопись Канибадама). 1918–1993. Конибодом, 1994.

11. Стахановец (Орган Ленинабадского обкома и горкома КП(б) Таджикистана, областного и городского советов депутатов трудящихся). 1942. № 244. 20 февраля.

12. Филиал государственного архива Республики Таджикистан в городе Кулябе. Ф. 7. Оп. 1. Д. 34.

13. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. Р-15 с. Оп. 4а. Д. 127.

14. ЦГА РТ. Ф. Р-15 с. Оп. 4а. Д. 147.

15. ЦГА РТ. Ф. Р-274. Оп. 13. Д. 1770.

УДК 942(2)033.33/54-054.73

Ж.А. Ермекбай

ЭВАКУАЦИЯ В КАЗАХСКУЮ ССР В 1941–1942 ГОДАХ

Аннотация. В статье рассматривается эвакуация в Казахскую ССР в годы Великой Отечественной войны. Реконструируется исторический процесс эвакуации промышленных предприятий, образовательных, научных, культурных учреждений и гражданского населения из прифронтовых территорий европейской части Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, СССР, Казахская ССР, Алма-Ата, Москва, Ленинград, Харьков.

Zh.A. Yermekbay

EVACUATION TO THE KAZAKH SSR, 1941–1942

Abstract. This article analyzes the evacuation to the Kazakh SSR during the Great Patriotic War. The author reconstructs the historical trajectory of the relocation of industrial enterprises, along with educational, scientific, and cultural institutions. Furthermore, the study examines the resettlement of the civilian population from the frontline regions of the European Soviet Union.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, USSR, Kazakh SSR, Alma-Ata, Moscow, Leningrad, Kharkiv.

Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало беспрецедентную в мировой практике эвакуацию промышленных предприятий, продовольственных запасов, скота, машино-тракторных станций, культурных, образовательных, научных учреждений, гражданского населения от Балтийского до Черного морей на восток страны. Для перебазирования промышленных предприятий в тыл был создан Совет по эвакуации под руководством члена Политбюро ВКП(б), секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника. В Поволжье, Урал, Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию в 1941–1942 гг. примерно было эвакуировано 1523 крупных промышленных предприятий, в том числе 667 предприятий на Урал, 322 – в Западную и Восточную Сибирь, 308 – в Казахстан и Среднюю Азию, 226 – в Поволжье. Эти данные озвучены во многих работах, посвященных эвакуации промышленных объектов, и в целом, несмотря на небольшую разницу в цифрах, оно соответствует истине.

Для приема и размещения эвакуированных предприятий в Казахстане 20 июля 1941 г. был создан Эвакуационный совет при правительстве республики. С возрастанием потока эвакуированных заводов и фабрик в республику 31 июля 1941 г. постановлением Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана был организована Эвакуационная комиссия (Эвакокомиссия). В феврале 1942 г. размещением эвакуированных номерных предприятий, выполнявших военные заказы, стал заниматься Отдел оборонной промышленности ЦК КП(б) Казахстана. В Казахскую ССР было эвакуировано значительное число промышленных предприятий разного профиля, в том числе металлургические, горнодобывающие, механические, машиностроительные, металлообрабатывающие заводы и отдельные цеха, оборудование авиационной, танковой, горно-шахтной, химической, энергетической, цементной отраслей, оптической, медицинской, рентгеновской аппаратуры, а также артели, заводы и фабрики полиграфической, рыбоконсервной, сахарной, ликеро-водочной, кондитерской, хлебобулочной, мясо-молочной, плодоконсервной, табачной, трикотаж-

ной, текстильной, швейной, кожевенной, валяльной, меховой, обувной отраслей, относящихся к легкой, пищевой и обрабатывающей промышленности.

Центральный комитет Коммунистической партии Казахстана (большевиков) и Совет Народных Комиссаров Казахской ССР с прибытием каждого предприятия принимали специальное решение о его размещении, определяли конкретные сроки монтажа оборудования и меры по обеспечению энергетической и сырьевой базы. Для своевременного приема и размещения эвакуированных предприятий была создана правительственная комиссия, а при СНК КазССР и облисполкомах Советов депутатов трудящихся – эвакоотделы, занимавшиеся организацией скорейшего ввода в действие прибывших станков и оборудования.

Прием и обустройство эвакуированных предприятий происходило круглосуточно в течение осени и зимы 1941–1942 гг. Высшее партийное и советское руководство отправляло специальные комиссии и уполномоченных на места локации перемещенных заводов, фабрик и цехов, которые занимались подготовкой производственных помещений для станков и оборудования, жилищ для рабочих, мастеров, инженеров и служащих. Они также контролировали процесс монтажа оборудования, уделяли внимание поставке сырья, подготовке кадров рабочих из местного населения. Размещение эвакуированных предприятий происходило по всей территории Казахской ССР от Уральска до Усть-Каменогорска и от Петропавловска до Алма-Аты (Алматы. – *Ж.Е.*). Эти предприятия были перемещены из Киева, Мелитополя, Харькова, Полтавы, Сумы, Херсона Украинской ССР, Белоруссии, Ленинграда, Москвы, Симферополя, Крыма, Северного Кавказа и других городов и областей РСФСР. Эвакуированные предприятия прибывали в Казахскую ССР двумя потоками: в октябре-ноябре 1941 г. и в июле-августе 1942 г. [1, с. 50].

Численность эвакуированных предприятий в Казахскую ССР в различных работах варьируется от 142 до 220 и более. Это связано с тем, что в справках, отчетах, хранящихся в республиканских и областных архивах, указаны разные данные по заводам, фабрикам, отдельным мастерским, цехам и артелям за 1941 и 1942 гг. При этом надо учитывать, что не все предприятия нашли прописку в силу различных причин и были реэвакуированы в другие регионы СССР, а некоторые по мере освобождения территорий возвращались в родные места. К сожалению, о некоторых номерных заводах, выполнявших заказы Наркомата вооружений, из-за секретности нет никаких сведений.

Процесс эвакуации предприятий в Казахскую ССР происходил по Транссибирской, Оренбургско-Ташкентской и Туркестано-Сибирской (Турксиб. – *Ж.Е.*) железным дорогам. При этом две железнодорожные магистрали были построены в Российской империи еще в начале XX в., а Турксиб – в годы первой советской пятилетки. Практически все областные центры были связаны железнодорожной сетью, что давало возможность размещения эвакуированных предприятий. Так, станция Петропавловск, находящаяся на транссибирской магистрали, в силу своего географического и логистического расположения и как областной центр Северо-Казахстанской области в годы войны приняла ряд эвакуированных предприятий, в основном это были номерные заводы. Из Москвы в Петропавловск был отправлен Артиллерийский арсенал № 4 с 330 специалистами Наркомата обороны СССР, который осуществлял ремонт артиллерии и стрелкового вооружения, производил единственные в Советском Союзе компасы и буссоли, материальную часть артиллерии. Арсенал также выпускал и ремонтировал 76-миллиметровые зенитные пушки образца 1931 г., пулеметы «Максим», винтовки, пулеметы Дегтярева, наганы. По информации Отдела оборонной промышленности ЦК КП(б) Казахстана в Петропавловске работали пять заводов, выпускавшие оборонную продукцию для фронта: звукоуловители, войсковые радиостанции, мины, глубинные, зажигательные бомбы и многое другое [18].

В Кзыл-Ордынскую (Кызылординская. – *Ж.Е.*) область эвакуировали завод «Ревмашпуть» и электротехнический завод им. Дзержинского, завод «Эмаль-штамп» из Москвы, завод № 7 Центрального Совета Осоавиахима СССР, артель «Челюскинец» (швейные изделия), обувную фабрику из Свердловска Наркомата легкой промышленности, на станцию Аральское море прибыл Логовский консервный завод треста «Ленрыба» [26, л. 26–27].

Осенью 1941 г. в г. Кокшетау Северо-Казахстанской области эвакуировали Подольский завод швейных машин № 460, который был объединен с местным литейно-механическим заводом и включен в состав Наркомата вооружений СССР под номером 621 (до мая 1943 г.) [10, л. 2]. Завод выпускал оборонную продукцию: осколочные и фугасные мины, головки и стабилизаторы для мин, гранаты, а также и швейные машины для нужд армии, отдельные детали для тракторов и сельхозмашин.

В декабре 1941 г. в Карагандинскую область поступило оборудование Киевской ТЭЦ, которое было использовано на строительстве Карагандинской ГРЭС в пос. Самарканд и Новоподольского цементного завода, размещенное на Астаховском цементном заводе. В том же году в декабре месяце эвакуированный цех № 4 завода № 517 (Кольчугинский завод цветного проката им. Орджоникидзе из Владимирской области РСФСР) был размещен в цехах Балхашского медеплавильного завода. Монтаж оборудования завода был сделан всего за 12 дней, в то время как в 1928 г. один трехвалковый прокатный стан монтировали под руководством немецких специалистов 8 месяцев. Трудовой вклад дал свои результаты, уже в феврале 1942 г. заработали плавильные и термические печи, химический цех, который обеспечивал обогатительную фабрику сернистым натрием, а позднее жидким стеклом, а отражательные печи, работавшие на мазуте, были переведены на более дешевую и доступную угольную пыль [21, с. 208].

7 января 1942 г. в г. Караганду прибыл Ворошиловградский завод им. А. Пархоменко из Украины с 55 металлорежущими станками, 8 единицами прессового оборудования, заточными станками, двумя термическими электропечами, химической и механической лабораториями и проч. Вместе с оборудованием завода прибыли 95 рабочих и инженерно-технических кадров с семьями. С зимы 1942 г. завод им.А. Пархоменко стал выпускать горно-шахтное оборудование: шахтные вагонетки, лебедки, насосы, обогатительное оборудование, а с лета – оборонную продукцию для фронта [9, с. 185]. Отметим, что военную продукцию в Карагандинской области производили два завода: завод № 517 и завод им. А. Пархоменко.

Акмолинская область также приняла передислоцированные предприятия. В октябре 1941 г. в г. Акмолинск (Астана. – *Ж.Е.*) эвакуировали Мелитопольский станкостроительный завод имени ОГПУ из Украины, впоследствии предприятие было определено как Государственный союзный завод № 317, выпускавший осколочные 45-миллиметровые снаряды для противотанковой артиллерии. По прибытии оборудования Мелитопольского завода местные партийные и советские органы приняли экстренные меры и в короткие сроки, в ноябре 1941 г., станки завода были размещены на выделенных помещениях и стали выпускать оборонную продукцию [10, л. 130–131].

В декабре 1941 г. в Кустанайскую (Костанайская. – *Ж.Е.*) область прибыли Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец» и Люберецкий завод сельскохозяйственных машин им. Ухтомского. Из-за нехватки производственных помещений в г. Кустанае (Костанай. – *Ж.Е.*) эти предприятия были размещены на территории Кустанайского зерносовхоза и техникума, расположенного в 10 км от станции Тогузак Южно-Уральской железной дороги. В составе этих эвакуированных предприятий были 3 тыс. чел. кадрового персонала с семьями. Люберецкий завод выпускал автоматический огнемет АТО-42, единственный огнемет, принятый на вооружение в Красной Армии и устанавливавшийся на танках Т-34 и КВ-8 [24].

В Восточно-Казахстанскую область, начиная с осени 1941 г., стали прибывать эшелоны с оборудованием эвакуированных предприятий. В г. Усть-Каменогорске был размещен Симферопольский моторемонтный завод, в г. Лениногорске (Риддер. – *Ж.Е.*) Люберецкий электротехнический завод НКПС (Народный комиссариат путей сообщений). Симферопольскому заводу были предоставлены помещения механического и столярного цеха, гараж, три складских здания строительного управления треста «Алтайстрой» [5, с. 17–18].

Столица Казахской ССР Алма-Ата в течение 1941–1942 гг. приняла 40 заводов, фабрик и цехов, прибывших из разных прифронтовых территорий страны. В марте 1943 г. в Алма-Ате осталось 22 предприятия [25, л. 39]. Хроника тех лет показывает, что с 15 декабря 1941 г. по 25 января 1942 г. в Алма-Ату стали прибывать эшелоны Ворошиловградского (Луганского. – *Ж.Е.*) паровозостроительного завода им. Октябрьской революции Наркомата тяжелого машиностроения, на базе которого был основан Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения (АЗТМ). Оборудование завода в течение 1-го квартала 1942 г. было смонтировано на площадках незавершенной стройки авторемонтного хозяйства и уже марте 1942 г. предприятие приступило к выпуску мин, бомб, снарядов [13, с. 68–69]. В Алма-Ате разместили также ряд заводов и фабрик, отдельные цеха, часть различных оборудований, в числе которых можно отметить Ворошиловградский литейно-механический завод «20 лет Октября» (объединен с местным чугуно-литейным заводом), литейно-механический завод из г. Орджоникидзе (объединен с горпромкомбинатом), Евпаторийский моторемонтный завод (объединен с кислородным заводом).

Эвакуированный завод им. С.М. Кирова был заново создан в Алма-Ате на базе предприятия № 182 и вошел в систему 2-го Главного управления Наркомата судостроения СССР как завод № 175. Выпускал оборонную продукцию для подводных лодок, торпеды Т53-38 и Т53-39 [18, с. 33–34]. Заводы, оказавшиеся в глубоком тылу, вдали от морей и океанов, начали выпускать торпеды для морского флота и со временем стали флагманом торпедостроения СССР. Таким образом, Алма-Ата волею судьбы стала одним из мощных индустриальных очагов Казахстана. В целом по Алма-Ате за годы войны для размещения перебазированных предприятий было высвобождено более 45 тыс. кв. м производственных площадей, предоставлено жилье 10 тыс. прибывшим рабочим и инженерно-техническим работникам с членами их семей [13, с. 71].

Южно-Казахстанская (Туркестанская. – *Ж.Е.*) область приняла по эвакуации 26 предприятий, в числе которых были фабрики из г. Харькова: чулочная и «Красный зеркальщик», станкостроительный завод № 234, химфармзавод им. Свердлова, завод «Росткаучук», прядильная фабрика «Красная поляна», алкалоидный завод. Прибывший из подмосковного г. Подольска металлопрокатный цех разместили на территории Чимкентского (Шымкентского. – *Ж.Е.*) свинцового завода [14, с. 87].

В Западно-Казахстанскую область были перебазированы завод им. Ворошилова № 231 из Ленинграда, механический завод из г. Умань Воронежской области, кожзавод им. Землячки из Москвы, валяльно-войлочная фабрика из Киева, ликеро-водочный завод из г. Ряжск Рязанской области. Авторемонтный завод из г. Орехово Запорожской области был размещен на Уральском ремонтно-тракторном заводе, оборудование артели «Объединение» разместили в пошивочной артели им. Клары Цеткин [22, с. 166].

Город Семипалатинск (Семей. – *Ж.Е.*) как областной центр Семипалатинской области стал пунктом размещения ряда эвакуированных предприятий легкой и пищевой промышленности. В городе разместили два предприятия из Ростова, Вяземский, Таганрогский и Осташевский кожевенные заводы, две киевские обувные фабрики, Полтавскую прядильную, Московскую текстильно-галантерейную, две московские чулочные, Московскую трикотажную, Бердичевскую швейную, Харьковскую швейную фабрику «Большевичка Украины», швейную фабрику им. Володарского, московскую шерстепрядильную и красильную фабрики и Московский экспериментальный завод,

Одесский мясокомбинат [7, л. 7]. Отметим, что среди них было немало предприятий всесоюзного значения.

При размещении эвакуированных предприятий принималось во внимание расположение и специализация сырьевых и промышленных районов республики. По мнению российского исследователя В. Павленко, Казахстан в этом плане располагал менее благоприятными условиями для перебазированных предприятий. В республике еще не было развитой черной металлургии и топливно-энергетической базы. И поэтому сюда были эвакуированы лишь 20 предприятий станкостроения, сельскохозяйственного машиностроения, которым для работы требовались в основном трудовые ресурсы. Но и это, в конечном счете, позволило Казахстану в годы войны стать мощной базой машиностроения в СССР [21, с. 207].

Можно отметить некоторые особенности, связанные с эвакуацией предприятий, которые во многом определили дальнейшее послевоенное развитие промышленности республики. Во-первых, размещение перебазированных предприятий происходило не хаотично, а в зависимости от производственных мощностей Казахстана, наличия трудовых резервов, сырья для производства, угля, нефти, строительных и подручных материалов, транспорта, необходимых для функционирования эвакуированных предприятий. Во-вторых, оборудование прибывавших заводов, фабрик, отдельных цехов объединялось с родственными профильными предприятиями республики, которые переключались на выпуск оборонной продукции. Так, Актюбинский ферросплавный завод получил оборудование Запорожского ферросплавного, Балхашский медный – Кольчугинского завода цветного проката, новостройки пищевой промышленности юга республики получили оборудование 14 сахарных заводов Украины. В-третьих, станки, комплекты и детали разного оборудования передавались строящимся предприятиям республики, а прибывшие с недоукомплектованным оборудованием достраивались на месте и вводились в строй. Отметим, что горнодобывающая промышленность Казахской ССР в годы войны позволила обеспечить металлургические заводы СССР необходимыми компонентами цветных металлов для выпуска высококачественной стали для артиллерийских орудий, средних и тяжелых танков, алюминия для выпуска самолетов, из казахстанского свинца отливалась каждая девятая пуля в СССР.

Перебазирование промышленных объектов в Казахскую ССР не было хаотичным и бесплановым мероприятием, в большинстве случаев заводы и фабрики направлялись в те промышленные узлы республики, где имелись к тому времени предприятия данной отрасли или объекты, связанные с этим производством или же однотипные с данной отраслью. Использовались недостроенные предприятия, свободные площади на действующих предприятиях и мастерских. Например, в Алма-Ату были эвакуированы металлообрабатывающие, текстильные, обувные, шорно-седельные предприятия и плодоконсервный завод. В Семипалатинск, где работало кожевенное производство, были направлены кожевенные, обувные и швейные фабрики [3, с. 402]. На химкомбинат в рабочий поселок Алга Актюбинской области, первенец химической промышленности Казахстана, было эвакуировано оборудование завода ферросплавов из Запорожья для производства борной и серной кислоты, где наладили производство мажефа для предохранения металлических изделий от коррозии, бинатрия фосфата для смягчения воды в паровых котлах. На химкомбинате производили горючие смеси, которые использовались в первое время на Сталинградском фронте для поджигания немецких танков [7, л. 2].

Металлообрабатывающие предприятия направлялись туда, где до этого уже действовали ремонтные мастерские, механические цехи, небольшие механические заводы. Например, Усманьский завод литейно-лабораторного оборудования из Липецкой области был эвакуирован в г. Уральск, где до войны было несколько небольших металлообрабатывающих предприятий. Оборудование завода из Усмани включили в

состав Уральского механического завода им. Ленина Наркомата местной промышленности КазССР [25, л. 36].

Казахская ССР по сравнению с другими республиками Средней Азии и Поволжья имела преимущество в наличии топливной базы, сырья, что способствовало быстрейшему развитию производства топлива, сырья и вспомогательных материалов, необходимых для эвакуированных заводов, обеспечению их электроэнергией и другими материалами. Это содействовало усиленному развитию добычи угля, нефти, меди, свинца, молибдена, вольфрама, олова, сульфата, что предопределило новое строительство шахт, рудников, нефтепромыслов. С временной потерей Донбасса сильно возросло значение Караганды, ставшей в годы войны второй угольной базой СССР. К 1945 г. угледобыча в Караганде увеличилась на 79 % против 1940 г. Здесь были возведены новые угольные разрезы с механизированной добычей, что способствовало увеличению добычи угля. На западе Казахстана возросла добыча нефти, превысившая в 1943 г. довоенный уровень на 41 % [3, с. 403].

Эвакуация предприятий в Казахстан привела к тому, что в годы войны появилась новая отрасль промышленности – машиностроение и металлообработка, были созданы предприятия цветной и черной металлургии, химическое производство на базе оборудований эвакуированных предприятий. В республике получила развитие легкая промышленность, в том числе – хлопчатобумажное, текстильное, прядильное, кожевенное, обувное, швейное производство, возникшее на базе эвакуированных предприятий из европейской части Советского Союза. Эвакуированные предприятия пищевой промышленности позволили развить мясное, сахарное, плодоконсервное, кондитерское, табачное производство. Размещение перебазированных предприятий позволило Казахской ССР превратиться из сельскохозяйственной в индустриально-аграрную республику в составе СССР.

Эвакуация образовательных, научных и культурных учреждений в Казахскую ССР – это одна из страниц летописи Великой Отечественной войны. Из Киева, Харькова, Воронежа, Москвы, Ленинграда и других городов европейской части Советского Союза с лета 1941 г. в Казахскую ССР эвакуировались культурные, образовательные, научно-исследовательские институты. Например, в Алма-Ату прибыли академические институты Академии наук СССР, в том числе: астрономии, географии, истории, философии, экономики, биофизики, палеонтологии, физиологии, Центральный институт эпидемиологии и микробиологии, лаборатории цитологии, белка [8, л. 3 об.–4 об.].

В Казахской ССР начали работать Всесоюзный институт табачной и махорочной промышленности, Академия архитектуры СССР, Харьковская военная академия, Днепропетровский горный институт, Крымская селекционная станция, Украинский филиал института кормов, Украинский (Запорожский) филиал Всесоюзного института механизации и электрификации сельского хозяйства, Глазной институт им. В.П. Филатова, Физико-технический институт, Криогенная лаборатория АН УССР, лаборатория электромагнитных колебаний. Всего в Казахстан было эвакуировано более 20 научно-исследовательских институтов [27, л. 3–4].

В республике принимались чрезвычайные меры для размещения эвакуированных учебных заведений и академических учреждений. Правительство КазССР своим решением от 12 января 1942 г. передало недостроенное здание общежития Кзыл-Ординского педагогического института Объединенному украинскому университету в составе Киевского и Харьковского университетов. Областной совет депутатов трудящихся Кзыл-Ординской области и народного комиссара просвещения КазССР А.И. Сембаева обязали оказать помощь Объединенному украинскому университету начать учебный процесс. Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе по решению Алма-Атинского городского исполнительного комитета и бюро горкома КП(б) Казахстана от

5 февраля 1942 г. был размещен в здании, занимаемом ранее факультетами Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (Казахский национальный университет имени аль-Фараби. – *Ж.Е.*) [24, л. 306]. За 1941–1942 гг. в Казахстан было эвакуировано 41 учебное заведения высшего и среднего образования вместе с 8 тыс. студентами и 545 преподавателями [12, с. 110].

В 1941–1943 гг. Объединенный украинский университет произвел два выпуска и подготовил третий выпуск специалистов для народного хозяйства и Красной Армии. Профессорско-преподавательский состав самоотверженно трудился в Казахстане, как и все трудящиеся в годы войны, например, доценты, кандидаты химических наук А.Т. Давыдов и М.Х. Глузман разработали методы получения глюкозы, алюминиевых квасцов, бертолетовой соли и других продуктов химического производства из местного сырья. Заведующий кафедрой зоологии и беспозвоночных Э.Е. Уманский написал статью для улучшения породности скота, заведующий кафедрой всеобщей истории профессор С.А. Семенов-Зусер подготовил монографию «Древний Казахстан (материал по изучению истории древнего Казахстана за 25 лет существования КазССР»). Объединенный украинский университет помог местному педагогическому институту в подготовке кадров и защите диссертаций, участвовал в учебно-методической работе педагогов школ г. Кзыл-Орда (Кызылорда. – *Ж.Е.*), читали лекции и доклады на учительских семинарах и конференциях. Профессорско-преподавательский состав работал на строительстве оросительного канала, вынув до 10 000 м^3 грунта. Решением Кзыл-Ординского областного совета депутатов трудящихся и бюро обкома партии ряд преподавателей Объединенного украинского университета за высокие достижения в трудовой деятельности представили к награждению Почетной грамотой Верховного Совета КазССР и ценным подарком [25, л. 166–169].

Попав в необычные климатические условия эвакуированные ученые, несмотря на трудности жилищного обустройства, недостаток питания, медицинской помощи, с первых дней пребывания на казахской земле занимались научной деятельностью. Коллектив Института физики и астрономии АН СССР во главе с директором академиком В.Г. Фесенковым (1899–1972), известным ученым-астрономом, основоположником астрофизики, участвовал в подготовке к наблюдениям предстоящего затмения, которое произошло 21 сентября 1941 г. За неделю до затмения в Алма-Ате сотрудники института организовали 18 лекций, посвященных этому редкому явлению. Еще до начала Великой Отечественной войны при президиуме АН СССР была создана Комиссия по подготовке к наблюдениям предстоящего затмения. Комиссия разработала новые приборы, организовала несколько экспедиций в полосу затмения. Одна из экспедиций оказалась в Алма-Ате и участвовала в изучении взаимодействия различных веществ в атмосфере Солнца, в исследовании тонких структурных особенностей солнечных извержений, состоящих из водорода, паров кальция и других элементов [23].

Институт географии АН СССР во главе с директором академиком А.А. Григорьевым (1883–1968) был эвакуирован в Алма-Ату в 1941 г. Находясь в эвакуации в 1941–1943 гг., коллектив института продолжал геологические и географические экспедиции по исследованию земельных фондов Казахской ССР, результаты работ по шести северным областям в январе 1942 г. были направлены в Госплан СССР. В ходе экспедиционных работ были обследованы и описаны 10 городов и населенных пунктов Казахстана, определены новые схемы промышленного использования бессточных впадин Мангышлака. Талгарская высокогорная экспедиция изучала рельеф свободных земельных фондов, пригодных для сельского хозяйства, исследовала очаги грязекаменных потоков и выполнила стереосъемку. Летом 1942 г. были проведены полевые работы по изучению использования земельных фондов в подсобных хозяйствах промышленных предприятий Казахской ССР (Караганда, Балхаш, Жезказган-Карсакпай) с

целью определения направлений и выявления возможностей расширения подсобных хозяйств [4, с. 105].

Академические институты истории, философии и экономики АН СССР были эвакуированы осенью 1941 г. Часть Института истории во главе с директором академиком Б.Д. Грековым уже находились в эвакуации в Ташкенте, и когда прибыли остальные сотрудники, то не хватило жилых помещений для сотрудников, и им во главе с заместителем директора членом-корреспондентом А.М. Панкратовой пришлось отправиться в Алма-Ату, где они в первое время расположились в служебном здании Казахского филиала АН СССР. Историки института активно включились в пропагандистскую работу наряду с научно-исследовательской работой, преподавали в местных вузах, помогали казахстанским историкам в методической работе. Научный вклад сотрудники внесли в написание учебника по истории Казахстана «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» под редакцией А.М. Панкратовой, который вышел из печати в 1943 г.

Сотрудники Института философии открыли при Алма-Атинском доме партийного просвещения постоянно действующий семинар по диалектическому материализму. Институт экономики провел научную сессию, посвященную 75-летию со дня выхода в свет первого тома «Капитала» К. Маркса.

Ученые АН СССР были благодарны гостеприимству, оказанной казахстанцами в тяжелые годы войны, когда не хватало жилья, продуктов питания, лекарств для лечения, но теплота души местного населения вселяла надежду на жизнь. Об этом свидетельствует благодарственное письмо от 16 июня 1943 г. на имя первого секретаря ЦК Казахстана Н.А. Скворцова: «В связи с реэвакуацией после полутора лет пребывания коллектив Института экономики Академии наук СССР считает своим долгом высказать чувство искренней благодарности руководителям партии и правительства Казахской ССР и Вам лично за внимание и содействие работникам Института, выразившееся в широком привлечении к разработке проблем экономики Казахстана (проблема трудовых резервов, рационализация топливного баланса, размещение технических культур и др.), важнейших оперативных вопросов, хозяйственной практики, а также в обеспечении необходимых материально-бытовых условий, позволивших сохранить силы квалифицированных работников института для предстоящей работы в Москве» [8, л. 11].

Руководство СССР решило отправить ученых старшего поколения АН СССР на курорт Боровое, расположенный в Акмолинской области. 18 сентября 1941 г. здесь были обустроены 23 академика и члена-корреспондента АН СССР вместе с членами семей и иждивенцами, 5 научных сотрудников также с членами семей и иждивенцами [2, с. 97]. Сохранившиеся архивные материалы, личные письма, мемуары и воспоминания очевидцев тех лет свидетельствуют о жизнедеятельности ученых в тылу, вдали от родных мест. Среди них были заслуженные ученые с мировым именем, лауреаты Сталинских премий, орденоносцы, академики и члены-корреспонденты. Например, всемирно известный микробиолог, эпидемиолог и врач, почетный академик АН СССР, лауреат Сталинской премии Николай Федорович Гамалея (1859–1949) за время пребывания в Боровом исследовал местный курорт, написал работу «Лечебные факторы Борового». Н.Ф. Гамалея исследовал новые способы борьбы с инфекционными заболеваниями, занимался проблемами продления жизни человека. Он автор таких научных трудов как: «Диалектика инфекции», «Лечение малярии», «Грипп». Отметим, что московский Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии носит имя Н.Ф. Гамалеи. В 2020 г. НИЦЭМ им. Н.Ф. Гамалеи разработал первую в мире зарегистрированную вакцину для профилактики коронавирусной инфекции COVID-19 «Спутник V».

Выдающийся ученый, академик В.И. Вернадский (1863–1945) занимался вопросами минералогии, писал в Боровом работу, посвященную борьбе человека за

овладение богатствами планеты. Ученый-химик, лауреат Сталинской премии, академик Н.Д. Зелинский для юбилейного сборника «Двадцать пять лет советской химии» написал две статьи по вопросам катализа в органической химии. Он также занимался руководством Московского химического института, выполнявшего оборонные заказы. Эвакуированные ученые, находясь на курорте Боровом, вели научную работу в своих направлениях, хотя государство, учитывая их возраст, не требовало от них трудового вклада, они сами по своей инициативе создали ученый совет, где обсуждали актуальные вопросы науки. Ученые вели переписку с зарубежными коллегами, многие из них закончили университеты до революционных событий 1917 г., знали иностранные языки и вели активную мобильную академическую деятельность в разных европейских университетских лабораториях. Так, из Нью-Йорка, Калифорнии, Вашингтона шли запросы на книгу «Системы рыб» ихтиолога, палеонтолога, географа, эволюциониста, академика Л.С. Берга (1876–1950), английская газета отметила научную актуальность книги почетного академика Н.Ф. Гамалеи «Грипп». Республиканская газета «Казахстанская правда» в 1942 г. в одном из номеров освещая научную деятельность ученых АН СССР в Боровом, отметила, что ученые получают письма от воинов Красной Армии, родных, близких и друзей [17].

В эвакуации в Казахстане с 1941 по 1944 г. были ученые – представители фундаментальных, естественно-научных и гуманитарных наук. Они не могли не работать, когда Родина сражалась с агрессором. Каждый из них внес достойный вклад в своей области. Например, литературовед, историк древнерусской литературы, тюрколог, академик АН СССР А.С. Орлов (1871–1947) изучал казахские поэмы, для этого он освоил казахский язык. В 1945 г. в издательстве АН СССР вышла его книга «Казахский героический эпос», где освещен исторический обзор сказаний и текстов народных песен об Алпамысе-батыре, Кобланды-батыре, Ер-Саине, Ер-Таргыне, Шора-батыре, Камбар-батыре [20].

Своим самоотверженным трудом эвакуированные научные работники внесли достойный вклад в достижение Победы. Ученые из России, Украины, Белоруссии также способствовали формированию научно-технического потенциала республики, образованию Академии наук Казахской ССР. Имя академика Василия Григорьевича Фесенкова носит Астро-физический институт Национальной академии наук Республики Казахстан.

В Казахстан также были эвакуированы советские деятели культуры и искусства. В Алма-Ате работали писатели, поэты, режиссеры, артисты и художники – Алексей Толстой, Константин Паустовский, Михаил Зощенко, Константин Симонов, Самуил Маршак, Сергей Михалков, Сергей Эйзенштейн, Григорий Рошаль, Галина Уланова, Любовь Орлова, Николай Черкасов, Николай Крючков, Адольф Страхов и др. Артисты проводили концерты в госпиталях, выступали перед ранеными для поднятия боевого духа. Эвакуированные деятели искусства и культуры активно сотрудничали с казахскими коллегами, участвовали в создании новых произведений, поднимая боевой дух, участвовали в развитии театрального и музыкального искусства Казахской ССР.

В военной летописи важное место занимает эвакуация всесоюзных киностудий «Мосфильм» и «Ленфильм» в Алма-Ату. Выбор столицы Казахстана был не случаен. Дело в том, что за несколько дней до начала Великой Отечественной войны в Москве находился нарком Совета Народных Комиссаров Казахской ССР Н. Ундасынов, одной из задач которого было получение разрешения союзного правительства на открытие национальной киностудии художественных фильмов в Казахстане. На встрече с председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР глава правительства республики получил согласие на отправку специалистов в Казахстан для открытия казахской киностудии. С началом войны была достигнута договоренность об эвакуации «Мосфильма» и «Ленфильма» в Алма-Ату. Центральная объединенная киностудия

(ЦОКС), созданная в Алма-Ате в ноябре 1941 г. из эвакуированных «Мосфильма» и «Ленфильма», выпустила 23 полнометражных фильма и 10 короткометражек, составив 80 % всей кинопродукции СССР военных лет. В Алма-Ате были созданы такие шедевры, как «Иван Грозный», «Жди меня», «Секретарь райкома», «Парень из нашего города» и др.

В Казахскую ССР было эвакуировано гражданское население из Украины, России, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Киева, Москвы, Ленинграда и других городов европейской части СССР. В середине июля 1941 г. в Казахстан стали поступать первые эшелоны с эвакуированными людьми. К сентябрю 1941 г. в Казахскую ССР прибыло 24 258 чел., в том числе из РСФСР – 10 941, УССР – 6620, БССР – 5159, Карело-Финской ССР – 550, Литовской ССР – 231, Латвийской ССР – 294, Эстонской ССР – 158, Молдавской ССР – 113, Крымской АССР – 11 181, других регионов СССР – 181 чел. [25, л. 2]. По сведениям Отдела по хозустройству эваконаселения, в течение 1942 г. и первого полугодия 1943 г. в Казахской ССР были размещены 532 506 чел. эвакуированного населения из прифронтовой полосы. На 1 июля 1943 г. из этого числа осели на территории республики 466 155 чел., которые были распределены: в городской местности – 165 902 чел., в сельской – 301 063 чел. Основная часть трудоспособного эвакуированного населения (89,6 %) была трудоустроена, все размещенные в колхозах работали. Остронуждающимся была оказана помощь в сумме 2970 тыс. руб., а также выдавались разного вида промтовары [15, с. 435]. Отметим, что география расселения эвакуированных граждан охватила все области и районы Казахской ССР.

Важное внимание уделялось приему эвакуированных детей, потерявших родителей, инвалидов. На 1 июля 1942 г. в Казахстан было эвакуировано 111 детских домов (12 969 чел.), после объединения нескольких детских домов на 1 июля 1942 г. в республике насчитывалось 159 детских домов. Всего за годы войны в Казахскую ССР прибыло 149 детских домов с 19 тыс. воспитанниками и 16 интернатов московских школ с 1050 учащимися. В годы войны в детские дома, расположенные на территории Казахстана, были направлены 93 153 ребенка, лишившихся родителей [15, с. 462].

К сожалению, в рамках статьи трудно раскрыть всю летопись происшедших событий военных лет. Это не полная версия истории эвакуации в Казахскую ССР в годы Великой Отечественной войны, она требует дальнейшего исследования с использованием рассекреченных архивных сведений, публикаций краеведов и новых технологий искусственного интеллекта.

Литература и источники

1. *Абишев Г.* Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во, 1958. 362 с.

2. *Абсеметов М.О.* Россия – Казахстан: вклад ученых в Великую Победу. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 376 с.

3. *Алампиев П.М.* Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности (Исторический опыт Казахской ССР). Москва: Изд-во АН СССР, 1958. 451 с.

4. *Александрова Т.Д.* Разнообразие работ географов в первые годы Великой Отечественной войны // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 3. С. 100–109.

5. *Аубакиров А.А.* Восточный Казахстан в годы Великой Отечественной войны (документы Государственного архива Восточно-Казахстанской области) // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление: материалы международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск: ВКПК АГРО, 2015. С. 8–20.

6. Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп. 4. Д. 227.

7. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/2. Д. 198.

8. АПРК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 225.

9. *Беркун О.К.* Эвакуация промышленных предприятий в Карагандинскую область // История. Память. Люди: материалы VIII Международной научно-практической конференции. (Алматы, 16 сентября 2016 г.). Алматы: [б. и.], 2017. С. 184–187.

10. Государственный архив г. Астана. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 241.

11. Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 30. Оп. 1а. Д. 5.

12. *Жумашев Р.М.* Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны // Вестник Карагандинского университета. 2010. № 3 (59). С. 109–115.

13. *Исаева А.М.* Вклад алмаатинцев в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Алма-Ата 1941–1945. Тыловая хроника в документах: материалы круглого стола (Алматы, 22 апреля 2015 г.). Алматы: [б. и.], 2015. С. 67–74.

14. *Исмаилов А.И.* Южно-Казахстанская область в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (документальный очерк). Шымкент: Зерде, 1995. 157 с.

15. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы: Атамра, 2009. Т. 4. 768 с.

16. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: сборник документов и материалов: в 2 т. Алма-Ата: Наука, 1964. Т. 1: Июнь 1941–1943 гг. 598 с.

17. Казахстанская правда. 1941. 15 ноября.

18. Казахстанская правда. 2020. 27 марта.

19. *Коренчук В.Д.* Торпеды в военной Алма-Ате // Алма-Ата 1941–1945. Тыловая хроника в документах: материалы круглого стола (Алматы, 22 апреля 2015 г.). Алматы: [б. и.], 2015. С. 40–43.

20. *Орлов А.С.* Казахский героический эпос. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1945. 147 с.

21. *Павленко В.* Промышленность Казахстана в дни войны 1941–1945 годов // Вестник Челябинского университета. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. № 2. 2003. С. 206–219.

22. *Савгабаева А.Н.* Эвакуация в Западно-Казахстанскую область в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История. Память. Люди: материалы IX международной научно-практической конференции (Алматы, 16 сентября 2016 г.). Алматы: [б. и.], 2017. С. 167–172.

23. *Фесенков В.Г.* Научные работы // Казахстанская правда. 1941. 20 сентября.

24. Центральный государственный архив г. Алматы. Ф. 174. Оп. 15. Д. 550.

25. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 178.

26. ЦГА РК. Ф. 1479. Оп. 3. Д. 28.

27. ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1571.

УДК 94(47+57)\"1941/1945\"

В.Б. Жиромская

ЭВАКУАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКИ ЧИСЛЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ[1]

Аннотация. В статье рассматриваются эвакуационные процессы в годы Великой Отечественной войны. Ставится дискуссионный вопрос о численности эвакуированных и реэвакуированных. Особое внимание уделено эвакуации из блокадного Ленинграда. Автор приводит воспоминания переживших эвакуацию, об условиях жизни в местах временного размещения.

Ключевые слова: эвакуация, организованная эвакуация, беженство, реэвакуация, размещение эвакуированных.

V.B. Zhiromskaya

EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ESTIMATES OF THE NUMBER AND FEATURES OF PLACEMENT

Abstract. The article examines the evacuation processes during the Great Patriotic War. It raises the controversial issue of the number of evacuees and re-evacuees. Special attention is paid to the evacuation from siege Leningrad. The author provides the memories of those who survived the evacuation about the living conditions in temporary accommodation facilities.

Keywords: evacuation, organized evacuation, refugee, re-evacuation, accommodation of evacuees.

Крупнейшим миграционным процессом, во многом повлиявшим на демографическую ситуацию тыловых районов, была эвакуация населения – как организованная, так и беженство.

В первые месяцы Великой Отечественной войны началась эвакуация населения из зон военных действий, прифронтовых и находящихся под угрозой районов. Эвакуация населения имела четкую организацию. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации во главе с наркомом путей сообщения Л.М. Кагановичем. Чуть позднее, 3 июля 1941 г., председателем стал кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было организовано Управление по эвакуации населения с разветвленным аппаратом в центре и на местах. Созданное управление непосредственно занималось организацией вывоза населения, его обслуживанием в пути следования, приема, размещения и устройства на работу. Управление возглавил председатель СНК РСФСР К.Д. Панфилов. Одновременно при Совете по эвакуации был создан орган контроля за эвакуацией населения, вывозом оборудования и материальных ценностей, группа инспекторов во главе с А.Н. Косыгиным. 27 июня 1941 г. постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» определило первоочередность эвакуации на Восток детских учреждений, квалифицированных кадров рабочих и служащих, людей пенсионного возраста, женщин с детьми. В первую очередь также вывозились материальные ценности: промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, а также хлеб и др. [3, с. 143; 13, с. 10].

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0010 «Общество и его социальная структура в российской истории», НИОКТР 125022002763-0)

Население вывозилось в специальных эвакуационных пассажирских эшелонах, а также в специально оборудованных товарных вагонах и на платформах. С 5 июля 1941 г. стали создаваться эвакуационные пункты на железнодорожных узлах, станциях, пристанях. Эти пункты занимались приемом и отправкой эшелонов с эвакуированными, организацией их питания, медицинской помощи. Перевозки эвакуированных строго контролировались. Наркомат путей сообщения ежедневно представлял в Государственный комитет обороны (ГКО) справку о составах с эвакуированными, находившимися на железных дорогах. Перевозка людей и материальных ценностей производилась за государственный счет. Кроме того, государство выделило значительные средства для оказания помощи эвакуированным, в эвакуационных пунктах они получали хлеб и продукты, обеспечивались кипятком. Эвакуационные пункты также имели столовые, душевые, санпропускники. В июне и декабре 1941 г. была оказана единовременная помощь наиболее нуждавшимся семьям рабочих, служащих, военнослужащих, эвакуированным из прифронтовой зоны.

Особой задачей была детская эвакуация. Детей спасали в первую очередь. В тыл отправляли сразу пионерскими лагерями, детскими садами, целыми школами. Прибыв на место, детское учреждение тут же начинало работать. Дети иногда жили в том же здании, которое им предоставили под детский сад или школу, иногда их расселяли по близлежащим домам. Детей эвакуировали отдельно от родителей. Если выезжала школа, с ней могли отправиться кто-то из матерей, чтобы работать санитаркой, медсестрой, поварихой, в том случае, если женщина имела такую специальность и ее отпустили по основному месту работы. Школы эвакуировались вместе с учительским персоналом, кроме учителей, ушедших на фронт. На месте доукомплектовывали педагогический состав. При приезде эвакуированных расселяли по квартирам и домам, не спрашивая согласия хозяев. Хозяева обязаны были предоставить спальное место, посуду и умывальник. На самом деле, помогали, чем могли – давали одежду, кормили. Эвакуированные часто приезжали без теплой одежды. Практически на следующий же день по прибытии они получали направление на работу, а дети в школу или в дошкольные учреждения. Приезжие сразу по прибытии обеспечивались продуктовыми карточками. Сложнее было с беженцами. Их заселяли с согласия хозяев, иногда приходилось уговаривать. Кроме того, беженцы часто были больны, требовалось медицинское обследование из опасения вспышек инфекционных заболеваний. К чести отечественной медицины, следует подчеркнуть, что масштабных эпидемий в военные годы не допустили.

Эвакуация населения, особенно из западных приграничных районов – Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии – проходила в тяжелейших условиях быстрого продвижения немецко-фашистских войск, под бомбежками и обстрелами. Одними из первых с территории Белоруссии были вывезены в тыл около 14 тыс. детей, в том числе из детских домов, детских садов, пионерских лагерей, специальных школ, детских санаториев. Всего из Белоруссии успело эвакуироваться свыше 1,5 млн чел. К концу 1941 г. из Украины на Восток было вывезено более 4 млн чел. Быстрое наступление врага, ухудшение обстановки значительно ограничивало эвакуацию населения [9, с. 142].

Эвакуировалось население из северо-западных районов РСФСР: Ленинградской, Мурманской областей, Карелии. За период с 29 июня по 26 августа 1941 г. из Ленинграда было вывезено 773 590 чел., включая беженцев из Прибалтики и Карело-Финской ССР. Летом 1941 г. и особенно осенью началась эвакуация населения из центральных районов. К концу ноября 1941 г. из Москвы было эвакуировано 2 млн чел. [9, с. 143]. Изменение ситуации на фронте вызвало вторую волну эвакуации населения. Летом-осенью 1942 г. население эвакуировалось из Ростовской, Воронежской, Орловской, Сталинградской, Ворошиловградской областей, а также Северного Кавказа. Однако масштабы эвакуации этого периода войны были заметно меньше по сравнению с первой волной: в тыл было вывезено около 1 млн чел.

Вопрос о числе эвакуированных до сих пор волнует историков. В последнее время нередко появляются историографические работы, посвященные этой проблеме [11].

Данные по количеству эвакуированных сильно разнятся. Исследователи сходятся в том, что в условиях быстро перемещающейся линии фронта и наличия многочисленных категорий эвакуируемых: рабочие и служащие промышленных предприятий, совхозов и МТС, колхозники, работники и больные медицинских учреждений, дети, воспитатели и хозяйственный персонал дошкольных детских учреждений, дети и учителя школ и средних специальных учебных заведений, студенты и преподаватели высших учебных заведений, сотрудники учреждений культуры – музеев, театров, киностудий, точный подсчет эвакуированного населения чрезвычайно затруднен [4; 9; 11; 12]. Кроме того, осуществлялось массовое перемещение населения из угрожаемых районов [9, с. 140–142]. Организованной эвакуацией дело не ограничилось (перемещение целых предприятий, учреждений, организаций), многочисленными были «самостоятельная эвакуация» и беженство.

Итак, расхождение в оценках числа эвакуированных очень велико. А.Д. Колесник озвучил минимальную цифру эвакуированных – более 5 млн чел. [7, с. 949]. Данные документально подтверждены [1; 2, л. 22], но они относятся к эвакуированным, размещенным на территории РСФСР. В документах речь идет, прежде всего, о рабочих военных заводов. Учитывались также детские учреждения, эвакуированные организованно, т. е. целиком – дети с педагогическо-воспитательным и административно-хозяйственным составом. Беженцы и так называемые «самостоятельно эвакуировавшиеся» обычно не учитывались. Следует отметить, что оценки даются на начало 1943 г., когда уже происходили как организованная реэвакуация, так и стихийное возвращение населения в освобожденные или переставшие быть угрожаемыми районы. Кроме того, эвакуация нередко шла волнами, как в 1941, так и в 1942 г. Одни и те же люди переживали по две и более эвакуаций – например, из Ленинграда сначала под Псков и Новгород, затем в Центральную Россию, на Урал, в Сибирь; из Москвы (особенно самостоятельно эвакуировавшиеся) – в Центральное Черноземье, Нижнее Поволжье, включая Сталинград, затем в Верхнее Поволжье, Сибирь, на Урал. Эвакуировавшиеся в начале войны в Саратов из-за бомбежек перемещались в Казань и сельскую местность Чувашской и Мордовской АССР. Отселявшиеся и беженцы из угрожаемых районов также перемещались неоднократно, стремясь удалиться от быстро приближающейся линии фронта.

Все эти категории эвакуирующихся сливались в крупный поток.

Л.Л. Рыбаковский дал примерную и, по его собственному признанию, неполную оценку в 12 млн эвакуированных [12, с. 87]. Самая высокая оценка была дана в 1960-х гг. – 25 млн чел. [14, с. 28]. Основное различие связано с тем, учитывается лишь организованная эвакуация или и неорганизованная, и беженцы.

В настоящее время многие исследователи придерживаются оценок числа эвакуированных с учетом всех категорий, включая беженцев, в 17–20 млн чел. Первая оценка дана Г.А. Куманёвым [9, с. 145], вторая приводится авторами энциклопедии «Великая Отечественная война» [1, с. 803].

Следует заметить, что учет беженцев велся с большими неточностями, в основном фиксировались беженцы, более-менее благополучно добравшиеся до тыловых населенных пунктов, зарегистрированные и размещенные там. Потоки беженцев были велики, многие погибали в пути, пропадали без вести. Много было потерянных детей. Вопрос о числе беженцев нуждается в самостоятельном исследовании.

По мере освобождения временно оккупированных территорий происходила реэвакуация, масштабы которой были меньше масштабов эвакуации. Ряд предприятий остался на местах новой дислокации вместе с рабочими, инженерами и руководителями. Реэвакуация особенно активизировалась к концу войны. Весной 1945 г. в освобожденные районы из всех эвакуированных, находившихся на территории РСФСР, возвратились около 70 % [8, с. 115].

По возрастно-половому составу среди эвакуированных в промышленные регионы (см., например, данные по Молотовской области) дети составляли 36 %, соотношение же мужчин и женщин характеризовалось дисбалансом в пользу женщин, которых среди прибывших в эвакуацию было 68 % [8, с. 119]. Притом что мужчины, работавшие в военной промышленности и на транспорте, имели так называемую «бронь», очень многие из них были мобилизованы или ушли на фронт добровольно.

Эвакуация из блокадного Ленинграда занимает особое место в истории нашей Родины. 20 октября 2022 г. решением Санкт-Петербургского городского суда блокада была признана преступлением против человечности и геноцидом населения.

Враг приближался к Ленинграду. Людей, прежде всего детей, надо было спасать. Эвакуация из Ленинграда и Ленинградской области началась еще до того, как замкнулось блокадное кольцо. С 27 июня 1941 г. работала Ленинградская городская эвакуационная комиссия.

Людей вывозили в Архангельскую, Вологодскую, Горьковскую, Омскую, Молотовскую, Свердловскую, Новосибирскую, Саратовскую, Ярославскую области, в Башкирскую, Татарскую и Удмуртскую АССР и другие области и автономные республики РСФСР, Казахскую и Узбекскую ССР.

До блокады за июнь-сентябрь 1941 г. было эвакуировано по различным оценкам от 363 тыс. до 706 тыс. чел. [8, с. 29].

В октябре – декабре 1941 г., уже во время блокады, самолетами, машинами, гужевым и железнодорожным транспортом, а также пешком вывозили рабочих и служащих предприятий и учащихся, и преподавателей училищ. Однако масштабы эвакуации были относительно невелики.

С 6 декабря 1941 г. по постановлению Ленинградского фронта должна была начаться эвакуация по Ладоге, но это не удалось сразу реализовать, озеро долго не замерзало. Эвакуация по льду была отложена.

С 22 января 1942 г. началась массовая эвакуация по льду Ладожского озера – «Дорога жизни» [официально Военно-автомобильная дорога (ВАД) № 101 (№ 102)] работала до апреля 1942 г.

Массовая эвакуация населения происходила в несколько этапов.

С 22 января 1941 по 15 апреля 1942 г. из Ленинграда были вывезены через Ладогу 554 тыс. чел., из них детей, эвакуирующихся с семьями – 38 тыс. и 13 тыс. детей из детских домов [5, с. 41].

Среди эвакуированных преобладали ленинградцы – 518 тыс. чел. и 35 тыс. чел. – жители Ленинградской области и прибалтийских советских республик.

Следующая волна массовой эвакуации продолжалась с 27 мая 1942 по 1 апреля 1943 г. автомашинами, а потом водным транспортом. Вывезли 448 тыс. чел., из которых 404 тыс. – ленинградцы, 44 тыс. – жители Ленинградской области и прибалтийских советских республик [10]. В 1943 г. масштабы эвакуации заметно снизились. Отказавшихся от эвакуации становилось все больше. Многие уже не хотели покидать героический город.

В апреле 1943 г. Комиссия по эвакуации подвела итоги своей деятельности.

Из Ленинграда с 22 января 1941 и по 1 апреля 1943 г. было эвакуировано более 1 млн чел., из них 923 тыс. ленинградцев [13], остальные были эвакуированы из Ленинградской области и Прибалтики.

В целом, по оценкам исследователей, из Ленинграда до и во время блокады было эвакуировано 1 млн 700 тыс. чел. – ленинградцев, жителей области и прибалтийских республик [5, с. 49; 6, с. 109].

Эвакуация имела не только военно-промышленные задачи, т. е. вывоз предприятий и рабочих и служащих на восток в целях защиты Отечества, она имела и огромную гуманитарную цель. То была борьба за жизнь и сохранение людей, спасала людей не только физически, но и морально.

Все эвакуированные из Ленинграда детские учреждения впоследствии были реэвакуированы. Дети вернулись обратно в Ленинград. Исключением были те, кто к моменту снятия блокады был уже совершеннолетним, закончил школу и был трудоустроен в месте проживания в эвакуации.

Возвращение в Ленинград эвакуированных происходило довольно быстро. В 1945 г. количество ленинградцев уже превышало 1 млн [5, с. 48–49].

Эвакуация населения и перебазирование промышленных предприятий и оборудования в восточные регионы СССР также была связана с размещением эвакуированных и их вовлечением в производство. Местные органы занимались вопросами расселения, быта, трудоустройства прибывших. Особое внимание уделялось детям-сиротам, потерявшим родителей, инвалидам, семьям фронтовиков. Прибывшие расселялись не только в городской, но и в сельской местностях [3, с. 548].

Размещение эвакуированных и их отношения с местным населением исследуется в последнее время довольно активно. Автор настоящей статьи в течение ряда лет собирала воспоминания людей, переживших эвакуацию.

Разумеется, ситуации складывались разные. Были случаи, в частности, в Сибири, недоброжелательного отношения. Местные жители возражали против подселения эвакуированных, уже подселенных называли обидными словами, все время напоминали, что те здесь не хозяева и проч. Правда, со временем все в большинстве случаев нормализовывалось, общие беды сближали.

Справедливости ради надо сказать, что и эвакуированные не всегда вели себя корректно: пачкали в предоставленном жилье, не берегли хозяйскую посуду и мебель, делали замечания хозяевам и особенно их детям, чтобы не пищали, не бегали.

Но в основном люди – и местные жители, и прибывшие – помогали друг другу, поддерживали, делились едой, одеждой, ухаживали за больными, присматривали за детьми, не считаясь, кто свой, кто приезжий. Приведем примеры записанных автором (*В.Ж.*) воспоминаний эвакуированных в г. Казань.

Лариса Стрельцова, 9-летняя ленинградка, приехала в эвакуацию вместе с матерью и братом-подростком. Они были эвакуированы как члены семьи рабочего-литейщика. Отец еще оставался в Ленинграде, второпях они почти ничего не смогли взять с собой в набитый вагон. С казанского вокзала их привели вместе с другими эвакуированными во двор большого дома, и комендант стал подселять их в квартиры к жильцам. Согласия жильцов не спрашивали. Хозяева обязаны были предоставить предметы гигиены (обычно умывальник) и спальное место (кровать, раскладушку, скамью). Но кормить, одевать не были обязаны. Однако хозяева квартиры встретили семью Стрельцовых очень радушно, посадили их за стол, накормили горячим обедом, застелили постели новым бельем. Впоследствии поделились теплой одеждой. На следующий день эвакуированным выдали продуктовые карточки. Мать сразу получила направление на работу, а дети были зачислены в школу. В школу бегали вместе с хозяйскими детьми, а матери вместе готовили, убирали, все стояли в очередях за хлебом.

Жительница Казани Инеза Ершова рассказывала, как к ним подселили двух 15-летних девочек, учащихся техникума. Одна из девочек заболела почти сразу, сильно простудилась в дороге. Ее пролечили в больнице, но она ослабла. В квартире было трое маленьких детей и бабушка. Несмотря на заботы о собственных малолетних внуках, бабушка как могла хорошо кормила эвакуированную девочку, ухаживала за ней. Девочка поправилась, так и осталась в Казани. Через 2 года пошла работать, жила уже в общежитии. Потом вышла замуж и так и дружила всю жизнь с семьей хозяев квартиры.

Были иногда и конфликты. В Казань прибыла семья беженцев из Витебска – пожилой сапожник-инвалид, его жена и четверо детей школьного и дошкольного возраста. Беженцев расселяли с согласия хозяев. Сапожника с семьей взяли жильцы большой коммунальной квартиры. Сначала все складывалось хорошо, но затем сапожник оборудовал обувную мастерскую в углу коммунальной кухни, а изделия сушил

там же на подоконнике. Жильцы варили рядом пищу. Возмутились. Были ругань и драка. Но это абсолютно не коснулось детей сапожника. И никто ни слова не сказал о выселении. В итоге объединенными усилиями построили сапожнику во дворе навес для мастерской.

Антонина Калмыкова, 10 лет, с матерью были эвакуированы в Чувашию. Разместили их в частном доме, где жила хозяйка с семью детьми. Хозяйство было хорошее: корова, козы, птица. Хозяйка всех вместе сажала за стол и не жалела для приезжих ни молока, ни творога, ни яиц. Мать Антонины болела, не сразу смогла выйти на работу. А Антонина ходила в школу с мокрыми ногами – ботиночки были уже не новые и промокали. Хозяйка же только что с большим трудом приобрела для своей средней дочери новые сапоги и очень этому радовалась, как и ее дочка. И вдруг, когда Тоня, придя из школы, переобувалась, женщина достала сапоги и протянула ей. «Им ведь взять негде», – объяснила она дочери. «Да ничего, – ответила дочь. – Понятно. У меня старые еще годятся». Антонина Ивановна рассказывала мне это в 2015 г. На всю жизнь сохранила она благодарность и память о душевной щедрости этих людей.

Люди поддерживали друг друга, старались быть вместе в это сверхтрудное время.

Таким образом, организованная эвакуация населения из угрожаемых зон в тыл страны, несмотря на все возникавшие трудности, скученность эвакуированных в поездах, бомбежки и обстрелы транспорта, людские потери, перебазировала целые производства и сельскохозяйственные ресурсы на восток, спасла материальные ценности, а самое главное сохранила жизни миллионов людей. Были организованы прием, медицинская помощь, обеспечение продуктами и жильем, трудоустройство и обучение не только прибывших планово эвакуированных, но и эвакуировавшихся самостоятельно и беженцев. И самое главное – проявились человеческие взаимопомощь и взаимопонимание, благодаря которым люди выстояли в те трудные годы.

Литература и источники

1. Великая Отечественная война: энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1985. 862 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327. Оп. 1. ДЩ1.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Москва: Воениздат, 1961. Т. 2. 686 с.
4. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.
5. *Кантор Ю.З.* Эвакуация из Ленинграда до и после блокады // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. Москва: РОССПЭН, 2019. С. 1–49.
6. *Карпова Е.П.* Дорога жизни – блокадная артерия Ленинграда // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4. № 6. С. 105–111.
7. *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. Москва: Наука, 1982. 328 с.
8. *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2005. № 4 (49). С. 112–121.
9. *Куманёв Г.А.* Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Москва: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 137–145.
10. Ленинградская эвакуация. Выжили не все. URL: http://pomniblokadu.ru/news/15347994 (дата обращения: 12.05.2026).
11. *Потемкина М.Н.* Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. Т. 2. С. 139–142.
12. *Рыбаковский Л.Л.* Великая Отечественная: людские потери России // Социологические исследования (Социс). 2001. № 6. С. 85–95.
13. Эвакуация Ленинграда. Историческая справка. URL: https://evacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения: 12.05.2026).
14. Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Москва: Наука, 1966. 263 с.

УДК 355.244.21”1941/1945”

А.В. Берлов

ПАМЯТЬ ОБ ЭВАКУАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ОСНОВА ВСЕНАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье рассматривается организация работы по эвакуации промышленности и населения в годы Великой Отечественной войны как с территорий западных областей и республик СССР, так и из столицы СССР г. Москвы, а также важная составляющая памяти об этом процессе как важной вехе в достижении Победы.

Ключевые слова: историческая память, эвакуация, промышленность, тыл, Победа.

A.V. Berlov

MEMORY OF THE EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE BASIS OF NATIONAL MEMORY

Abstract. The article examines the organization of work on the evacuation of industry and the population during the Great Patriotic War, both from the territories of the western regions and republics of the USSR, and from the capital of the USSR, Moscow, as well as an important component of the memory of this process as an important milestone in achieving Victory.

Keywords: historical memory, evacuation, industry, rear, Victory.

«Мы должны сделать все, чтобы сегодняшние дети и вообще все наши граждане гордились тем, что они наследники, внуки, правнуки победителей. Знали героев своей страны и своей семьи, чтобы все понимали, что это часть нашей жизни».

Президент Российской Федерации
Владимир Путин

XX век стал для России эпохой колоссальных потрясений, беспрецедентных достижений и глубоких трагедий. Три революции, две мировые войны, Гражданская война, индустриализация, Великая Отечественная война, холодная война, распад СССР, становление новой России – эти события сформировали современную российскую идентичность. Сегодня, в условиях формирования новой парадигмы национального развития, обращение к урокам прошлого века носит не академический, а сугубо практический характер. Поиск ответов в мировой истории и истории России в частности становится основой для выработки стратегических ориентиров, консолидации общества и ответа на вызовы XXI в.

Память о Великой Отечественной войне, ее уроках является неотъемлемой частью нашей идентичности и культурного наследия. Необходимо не забывать и не зачеркивать прошедшее, а правильно обрабатывать полученный опыт. Пока мы помним и ценим подвиг того поколения, пока мы идем рука об руку – мы непобедимы. И вместе сможем защитить мир от страшных вызовов и угроз. Иллюзий быть не должно: идеи фашизма и расового превосходства все еще не изжиты, а процветают и дают свои плоды.

Изучение советского тыла в годы Великой Отечественной войны остается одним из важных направлений современных исследований, связанных с эпохальными сдвигами в общественном сознании граждан СССР.

В последние годы исследование этой темы претерпело значительную трансформацию. Если ранее фокус научных изысканий был сосредоточен на экономических аспектах эвакуации [13], то сейчас наблюдается явный сдвиг в сторону социальных: исследуются повседневная жизнь эвакуированных, их взаимодействие с местным населением, бытовые трудности и т. д.

Помимо передвижения военных контингентов, ключевым процессом начального этапа войны стала эвакуация населения, промышленных, сельскохозяйственных ресурсов, объектов культуры, партийно-государственных учреждений. В той или иной степени эвакуация затронула практически все западные территории СССР вплоть до Москвы.

Несмотря на огромную сложность этой задачи, колоссальными усилиями на восток страны были эвакуированы миллионы граждан и значительное количество материальных ценностей. Хотя эвакуация во время Второй мировой войны проводилась и в других воюющих странах, ни одна из них не осуществила перемещение населения и промышленности в таких масштабах, с таким охватом различных социальных групп и в столь сжатые сроки.

Важно отметить, что в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны масштаб перемещения населения достиг беспрецедентного уровня, который не наблюдался ни до, ни после.

Советское руководство еще не забыло недавний опыт Первой мировой войны, показавший, что в тотальной войне решающую роль играет экономика, для поддержания которой требуется мобилизация всех имеющихся у государства ресурсов. Из этого следовало, что исход войны будет определяться не только на военных фронтах, но и в тылу, где гражданское население должно вносить свой значимый вклад в успех военных усилий [13]. Проработка отдельных планов эвакуации на случай большой войны велась в предвоенное десятилетие.

Планирование эвакуации столицы СССР велось накануне войны. Это подтверждается и тем, что эвакуация Москвы началась с первых дней военных действий [13].

Уже 24 июня 1941 г. Совет народных комиссаров (СНК) и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О создании Совета по эвакуации» под председательством секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника [6].

Для регулирования процесса эвакуации Советом и правительством был подготовлен ряд постановлений. Одним из первых было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [9]. В документе определялись приоритеты эвакуации.

Первостепенное внимание уделялось вывозу промышленных объектов, оборудования, ресурсов и других материальных ценностей, а также эвакуации квалифицированных рабочих, инженеров, партийных кадров, военнослужащих и членов их семей.

5 июля 1941 г. СНК СССР принял специальное постановление «О порядке эвакуации населения в военное время». В нем был определен порядок организации эвакуации населения из прифронтовой полосы. Согласно документу, основную ответственность по эвакуации правительство возлагало на местные советские органы власти, которые должны были определять контингент эвакуированных и очередность их отправки.

Советом по эвакуации был разработан список республик, краев и областей, которые должны были принять эвакуированные предприятия и население. Регионы делились на две группы по очередности. В первую очередь эвакуированные предприя-

тия и людей должны были принимать в Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Пензенской, Саратовской, Сталинградской областях, Мордовской, Башкирской, Удмуртской и Татарской АССР; во вторую – в Чкаловской, Молотовской, Челябинской, Свердловской, Омской и Новосибирской областях, Алтайском крае, Казахской и Узбекской ССР [1].

Масштабы перевозки людей из охваченных войной регионов в тыл поражают воображение. В первые дни войны, несмотря на катастрофически быстрое продвижение немцев, из Белоруссии и Прибалтики эвакуировали более 2 млн чел., а из Молдавии – 300 тыс. Там же, где врага удалось хотя бы ненадолго задержать или вообще остановить, в первые месяцы войны эвакуировали людей миллионами: так, с Украины удалось эвакуировать 3,5 млн чел. (в том числе 350 тыс. из Киева), 1,7 млн чел. эвакуировали из Ленинграда (в том числе 300 тыс. детей) и 2 млн, среди которых было около 500 тыс. детей, – из Москвы.

Если рассматривать эвакуацию через призму территориального деления страны, то необходимо отметить: РСФСР стала важной экономической базой воюющей страны, что в целом объясняется вполне логично ее размерами и ресурсными возможностями. Решающим фактором перевода всей жизни РСФСР на военный лад стала перестройка ее экономического уклада, в которой можно выделить три направления:

1. Расширение производства военной продукции непосредственно на предприятиях военной промышленности.

2. Перевод на выпуск военной продукции предприятий гражданской промышленности.

3. Перемещение предприятий и персонала из находящихся под угрозой районов в тыловые районы страны с немедленным развертыванием производства на новых местах.

Огромное значение в этом отношении имел подготовленный комиссией Госплана СССР и одобренный СНК СССР и ЦК ВКП(б) военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Си-

Ил. 1. «Дорога жизни» – ледовая трасса через Ладожское озеро[1]

[1] Эвакуация жителей блокадного Ленинграда на грузовиках по «Дороге Жизни» // Военный альбом: фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939—1945). URL: https://waralbum.ru/316178/ (дата обращения: 20.02.2026).

бири, Казахстана и Средней Азии. Этим постановлением по указанным районам СССР был утвержден план выпуска военной продукции на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., включая артиллерийское и стрелковое вооружение, боеприпасы, самолеты, авиамоторы, автобронетанковое вооружение, военное судостроение, а также план производства таких видов промышленной продукции, как уголь, нефть, цветные металлы, машиностроение и др. Для скорейшего развертывания производственной базы в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии и для обеспечения выполнения утвержденного военно-хозяйственного плана было признано необходимым перевести в указанные районы промышленные предприятия Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомавиапрома и других наркоматов с передачей им соответствующих помещений [12].

Ключевую роль в этом сыграл железнодорожный транспорт, с помощью которого было эвакуировано более 10 млн чел. и миллионы тонн различных грузов, на перевозку которых потребовалось 1,5 млн вагонов [9].

Из более чем 100 тыс. вагонов, использованных для эвакуации, 44 % обслуживали эвакуацию Москвы, и это при том, что столица до октября не подвергалась угрозе оккупации. Находившийся в более тяжелом положении в это время Ленинград обслуживали 17 % эвакуационных вагонов.

К февралю 1942 г. в тыловые районы страны было эвакуировано около 2,6 тыс. предприятий, в том числе 1523 крупных. Большинство предприятий (1215 из 1523) было размещено в восточных районах РСФСР – в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, остальные – в Казахстане и Средней Азии [14]. Перемещение производительных сил осуществлялось также летом и осенью 1942 г., но уже в значительно меньших масштабах и лишь из южных регионов РСФСР – Воронежской, Ростовской, Сталинградской областей, Ставропольского и Краснодарского краев, ав-

Ил. 2. Эвакуация хозяйственного имущества советского оборонного завода на Урал[1]

[1] Эвакуация хозяйственного имущества советского оборонного завода на Урал // Военный альбом: фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939—1945). URL: https://waralbum.ru/342193/ (дата обращения: 20.02.2026).

тономных республик Северного Кавказа. На этом этапе было эвакуировано более 150 крупных предприятий [1].

Столь масштабное перемещение промышленных мощностей и рабочей силы на первых порах не могло не сказаться негативно на объемах выпускаемой продукции. К концу 1941 г. объем промышленного производства на предприятиях республиканской промышленности уменьшился в 1,8 раза [12]. Сказались оккупация, нехватка сырья, топлива и электроэнергии, рабочих кадров и т. п.

Перелом в работе промышленности наступил весной 1942 г. Восточные районы РСФСР (Поволжье, Урал, Западная и Восточная Сибирь) превратились в главную базу снабжения не только фронта, но и всего военного хозяйства СССР. Так, за четыре года войны выпуск промышленной продукции на Урале вырос в 3,6 раза, в Сибири – в 2,8 раза, в Поволжье – в 2,4 раза [8].

С конца мая 1942 г. военная обстановка вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда, она проходила на этот раз с более ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ.

22 июня 1942 г. постановлением ГКО при нем была образована комиссия по эвакуации, куда вошли Н.М. Шверник (председатель), А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, Б.Н. Арутюнов, П.А. Ермолин и В.Н. Меркулов. Опираясь на опыт по перемещению производительных сил 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакопунктов, эвакобаз и эвакокомитетов, созданных на местах в первые месяцы войны [9].

Экономическая структура целых макрорегионов кардинально изменилась за годы войны. Например, Поволжье стало одним из центров металлообрабатывающей промышленности, доля которой выросла здесь втрое. Здесь возникли новые отрасли: самолетостроение, автомобилестроение, шарикоподшипниковое, кабельное производства и т. д.

Центральное место в экономической структуре восточных районов занимал Урал, принявший наибольшее число эвакуированных из западных регионов страны крупных промышленных предприятий – 667. За время войны он превратился в самый мощный промышленный район не только в РСФСР, но и в целом в Советском Союзе. Здесь выросли гиганты индустрии – Уралмаш, Уралвагонзавод и др.

Если говорить об опыте Москвы, то стоит отметить, что летом 1941 г. столица еще находилась далеко от линии фронта, однако эвакуационные мероприятия, касающиеся отдельных категорий населения, предприятий, учреждений и материальных ценностей, начались практически с самого начала войны. В первые дни войны, в июне 1941 г., Политбюро утвердило постановление о немедленной эвакуации из Москвы коллекций Алмазного фонда и Оружейной палаты Московского Кремля, а также денежных знаков из хранилищ Госбанка и Гознака. В числе первых было принято решение о вывозе тела Ленина из Мавзолея в Тюмень. Вскоре за этим последовали приказы об эвакуации центральных правительственных и партийных архивов.

Уже 29 июня 1941 г. СНК СССР постановил эвакуировать в тыл авиационные заводы Москвы вместе с рабочими и служащими [3]. В конце июля, с началом первых бомбардировок Москвы, ГКО начал издавать все больше постановлений об эвакуации столичных предприятий. Так, предписывалось эвакуировать заводы Наркомата судостроительной промышленности, которые должны были быть вывезены в течение 20 дней. Для этого были выделены 1650 вагонов для перевозки оборудования, 105 – для работников и служащих, еще 207 – для членов их семей. Вскоре было принято постановление об эвакуации металлургических заводов «Серп и Молот» и «Электросталь» [5]. С приближением гитлеровских войск такие распоряжения становились все более частыми, и под эвакуацию попадало все больше предприятий города.

Одновременно с предприятиями было принято решение эвакуировать центральные органы власти. 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили полностью «перевести» из Москвы все наркоматы.

Тем не менее вплоть до октября 1941 г. большая часть аппаратов органов правительства во главе с наркомами продолжали работать в Москве. В июле последовали распоряжения об эвакуации значительного количества различных учреждений Москвы. Например, 26 июля 1941 г. ГКО издал постановление о переводе 150 сотрудников ТАСС вместе с оборудованием и архивом в Куйбышев [11]. А 23 августа 1941 г. Совет по эвакуации принял решение перебазировать предприятия Наркомпищепрома СССР в тыловые районы, в том числе в республики Волго-Вятского региона. Так, Московская табачная фабрика «Ява» была размещена на базе ликероводочного завода г. Чебоксары. В октябре 1941 г. прибыло оборудование Московской табачной фабрики «Дукат», которое разместили в здании общежития Чебоксарского ликероводочного завода № 2. В скором времени фабрики начали выпуск табачных изделий [2].

И хотя за несколько месяцев 1941 г. население Москвы сократилось почти вдвое: по приблизительным оценкам, из более чем 4 млн жителей 1 млн 223 тыс. были эвакуированы и 790 тыс. мобилизованы в Красную Армию, в Москве, несмотря на эвакуацию 523 крупных предприятий, 54 тыс. единиц оборудования, в том числе трех четвертей станочного парка и 564 тыс. работников [10], уже в 1943 г. был почти достигнут довоенный (1940) объем выпуска продукции. При этом многие московские предприятия и после войны остались в местах эвакуации, дав основу для развития крупных машиностроительных и инструментальных предприятий на востоке страны. На базе московских заводов были созданы Уральский автозавод, Челябинский кузнечно-прессовый завод, подшипниковые заводы в Куйбышеве (Самаре), Саратове, Томске, инструментальные заводы в Томске, Челябинске и т. д.

В июле 1941 г., когда немецкие войска рвались к Москве, в музейных залах полным ходом шла упаковка бесценных сокровищ. Под грохот зенитных орудий и вой

Ил. 3. Бригада Кати Мясоновой в сборочном цеху штурмовиков Ил-2 завода № 30 в Куйбышеве[1]

[1] Бригада Кати Мясоновой в сборочном цеху штурмовиков Ил-2 завода № 30 в Куйбышеве // Военный альбом: фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939—1945). URL: https://waralbum.ru/293378/ (дата обращения: 20.02.2026).

сирен начиналась одна из самых масштабных операций по спасению культурного достояния – эвакуация музеев и театров. В условиях строжайшей секретности, ночью, при затемненных окнах, упаковывались шедевры, которые должны были уехать в тыл, подальше от фронта.

Более 12 тыс. экспонатов Третьяковской галереи отправились в Новосибирск, где их разместили в недостроенном здании оперного театра. Особую сложность представляла транспортировка грандиозного полотна Александра Иванова «Явление Христа народу» — картину пришлось наматывать на вал и везти на двух открытых железнодорожных платформах. Сокровища Московского Кремля нашли приют в Свердловске, где их бережно укрыли в подземных хранилищах.

14 октября 1941 г. Большой театр был эвакуирован в Куйбышев, где продолжил выступать для рабочих оборонных заводов. Малый театр отправился в Челябинск, театры Вахтангова и Моссовета – в Омск и Алма-Ату. Артисты везли с собой не только костюмы и декорации, но и непоколебимую веру в то, что искусство должно жить даже в самые темные времена.

Проект эвакуации охватил также интеллектуальную и духовную сферы жизни общества. В тыл были вывезены сотни научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Основным центром науки в годы войны стала Казань, куда переехал Президиум Академии наук СССР и ведущие лаборатории. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова прошел через сложный путь эвакуации: в октябре 1941 г. он был перебазирован в Ашхабад, а позже, в 1942 г., переведен в Свердловск. Несмотря на тяжелейшие условия, студенты продолжали обучение, а профессора вели научные разработки для нужд фронта.

Основной артерией эвакуации стала железная дорога. За июль-октябрь 1941 г. через московские вокзалы прошли тысячи эшелонов с оборудованием эвакуированных заводов и миллионы людей.

В декабре 1941 г. все еще продолжалась эвакуация московских и подмосковных предприятий, однако после стабилизации ситуации на фронте возникла необходимость остановить этот процесс, поскольку сборка заводов на новом месте могла занять слиш-

Ил. 4. 15-летний Алик Хайретдинов за работой в карамельном цехе фабрики «Красный Октябрь» в 1941 г.[1]

[1] Заменили отцов на заводах // Ведомости. 2025. 7 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/industry/industrial_policy/articles/2025/05/06/1108715-zamenili-ottsov-na-zavodah?ysclid=mpmc0dtvhu871259527 (дата обращения: 20.02.2026).

ком много времени, что создавало угрозу срыва производства жизненно необходимых в условиях войны ресурсов и оборудования.

Например, Наркомат нефтяной промышленности 30 декабря 1941 г. обратился в ГКО с просьбой прекратить эвакуацию Московского нефтеперерабатывающего завода в Краснокамск Молотовской области и вернуть из эвакуации 25 вагонов оборудования. Наркомат заверил, что в таком случае завод можно запустить уже в мае 1942 г., в то время как запуск на новом месте был бы возможен не ранее 1943 г. Аналогичная ситуация сложилась с двумя пороховыми заводами Москвы и Московской области. В обоих случаях ГКО принял решение вернуть оборудование и разрешить реэвакуацию отдельных рабочих этих предприятий.

Процесс восстановления работы после эвакуации требовал не только героического труда рабочих, но и филигранной точности от организаторов. Кооперация эвакуированных мощностей с местными ресурсами привела к созданию новых индустриальных центров, таких как «Танкоград» в Челябинске. Успех этого гигантского проекта был отмечен высшими наградами. Николай Михайлович Шверник за руководство Советом по эвакуации был награжден орденом Ленина. Алексей Николаевич Косыгин получил орден Ленина за организацию вывоза людей и ценностей из блокадного Ленинграда и налаживание логистики в тылу. Народный комиссар боеприпасов Борис Львович Ванников, сумевший организовать бесперебойный выпуск снарядов на новых местах, был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Народный комиссар танковой промышленности Вячеслав Александрович Малышев также был награжден орденом Ленина за создание мощной бронетанковой базы на Урале. Тысячи железнодорожников и инженеров получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Таким образом, благодаря общим усилиям и проявленному трудовому героизму за годы войны труженики тыла Советской России произвели около 490 тыс. орудий, свыше 102 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, около 137 тыс. боевых самолетов [4]. Огромное значение в этих достижениях играл трудовой энтузиазм и самопожертвование советских граждан. При почти полном исчерпании людских ресурсов и сокращении станочного парка, производительность труда росла за счет повышения качества продукции, экономии материалов, энергии и рабочей силы, внедрения передовых методов, например, поточного производства и т.д. Это приводило к видимым результатам. Например, на предприятиях, производивших вооружение за все годы войны, численность рабочей силы выросла лишь на 13 %, в то время как выпуск валовой продукции увеличился в 2,5 раза; на такой же показатель выросла и производительность труда [7]. Повсеместно ширилось движение «двухсотников» и «трехсотников», т. е. рабочих, перевыполнявших планы выпуска продукции вдвое и втрое. Было немало мастеров-«скоростников», перевыполнявших план на 500, 600 и более процентов.

И хотя эвакуация в СССР в 1941–1942 гг. сопровождалась многими, зачастую неизбежными потерями, ее главная цель – спасти от фашистских захватчиков миллионы советских граждан, основную часть промышленных и сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей – была успешно достигнута.

О том, что процесс эвакуации был налажен и эффективен, свидетельствует большое количество документов, которые постепенно раскрываются архивами. При разработке тематики большая помощь была оказана Главным архивным управлением г. Москвы и Российским государственным архивом новейшей истории. Уникальные документы раскрывают не только формальную управленческую часть процесса, но и дают возможность прикоснуться к переписке между руководителями по всему спектру вопросов. Интересными выглядят документы, посвященные второй части эвакуации 1942 г., рассекреченные документы с резолюциями и пояснениями И.В. Сталина, пе-

реписка Н. Хрущева и Г. Маленкова, информационные сообщения А. Косыгина, А. Микояна и Л. Берии.

Рассматривая то, что составляет историческую память поколений как процесс нескончаемый и необходимый, мы должны понять современное состояние реализации этого процесса на территории Российской Федерации.

Если вся страна в годы войны работала на победу, принимала заводы и людей, то и память об этом сложном процессе должна отражаться в глазах тех, ради кого все это делалось, ради кого шла упорная работа в страшные годы Великой Отечественной. Есть нить, которая тянется от точки на карте к душе каждого гражданина России.

В России есть несколько памятных дат, которые определили перелом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Вот лишь некоторые из них:

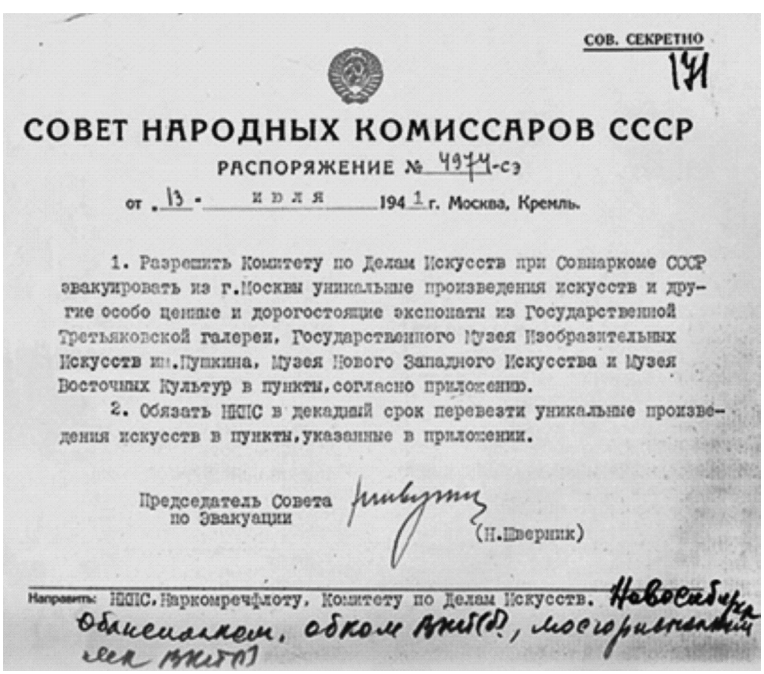
– годовщина военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции;

– день начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой;

– победа в Сталинградской и Курской битвах и др.

Это шаги Победы. Когда мы празднуем их, мы чтим память всех, кто не только с оружием в руках, но и на трудовом фронте что называется «дал стране угля».

Например, в честь исторического военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. ежегодно в столице проходит комплекс мероприятий, в том числе в Музее под открытым небом на Красной площади. А в 2022 г. музей посетил Президент России В.В. Путин.

СОВ. СЕКРЕТНО

171

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 4974-сэ

от 13 июля 1941 г. Москва, Кремль.

1. Разрешить Комитету по Делам Искусств при Совнаркоме СССР эвакуировать из г. Москвы уникальные произведения искусств и другие особо ценные и дорогостоящие экспонаты из Государственной Третьяковской галереи, Государственного Музея Изобразительных Искусств им. Пушкина, Музея Нового Западного Искусства и Музея Восточных Культур в пункты, согласно приложению.

2. Обязать НКПС в декадный срок перевезти уникальные произведения искусств в пункты, указанные в приложении.

Председатель Совета по Эвакуации (Н. Шверник)

Направить: НКПС, Наркомречфлоту, Комитету по Делам Искусств. Новосибирск, Омск, Челябинск, обком ВКП(б), горисполком

Ил. 5. Распоряжение о временном вывозе уникальных произведений искусства[1]

[1] Отечественная война. Третьяковская галерея в Москве и в Сибири // Третьяковская галерея [сайт]. URL: https://www.tretyakovgallery.ru/about/history/otechestvennaya-voyna/ (дата обращения: 20.02.2026).

В 2025 г. в честь 84-й годовщины легендарного военного парада 1941 г. уже по традиции была организована на Красной площади с 7 по 9 ноября работа музея «Город живых историй». Ключевое место в экспозиции заняли истории представителей ратных династий, посвятивших жизни защите нашей страны.

В музее было представлено 10 тематических зон, объединенных в живую историю. В зоне «Авиационный щит столицы» были представлены уникальные снимки авиазаводов и авиадетали времен Великой Отечественной войны. Одним из самых интересных и приковывающих внимание посетителей музея стал раздел «Операция Эвакуация», который рассказывал о масштабном перемещении предприятий на восток. Статистические сведения, подлинные фотографии и истории ветеранов не оставили равнодушными ни одного гостя мероприятия.

В других разделах через личные истории и судьбы был показан повседневный подвиг тысяч людей – тех, кто ковал Победу у станков, защищал небо столицы, спасал жизни в госпиталях и обеспечивал работу города. Выставку посмотрели около 348 тыс. чел.

Мы чтим память о каждом. Открываются памятники и мемориалы в память об эвакуации промышленности и населения. Они есть в Вологодской и Кировской областях и т. д. Последним на данный момент стал монумент в Перми, посвященный эвакуации мирных жителей из г. Ленинграда в г. Молотов и Молотовскую область (ныне Пермь и Пермский край) во время Великой Отечественной войны. Инициатива создания памятника принадлежала губернатору Пермского края Дмитрию Махонину. А монумент установлен при поддержке Регионального отделения РВИО в Пермском крае.

Установка таких памятников – это дань памяти эвакуированным, а также знак уважения общества к их стойкости и героизму.

Подводя итог, хочется особо отметить: вся страна, все народы Советского Союза сплотились в единый монолит и не позволили врагу добиться своей цели. Мы сегодня просто обязаны формировать патриотическую повестку с учетом открывающихся фактов с использованием актуальных методов донесения информации всеми возможными способами. Наш долг – сохранить правду о решающей роли Советского Союза и Красной Армии в достижении Победы, не позволить фальсификаторам переписать историю, не предать память о погибших на фронтах Великой войны и тружениках тыла.

Литература и источники

1. *Белоносов И.И.* Эвакуация населения из прифронтовой полосы // Эшелоны идут на восток / отв. ред. Ю.А. Поляков. Москва: Наука, 1966. С. 15–44.

2. *Богатырев О.С., Тимофеев В.В.* К вопросу о работе эвакуированных предприятий (на примере Чувашии) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 2 (№ 55–56).

3. В штабах Победы. 1941–1945: документы: в 5 кн. Кн. 1. 1941.«Вставай страна огромная» / Рос. гос. арх. соц.-полит. истории, ПАО АФК «Система»; отв. ред. А.К. Сорокин. Москва: Научно-полит. кн., 2020. 576 с.

4. *Гладков И.А.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. Москва: Знание, 1970. 46 с.

5. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность Т. 1. Москва: РОССПЭН, 2015.1220 с.

6. *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. Московская битва. День за днем. Москва: Планета, 2019. 399 с.

7. *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. Москва: Наука, 1982. 328 с.

8. *Косыгин А.Н.* В едином строю защитников Отчизны. Москва: Политиздат, 1980. 47 с.

9. *Куманёв Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

10. *Мозохин О.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 20–37.

11. Московская битва в постановлениях Государственного комитета обороны: документы и материалы / сост. В. Филатов и др. Москва: Большая Рос. энцикл., 2001. 175 с.

12. Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941–1945 / под общ. ред. академика РАН А.О. Чубарьяна; сост. А.Ю. Безугольный, Т.С. Мельниченко. Москва: Наука, 2025. 586 с.

13. *Потемкина М.Н., Климанов А.Ю.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772.

14. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Наука, 1977. 734 с.

15. *Manley R.* To the Tashkent Station, Evacuation and Survival in the Soviet Union at War, Ithaca — Londres: Cornell University Press.

УДК 355.244(470.344) ”1941/1945”

И.И. Бойко

ЭВАКУАЦИЯ И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШИИ

Аннотация. В статье раскрывается влияние эвакуированных предприятий на развитие отдельных отраслей промышленности Чувашии в военное и послевоенное время. Отмечены трудности в ходе эвакуации промышленных предприятий. Подчеркнута важность деятельности кадровых специалистов, приехавших в Чебоксары, на подготовку молодых рабочих, управленческих кадров, влияние на социальные отношения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, развитие новых отраслей, подготовка кадров, электроаппаратный завод.

I.I. Boyko

EVACUATION AND INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF CHUVASHIA

Abstract. The article reveals the impact of evacuated enterprises on the development of individual industries in Chuvashia during the war and post-war period. Difficulties were noted during the evacuation of industrial enterprises. The importance of the activities of personnel specialists who came to Cheboksary for the training of young workers, managerial personnel, and the impact on social relations was emphasized.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, development of new industries, personnel training, electrical equipment factory.

В недавней историографической статье, посвященной проблеме промышленной эвакуации, М.Н. Потемкина и А.Ю. Климанов отмечают, что среди общепринятых положений современных концепций эвакуации фиксируется суждение о стимулирующем воздействии эвакуированного промышленного оборудования, не подлежащего реэвакуации в послевоенный период, на последующее индустриальное развитие региона-реципиента [16]. На наш взгляд, это, безусловно, правильный вывод, и с этой точки зрения рассмотрим эвакуационные процессы на примере Чувашии. В то же время следует отметить, что ограничение влияния эвакуированной промышленности на развитие принимающего региона только оборудованием, которое остается здесь после реэвакуации, представляется не совсем полным. Индустриальное оборудование не работает без людей. Речь должна идти и о вкладе специалистов, эвакуированных вместе с оборудованием предприятий, об их роли в воспитании кадров, которые с разной степенью успешности осваивали работу на токарных, фрезерных станках, кузнечных молотах, постигали тонкости литейного производства, механосборочных работ и т. д. Это было особенно важно в регионах со слабо развитой промышленностью, где не было традиций индустриального труда, особенно в некоторых автономных республиках, которые начали образовываться с 1920 г. В таких условиях велика была роль не только ремесленных училищ, школ ФЗУ и ФЗО, но и возможности более опытных рабочих, передававших свое мастерство молодым юношам и девушкам, пришедшим на производство. Реальные уроки передачи мастерства прекратились после реэвакуации наставников, но молодые люди продолжали повышать свои знания и умения на полученной солидной основе. Следует также иметь в виду, что часть эвакуированных специалистов не была реэвакуирована,

продолжала трудиться в городах, ставших для них новой родиной, и их роль в воспитании высококвалифицированных кадров оставалась высокой. Наконец, еще одно замечание, которое не имеет прямого отношения к индустриальному развитию регионов, но важно для некоторых сфер социальной жизни, иногда достаточно далеких от индустрии. Собственно, авторы упомянутой статьи также отмечают: «Оценивая влияние промышленной эвакуации на дальнейшее развитие принимающего региона, большинство исследователей пишут о ней как об импульсе для рывка в экономическом развитии, но многовекторность и неоднозначность этого влияния (в частности, в социальном преломлении) не раскрываются» [16, с. 766].

В представленной статье наши усилия будут направлены на анализ становления индустриальных отраслей в Чувашии, которые или совсем не были представлены, или же имелись в весьма незначительном масштабе в экономике автономной республики. Кроме того, рассмотрим некоторые социальные последствия эвакуации.

Во-первых, об уровне индустриального развития экономики Чувашской АССР накануне Великой Отечественной войны. В годы предвоенных пятилеток здесь было построено и строилось несколько достаточно крупных предприятий, в том числе Канашский вагоноремонтный завод, завершалось возведение в Чебоксарах будущего завода резинотехнических изделий, были запущены Чебоксарская макаронная фабрика и др. 1 января 1939 г. в столицу Чувашии прибыл первый грузовой поезд, и теперь Чебоксары через станцию Канаш были соединены с Московско-Казанской железной дорогой. Доля машиностроения и металлообработки в валовой продукции крупной промышленности составляла в 1940 г. 17 %. Ее опережали лесная и деревообрабатывающая (31 %), а также пищевая (22 %) отрасли. Индустриальное развитие сопровождалось ростом численности городского населения: с 45,2 тыс. чел. в 1926 г. до 131,4 тыс. чел. в 1939 г. В промышленности число рабочих и служащих за 1928–1940 гг. увеличилось почти в 20 раз: с 1,3 тыс. до 25,7 тыс. чел. [2, с. 39–40].

Начало Великой Отечественной войны повлекло значительные изменения в экономике всей страны. В тыловые регионы, среди которых была и Чувашия, началась эвакуация промышленных предприятий из фронтовых и прифронтовых областей и республик страны, а также гражданского населения. На наш взгляд, в условиях стремительного наступления немецких войск в процессе эвакуации нередкими были случаи несогласованности, накладок, путаницы, изменения ранее принятых решений и т. д. Часть руководителей еще не прониклась мыслью о важности безусловного и точного исполнения решений высших органов власти, в том числе по организации эвакуации.

26 июля 1941 г. Советом по эвакуации было принято решение о передаче из Наркомата местной промышленности РСФСР (Наркомместпром) в ведение Наркомата обороны для Главного артиллерийского управления Алатырской гармонной фабрики [3, л. 29]. В Алатырь была направлена Ржевская база № 40, переименованная в «Артиллерийский завод № 3». На этом предприятии был организован ремонт стрелкового вооружения. Переезд в Алатырь базы из Ржева выявил нерасторопность работы некоторых ведомств. Завод в городе должен был размещаться на территории гармонной фабрики, но выяснилось, что Наркомместпром, в ведении которого находилась фабрика, на запрос о передаче ее Военной базе № 40 не ответил, а эшелон из Ржева в Алатырь уже прибыл, вагоны необходимо срочно разгружать. Директор Алатырской гармонной фабрики А.К. Дембицкий 29 июля сообщил об этом первому секретарю Чувашского обкома ВКП(б) И.М. Чарыкову и председателю Совнаркома ЧАССР А.В. Сомову. В этот же день А.В. Сомов направляет председателю райсовета Б.А. Вислобокову и директору фабрики телеграмму, в которой на основании распоряжения Совета по эвакуации обязывает «...немедленно передать помещения. Райсовет должен оказать содействие в размещении военной базы» [5, л. 75, 76]. Задачи по развертыванию производства были

успешно решены. За годы войны алатырцы отремонтировали и отправили на фронт 2300 единиц артиллерийских систем, 10 000 минометов, 240 000 винтовок и карабинов, 5000 пулеметов, 95 000 револьверов и пистолетов, 13 000 единиц оптики, и также ремонтировали холодное оружие для кавалерийских частей Красной Армии.

Подобные нестыковки в логистике не были единичными, их масштаб иногда создавал серьезные проблемы для налаживания производства. Речь, например, идет об эвакуации в Чебоксары отдельных цехов Харьковского электромеханического завода и Ленинградского завода «Электрик», на базе которых был организован Чебоксарский электроаппаратный завод. Дело в том, что в Чебоксары прибыло не все эвакуированное оборудование. В вагонах, не дошедших до Чебоксар, находились станки и оборудование для инструментального цеха, а также заготовки готовых деталей. 13 марта 1942 г. директор завода Я.С. Бенский обращается к первому секретарю Чувашского обкома ВКП(б) И.М. Чарыкову с разъяснением ситуации с не прибывшим оборудованием. Оказалось, что обращение уполномоченного Наркомата электротехнической промышленности В.Н. Евзлина в Наркомат, Главк и самому наркому не дали результатов. О месте нахождения оборудования не имелось сведений ни в Чувашии, ни в Москве, ни в Свердловске (там в эти годы работал главк министерства) [11, л. 13–14]. Такие неувязки серьезно влияли на ритмичную работу предприятий, выпуск оборонной продукции.

Проблемы с оборудованием, производственными помещениями, кадрами были характерны и для других эвакуированных предприятий, в разной степени относящихся к обеспечению заказов для действующей армии. Например, можно привести пример с вводом в действие чулочной фабрики, первоначально эвакуированной из Полтавы в г. Горький, но ввиду отсутствия свободных производственных площадей, перенаправленной в Чебоксары. Оборудование фабрики было доставлено в начале декабря 1941 г., но у предприятия не имелось фондов для проведения работ не только по монтажу оборудования, но даже по доставке его от вокзала до города. В счет взаимозачета фабрике было предоставлено 25 тыс. руб. от Наркомфина Чувашии, а затем еще 30 тыс. руб., которые были использованы для монтажа первой очереди предприятия (200 вязальных машин). Они были размещены в обозно-бондарном и жестяном цехах горпромкомбината. Производственное задание для предприятия было уже определено, и в первом квартале 1942 г. чулочно-носочная продукция должна была поставляться. Но основная часть вязальных машин начала поступать только после 20 января 1942 г., предоставленные для их монтажа помещения требовали также переоборудования, но возможностей для этого не было. В письме дирекции фабрики, направленном в начале апреля 1942 г. в Министерство местной промышленности Чувашской АССР, отмечались все трудности, и была сформулирована просьба перенести государственное задание на один квартал. Актуальными оставались проблемы с обеспечением сырьем, нехваткой рабочих кадров. На начало марта на фабрике было 149 рабочих, когда требовалось для планового обслуживания всех станков 347 чел. Рабочим приходилось снимать квартиры, жилье для фабрики не было выделено [7, л. 159; 13, л. 14 об.–15]. В постановлении СНК РСФСР от 25 марта 1942 г. отмечались недостатки работы руководства ряда областей и республик страны в связи с задержками по вводу в строй действующих предприятий легкой промышленности. В этой связи был упомянут и Совнарком Чувашской АССР [8, л. 165–167].

Если вести речь о количестве эвакуированных предприятий, то не всегда точно можно определить сам факт эвакуации, поскольку планы могли меняться. Например, 7 августа 1941 г. Советом по эвакуации было принято решение о размещении Крюковского вагоноремонтного завода Наркомата среднего машиностроения на площадках Канашского ВРЗ Наркомата путей сообщения. Но 3 сентября это решение было уточнено, и в Канаше в первую очередь предполагался монтаж оборудования для спецпроизводства, то есть изготовления боеприпасов. В то же время спецпроизводство Крю-

ковского ВРЗ направлялось не в Канаш, а в Молотов (Пермь) [4, л. 55, 56]. Невозможно установить количество и мощности эвакуированных частей отдельных предприятий и производств. Так, руководство завода № 320, обращаясь к председателю Совнаркома Чувашской АССР А.В. Сомову, сообщало, что решением правительства и приказом наркома боеприпасов СССР научно-конструкторское бюро НИИ № 6 было разделено на 4 части и направлено в разные районы страны. Филиал № 3 – пиротехнический отдел института, состоящий из ряда лабораторий и мастерских, был перевезен в Чебоксары, в связи с этим завод просил о выделении 600 кв. м жилья для прибывающих работников [6, л. 120].

Безусловно, руководство страны, отдельных отраслей понимало, что процесс эвакуации будет проходить непросто, потребуется значительное напряжение сил всех его участников, в том числе и в ходе налаживания работы на новых местах. В конце декабря 1941 г. директор завода электроаппаратуры Я.С. Бенский получил отношение, подписанное начальником Главэлектроаппаратмашпрома А.И. Бертиновым (с 1943 г. Альберт Иосифович Бертинов был назначен заместителем уполномоченного Государственного комитета обороны по спецтехнике, руководил в стране разработками электротехнических и радиотехнических изделий). В отношении подчеркивалось, что решением Государственного комитета обороны от 4 декабря 1941 г. завод должен работать по-военному и к 1 мая достичь установленной мощности. Руководитель отрасли отметил, что «монтаж оборудования, проводка кабеля, изготовление инструмента должно производиться круглые сутки, без выходных дней. Каждый установленный станок должен немедленно получать программу. Обычными путями выполнить решение невозможно. Необходимо проявить высокую грамотность и большевистскую напористость. Снабжение материалами затруднено, необходимо использовать все наличные резервы, широко применять заменители, согласовывая их на месте с военпредами. Организуйте помощь местных организаций. Обращаю Ваше внимание на важность и серьезность выполнения данного решения» [12, л. 3].

В Чебоксарах и в других городах Чувашии практически не было предприятий крупной промышленности, прибывшие предприятия нередко располагались в неприспособленных помещениях, оборудование приходилось устанавливать в условиях сильных морозов, при отсутствии нормального отопления. Начавшаяся война вынуждала всех трудиться на пределе своих возможностей.

Традиционно в литературе упоминается, что в Чувашию были эвакуированы 28 предприятий, цехов и производств, но, на наш взгляд, стремление к абсолютному уточнению подобных цифр невыполнимо, важнее показать конкретную работу эвакуированных предприятий, функционирующих самостоятельно или в составе других заводов и фабрик. Детальное рассмотрение процесса промышленной эвакуации в Чувашию, рассказ об особенностях интеграции нового индустриального производства в экономику республики, обеспечение его кадрами – задача более масштабного исследования. В настоящем сообщении попытаемся показать роль прибывших предприятий на изменение структуры индустриального сектора народного хозяйства республики, насыщении его квалифицированными кадрами.

К началу 1945 г. численность городского населения Чувашии по сравнению с 1939 г. возросла на 6 тыс. чел. и составила 137 365 чел. В Чебоксарах насчитывалось 31 922 чел., в Алатыре – 29 782, в Канаше – 18 756, в Шумерле – 15 220 чел. В остальных городских поселениях число жителей было намного меньшим [10, л. 5–5 об.].

К 1945 г. экономика республики стала производить продукции заметно больше, чем в предвоенные годы, изменилась номенклатура выпускаемых изделий (см. табл.). Наиболее заметные изменения произошли в химической промышленности, а также в машиностроении и металлообработке. Заметное повышение производства фосфоритной муки было достигнуто на Вурнарском фосфоритном заводе. Если

вести речь об электроаппаратчиках, то их усилиями была создана совершенно новая электротехническая отрасль, которая впоследствии стала одним из брендов республики.

Таблица

Некоторые показатели экономики Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны*

	1940 г.	1945 г.
Валовая продукция промышленности (в ценах 1926–1927 гг.), тыс. руб.	169 608	385 269
Производство:		
Хлопчатобумажные ткани, тыс. погон. м	38	2113
Чулочно-носочные изделия, тыс. пар	173	1079
Ремонт вагонов, шт.	1873	3993
Объем продукции (работ, услуг) электроэнергетической промышленности (1940 г.=1)	1,0	1,94
Объем продукции (работ, услуг) химической промышленности (1940 г.=1)	1,0	4,13
Объем продукции (работ, услуг) машиностроения и металлообработки (1940 г.=1)	1,0	4,89
Объем продукции (работ, услуг) легкой промышленности (1940 г.=1)	1,0	1,7
Объем продукции (работ, услуг) лесной и деревообрабатывающей промышленности (1940 г.=1)	1,0	0,35
Среднегодовая численность рабочих и служащих в промышленности, чел.	34 091	38 574
Энерговооруженность труда в промышленности (1940 г.=1)	1,0	1,06
Производительность труда в промышленности (1940 г.= 1)	1,0	1,38

* Таблица составлена по: [17, с. 56].

Деятельность эвакуированных предприятий легкой промышленности позволила значительно расширить производства легкой и текстильной отраслей. В годы войны в республике появились предприятия авиационной промышленности, которые внесли вклад в производство легкомоторных самолетов, планеров. С окончанием войны это производство в республике было свернуто.

Вклад кадровых работников эвакуированных заводов и фабрик для успеха предприятий трудно переоценить, но, кроме того, они сыграли огромную роль в воспитании молодежи, пришедшей на заводы из городов и сел Чувашии. Наиболее значительную часть рабочих и инженерно-технических кадров республики составляли электроаппаратчики. Из Харькова были эвакуированы 477 работников завода, из Ленинграда – 219 рабочих и ИТР. Квалификация рабочих основных производств из Харькова была выше, чем из завода «Электрик» [9, л. 22об.]. Но среди прибывших из Ленинграда был молодой фрезеровщик, имя которого после войны стало хорошо известным. Это Николай Александрович Королев, который одним из первых упоминается в документах о деятельности завода № 654, как мастер-стахановец, выполнявший вместе с другими передовиками нормы выработки на 200 % и более. Тогда еще никто

не знал, что это будущая гордость не только предприятия, но и всей республики. В 1966 г. ему заслуженно присвоят высокое звание Героя Социалистического Труда, и за 40 лет работы на родном заводе он станет наставником десятков молодых людей, ставших прекрасными специалистами. Среди них – молодой паренек из чувашской деревни Вачалкасы Чебоксарского района Анатолий Краснов, пришедший на завод в середине 1944 г. Он в совершенстве овладел профессией фрезеровщика, стал мастером высокого класса. За успехи в труде Анатолий Тимофеевич был награжден орденами Ленина, «Знак Почета», медалями. Он представлял Чувашскую областную организацию КПСС на XXII съезде партии [14, с. 20–21].

Масштабную роль в развитии электротехнической отрасли не только Чувашии, но и страны сыграл Александр Васильевич Буйволов, который был эвакуирован из Харькова в Чебоксары, работал начальником цеха, производства, главным инженером. В 1957–1961 гг. был директором Чебоксарского электроаппаратного завода (ЧЭАЗа). С изменением системы управления экономикой с территориального на производственный принцип, в 1961 г. он назначен заместителем председателя Волго-Вятского совнархоза, начальником его электротехнического управления. В 1965–1975 гг. А.В. Буйволов – начальник Главного управления по производству низковольтной аппаратуры Министерства электротехнической промышленности СССР. В 1964 г. ему была присуждена Ленинская премия за участие в создании комплекса устройств релейной защиты и автоматики линий дальних электропередач сверхвысоких напряжений [14, с. 28–29].

На электроаппаратном заводе сформировалась плеяда талантливых конструкторов-релейщиков, в том числе эвакуированных из Харькова и оставшихся работать в Чебоксарах после окончания войны. Это А.М. Бреслер, Л.М. Воронель, З.Д. Кац, М.Б. Цфасман, Г.Ф. Эдельштейн и др. Благодаря усилиям коллектива предприятия, в том числе талантливых конструкторов, многие из которых стояли у истоков создания реле различных типов и серий, в конце 1960 г. в Чебоксарах был открыт Чувашский научно-исследовательский электротехнический институт, преобразованный в 1970 г. во Всесоюзный научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт релестроения. С 1992 г. институт получил всероссийский статус. Чувашия в 1970-е гг. стала центром релестроения СССР, около 90 % низковольтных реле разрабатывалось и выпускалось в республике [14, с. 126–127; 15, с. 29–31, 34, 138–141].

16-летний юноша Сергей Черников был эвакуирован из Орловской области в г. Канаш, где поступил в железнодорожную школу трудовых резервов и с декабря 1942 г. работал помощником машиниста паровоза. После окончания в 1947 г. Муромской школы машинистов работал машинистом паровоза. Проявил себя как талантливый экспериментатор, разработал свой метод вождения тяжеловесных поездов и экономии топлива. Учил молодежь в школе передового опыта, был машинистом-инструктором. В 1959 г. С.И. Черникову было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он также представлял Чувашскую партийную организацию на XXV съезде КПСС [14, с. 116–117].

Среди эвакуированных специалистов из Харькова был Авраам Маркович Юдкевич, работавший мастером, заместителем начальника одного из цехов Харьковского электромеханического завода (ХЭМЗа). В Чебоксарах ему пришлось переквалифицироваться, поскольку он был назначен руководителем строительных работ, заместителем директора по строительству. Авраам Маркович стал настоящим профессионалом-строителем, руководителем строительного управления, а с 1959 г. – строительного треста № 2, который возводил социально-культурные объекты и жилье в Чебоксарах и Новочебоксарске. Через 2 года А.М. Юдкевич был назначен заместителем начальника Чувашского управления строительства, где работал еще 7 лет [15, с. 84–86].

Специалисты-электроаппаратчики проявляли себя не только на производстве. Одним из стахановцев военных лет, значительно перевыполнявшим нормы выработки, был слесарь-инструментальщик Семен Яковлевич Мильман, кавалер ордена «Знак Почета». За уникальное мастерство его называли Левшой, как героя одноименного произведения Н.С. Лескова. Известным стало его сотрудничество со светилом офтальмологии С.Н. Федоровым, который приехал на работу в Чебоксары в 1958 г., и в столице Чувашии у него окончательно оформилось решение об имплантации искусственного хрусталика глаза людям, больным катарактой. Трудно решаемой оказалась задача изготовления такого хрусталика, и после поисков мастеров, которые сумели бы помочь ему воплотить задумки, он встретился с С.Я. Мильманом. После ряда проб и ошибок была сделана пресс-форма для изготовления искусственного хрусталика. В сентябре 1960 г. первой пациенткой доктора была 12-летняя Лена Петрова из Красноармейского района Чувашии. У нее была врожденная катаракта, и после операций зрение стало нормальным. С.Н. Федоров подчеркивал вклад С.Я. Мильмана в свой успех, отметив, что если бы не этот талантливый рабочий человек, то тогда ни его метод, ни его стартовая площадка, – ничего бы не свершилось [1].

Нельзя не отметить и передачу управленческого опыта, накопленного эвакуированными специалистами в годы Великой Отечественной войны. Безусловно, следует иметь в виду, что опыт в условиях чрезвычайного положения не всегда применим в мирное время, но умение видеть цель, выделить основное звено, принимать конкретные управленческие решения были реализованы в Чувашии и после войны. Об Александре Васильевиче Буйволове речь шла выше. Свой вклад в развитие Чебоксар и республики внесли и другие представители электроаппаратного завода. Одним из них был Олег Вячеславович Троицкий, направленный в сентябре 1941 г. из Харькова в Чебоксары для приема оборудования и работников, а затем организации Чебоксарского электроаппаратного завода. Здесь он трудился начальником цеха, заведующим производством, заместителем директора, директором. Неоднократно избирался на общественные и партийные должности, был депутатом Чебоксарского горсовета. В Канаше проявился талант организатора производства и общественного деятеля Арсентия Кирилловича Сороки, работавшего до войны на Шевченковском паровозовагоноремонтном заводе. На Канашском ВРЗ в годы войны он руководил участком, отделом технического контроля, производственным отделом. После войны получил высшее образование, в 1952 г. возвращается в Канаш, работает главным инженером, а затем и начальником завода. Он был членом Чувашского обкома, Канашского горкома КПСС, депутатом Канашского городского Совета трудящихся, развивал социально-культурную сферу города [14, с. 106–107]. Вклад всех трех перечисленных управленцев, попавших в Чувашию во время эвакуации, в экономическое и социальное развитие республики отмечен занесением их в Почетную книгу трудовой славы и героизма Чувашской АССР. Эта книга была учреждена постановлением руководящих органов Чувашии в 1962 г., после полета в космос нашего земляка, космонавта-3 СССР Андрияна Григорьевича Николаева, в нее включено 149 чел., проявивших себя в разных сферах деятельности.

Таким образом, эвакуация в годы Великой Отечественной войны изменила технологический, демографический и социальный облик прежде всего городов Чувашии. Она стимулировала развитие ряда отраслей промышленности, что в дальнейшем привело к лидерству одного из направлений электротехнической отрасли республики во всесоюзном масштабе. Заметный импульс получила легкая промышленность. Важен вклад передовиков и организаторов производства заводов № 320 и № 654, других предприятий на подготовку управленческих и рабочих кадров, в том числе из местной молодежи.

Литература и источники

1. *Алексеева А.* Как слесарь хирургу помогал // Советская Чувашия. 2013. 31 октября.

2. *Бойко И.И.* Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 35–63.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 15 (ч. 1).

4. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 15 (ч. 2).

5. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 16 (ч. 2).

6. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 16 (ч. 3).

7. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 16 (ч. 4).

8. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 44.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 6. Д. 20.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 17. Д. 5.

11. ГИА ЧР. Ф. Р-1517. Оп. 1с. Д. 4.

12. ГИА ЧР. Ф. Р-1517. Оп. 1с. Д. 5.

13. ГИА ЧР. Ф. Р-1938. Оп. 1. Д. 4.

14. Ими гордится Чувашия. Их имена занесены в Почетную книгу трудовой славы и героизма Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 301 с.

15. *Костинская Д.М.* Евреи Чувашии. Чебоксары: Руссика, 2003. 170 с.

16. *Потемкина М.Н., Климанов А.Ю.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772. URL: https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.312) (дата обращения: 17.03.2026).

17. Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны: статистический сборник. Чебоксары: [б. и.], 2015. 138 с.

Секция 1

ЭВАКУАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 355.02 (575.2)

А.Р. Бикбулатова

ВЛИЯНИЕ ЭВАКУИРОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ КЫРГЫЗСТАНА (1941–1945)

Аннотация. История эвакуации промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны в Кыргызстане остается одной из актуальных тем в исторической науке страны. Промышленные объекты были эвакуированы вместе с рабочими, инженерами и их семьями, которые в корне изменили демографическую, этническую и социальную структуру населения Киргизской ССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кыргызстан, эвакуация промышленности.

A.R. Bikbulatova

THE IMPACT OF EVACUATED INDUSTRY ON THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF KYRGYZSTAN (1941–1945)

Abstract. The history of the evacuation of industrial enterprises to Kyrgyzstan during the Great Patriotic War remains apressing topic in the countrys historical science. Industrial facilities were evacuated along with workers, engineers and their families, which radically changed the demographic, ethnic and social structure of the population of the Kirghiz SSR.

Keywords: the Great Patriotic War, Kyrgyzstan, industrial evacuation.

Великая Отечественная война (1941–1945) потребовала коренной перестройки всей жизнедеятельности СССР. Одним из ключевых факторов Победы стала беспрецедентная в мировой истории эвакуация промышленного потенциала из прифронтовых зон в глубокий тыл, включая республики Центральной Азии. Для Киргизской ССР этот период стал точкой коренного перелома. Эвакуация крупных заводов, фабрик и тысяч специалистов превратила преимущественно аграрный регион в развитую индустриально-аграрную республику. Изучение этого исторического опыта актуально для понимания механизмов ускоренной модернизации, формирования национальной научно-технической интеллигенции и долгосрочных социально-экономических последствий, которые во многом определили структуру современного Кыргызстана.

Данная тема традиционно находилась в фокусе внимания советских и кыргызстанских историков, экономистов и демографов. Весомый вклад в разработку проблемы внесли труды исследователей, изучавших общий вклад Кыргызстана в Победу, развитие промышленности, этнодемографических изменений в стране. В современный период данная тема не теряет своей актуальности, акцент сместился на детальный анализ архивных материалов, на переоценку значения не только промышленных предприятий для экономики, но и значение эвакуированного населения в местную социально-экономическую систему.

Война нанесла колоссальный ущерб демографии республики, в которой на начало 1941 г. численность населения составляла 1 млн 588 тыс. чел. Из этого количества с июля 1941 по сентябрь 1944 г. в ряды Красной Армии было мобилизовано более 380 тыс. чел. [1, с. 44], или каждый четвертый житель. Дополнительно к этому в первые месяцы

войны из страны были мобилизованы в составе трудармейцев 36 295 чел. коренной национальности для работы в промышленности и строительстве Урала и Кузбасса [6, с. 6]. Уход на войну мужчин трудоспособного возраста повлиял в первую очередь на снижение трудовых ресурсов. Из 186,6 тыс. трудоспособных мужчин, работавших в колхозах накануне войны, в 1943 г. осталось всего 66,2 тыс. чел. Трудоспособная часть населения в сельской местности составляла только 36,6 %. Нехватка мужчин, ушедших на фронт, компенсировалась за счет женщин, их удельный вес в народном хозяйстве республики увеличился с 29,6 % в 1941 г. до 56 % в 1944 г. [4, с. 30–33]. Кроме женщин, ушедших на войну мужчин заменили подростки и старики, на плечи которых легла основная тяжесть тылового труда.

Всего в годы Великой Отечественной войны в Кыргызстан было ввезено оборудования более 38 крупных предприятий (по некоторым данным, до 66 объектов, включая мелкие цеха и артели) из оккупированных районов России, Украины и Белоруссии. Из них в 1941 г. в страну было эвакуировано 28 предприятий. В 1942 г., в связи с наступлением армии вермахта на Кавказ и Сталинград, прибыло еще 38 объектов. Значительная их часть относилась к оборонной промышленности [2, с. 81–85]. Среди них были Бердянский машиностроительный завод, Никитовский ртутный комбинат (г.Донбасс), Первомайский завод сельскохозяйственных машин, Харьковский химико-фармацевтический завод, несколько заводов и фабрик из Одессы, Харькова, Курска, Ростова, из-под Москвы. Основная часть этих предприятий оставалась в столице республики, г. Фрунзе. Специально созданные комиссии принимали на учет прибывающее оборудование, занимались изысканием производственных площадей, помогали налаживать технологический процесс, обеспечив до первой половины 1942 г. вступление в строй и работу на полную мощность всех эвакуированных в республику предприятий.

Безусловно, эвакуированные предприятия оказали содействие в целом развитию промышленности страны, на его характер и темпы роста. Но редко учитывается влияние данного процесса на демографическое, этническое, и социальное развитие Киргизской ССР. Вместе с оборудованием для налаживания работы и выпуска необходимой продукции в страну были эвакуированы рабочие и инженеры этих предприятий, а также их семьи. К декабрю 1942 г. количество эвакуированных достигло 138,9 тыс. чел. [5, с. 60]. В годы войны Кыргызстан принял в целом более 300 тыс. новых жителей. Для обеспечения их жильем, работой, одеждой, в августе 1941 г. была создана правительственная республиканская комиссия по делам эвакуированных из прифронтовой зоны [2, с. 84]. Также в эти годы население страны увеличилось за счет эвакуированных детей-сирот. В республику было эвакуировано более 40 детских домов, в которых содержалось 3,5 тыс. детей. Они были размещены в лучших помещениях курортных зон республики.

На численность населения Кыргызстана повлияла и эвакуация раненых солдат и офицеров. В период войны в стране функционировало около 30 военных госпиталей, где лечились более 40 тыс. раненых. Госпитали были эвакуированы вместе с медперсоналом. Для этих учреждений и персонала были отведены благоустроенные помещения.

В основном за счет эвакуированных рабочих, инженеров, их семей, детей-сирот, раненых военнослужащих изменилась демографическая картина в стране, быстрыми темпами росла численность городских жителей. Данные демографические изменения были тесно связаны и с изменениями этнической структуры населения, которая сохранилась и в послевоенное время. В этот период доля русских, украинцев, немцев значительно возросла, что делало, например, г. Фрунзе преимущественно русскоязычным. На изменение этнической структуры страны повлияла и насильственная депортация народов в годы войны. В Кыргызстане появились чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, курды, турки и др. [3]. Так, Великая Отечественная война повлияла на изменение не только этнической структуры населения, но и сопровождалась глубокими сдвигами в

профессиональной, образовательной сфере. Увеличилось число рабочих, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте. Росла численность технической интеллигенции за счет инженеров, руководителей. В эти годы в страну прибыло огромное количество врачей, медицинского персонала для работы в госпиталях. Среди членов семей эвакуированных было много учителей. Это привело к росту интеллигенции в стране, которая в последующем повлияла на формирование национальной технической и творческой интеллигенции.

Таким образом, Кыргызстан в период Великой Отечественной войны из аграрно-индустриальной страны превратился в индустриально-аграрную. Данный процесс привел к трансформации этнодемографической структуры населения страны. Увеличилась доля городского населения европейского типа. Изменилась социальная структура населения, вырос удельный вес индустриальных рабочих и интеллигенции, происходила постепенная адаптация коренного киргизского населения к индустриальному труду.

Литература и источники

1. *Алымкулов Н.А.* Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы – кыргызстанцы: новые факты, имена / науч. ред. академик А. Асанканов; сост. С.К. Алымкулова. Бишкек: Илим, 2025. 446 с.

2. *Джунушалиева Г.Д.* Эвакуированные предприятия как основа оборонной промышленности Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 81–85.

3. *Дьяченко Л.Н.* Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): дис. ... доктора ист. наук. Бишкек, 2013. 390 с.

4. *Есипов Н.С.* Промышленность Киргизии. Фрунзе: Киргосиздат, 1957. 165 с.

5. *Керимбаев С.К.* Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. 2-е изд. Фрунзе: Илим, 1985. 316 с.

6. Оборонная промышленность Кыргызстана. 1941–1945 гг.: сборник документов / сост. Г.Т. Гуля и др. Бишкек: Дем, 2025. 180 с.

УДК 93/94

Б.У. Сераzетдинов

КОЛИЧЕСТВО ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МИФЫ И ПРАВДА[1]

Аннотация. В статье поднимается вопрос о точном количестве предприятий, перемещенных в регионы Урала, Сибири, в Среднюю Азию и Казахстан. Исследователи при изучении эвакуации промышленных предприятий в конкретные тыловые регионы сталкиваются с неточностью официальных данных в работе Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Автор показывает на примере исследований уральских ученых о несовпадении количества предприятий, прибывших на Урал. Он описывает тщательную работу авторов сборника документов, посвященную эвакуации промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по уточнению количества прибывших в их регион. В статье приводится новая цифра о количестве эвакуированных предприятий в Западную Сибирь.

Ключевые слова: эвакуация, промышленные предприятия, Великая Отечественная война, Урал, Западная Сибирь, Челябинская область.

B.U. Serazetdinov

THE NUMBER OF EVACUATED ENTERPRISES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MYTHS AND REALITY

Abstract. The article raises the question of the exact number of enterprises relocated to the regions of the Urals, Siberia, Central Asia and Kazakhstan. Researchers studying the evacuation of industrial enterprises to specific rear regions are faced with the accuracy of official data in the work of N.A. Voznesensky «The military economy of the USSR during the Patriotic War». The author shows by the example of research by Ural scientists about the discrepancy in the number of enterprises that arrived in the Urals. He describes the careful work of the authors of the collection of documents devoted to the evacuation of industrial enterprises to the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War of 1941–1945 to clarify their exact number of arrivals in their region. He gives anew figure for the number of evacuated enterprises in Western Siberia.

Keywords: evacuation, industrial enterprises, the Great Patriotic War, the Urals, Western Siberia, Chelyabinsk region.

Война резко изменила задачи советской экономики. Госплан СССР как центральный институт государственного управления и координации оказался на уровне возникших сложнейших задач военной экономики. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 7 августа 1941 г. № 421 «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» [22, л. 35; 23, л. 56–58] на Госплан СССР была возложена задача обеспечения эвакуации и мобилизации промышленности СССР. При размещении эвакуируемых предприятий преимущество было отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков и бронеавтомобилей, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Была приведена в действие мобилизационно-эвакуационная схема задач, функций, организационных

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0014 «Актуальные вопросы изучения истории Великой Отечественной войны», НИОКТР 125022002771-5).

схем производства и логистики, инфраструктура которой формировалась с 1928 г. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств.

Научное осмысление опыта эвакуации промышленных объектов и населения началось в 1940-х гг. Общее количество эвакуированных промышленных предприятий было названо в 1948 г. в работе Н.А. Вознесенского, занимавшего в годы войны пост председателя Госплана СССР: «В течение каких-либо трех месяцев 1941 года было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных, предприятий, в том числе эвакуировано на Урал – 455 предприятий, в Западную Сибирь – 210 предприятий и в Среднюю Азию и Казахстан – 250 предприятий» [6, с. 41]. Из Украины было эвакуировано 550 крупных промышленных предприятий, из Белоруссии – 109, Эстонии – 62, Москвы и Московской области – 498, Ленинграда – 92, других районов – 212.

Тема эвакуации промышленного потенциала СССР в годы Великой Отечественной войны научно оформилась в 1960-е гг., и суть концептуальной парадигмы сводилась к следующему: эвакуация промышленного потенциала на восток была беспрецедентной в истории, и источниками успешности этого процесса стали общественная собственность на средства производства и плановый характер социалистической экономической системы [8, с. 143–151, 546–549].

Время идет, и мы уже отмечаем 85-ю годовщину начала Великой Отечественной войны, начало эвакуации промышленных предприятий на восток. И поныне исследователи, занимающиеся проблемами эвакуации, в своих работах показывают заниженные показатели эвакуированных предприятий.

Так, например, известный ученый А.Д. Колесников в 1985 г. ссылается на данные из книги Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1948): «В течение каких-либо трех месяцев 1941 г. было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных предприятий, в том числе эвакуировано за Урал 455 предприятий, в Западную Сибирь – 210 предприятий и в Среднюю Азию и Казахстан – 250 предприятий» [6, с. 41].

Уже в 1961 г. данные были другие. Во 2-м томе «История Великой Отечественной войны» написано: «В восточные районы в течение июля – ноября 1941 г. было перебазировано 1523 промышленных предприятия, в том числе на Урал – 667, в Западную Сибирь – 244, в Восточную Сибирь – 78, в Среднюю Азию и Казахстан – 308 и в Поволжье – 226 предприятий» [8, с. 148].

В 1973 г. сведения опять были изменены. В 10-м томе «История СССР с древнейших времен до наших дней» написано: «С июля по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов было перебазировано 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных; из них в районы Поволжья – 226, на Урал – 667, в Западную Сибирь – 224, в Казахстан и Среднюю Азию – 308. Некоторое число предприятий было эвакуировано в республики Закавказья и в Восточную Сибирь» [10, с. 91].

В 1990-е гг. в связи с открытием архивов и ослаблением идеологической цензуры в научных публикациях начали смещаться акценты и появляться новые сюжеты. Больше внимания исследователи стали уделять показу неподготовленности и трудностей осуществления эвакуации. Сложным в отечественной историографии до сих пор остается вопрос о количестве предприятий, эвакуированных в тыловые регионы из прифронтовой зоны. Общепринятыми, переходящими из издания в издание, цифрами являются следующие: всего за вторую половину 1941 г. в тыл было перемещено 2593 предприятия, в том числе крупных предприятий – 1523. Расклад по регионам выглядит следующим образом: на Урал – 667, в Поволжье – 226, в Западную Сибирь – 244, в Восточную Сибирь – 78, в Среднюю Азию и Казахстан – 308. Понятно, что эти данные неполные, так как не учтена эвакуация весны – лета 1942 г.

Об этом говорилось в статье Г.А. Куманева «Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы», опубликованной в 2006 г. в журнале «Новая и новейшая история». Он пишет: «Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на Восток только по железным дорогам, согласно сводкам НКПС, было вывезено 2593 промышленных предприятия. Однако эти данные нельзя считать сколько-нибудь полными, хотя в отечественной военной историографии и сегодня их постоянно используют в качестве итоговых и даже гордятся ими. Если же учесть, что значительную часть переведенных на Восток промышленных объектов составляли нигде не учтенные так называемые бездокументные грузы (спасенные от врага зачастую в "последний час"), а на территории СССР, подвергшейся оккупации, накануне войны действовало 31 850 крупных и средних предприятий, то приведенные выше цифры (2593) составляли лишь ничтожно малую долю из действительно переброшенных в глубокий тыл и быстро восстановленных там в интересах фронта. И, наконец, если бы в восточные районы страны было переведено только 2593 завода и фабрики из более чем 32 тыс., никакой бы военной перестройки советской экономики не получилось, и война оказалась бы Советским Союзом проигранной. Между тем многочисленные факты и документы свидетельствуют, что подавляющую часть промышленного оборудования предприятий удалось перебросить в районы новой военно-промышленной базы страны, где создавалось оружие Победы» [9, с. 148].

По сей день остается открытым вопрос о точном количестве предприятий, перемещенных в регионы. Рассмотрим, например, Западносибирский регион. Н.А. Вознесенский полагает, что их было 210 [6, с. 52]. Авторы второго тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» пишут о 244 предприятиях, прибывших в июне-декабре 1941 г. в край [9, с. 148]. Эта цифра, получив широкое распространение в исторической литературе, поддержки у местных историков и краеведов не нашла. Например, Ю.А. Васильев на основании подсчета материалов и архивов, называет более 400 предприятий, передислоцированных за два этапа эвакуации в Западную Сибирь [4, с. 133, 148]. Такую же цифру, только применительно ко всей Сибири, дают авторы книги «Рабочий класс Сибири в период строительства и упрочения социализма» [21, с. 67]. Категорично мнение алтайского историка Р.А. Малькова: «До сих пор, – подчеркивает он, – не удалось точно установить число эвакуированных в Сибирь предприятий, а значит, их военно-экономическую роль» [13, с. 108]. А.В. Терехов утверждает, что в формирующееся военное хозяйство Западной Сибири, согласно уточненным им данным, влились не 244 эвакуированных предприятия, как утверждали предыдущие источники, а 294 [27, с. 81].

В статье М.Н. Потемкиной и А.Ю. Климанова «Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны» подчеркивается, что «дискуссионным продолжает оставаться вопрос о количестве эвакуированных предприятий, так как многие архивные документы до сих пор засекречены, а количественные данные по отраслевому и региональному принципу неясны. Кроме того, приводя показатели, исследователи зачастую не различают понятия "эвакуированное предприятие" и "эвакуированное оборудование", а также не прослеживают долю введенных в строй в местах эвакуации индустриальных объектов среди общего количества вывезенных предприятий. Если даже такие данные приводятся (Г.А. Куманев, В.С. Симонов), то отсутствует анализ причин "потери" предприятий, подлежавших эвакуации, но не прибывших на место, либо не начавших производственную деятельность в местах эвакуации. Оценивая влияние промышленной эвакуации на дальнейшее развитие принимающего региона, большинство исследователей пишут о ней как об импульсе для рывка в экономическом развитии, но многовекторность и неоднозначность этого влияния (в частности, в социальном преломлении) не раскрываются» [18, с. 766].

Ограниченное и суженное освещение проблем, касающихся эвакуации производительных сил, которые обычно связывают только с приемом и размещением прибывающего оборудования и людей и др., требует дальнейшего уточнения общего количества прибывших по эвакуации и созданных на их базе оборонных предприятий как по отдельным регионам, так и в целом по стране.

Историк И.В. Быстрова в специальном разделе своей монографии, посвященной исследованию различных аспектов военно-промышленного комплекса СССР в 1930–1980-е гг., описывает процесс эвакуации как «гигантский сдвиг промышленности на Восток <...> и перераспределение производственных мощностей в пользу восточных районов», выделяя 1360 эвакуированных заводов оборонного характера (данные на январь 1942 г.) [3, с. 193]. Автор называет базовые территории, где дислоцировались перемещенные заводы: Молотовская, Свердловская, Челябинская, Куйбышевская и Новосибирская области [3, с. 200]. Но нельзя забывать Омскую, Томскую и Кемеровскую области. В 2010-е гг. вышла в свет 12-томная история Великой Отечественной войны, в 7-м томе которой нашла отражение тема промышленной эвакуации. Отмечая отсутствие подготовленных эвакуационных планов, наличие трудностей, быстрый ввод в строй эвакуированного оборудования, авторы повторяют ранее введенные в научный оборот данные [5, с. 118, 137].

Нет также четких позиций по определению количества эвакуированных на Урал предприятий. Так, например, в известном труде «Урал – фронту» (1985) отмечается: «Во второй половине 1941 г. на Урал прибыло 667 заводов, а к осени 1942 г. уже размещено 788 предприятий, в том числе в Свердловской области – 212, Челябинской – 200, Пермской – 124, Оренбургской – 60, Башкирской АССР – 172, Удмуртской АССР – 20» [29, с. 45]. В 1993 г. в сборнике-справочнике «Урал ковал победу» уже зафиксирована другая цифра – свыше 700 промышленных предприятий [28, с. 5]. А.В. Сперанский в своей монографии уточнил данные о количестве эвакуированных промышленных предприятий в уральский регион, назвав цифру 830 предприятий (на осень 1942 г.) [26, с. 20]. Н.Н. Мельников констатировал, что эвакуация танковых заводов на Урал не была столь успешной, как считалось ранее в советской историографии. Анализируя эвакуационные мероприятия, автор высказал мысль об отсутствии четкого плана перемещения ведущих предприятий страны, опоздании с принятием решения об эвакуации заводов из Ленинграда и с территории Украины, неготовности промышленных площадок уральских городов к принятию такого большого количества промышленного оборудования [12, с. 75, 99, 109, 124–125].

В.А. Рубин, изучая основные направления в индустриальном развитии южноуральских городов в годы войны, затронул и тему эвакуации. Интерес представляет статистическая информация о росте промышленности по конкретным городам в связи со вступлением в строй эвакуированных в них предприятий [25]. Исследование А.В. Чурикова [30] ограничено рамками Челябинской области и посвящено непосредственно проблематике эвакуации тяжелой промышленности. Прослежена вся процедура эвакуации и возникавшие в этой связи проблемы: погрузка оборудования, его следование к месту назначения, размещение заводов в уральском тылу. Автор приходит к выводу, что эвакуация – «противоречивое экономическое явление», в ходе которой, с одной стороны, ускорился переход уральской промышленности на военное положение, а с другой – логистические проблемы не позволили перебазированным предприятиям развернуть производство на полную мощность [30, с. 16]. На конкретных примерах описан и изучен спектр проблем, повлекших недостаточную загрузку мощностей, низкую производительность труда, поломки оборудования, перебои в энергоснабжении.

Чтобы понять вклад любой области, региона в обеспечение Победы в Великой Отечественной войне и объективно оценить усилия по приему, размещению и вводу в

строй прибывших в эвакуацию промышленных предприятий, необходимо определить их количественный и качественный состав. Следует предварительно отметить, что было бы не совсем верным полагаться только на цифры из архивных документов. Дело в том, что разные центральные органы власти и управления формировали свои формы отчетности, закладывая в них свои критерии подсчета. При анализе архивных документов возникает ряд вопросов, не имеющих четких конкретных ответов: считать ли перемещение внутри территории советского тыла эвакуацией? От какого минимума оборудования (станки, вагоны, доля в процентах) считать предприятие эвакуированным? Какие предприятия считать: планируемые к эвакуации, выехавшие, прибывшие на новое место, вступившие в строй? Возникают многие вопросы.

Рассмотрим, например, Челябинскую область. Цифра 200, упоминаемая в литературе с формулировкой «предприятия, эвакуированные в Челябинскую область», была опубликована в 1967 г. в сборнике документов и материалов «Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945» [16, с. 28]. Во всех последующих публикациях советского периода издания воспроизводится эта цифра [16, с. 486–487]. В.А. Рубин в кандидатской диссертации приводит цифру в 210 промышленных предприятий [24, с. 19]. А.В. Чуриков в статье «Эвакуированные предприятия тяжелой промышленности в экономической ситуации Челябинской области 1941–1946 годов», ссылаясь на специальный секретный отчет, подготовленный отделом промышленности и вторым секретарем обкома Челябинской области для руководителя комитета ВКП(б) Н.С. Патоличева, приводит достаточно подробные данные: «...по решению ГКО и Совета по эвакуации при СНК СССР в Челябинскую область было эвакуировано 178 предприятий, 12 союзных наркоматов. В указанное число предприятий входят как заводы, оборудование которых полностью эвакуировано, так и заводы, оборудование отдельных цехов которых прибыло в нашу область. Из этого количества перебазированных предприятий большинство составили заводы тяжелой индустрии: 54 завода черной металлургии, 11 предприятий наркомата цветной металлургии, 21 предприятие танкового профиля, 4 предприятия авиационной промышленности, 10 заводов среднего машиностроения, 13 – наркомата вооружения, 34 – наркомата боеприпасов, 6 – наркомата электропромышленности и 1 предприятие наркомата химической промышленности. Всего 154 завода и фабрики. Из них 44 были восстановлены как самостоятельные единицы, 110 влились в состав действующих предприятий» [31, с. 63–67].

Сотрудники Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) Н.А. Антипин, М.А. Базанов, Е.А. Евстигнеев, Г.Н. Кибиткина, С.А. Кусков, Е.Б. Рахацевич, Е.П. Турова решили пойти другим путем и осуществить подсчет, составив список предприятий, информация об эвакуации которых в Челябинскую область содержится в недрах фондов архива. Научным консультантом была приглашена ведущий специалист по истории эвакуации М.Н. Потемкина, которая и стала автором вступительной статьи к сборнику [17, с. 20]. Был просмотрен весь комплекс документов периода войны Челябинского обкома партии, в том числе и «особая папка» Челябинского обкома ВКП(б). Именно обком ВКП(б) отвечал за эвакуацию наркоматов и промышленных предприятий. Были исследованы документы заседаний суженного состава Челябинского облисполкома, документы рассекреченных фондов номерных заводов, в том числе Челябинского тракторного завода. Сведения об эвакуации предприятий и их размещении содержатся в списках обкома партии, подготовленных для Государственного комитета обороны, отчетах горкомов и райкомов партии, докладных записках и отчетах о командировках на места уполномоченных инструкторов обкома партии, перечне о прибытии и состоянии эвакуированного оборудования.

Изучались обобщающие данные об эвакуации в выступлениях руководителей, просматривались документы личного происхождения. В воспоминаниях ветеранов

трудового фронта Южного Урала сохранились интересные сведения об эвакуации и восстановлении эвакуированного оборудования, а также бытовом устройстве рабочих. Была проведена большая кропотливая работа, в результате которой было установлено, что всего на территорию Челябинской области прибыло оборудование 329 предприятий, относившихся к ведению 27 наркоматов. Эта достоверная, подтвержденная документально цифра открывает новую страницу в изучении темы эвакуации промышленности в Челябинскую область. Из 329 предприятий по 17 не удалось обнаружить в архивных документах сведений об их прибытии, но они включены в общий список, так как нет полной уверенности об их отсутствии на территории области в годы войны [20, с. 11–12]. Стоит отметить, что в общее количество включены не только оборонные предприятия, но и эвакуированные предприятия железной дороги, энергетики, угольной промышленности, строительных материалов, легкой, текстильной, мясомолочной и местной промышленности. С.А. Баканов в своей рецензии на этот сборник отметил, что коллектив решил актуальную научную задачу, долгое время остававшуюся историографическим пробелом, и при этом вывести на качественно новый уровень понимание всей полноты проблем эвакуации и шире – военной экономики в их региональном измерении [2].

Заместитель директора ОГАЧО по научной работе Н.А. Антипин в статье «Эвакуация предприятий в Челябинскую область в документах ОГАЧО (1941–1942 гг.)» [1, с. 71–76] поделился опытом Объединенного государственного архива Челябинской области по составлению полного перечня эвакуированных предприятий на территорию региона. Описана источниковая база и выявлены проблемы, которые в разной мере влияют на определение количества эвакуированных предприятий.

Таким образом, анализируя работы ученых, специалистов по проблемам эвакуации промышленных предприятий в тыловые районы в годы Великой Отечественной войны, приходим к следующим выводам:

1. Перечень эвакуированных предприятий на территорию областей, регионов составлялся в границах 1941–1942 гг. Затем произошли существенные изменения в административно-территориальном делении регионов, областей.

2. Списки предприятий, прибывших или внезапно отправленных в другой район, в другую область или регион не уточнялись.

3. В списках также указаны короткие сведения о некоторых заводах: только название предприятия, часто один номер. Отсутствуют данные, откуда и куда прибыл завод, какому наркомату подчинялся и др.

4. Одно предприятие может быть включено в перечень дважды: сначала под собственным названием, а затем под новым – номерным.

5. В списках встречается помета «не прибыл», при этом по другим документам известно, что производство размещено на данной территории.

6. В перечень списков бывают включены предприятия, которые так и не доехали до указанного места по разным причинам: были перебазированы или разгромлены, или не смогли выехать в результате быстрого наступления врага.

7. Одно предприятие может числиться в нескольких списках или его оборудование раздроблено по нескольким предприятиям.

Будущим исследователям затрагиваемой темы предстоит нелегкая работа по уточнению численности предприятий, эвакуированных в изучаемые регионы; следует принять во внимание также два потока эвакуации, создание на базе нескольких эвакуированных заводов одного предприятия или, наоборот, направление оборудования одного предприятия в несколько городов и т. д.

Автор статьи при изучении количества эвакуированных промышленных предприятий в Западную Сибирь обнаружил в Государственном архиве Российской Фе-

дерации сведения о размещении эвакуированных предприятий в Западной Сибири, где суммарно указывается цифра – 310 [7, с. 1].

«Должна быть, – справедливо подчеркнул А.Д. Колесников, – разработана единая методика и проведено детальное изучение по каждому региону, по каждому предприятию» [11, с. 108]. Или взять на вооружение опыт коллектива Объединенного государственного архива Челябинской области по уточнению количества эвакуированных промышленных предприятий, прибывших в их регион в годы Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг.

Литература и источники

1. *Антипин Н.А.* Эвакуация предприятий в Челябинскую область в документах ОГАЧО (1941–1942 гг.) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019 г.: материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война.1941–1945 гг. К 75-летию Победы» (Пермь, 7–8 ноября 2019 г.) / под ред. С.В. Неганова. Пермь: ПермГАСПИ, 2020. 624 с.

2. *Баканов С.А.* Эвакуация в региональном измерении: издание документов челябинских архивистов к 75-летию Победы // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 626–632.

3. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е гг.). Москва: ИРИ РАН, 2006. 709 с.

4. *Васильев Ю.А.* Сибирский арсенал: Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышлености в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1965. 384 с.

5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Экономика и оружие войны. Москва: Кучково поле, 2013. Т. 7. 862 с.

6. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Москва: Госполитиздат, 1948. 192 с.

7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 538.

8. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 1. Москва: Воениздат, 1961. 681 с.

9. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. Москва: Воениздат, 1963. 658 с.

10. История СССР: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Т. 10: СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Наука, 1973. 781 с.

11. *Колесников А.Д.* Эвакуированные предприятия в Сибири // Верность героическим традициям партии и народа: тезисы научной конференции, посвященной 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Омск: Омский пед. ин-т, 1986. С. 105–112.

12. *Куманёв Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 г. // Новая и новейшая история. 2006.№ 6. С. 7–27.

13. *Мальков Р.А.* Размещение на Алтае машиностроительных заводов, 1941–1943 гг. // Трудящиеся Сибири – фронту: К XXX-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1975. С. 108–112.

14. *Мельников Н.Н.* Уральское танкостроение накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 192 с.

15. Омская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы): историко-публицистический информационно-статистический сборник / Правительство Ом. обл., Территориал. орган Федерал. службы гос. статистики по Ом. обл.; [ред. совет: А.А. Агеенко (пред.) и др.]. Омск: [б. и.], 2005 (ГП Омская обл. тип.). С. 26–27.

16. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945: сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. С.Н.Корнеенков.Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1967. 380 с.

17. *Потемкина М.Н.* Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны // Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / редкол.: Н.А. Антипин и др. Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2020. С. 7–21.

18. *Потемкина М.Н., Климанов А.Ю.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772.

19. *Потемкина М.Н., Моисеев А.П.* Эвакуация и реэвакуация // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 7. С. 486–487.

20. Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / редкол.: Н.А. Антипин и др. Санкт-Петербург: Первый ИПХ, 2020. 400 с.

21. Рабочий класс Сибири в период строительства и упрочения социализма. Новосибирск: Наука, 1984. 376 с.

22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 6.

23. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 11.

24. *Рубин В.А.* Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2007. 30 с.

25. *Рубин В.А.* Экономическое и социально-демографическое развитие российских тыловых городов в период Великой Отечественной войны (на примере крупных индустриальных центров Южного Урала). Оренбург: Оренбургский аграрный ун-т, 2010. 179 с.

26. *Сперанский А.В.* На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2015. 406 с.

27. *Терехов А.В.* Военно-хозяйственная деятельность партийных организаций Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Новосибирск, 1990. 272 с.

28. Урал ковал победу / под общ. ред. П.Г. Агарышева. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1993. 382 с.

29. Урал – фронту / под ред. А.В. Митрофановой. Москва: Экономика, 1985. 343 с.

30. *Чуриков А.В.* Организационно-производственные и социальные проблемы эвакуации и реэвакуации тяжелой промышленности в Челябинской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2011. 25 с.

31. *Чуриков А.В.* Эвакуированные предприятия тяжелой промышленности в экономической ситуации Челябинской области 1941–1946 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9 (224). История. Вып. 44. С. 63–67.

32. *Шумилов А.И.* Проблема численности эвакуированных в годы Великой Отечественной войны предприятий в Сибирь в исторической литературе // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: сборник материалов V Всероссийской научной конференции (Омск, 5–6 мая 2011 г.) / гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред. Д.А. Алисов, М.Л. Бережнова. Омск: Наука, 2011. С. 142–145.

УДК 355.244.212”1941/1945”

Е.М. Малышева

ЭВАКУАЦИЯ КАК ФАКТОР ПЕРЕВОДА ЭКОНОМИКИ СССР НА ВОЕННЫЕ РЕЛЬСЫ: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ПОБЕДЕ СССР НАД НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Аннотация. Перевод экономики на военные рельсы и как часть этого плана – эвакуация – выявили внутренние резервы сплоченности многонационального советского общества. Народы одного из самых полиэтничных регионов СССР – Северного Кавказа сорвали планы нацистских агрессоров на межнациональные конфликты и взрыв изнутри советского тыла. Наравне со всеми советскими народами они откликнулись на призыв «Все для фронта, все для победы!». В статье дается краткий аналитический обзор историографических наработок отечественных историков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизация, экономика, железнодорожный транспорт, СССР, нацистская Германия, эвакуация, трудовой героизм.

E.M. Malysheva

EVACUATION AS A FACTOR IN TRANSITIONING THE USSRS ECONOMY TO WAR TRAILS: THE FIRST STEPS TOWARDS THE USSRS VICTORY OVER NAZI GERMANY

Abstract. The transition of the economy to awar footing, and the evacuation as part of this plan, revealed the internal reserves of cohesion in the multinational Soviet society. The peoples of one of the most politically charged regions of the USSR — the North Caucasus – thwarted the Nazi aggressors plans for interethnic conflicts and an explosion within the Soviet rear. Like all Soviet peoples, they responded to the call, «Everything for the front, everything for victory!» The transition of the USSRs economy to a war footing, and the evacuation and rear as part of it, were successfully implemented, becoming one of the factors contributing to victory. This article provides abrief analytical overview of the historiographical work of Russian historians.

Keywords: the Great Patriotic War, mobilization, economy, railway transport, USSR, Nazi Germany, front, evacuation, feat.

Освободительный справедливый характер Великой Отечественной войны со стороны СССР был доминирующим фактором развития и укрепления связи народа и армии, единства фронта и тыла. Чем глубже проникала в сознание трудящихся масс идея о справедливом характере войны, тем больше повышалась трудовая и социальная активность рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР. Эвакуация в военные годы стала одним из первых шагов на пути к Победе.

Государственные, партийные, хозяйственные органы власти всех регионов страны с первых дней войны развернули пропагандистскую работу по мобилизации общества на помощь фронту, выполнение плановых заданий по увеличению выпуска боеприпасов, снаряжения, вооружения, продовольствия и сырья во имя победы над врагом.

Основополагающим базовым документом для развертывания военно-мобилизационной и организаторской работы по переводу народного хозяйства на военные рельсы стала оперативно разработанная директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.

Ее конкретизацией стали также мобилизационные народно-хозяйственные планы на второе полугодие 1941–1942 гг. В этих документах ставились конкретные задачи по переводу всех отраслей экономики СССР на военные рельсы.

Определяющим лозунгом для каждого советского труженика – рабочего, колхозника, служащего стал призыв партийных и советских органов власти «Все для фронта, все для победы!». Страна превращалась в единый боевой лагерь.

Эвакуация из районов 1941–1942 гг., находящихся под угрозой, стала составной частью перевода народного хозяйства СССР на военный лад. В успешной перестройке народного хозяйства региона Северного Кавказа на удовлетворение потребностей фронта большая доля заслуги рабочего класса, численность которого вместе со служащими на конец 1940 – начало 1941 г. составила 1 млн 684 тыс. чел. [5, с. 39].

Южные регионы, Северный Кавказ, Дон, Сталинградская область располагали богатейшими сырьевыми ресурсами для развития различных отраслей промышленности: цементной, нефтедобывающей, тяжелого машиностроения, пищевой, лесной, строительных материалов и т.д. За годы предвоенных пятилеток эти отрасли получили широкое развитие, особенно станкостроение в Краснодарском крае. Здесь ведущую роль занимала промышленность союзного подчинения, удельный вес которой около 70 % всей выпускаемой краем продукции. В июле 1942 г. сложилась непосредственная угроза оккупации Краснодарского края и Адыгеи. В этих условиях здесь проводится комплекс подготовительных оперативных мероприятий по передислокации, вывозу промышленных объектов, культурных ценностей и населения из районов, находящихся под угрозой оккупации. При невозможности вывоза материальных ценностей предписывалось их уничтожение.

В ходе подготовки эвакуации проявился трудовой подвиг рабочего класса Северного Кавказа, Дона и Сталинградской области, крупным отрядом которого были железнодорожники. Одной из стратегических установок командования нацистской Германии было нанесение первоочередных ударов по крупным железнодорожным магистралям с целью вывода их из строя и парализации сообщения между регионами Советского Союза.

Для успешного проведения мобилизационных работ на транспорте потребовались самоотверженность и героизм рабочего класса этой отрасли народного хозяйства. В первый месяц войны успешно справились с заданиями железнодорожники Сталинградской области и важнейшей магистрали Кавказа – Закавказской железной дороги. Только на Ростовском отделении Северо-Кавказской железной дороги, где сосредоточилась 56-я армия, в сутки разгружалось до 15 эшелонов. Первый этап эвакуационных перевозок проводился в период с июля по декабрь 1941 г., и он был сопряжен с немалыми трудностями. Особенно высокие темпы массовых эвакуационных перевозок пришлись на осень 1941 г. на магистралях Юга, Кавказа, Сталинграда.

Благодаря сплоченности, энергии и инициативе рабочих-железнодорожников, всех трудящихся, за первые полгода войны только по официальным актам и описям было перебазировано на Восток 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных, главным образом военных [4 , с. 91].

На всех участках железнодорожники увеличивали нормы технических скоростей, значительно сокращали сроки ремонта вагонов и паровозов. В прифронтовых условиях представители всех народов Северного Кавказа (русские, адыги, карачаевцы, черкесы, армяне, греки, грузины и др.) совместно – рабочие, колхозники, воины выполнили оборонное задание, 4 августа 1942 г. ввели в строй железную дорогу протяженностью в 348 км. Работая в прифронтовой зоне и рискуя жизнью, они проявляли большое мужество и трудовой героизм, доставляя фронту то, что производил тыл. С 5 октября по 11 ноября 1942 г. было совершено более 60 налетов вражеской авиации только на Тихорецкое железнодорожное объединение Краснодарского края. Герман-

ская авиация сбросила на этот участок более 1300 авиабомб разного калибра, было взорвано и разрушено 7500 м пути, 259 пролетов связи. Однако попытка вражеской авиации дезорганизовать работу, внести панику в ряды железнодорожников и этим сорвать эвакуацию, поставить под угрозу снабжение фронта всем необходимым не увенчалась успехом.

Самоотверженность железнодорожников не позволила приостановить массовые воинские перевозки. Во время одной из бомбардировок на станции возник пожар, загорелись вагон пассажирского поезда и две цистерны нефтеналивного поезда. Секретарь партбюро станции Н.Н. Павловский под обстрелом отцепил охваченный пламенем вагон от состава и с машинистом отвел в безопасное место пассажирский поезд. Подобные факты героизма не были одиночными и позволили выполнить план погрузок за первое полугодие на 116 % и за второе – на 125 %. Тихорецким железнодорожным отделением во втором полугодии было погружено на 7110 вагонов больше, чем в первом [8, с. 137].

До тысячи вагонов в сутки выделял Наркомат путей сообщения для вывоза хлеба с Кубани и из Сальской группы районов Ростовской области. Одновременно осуществлялась эвакуация оборудования заводов и фабрик Новороссийска, Майкопа, Грозного, Краснодара, Нальчика, Армавира, Ставрополя.

В результате общих самоотверженных усилий железнодорожников, рабочих, воинов Красной Армии уже к 1 августа 1942 г. из Краснодарского края было эвакуировано в Азербайджан, Грузию, Армению и Дагестан оборудование 18 промышленных предприятий, на что потребовалось 1013 вагонов. Было вывезено 7606 вагонов зерна и муки, 857 цистерн с горючим, 1,5 тыс. вагонов с грузами НКО и т.д. Бюро Ставропольского КК ВКП(б) 1 августа 1942 г. потребовало от партийных и хозяйственных органов эвакуировать из районов, находящихся под угрозой, в восточные районы страны оборудование, материальные ценности, скот, продукты сельского хозяйства и проч. Для организации этой работы КК ВКП(б) были выделены и направлены на места руководящие партийные работники.

В результате мер и усилий, предпринятых руководством Ставрополья, из края было вывезено 960 тракторов, 10 800 т шерсти, 712 000 штук кож, огромное количество консервированной продукции и много других материалов; переправлен на восток 1 млн голов скота. В короткие сроки были осуществлены невиданные по масштабам мероприятия, связанные с эвакуацией материальной базы целой индустриальной страны на восток, с переводом народного хозяйства на военные рельсы.

В течение июля-августа 1942 г. по решению бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 13 июля «Об эвакуации скота, имущества, средств производства колхозов, МТС, совхозов и других государственных, кооперативных и общественных организаций из районов, расположенных по правому берегу рек Хопра и Дона» из Сталинграда было вывезено до 100 тыс. чел. Ежесуточно в течение августа на левый берег Волги переправлялось около 600 вагонов.

Массовые эвакуационные перевозки на железных дорогах Кавказа развернулись со второй половины июля. Подлинный героизм проявили рабочие-железнодорожники Северного Кавказа, которые под обстрелом вражеской авиации с риском для жизни демонтировали и вывозили оборудование, станки фабрик и заводов из Краснодара, Новороссийска, Майкопа, Нальчика, Грозного, Армавира, Орджоникидзе, Ставрополя и других городов в Азербайджан, Дагестан, Армению, Грузию. Благодаря исключительной самоотверженности железнодорожников было вывезено 7606 вагонов зерна и муки, 857 цистерн с горючим, 1,5 тыс. вагонов с грузами НКО — всего около 12 тыс. вагонов. В крайне тяжелых условиях работники транспорта Сталинградскому фронту уже в течение июля доставили 556 воинских эшелонов, или 27 830 вагонов с оперативными грузами. За четыре месяца оборонительных боев по железным дорогам было

подвезено волжским фронтам около 115 тыс. вагонов с войсками и снабженческими грузами.

В период угрозы оккупации региона в кратчайшие сроки были перебазированы с Кавказа на Крайний Север уникальные предприятия – Майкопские сажевые заводы. Канальная сажа, применяемая в электротехнической, автомобильной промышленности, использовалась в изготовлении электродов, сухих и наливных элементов, имела стратегическое значение. Фашистская авиация направленно бомбила Майкопские заводы канальной сажи. Из-за воздушных налетов отечественная шинная и резиновая промышленность лишилась источника снабжения сырьем. Спасти положение могла только организация производства добычи сажи в десятках тысяч километров от Майкопа. В Ухтинский район Коми АССР было эвакуировано то, что осталось после бомбежки от Майкопских сажевых заводов. В заболоченной местности, по колено в воде, в непроходимой северной тайге за две недели рабочими был сооружен механический цех и начат монтаж оборудования [8, с. 118].

Заводы Северной Осетии эвакуировались за Урал, вглубь страны. Завод «Электроцинк» был передислоцирован в г. Томск [11, л. 227], завод цветных металлов – в Свердловск, завод «Металлист» – в г. Фрунзе Киргизской АССР, государственный кожевенный завод – в г. Тбилиси [11, л. 258], документация республики была эвакуирована в Туркмению и т. д. [11, л. 358].

Эвакуация производилась со всем оборудованием, необходимым количеством специалистов и рабочими кадрами. Остававшиеся в республике предприятия частично перебрасывались в горы для работы на нужды обороны, остальные приводились в негодность. Основная часть работ по эвакуации из краев и областей Северного Кавказа, Сталинградской и Воронежской областей проводилась в летне-осенний период и заканчивалась в ноябре-декабре 1942 г. Совхозы из Краснодарского края эвакуировались в Орджоникидзевский край, оттуда – в Махачкалу, Дербент Дагестанской ССР. Оборудование предприятий из Новороссийска отправлялось в Самарканд, из Краснодара – в Павлодар. 1000 чел. было эвакуировано из Ленинграда, 300 тыс. чел. – из Краснодарского, Ставропольского краев, областей и автономных республик Северного Кавказа, 200 тыс. чел. – из Воронежской и Сталинградской областей. Только в 31 автономных республиках, краях и округах на территории РСФСР было размещено 5 млн 17 тыс. чел. и около 3 млн – в сельских местностях, среди них учтенных детей – 1 млн 711 тыс. Эвакуированные кадры трудоустраивались по отраслям народного хозяйства: в промышленности – 756,7 тыс. чел., или 39 %; в сельском хозяйстве – 699 тыс. чел., или 35,9 %; в госучреждениях – 417 тыс. чел., или 21,4 %; на транспорте, в связи – 74 тыс. чел. [12, с. 85].

Проблема героического вклада в победу советских железнодорожников нашла глубокое освещение в многочисленных монографиях и многотомных изданиях с участием академика РАН, много лет возглавлявшего Центр истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН – Георгия Александровича Куманева. В первую очередь, в его монографиях «Война и железнодорожный транспорт СССР 1941–1945 гг.», «На службе фронта и тыла» [6; 7].

Обогатили историографию труды Я.Е. Чадаева [14], А.Ф. Васильева [1], мемуары Н.А. Вознесенского, А.И. Микояна, А.Н. Косыгина, П.К. Пономаренко, Н.П. Патоличева и др. государственных деятелей. Отметим также работы исследователей, в монографиях которых тема эвакуации не являлась предметом специального исследования, рассматривалась фрагментарно. В историографической статье О.Б. Мозохин отмечает работы таких ученых, как: Н.Н. Шушкин, В.Т. Анисков, Ю.В. Арутюнян, А.Р. Дзенискевич, Г.А. Докучаев, В.А. Ежов, М.С. Зинич, М.К. Козыбаев, А.Д. Колесник, Г.С. Кравченко, И.И. Кузнецов, М.И. Лихоманов, Л.В. Максакова, Е.М. Малышева, А.В. Митрофанова, Г.Г. Морехина, В.Я. Нейгольберг, Г.И. Олехнович, М.Н. По-

темкина и др. Масштабы эвакуации в различные регионы страны, ее результативность и издержки реализации, эффективность советской экономики в чрезвычайных условиях войны нашли отражение в трудах Г.В. Серебрянской, А.В. Сперанского, Н.И. Кондаковой, В.Н. Земскова, Г.Г. Загвоздкина, Ю.А. Перчикова и др. исследователей, о чем также пишет О.Б. Мозохин [9, с. 36].

Согласимся с выводами автора статьи, что эвакуация в экстремальных условиях Великой Отечественной войны на восток СССР была организована и проведена исключительно эффективно, и это позволило сохранить экономический потенциал страны для последующего мощного развития военной экономики [9, с. 36]. Такие оценочные подходы разделяются автором настоящей статьи как характерные и для авторского коллектива 12-томного энциклопедического издания «Великая Отечественная война» [3].

В 7 томе этого издания «Экономика и оружие войны» представлен анализ перестройки экономического и оборонного потенциала народно-хозяйственного комплекса СССР на военные рельсы, раскрывается героическая эпопея процесса эвакуации, даются сравнения с экономическими показателями Германии, поставившей на службу рейху перед вторжением в СССР уже накануне войны ресурсы всей континентальной Европы [2]. Представляется значимым для науки, что при обзорах наработок современной отечественной историографии по теме эвакуации определяются перспективы научного осмысления промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны, как это представлено в статье М.Н. Потемкиной и А.Ю. Климанова [13].

Исходя из аналитического обзора историографии и результатов реализации планов по эвакуации, можно в очередной раз прийти к выводу, что расчет германских аналитиков на слабость советского общественного строя провалился, как и надежды, что СССР – это «колосс на глиняных ногах» – оказались несостоятельными. Не удалось, особенно на Северном Кавказе, вызвать классовые и национальные конфликты, разжечь национальную рознь.

Источниками грядущей Победы, до которой в 1942 г. было еще далеко, стали связь фронта и тыла, дружба, солидарность и взаимопомощь всех народов СССР. В первые дни осени этого года газета «Правда» писала: «...Для гитлеровских подлецов народы Кавказа – “туземцы”. Гитлеровское чудовище хочет разорвать связь между всей страной и Кавказом. И точно также враг стремится разорвать братские узы, которыми спаяны народы Кавказа со всей семьей советских народов» [10].

Несмотря на сложнейшую обстановку первого года войны, трудящиеся краев, областей, национальных республик региона подчинили свою деятельность основной цели: задаче отражения агрессии. Строгость законов СССР в соответствии с требованиями военного периода, введение режима железной дисциплины, усиление ответственности и централизация управления на всех уровнях позволили в течение всего лишь одного года перевести народное хозяйство на военные рельсы. В отличие от Германии, которой на создание военной экономики потребовалось около семи лет.

Проблеме мобилизации советских экономических ресурсов для изгнания агрессора за пределы родной страны были подчинены формы агитационно-массовой работы в трудовых коллективах, среди рабочих промышленных предприятий и сельских тружеников. Оперативный перевод экономики СССР на военный лад, и как его часть – эвакуация, был успешно реализован.

В исторически неимоверно краткие сроки промышленные предприятия союзных республик, всех краев, областей и автономий были переведены на выпуск необходимой продукции для вооруженных сил страны. В функционировании государственной власти и экономики республик, жизни общества в полной мере проявились закономерности военного времени, в соответствии с которыми работала вся страна. Залогом будущей победы стали такие регулируемые государством социальные процессы,

как мобилизационный характер советской плановой экономики. Подчинение всех сфер жизни общества стали решающими факторами Победы Советского Союза над нацистской Германией и ее европейскими сателлитами.

Литература и источники

1. *Васильев А.Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Наука, 1982. 280 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / Министерство обороны Российской Федерации. Т. 7. Экономика и оружие войны. Москва: Кучково поле, 2013. 864 с.

3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. / Министерство обороны Российской Федерации. Москва: Кучково поле, 2011–2015.

4. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. 10. Ч. 1. СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Москва: Наука, 1973. 784 с.

5. *Кравченко Г.С.* Экономическая победа советского народа над фашистской Германией // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Москва: Мысль, 1974. Кн. 1. 239 с.

6. *Куманёв Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР 1941–1945 гг. [2-е изд., доп. и перераб.]. Москва: Наука, 1988. 367 с.

7. *Куманёв Г.А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). Москва: Наука, 1975. 454 с.

8. *Малышева Е.М.* Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: монография. Майкоп: Адыгея, 2000. 432 с.

9. *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 20–37.

10. Правда. 1942. 6 сентября.

11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 505.

12. РСФСР – фронту. 1941–1945: документы и материалы. Москва: Советская Россия, 1987. 384 с.

13. *Потемкина М.Н., Климанов А.Ю.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772.

14. *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). 2-е изд., перераб., доп. Москва: Мысль, 1985. 494 с.

УДК 94(470)"1941/1942"

М.Н. Потемкина

СОВЕТСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ 1941–1942: УСПЕХИ И ИЗДЕРЖКИ

Аннотация. В современном мире с интенсивными миграционными потоками исторический опыт организации эвакуации в чрезвычайных обстоятельствах представляет научную ценность. В статье представлен анализ эвакуации промышленного оборудования и населения, осуществленных в 1941–1942 гг. в СССР. Цель статьи – выявить причины и механизмы осуществления эвакуации, обозначить эвакуационные потоки, показать факторы, осложнявшие процесс перемещения грузов и людей. Сделан вывод о том, что главными результатами эвакуации стали усиление оборонного потенциала и обеспечение трудовыми ресурсами советского тыла, спасение жизней миллионов людей.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, промышленное оборудование, эваконаселение.

M.N. Potemkina

SOVIET EVACUATION 1941–1942: SUCCESSES AND COSTS

Abstract. In todays world with intensive migration flows, the historical experience of organizing evacuation in emergency circumstances is of scientific value. The article presents an analysis of the evacuation of industrial equipment and the population carried out in 1941–1942 in the USSR. The purpose of the article is to identify the reasons and mechanisms for evacuation, to identify evacuation flows, to show the factors that complicated the process of movement of goods and people. It was concluded that the main results of the evacuation were the strengthening of defense potential and the provision of labor resources for the Soviet rear, saving the lives of millions of people.

Keywords: evacuation, the Great Patriotic War, industrial equipment, evacuation.

Великая Отечественная война вызвала массовую эвакуацию населения из зоны, оказавшейся под угрозой оккупации, в регионы советского тыла с целью безопасности. Управление процессом перемещения людей и грузов в регионы советского тыла осложнялось почти полным отсутствием заблаговременных эвакуационных планов, стремительным наступлением вражеских войск, огромными расстояниями и загруженностью транспорта. Необходимость эвакуации диктовалась оккупационной политикой на захваченных территориях, направленной на массовое физическое уничтожение населения. Сохранить контроль над эвакуационными процессами было принципиально важно, так как от этого зависели экономическая и социальная стабильность советского тыла, а значит, в конечном счете, победа в Великой Отечественной войне.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации, решения которого оформлялись в виде постановлений и распоряжений и являлись обязательными для выполнения местными органами власти, наркоматами и хозяйственными организациями.

Руководству страны необходимо было решить целый ряд масштабных управленческих задач: выделить ресурсы для организации эвакуации в условиях на-

раставшего дефицита; обеспечить эвакуационные перемещения транспортом; обеспечить сохранность оборудования от порчи и хищений; медико-санитарное и продовольственное обслуживание людей в пути через сеть эвакопунктов; организовать прием оборудования, грузов, людей в местах эвакуации.

Анализ распорядительных документов, регламентировавших эвакуационные потоки, показывает первоочередность вывоза промышленного оборудования (прежде всего такого, которое могло иметь значение для производства продукции военного назначения) и квалифицированных рабочих кадров, а также молодежи. Такая позиция диктовалась необходимостью сохранения промышленного потенциала воюющей державы и пониманием наличия лимитирующих факторов (дефицит времени из-за стремительного наступления врага, ограниченность пропускной способности транспортных магистралей) [2, с. 109]. Также эвакуационные мероприятия осуществлялись в отношении колхозного скота и имущества, продовольствия, сырья и культурных ценностей.

Эвакуация осуществлялась в два этапа: летом-осенью 1941 г. и весной-летом 1942 г., когда ряд военных неудач Красной Армии вызвал необходимость второй волны эвакуации. Основными регионами, принявшими эвакуированные грузы и людей, стали Поволжье, Урал, Сибирь, Казахстан и среднеазиатские республики СССР.

Организация промышленной эвакуации включала в себя демонтаж, упаковку, погрузку оборудования, перевозку, разгрузку, доставку до производственной площадки, монтаж оборудования на новом месте. Правила подготовки промышленных грузов к эвакуации и их перевозки были разработаны и утверждены постановлением Совета по эвакуации № СЭ-12сс от 3 июля 1941 г., но на практике они часто нарушались по причинам нехватки времени, подвижного состава, рабочей силы, бомбардировок вражеской авиацией, крушений поездов [4, с. 65].

Основополагающим документом, определявшим очередность эвакуации, стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Пункт 2-б регламентировал порядок эвакуации населения. В первую очередь эвакуации подлежали «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники». 5 июля 1941 г. были приняты три постановления СНК СССР под грифом «совершенно секретно», регламентирующие порядок эвакуации разных категорий населения: «...семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы», «рабочих и служащих эвакуированных предприятий», «населения» [3, с. 26]. Как мы видим, хотя теоретическая возможность эвакуации была предоставлена всему населению районов СССР, угрожаемых оккупацией противником, неравенство возможностей и иерархичность были заложены на законодательном уровне.

Ведущую роль в организации эвакуационных мероприятий играл наркомат путей сообщения, были задействованы все виды транспорта, но значительная часть эвакуационных потоков шла по железной дороге. Перевозки грузов и оборудования осуществлялись на платформах или в товарных вагонах, а населения – в пассажирских (пульмановских) вагонах или в товарных вагонах (теплушках). Эскалации напряженности среди населения в прифронтовой зоне способствовали безвластие, паника, отсутствие объективной информации, нехватка транспортных средств и т. д.

Всего в тяжелейших экстремальных обстоятельствах военного времени, благодаря инициативности и ответственности управленческих кадров и самоотверженности простых работников, на январь 1942 г. из прифронтовой зоны в восточные регионы страны было эвакуировано — 1523 промышленных предприятия, из них 1360 заводов оборонного характера [1, с. 200]. Можно выделить следующие проблемы в процессе

эвакуации оборудования: отсутствие четкого плана перемещения ведущих предприятий страны; недостаточная решительность и ошибки руководства в принятии решений; неготовность промышленных площадок тыловых городов к принятию такого большого количества промышленного оборудования; экстремальные условия прифронтовой зоны, нехватка вагонного парка, порча и поломка оборудования в пути из-за крушений поездов, бомбардировок авиацией противника.

Относительно эваконаселения необходимо отметить дискуссионность вопроса о численности перемещенного из прифронтовой зоны в тыловые районы людей. Причинами различных точек зрения являются неоднозначность трактовки понятия «эваконаселение», разночтения цифровых данных, представленных в архивных документах, сложность подсчета и частичную засекреченность документов о смертности людей по дороге в эвакуацию. Наиболее объективными и документально обоснованными нам представляются цифры около 10–12 млн чел. эвакуированных [5, с. 47].

Эвакуация населения началась с первых же дней войны, причем она не была подготовлена ни организационно, ни психологически. Эвакуация носила добровольно-вынужденный характер, наряду с организованным потоком эвакуированных имело место и стихийное перемещение беженцев. Факторы, осложнившие эвакуацию: отсутствие планов эвакуации, незаконченность модернизации железнодорожного транспорта, разрушение транспортных коммуникаций противником, большая численность потока беженцев при дефиците ресурсов.

Условия перевозки дифференцировались в зависимости от времени и обстоятельств эвакуации, от места в социальной иерархии.

Главными результатами эвакуации стали: усиление оборонного потенциала и обеспечение трудовыми ресурсами советского тыла, спасение жизней миллионов людей.

Литература и источники

1. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е гг.). Москва: ИРИ РАН, 2006. 702 с.

2. *Потемкина М.Н.* Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 107–118.

3. *Потемкина М.Н.* «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны: монография. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2016. 151 с.

4. *Потемкина М.Н.* Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941–1942 гг.: проблемы и результаты // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 62–70.

5. *Потемкина М.Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Романовские чтения – 12: сборник статей Международной научной конференции. Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А.А. Кулешова, 2017. С. 47–48.

УДК 94(470.344)-055.2«1941/1945»

Х.И. Кайтаева

РЕЖИМ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ И КОНТРОЛЯ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу режима осадного положения в годы Великой Отечественной войны как инструмента мобилизации и административного контроля в стратегически значимых городах СССР. Рассматриваются его нормативная основа и управленческие механизмы реализации: пространственный контроль (комендантский час, пропускной режим), мобилизация трудовых и материальных ресурсов, деятельность Государственного комитета обороны, городских комитетов обороны, военных комендантов, органов НКВД и военных трибуналов. На материале Москвы, Тулы, Крыма и Сталинграда показано, что осадное положение обеспечивало концентрацию полномочий и ресурсов в условиях военной угрозы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, осадное положение, мобилизация, военное управление, Государственный комитет обороны, комендантский час, НКВД, военные трибуналы, чрезвычайные правовые режимы.

H.I. Kaitaeva

THE STATE OF SIEGE AS AN INSTRUMENT OF MOBILIZATION AND CONTROL: THE PRACTICE OF APPLICATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is devoted to an analysis of the state of siege during the Great Patriotic War as an instrument of mobilization and administrative control in strategically significant Soviet cities. It examines its legal framework and managerial mechanisms, including spatial control measures, labor and resource mobilization, and the activities of the State Defense Committee, city defense committees, military commandants, NKVD bodies, and military tribunals. Based on the cases of Moscow, Tula, Crimea, and Stalingrad, the report demonstrates that the state of siege ensured the concentration of authority and resources under wartime conditions.

Keywords: the Great Patriotic War, state of siege, mobilization, wartime governance, State Defense Committee, curfew, NKVD, military tribunals, emergency legal regimes.

Проблема функционирования чрезвычайных правовых режимов в условиях масштабного военного конфликта сохраняет устойчивую научную актуальность. Режим осадного положения, применявшийся в годы Великой Отечественной войны в ряде городов Советского Союза, представляет собой специфический управленческий инструмент, обеспечивавший максимальную концентрацию властных полномочий, мобилизацию всех доступных ресурсов и установление жесткого контроля над населением и территорией в условиях непосредственной угрозы захвата противником. Изучение данного режима позволяет выявить механизмы экстраординарного государственного управления, которые обеспечивали устойчивость административной системы в кризисных условиях [16].

Правовой фундамент чрезвычайного управления в период Великой Отечественной войны был заложен в первый день войны. 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О военном положении», определявший содержание данного правового режима [19]. В соответствии со ст. 49 п. «п» Конституции СССР военное положение объявлялось в отдельных местностях или на всей территории Со-

юза в интересах обороны и обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

Указ предусматривал передачу всех функций органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности военным советам фронтов, армий, военных округов, а при их отсутствии – высшему командованию войсковых соединений [19, с. 129]. Военным властям предоставлялся широкий перечень полномочий: привлечение граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ; объявление трудовой и автогужевой повинности; изъятие транспортных средств и имущества у государственных, кооперативных организаций и частных лиц; регулирование времени работы учреждений и предприятий; запрещение появления на улицах после определенного времени; воспрещение въезда и выезда; выселение в административном порядке лиц, признанных социально опасными [19, с. 130].

За неподчинение распоряжениям военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, находящихся на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени [19, с. 131]. Одновременно был издан Указ «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», определивший процессуальный порядок рассмотрения дел [20].

В годы Великой Отечественной войны осадное положение вводилось в четырех ключевых случаях:

1. Москва – постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 813 от 19 октября 1941 г. «О введении в Москве осадного положения» (действовало с 20 октября 1941 г. по 1 мая 1942 г.) [11].

2. Тула – постановление Тульского городского комитета обороны от 25 октября 1941 г. о введении осадного положения в Туле и прилегающих районах [13].

3. Крым (Севастополь) – постановление Военного Совета войск Крыма № 026 от 27 октября 1941 г.«О введении осадного положения в Крыму»; Севастополь объявлен на осадном положении 29 октября 1941 г. [3, с. 34–36].

4. Сталинград – постановление Сталинградского городского комитета обороны № 406а от 25 августа 1942 г. о введении осадного положения в г. Сталинграде [12].

Анализ нормативных оснований показывает отсутствие единой процедуры введения осадного положения. В Москве режим был установлен непосредственно ГКО – высшим чрезвычайным органом государственной власти [1, с. 506]. В Туле и Сталинграде – городскими комитетами обороны, действовавшими как чрезвычайные органы власти на местах [2]. В Крыму – Военным Советом [3]. Эта вариативность свидетельствует о том, что осадное положение устанавливалось тем органом, который в данный момент располагал достаточной властью и оперативной компетенцией для принятия решения в условиях непосредственной угрозы.

Центральным элементом пространственного контроля в условиях осадного положения выступал комендантский час. Постановление ГКО № 813 воспрещало всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспорта с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы. Аналогичные ограничения вводились в Туле и Сталинграде.

Комендантский час выполнял двойную функцию: с одной стороны, он обеспечивал контроль за передвижением населения в темное время суток, существенно затрудняя деятельность диверсионных групп и агентуры противника; с другой – создавал условия для беспрепятственного перемещения воинских колонн, военных грузов и материалов, необходимых для обороны.

Постановление о введении осадного положения в Москве устанавливало систему специальных пропусков, выдаваемых комендантом города. Пропускной режим

распространялся не только на ночное время: в период действия воздушной тревоги передвижение населения и транспорта должно было происходить согласно специальным правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати. На практике это означало фактический переход к разрешительному порядку передвижения по городу, при котором каждый гражданин, обнаруженный на улице в неустановленное время без пропуска, подлежал немедленному задержанию.

В Сталинграде пропускной режим сопровождался мерами по немедленной эвакуации: 24 августа 1942 г. городской комитет обороны постановил немедленно вывезти за Волгу аппараты областных организаций, оставив оперативные группы по 3–5 чел., а также начать эвакуацию женщин и детей [18, с. 92–95]. Ограничение доступа в город позволяло контролировать демографический состав оставшегося населения, формируя его преимущественно из категорий, подлежащих трудовой мобилизации.

Светомаскировка являлась обязательным элементом режима осадного положения, хотя формально регулировалась не только актами об осадном положении, но и общими распоряжениями о противовоздушной обороне. 6 октября 1941 г. распоряжением Совнаркома СССР в 600-километровой зоне от линии фронта устанавливался режим полной светомаскировки, а в полосе между 600 и 800 километрами – частичного затемнения [15]. Территория страны была разделена на три зоны: прифронтовую, зону досягаемости бомбардировочной авиации и глубокий тыл; в зависимости от этого определялись требования к затемнению улиц, зданий и транспорта. Светомаскировка осуществлялась в 11 союзных республиках, 41 области и 185 городах – пунктах МПВО; было замаскировано 600 важных объектов [4, с. 62–63]. За нарушение установленного режима вводилась уголовная ответственность.

В условиях осадного положения в Москве светомаскировка приобрела особую строгость. С наступлением ночи столица погружалась в полную темноту; благодаря эффективной работе сил МПВО лишь 229 из 7146 немецких самолетов, совершавших налеты, смогли прорваться к Москве [8, с. 47].

Постановление ГКО № 813 возложило охрану строжайшего порядка в городе и пригородных районах на коменданта г. Москвы генерала-майора К.Р. Синилова, в распоряжение которого передавались войска внутренней охраны НКВД, милиция и добровольческие рабочие. Синилов был отозван с Карельского фронта месяцем ранее и назначен командиром 2-й особой дивизии войск НКВД [10, с. 354].

На войска НКВД московского гарнизона, усиленного сформированной 2-й мотострелковой дивизией особого назначения, возлагалась задача охраны общественного порядка, а с 22 октября – также задача ведения боев с противником в черте города в случае прорыва [7, с. 116–118]. Рубеж обороны Москвы был разделен на три полосы, границы которых проходили по Окружной железной дороге, Садовому кольцу и Бульварному кольцу [7, с. 117].

Хотя осадное положение в Ленинграде формально объявлено не было (несмотря на то что город фактически находился в условиях осады), масштаб мобилизационных мер был сопоставим с режимом осадного положения. В июле–августе 1941 г. на строительстве укреплений на ленинградском направлении одновременно работало до полумиллиона человек, в октябре ежедневно трудились до 80 тыс. К зиме 1942/43 гг. ленинградцы вручную вырыли 700 км противотанковых рвов, создали более 300 км лесных завалов, построили 5 тыс. дзотов, 4 тыс. дотов, проделали в зданиях 17 тыс. амбразур и построили 25 км баррикад [6, с. 93]. Жители города затратили около 20 млн человеко-дней на возведение оборонительных сооружений [9, с. 172].

Указ от 22 июня 1941 г. предоставлял военным властям право производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества как у государственных и общественных организаций, так и у граждан. На практике

реквизиции охватывали широкий спектр имущества: автомобили, гужевой транспорт, строительные материалы, продовольственные запасы.

В экстремальных условиях первых месяцев войны ГКО пошел на создание в регионах, близких к фронту, чрезвычайных органов низового уровня – городских комитетов обороны (ГорКО), сконцентрировавших усилия населения и всех структур управления на местах [2, с. 38–42]. В состав ГорКО входили представители советских и партийных органов, руководители органов НКВД и военного командования. На региональные комитеты обороны возлагалась задача мобилизации всех сил и средств для отпора врагу, им предоставлялись широкие полномочия по организации защиты городов и населенных пунктов.

В ряде работ ГорКО определяются как «чрезвычайные органы партийно-государственной и военно-хозяйственной власти», наделенные правами, определенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. Именно городские комитеты обороны вводили осадное положение в Туле и Сталинграде.

Специфика их деятельности заключалась в том, что в условиях осадного положения ГорКО фактически замещали все прочие органы власти, принимая решения по широчайшему кругу вопросов: от трудовой мобилизации и распределения продовольствия до применения высшей меры наказания к нарушителям режима.

Введение осадного положения в Москве 19–20 октября 1941 г. стало непосредственным ответом на кризис управления, вызванный паникой 15–17 октября. Постановление ГКО № 813 обеспечило быстрое восстановление порядка: комендантский час пресек стихийное бегство населения, пропускной режим упорядочил передвижение, а угроза немедленной ответственности прекратила мародерство и панические настроения [2, с. 122–126]. В период с 20 октября 1941 г. по 1 мая 1942 г., пока действовало осадное положение, правоохранительными органами были пресечены многочисленные правонарушения [8, с. 52–54].

Одновременно осадное положение создало организационные условия для масштабной мобилизации: 600 тыс. жителей столицы и области были привлечены к строительству оборонительных рубежей; в самом городе возведена система баррикад, огневых точек и заграждений. Концентрация командных полномочий – оборона на дальних подступах (Г.К. Жуков), оборона на ближних подступах (П.А. Артемьев), охрана порядка (К.Р. Синилов) – обеспечивала четкое разграничение зон ответственности [14, с. 78–80].

Введение осадного положения в Туле 25–26 октября 1941 г. и связанная с ним мобилизация населения позволили в кратчайшие сроки создать оборонительный рубеж вокруг города. К концу октября 1941 г. Тульский оборонительный рубеж был в основном готов. Предпринятая немецкими войсками в конце октября – начале ноября 1941 г. попытка взять Тулу штурмом провалилась, что сохранило южный форпост обороны Москвы. Режим осадного положения обеспечил оперативность мобилизации: переход от принятия решения (23 октября – постановление о строительстве укреплений, 25 октября – осадное положение) до создания рубежа занял менее недели.

В Сталинграде осадное положение было введено в условиях уже начавшихся бомбардировок и непосредственного приближения противника к городу. 23 августа 1942 г. Сталинград подвергся массированной бомбардировке; 24-й немецкий танковый корпус форсировал Дон в районе Калача-на-Дону [5, с. 164–165]. Осадное положение, введенное в ночь с 24 на 25 августа, обеспечило: немедленную эвакуацию аппаратов управления за Волгу при сохранении оперативных групп в городе; установление жесткого контроля, предотвратившего массовое мародерство и дезорганизацию; ускоренное строительство баррикад и укреплений [18, с. 150–155].

Общий управленческий эффект режима осадного положения может быть охарактеризован по нескольким направлениям:

1. Концентрация командных полномочий. Осадное положение устраняло множественность управляющих инстанций, передавая ключевые полномочия ограниченному кругу лиц (комендант, командующий обороной, председатель ГорКО). Это обеспечивало оперативность принятия решений в условиях, когда обычная бюрократическая процедура была невозможна.

2. Массовая мобилизация рабочей силы. Режим осадного положения легитимировал и обеспечивал принудительное привлечение всего трудоспособного населения к оборонным работам. Масштабы мобилизации – сотни тысяч человек в каждом крупном городе – были беспрецедентны и позволяли в кратчайшие сроки создавать оборонительные рубежи.

3. Пресечение дезорганизации. Комендантский час, пропускной режим и жесткие санкции обеспечивали контроль над населением, предотвращая паническое бегство, мародерство, диверсионную деятельность. Опыт московской паники 15–17 октября показал, что без таких мер система управления городом оказывается под угрозой распада.

4. Контроль распределения ресурсов. Карточная система, реквизиции и централизованное снабжение, усиленные в условиях осадного положения, обеспечивали приоритетное выделение ресурсов на оборону при сохранении минимально необходимого снабжения населения.

5. Интеграция военного и гражданского управления. Осадное положение стирало границу между военным и гражданским управлением, превращая город в единый оборонительный организм. Предприятия закреплялись за конкретными участками обороны; гражданское население фактически включалось в военную организацию через трудовую повинность и добровольческие рабочие отряды.

Практика применения осадного положения в Москве, Туле, Крыму (Севастополе) и Сталинграде свидетельствует о том, что данный режим эффективно решал задачи стабилизации управления в кризисных условиях, обеспечения массовой мобилизации на оборонительные работы, предотвращения дезорганизации тыла и концентрации ресурсов на ключевых направлениях обороны. При этом отсутствие единой нормативной базы компенсировалось гибкостью чрезвычайных органов, адаптировавших конкретные меры к местным условиям [2, с. 68–72].

Режим осадного положения, таким образом, выступал не столько правовой конструкцией с заранее определенным содержанием, сколько управленческой технологией, позволявшей в условиях непосредственной военной угрозы обеспечить максимальную мобилизацию ресурсов и жесткий контроль над территорией и населением. Его место в системе военного управления СССР определяется функцией «крайнего средства» – инструмента, применяемого тогда, когда обычные (и даже чрезвычайные) механизмы управления оказываются недостаточными для обеспечения обороноспособности [16, с. 42].

Литература и источники

1. *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 576 с.

2. *Данилов В.Н.* Городские комитеты обороны: чрезвычайные органы власти в годы Великой Отечественной войны. Москва: Центрполиграф, 2024. 287 с.

3. *Иванов В.Б.* Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь: Библекс, 2004. 320 с.

4. История Второй мировой войны. 1939–1945. Москва: Воениздат, 1975. Т. 4. 536 с.

5. История Второй мировой войны. 1939–1945. Москва: Воениздат, 1975. Т. 5. 510 с.

6. *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. 315 с.

7. Москва военная. 1941–1945: мемуары и архивные документы. Москва: Мосгорархив, 1995. 744 с.

8. Москва – фронту. 1941–1945: сборник документов и материалов. Москва: Наука, 1966. 422 с.

9. На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Ленинград: Лениздат, 1965. 643 с.

10. Они – участники великой войны. Москва: Воениздат, 1966. 270 с.

11. Постановление ГКО № 813 от 19 октября 1941 г. «О введении в Москве осадного положения» // *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 506–507.

12. Постановление Сталинградского городского комитета обороны № 406а от 25 августа 1942 г. // Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. Москва: Звонница-МГ, 2000. С. 148–149.

13. Постановление Тульского городского комитета обороны о введении осадного положения в г. Туле. 25 октября 1941 г. // Битва за Тулу: сборник документов и материалов. 4-е изд. Тула, 1969. С. 24–25.

14. Провал гитлеровского наступления на Москву: 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Москва: Наука, 1966. 349 с.

15. Распоряжение Совнаркома СССР от 6 октября 1941 г. о режиме светомаскировки // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Москва: Русь, 2000. С. 118–119.

16. *Синицын А.М.* Чрезвычайные органы Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 32–37.

17. Сталинград 1942–1943 / Ин-т воен. истории МО РФ, Волгоград. гос. музей-панорама «Сталинградская битва». Москва: Библиотека, 1995. 424 с.

18. Сталинградская эпопея: документы НКВД и военной цензуры. Москва: Звонница-МГ, 2000. 496 с.

19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. Москва: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 129–131.

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // Сборник указов Президиума Верховного Совета СССР, изданных в связи с войной. Москва: [б. и.], 1942. С. 16–19.

УДК 94(47+57)”1941/1945”

В.В. Федотов

ОПЫТ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1941–1945 ГОДАХ: ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ)

Аннотация. В статье анализируется одна из страниц эвакуации советского населения в годы Великой Отечественной войны и его пребывания в тылу. Исследование, опирающееся на архивные материалы, фокусируется на причинах конфликтов и противоречий, возникавших между эвакуированными, с одной стороны, и органами власти, а также местным населением тыловых районов – с другой. Изучение материалов позволяет выявить, что основными причинами конфликтов и разногласий были: нормативно-правовые особенности процесса эвакуации, проблемы с жильем и материально-бытовым обеспечением, социальные, культурные и национальные различия, административные барьеры при реэвакуации, а также взаимные стереотипы в восприятии эвакуированных и местного населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, социальные конфликты, тыл.

V.V. Fedotov

THE EXPERIENCE OF EVACUATING THE POPULATION IN THE VOLGA REGION IN 1941–1945: CAUSES OF CONFLICT SITUATIONS (BASED ON MATERIALS FROM REGIONAL ARCHIVES)

Abstract. This article analyzes one aspect of the evacuation of the Soviet population during the Great Patriotic War and their stay in the rear. Drawing on archival materials, the study focuses on the causes of conflicts and contradictions that arose between evacuees on the one hand, and authorities and the local population in rear areas on the other. A study of the materials reveals that the main causes of conflicts and disagreements were: the legal and regulatory aspects of the evacuation process, problems with housing and material support, social, cultural, and national differences, administrative barriers during re-evacuation, and mutual stereotypes in the perceptions of evacuees and the local population.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, social conflicts, rear.

В годы Великой Отечественной войны на территории Советского Союза осуществлялись масштабные, не имеющие аналогов в истории войн, миграционные процессы. Основной формой вынужденного переселения стала эвакуация населения из зон боевых действий в тыловые районы СССР.

Отсутствие продуманных планов по приему и размещению эвакуированных граждан в тылу стало одним из факторов, осложнявших эвакуацию в начале Великой Отечественной войны. Как показывают архивные документы и научные исследования, это привело к парадоксальной ситуации: процесс перемещения миллионов беженцев сочетал как четкую организованность в целом, так и неуправляемость на отдельных этапах.

Несомненно, это обстоятельство, а также тяжелейшие условия эвакуации приводили к возникновению проблем, трудностей и иных конфликтных ситуаций, в которые вовлекались эвакуированные граждане.

Можно согласиться с мнением российского историка М.Н. Потемкиной, рассматривающей эвакуацию как дополнительный стресс, делавший конфликты более

острыми, а поведение людей – более непредсказуемым, с характерными признаками посттравматического расстройства [10, с. 27].

Изучение архивных документов, писем, жалоб и обращений эвакуированных позволяет нам как минимум обозначить две группы конфликтов: между эвакуированными и органами власти и между эвакуированными и местным населением.

Причины, способствовавшие возникновению этих конфликтов, были весьма разнообразны. Это и внезапность самой эвакуации, скудная информация о месте размещения, сложные материально-бытовые условия перемещения, запрет на эвакуацию отдельных категорий граждан, межличностные и межнациональные разногласия.

Отсутствие самых необходимых вещей, конфликты с домовладельцами, к которым эвакуированных вселяли в порядке уплотнения, неприспособленность многих эвакуированных горожан к специфическим условиям деревенской жизни и крестьянскому труду – все это также служило почвой для взаимных претензий и обвинений. В конце войны причиной недовольства эвакуированных властью стали ограничительные меры на реэвакуацию для ряда категорий граждан.

Рассмотрим первую группу противоречий, основу которых составляли претензии эвакуированных граждан к властным структурам. Чаще всего эти конфликты возникали при организации эвакуации, в пути следования, материально-бытовом обслуживании, размещении в тылу.

В первые месяцы эвакуации объектом недовольства стала сама возможность эвакуации. Дело в том, что постановлениями высших органов власти определялись категории граждан, подлежавших эвакуации в первую очередь (организованная эвакуация): рабочие коллективы и служащие ведомств и предприятий, учреждений; партийные, советские руководители, включая их семьи; семьи начальствующего состава армии, флота и органов государственной безопасности, детские дома, школы, интернаты вместе с их воспитанниками, представители научной и творческой интеллигенции.

Остальное население прифронтовой полосы было вынуждено самостоятельно принимать решения об эвакуации, и за счет своих средств и возможностей добираться до эвакуационных пунктов. В условиях стремительного продвижения врага в первые недели войны, отсутствия четкой информации, быстро меняющейся ситуации на фронте, граждане добирались до пунктов сборов под обстрелами и бомбежками, в условиях паники и безвластия, отсутствия необходимого транспорта, теряя своих близких [15].

Нехватка питания, отсутствие у многих теплой одежды, низкий уровень медико-санитарного обслуживания эвакуированных в пути – это лишь небольшой перечень трудностей, который сопровождал беженцев в их пути в тыл. Двадцатидвухлетняя беженка Ида Кристина позднее вспоминала: «Сели мы в поезд и повезли нас до Махачкалы за 2500 км от дома. Там мы провалялись на земле, продавали, кушали, что достать удавалось. Никто нас не кормил, на улице возле порта лежали на земле с детьми. Потом нас посадили на танкер через Каспийское море, мы попали на танкер “Дербент”, пять тысяч человек, два туалета. Когда мы приехали в Казахстан, стали разгружаться, так я видела, что выносили трупы, не выдержали люди, мы попали в шторм» [1, с. 52].

В акте, составленном по результатам проверки ульяновского эвакуационного пункта в ноябре 1941 г., обслуживание размещавшихся в нем эвакуированных граждан оценивалось крайне неудовлетворительно. В здании эвакуационного пункта, как отмечалось в акте, «санитарная обработка не ведется, по людям ползают вши, кругом грязь. В течение суток в помещении находился труп, не было возможности его вывезти» [4].

В Горьком свыше 2 дней на рейде простояла баржа с 2000 ранеными и эвакуированными из Новгорода, среди которых было 80 детей, прежде чем беженцев перевели на другое судно и доставили на берег. На барже не хватало кипяченой воды для

питья, доставка воды была не организована, не проводилась санитарная обработка людей и дезинфекция судна [5].

Прибыв на новое место жительства, многие эвакуированные столкнулись с неоднозначным отношением к себе со стороны местных властей и коренного населения. Некоторые эвакуированные требовали невозможного, создания такого уровня комфорта, о котором местное население могло только мечтать. Городские жители зачастую ничего не знали о сельскохозяйственном труде или считали его ниже своего достоинства. Крестьяне, в свою очередь, наблюдали людей, от которых было мало толку. Местные советы были подавлены уже самим количеством прибывших. Возникала ситуация, при которой «заботливые хозяева накрыли стол для десяти гостей, но обнаружили за дверью десятки тысяч истощенных, больных, оборванных людей» [1, с. 130].

Конечно, большая часть местных жителей с пониманием отнеслись к этой ситуации и всячески пытались помочь беженцам, зачастую деля с ними последний кусок хлеба. Но были и те, которые встретили приезжих в «штыки», создавая для них неприемлемые условия для проживания, всячески пытались их выжить со своей территории [9].

Беженцы, как правило, вселялись в частные домовладения, в порядке так называемого «уплотнения». Кто-то добродушно принял гостей, ну а кто-то стремился обогатиться за их счет или же хотели их выжить. Частыми были явления как взимания дополнительной платы за проживание в размере от 50 до 100 руб. в месяц, выселение из квартир и домов, запрет пользоваться предметами домашней утвари, порча имущества, а также оскорбительные высказывания в адрес своих постояльцев [14].

При проверке 262 750 писем, с 1 по 25 декабря 1942 г., исходящих от эвакуированного населения, размещенного в Татарской АССР, правоохранительными органами отмечено 2600 сообщений с жалобами эвакуированных граждан на плохое снабжение, отсутствие топлива и недоброжелательность местного населения. «Сидим в избе, окончательно замерзли. Милочка все время плачет и мне говорит: “Мама, ручки озябли”. Руки все такие опухшие, красные, жалко смотреть на ребят. Плачу каждый день, больше не хватает сил жить в таких условиях, дрова ходим воруем ночью, если удается стащить, то истопим, а то по три дня не топим» [6].

Аналогичная картина наблюдалась и в других тыловых регионах. Проверка, проведенная в Воткинске Удмуртской АССР зимой 1941–1942 гг., показала, что около 60 % семей эвакуированных, размещенных в частных домах, находились в недружелюбных отношениях с хозяевами [9].

Представители местной администрации также были замечены в подобном отношении к беженцам, хотя это напрямую противоречило их должностным обязанностям и распоряжениям вышестоящих властных инстанций. Вместо создания необходимых бытовых условий, многие руководители пытались устраниться от решения этих проблем и переселить размещенных эвакуированных в другие районы либо использовали фонды снабжения, выделяемые для эвакуированных в личных целях.

В Чувашской АССР в нарушении принципов добровольности при отборе переселенцев в Бурят-Монгольскую АССР руководство одного из колхозов выдвинуло на голосование сфальсифицированный список якобы желающих эвакуированных семей переселиться, при этом эти люди были не поставлены в известность об этом факте. Для придания законности этому документу устроили процедуру голосования, в которой принимали участие несовершеннолетние дети местных жителей [11].

В условиях тяжелого уровня жизни, вызванного военными испытаниями, которыми характеризовалось положение и эвакуированных, и местных жителей, причинами ссор и вражды могли стать и национальность человека, его образование, социальное положение и т. д.

Взаимное отторжение чаще всего встречалось в сельской местности. Психология жителей деревень зачастую связывала трудности и лишения военного времени с приездом «чужих» и обрушивало на них волну негодования: «Председатель сельского исполкома тов. Редькин. Вот еще вас на руках носить будем, вам ведь нужны мягкие постели да сладости. Вы привыкли жить чужим трудом, за счет крестьян. Не всем вам жить, и мы поживем, вот теперь и на нашей улице праздник и т. д.» [6].

Обращение в органы власти для защиты своих прав не всегда давало должный результат. Как свидетельствуют источники, многие руководители игнорировали жалобы беженцев. Такое безразличие порождало чувство безысходности и социальной апатии среди эвакуированных. Выдержка из архивного документа: «В Заводском сельском совете гражданка Шихматова избила эвакуированную гражданку Куприну Л.В., которая проживала в доме Шихматовой. На нее инспектором по трудоустройству эвакуированного населения был составлен акт и передан в прокуратуру Чебоксарского района. При проверке движения этого дела выяснилось, что весь этот материал лежал у прокурора, по нему никаких мер не было принято лишь потому, что не было письменного заявления от потерпевшей...» [12].

Документы свидетельствуют, что нередко эвакуированные сами провоцировали агрессию со стороны местного населения считая себя людьми более высокого уровня культуры, образования, а местное население безграмотным и отсталым. Так, в письме к своему мужу полковнику РККА, жительница, эвакуированная из Москвы, в крайне оскорбительной форме высказалась о населении республики ее приютившей [13].

Часть эвакуированных осознанно уклонялись от работы в колхозах, преимущественно это были семьи начсостава РККА, но при этом они бесплатно получали от колхозов необходимые продукты питания. Разумеется, подобное поведение не одобрялось местным населением.

Многие эвакуированные крайне негативно встретили постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г., которое узаконило изъятие жилой площади, занятой ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток. Например, его положения активно обсуждалось на собраниях трудового коллектива завода № 22, эвакуированного в Казань (бывший Московский авиационный завод № 22 имени С.П. Горбунова с конструкторским бюро В.М. Петлякова). В жалобе председателю СНК СССР рабочие и служащие выразили свое недовольство этим постановлением [7].

Изменения ситуации на фронте и освобождения от врага территории СССР способствовало начавшейся реэвакуации. Но этот процесс тоже характеризовался наличием конфликтных ситуаций. Государство стремилось контролировать процесс реэвакуации, стараясь не допускать и пресекать самовольное возвращение беженцев к себе домой. Как и при эвакуации, сроки, методы и темпы реэвакуации диктовались интересами и нуждами экономики и обороны.

Таким образом, эвакуация в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны породила двойственный эффект. С одной стороны лишения, которые терпели эвакуированные в тылу, выливались в многочисленные административные конфликты. С другой стороны, эти же противоречия подталкивали властные структуры и население к навыкам конструктивного взаимодействия, которое было необходимо ради спасения Отечества.

Литература и источники

1. *Венди З. Голдман, Дональд Фильцер.* Крепость темная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 786 с.

2. Докладная записка в СНК СССР тов. Микояну А.И. 20.01.1942 г. // Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 5. Д. 446. Л. 6–7.

3. Заявление от эвакуированного населения г. Агрыз ТАССР 6.12.1943 г.// ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1235. Л. 10–11.

4. Материалы проверки Ульяновского эвакопункта // Центр документации новейшей истории Ульяновской области. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1896. Л. 63.

5. О недостатках работы с эвакуированными на Горьковском эвакопункте // Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2411. Л. 44–46.

6. Письмо жен командиров Красной Армии в Политуправление фронта // ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 832. Л. 23.

7. Письмо работников завода № 22 Председателю СНК СССР 23.03.1943 г. // ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 551. Л. 47–54.

8. Постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68–70.

9. *Потемкина М.Н.* Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 219–226.

10. *Потемкина М.Н.* «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. технич. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 151 с.

11. Председателю СНК Чувашской АССР. Материалы проверки по вопросу нарушения принципа добровольности при отборе переселенцев в Бурят-Монгольскую АССР // Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 26. Д. 32. Л. 24.

12. Справка о состоянии работы среди эвакуированного населения в Чувашской АССР // ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 26. Д. 32. Л. 14.

13. Специальное сообщение о положении эвакуированных // ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 67. Л. 9–10.

14. *Федотов В.В.* Эвакуационные процессы в областях Верхнего Поволжья в 1941–1943 гг.: социальный и психологический аспекты // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 111–116.

15. *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941–1948 годах // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307–321.

УДК 94(470.344)-055.2”1941/1945”

А.В. Чуриков

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭВАКУАЦИЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В 1941–1942 ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования мобилизационной модели экономики СССР накануне и в начальный период Второй мировой войны, а также масштабной операции по эвакуации промышленности на восток страны в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: эвакуация промышленности, мобилизационная экономика, промышленная эвакуация, плановая экономика СССР, мобилизация промышленности, военно-мобилизационные планы.

A.V. Churikov

SOVIET MOBILIZATION ECONOMY AND MANAGEMENT OF INDUSTRY EVACUATION USSR IN 1941–1942

Abstract. The article is devoted to the analysis of the functioning of the mobilization model of the USSR economy on the eve of and during the initial period of the Second World War, as well as the large-scale operation of the evacuation of industry to the east of the country in 1941–1942.

Keywords: industrial evacuation, mobilization economy, industrial evacuation, planned economy of the USSR, industrial mobilization, military mobilization plans.

Накануне Второй мировой войны промышленное развитие СССР происходило в рамках мобилизационной модели, сложившейся в 1920–1930-е гг. Эта модель, выстроенная большевиками, позволила осуществить форсированную индустриализацию и начать подготовку к будущей войне. Мобилизационная экономика базировалась на исторических традициях и подчинялась внеэкономическим, прежде всего стратегическим, целям: «догнать и перегнать» западные страны, создать материально-техническую базу коммунизма и т. д. Она опиралась на государственную или контролируемую государством собственность и использовала внеэкономические механизмы, включая принуждение и социальную мобилизацию.

Большевики в предвоенные годы выстроили такую модель экономики, в которой приоритетную роль играли оборонно-промышленный комплекс и тяжелая промышленность. Именно последняя была каркасом, базисом экономического развития СССР, по мнению советского руководства. Вторая мировая война внесла коррективы в развитие экономики в целом и тяжелой промышленности в частности. Важную роль в развитии тяжелой промышленности сыграл XVIII съезд ВКП(б) в 1939 г. Делегаты съезда справедливо указывали на диспропорции развития промышленности: дальние перевозки, концентрацию оборонного потенциала в одном районе, отсутствие запасов сырья на местах. Было одобрено создание заводов-дублеров на востоке страны, прежде всего машиностроительных и нефтеперерабатывающих [1, с. 204].

Однако накануне войны основная часть советской промышленности, включая оборонную, находилась в западных и юго-западных районах. В так называемом военно-промышленном поясе (Ленинград – Киев – Ярославль – Воронеж – Донбасс)производилось более 80 % оборонной продукции, располагалось 85 % авиационных мощностей, все танковые заводы, 97 % предприятий наркомата вооружения, выплавлялось

68 % чугуна и 58 % стали. Это наследие имперской России: промышленность размещалась максимально близко к инвесторам и рынкам Западной Европы [4, с. 56].

В годы первых пятилеток на Урале и в Сибири была создана вторая промышленная база (Магнитогорск, Челябинск, Новокузнецк и др.), но оборонные предприятия там почти не строились из-за финансовых сложностей и отсутствия развитой инфраструктуры. Модернизация уральской промышленности к началу войны не завершилась.

В 1920–1930-е гг. обсуждались планы скрытой мобилизации и эвакуации (1928, 1929, 1930 гг.) из западных районов. Однако в конце 1930-х гг., после успехов РККА на Дальнем Востоке, эти дискуссии были свернуты. Тем не менее каждый директор крупного предприятия получил «мобилизационный пакет» с инструкциями на случай войны: кому уходить на Волгу, на Урал или за Урал [14, с. 97–98]. На практике эти планы не были подкреплены законодательно, и от эвакуационных мероприятий решили отказаться [7].

С началом войны 22 июня 1941 г. немецкое наступление потребовало срочной эвакуации населения и промышленности. Немцы стремились нейтрализовать советский ОПК, оккупированные территории подлежали своего рода деиндустриализации. Советское руководство в первые месяцы войны организовало уникальную операцию по перебазированию тяжелой промышленности на восток. Исторический опыт эвакуации промышленности существовал еще с 1915 г., однако условия 1941 г. были гораздо тяжелее: скорость продвижения врага, огромные масштабы вторжения, политика грабежа и разрушений.

Нормативной базой эвакуации стали решения СНК, ЦК ВКП(б) и ГКО. 24 июня 1941 г. создан Совет по эвакуации. 27 июня принято постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», предписывавшее вывозить оборудование, сырье, рабочих и инженеров [11, с. 208]. Ответственность за перевозки возлагалась на НКПС. Постановление ГКО от 11 июля 1941 г. устанавливало должность уполномоченного по эвакуации при наркоматах, срок эвакуации устанавливался в 5–7 дней при сохранении производства до последнего момента. Контроль возлагался на группу инспекторов Совета по эвакуации во главе с А.Н. Косыгиным. Еще два постановления СНК определяли расходы на перемещение, правила демонтажа и охраны. Подготовка оборудования сопровождалась спецификационными листами, которые заполнялись направляющей стороной. К эшелонам, согласно инструкции, должны были прикрепляться контролеры – «постоянные, надежные и политически проверенные» работники предприятия [5, л. 1–5].

Эвакуационные мероприятия включались в народнохозяйственный план на IV квартал 1941 г. Однако первые решения, принимавшиеся в условиях неопределенности, содержали подчас невыполнимые инструкции. Функции Совета по эвакуации и ГКО дублировались, решения затягивались. Механизм эвакуации складывался на ходу, в процессе перебазирования, и включал в себя такие операции, как демонтаж, доставка, размещение, восстановление.

Демонтаж оборудования вели рабочие самих перемещаемых предприятий. Темпы зависели от боевой обстановки. Например, завод им. Ленина в Днепропетровске начал демонтаж 7 августа, а 9 августа первый эшелон уже ушел на Урал. В Запорожье эвакуация шла под обстрелом; к моменту сдачи города 3 октября цеха были пусты. Там, где решения Совета по эвакуации запаздывали (как с Мариупольским металлургическим заводом, 5–8 октября 1941 г.), оборудование попадало к врагу [12, с. 116].

Тяжелое и нетранспортабельное оборудование (домны, мартены) демонтировали частично: вывозили важнейшие узлы, детали, краны, насосы. Вывозили все, что могло пригодиться затем в восточных районах СССР при налаживании производства или усилении местной промышленности.

Стоимость эвакуации полностью покрывалась государством и была значительной, например, переезд Кировского завода из Ленинграда в Челябинск обошелся в 23,5 млн руб., московского ЗИСа – в 28 млн руб. [13]. При этом стоимость эвакуации

отступала перед стратегическими задачами сохранения индустриального потенциала СССР. Враг стремился уничтожить или поставить себе на службу весь индустриальный потенциал западных районов СССР. Всего накануне войны в западных и южных регионах насчитывалось 31 850 предприятий. В 1941–1942 гг. вывезено 1523 предприятия – не более 5 % мощностей региона. Оставшиеся заводы были разрушены или разграблены немцами, поэтому перебазирование промышленного потенциала было основной задачей первых месяцев войны, и экономическая цена значения не имела [2, с. 41].

НКПС за первый год войны перевез около 1,5 млн вагонов (30 тыс. поездов) с эвакуированными грузами. Процесс перемещения был длительным и проблематичным. Поезда двигались под ударами авиации, направления менялись, станции выгрузки не имели кранов и разгрузочных площадок для тяжелого оборудования. Многие составы застревали в общем потоке на малых станциях и в тупиках, что срывало программу и создавало дефицит вагонов. Были случаи хищений: оборудование содержало цветные и драгоценные металлы, охраны не хватало, в вагоны проникали посторонние.

Эвакуация шла по четырем основным направлениям: Средняя Волга, Урал (главное направление), Сибирь, Средняя Азия. В июле–декабре 1941 г. в потоках эвакуационных грузов находилась почти половина вагонного парка страны. Производство станков из-за эвакуации промышленных мощностей летом-осенью 1941 г. сократилось в два раза (с 44 510 до 22 935 ед.), проката – с 12,6 млн до 5,4 млн т. Нарком вооружения Б.Л. Ванников отмечал: «...спад выпуска военной продукции начался в октябре, достиг минимума в ноябре и только в декабре наметился подъем» [3, с. 25].

Демонтаж и транспортировка составляли около 40 % трудоемкости выполняемых работ. Основная тяжесть размещения и восстановления эвакуированных предприятий легла на местные органы власти и дирекции заводов тыловых районов. Развернулась ведомственная борьба за производственные площадки. Не сразу заводы находили для себя промышленные помещения. Эшелоны мигрировали из города в город: например, эшелон Днепродзержинского металлургического завода сначала направили в Орск, но, простояв несколько дней, он ушел в Магнитогорск.

Интеграция эвакуированного оборудования включала четыре операции: приемку и оформление, организацию погрузочно-разгрузочных работ, размещение на площадях, включение в экономику тыла. Сдачу-приемку оформляли актами (например, завод им. Дзержинского и Магнитогорский комбинат оформили акт приемки-сдачи оборудования). Комиссии из финансистов и производственников уральских предприятий вели учет прибывающего оборудования. Кировский завод в Челябинске разработал специальные инструкции по оформлению перебазированных грузов [10, л. 57].

Разгрузка в основном велась вручную. Эвакуированные коллективы часто прибывали позже оборудования. Например, завод «Электросвет» вместо 400 высококвалифицированных рабочих направил только 63 чел., и пришлось привлекать местное население. Оборудование танковых и дизельных заводов старались разгружать ближе к цехам назначения, но из-за хаоса площадки были забиты, эшелоны приходили в случайном порядке, иногда с «чужими» вагонами. Оборудование разгружали порой где придется [8, л. 3].

Металлургическое оборудование размещалось на действующих заводах, на площадках нового и резервного строительства 1930-х гг., на родственных предприятиях Урала, иногда в непроизводственных зданиях.

Особо важные производства, непосредственно поставлявшие продукцию в действующую армию, встраивались в действующие цеха работающих на Урале предприятий. Лаборатории и мастерские могли размещаться в пустующих корпусах и даже городских православных храмах (в Троицке под оборудование ЗИСа переоборудовали собор и мастерские молокозавода) [9, л. 39–40].

Из-за стихийной эвакуации приходило некомплектное оборудование. Месяцами это оборудование было невостребованным и приходило в негодность. Для его хранения и сбережения по поручению СНК местные власти создавали эвакобазы – пункты

разгрузки бездокументных грузов (согласно постановлению СНК № 1869-84 от 15 июля 1941 г.).

В литературе часто пишут, что предприятия восстанавливались за 1,5–2 месяца, но это верно лишь для ведущих заводов военных наркоматов, контролировавшихся ГКО. Остальные предприятия запускались не сразу, срок восстановления мог затягиваться на шесть, а то и девять месяцев. Основная масса перебазированных на Урал заводов была восстановлена в феврале–марте 1942 г. из-за нехватки рабочих рук, отсутствия механизации, перебоев с энергией и промышленной водой.

Тем не менее интеграцию эвакуированного оборудования можно в целом признать успешной. Перемещенные из западных районов СССР предприятия и трудовые коллективы способствовали ускоренной перестройки уральской промышленности на военное положение. Кировский завод в Челябинске дал старт производству танков на ЧТЗ. Завод № 193 из Харькова в Касли наладил выпуск радиоаппаратуры (в том числе той, которой пользовался И.В. Сталин) [6]. Броневой стан из Мариуполя на Магнитогорском металлургическом комбинате позволил выпускать танковую броню; оборудование «Запорожстали» и «Азовстали» превратило комбинат в замкнутый цикл производства: от добычи руды до изготовления проволоки и метизов.

Таким образом, эвакуация в начальный период войны была проведена в предельно сжатые сроки и в невиданных ранее объемах. Переместить всю экономическую базу не удалось, но главное было сделано: единая экономическая инфраструктура оккупированных районов была сломана. Работа оставшихся предприятий вне производственного цикла стала невозможной. Советская мобилизационная система смогла перебросить мощности на тысячи километров. Потери продукции в первые месяцы были компенсированы довоенными резервами и трудовым энтузиазмом. Чрезвычайные полномочия государства, собственника средств производства, позволили переключить ресурсы на пуск перебазированных заводов. Несмотря на потери, эвакуированная промышленность вступила в строй осенью 1941 – зимой 1942 г., а к 1943–1944 гг. восстановила и превзошла довоенный экономический потенциал СССР.

Литература и источники

1. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 10–21 марта 1939 г. Москва: ОГИЗ, 1939. 742 с.

2. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Москва: Госполитиздат, 1947. 194 с.

3. *Ванников Б.Л.* Из записок наркома // Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. И.М. Данишевский, Ж.В. Таратута. Москва: Политиздат, 1984. С. 23–30.

4. *Гаврилов Д.В.* Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: тезисы докладов научно-практической конференции. Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т истории и археологии, 1995. С. 55–62.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 131.

6. *Зарецкая Н.А.* Каслинский радиозавод в годы Великой Отечественной войны // Архивное дело в Челябинской области. Информационный вестник II. Челябинск: [б. и.], 2009. С. 46–50.

7. *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2004. 350 с.

8. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 3. Д. 2.

9. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 145.

10. ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 11.

11. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

12. *Прохоров А.П.* Эвакуация промышленности на Восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 115–121.

13. Российский государственный архив экономики. Ф. 8115. Оп. 2. Д. 112.

14. *Сергеев А., Глушик Е.* Беседы о Сталине. Москва: Крымский мост-9Д, 2006. 184 с.

УДК 94(470)”1941/1945”:[355.244.212:[930.25+069]-029.355-029.9]

О.В. Андреев

АРХИВЫ И МУЗЕИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ, ЭВАКУИРОВАННЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945): ПОДВИГ ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ГЕРОИЗМЕ НАРОДА

Аннотация. В статье анализируются состояние, меры по спасению фондов архивов и музеев, в том числе и военно-исторического направления, в условиях Великой Отечественной войны. Раскрыты особенности и ход их эвакуации, география размещения, вопросы взаимодействия с партийно-государственными органами на местах, направления и формы работы, условия жизни и труда сотрудников архивов и музеев. Дана оценка их вклада в сохранение памяти о подвиге советского народа в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, архивы и музеи военно-исторического направления, сотрудники, эвакуация, подвиг, сохранение памяти.

O.V. Andreev

ARCHIVES AND MUSEUMS OF MILITARY HISTORY, EVACUATED DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945: THE DEDICATED WORK OF PRESERVING THE MEMORY OF THE PEOPLES HEROISM

Abstract. The article analyzes the state of affairs and measures taken to save the funds of archives and museums, including those of a military-historical nature, during the Great Patriotic War. It reveals the specifics and course of their evacuation, the geography of their placement, the issues of interaction with local party and government bodies, the directions and forms of work, and the living and working conditions of the staff of archives and museums. The article also assesses their contribution to preserving the memory of the heroic deeds of the Soviet people in 1941–1945.

Keywords: the Great Patriotic War, military history archives and museums, employees, evacuation, heroism, and preservation of memory.

В выступлении наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. сообщалось о массированной бомбежке Житомира, Киева, Севастополя, Каунаса, а в совместной директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.– Риги, Вильнюса, Минска, Орши, Могилева, Смоленска, Одессы, Мурманска, продвижении войск противника по территории Литвы, Латвии, Брестской, Белостокской, Вилейской областей Белоруссии и Западной Украины.

Территориальные потери СССР в 1941–1942 гг. составили 1926 тыс. кв. км (из 22,1 млн кв. км накануне войны). Под руинами городов погибли многие бесценные музейные экспонаты и архивные документы. Согласно сведениям, содержащимся в уникальном справочно-информационном издании «Сводный каталог культурных ценностей Российской Федерации, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны», потери были колоссальными и невосполнимыми: свыше 160 музеев, 4000 библиотек (погибло 115 млн изданий), 19 областных архивов (утрачено 17 млн дел) [9]. Например, потери только Смоленского музея составили 32 717 экспонатов из 65 148 [12].

В вышеназванной директиве, адресованной партийно-советским организациям прифронтовых областей, ставилась задача вывоза всего ценного имущества, что коллективами архивов и музеев было воспринято как безотлагательное начало работы по спасению культурно-исторических ценностей. С созданием 24 июня 1941 г. Совета по эвакуации при СНК СССР ответственность за эвакуацию и сохранение культурных ценностей была возложена на Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР (руководитель В.А. Шкварников).

Первым нормативным актом по спасению культурных ценностей в условиях войны стало секретное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об эвакуации архивов» от 5 июля 1941 г., подписанное И.В. Сталиным [7]. Постановление предусматривало эвакуацию в г. Уфу архивов высших партийно-государственных и военных органов управления, НКГБ и НКВД СССР, ЦК ВЛКСМ, Исполкома Коминтерна, Института Маркса-Энгельса, Ленина (ИМЭЛ). НКВД СССР должен был эвакуировать из Москвы и Ленинграда важнейшие документы центральных государственных архивов. Второе «совершенно секретное» правительственное постановление, принятое 10 июля 1941 г., касалось эвакуации архивов и ценностей Президиума Верховного Совета СССР. Так начиналась организованная работа по спасению архивных фондов.

В свою очередь, коллективы музеев для спасения ценностей должны были действовать согласно плану эвакуации, разработанному еще до войны. Так, по распоряжению Наркомпроса РСФСР Управлением культурно-просветительских учреждений Ленинграда на случай непредвиденных и чрезвычайных обстоятельств в 1936 г. подготовлен так называемый «план разгрузки» (или план эвакуации в безопасные районы и города страны, в частности, Горький и Сарапул) музеев города и пригородов.

В первую очередь подлежали эвакуации архивы высших партийно-государственных и военных органов управления: Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР, с 1992 г.– Российский государственный военно-исторический архив – РГВИА), Отдел архивов Наркомата обороны СССР (основан в 1936 г., с 1943 г.– Историко-архивный отдел НКО, с 1944 г.– отдел архивов Красной Армии Управления делами Наркомата обороны, в настоящее время – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации – ЦАМО РФ), Государственный архив РСФСР (образован в 1920 г., с 1992 г.– Государственный архив Российской Федерации), Политархив (с 1946 г.– Архив внешней политики СССР, с 1992 г.– Архив внешней политики Российской Федерации) и др.

Предстояла неотложная и громадная подготовительная работа. Так, сотрудниками Политархива и отделов НКИД из более 500 тыс. архивных дел было отобрано, оформлено к уничтожению несекретных документов и подготовлено к 17 июля 1941 г. для отправки 510 ящиков общим весом около 26 т [3, с. 21].

Ускоренными темпами, со второго и третьего дня войны начали готовить к эвакуации ведущие музеи страны: Государственный исторический музей (ГИМ), музеи Московского Кремля (прежде всего – Оружейная палата), коллекции Центрального музея Красной Армии (ЦМКА, в настоящее время – Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации), Эрмитаж и пригородные дворцы-музеи Ленинграда, музеи Новгорода, Пскова, Смоленска и др.

Коллективами архивов и музеев западных районов Советского Союза меры по спасению культурных ценностей принимались в первый же день войны: составлялись списки, упаковывались документы и экспонаты, оформлялись разрешения на эвакуацию, решались вопросы с транспортом.

Чрезвычайная обстановка вносила существенные коррективы в планы эвакуации: не всегда получалось соблюдать системность при комплектовании документов и музейных ценностей, так как архивные и музейные сотрудники, зачастую находясь под обстрелами, бомбежками, были вынуждены руководствоваться главным – во что бы то ни стало спасти культурные ценности [11]; стремительно менявшаяся обстановка и острая нехватка транспортных средств вынуждали менять на ходу пункты назначения (эшелоны с культурными ценностями отправлялись и в другие, не указанные в постановлениях населенные пункты (Шадринск, Орск, Молотов и др.); даже некоторые уникальные ценности из-за проблем с транспортом пришлось оставить на прежнем месте (из более 100 тыс. экспонатов музея имени Пушкина часть оставлена в Москве) [9]; требовались в особых случаях специальные разрешения на эвакуацию. Например, только с принятием постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. сотрудники Наркомата финансов, НКВД СССР и Управления госбезопасности Кремля смогли начать работу по эвакуации Оружейной палаты.

С учетом вышеизложенного, отметим, что и география эвакуации и размещения архивов и музеев с их сотрудниками была широкой. Так, часть сотрудников и наиболее ценные материалы ЦГВИА СССР отправлены из Москвы в Саратов, из Ленинградского филиала – в г. Чкалов (Оренбург). Дополнительное перемещение документов и книг было проведено в 1942 г. (весной – в Чкалов и Барнаул, в конце года – из Саратова в г. Шадринск, а последняя партия документов отправлена в декабре в Барнаул); группа сотрудников и документы Политархива – в г. Мелекесс Куйбышевской области, а Отдел архивов Наркомата обороны СССР – в г. Бузулук Оренбургской области.

В условиях быстрого изменения обстановки и нарастания угрозы блокады, особенно после взятия противником Пскова 9 июля, напряженно и трудно проходила эвакуация архивов Ленинграда. В спешном порядке, соблюдая режим секретности, пересмотрены не только списки эвакуируемых фондов, но и адреса отправки архивных документов: вместо г. Акмолинска Казахской ССР в начале июля – г. Чкалов.

За короткое время Сибирь, ее крупные города (Новосибирск, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул) стали основной базой для эвакуации архивных документов из западных и центральных районов страны [5]. В восточные районы страны было эвакуировано 7 093 805 ед. хр. (70 % хранившихся в центральных государственных архивах СССР дел [5; 8, с. 83].

География эвакуации и размещения музейных ценностей вместе с сотрудниками была более широкой (Казахстан, Урал, Поволжье): 932 ящика с наиболее ценными коллекциями Государственного исторического музея (ГИМ) из Москвы – в Хвалынск, а затем в г. Кустанай Казахской ССР (июль и ноябрь 1941 г.); Оружейная палата Московского Кремля – в Свердловск и Челябинск; собрания и сотрудники Центрального музея Красной Армии (ЦМКА) – в Казань; коллекции пригородных дворцов-музеев Ленинграда – в Горький и Сарапул (конец августа 1941 г.), музейные ценности Новгорода и Пскова – в Киров и Советск (Кировская область).

С приближением фронта к Москве были приняты экстренные меры по спасению музейных ценностей столицы: по указанию коменданта Московского Кремля Н.К. Спиридонова 23 июня 1941 г. начался демонтаж экспозиции Оружейной палаты. Пришлось отказаться от первоначального плана укрытия коллекции Оружейной палаты во внутренних помещениях Кремля и эвакуировать на Урал – в Свердловск (выполнено 10 июля 1941 г.).

Сложности сопровождали весь ход эвакуации, которые возникали и после прибытия на место. Сотрудникам, сопровождавшим ценности, в ходе эвакуации пришлось испытать немало: трудности с транспортными и техническими средствами, неожиданная смена пункта назначения, чрезмерно долгое нахождение в пути (до нескольких месяцев), нехватка теплых вещей, долгое и порой конфликтное решение вопросов размещения архивных и музейных ценностей, которые нуждались в особых условиях хранения [5]. Непросто было с поиском помещений, пригодных для проживания сотрудников. Если в регионах хронической проблемой оставалась острая нехватка жилищного фонда и помещений культурного назначения, то с началом войны и эвакуации положение стало катастрофическим.

Чаще всего представители местных органов власти выделяли помещения церквей и монастырей, порой совсем не пригодных для хранения и использования культурных ценностей, чувствительных к температурно-влажностному режиму. Тогда возникали конфликты, которые приходилось урегулировать партийным органам или Наркомпросу. Так, для коллекций из Новгорода и Пскова взамен подвального помещения бывшей мечети в Кирове удалось найти подходящее здание только в областном городе Советске. Постепенно работа эвакуированных архивов и музеев налаживалась, обустраивался быт сотрудников.

В целом работа коллективов архивов и музеев с началом войны усложнилась, стали более многообразными направления и формы их деятельности. Наряду с текущей работой проводился сбор документов по истории Великой Отечественной войны, которые стали основой для будущих фондов; в эвакуации сотрудники наряду с обеспечением сохранности фондов вели прием документов от войск, гражданских лиц и организаций; совершались выезды на фронт для сбора новых материалов. Активизировали работу сотрудники Политархива: в эвакуации из Мелекесса в Куйбышев только в 1942 г. отправлено по запросам руководства НКИД более 3,5 тыс. архивных дел [3, с. 21].

Так работали эвакуированные в г. Бузулук сотрудники Отдела архивов Наркомата обороны СССР, Политархива и других архивов [3, с. 13]. Благодаря усилиям сотрудников в фондах крупнейшего архива Российской Федерации – ЦАМО РФ в настоящее время хранятся около 11 млн архивных дел по истории Великой Отечественной войны [1, с. 160].

Самоотверженным трудом сотрудников Политархива сформирован в основной комплекс фотодокументов по истории Великой Отечественной войны, содержащихся также в фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Образцовой стала деятельность коллектива Центрального музея Красной Армии (ЦМКА). В Казани в период эвакуации создана и действовала в миниатюре московская экспозиция ЦМКА. Как и другие музеи, он обеспечивал сохранность исторических и художественных ценностей, создавая на основе музейных коллекций специальные экспозиции, передвижные и стационарные выставки, вел работу по мобилизации военнослужащих и населения на борьбу с захватчиками и военно-патриотическому воспитанию. Неоднократно, начиная с осени 1941 г., сотрудники выезжали на фронт (с ноября 1943 по апрель 1945 г. – 20 экспедиций) для сбора реликвийных материалов и трофеев (в 1941–1945 гг. получено до 99 тыс. документальных и вещественных источников) [2, с. 3]. Активно велась и научно-исследовательская работа (изучение и научное описание музейных предметов, разработка экспозиций и выставок, составление картотеки «Хроники Великой Отечественной войны», оперативно-тактических схем и хронологических карт).

По мере освобождения территории страны и стабилизации обстановки начали возвращать из эвакуации сотрудников с архивными и музейными ценностями. Первая партия документов Политархива возвращена в Москву после победы в Курской битве, остальные – в феврале 1944 г. [3, с. 21]; Центрального государственного военно-исторического архива – в 1945 г. [3, с. 18]; Историко-архивного отдела Наркомата обороны – в 1946 г. [3, с. 13].

Неоценим вклад архивистов в возрождение и восстановление памятников архитектуры, полностью разрушенных или пострадавших во время боевых действий. Так, спасенные сотрудниками Российского государственного военно-исторического архива уникальные источники по истории архитектуры и градостроительства (чертежи военных, гражданских сооружений, храмов и монастырей, выполненные М.Ф. Казаковым, В.И. Баженовым, К.И. Росси, В.П. Стасовым и другими выдающимися российскими зодчими) помогли воссоздать многие архитектурные памятники.

Коллективы архивов и музеев, участвуя в военно-патриотических мероприятиях по мобилизации военнослужащих и населения на борьбу с захватчиками, организованно выезжая на фронты для сбора документальных материалов, расширяя тематику научно-исследовательской деятельности, обеспечили сохранность исторических и художественных ценностей, сформировали для потомков документальную память о подвигах партизан и подпольщиков, фронтовиков и тружеников тыла. После войны даже появился Архив иностранных государств, образованный за счет так называемых «трофейных фондов» из Германии и других стран (позже возвращенных) [3, с. 21].

Их самоотверженным трудом сохранена внушительная часть произведений мирового искусства [9].

Архивным и музейным работникам Чувашии, находившимся в глубоком тылу и работавшим накануне войны и без того в очень стесненных условиях, пришлось уступить большую часть своих служебных помещений прибывшим в республику воинским формированиям [6; 10]. Например, Центральный чувашский музей (с 1940 г.– Краеведческий музей ЧАССР) еще с 1930 г. (вплоть до 1980 г.) располагался в бывшей церкви Успения Пресвятой Богородицы. Женский персонал заменил сотрудников-мужчин, ушедших на фронт, среди которых был и директор Краеведческого музея ЧАССР И.И. Ильин [10, с. 54]. Даже в таких условиях темпы работы не снизились, а ускорились, так как направления и формы работы стали многообразнее, как и у остальных коллег в стране, самоотверженно трудившихся во благо общей Победы [4].

Литература и источники

1. *Андреев О.В.* Деятельность отечественных архивов в 1941–2025 гг. по сохранению документальной памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и патриотическому воспитанию граждан // Архивные документы по защите исторической правды и памяти: материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием в рамках Года защитника Отечества в России и Года Победы и патриотизма в Чувашии (Чебоксары, 23 сентября 2025 г.). Чебоксары: ГИА ЧР, 2025. С. 114–125.

2. *Андреев О.В.* Музеи России и Чувашии как центры и институты сохранения памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., патриотического воспитания граждан // Чувашский национальный музей: люди, события, факты (2025): сборник статей / М-во культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чувашский национальный музей. Вып. 20. Чебоксары: ЧНМ, 2025. С. 3–13.

3. *Андреев О.В.* Увековечение памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 320 с.

4. Архивная служба Чувашии в годы военного лихолетья. URL: https://giachr.archives21.ru/archives/giachr/history?ysclid=mfp38ulewd871362961 (дата обращения: 11.04.2026).

5. *Боброва В.С.* Сибирь как база для эвакуации архивных документов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sibir-kak-baza-dlya-evakuatsii-arhivnyh-dokumentov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/viewer (дата обращения: 13.04.2026).

6. *Давыдова Т.А.* Чувашский национальный музей, 1921–2021: книга-альбом / Чувашский национальный музей. Чебоксары: ЧНМ, 2022. 322 с.

7. *Копылова О.Н.* Совнарком – Совмин СССР и архивы: постановления высшего органа исполнительной власти СССР в области архивного дела в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovnarkom-sovmin-sssr-i-arhivy-postanovleniya-vysshego-organa-ispolnitelnoy-vlasti-sssr-v-oblasti-arhivnogo-dela-v-gody-velikoy?ysclid=mp2er0repi3516461 (дата обращения: 12.05.2026).

8. *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02. Москва, 1991.

9. *Новикова И.* Сохранить прекрасное. Как спасали произведения искусства в военные годы. URL: https://scientificrussia.ru/articles/sohranit-prekrasnoe-kak-spasali-proizvedeniya-iskusstva-v-voennye-gody (дата обращения: 12.05.2026).

10. *Поздеев А.А.* Чувашский национальный музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: отдельные страницы истории // Чувашский национальный музей: люди, события, факты (2025): сборник статей / М-во культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чувашский национальный музей. Вып. 20. Чебоксары: ЧНМ, 2025. С. 53–59.

11. Спасти и сохранить. Об эвакуации музейных ценностей во время Великой Отечественной войны. URL: https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/spasti-i-sokhranit.html?ysclid= mp2e6cdhv4511123705 (дата обращения: 12.05.2026).

12. Шедевры, которые мы потеряли. URL: https://www.rabochy-put.ru/society/61620-shedevry-kotorye-my-poteryali.html?ysclid=mpalx8hhel438810242 (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 94(470.344)-055.2”1941/1945”

Э.М. Мусаева, З.А. Махулова

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ДАГЕСТАНА: ПРИЕМ ЭВАКУИРОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НАСЕЛЕНИЯ И СКОТА ИЗ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В предлагаемой статье на базе архивных источников Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) и опубликованных документальных сборников исследуется работа государственных и партийных структур Дагестанской АССР по организации приема, размещения и хозяйственного обустройства эвакуированных промышленных объектов, сельскохозяйственных животных и гражданского населения в период 1941–1945 гг. Значительное внимание уделяется трудовой доблести рабочих коллективов, процессам освоения выпуска оборонной продукции и формам поддержки эвакуированных граждан из прифронтовых территорий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестанская АССР, эвакуация промышленности, эвакуация скота, завод «Дагестанские Огни», завод им. М. Гаджиева, трест «Дагнефть», Махачкалинский морской порт, колхозы Кизлярского района, трудовой героизм.

E.M. Musayeva, Z.A. Makhulova

LABOR FEAT OF DAGESTAN: RECEPTION OF EVACUATED INDUSTRY, POPULATION AND LIVESTOCK FROM THE FRONTLINE AREAS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article, using archival sources from the Central State Archives of the Republic of Dagestan (TsGA RD) and published documentary collections, examines the work of state and party structures of the Dagestan ASSR in organizing the reception, accommodation, and economic development of evacuated industrial facilities, farm animals, and civilians during the period 1941–1945. Considerable attention is given to the labor valor of work collectives, the development of defense production, and the forms of support provided to citizens evacuated from front-line areas.

Keywords: the Great Patriotic War, Dagestan ASSR, industrial evacuation, livestock evacuation, Dagestanskie Ogni plant, M. Gadzhiev plant, Dagneft trust, Makhachkala seaport, Kizlyar district collective farms, labor heroism.

Годы Великой Отечественной войны стали временем колоссального напряжения всех сил Советского государства для достижения победы над агрессором. Стремительное продвижение германских войск в начальный период военных действий выдвинуло перед руководством страны исключительно сложную задачу – предотвратить захват противником промышленного потенциала, продовольственных ресурсов и спасти жизни миллионов мирных жителей, оказавшихся в прифронтовой полосе. Масштабы эвакуационных мероприятий не имели аналогов в мировой истории: лишь во втором полугодии 1941 г. в восточные регионы страны удалось переместить свыше 2,5 тыс. промышленных предприятий и приблизительно 17 млн чел.

Дагестанская АССР, находясь на северо-востоке Кавказского региона, в силу своего географического положения оказалась в числе территорий, принявших существенное количество эвакуированных заводов, людей, сельскохозяйственных животных. При этом сама республика располагалась в опасной близости от зоны боевых действий:

к осени 1942 г. линия фронта максимально приблизилась к дагестанским границам, что придавало процессам приема и обустройства эвакуированных чрезвычайно напряженный характер.

С первых дней войны перед республиканскими властями встала задача организации приема и размещения прибывающих граждан, промышленных объектов и сельхозимущества. Нормативно-правовой базой для этой деятельности выступали постановления Государственного комитета обороны (ГКО) – чрезвычайного высшего органа власти, образованного 30 июня 1941 г.

26 сентября 1941 г. ГКО принял постановление № 7150, регламентировавшее порядок приема, размещения и хозяйственного устройства эвакуированных граждан в Дагестанской АССР. Во исполнение данного документа Совет Народных Комиссаров ДАССР совместно с бюро обкома ВКП(б) 29 сентября 1941 г. утвердили собственное постановление «Прием, размещение и хозяйственное устройство эвакуированного населения в ДАССР». Данный документ стал основанием для всей последующей деятельности по эвакуации на территории республики. В нем предписывалась организация на местах специализированных комиссий, отвечающих за встречу и расселение прибывающих людей, их трудоустройство, обеспечение жильем и питанием. Местные органы власти обязывались в максимально сжатые сроки выделять приезжающим жилые помещения, налаживать питание и медицинскую помощь, трудоустраивать граждан согласно их профессиональной подготовке. 31 декабря 1941 г. бюро Дагестанского обкома ВКП(б) приняло отдельное постановление «О состоянии трудоустройства эвакуированного населения», в котором отмечалось, что основная часть эвакуированных уже получила работу на предприятиях республики, однако фиксировались и отдельные недостатки в этой сфере, требовавшие незамедлительного исправления [6, л. 439–440].

Одним из показательных примеров удачного приема и интеграции перемещенного предприятия служит история чугунолитейного завода «Красное знамя», эвакуированного из Ростова-на-Дону. Данное производство было размещено на площадях стекольного завода «Дагестанские Огни», что потребовало от коллектива принимающего предприятия исключительных организационных усилий.

Как свидетельствуют источники, рабочие, инженерно-технический персонал и служащие стеклозавода проявили значительную творческую инициативу при обустройстве прибывшего завода на своей территории. Они оказали существенную помощь в подборе квалифицированных кадров — слесарей, токарей, электромонтеров для эвакуированного производства. Коллектив предприятия приложил максимум усилий для организации выпуска военной продукции. В военное время завод сократил производство оконного стекла и переключился на изготовление зажигательных бутылок, походных фляг, ампул, емкостей для консервированной крови. Важное военно-хозяйственное значение имело наращивание выпуска силикат-глыбы, применявшейся в нефтяной и строительной отраслях. В 1941 г. по сравнению с предвоенным 1940 г. производство силикат-глыбы возросло более чем впятеро, достигнув 1593 т [2].

В тяжелые дни 1942 г., когда развернулось масштабное сражение за Кавказ, согласно решению Военного совета Закавказского фронта стекольный завод переориентировали на выпуск новых типов оборонной продукции: противотанковых ежей, железобетонных конструкций для оборонительных сооружений – ДОТов, ДЗОТов и пулеметных гнезд. Для этого на предприятии создали дополнительный цех. Одновременно продолжалось производство уже освоенной оборонной номенклатуры. В общей сложности за 1942 г. завод изготовил 1 033 600 штук специальных изделий [4].

22 октября 1943 г. ГКО СССР издал постановление № 4392 о наращивании выпуска оконного стекла, где стеклозаводу «Дагестанские Огни» отводилась значительная роль. Во исполнение этого документа СНК и Дагестанский обком ВКП(б) 27 ноября 1943 г. утвердили специальное постановление «О разработке плана организационно-технических мероприятий по использованию всей мощности завода «Дагогни» для выпуска оконного стекла» [2].

Махачкалинский ремонтно-механический завод (впоследствии завод им. М. Гаджиева) превратился в одного из лидеров по выпуску боеприпасов. В октябре 1941 г. предприятие перевыполнило план по производству 45-миллиметровых осколочно-фугасных снарядов на 1,1 %, а по 500-миллиметровым чугунным минам – на 10 %. Если в конце 1941 г. в Дагестане производилось 5 тыс. артиллерийских снарядов, то в октябре 1942 г. только махачкалинский завод им. М. Гаджиева выпускал 16 тыс. снарядов. В ноябре 1943 г. на этом предприятии изготовили 35,1 тыс. штук 45-миллиметровых снарядов [3].

Завод № 182 «Двигательстрой» (г. Каспийск) также внес весомый вклад в военное производство. Было принято решение об увеличении на этом предприятии выпуска 82-миллиметровых чугунных мин. Завод не только освоил более сложные виды вооружений, но и стал выполнять планы практически по всем позициям. По заказам фронта здесь производились глубинные бомбы, торпеды трех типов, детали взрывателя глубинной бомбы, бомбометы, дистанционные гранаты, 82-миллиметровые мины и иная военная продукция. По воспоминаниям современников, «Двигательстрой» ежесуточно отправлял на фронт 9 вагонов снарядов. Завод «Красный металлист» также энергично включился в производство вооружений, выпустив свыше 36 тыс. ручных гранат. Механические мастерские Махачкалинского морского порта освоили нехарактерное для них ранее производство – 50-миллиметровые чугунные мины, которых в 1941 г. изготовили 8180 штук [3].

Фронт постоянно требовал наращивания поставок нефтепродуктов. В 1941 г. трест «Дагнефть» достиг существенных успехов. За девять месяцев контора бурения треста сдала в эксплуатацию 20 нефтяных и 3 газовые скважины. По состоянию на 1 октября 1941 г. введенные в строй скважины обеспечивали среднесуточный дебит 103,4 т нефти. К исходу 1941 г. результаты «Дагнефти» стали еще более впечатляющими. План по добыче нефти и газа был перевыполнен, а общая экономия денежных ресурсов превысила 1 млн 327 тыс. руб. За успешную работу Наркомат нефтяной промышленности СССР наградил знаком «Отличник соцсоревнования» 15 сотрудников «Дагнефти», 38 чел. представили к премированию.

Важным событием стало обнаружение новых нефтеносных горизонтов. В махачкалинском нефтеносном районе в июле 1942 г. скважина № 7 дала фонтан нефти с начальным дебитом 145 т в сутки. А скважина № 13 25 октября 1943 г. с глубины 1460 м дала фонтан чистой нефти с суточным дебитом 1500 т [1].

Махачкалинский морской порт выполнял ключевую функцию в приеме и перераспределении эвакуированных грузов и людей. Объемы его работы в военный период многократно возросли. К концу 1941 г. объем перевозок по Махачкалинскому отделению железной дороги удвоился по сравнению с 1940 г. Грузооборот Махачкалинского морского порта резко увеличился, а пассажирские перевозки выросли вчетверо.

В отдельные периоды в Махачкале скапливалось от 100 тыс. до 150 тыс. эвакуированных – больше, чем проживало в самом городе постоянных жителей. В районе порта и железнодорожной станции разместили до 50 тыс. чел. Местные жители проявили подлинное человеколюбие, предоставляя эвакуированным жилье в своих домах.

Комсомольцы и пионеры Махачкалы собирали для детей эвакуированных одежду, белье, обувь. Коллектив порта добился значительных трудовых успехов. Лучшая бригада грузчиков под руководством Елисеева систематически выполняла план на 175–180 %, и подобных бригад в порту насчитывались десятки. Передовиков отмечали в стенной печати, им посвящали боевые листки, о них рассказывали многотиражные газеты и специальные выпуски-«молнии». Сокращались сроки ремонта судов. Работники порта активно участвовали в финансовой поддержке фронта. На митингах, посвященных выпуску второй денежно-вещевой лотереи, портовики заявили о готовности активно приобретать лотерейные билеты. Бригады грузчиков тов. Мехтиева, Асланова, Пришутова подписались на сумму, превышающую 10 % их заработка [1].

Зимой 1943 г., после разгрома немецких войск под Сталинградом, началась реэвакуация. В начале 1943 г. транспортный флот Каспийского бассейна получил срочное правительственное задание доставить семенной фонд, сельскохозяйственную технику и людей в освобожденные районы для проведения весеннего сева. Из Махачкалинского порта началась реэвакуация населения к прежним местам жительства и возвращение оборудования в освобожденные от оккупации территории. 19 февраля 1943 г. СНК СССР обязал «Каспфлот» незамедлительно перевезти из Красноводска в Махачкалу 2850 тракторов, 2450 плугов, 400 автомашин и различный сельскохозяйственный инвентарь. Для выполнения этой задачи ГКО поручило предприятиям строительство парусно-моторных шхун, барж и буксиров. В Махачкале на базе механического участка Цуморстроя развернулось сооружение верфи. Порт построил 5 судов мощностью по 50 лошадиных сил и 10 несамоходных судов грузоподъемностью 50–60 т.

Параллельно с промышленными объектами и людьми в Дагестан поступали огромные массивы скота из прифронтовых регионов. Работа по его встрече, размещению и сохранению потребовала от колхозов республики колоссальных усилий.

10 сентября 1941 г. бюро Дагестанского обкома ВКП(б) утвердило специальное постановление «О размещении скота, эвакуированного из прифронтовой полосы». Данным постановлением устанавливался порядок приема скота, его распределения по колхозам и персональная ответственность местных органов за его сохранность [5, л. 6].

В Центральном государственном архиве Республики Дагестан сохранился обособленный фонд № Р-127 — «Управление по эвакуации скота и сельскохозяйственного имущества», включающий документы за 1941–1943 гг. в количестве 56 единиц хранения. Существование специализированного фонда подтверждает масштабность и значимость этой деятельности [7].

Колхозы Кизлярского района приняли существенное количество скота из прифронтовых территорий. Несмотря на собственные затруднения с кормами и помещениями, колхозники проявляли подлинную заботу о сбережении поголовья, осознавая, что скот – это и продовольственное обеспечение армии, и основа будущего возрождения освобожденных районов.

Архивные материалы отражают деятельность не только по размещению эвакуированного скота, но и по его последующему возвращению в Ставропольский край и Ростовскую область после освобождения этих территорий от оккупации [4].

Свой вклад в снабжение армии внесла местная промышленность Дагестана. За короткий срок райпромкомбинаты освоили выпуск из местного сырья около 60 видов продукции: мыла, спичек, зубного порошка, зубных щеток, каустической соды, пищевой соли. Наркомат местной промышленности Дагестана по заказу для нужд фронта организовал овчинно-шубное и кожевенное производства, отсутствовавшие до

войны. Был выполнен план по выделке 50 тыс. овчин, пошиву 6500 полушубков и 5000 меховых жилетов [4].

Конкретные примеры заводов «Дагестанские Огни», им. М. Гаджиева, «Двигательстрой», «Красный металлист», треста «Дагнефть» наглядно показывают, как благодаря самоотверженности рабочих и инженерно-технических кадров эвакуированные производства в минимальные сроки встраивались в выпуск военной продукции. Показатели перевыполнения планов на 10–80 % убедительно доказывают высокую результативность этой деятельности.

Опыт организации приема и размещения эвакуированных, накопленный Дагестаном в военные годы, представляет интерес не только для историков, но и для современной практики. Он демонстрирует способность общества в экстремальных условиях проявлять подлинную человечность, взаимопомощь и самоотверженность во имя общей Победы.

Литература и источники

1. «Вставай, страна огромная!..» Махачкалинский морской торговый порт в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Молодежь Дагестана. 2015. 20 марта.

2. *Гусейнов М.* Патриотические дела тружеников тыла в годы ВОВ оказывали громадное влияние на фронтовиков // РИА «Дагестан». 2015. 5 декабря.

3. *Магомедов А.* Все для фронта! Экономика Дагестана в период Великой Отечественной войны // Дагестанская правда. 2025. 21 февраля.

4. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Том II. (Документы и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов. Махачкала: Алеф, 2018. 284 с.

5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 22. Д.16-а.

6. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 22. Д. 17.

7. ЦГА РД. Ф. Р-127. Оп. 19. Д. 1–56.

УДК 908

Л.Ю. Елтышева

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ КУНГУРСКОГО РАЙОНА МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы эвакуации предприятий и населения на территорию Кунгурского района Молотовской области (ныне Пермской) в годы Великой Отечественной войны, условия труда и быта. Показаны перемещения депортированных и репрессированных немцев, финнов, поляков, румын и др.

Ключевые слова: война, народы, эвакуация, трудовая армия.

L.Y. Eltysheva

EVACUATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AND THE POPULATION TO THE TERRITORY OF KUNGURSKY THE DISTRICT OF THE MOLOTOV REGION IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract. The article examines the processes of evacuation of enterprises and the population to the territory of the Kungur district of Molotov (now Perm) region during the Great Patriotic War, working and living conditions. The movements of deported and repressed Germans, Finns, Poles, Romanians, etc.are shown.

Keywords: war, peoples, evacuation, labor army.

При работе над статьей были использованы документы архива Кунгурского муниципального округа. Это фонд № 78 Исполнительного Комитета Кунгурского городского Совета депутатов трудящихся 1925–1955 гг. В нем сосредоточены материалы суженных заседаний Кунгурского горисполкома периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по вопросу размещения эвакуированных предприятий и населения. Фонд № 226 уполномоченного по эвакуации населения по г. Кунгуру и Кунгурскому району 1941–1947 гг. Переписка с Молотовским облисполкомом по вопросам размещения, устройства на работу, списки эвакуированных в Кунгурский район, обеспечение эвакуированных одеждой и продуктами питания. В фондах № 172, 313, 315 размещены документы машиностроительного завода, кожевенно-обувного предприятия, отдела коммунального хозяйства. Это приказы по производственным и административно-хозяйственным вопросам, вопросы размещения эвакуированных заводов, протоколы производственно-технических и оперативных совещаний.

В годы войны г. Кунгур Молотовской области находился в тылу. В 1941 г. в нем работали достаточно крупные предприятия – машиностроительный завод, кожкомбинат, лесозавод им. Халтурина, швейная фабрика, предприятия ГУЛАГа, алебастровый завод. По решению Государственного комитета обороны в 1941 г. в Кунгур эвакуируется оборудование Одесского, Новокраматорского, Туапсинского механических заводов, Витебской и 4-й Киевской обувных фабрик, оборудование Воронежского завода сельхозмашиностроения, Воронежского птицекомбината, Молотовского льнотреста,

Московского завода резинотехнических изделий и других предприятий. Прибывало не только оборудование, но и рабочие, инженерно-технические работники вместе с семьями [9, л. 36]. Эвакуированные предприятия прибывали вплоть до конца 1942 г.

Кунгурский машиностроительный завод принимает эвакуированное оборудование трех заводов из Украины. Это Одесский им. Январского восстания, Новокрамоторский и часть Туапсинского заводов. Эвакуированный завод машиностроения «Главнефть» г. Туапсе прибыл в Кунгур с 660 рабочими. Оборудование Новокрамоторского завода им. Сталина должно было быть установлено в Кунгуре к июлю-августу 1942 г. Оборудование прибывало старое, некомплектное, требующее ремонта. Не хватало квалифицированных кадров, прибыло 4 токаря и 15 слесарей, из них 8 чел.– ученики-подростки. Требовалось увеличение числа рабочих до 760 чел. путем мобилизации ИТР и рабочих Одесского завода им. Январского восстания на других предприятиях. Решено было также направить рабочих и с других заводов НКТМ [20, с. 38]. Одесский завод все лучшее оборудование, а это 103 единицы техники, оставил по пути в Кирове [20, л. 43]. Прибывшее оборудование стали устанавливать в недостроенном корпусе механосборочного цеха. Параллельно шло строительство цехов для выпуска стрелковых кранов для железной дороги грузоподъемностью 7,5 и 15 т. Пуск цеха планировался к октябрю 1942 г. [19, л. 40]. Еще в апреле 1941 г. на заводе был запущен конвейер по выпуску стального литья [19, л. 14]. Строительство железнодорожной ветки от машзавода к станции Кунгур было начато в июле 1942 г. по путевке Молотовского облкомхоза [8, с. 14]. 11 октября 1941 г. Кунгурский машиностроительный завод стал называться Государственным союзным заводом № 426. Кунгурские машиностроители выпускали для фронта стальные головки осколочных мин, корпуса мин, снарядов, стальные головки и сопла к снарядам миномета «Катюша», противооткатное устройство для 76-миллиметровой пушки. По решению Государственного комитета обороны 22 сентября 1942 г. завод был передан в Наркомат нефтяной промышленности. Уже в 1943 г. наряду с выпуском продукции для фронта было освоено производство нефтяного оборудования [18, л. 231].

Одним из важнейших предприятий в годы войны был Кунгурский кожевенно-обувной комбинат. В 1938 г. госзаказ на армейские сапоги составлял 1000 пар в день [22, л. 27]. Накануне войны Кунгурский кожкомбинат состоял из кожзавода № 1 и механической фабрики. Производили гражданскую обувь и армейские сапоги [21, л. 7]. В 1941 г. на Кунгурский кожкомбинат площадью 23 га были эвакуированы предприятия: 4-я Киевская фабрика, часть Витебской обувной фабрики «Красный Октябрь», Елецкий кожевенный завод им. Ленина [23, л. 5]. В Кунгур частично были эвакуированы: фабрика им. К. Цеткин, фабрика «КИМ», обувная фабрика им. Кагановича, фабрика «Стяг индустрии» из Киева, Московская фабрика «Красный Восток» [11, с. 17]. 23 июля 1941 г. на станцию Кунгур прибыл первый эшелон из Витебска в количестве 102 семей, 329 чел. [1, л. 15]. Прибывшее оборудование Витебской фабрики «Красный Октябрь», обувной фабрики глянцевых подошв было размещено на Кунгурском кожкомбинате. Киевскую фабрику № 4 мощностью 4–5 тыс. пар в смену разместили в других помещениях [2, л. 35]. Была образована фабрика легкой обуви. При приемке эвакуированного оборудования указывался процент годности, и хранилось оно в закрытых помещениях [24, л. 1]. В кратчайшие сроки была проведена реконструкция и значительно увеличены мощности входившего в состав комбината кожевенного завода, который стал единственным поставщиком сырья. Главной задачей комбината стало производство и ремонт армейской обуви. За годы войны коллектив комбината изготовил и отремонтировал около 5 млн пар армейских кирзовых сапог. В 1945 г. в производстве было уже 5 видов армейских и рабочих сапог [26, л. 1–2].

С началом войны резко увеличился спрос на кожаные технические изделия, которые применялись для основных видов вооружения армии. 16 июля 1941 г. началь-

ник УНКВД по Молотовской области получает предписание организовать дублирующее производство кожевенных технических изделий на базе Кунгурской промколонии № 3, используя оборудование, кадры, опыт Московской ИТК № 1. Организуемое производство должно было стать филиалом Московской ИТК № 1. В Кунгур было направлено необходимое оборудование и инженерно-технические кадры. Первоначально производство было основано на базе детской трудовой колонии. Уже 1 сентября 1941 г. начали мелкосерийный выпуск продукции в количестве 500 единиц в сутки [4, л. 6]. Промколония № 3 ГУЛАГа изготовляла для заводов оборонной промышленности из кож и заменителя: артворотники для орудий, манжеты для воздушных винтов и шасси самолетов, для автотормозов, для заводского оборудования и для железнодорожного транспорта. В апреле 1942 г. основными поставщиками кожаных технических изделий для заводов оборонной промышленности являлись промколонии ГУЛАГа, находящиеся в городах Москве и Кунгуре Молотовской области. В производстве было занято до 300 чел. заключенных и свыше 100 вольнонаемных [4, л. 12]. В январе 1942 г. в Кунгурскую трудовую колонию эвакуируется оборудование Воронежского станкостроительного завода им. Ленина, перепрофилированный в военный завод № 806 по выпуску мин и переданный НКВД. В короткие сроки коллективы двух предприятий сумели установить оборудование и начать выпуск боеприпасов. Был создан завод – колония по производству корпусов осколочных мин. 1 декабря 1942 г. предприятие вступило в строй. Промколония № 2, находящаяся в ведении НКВД, была создана на основе эвакуированного оборудования Московского завода радиотехнических изделий. 1300 осужденных женщин изготовляли обувь [25, л. 17]. Кунгурский трикотажный цех артели портных принял оборудование трикотажной артели из Карело-Финской АССР [5, л. 4]. В 1941 г. в Кунгур из Воронежской области пришел эвакуированный птицекомбинат с оборудованием и рабочими, из Карело-Финской ССР был эвакуирован бумажный комбинат, из Риги эвакуировались рабочие судостроительного завода.

Уже в первые дни войны в Кунгуре был создан распорядительный комитет по эвакуации. Первые эшелоны с эвакуированными начали прибывать уже в июле – начале августа 1941 г. Больше всего эвакуированных людей прибывало из г. Ленинграда и Ленинградской области. Решением Молотовского областного Совета советским правительством выделялись специальные средства для усиленного питания ленинградцев. На 1 августа 1941 г., по данным Молотовского переселенческого отдела, в Кунгурский район было отправлено 2514 чел. [9, л. 36]. Эвакуированные распределялись со станции Кунгур не только в Кунгурский, но и в близлежащие районы. 1 мая 1942 г. Кунгуру было выделено 6213 тыс. руб. на оказание материальной помощи эвакуированным [13, л. 5]. В мае 1942 г. в г. Кунгуре и Кунгурском районе находилось 12 350 эвакуированных. Из них жителей УССР насчитывалось 2286 чел., Карело-Финской ССР – 734, Белорусской ССР – 511, Литовской ССР – 59, Латвийской ССР – 404, Эстонской ССР – 156, Молдавской ССР – 39, г. Ленинграда – 1968, Ленинградской – 2228, Мурманской – 120, Калининской – 490, Смоленской – 122, Московской области – 658. В город и район также были направлены жители Тульской, Орловской, Курской, Архангельской, Ярославской, Ростовской областей, Монгольской Народной Республики, Крымской АССР. По национальному составу эвакуированные распределялись следующим образом: евреи – 2379 чел., украинцы – 716, белорусы – 380, поляки – 53, латыши – 277, армяне – 92, карелы – 38, финны – 52, а также эстонцы, литовцы, чуваши, татары, грузины, немцы, греки, молдаване и др. Больше всего было русских – 8747 чел. [14, л. 97, 262].

Эвакуированное работоспособное население должно было устроиться на работу. Проживание в городе и устройство на работу обеспечивалось только для организованных эвакуированных. Приехавших самостоятельно высылали из города, кроме семей военнослужащих и работников НКВД. В 1941 г. в Кунгуре прошла мобилизация студентов учебных заведений на строительство бараков для эвакуированного населения. Трудоустраивалось эвакуированное и местное население путем трудовой повинности. Ежемесячно подавались списки требуемых специалистов с кунгурских предприятий и составлялись списки трудоустройства. Кунгурский горисполком в свою очередь давал эвакуированным направления на работу по этим спискам. В систему местной промышленности г. Кунгура входили 16 организаций, горпищекомбинат и горпромкомбинат, промкооперация – 11 артелей, а также кооперативные и инвалидные артели [13, л. 17]. Во второй половине 1942 г. на предприятия Кунгура было мобилизовано 1860 чел. [7, л. 86]. Летом и осенью 1941 г. запрашивались рабочие: на шпалозавод – 65 чел., машзавод – 29, кожзавод – 237, кожкомбинат – 294, «Заготскот» – 72 чел. Также подавали заявки алебастровый завод, горпищекомбинат, кинотеатр «Пролетарий», баня, кирпичный завод НКПС, райпищекомбинат, швейная фабрика, артель портных, артели «Вперед», «Объединение», паровозное депо, больница, хлебокомбинат, «Заготсено» [12, л. 46]. Шпалоцех Кунгурского лесотехникума запрашивал 12 чел. одиноких эвакуированных на «выхватку и разделку древесины» [15, л. 40]. Кунгурская заготконтора запрашивала для работы коновозчиками из числа эвакуированных [16, л. 66]. На Кунгурском кирпичном заводе работали члены 26 семей эвакуированных [10, л. 18].

В октябре 1942 г. в Молотовской области требовалось более 1 тыс. рабочих на различные предприятия: строительство Молотовского кирпичного завода «Красный строитель», Молотовский известковый завод, Хохоловский известковый карьер и алебастровый завод. Из Кунгурского района было отправлено 50 чел. из числа эвакуированных, из малосемейных и одиночек, годных к физическому труду [13, л. 37]. В конце 1942 г. в г. Кунгуре уже работало 32 предприятия. На 1943 г. был утвержден план выпуска продукции на 140 млн руб., против 50–55 млн в 1942 г. [3, л. 12]. Кунгур стал относиться к категории городов промышленного значения. В 1943 г. в Кунгуре находилось 40 тыс. сотрудников оборонных предприятий и воинских частей, которые не имели постоянной прописки. Поэтому было создано бюро продовольственных и промышленных карточек для их обслуживания [6, л. 5]. В апреле 1943 г. на территории Кунгурского района находилось 12 831 эвакуированных. Трудоустроено было 7093 чел., из них в промышленности – 3074, в сельском хозяйстве – 1958, на железной дороге – 335, прочее – 1675 чел. [14, л. 1–2].

В период Великой Отечественной войны население Кунгурского района увеличилась за счет репрессированных и депортированных немцев, поляков, финнов, румын, китайцев и др. В основном это были лица, которые были лишены гражданства СССР и избирательного права. Они работали в войну на кожевенных и кирпичных заводах, лесозаготовках, в «Союзутиле», горпромкомбинате, промколонии, горбольнице. На хлебозаводе работали румыны, финны, молдаване [17, л. 22].

Трудоспособное немецкое население из Крыма, Белоруссии, Поволжья было объединено в «трудовые армии». В Кунгуре они работали на строительстве некоторых цехов машзавода, объектов социального назначения и на шпалозаводе. Они лишались свободы перемещения, им запрещалось хранить паспорта и военные билеты. Первая партия немцев – трудармейцев в количестве 270 чел. прибыла в Кунгур в ноябре 1942 г. После 10 дней карантина их определили на работу. В 1943 г. на разгрузочно-погрузоч-

ных работах Кунгурского машзавода трудилось 234 женщины немецкой национальности. Труд немецких девушек активно использовался на самых тяжелых работах – лесозаготовках. На 1 марта 1945 г. в Кунгурском районе проживало 1244 чел. эвакуированного населения. Больше всего было жителей г. Ленинграда и Ленинградской области, Карело-Финской ССР, Белоруссии, Украины [17, л. 1]. Реэвакуация в Кунгурском районе началась уже в 1944 г. Прежде всего ей подлежали жители Прибалтики, Ленинградской области, г. Ленинграда, кроме тех, кто работал в оборонной промышленности, НКО СССР, НКВД и флота [17, л. 152].

Среди эвакуированных граждан были и такие, кто решил остаться на постоянное место жительства в Кунгуре и в Кунгурском районе. На 1 января 1946 г. на территории Кунгурского района проживали чуть более 600 эвакуированных [17, л. 6].

Источники

1. Архив Кунгурского муниципального округа (Архив КМО). Ф. 64. Оп. 1. Д. 139.
2. Архив КМО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 174.
3. Архив КМО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 179.
4. Архив КМО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 196.
5. Архив КМО. Ф. 78. Оп. 4. Д. 9.
6. Архив КМО. Ф. 78. Оп. 4. Д. 11.
7. Архив КМО. Ф. 78. Оп. 4. Д. 63.
8. Архив КМО. Ф. 172. Оп. 2. Д. 2.
9. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1.
10. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2.
11. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 4.
12. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 5.
13. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 7.
14. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 8.
15. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 14.
16. Архив КМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 20.
17. Архив КМО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 27.
18. Архив КМО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 3.
19. Архив КМО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 8.
20. Архив КМО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 12.
21. Архив КМО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 4.
22. Архив КМО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 7.
23. Архив КМО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 14.
24. Архив КМО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 19.
25. Архив КМО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 20.
26. Архив КМО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 26.

УДК 355.244: 94(47)”1941/1945”

А.Е. Епифанов

ЭВАКУАЦИЯ В СССР ДЕТСКИХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Эвакуация детских образовательных учреждений СССР в годы Великой Отечественной войны – одно из самых масштабных и трагических событий, требующее глубокого изучения. Актуальность разработки данной темы обусловлена не только исторической памятью, но и необходимостью извлечь уроки для современных систем чрезвычайного реагирования и обеспечения безопасности детей в условиях кризисных ситуаций.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, нормативные акты, учебные заведения, Наркомпрос РСФСР.

A.E. Epifanov

EVACUATION OF CHILDRENS HOMES IN THE USSR AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The evacuation of childrens educational institutions of the USSR during the Great Patriotic War is one of the largest and most tragic events, requiring in-depth study. The relevance of developing this topic is due not only to historical memory, but also to the need to learn lessons for modern emergency response systems and ensuring the safety of children in crisis situations.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, regulations, educational institutions, Peoples Commissariat of Education of the RSFSR.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе процесса эвакуации детских садов, школ и иных образовательных учреждений в годы войны. Нами рассмотрены организационные и правовые аспекты эвакуации – регламентация, планирование маршрутов, обеспечение транспортом, распределение детей по регионам, а также работа учреждений здравоохранения, в которых оказывалась помощь детям, пострадавшим во время эвакуации или от военных действий. Особое внимание уделено роли государства в организации и контроле процесса эвакуации, включая анализ относящихся к теме нормативных актов.

Также исследование затронуло вопросы влияния эвакуации на образовательный процесс, проблемы обеспечений непрерывности обучения в новых условиях, а также адаптации детей к новой среде и взаимоотношениям с местным населением. В целом исследование было призвано не только реконструировать картину сложнейшего периода отечественной истории, но и внести вклад в развитие современных подходов к обеспечению безопасности детей в условиях чрезвычайных ситуаций, извлечь позитивный опыт строительства эффективных и гуманных систем защиты детей.

Нападение гитлеровской Германии на СССР пришлось на конец учебного года. К этому времени в СССР насчитывалось 191,5 тыс. школ. К концу войны и началу 1945/46 учебного года количество школ составило 186,8 тыс., или 98 % по отношению к лету 1941 г. При этом численность начальных школ ко времени завершения войны увеличилась и составила на начало учебного года 131,6 тыс., в то время как в начале 1940/41 учебного года их в стране насчитывалось 125,9 тыс. [8, с. 206].

24 июня 1941 г. Наркомпрос РСФСР отозвал директоров школ из отпусков. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях очередные и дополнительные отпуска были отменены, за неиспользованный отпуск предусматривалась денежная компенсация [5, с. 47].

В списках наркоматов и главных управлений, подлежащих полному либо частичному переводу из Москвы в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., Наркомпрос РСФСР не значился [6, с. 212]. Лишь в соответствии с постановлением Совета по эвакуации при СНК СССР от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации наркоматов и центральных учреждений из г. Москвы» он подлежал эвакуации.

Наркомпрос РСФСР был эвакуирован в г. Киров, при этом ведомству выделялось 20 вагонов, в том числе 13 товарных и 7 пассажирских [4, л. 154]. Кировский областной совет 2 июля 1941 г. в целях высвобождения места для Наркомпроса и других эвакуированных структур объявил о закрытии 35 организаций и учреждений, а также переводе 39 других из города в сельские районы [13, с. 34]. Основная группа сотрудников Наркомпроса была эвакуирована в Киров 16 июля 1941 г. Добираться им пришлось 5 суток в товарном поезде. Нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин со своими заместителями прибыл в эвакуацию лишь после 16 октября, когда враг был уже на подступах к столице [1, с. 14].

В годы войны произошло сокращение численности учителей – с 670 807 чел. в 1940/41 учебном году до 429 706 в 1942/43. Эти перемены были вызваны призывом преподавателей в ряды Красной Армии, переходом на другую работу не по специальности (учтено свыше 18 тыс.), сокращением числа выпускников педагогических учебных заведений с 53 091 в 1941 г. до 15 858 в 1943 г. Свыше 9 тыс. учителей были эвакуированы за пределы РСФСР [9, с. 33]. Лишь с начала 1943/44 учебного года кадры учителей школ РСФСР начали вновь возрастать и составили 514 356 чел.

К сожалению, не всегда эвакуация школьников происходила своевременно. Из записки наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакову об организации учебных занятий в Москве в 1941/42 учебном году следовало, что в первой половине августа в Москве проживало 96,5 тыс. детей школьного возраста, из них 56 тыс. – учащиеся 1–6 классов и 40,5 тыс.– 7–10 классов. С 15 августа по 1 сентября 1941 г. из школьных интернатов Московской, Рязанской и Тульской областей возвратились около 40 тыс. детей младшего школьного возраста. Из них подавляющее большинство осталось в Москве.

Кроме того, к 1 сентября 1941 г. возвратились учащиеся старших классов средних школ, находившиеся в летние месяцы на спецработах. Таким образом, в Москве оказались свыше 140 тыс. школьников. В связи с тем, что занятия в московских школах были отложены на неопределенный срок, большинство детей остались Москве в надежде на возможность открытия школ в ближайшее время. Московский городской отдел народного образования в связи с подготовкой к новому учебному году, исходя из наличия проживающих в Москве детей школьного возраста, запланировал школьную сеть в составе 179 школ с 2828 классами. Для обеспечения учебного процесса за ними было закреплено 925 учителей 1–6 классов и 3432 учителя 7–10 классов. Кроме того, выделен резерв в количестве 725 учителей.

С 1 сентября 1941 г. в школы, районные отделы народного образования, Мосгороно и Наркомпрос от населения и учащихся поступило огромное количество запросов по поводу начала учебных занятий. При этом многие выражали крайнее недовольство тем, что при наличии подготовленных школ и учителей обучение московских школьников организовано не было. Гороно установил ряд случаев, когда родители

по личной инициативе объединялись и приглашали учителей для обучения своих детей частным порядком.

Из-за отсутствия занятий в школах наблюдались факты безнадзорности, распространения среди детей азартных игр и хулиганства. Учитывая создавшуюся обстановку, Наркомпрос признал необходимым внести ясность в вопрос об организации учебных занятий в школах Москвы в 1941/42 учебном году. Ведомство также решило принять меры по полной эвакуации из Москвы детей 1–6 классов вместе с родителями в течение сентября. Для учащихся 7–10 классов было решено начать учебные занятия с 15 сентября 1941 г. В случае невозможности организовать занятия в московских школах, целесообразным признали организованное направление учащихся старших (8–10) классов на производство [7, с. 639].

Как это следовало из докладной записки наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н.М. Швернику от 23 сентября 1941 г., дополнительная эвакуация детей из Москвы осуществлялась Моссоветом неудовлетворительно. Моссовет приступил к реализации постановления об эвакуации детей только 17 сентября, вследствие чего соответствующая организационная работа в районах начала развертываться с большим опозданием.

Численность подлежащих эвакуации детей во многих районах не была уточнена. Предложенная районам разверстка детей фактическому наличию последних не соответствовала. В силу совершенно недостаточной массово-разъяснительной работы многие родители отказались эвакуировать своих детей из Москвы, ссылаясь при этом на отсутствие обуви и теплой одежды, а также высокую плату, взыскиваемую на содержание детей. Кроме того, многие родители жаловались на то, что их дети школьного возраста эвакуировались в одно место, а дети дошкольного возраста – в другое.

На предмет обеспечения выполнения постановления правительства об эвакуации детей, В.П. Потемкин счел необходимым обеспечить проведение ряда мероприятий. Так, Моссовет был обязан немедленно уточнить контингенты детей, подлежащих эвакуации. Кроме того, ему надлежало развернуть широкую разъяснительную работу среди родителей через школы, на предприятиях, в учреждениях, домоуправлениях и проч. Председатели райисполкомов Советов депутатов трудящихся областей, в которые эвакуировались дети, обязаны были проверить реальную готовность отведенных под интернаты помещений, принять их по акту и сообщить о том Моссовету для соответствующего направления детей.

В случае необходимости при школьных интернатах организовывались дошкольные группы с тем, чтобы дети одних и тех же родителей, но различного возраста были эвакуированы в одно место. На предмет обеспечения эвакуированных детей теплой одеждой и обувью Моссовету было предписано открыть специальный магазин (базу). Кроме того, его внимание было обращено на необходимость обеспечения организуемых интернатов оборудованием, постельными принадлежностями и т. п. [3, л. 1].

Согласно решению Мосгорисполкома № 26/7 «Об эвакуации детей» от 1 июля 1941 г., приказом по Московскому городскому отделу народного образования № 932 от 17 сентября 1941 г., в Мосгороно образовали специальную комиссию, на которую были возложены руководство и организация вывоза детей, ответственность за своевременную и полную подготовку к эвакуации, контроль за соответствующей работой районов [8, с. 144].

Эвакуация населения из прифронтовой полосы в тыловые сельскохозяйственные районы, вовлечение женщин в работу совхозов, колхозов и предприятий местной промышленности настоятельно требовали устройства детей в детские сады на время работы матерей. 27 декабря 1941 г. Наркомпрос РСФСР обратился к местным органам власти с циркулярным письмом об обеспечении детскими садами детей, эвакуированных с матерями в сельскую местность. Им было поручено принять срочные меры к полному укомплектованию сельских бюджетных детских садов детьми работающих эва-

куированных матерей с таким расчетом, чтобы посещаемость в их группах была не менее 25 детей. Одновременно в пределах бюджета 1942 г. надлежало открыть новые группы при действующих детских садах.

Отделам народного образования на местах поручалось принять меры к полному укомплектованию колхозных детских садов, приему в них детей эвакуированных работающих матерей, а также оказать помощь колхозам и совхозам в организации новых детских садов. Кроме того, отделам народного образования было разрешено открыть в колхозных детских садах новые группы за счет собственного бюджета согласно принятому на 1942 г. плану прироста контингентов по детским садам Наркомпроса. О мероприятиях по обслуживанию детскими садами детей, эвакуированных с матерями в сельские местности и колхозы АССР, краев и областей, местным органам власти надлежало информировать Наркомпрос РСФСР к 1 февраля 1942 г. [12, с. 68].

Поступившие к этому времени статистические данные свидетельствовали о крайне недостаточном количестве сельских детских садов. Вместе с тем часть из них оставалась недоукомплектованной детьми. В этой связи местным органам власти было рекомендовано принять срочные меры к полному укомплектованию сельских бюджетных детских садов детьми работающих эвакуированных матерей согласно установленным нормативам. Одновременно в пределах бюджета 1942 г. были открыты новые группы при существующих сельских детских садах, организованы новые детские учреждения. Исполкомы Советов трудящихся были обязаны выделять на эти цели дополнительные помещения из наличного жилого фонда.

Отделам народного образования на местах рекомендовалось принять меры к полному укомплектованию детских садов колхозов и приему в них детей эвакуированных работающих матерей, а также оказывать помощь колхозам и совхозам в организации с этой целью новых детских садов [12, с. 69].

Весьма показательным в этом отношении является опыт по устройству эвакуированных детей в Тамбовской обрасти. В 1941 г. туда были эвакуированы 12 детских садов с 510 детьми. 7 детских садов с контингентом 278 детей при этом были реорганизованы в интернаты, так как дети прибыли без родителей. 5 детских садов с контингентом 232 детей продолжили работать по назначению. В области имелись 6 интернатов с 238 детьми. Один интернат и один детский сад выехали по вызову своих организаций (завод № 751 Москвы и шпагатная фабрика Рославля). Остальные детские сады были расформированы в связи с выбытием родителей.

Педагогический персонал тамбовских интернатов включал 23 чел. Среднее образование имели 12 и незаконченное среднее – 11 чел., 4 преподавателя проходили заочное обучение в дошкольном педучилище. 3 интерната размещались в школьных зданиях, 3 – в отведенных колхозами жилых домах. Все они были обеспечены основной, приспособленной для дошкольного возраста, мебелью и мягким инвентарем. Частично все это было доставлено самими детскими учреждениями. Кроме того, интернатам отпускалась мануфактура, раздавалось поступившее на Тамбовскую эвакобазу имущество эвакуированных детских садов.

Хуже всего обстояло дело с обмундированием. В ряде детских интернатов, в частности Избердеевского и Ламского районов, у многих детей отсутствовали пальто и обувь.

Питание интернаты получали в централизованном порядке по нормам детских домов. Большим подспорьем для них явились подсобные хозяйства. В 1943 г. было засеяно 18,37 га, в том числе 8,80 га зерновых, 6,07 га картофеля, 2,75 га овощей. В подсобных хозяйствах интернатов имелись лошадь, 9 коров, 8 свиней, овца и 30 кур [2, л. 14]. Особенно важное значение в осуществлении всеобуча имело обеспечение учащихся обувью и одеждой. Их снабжение названными видами промтоваров осуществлялось из трех основных источников: централизованного фонда, местных и общественных фондов.

В эвакуации особенно остро стоял вопрос наличия учебников, учебно-методической литературы, тетрадей, школьно-письменных принадлежностей. В 1941/42

учебном году прекратилась работа фабрик, выпускавших перья, карандаши и ручки. По этой причине в следующем учебном году положение с обеспечением школ письменными принадлежностями оказалось чрезвычайно напряженным. В конце 1942 г. Наркомпрос РСФСР вошел в правительство с ходатайством о вывозе из Ленинграда оборудования единственного в СССР перьевого завода «Союз», а также имевшегося запаса стальной ленты в один из тыловых городов для возобновления производства ученического пера. Предложение было принято. Вместе с тем удовлетворили просьбу Наркомпроса об отзыве из Красной Армии необходимых специалистов по производству перьев. Эвакуировался названный завод в Ярославль, после чего в 1943 г. там было организовано производство перьев и ручек. Это дало возможность удовлетворить в определенной степени потребность школ в перьях в текущем учебном году [11].

Крупнейшим эвакуационным центром Советского Союза в годы Великой Отечественной войны стал Узбекистан. Его географическое положение вдали от линии фронта, относительно стабильная инфраструктура и благоприятный климат сделали республику идеальным местом для размещения советских людей, вывезенных из оккупированных и прифронтовых районов. За годы войны в Узбекскую ССР было эвакуировано 1,5 млн чел., в том числе более 250 тыс. детей. Характерно, что в Узбекистан прибывали и дети, оставшиеся без попечения родителей.

С августа 1941 по январь 1942 г. эвакуированное население вместе с детьми в массовом порядке направлялось в Казахскую ССР. 15 июня 1945 г. ЦК КП(б) Казахстана была составлена справка о работе школ и иных учреждений Наркомпроса за годы Великой Отечественной войны. Из нее следует, что Казахская ССР разместила в этот период 149 эвакуированных детских домов с контингентом свыше 19 тыс. чел. и 16 интернатов московских школьников, контингент которых составлял 1950 детей. Кроме того, за время войны в детские дома были устроены 93 153 ребенка, оставшихся без родителей.

За этот же период трудоустроили свыше 64 тыс. детей. В 700 детских садах находилось 42 639 детей, матери которых работали на предприятиях. Всего за четыре года войны грамоте было обучено 136 228 чел. взрослого населения. Кроме того, обучение прошли 28 886 малограмотных, включая лиц призывного возраста. Большая работа была проделана по созданию соответствующих условий для перемещенных из оккупированных гитлеровцами областей образовательных учреждений.

Литература и источники

1. *Головизнина Н.Л.* Министры образования в Вятке // Герценка: Вятские записки. 2018. Вып. 34. 224 с.

2. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 3714. Оп. 1. Д. 147.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 259. Оп. 40. Д. 3074.

4. ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 542.

5. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. 7-е изд. Москва: АПН, 1986. 327 с.

6. Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. 226 с.

7. Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. Москва: Мосгорархив, 1995. 744 с.

8. Московское образование в годы войны. 1941–1945. Москва: Жизнь и мысль; Московские учебники, 2007. 528 с. (Московское образование в документах и материалах).

9. Народное образование в РСФСР в 1944 году: отчет Народного комиссариата просвещения РСФСР. Москва: Учпедгиз, 1945. 223 с.

10. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: статистический сборник / Госкомстат СССР. Москва: Информационно-издательский центр, 1990. 235 с.

11. Первая гос. фабрика канцелярских принадлежностей «Союз» им. Л.Б. Красина. URL: https://old-stationery.kanzoboz.ru/news/view_57/ (дата обращения: 21.01.2025).

12. РСФСР — фронту. 1941–1945: документы и материалы. Москва: Сов. Россия, 1987. 384 с.

13. *Холмс Л.* Война и эвакуация 1941 г.: все как всегда? // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 3 (1). С. 32–42.

УДК 913(470.23):94(47).084.8:930.254

Е.А. Ильинская

ДОРОГИ К ЖИЗНИ: ГЕОГРАФИЯ ЭВАКУАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. Статья посвящена анализу архивных документов Государственного музея истории Санкт-Петербурга, освещающих эвакуацию детей из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются ключевые маршруты эвакуации в тыловые регионы (Ярославль, Кировская область и др.), показывается, как организованный вывоз спас тысячи детских жизней. На основе архивных документов и воспоминаний анализируется роль педагогов, местных жителей и госорганов. Упоминаются современные архивные проекты по сохранению памяти о событии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация детей, Ленинград, архивные документы, география эвакуации.

E.A. Ilinskaia

ROADS TO LIFE: THE GEOGRAPHY OF THE EVACUATION OF CHILDREN FROM LENINGRAD IN THE DOCUMENTS OF THE STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF ST. PETERSBURG

Abstract. The report is devoted to the analysis of archival documents of the State Museum of History of St. Petersburg-St. Petersburg, covering the evacuation of children from Leningrad during the Great Patriotic War. The key evacuation routes to the rear regions (Yaroslavl, Kirov region, etc.) are considered, and it is shown how organized evacuation saved thousands of childrens lives. Based on archival documents and memoirs, the role of teachers, local residents and government agencies is analyzed. Modern archival projects to preserve the memory of the event are mentioned.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation of children, Leningrad, archival documents, geography of evacuation.

Изучение историко-документального наследия периода Великой Отечественной войны остается одним из приоритетных направлений отечественной исторической науки. Особую ценность представляют материалы, отражающие судьбу гражданского населения в условиях блокады Ленинграда и механизмы его спасения через эвакуацию. Одним из источников таких свидетельств выступает Государственный музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб), чьи архивные фонды содержат комплекс источников, позволяющих реконструировать не только деятельность самого музея в военные и послевоенные годы, но и более широкие социально-исторические процессы.

В фондах ГМИ СПб сохранились описи и паспорта на эвакуированные и скрытые в годы войны коллекции — документы, позволившие после 1945 г. восстановить учет музейных экспонатов. Эти материалы стали основой для последующей научной и экспозиционной работы, обеспечив преемственность музейной традиции в условиях масштабных утрат военного времени. Архив музея также содержит материалы собирательской работы, не вошедшие в основные фонды: воспоминания, письма, копии архивных документов и изобразительных материалов по истории Санкт-Петербурга. Среди обнаруженных в архивных делах материалов встречаются не только текстовые

документы, но и зарисовки, удостоверения, а также личные свидетельства — например, воспоминания учителей военного времени. Эти источники обладают высокой степенью эмоциональности и детализации, что делает их важным дополнением к официальным отчетам и распоряжениям. Особую ценность представляют документы, связанные с блокадой и обороной Ленинграда. В 1950-х гг. ГМИ СПб получил материалы ликвидированного Музея обороны Ленинграда, в том числе дневник Тани Савичевой и книги учета захоронений на Пискаревском кладбище. Эти артефакты не только стали частью музейного собрания, но и вошли в число ключевых символов исторической памяти о блокаде.

Эвакуация из Ленинграда представляет собой беспрецедентное явление в истории Второй мировой войны. Ни один другой регион СССР не пережил столь масштабного вывоза населения, промышленных предприятий и культурных ценностей. В общей сложности было эвакуировано более полутора миллионов человек, а также сотни стратегически важных производств и учреждений культуры. Официальное решение об эвакуации было принято вскоре после начала войны — 29 июня 1941 г., а сам процесс, проходивший в несколько этапов, продолжался до апреля 1943 г. За этот период сотни тысяч ленинградцев были переправлены в различные регионы страны [7].

Путь к Большой земле оказался сопряжен с огромными испытаниями. Многие не доживали до конца маршрута: смерти фиксировались на дороге к Ладожскому озеру, при переправе через него, в эшелонах по пути в тыл, в эвакуационных пунктах, а также позднее — вследствие последствий перенесенной блокады. Тем не менее эвакуация давала шанс на спасение. Для многих поколений ленинградцев ладожская «Дорога жизни» стала символом надежды — связующей нитью между осажденным городом и остальной страной.

Особенно тщательно планировалась эвакуация детей. Согласно утвержденному плану, в первые недели войны, с 29 июня по 10 июля 1941 г., предполагалось организованно вывезти около 260 тыс. несовершеннолетних. К подбору начальников эшелонов подходили с особой ответственностью — эта должность требовала высокой организованности и самоотдачи. Организационное обеспечение эвакуации осуществлялось совместными усилиями администраций промышленных предприятий, специализированных эвакуационных пунктов и персонала городской железнодорожной инфраструктуры. К 7 августа 1941 г. из Ленинграда было вывезено 311 387 детей [4; 7]. Основными регионами их размещения стали Ярославская, Кировская, Вологодская, Свердловская, Омская, Пермская и Актюбинская области, а также Удмуртская АССР, Башкирская АССР, Казахская ССР. Как правило, детей размещали в отдаленных районах, однако часть из них оказалась в тех районах Ленинградской области, которые вскоре подверглись оккупации немецко-фашистскими войсками [4].

Для оптимизации вывоза населения через Ленинградский железнодорожный узел в начале сентября 1941 г. Исполком Ленгорсовета принял решение о создании центрального эвакуационного пункта. Ему подчинялись районные пункты при исполкомах районных Советов, которые вели учет детей и сопровождающих их лиц по спискам, составленным домоуправлениями. Эти списки служили основанием для приобретения железнодорожных билетов — свободная продажа которых была прекращена на всех станциях Ленинграда в начале сентября [4; 8].

В каждом районе Ленинграда были созданы штабы по эвакуации детей. Так, начальником штаба Кировского района назначили Марию Васильевну Матковскую, а в школе № 6 организовали эвакопункт. Перед коллективом под руководством Анны Васильевны Анимеловой стояла задача собрать и вывезти из города 560 ребят из нескольких школ района. Подобные примеры демонстрируют не только четкую организацию процесса, но и личную ответственность тех, кто стоял у его истоков [1].

На сегодняшний день исследователи продолжают уточнять географию эвакуации ленинградских детей. По мере изучения архивных материалов и свидетельств очевидцев выявляются новые населенные пункты и регионы, связанные с размещением эвакуированных. Достоверно установлено, что в 1945 г. детские учреждения Ленинграда возвращались из более чем 30 республик, краев и областей бывшего СССР. Среди них — Алтайский, Краснодарский и Красноярский края, Нижегородская (бывшая Горьковская), Тюменская, Костромская, Кировская, Ярославская, Ивановская, Свердловская, Владимирская, Кемеровская, Новосибирская, Томская, Курганская, Челябинская, Омская, Ульяновская и Самарская (бывшая Куйбышевская) области, а также Республика Татарстан (бывшая Татарская АССР), Республика Мордовия (бывшая Мордовская АССР), Ставропольский край, Республика Марий Эл (бывшая Марийская АССР), Республика Армения (бывшая Армянская ССР), Республика Кыргызстан (бывшая Киргизская ССР) и Республика Казахстан (бывшая Казахская ССР). Этот перечень не является исчерпывающим. Дети из Ленинграда вместе с родителями размещались во всех восточных регионах, куда в годы войны эвакуировались ленинградские предприятия и учреждения. Размещение осуществлялось в соответствии с общегосударственным планом, предусматривавшим передислокацию не только промышленных объектов, но и научных и культурных организаций вместе с сопровождающим персоналом и их семьями [3–5].

Особую ценность для исторической науки представляют воспоминания учителей и воспитателей, сохранившиеся в архивных материалах. В этих документах часто встречаются слова благодарности в адрес партии, местных жителей и всех, кто не остался равнодушным. Свидетельства подчеркивают масштаб общественной поддержки, оказанной эвакуированным детям, и самоотверженность сотрудников детских учреждений, которые в условиях эвакуации обеспечивали детям заботу и заменяли им родителей. Эти материалы служат важным источником для изучения не только организационных аспектов эвакуации, но и ее человеческого измерения — взаимопомощи, сострадания и гражданской солидарности в тяжелейших условиях военного времени [6].

Свидетельства очевидцев ярко иллюстрируют атмосферу всеобщей поддержки и заботы. Как отмечается в воспоминаниях, «весь народ принял участие в спасении детей. Везде, где бы мы ни появлялись, ребятам оказывали самый теплый прием: угощали молоком и ягодами, шли на жертвы, уплотняясь, чтобы предоставить детям жилье». Этот дух солидарности проявлялся повсеместно — в том числе в Ярославле, который фактически превратился в крупный медицинский и реабилитационный центр для сотен тысяч ленинградцев, следовавших через город на восток. Местные жители активно помогали: отдавали кровати, белье и теплые вещи для нужд госпиталей, открывавшихся в городе десятками. Эвакопункты функционировали на железнодорожных станциях Ярославля и Рыбинска, обеспечивая прием и первичную помощь истощенным людям [2; 3; 6].

Сегодня, спустя десятилетия после завершения войны, интерес к истории эвакуации остается высоким. Ежегодно в архивные учреждения Санкт-Петербурга поступают обращения граждан, ищущих сведения о себе или своих родственниках, эвакуированных из блокадного Ленинграда. В ответ на такие запросы Архивный комитет Санкт-Петербурга инициировал создание единой информационной базы данных на основе документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и ведомственных архивов [9]. Межрегиональный информационно-поисковый ресурс «Сплоченные войной» объединяет сведения об эвакуированных ленинградцах из архивов, библиотек, музеев и учреждений разных регионов России [11]. База данных «Блокада Ленинграда. Эвакуация» [10] позволяет установить персональные данные эвакуированных и направления их перемещения, однако она не исчерпывает всей ин-

формации. Расширение базы за счет региональных материалов существенно дополняет сведения: уточняет маршруты эвакуации, фиксирует транзитные и конечные пункты размещения ленинградцев. Проект продолжает развиваться, позволяя исследователям и потомкам эвакуированных получать доступ к ранее неизвестным материалам.

Эвакуация ленинградских детей в годы Великой Отечественной войны представляла собой масштабную и тщательно организованную спасательную операцию, охватившую огромные территории Советского Союза. Ее успех стал возможен благодаря единству усилий государственных структур и самоотверженности простых граждан, принявших непосредственное участие в спасении юных жителей осажденного города. Документы и воспоминания, сохранившиеся до наших дней, раскрывают не только маршруты перемещения, но и человеческие истории: самоотверженность педагогов, заботу местных жителей, готовность идти на жертвы ради спасения детей. Каждый спасенный ребенок — это не просто цифра в отчете, а победа над войной, символ жизнестойкости и преемственности поколений. Память об этих событиях должна передаваться из поколения в поколение, напоминая о ценности человеческой жизни и силе единства перед лицом любых испытаний.

Литература и источники

1. Государственный музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). Научно-ведомственный архив (НВА). Воспоминания 42. Воспоминания Александры Михайловны Андрушкевич о Великой Отечественной войне.

2. ГМИ СПб. НВА. Воспоминания 78. Воспоминания начальника эвакопункта в Жихарево А.А. Заградина и начальника эвакопункта в Лаврово Н.Н. Юркова.

3. ГМИ СПб. НВА. Воспоминания 247. А.Т. Дворникова. Воспоминания «Эвакуация детей в 1941–1942 гг. из Ленинграда в Тихвинский район и в Краснодар». 1980.

4. ГМИ СПб. НВА. Научные материалы 280. Справки о населении блокадного Ленинграда и эвакуации населения. 1975–1976. С. 3–12.

5. ГМИ СПб. НВА. Научные материалы 285. Клибсон Д.И. Архив Л.А. Нехамкиной как источник по изучению темы: «Эвакуация и реэвакуация детских учреждений Ленинграда в годы войны и блокады». 1984.

6. ГМИ СПб. НВА. Научные материалы 286. Вечер встречи бывших работников и воспитанников учреждений Ленинграда, эвакуированных из города в годы Великой Отечественной войны. Стенографический отчет. 1975.

7. ГМИ СПб. НВА. Научные материалы 287. Клибсон Д.И. Спасенное поколение. Эвакуация детей и детских учреждений Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Научная справка. 1984.

8. ГМИ СПб. НВА. Научные материалы 288. Кобяков В.А. Эвакуация ленинградских предприятий, размещение и ввод их в действие в районах Урала, Сибири, Поволжья в годы Великой Отечественной войны. Историческая справка. 1976. С. 115–171.

9. Сплоченные войной. Эвакуация из Ленинграда и возвращение домой. Межрегиональный поисково-информационный ресурс. URL: https://regionevacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

10. Сплоченные войной. Эвакуация из Ленинграда и возвращение домой. Межрегиональный поисково-информационный ресурс. Блокада Ленинграда. Эвакуация. URL: https://evacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

11. Сплоченные войной. Эвакуация из Ленинграда и возвращение домой. Межрегиональный поисково-информационный ресурс. Эвакуация из Ленинграда. 1942 год. URL: https://spbarchives.ru/evacuation2023 (дата обращения: 01.03.2026).

УДК 93/94

Д.В. Камельских, Р.С. Серебряный

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРОБЛЕМ ЭВАКУАЦИИ И ИХ РЕШЕНИЕ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье продемонстрирован масштаб и различные стороны проблемы эвакуации населения и материальных ценностей, приведено количество населения, вынужденно покинувшего свои дома, тяготы детей, не имеющих нормальных условий для жизни, отсутствие полноценного питания. Раскрыты кадровые задачи, вопросы обеспечения медикаментами и медицинскими изделиями. Показан широкий спектр действий, проводимых правительством по налаживанию жизни эвакуированного населения и функционирования инфраструктуры предприятий медицинского назначения, борьбе с беспризорностью. Указано на недостатки при проведении санитарно-профилактических мероприятий по предупреждению инфекционных заболеваний, неудовлетворительном состоянии учреждений, где размещались эвакуированные дети в Рязанской, Ярославской и Тульской областях. Подведен итог огромной работы, оказавшейся эффективной и ставшей существенным вкладом в победу в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, медицинские изделия, лекарственные препараты, Наркомздрав СССР, эвакуированное население.

D.V. Kamelskikh, R.S. Serebryany

THE MULTIDIMENSIONAL NATURE OF EVACUATION PROBLEMS AND THEIR SOLUTION IN THE FIRST PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article demonstrates the scale and different sides of the problem of evacuation of the population and material assets, the number of people who were forced to leave their homes, the hardships of children who do not have normal living conditions, lack of adequate nutrition, personnel tasks, issues of providing medicines and medical products.It shows awide range of actions carried out by the government to improve the lives of the evacuated population and the functioning of the infrastructure of medical facilities, to combat homelessness. Shortcomings in the implementation of sanitary and preventive measures to prevent infectious diseases and the unsatisfactory condition of institutions where evacuated children were housed in the Ryazan, Yaroslavl and Tula regions were pointed out. The results of the tremendous work that turned out to be effective and became asignificant contribution to the victory in the Great Patriotic War are summarized.

Keywords: the Great Patriotic War, medical products, medicines, Peoples Commissariat of Health of the USSR, medicines, evacuated population.

К 18 ноября 1942 г. под оккупацией оказалось около 2 млн кв. км территории СССР с самой высокой плотностью населения, на которой проживало около 40 % населения страны и располагалось большое количество промышленных предприятий, в том числе производящих лекарственные средства и медицинские изделия.

В начале Великой Отечественной войны около 15 млн чел. было эвакуировано в Среднюю Азию и Сибирь, что в свою очередь вызвало необходимость в перераспределении коечных мощностей больничных учреждений. Стоит отметить, что дефицит кадров в этих регионах компенсировался за счет эвакуированного из оккупированных и прифронтовых территорий медицинского персонала, который фактиче-

ски являлся резервом медицинских работников для освобождаемых от оккупаций территорий. Например, приказом Наркомздрава СССР от 5 января 1942 г. был создан резерв врачей для командирования в освобожденные от оккупации районы, а приказ Наркомздрава от 16 мая 1942 г. регламентировал возвращение врачей, эвакуированных из оккупированных районов. С другой стороны, эвакуация специалистов и предприятий с запада СССР в Среднюю Азию и Сибирь сыграла положительную роль в развитии этих регионов как промышленных и научных центров.

Эвакуация населения с точки зрения сохранения здоровья граждан по большей части не была «стихийной»: на пути эвакуации населения производилась профилактика распространения инфекций, важную роль в которой сыграл Санитарно-бактериологический институт в Красноярском крае, в эвакопунктах были организованы комнаты матери и ребенка, в которых были созданы условия для купания детей, производился инструктаж родителей, уезжающих с детьми из прифронтовой полосы, включал разъяснения по вопросам подготовки к отъезду, ухода за ребенком и о мерах профилактики инфекционных заболеваний в пути. Однако имеются сведения, что карантинные меры не всегда соблюдались, что вызвало, например, вспышку дизентерии в Куйбышеве в 1942 г. В результате осуществленной крупномасштабной эвакуации гражданского населения в годы войны была спасена значительная часть подрастающего поколения страны. По состоянию на 10 апреля 1942 г., т. е. менее чем за год с момента начала войны, было эвакуировано в тыл 1 828 800 детей [1, л. 50–51]. В интернатах, где размещались эвакуированные несовершеннолетние, Наркомздравом СССР предписывалось закрепление врачей, а в штате интернатов, имеющих более 50 детей дошкольного или 100 детей школьного возраста должен был находиться средний медицинский работник, при этом санитарные инспекции обязали контролировать их санитарное состояние. Среди эвакуированного населения складывалось тяжелое положение с питанием. Особенно это отражалось на детях, оставшихся без попечения родителей. В ряде случаев во время эвакуации эшелонами отмечалось недостаточное обеспечение детей кипяченой водой и питанием в целом. Но уже на местах детей ждали лучшие условия, где для них открывали молочные кухни и пищевые станции. Однако и тут не все хорошо работало.

Как отмечалось в публикациях, «в период 1941–1942 гг. главным недостатком в обеспечении детей питанием была слабая пропускная способность молочных кухонь и пищевых станций. В тяжелые годы войны на многих молочных кухнях были грязь, давка, теснота и духота. Это приходилось терпеть женщинам, приходящим за питанием вместе с детьми. Для матерей частью повседневной жизни были 3–4-часовые очереди за детским питанием. В противном случае дети оставались без необходимой пищи. Чрезмерная занятость матерей не давала им возможности своевременно приготовить пищу дома, поэтому обеды для своих детей они получали на пищевых станциях [3].

В яслях г. Куйбышева детей до 1 года кормили мучной кашей с 50 % содержанием молока. Перебои в снабжении молоком не давали возможности организовать питание для ослабленных и искусственно вскармливаемых детей. Для детей старшего возраста отпускали постный суп-лапшу и чай с молоком без сахара. Отсутствие нормального питания приводило к отставанию в физическом развитии детей, росту заболеваемости рахитом.

Большое внимание уделялось борьбе с беспризорностью. В июле-августе 1941 г. по распоряжению Наркомздрава СССР все дети до 3 лет были взяты на специальный учет. Только за период с 11 января по 1 июня 1942 г. через Ярославль из Ленинграда

было эвакуировано без малого 88 тыс. детей (всего из Ленинграда было эвакуировано более 300 тыс. детей), где для них были созданы условия для временного размещения. А со всех прифронтовых территорий Советского Союза только по официальным данным, по состоянию на 10 апреля 1942 г., т. е. менее чем за год с момента начала Великой Отечественной войны, было эвакуировано в тыл около 5,3 млн чел., из них более 1,8 млн детей [3].

Летом 1941 г. в Наркомздрав СССР стали поступать сообщения о неудовлетворительном состоянии учреждений, где размещались эвакуированные дети. В крайне плачевном состоянии находились подобные учреждения в Рязанской, Ярославской и Тульской областях. В связи с этим 26 августа 1941 г. Наркомздравом СССР был издан приказ «Об улучшении медико-санитарного обслуживания эвакуированных детей в Рязанской, Тульской и Ярославской областях», предписывавший, в том числе:

1. Обратить особое внимание на санитарное состояние и подготовку интернатов к осенне-зимнему периоду.

2. Организовать бани для мытья детей, а также их медицинские осмотры не реже одного раза в месяц (для детей до 3 лет) и не реже одного раза в 3 месяца (для детей старше 3 лет).

3. Провести обязательный учет медицинских работников и их рациональное распределение таким образом, чтобы «обеспечить максимально врачами те районы, где больше всего имеется детских интернатов и эвакуированных детей с матерями». В случае, если в штате интерната отсутствует врач, то такие интернаты требовалось обеспечить медицинским персоналом за счет сельских врачей (обслуживание срочных вызовов и посещение воспитанников не реже одного раза в неделю). Минимум один работник со средним медицинским образованием должен был включаться в штат интернатов, имевших более 50 воспитанников дошкольного или более 100 детей школьного возраста [3].

Ряд важных детских учреждений были эвакуированы в тыл из прифронтовых территорий, например Всесоюзный санаторный пионерлагерь «Артек», в котором даже увеличили число коек до 250, вместо имевшихся ранее 135 [3].

Заботу об эвакуированных детях частично брало на себя и местное население, что прежде всего выражалось в удовлетворении жилищных и бытовых нужд эвакуированных детей. Эта инициатива впоследствии была регламентирована государством. Совнарком СССР (приказ № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей») потребовал от Наркомздрава СССР и союзных республик решить вопрос о патронировании и содержании детей, оставшихся без родителей в приемных семьях. В мае 1942 г. по инициативе ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) развернулось движение «Патриоты Родины берут на воспитание осиротевших детей». С целью социализации эвакуированных детей их, наравне со взрослыми, привлекали к сбору и первичной переработке лекарственных растений, работам на заводах и фабриках [3].

Перед началом войны более 40 из 59 фармацевтических предприятий работали на западе страны. По итогам первых месяцев военных действий противник уничтожил 8324 аптечных учреждения и более 40 фармацевтических предприятий, а заводы, которые были эвакуированы начали восстанавливать объемы производства только к середине 1942 г., что создало затруднения при обеспечении медицинским имуществом как армии, так и гражданских лиц. Огромное значение для отечественного здравоохране-

ния имела эвакуация, преимущественно в Среднюю Азию и на Урал, ряда производств медицинского назначения, в том числе московских химико-фармацевтических заводов, что совпало с эвакуацией Наркомздрава СССР в Казань 16 октября 1941 г. и более 80 тыс. т медицинского оборудования и расходных материалов. Эвакуация предприятий вызвала огромные расходы, которые составили более 20,5 млн руб. и естественным образом привела к сокращению производства. Особую сложность представлял оперативный подбор площадей для размещения эвакуированных предприятий, которые смогли возобновить работу лишь в 1–2 кварталах 1942 г. При этом предприятия наладили не только выпуск прежней продукции, но и осваивали выпуск новых или усовершенствованных медицинских изделий и лекарственных средств.

Проиллюстрировать трудности при эвакуации предприятий можно следующими примерами:

1. «...история Новосибирского химфармзавода началась с эвакуации эшелоном № 301 из Москвы 27 ноября 1941 года 28 специалистов, работавших на заводах имени Семашко, имени Карпова и заводе эндокринных и витаминных препаратов. Под завод отдали территорию, где располагался двухэтажный склад местного отделения общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Оборудование перевозили на подводах со станции Алтайская (ныне — Новосибирск-Южный). Паровой котел заводчане доставляли на место с помощью канатов, волоком, а потом в лютую стужу копали вручную траншеи для системы водо- и теплоснабжения, канализации, подводили воду, пар. И уже 29 марта 1942 года завод дал первую продукцию (настойка йода в ампулах, кофеин, натрий бензоат, бинты). К концу 1942 года выпускали уже более 30 наименований продукции, в том числе пантокрин во флаконах, инсулин, порошковый уротропин...».

2. «...Тюменский химико-фармацевтический завод был заложен трудом 250 человек, работавших на Московском химико-фармацевтическом заводе имени Л.Я. Карпова, эвакуированных в Тюмень специальным эшелоном 16 ноября 1941 года. Коллектив с конца 1941 года начал осваивать производство химико-фармацевтических препаратов. Распоряжением исполкома Тюменского горсовета депутатов трудящихся от 1 декабря 1941 г. № 795 заводу были переданы помещения мебельной артели “Победа” и территории конного двора завода “Красный Октябрь”, которые не имели котельной, трансформаторной, надлежащего водопровода, канализации, железнодорожной ветки, благоустроенных подъездных путей. Не дожидаясь монтажа парового котла, коллектив завода освоил выпуск препаратов фармакопейной чистоты. С пуском в июне 1942 г. парового котла на паровой обогрев была переведена аппаратура производств хлористого натрия, солей кофеина и вновь смонтирована аппаратура для производства хлористого кальция кристаллического; хлористого аммония чистого...».

Несмотря на эвакуацию, не останавливали свою работу и отделы Наркомздрава СССР. Так, аптечным отделом была проделана большая работа по учету и распределению лекарств, расширено использование лекарственных растений, были составлены и изданы рецептурные справочники и т. д.

По мере освобождения территории СССР происходило восстановление лечебной сети на бывших оккупированных территориях. Приоритет среди учреждений при реэвакуации и восстановлении, в том числе при обеспечении медицинским имуществом, имели станции переливания крови и детские учреждения [2, л. 21–22].

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 998.

2. ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 383.

3. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В., Яремчук О.В.* Социальная поддержка несовершеннолетних в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. 2022. Т. 21. № 3. С. 229–233.

4. *Камельских Д.В., Серебряный Р.С.* Заготовка, транспортировка и хранение крови в годы Великой Отечественной войны // Гематология и трансфузиология. 2023. Т. 68. № 2. С. 288–295.

5. *Камельских Д.В., Серебряный Р.С.* Производство медицинских инструментов в первый период Великой Отечественной войны // Медицина и организация здравоохранения. 2023. Т. 8. № 2. С. 97–106.

6. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В.* Больничная помощь гражданскому населению в первые два года Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 5. С. 1225–1230.

7. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В.* Деятельность аптечных учреждений в СССР в первый период Великой Отечественной войны // Ремедиум. 2024. Т. 28. № 2. С. 196–201.

8. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В.* Фармацевтические предприятия в первый период Великой Отечественной войны в СССР // Ремедиум. 2023. Т. 27. № 1. С. 96–100.

9. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В.* Гражданское здравоохранение Восточной Сибири накануне и в начале Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 5. С. 914–919.

10. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В., Яремчук О.В.* Организация медицинской помощи детям в глубоком тылу и на прифронтовых территориях в годы Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. 2023. Т. 22. № 1. С. 6–12.

11. *Серебряный Р.С., Яремчук О.В.* Заболеваемость, организация питания и физическое развитие детей первых трех лет жизни в годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской области. Сточиковские чтения: сборник статей 18-й международной научной конференции 2020 г. (ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»). Москва, 2020. С. 209–214.

УДК 94(470.344) – 055.2”1941/1945”

Е.В. Каринкина

ЭВАКУАЦИЯ ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА «МОЛОТ» В САРАТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ

Аннотация. Статья посвящена эвакуации электромеханического завода № 251 из Москвы в г. Петровск Саратовской области. В ней рассматриваются такие процессы как размещение, объединение с местным заводом «Молот», ввод в эксплуатацию, подготовка специалистов, мобилизация женского и подросткового населения; обозначены виды продукции, выпускаемые заводом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация завода, подвиги женщин и подростков, продукция для фронта.

E.V. Karinkina

EVACUATION OF THE ELECTROMECHANICAL PLANT «MOLOT» TO SARATOV REGION

Abstract. The article discusses the evacuation of Electromechanical Plant No. 251 from Moscow to Petrovsk, Saratov region. It reflects such processes as placement, integration with the local Molot plant, commissioning, training of specialists, mobilization of women and adolescents; the types of products produced by the plant are indicated.

Keywords: the Great Patriotic War, factory evacuation, feats of women and teenagers, products for the front.

Крайне напряженное положение на фронтах Великой Отечественной войны потребовало от партии и народа в кратчайшие сроки перестроить работу народного хозяйства на военные рельсы, создать слаженное военное производство. Перестройка велась на основании утвержденного ЦК ВПК(б) и Совнаркомом СССР от 16 августа 1941 г. военно-хозяйственного плана на последний квартал 1941 и 1942 г. для восточных районов страны, включая Поволжье [5, с. 17]. До конца 1942 г. в городах и поселках Саратовской области было размещено почти 100 эвакуированных предприятий из западных частей СССР. В Саратове была сосредоточена значимая часть оборонной промышленности СССР. На территории города располагалось 35 крупных оборонных предприятий с общим количеством рабочих свыше 60 тыс. чел. За годы войны Саратовское Поволжье стало крупным военно-промышленным центром страны. Промышленность Саратовской области за эти годы выпустила валовой продукции на сумму около 7,5 млрд руб. Кроме того, осенью 1941 г. Саратовская область стала одним из ближайших тыловых районов, где началось строительство оборонительных рубежей. Сооружались укрепления (противотанковые рвы, доты, дзоты и т. п.) по р. Медведице и вокруг Саратова. В строительстве оборонных линий помимо частей 7-й саперной армии с октября 1941 по январь 1942 г. участвовало до 92 тыс. местных жителей: домохозяек, служащих, студентов, колхозников. В общей сложности за время войны в Саратовской области было построено около 610 км укрепленных линий обороны. Для защиты населения в случае вражеских налетов оборудовались бомбоубежища [5, с. 23].

В годы войны даже в тыловых районах нарушилось установившееся кооперирование фабрик и заводов, тем более остро оно сказалось на эвакуированных предприятиях.

Прежде чем начать повествование о московском электромеханическом заводе № 251, нельзя не упомянуть об истории завода «Молот». В 1907 г. в г. Петровске Ев-граф Михайлович Костерин открыл мастерскую по ремонту сельскохозяйственных орудий. Но в 1914 г. Е.М. Костерин прогорел и продал дом и все оборудование. Также при заводе имелось ремесленное училище. Сразу же после 1917 г. Е.М. Костерин вместе с М. Коркиным приступили к переоборудованию бывшего винного (винокуренного) завода в г. Петровске Саратовской области под предприятие по ремонту и производству сельскохозяйственных орудий. В дальнейшем завод получил название «Молот». 1917 г. стал переломным для многих людей того времени. Например, братья Василий и Михаил Костерины стали первыми большевиками и организаторами советской власти в г. Петровске и Петровском уезде Саратовской губернии. С 1918 г. это завод по ремонту сельскохозяйственного инвентаря. Евграф Костерин занимал должность директора завода до 1925 г. [1].

В Москве в 1938 г. за Камер-коллежским валом Рогожской заставы возник завод точной электромеханики № 251. По приказу № 164сс от 14.05.1938 г. новый строящийся корпус и металлургический цех завода № 205 были выделены в самостоятельный завод № 251. Первая продукция была выпущена в июне 1939 г. Завод № 251 специализировался на производстве морских приборов управления торпедной стрельбой (ПУС) для легких кораблей. Основной задачей предприятия было изготовление приборов и систем с общим названием «авторулевой» — морского аналога авиационного автопилота. На этот завод было переведено производство морских приборов завода № 205 со всеми кадрами с обеспечением выполнения программы их выпуска в 1939 г. После начала Великой Отечественной войны по решению Государственного комитета обороны завод № 251, в общем списке заводов, эвакуированных в Саратовскую область под номером 88, был эвакуирован в г. Петровск Саратовской области.

Уже в августе 1941 г. в Петровске был создан филиал Московского завода № 251. Основная эвакуация началась с 20 октября и закончилась 5 ноября 1941 г. После эвакуации оборудования и людей завод в Москве был подготовлен к взрыву, так как фашисты подступали к столице СССР. В Петровск было эвакуировано свыше 1000 специалистов.

Датой рождения завода и комсомольской организации следует считать декабрь 1941 г. Перед руководством и партийной организацией сразу встали три главные задачи: смонтировать привезенное оборудование на рабочих местах; обеспечить все службы электроэнергией; организовать инструментальное производство, ибо без него выпуск сложной военной приборостроительной техники был немыслим. Из воспоминаний сотрудников завода: «Станки, прессы (весом до 8 т) вручную сгрузив с платформы, а затем размещали на стальных листах и, продев в отверстие листа тросы, бригадами по 15–20 человек по принципу: “раз-два взяли” тащили их к листу установки (до 1,5 км). Заводу был выделен один мощный дизель, снятый со списанного крейсера. Работали день и ночь под руководством главного энергетика В. Яковлева, главного механика Т. Соколова и инженера С. Савельева» [2].

Для размещения завода было отведено три участка: территория мельницы, территория завода «Молот», территория горсовета. На первом участке выпускали бронебойные снаряды Р-22, на втором – ручные гранаты Ф-1 («Лимонка»), РГД-33, РГ-42.

Решением ГКО завод был обязан освоить бронебойные снаряды Р-22 для скорострельной пушки. Сложность изготовления заключалась в том, что снаряд должен

был иметь совершенную обтекаемую форму для создания высоких баллистических свойств. Контроль размеров и геометрии снаряда осуществлялся набором шкал-шаблонов. Изготовление их было весьма трудным и требовало высокой квалификации слесарей-инструментальщиков. Вскоре был организован участок из местной молодежи, и к концу ноября 1941 г. завод рапортовал об отгрузке снарядов Р-22.

Резко ощущался недостаток кадров. Например, лишь по восьми предприятиям, эвакуированным в Саратов, из 15,5 тыс. рабочих прибыло менее 5 тыс. В январе 1942 г. для пуска на полную мощность эвакуированных предприятий требовалось более 30 тыс. рабочих. Кризис рабочей силы был предотвращен в основном двумя путями: во-первых, через систему трудовых резервов; во-вторых, через бригадное и индивидуальное ученичество, вовлеченных в производство женщин, подростков, пенсионеров [5, с. 17]. В Саратовской области уже на четвертый день войны группа женщин через областную газету «Коммунист» обратилась ко всем женщинам области с предложением заменить на производстве ушедших на фронт мужей. Это обращение получило горячий отклик. За первый год войны на заводы и фабрики области пришли 23 тыс. женщин и девушек. Женщины начали работать в таких отраслях, где раньше в мирное время по трудовому законодательству женский труд запрещался, например, в шахтах, на подземных работах, в горячих цехах, у доменных печей. Женщины Саратовского края пошли не только к станкам – они стали литейщиками, формовщиками, машинистами локомотивов и цементных печей, обжигалами, кузнецами [3, с. 8]. Удельный вес женского труда в промышленности возрос до 56,5 %, а в Саратове – до 65 % [5, с. 19].

На электромеханическом заводе «Молот» работали молодые парни и девушки в возрасте 15–16 лет по 12 час. в сутки в плохо отапливаемых помещениях, стояли за станками и точили снаряды. Проработав непрерывно двое суток, окончив работу, ложились отдохнуть прямо на свой верстак. Переутомление было настолько сильным, что под утро они валились с верстака и даже не просыпались.

Перед заводом стояла важная задача: создание инструментального цеха. Приборостроительный профиль завода требовал хорошей инструментальной основы как для сборных цехов, так и для механических. В короткие сроки начальники цехов Т.П. Соколов, Я.П. Шульман, С.Я. Хигерович обеспечили производство инструментарием.

В первые месяцы 1942 г. появились комсомольско-молодежные фронтовые бригады, сначала в цехах по выпуску гранат и боеприпасов, а затем в механическом и сборочном, а чуть позже – в электромеханическом цехе. Девизом комсомольско-молодежных бригад были слова: «Работать за двоих: одну норму за себя, вторую – за товарища, ушедшего на фронт!». Так возникло движение «двухсотников». Вслед за «двухсотниками» и параллельно с ними появились «трехсотники», «пятисотники» и даже «тысячники». Движение тысячников получило наибольшее распространение на предприятиях области летом и осенью 1942 г. Особенно широкого размаха оно достигло в период героической обороны Сталинграда. В августе-декабре 1942 г. бои с гитлеровцами за Сталинград шли в непосредственной близости от южных районов Саратовской области, и поэтому с 9 сентября область была объявлена на военном положении. Более 100 крупных фабрик и заводов, тысячи мелких предприятий, комбинатов и мастерских переключились на снабжение защитников Сталинграда. С наступлением темноты сотни машин с воинскими грузами мчались на юг. Обычными стали факты, когда продукция саратовских заводов на другой день после ее выпуска уже использовалась в боях с фашистами [5, с. 21].

К началу 1943 г. на заводе насчитывалось более 100 комсомольско-молодежных бригад. Один раз в квартал бригады подводили итоги социалистических соревнований, лучшей бригаде вручалось переходящее знамя комитета комсомола завода.

В годы войны в трудовых коллективах по всей стране зарождались и развивались различные движения-соревнования. Так, например, трудовое движение комсомольская «Пятница», зародившееся в г. Петровске, распространилось по всей нашей стране, разница была только в том, что в одних городах их называли комсомольскими «Четвергами», в других – комсомольскими «Субботами». Но изобретение данного трудового движения возникло именно в г. Петровске.

Комитет комсомола придавал большое значение подготовке кадров молодых рабочих, на базе завода «Молот» было организовано училище ФЗО (Фабрично-заводское обучение), которое готовило молодых специалистов для завода из числа местной молодежи.

16 февраля 1944 г. вышло постановление ГКО № 5191 об организации на заводе Наркомата судостроительной промышленности серийного производства приборов управления торпедной стрельбой «Трап». Эвакуированные специалисты из Москвы приступили к разработке приборов управления торпедной стрельбой из подводного положения (в частности, создано изделие ТАС-Л2 «Трюм-2»). После войны (1947) группе конструкторов завода за разработку данного нового вооружения была присвоена Государственная премия.

Одними из первых старейших работников электромеханического завода «Молот» жителей г. Петровска были награждены и отмечены орденами Ленина В. Куликов, П. Рассказов. Парторг завода Л. Степановский был награжден многочисленными почетными грамотами, орденами Трудового Красного Знамени, «Знака Почета», медалью «За трудовую доблесть».

В октябре 1945 г. на заводе «Молот» был проведен воскресник. Все заработанные средства в этот день рабочие отдали в фонд помощи детям, родители которых погибли в годы Великой Отечественной войны. В 1945 г. в первых числах июня открылся пионерский лагерь. В первую очередь отдых был предоставлен детям фронтовиков и лучших производственников. В каждую смену отдыхало 135 детей школьного возраста и 40–50 дошкольников [4].

Расцвет завода относится к 1970 – началу 1980-х гг., когда оборонные заказы способствовали работе предприятия на полную мощность. На нем трудилось около 8 тыс. рабочих, большинство из которых были высококвалифицированными специалистами, участвующими в испытаниях продукции на военно-морских базах всего СССР. Значение предприятия для страны было огромным. На заводе «Молот» в 1968 г. была построена столовая, в 1970 г. – корпус механических сборочных цехов, спортивный корпус, в 1971 г. – корпус 9 (цех 47), в 1973 г. – корпус 9 (цех 42), станция нейтрализации сточных вод. Для города завод «Молот» стал градообразующим предприятием, предоставив не только рабочие места для местного населения, но и создав множество социальных объектов. Треть населения Петровска трудилась на предприятии. С 1950-х гг. завод вошел в кооперацию с Центральным научно-исследовательским институтом «Гранит» по отработке и внедрению специальных систем управления для кораблей и судов Военно-морского флота (ВМФ) СССР. С этого времени Петровский электромеханический завод «Молот» участвует в изготовлении, отработке и внедрении систем для подводных лодок и надводных кораблей ВМФ [7, с. 188].

За заслуги в создании и производстве новой техники и успешное выполнение семилетнего плана 1959–1965 гг. предприятие было награждено орденом Трудового Красного Знамени.

В день 75-летия начала Великой Отечественной войны, 22 июня 2016 г., на перекрестке улиц Московской и Гоголя, около одного из заводских корпусов торжественно открыли памятник – станок токарно-винторезный 1К*А*-62Б, установленный на постаменте, где начертаны такие слова: «Трудовому подвигу петровчан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [6]. Это памятник тем, кто стоял у истоков истории завода, кто своей силой духа и самоотверженностью приближал Победу.

Литература и источники

1. *Баклагин Д.Г.* Очерки // Заветы Ильича. 1960. № 21 (4194). 18 февраля.

2. Воспоминания А.А. Егоровой (Титковой), труженицы тыла, работавшей на заводе «Молот» в 1941–1945 гг. // Петровские вести. 2020. № 11 (12830). 11 июня.

3. *Корешкова З.Н.* Советские женщины на трудовом фронте Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 38 с.

4. «Молот» // Коммунист. 2020. 12 октября. URL: https://1kommunist.ru/2020/10/12/zavod-molot (дата обращения: 08.03.2024).

5. *Осипов В.А.* Из истории Саратовского Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1968. 62 с.

6. Саратов во имя Победы. Производственное объединение «Корпус». Правительство Саратовской области. URL: https://saratov.gov.ru/gov/news/saratov_vo_imya_pobedy_proizvodstvennoe_obedine nie_korpus (дата обращения: 08.03.2024).

7. Энциклопедия Саратовского края в очерках, событиях, фактах, именах. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. 688 с.

УДК 94(47).084.8

А.Л. Кузьминых

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЕМА И ЭВАКУАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРОТИВНИКА В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Аннотация. В статье на основе архивных документов, научной и мемуарной литературы рассмотрена организация приема и эвакуации военнопленных в завершающий период Сталинградской битвы. Автор приходит к выводу, что, несмотря на крайне сложное положение, вызванное поступлением многотысячного контингента вражеских военнопленных, ослабленного длительным нахождением в условиях окружения, приемные пункты и лагеря НКВД сумели перестроить свою работу, наладить взаимодействие с военным командованием и обеспечить прием и содержание обезоруженных солдат и офицеров противника.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, вражеские военнопленные, эвакуация, приемные пункты, фронтовые лагеря.

A.L. Kuzminykh

ORGANIZATION OF RECEIVING AND EVACUATING ENEMY POWERS IN THE FINAL PERIOD OF THE BATTLE OF STALINGRAD

Abstract. The article, based on archival documents, scientific and memoir literature, examines the organization of receiving and evacuating prisoners of war in the final period of the Battle of Stalingrad. The author concludes that, despite the extremely difficult situation caused by the arrival of thousands of enemy prisoners of war, who were weakened by prolonged encirclement, the NKVD reception centers and camps managed to restructure their work, establish cooperation with the military command, and ensure the reception and maintenance of disarmed enemy soldiers and officers.

Keywords: the Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, enemy prisoners of war, evacuation, reception centers, frontline camps.

Изучение опыта приема и эвакуации военнопленных германской армии и ее союзников в завершающий период Сталинградской битвы (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) представляет несомненный научный и практический интерес для разработки современных подходов к управлению подобными логистическими процессами в условиях крупномасштабных военных конфликтов. Кроме того, анализ организации приема и транспортировки и содержания пленных в завершающий период битвы за Сталинград важен для воссоздания целостной и всесторонней картины истории Великой Отечественной войны.

19 ноября 1942 г. советские войска после кровопролитных упорных боев под Сталинградом перешли в решающее наступление, в результате которого в окружении оказалось свыше 300 тыс. немецких солдат и офицеров [8, с. 60]. Полная капитуляция окруженной группировки противника завершилась 2 февраля 1943 г. В ходе Сталинградской битвы, по подсчетам А.Е. Епифанова, частями Красной Армии было взято в плен 239 755 военнослужащих германской армии и ее союзников [7, с. 75].

Встал вопрос о размещении многотысячной массы обезоруженных неприятельских военнослужащих, находившихся в крайне тяжелом состоянии после длитель-

ного пребывания в окружении. Имевшиеся приемные пункты и лагеря как по своей вместимости, так и по уровню развития инфраструктуры оказались не в состоянии обеспечить удовлетворительное размещение и жизнеобеспечение крайне ослабленных и истощенных военнопленных, среди которых было большое количество больных и обмороженных, что обуславливалось суровыми условиями зимы 1942–1943 гг. В результате значительная часть военнопленных умирала еще до отправки в тыл, а также в пути следования. Так, 5 декабря 1942 г. с приемного пункта № 55 (ст. Себряково) в Темниковский лагерь (ст. Потьма Ленинской железной дороги) был отправлен эшелон с 4092 военнопленными. В результате недостаточного обеспечения контингента продовольствием, водой и отсутствия печей в вагонах в пути следования на почве истощения и авитаминозов умерли 660 чел. и обморозились 359 чел. [6, с. 213–214].

Положение усугублялось отсутствием четкого взаимодействия между армейским командованием и органами НКВД, нехваткой продовольствия, медикаментов, транспорта, пригодных для проживания людей помещений [4, с. 63]. Сыграл свою роль и прямой бойкот со стороны военных и местных властей приказов и распоряжений НКВД, обусловленный нежеланием выделять ресурсы на обеспечение бывшего противника. К примеру, начальник приемного пункта № 48 (Воронежский фронт) в марте 1943 г. сообщал: «...Положение с питанием крайне тяжелое. 13 дней нет ни хлеба, ни сухарей. Про[довольственный] отдел 38 армии продуктами питания не обеспечивает отчасти из-за отдаленности складов, а главным образом из-за нежелания кормить военнопленных...» [4, с. 75].

Конвоирование военнопленных из фронтовой полосы, их обеспечение питанием в пути следования зачастую зависело исключительно от инициативности и расторопности командира конвойной части. Отсутствовали установленные маршруты движения военнопленных, пункты обогрева, что приводило к росту заболеваемости и смертности контингента, поступавшего в лагеря. Таким образом, зимой 1942–1943 гг. система фронтовых органов Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (далее УПВИ), столкнувшись с перечисленными проблемами, оказалась в ситуации глубокого кризиса.

Обстановка в районе бывшего «сталинградского котла» требовала принятия незамедлительных решений по быстрой перестройке работы по приему, содержанию и эвакуации военнопленных. Из-за несвоевременной отправки контингента в тыл на приемных пунктах и в лагерях-распределителях скопилась значительная масса обезоруженных вражеских военнослужащих, среди которых катастрофическими темпами росли смертность и заболеваемость. К примеру, в телеграмме от 16 февраля 1943 г. заместитель командира 35-й дивизии конвойных войск полковник Безнос сообщал, что на приемном пункте на ст. Воробьевка (ст. Калач Юго-Восточной железной дороги), где содержалось 5400 неприятельских военнослужащих, вследствие холода в помещениях и отсутствия регулярного питания смертность среди них составляет 20–30 % [10, л. 22]. Наибольшие трудности в работе, вызванные условиями суровой зимы, испытывали фронтовые органы Воронежского, Донского, Юго-Западного и Южного фронтов. Так, приемные пункты Юго-Западного фронта менее чем за два месяца (январь – февраль 1943 г.) приняли от войсковых частей свыше 50 тыс. военнопленных [4, с. 79]. Приемные пункты и лагеря под Сталинградом обеспечили прием свыше 93 тыс. обезоруженных солдат и офицеров противника [4, с. 49].

В разрушенном городе под госпитали для военнопленных были отведены все сохранившиеся подвальные помещения. Из числа военнопленных набирались медицинский персонал и строительные бригады, силами которых осуществлялось оборудование помещений, развертывались операционные, перевязочные и санпропускники. В госпитали завозились продовольствие, перевязочный материал, медикаменты и предметы ухода за больными. Санитары из числа военнопленных, разбитые

на звенья, прочесывали развалины, собирали раненых и больных соотечественников и сопровождали до мест оказания медицинской помощи [9, с. 74–78].

В целях упорядочения эвакуации военнопленных из фронтовой полосы заместитель Наркома обороны СССР А. Хрулев издал приказ № 001 от 2 января 1943 г. В нем содержался обширный перечень недочетов по обращению с военнопленными со стороны командования Красной Армии и предлагался комплекс практических мер для их устранения. В частности, командующим фронтами и военными округами предлагалось обеспечить своевременную отправку военнопленных в пункты сосредоточения, использовав для этого все виды транспорта, идущие порожняком с фронта. Категорически запрещалось направление на приемные пункты больных и раненых военнопленных, которых следовало помещать во фронтовые лечебные учреждения с последующим переводом в тыловые госпитали. Суточные пешие переходы конвоируемых военнопленных предписывалось ограничить 20–30 км с размещением пленных на привалы-ночевки с выдачей горячей пищи и кипятка. В случае отсутствия у военнопленных теплой одежды и обуви недостающее обмундирование надлежало выдавать за счет трофейного имущества, а также вещей умерших солдат и офицеров противника. Для перевозки военнопленных следовало выделять утепленные вагоны с необходимым инвентарем, достаточным количеством топлива и путевым запасом продовольствия [1, л. 122–123 об.; 11, с. 75–77]. Аналогичные приказы издавались командованием армий и фронтов [6, с. 26–28].

Приказ Наркомата обороны СССР № 001 имел первостепенное значение для деятельности фронтовых органов УПВИ, так как регламентировал порядок эвакуации и материального обеспечения военнопленных в прифронтовой полосе. Однако, судя по донесениям с мест, на фронтах имели место многочисленные нарушения положений данного приказа. В целях контроля заместитель наркома внутренних дел СССР предписал начальникам особых отделов, начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов и начальникам транспортных отделов (отделений) следить за строгим выполнением приказа № 001, а в случае выявления нарушений принимать необходимые меры [5, с. 158–159].

5 февраля 1943 г. вышел приказ НКВД СССР за № 00242 по упорядочению конвоирования военнопленных с приемных пунктов в лагеря-распределители и тыловые лагеря. Начальникам эшелонов предписывалось полностью «исключить смертность военнопленных в пути следования». Для этого предлагалось во время следования снабжать военнопленных горячей пищей и кипятком не менее одного раза в сутки, обеспечить ежедневный обход вагонов медработниками, а также не менее двух раз в сутки производить остановку эшелонов для отправления военнопленными естественных потребностей. В свою очередь, начальникам приемных пунктов и лагерей НКВД запрещалось допускать к конвоированию больных и раненых военнопленных, которых следовало направлять в ближайшие лечебные учреждения [2, л. 93 об.– 94; 11, с. 78–80].

Одновременно проводится комплекс организационных мероприятий, направленных на улучшение работы УПВИ и подчиненных ему учреждений. На основании приказа НКВД СССР № 0095 от 20 января 1943 г. для приема и размещения поступающих с фронтов военнопленных были развернуты 6 новых лагерей: Алексинский № 53 (Тульская обл.) на 10 тыс. чел., Астраханский № 60 (Сталинградская обл.) на 10 тыс. чел., Хреновский № 81 (Воронежская обл.) на 10 тыс. чел., Моршанский № 64 (Тамбовская обл.) на 10 тыс. чел., лагерь-распределитель № 98 в м. Капустин Яр (Сталинградская обл.) на 3 тыс. чел., Осташковский лагерь-распределитель № 41 (Калининская обл.) на 5 тыс. чел. Этим же приказом была установлена подчиненность лагерей-распределителей, обслуживавших Воронежский, Донской и Южный фронты [3, с. 97]. Наряду с этим, как не отвечающие своему назначению, были расформированы 8 лагерей

(Ашинский, Елабужский, Исетско-Аятский, Метиловский, Сявский, Тедженский, Тюменский, а также лагерь на строительстве Паньшино–Калач) [3, с. 564–565; 4, с. 68–69]. В апреле 1943 г. из-за массовой смертности военнопленных были закрыты Хоботовский и Хреновский лагеря НКВД [3, с. 108].

В целях упорядочения приема военнопленных на основании приказа НКВД № 00398 от 1 марта 1943 г. лагеря-распределители были переименованы во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ), которые стали основным местом концентрации военнопленных, направляемых из фронтовых районов в тыл. В начале марта 1943 г. в подчинении УПВИ числились 35 лагерей, в том числе 11 фронтовых приемно-пересыльных, 4 офицерских и 20 – для рядового состава [3, с. 103–105].

Увеличение количества фронтовых лагерей привело к необходимости создания многоуровневой системы управления. В январе 1943 г. на Волховский, Северо-Западный, Воронежский, Донской, Юго-Западный, Южный и Закавказский фронты командируются уполномоченные УПВИ, задача которых заключалась в координации с командованием РККА вопросов учета, содержания и конвоирования военнопленных, а также регулярного информирования руководства УПВИ о наличии военнопленных в воинских частях, армиях, на приемных пунктах и станциях сосредоточения [1, л. 121–121 об.; 3, л. 169–170]. Создание института уполномоченных положительно отразилось на организации приема военнопленных, однако не смогло обеспечить эффективного решения всех вопросов, поставленных перед фронтовыми органами, так как уполномоченные не обладали необходимыми для выполнения возложенных на них функций аппаратом и материальной базой.

В феврале 1943 г. вместо института уполномоченных при управлениях войск НКВД по охране тыла фронтов создаются отделения по делам военнопленных (ОПВ), подчиненные, с одной стороны, УПВИ, с другой – начальнику Управления войск НКВД по охране тыла соответствующего фронта. Функции ОПВ заключались в организации приемных пунктов для военнопленных в прифронтовой полосе; связи со штабами фронтов и армий по вопросам военнопленных; помощи в доставке частями РККА захваченных военнослужащих противника до приемных пунктов; их отправке из приемных пунктов в лагеря-распределители и стационарные лагеря; разрешении всех иных вопросов, связанных с приемом, отправкой и содержанием военнопленных в прифронтовой полосе и информировании по этим вопросам УПВИ. Штаты отделений по делам военнопленных при управлениях войск НКВД по охране тыла фронтов включали: начальника отделения, его заместителя, старших инспекторов (по количеству армий на фронте), секретаря [3, с. 98].

Важнейшей задачей УПВИ весной 1943 г. оставался вывоз стотысячного контингента военнопленных из прифронтовой полосы, в первую очередь из района Сталинграда, в тыловые лагеря. Об особом внимании руководства НКВД к этому вопросу свидетельствует тот факт, что для обеспечения вывоза военнопленных в Хреновский лагерь был направлен заместитель начальника УПВИ П.К. Сопруненко, в Сталинград – начальник отдела железнодорожных перевозок НКВД СССР С.И. Зикеев. Согласно приказу НКВД СССР № 00398 от 1 марта 1943 г. военнопленные из районов Воронежского и Юго-Западного фронтов, а также окрестностей Сталинграда подлежали вывозу в десять тыловых лагерей НКВД: Монетно-Лосиновский № 84 (Свердловская обл.) – 21 500 чел., Потанинский № 68 (Челябинская обл.) – 7000, Березняковский № 241 (Молотовская обл.) – 11 000, Спасозаводский № 99 (Карагандинская обл.) – 5000, Южский № 165 (Ивановская обл.) – 3000, Рябовский № 75 (Удмуртская АССР) – 3000, Покровский № 125 (Саратовская обл.) – 10 500, Тюменский № 93 (Омская обл.) – 6000, Фархадский № 86 (Узбекская ССР) – 20 000, Пахта-Аральский № 29 (Казахская ССР) – 20 000 чел. Отправку планировалось осуществить 44 эшелонами по 2500 чел. в

каждом по графику, разработанному совместно с Наркоматом путей сообщения СССР [3, с. 1000–1001].

Однако принятые меры во многом оказались запоздавшими, так как захваченные военнослужащие противника практически целый месяц после завершения битвы под Сталинградом находились в окрестностях разрушенного города, нередко лишенные элементарных средств к существованию. Сталинградское управление лагерей военнопленных не располагало достаточным количеством личного состава, транспорта и материальных ресурсов. Эшелоны, направляемые в тыловые лагеря, были переполнены больными и умирающими неприятельскими военнослужащими. Ввиду того, что вагоны не были оборудованы для перевозки людей в зимних условиях, транспортировка военнопленных сопровождалась крайне высокой смертностью. Так, из эшелона в 2860 чел., направленного Юго-Западным фронтом и принятого Южским лагерем НКВД, в пути умерли 1030 военнопленных (36 %), а из оставшихся 660 чел. оказались тяжело больными, 300 – истощенными и ослабленными [6, с. 22–24].

Тяжелое физическое состояние значительной части военнопленных, достаточно выраженное в момент пленения и эвакуации, в дальнейшем усугублялось из-за неудовлетворительных условий размещения и содержания в лагерях. К примеру, в Моршанском лагере (Тамбовская обл.) военнопленные размещались в землянках и шалашах. Из 8 тыс. чел. половина была ослаблена и истощена настолько, что не могла выйти из своих жилищ. Катастрофические масштабы имела смертность, которая составляла с 24 по 31 января 1943 г. в среднем 44 чел. в день, с 1 по 11 февраля – 53 чел. в день [10, л. 34 об.]. Аналогичная ситуация со смертностью наблюдалась практически во всех лагерях, куда прибывал контингент из Сталинграда. В целом, по данным волгоградского историка С.Г. Сидорова, на 15 апреля 1943 г. из учтенных УПВИ с начала Великой Отечественной войны 291 856 военнопленных умерло 171 774 чел. (58,8 %) [3, с. 31, 927].

В целях поддержания физического состояния военнопленных, улучшения санитарно-бытовых условий в лагерях директива НКВД № 120 от 16 марта 1943 г. предписывала начальникам лагерей в кратчайший срок оборудовать все помещения нарами и необходимым инвентарем (умывальниками, столами, скамейками, бачками для воды и т. п.). Военнопленные должны были регулярно проходить санобработку, для чего все лагерные подразделения предлагалось оборудовать банями, прачечными, дезокамерами, а также обеспечить водой, мылом и дезосредствами. Для ослабленных военнопленных предписывалось выделять специальные бараки, установив в них полустационарный режим, систематическое медицинское наблюдение и питание по больничным нормам. Наконец, направлять контингент в новые лагеря разрешалось только при полной готовности помещений, их внутреннего оборудования, а также при обязательном прохождении трехнедельного карантина [2, л. 184 об.–186; 3, с. 444–446].

Что касается неблагополучных в отношении заболеваемости и смертности сталинградских лагерей, то в их состав были введены восемь армейских полевых госпиталей: № 1787 (Александровка), № 2149 (Красноармейск), № 3249 (Рудня), № 4937 (Капустин Яр), № 4939 (Бекетовка), № 4950 (Бекетовка), № 4952 (Фролово), № 5070 (Камышин), а также медсанбатальон № 283 (Дубовка). На 10 апреля 1943 г. в районе Сталинграда действовали 15 лечебных учреждений для военнопленных, в которых находилось 10 907 чел. [6, с. 60]. Следует особо подчеркнуть, что многие советские врачи и медсестры погибли от тифа, дизентерии и других опасных болезней, спасая жизни солдат и офицеров гитлеровской армии. Поскольку выделенные для лечения неприятельских военнослужащих армейские госпитали принадлежали Сталинградскому и Воронежскому фронтам, войска которых продвигались на запад, военные советы фронтов требовали освобождения госпиталей от больных военнопленных [5, с. 427].

В связи с этим для оказания медицинской помощи больным и раненым военнопленным Наркоматом здравоохранения и Наркоматом обороны СССР создается сеть специальных госпиталей. Порядок деятельности спецгоспиталей, их комплектование персоналом, снабжение медицинским имуществом, лекарствами и продовольствием определялись «Инструкцией о порядке содержания раненых и больных военнопленных в госпиталях Наркомздрава СССР и Наркомата обороны СССР» от 6 марта 1943 г. [2, л. 350–350 об.; 3, с. 443–444] и «Положением о госпиталях НКЗ, выделенных для обслуживания военнопленных» от 22 октября 1943 г. [2, л. 353–353 об.; 3, с. 454]. Медицинская и финансово-хозяйственная деятельность спецгоспиталей осуществлялась на общих основаниях с госпиталями для лечения советских военнослужащих за счет фондов НКЗ и НКО.

Главным отличием спецгоспиталей от других лечебных учреждений было наличие зоны вокруг корпусов и строгого внутреннего режима. Охрана, учет и оперативное обслуживание военнопленных в спецгоспиталях являлись прерогативой НКВД СССР, для чего госпиталям выделялся дополнительный штат сотрудников численностью 15 штатных единиц (заместитель начальника госпиталя по режиму и охране, старший оперуполномоченный, инспектор по учету, переводчик и 11 вахтеров) [11, с. 80–81]. Наружную охрану спецгоспиталей несли части конвойных войск НКВД [2, л. 350–352 об.; 11, с. 100–102].

В 1943 г. был сформирован 31 спецгоспиталь НКЗ СССР общей емкостью 19 110 коек. Развернутые спецгоспитали были закреплены за тыловыми лагерями для военнопленных, а часть спецгоспиталей числилась в категории резервных, направление контингента в которые проводилось по специальным нарядам УПВИ [5, с. 44, 428]. В целях снижения расходов на содержание спецгоспиталей приказ НКЗ СССР № 335 от 30 мая 1943 г. предлагал выздоравливающих военнопленных привлекать к работам по самообслуживанию (мытье посуды, резка хлеба, подноска воды, заготовка дров, уборка госпитальной территории и т.п.), а медицинский персонал из числа военнопленных использовать на лечебной работе под руководством советских врачей [2, л. 357; 11, с. 103].

Итак, подведем итоги. Сталинградская битва оказала непосредственное влияние на развитие органов и учреждений военного плена в СССР. Массовое поступление военнопленных в завершающий период Сталинградский битвы привело к кризису системы УПВИ, которая оказалась не в состоянии оперативно организовать прием и содержание многотысячного контингента неприятельских военнослужащих, ослабленного длительным нахождением в сталинградском «котле». Результатом стала высокая смертность обезоруженных солдат и офицеров противника, состояние которых было критическим к моменту пленения из-за долгого пребывания в окружении.

Перед руководством УПВИ была поставлена задача по реорганизации лагерной сети, организации и развертыванию новых фронтовых лагерей и приемных пунктов, оптимизации маршрутов эвакуации. В феврале-марте 1943 г. при штабах фронтов вводятся штатные должности уполномоченных НКВД СССР, при управлениях войск НКВД по охране тыла фронтов – отделения по делам военнопленных (ОПВ). Для содержания больных и раненых военнопленных создается система спецгоспиталей.

Наряду с организационной перестройкой структуры Управления и фронтовой сети, проводилась планомерная работа по приведению лагерей и приемных пунктов в должное состояние, обустройству их жилого фонда и организации бесперебойного снабжения. Реорганизация системы военного плена позволила обеспечить размещение и жизнеобеспечение военнопленных, что в дальнейшем создало благоприятные предпосылки для их привлечения к труду по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, а также проведения антифашистской работы и оперативных мероприятий по выявлению военных преступников.

Литература и источники

1. Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463.

2. Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475.

3. Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. Москва: Логос, 2000. 1120 с.

4. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 2 / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2003. 1160 с.

5. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4 / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004. 1111 с.

6. *Епифанов А.Е.* История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг.: монография. Волгоград: РИО Волгоградской академии МВД России, 2007. 418 с.

7. *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1945 гг. (Немецкие военнопленные в СССР). Москва: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. 350 с.

8. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 6: Коренной перелом в войне. Москва: Воениздат, 1976. 518 с.

9. *Лидов И.П.* Из воспоминаний врача о Сталинградской битве // Военно-медицинский журнал. 1968. № 3. С. 74–78.

10. Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 24.

11. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР / под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–1): Нормативные документы. Москва: ТЕРРА, 1996. 560 с.

УДК 94(47).084.8:314.14:364.446

А.В. Морозов

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного научного дискурса об эвакуации детей в годы Великой Отечественной войны. В работе рассматриваются ключевые направления исследований последних лет: демографические, социально-бытовые, образовательные и психологические аспекты эвакуации. Акцентируется внимание на расширении источниковой базы и применении междисциплинарных подходов. Автор систематизирует основные научные вопросы об эффективности системы эвакуации, роли государства и общества в спасении детей. Подчеркивается практическая значимость исторического опыта для современных систем чрезвычайного реагирования и психологической реабилитации детей в кризисных ситуациях. Делается вывод о высокой научной и социальной ценности изучения данной темы для сохранения исторической памяти и решения актуальных гуманитарных задач.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация детей, историография, современный дискурс, основные проблемы исследований.

A.V. Morozov

EVACUATION OF CHILDREN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern scientific discourse on the evacuation of children during the Great Patriotic War. The work examines the key areas of research in recent years: demographic, socio-domestic, educational, and psychological aspects of the evacuation. The article focuses on expanding the source base and applying interdisciplinary approaches. The author systematizes the main scientific questions about the effectiveness of the evacuation system, the role of the state and society in saving children. The article emphasizes the practical significance of historical experience for modern emergency response systems and the psychological rehabilitation of children in crisis situations. It concludes that the study of this topic is highly valuable for preserving historical memory and addressing current humanitarian challenges.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation of children, historiography, modern discourse, and the main research problems.

Исследование эвакуации советских детей в годы Великой Отечественной войны до настоящего времени сохраняет научную и социальную значимость по нескольким причинам.

1. Историческая память и осмысление прошлого особенно актуализировались в связи с последними мировыми событиями, связанными с военными конфликтами и перемещениями больших масс людей, в том числе и детей. Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны – одна из самых драматических страниц, позволяющая глубже понять масштабы человеческих страданий, героизм и усилия общества и государства по спасению будущего поколения.

2. Опыт эвакуации детей в годы войны является важным для разработки и совершенствования современных систем защиты детей в условиях военных конфликтов и катастроф. Исследование разнообразных аспектов (организационных, правовых,

психологических, социальных, медицинских и др.) позволяет выявить успешные стратегии и ошибки, которые стоит учитывать при проведении гуманитарных операций сегодня.

3. Изучение судьбы детей военного времени помогает формировать у современных поколений чувства сострадания, милосердия, понимания ценности человеческой жизни и взаимопомощи.

Таким образом, исследование эвакуации детей в годы Великой Отечественной войны не только восполняет пробелы в исторической науке, но и имеет морально-нравственное и практическое значение для решения современных социальных, гуманитарных и образовательных задач.

Цель статьи состоит в анализе современных исследований, посвященных эвакуации детей в период Великой Отечественной войны, наиболее важным аспектам, привлекающим внимание исследователей и новым подходам к изучению данной темы. Также представляется актуальным оценить вклад современных исследований в понимание эвакуации детей, определить нерешенные вопросы и перспективные направления дальнейших исследований.

Советская историография безусловно много сделала в изучении темы эвакуации детей. Она имела как сильные, так и слабые стороны, определенные идеологическими и источниковыми ограничениями. В 1990-е гг. российские архивы открылись для исследователей, в оборот вошли неизвестные ранее документы, а исследователи сместили фокус своего внимания с макроистории на историю повседневности, отдельных семей, детских домов и т. п. Ученые стали использовать междисциплинарный подход, привлекая не только методы истории, но и социальной демографии, психологии, антропологии. Это позволило по-новому посмотреть на, казалось бы, давно изученные аспекты темы, прийти к более взвешенным выводам и обобщениям [6–8; 11–14; 21].

Современные исследователи широко привлекают разнообразные архивные материалы (фонды центральных и региональных архивов, например, ГАРФ, РГАСПИ и др.). Изучается различная делопроизводственная документация (приказы, отчеты, переписка, материалы детских домов и школ). Большое значение имеют воспоминания самих эвакуированных детей и их воспитателей, составляющие довольно значимый пласт мемуарной литературы. Большое значение для исследования эвакуации детей имеют сборники документов. Так, опубликованный в 2013 г. Главным архивным управлением при Кабинете Министров Республики Татарстан сборник, содержащий 160 документов, рассматривает все основные аспекты эвакуации детей в 1941–1945 гг. [5]. Большое значение имеет и статистическая информация, например, списки эвакуированных детей, данные различных учреждений и ведомств. Но при изучении статистики актуальными являются проблемы неполноты и противоречивости статистических данных.

Анализ литературы позволяет определить основные направления современных научных исследований по проблеме эвакуации детей. *Во-первых*, исследователей по-прежнему интересует *демографический аспект*, в том числе такие вопросы, как количественные оценки эвакуированных детей по регионам; динамика перемещения, возрастные и гендерные характеристики, а также демографические последствия эвакуации. Помимо прочего интересен сравнительный анализ эвакуации детей в разных регионах СССР (Поволжье, Урал, Сибирь, Средняя Азия), а также специфика размещения детей в национальных республиках страны.

Постановлением СНК СССР «О порядке эвакуации населения в военное время» от 5 июля 1941 г. был определен механизм перемещения различных категорий детей. На местах создавались специальные государственные органы, отвечающие за прием и размещение эвакуированных.Как правило, эвакуация детей происходила в глубокий тыл страны. Так, уже летом и осенью 1941 г. в Киргизскую ССР были эвакуированы сотни

детей из ряда украинских и южнорусских областей, размещавшихся в детских домах. С ноября 1941 по сентябрь 1942 г. в Киргизию было перемещено 40 детских домов из разных регионов страны, в том числе из Ленинградской области. К середине 1942 г. в Киргизскую ССР было эвакуировано 3,5 тыс. ленинградских детей [2, с. 368–369]. Как отмечает Ш.Д. Батырбаева: «Процесс адаптации эвакуированных детей к новым условиям проходил тяжело, но успешно, во многом благодаря самоотверженности местных жителей» [2, с. 370]. Все, конечно, зависело от конкретных людей, местного начальства, условий и ресурсов, которые всегда носили ограниченный характер. Поэтому на местах отношение к эвакуированным детям было неодинаковым: где-то помощь была организована на хорошем уровне, а где-то дети были брошены на произвол судьбы [3, с. 396]. В Казахской ССР к февралю 1942 г. количество эвакуированных детей приблизилось к 260 тыс. Также в регион в 1941–1942 гг. было эвакуировано 107 детских домов с более 15 тыс. детей [18, с. 154].

Как отмечает Л.Р. Залилова, только с июня 1941 по июнь 1942 г. в Башкирию было эвакуировано 33 детских учреждения с 3135 воспитанниками [7, с. 225]. Всего же за годы Великой Отечественной войны в Башкирию было эвакуировано 43 детских учреждения с 4950 детьми [7, с. 225]. В Татарской АССР к сентябрю 1941 г. было эвакуировано 25 детских учреждений с 3848 детьми, а к январю 1942 г. их количество достигло соответственно 101 и 15 264 [19, с. 82]. Н.В. Кабакова пишет, что в Омскую область к середине августа 1941 г. прибыло 2104 детдомовца [9, с. 442]. М.С. Носова сообщает, что во время Великой Отечественной войны в Омскую область было эвакуировано из Ленинграда 32 детских дома и интерната с 3200 воспитанниками [17, с. 210]. Т.В. Коростелева указывает на основании архивных источников, что в начале сентября 1942 г. в Хакасскую автономную область Красноярского края прибыли 400 детей, эвакуированных из Ленинграда [10, с. 168]. В 1941 – начале 1942 г. в Сталинградскую область было эвакуировано 68 украинских и белорусских детских домов, а также 3 детских дома с испанскими ребятами, 63 из которых с более чем 9000 воспитанниками впоследствии были эвакуированы далее в районы Астрахани и Средне-Ахтубинска, Узбекской ССР, а также Башкирии, Свердловской области и др. [13, с. 50–52]. А всего по примерным подсчетам в Сталинградской области к 1942 г. имелось 77 детских домов с 10 145 детьми [14, с. 190]. В целом по стране только за 1941–1942 гг. в глубокий тыл было вывезено 976 детских домов с 107 223 воспитанниками [16, с. 165]. Если в РСФСР в 1941 г. было 1347 детских домов с 155 751 ребенком, то к 1945 г. их число выросло до 3800 с 400 тыс. воспитанниками [16, с. 165]. Точных цифр эвакуированных детей мы, наверное, не сможем установить в связи с перманентностью и запутанностью самого процесса эвакуации. Однако и те показатели, которые известны исследователям, свидетельствуют о колоссальном масштабе этого мероприятия.

Во-вторых, историки пристально изучают *социально-бытовой аспект*, в том числе условия размещения и проживания детей (детские дома, интернаты, приемные семьи); питание, медицинское обслуживание, обеспечение одеждой и учебными материалами; проблемы адаптации и социализации. Ш.Д. Батырбаева пишет о серьезных трудностях в обеспечении эвакуированных в Киргизию детей (острая нехватка жилплощади, мебели и спальных принадлежностей; продовольственные и медицинские проблемы и др.). Только с января 1943 г. эвакуированные дети стали получать по 300 г хлеба в день и по 6 л молока в месяц [2, с. 372–373]. Эвакуированные дети часто не имели подходящей одежды и обуви, особенно это обострялось зимой [3, с. 396]. Л.Р. Залилова указывает, что в Башкирии детские учреждения были перегружены настолько, что «в одной кровати спали по два ребенка» [7, с. 226]. Местной властью предпринимались меры по обеспечению детей зимней одеждой и обувью, продовольствием и топливом. Проблемы, связанные с обеспечением эвакуированных детей, были во всех районах страны без исключения. Ни один из авторов не рисует благолепной картины жизни в

эвакуации. Так, Н.В. Кабакова пишет, что местные омские власти не скрывали того факта, что продовольственное обеспечение и бытовое обслуживание эвакуированных было неудовлетворительно [9, с. 442]. Т.В. Коростелева также пишет о многих трудностях, возникших в первые месяцы пребывания эвакуированных детей в Хакасии [10, с. 168]. В.С. Меркурьева отмечает, что во многих эвакуированных детских учреждениях страны «нормы отпуска продуктов питания со складов такие низкие, что обеспечивали приготовление лишь одного блюда на ребенка в день» [15, с. 52]. Отмечается, что большое число детских домов находилось в тяжелом положении [16, с. 166]. М.С. Носова, изучавшая материалы газеты «Омская правда», пишет, что в них поднимались проблемы обеспечения эвакуированных детей продовольствием, вещами и др. [17, с. 211]. З.К. Сактаганова и Ж.К. Абдукаримова отмечают сложности при перевозке и размещении эвакуированных в Казахстан детей [18, с. 151]. Были проблемы со снабжением продовольствием, горячим питанием, несбалансированностью рациона, обеспеченностью одеждой и обувью и т. п. [18, с. 157–158]. О. Шафигуллина, рассматривая ситуацию с детскими учреждениями, эвакуированными в Татарию, говорит об отсутствии полноценного питания, детской одежды и обуви, антисанитарии и многом другом [19, с. 82]. О подобного рода проблемах, коснувшихся эвакуированных на Урал детей, пишет и К.В. Шерстобитова [20]. Медицинское обслуживание эвакуированных детей – одна из самых тяжелых тем. Скудное, несбалансированное питание, отсутствие витаминов, скученность детей в учреждениях, отсутствие санитарно-гигиенических предметов обихода, регулярной возможности посещения бань, одежда не по погоде, особенно в 1941–1942 гг., приводили к широкому распространению педикулеза, чесотки, эпидемических заболеваний (например, тифа) и т. п. [20, с. 605]. Все это приводило к детской смертности [16, с. 166; 18, с. 158]. В большинстве регионов страны только в 1943 г. были проведены мероприятия по улучшению медицинского обслуживания эвакуированных детей. Так, Ш.Д. Батырбаева отмечает, что в Киргизии стала развиваться педиатрическая служба как в городах, так и в селах. Появилась противокоревая сыворотка и различные витаминные смеси для ослабленных детей [2, с. 373]. О постепенном улучшении медицинского обслуживания детей в Казахстане пишет и З.Г. Сактаганова [18, с. 59]. При этом, как отмечают исследователи, несмотря на все трудности жизни в эвакуации, нельзя не признать, что советское государство и общество в тяжелых условиях Великой Отечественной войны смогли создать базовые условия для сохранения генофонда страны.

В-третьих, в работах рассматриваются *образовательный и воспитательный аспекты*, в частности, такие его стороны, как организация обучения и воспитания в эвакуации, роль педагогов и воспитателей в этом процессе и сохранение культурной и национальной идентичности эвакуированных детей. Историки, основываясь на воспоминаниях детей, отмечают сложности, сопровождавшие при обучении и воспитании, а также в стремлении педагогов и воспитателей отвлечь эвакуированных детей от страданий и забот, легших на их хрупкие плечи [1, с. 181]. И это зачастую при отсутствии условий для нормальной учебной и воспитательной работы [4, с. 98]. Например, в Башкирии для устранения подобных проблем в городских школах открывались спецклассы, а в сельских пунктах вводились отдельные классы с обучением на русском языке [7, с. 226]. Педагогических кадров и школ не хватало, особенно в сельских районах [13, с. 52]. Система образования в регионах должна была оперативно адаптироваться к возросшим потребностям [2, с. 373]. Воспитательная работа, особенно в детских домах, страдала из-за отсутствия кадров и слабой работы комсомольских органов [7, с. 227]. Во всех

регионах, где находились эвакуированные дети, вопросы воспитательной работы были чрезвычайно острыми. Местные органы власти неоднократно предписывали поднять качество воспитательной работы, организуя для детдомовцев политико-массовую, пионерскую, оборонно-физкультурную и трудовую работу [10, с. 169]. В детских учреждениях практиковалось чтение газет и проведение политинформаций, проводились торжественные мероприятия, воспитывался патриотизм и гражданственность [20, с. 606]. Несмотря на все проблемы, учебно-воспитательный процесс не прекращался: дети социализировались, приобретали новые знания и навыки, учились преодолевать жизненные трудности и испытания.

В-четвертых, современных исследователей интересует *социально-психологический аспект*, включающий травматический опыт детей военного времени, их стратегии выживания и копинг-механизмы, направленные на смягчение негативных эмоций и поддержание психического равновесия. Также интересует исследователей и влияние эвакуации на последующую жизнь и идентичность детей. Изучение истории отдельных судеб эвакуированных детей, их воспоминания о жизни в эвакуации, тяжелом бытовом положении, голоде, психологических трудностях по-прежнему яв-ляются важным предметом изучения [1, с. 179–180]. Дети стремились выжить любой ценой, ели траву, столярный клей, все что можно и что нельзя было съесть. Особенно это касалось ленинградских детей, чьи воспоминания о голоде оставили неизгладимый отпечаток на всю жизнь [1, с.180]. Сам процесс эвакуации, связанный со многими трудностями, также навсегда остался в памяти детей. Если они ехали с родителями, то панически боялись потеряться, отстать от них в пути во время остановок или немецких бомбежек. Нередко дети болели и впадали в депрессивные состояния [3, с. 396]. Жизнь в эвакуации в детских домах, в чужих семьях, в интернатах в трудных условиях сказывалась на эмоциональном состоянии, успеваемости в школах, стиле поведения и т. п. Дети рано взрослели и зачастую выполняли такие же работы, как и более старшие люди [9, с. 445]. Таким образом, тяжелые условия жизни в эвакуации серьезно влияли на здоровье и психику детей [4, с. 99]. Некоторые из них становились на преступный путь: занимались мелким воровством, проституцией и т. п. Однако, пережив самые сложные месяцы 1941 и 1942 гг., дети адаптировались к новым для них условиям. Со временем улучшилось снабжение, успехи Советской армии внушали людям оптимизм и надежду. Местное население активнее стало помогать эвакуированным детям. В литературе отмечается, что для местного населения знакомство с эвакуированными детьми также имело большое значение для расширения их кругозора и в целом способствовало взаимному культурному обмену [2, с. 373]. Стране потребовалось напряжение всех моральных и физических сил, чтобы сохранить молодое поколение советских граждан. Население регионов, в которые были эвакуированы дети, делилось с ними всем, принимало их в свои семьи, находилось с ними в нужде и радости. В истории нашей страны эта страница является безусловно трагической и вместе с тем героической. Советский народ показал свое единство и великую дружбу между людьми разных национальностей.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что до настоящего времени открыт вопрос об оценке эффективности советской системы эвакуации, нуждаются в подробном изучении как успехи этой деятельности, так и серьезные провалы, приводившие к гибели детей. Интересен и такой аспект проблемы, как изучение долгосрочных последствий эвакуации для поколения «детей войны». Необходимо обратить пристальное внимание на советских граждан, которые всеми возможными способами помогали эвакуированным детям. Нужно вернуть память об их подвиге в историчес-

кий дискурс. Введение в оборот новых источников позволяет ученым глубже увидеть проблемы повседневной жизни детей в эвакуации. В современных условиях очень высок образовательный потенциал темы. Необходимо включать тему эвакуации в школьные и вузовские курсы, например, в дисциплину «Основы российской государственности». Так, анализ школьных учебников по истории позволил сделать вывод, что эвакуация населения, и детей в частности, в годы Великой Отечественной войны представлена в них очень слабо [4, с. 96–97]. Будем надеяться, что новые поколения исследователей смогут полнее и глубже рассмотреть выделенные нами аспекты и подготовить так необходимые для понимания этих процессов специальные монографии по истории эвакуации советских детей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Литература и источники

1. *Агеева Е.Н.* Дети в годы Великой Отечественной войны: опыт выживания (по эгодокументам) // Великая Отечественная война: пространство исторической памяти и славы: материалы краевого молодежного исследовательского проекта, посвященного 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Красноярск: [б. и.], 2021. С. 179–181.

2. *Батырбаева Ш.Д.* Эвакуация детей в Киргизию в годы Великой Отечественной войны: организация, вызовы и гуманитарная миссия // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Ростов-на-Дону, 04–07 июня 2025 г.). Ростов-на-Дону: Южный науч. центр РАН, 2025. С. 367–375.

3. *Большова А.С.* Эвакуация детей и их жизнь в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Студенческая наука и XXI век. 2021. Т. 18. № 1–2 (21). С. 396–397.

4. *Васина П.В., Клевцова О.В.* Освещение вопроса эвакуации детей и организации их жизни в тылу в годы Великой Отечественной войны в современном школьном образовании // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2024. № 1. С. 95–100.

5. Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945: сборник документов и материалов / сост. И.И. Ханипова, Е.Г. Кривоножкина. Казань: ГАУ при КМ РТ, 2013. 416 с.

6. *Епифанов А.Е.* Из опыта эвакуации детских и образовательных учреждений Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 33–38.

7. *Залилова Л.Р.* Эвакуация детей в БАССР в годы Великой Отечественной войны // Проблемы исторической регионалистики в источниковедении, историографии, теоретической истории: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 12 апреля 2018 г.) / отв. ред. Д.П. Самородов. Стерлитамак: БГУ, 2018. С. 224–227.

8. *Залилова Л.Р., Семенова Н.Л.* Эвакуация детских домов в Башкирскую ССР в годы Великой Отечественной войны // Инновационная наука: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 5 ч. Ч. 5 (Уфа, 1 апреля 2016 г.). Уфа: Аэтерна, 2016. С. 60–61.

9. *Кабакова Н.В.* Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны в Омскую область // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.) / под общ. ред. В.А. Временко. Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 441–446.

10. *Коростелева Т.В.* Об эвакуации ленинградских детских интернатов в Хакасскую автономную область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на основе архивных источников ГКУ РХ «Национальный архив») // Архивные документы в системе объективного научного знания: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (Абакан, 12 октября 2022 г.). Абакан: Бригантина, 2022. С. 167–174.

11. *Кривоножкина Е.Г.* Особенности эвакуации детских учреждений в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Ч. 2 (Волгоград, 25–26 сентября 2015 г.). Волгоград: ВГУ, 2015. С. 559–564.

12. *Крюкова Г.М.* Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны на восток страны в отечественной региональной литературе и сборниках документов 1990-х – 2000-х гг. // Актуальные проблемы истории стран Европы и Америки: сборник научных трудов памяти И.Д. Чигрина / отв. ред. Р.К. Хабибуллин. Уфа: БГУ, 2016. С. 165–170.

13. *Меркурьева В.С.* Эвакуация детей и детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Человек на войне: сборник материалов научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12 декабря 2014 г.). Санкт-Петербург: СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2015. С. 43–48.

14. *Меркурьева В.С.* Эвакуация детей из прифронтовых районов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 189–192.

15. *Меркурьева В.С.* Эвакуация детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Primo Aspectu. 2017. № 1 (29). С. 49–53.

16. *Никонова А.Д., Вардумян А.А., Угрюмова М.В.* Документное сопровождение эвакуации и жизнедеятельности детских домов в годы Великой Отечественной войны // Документы Войны и Победы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–23 мая 2025 г.). Москва: Сфера, 2025. С. 163–168.

17. *Носова М.С.* Эвакуация детей из Ленинграда в Омск в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Омская правда») // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в.: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 28 сентября 2018 г.) / отв. ред. Д.П. Самородов. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БГУ, 2018. С. 209–212.

18. *Сактаганова З.Г., Абдукаримова Ж.К.* Эвакуация детских домов и интернатов в годы Великой Отечественной войны в Казахскую ССР // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 151–165.

19. *Шафигуллина О.* Эвакуация детей в ТАССР в годы Великой Отечественной войны // Эхо веков. 2012. № 3–4. С. 81–86.

20. *Шерстобитова К.В.* Эвакуация детей на Западный Урал в годы Великой Отечественной войны // Трансформация права: материалы VII Всероссийского научно-практического форума студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 3–6 декабря 2024 г.). Екатеринбург: УГЮУ им. В.Ф. Яковлева, 2025. С. 603–608.

21. Эвакуация советских детей в Центральный Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы истории. 2021. № 8–2. С. 4–16.

УДК 94(47)084.8:338.48:930.2

А.В. Морозов, О.Н. Морозова

ЭВАКУАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы современной российской историографии к изучению эвакуации предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Исследуются региональные аспекты эвакуации на примере Урала, Сибири, Поволжья, как основных центров размещения перебазированных производств. Выявляются тенденции современной историографии: рост интереса к микроистории (история отдельных заводов и коллективов), расширение источниковой базы и др. Делается вывод о значимости изучения эвакуации предприятий как ключевого фактора военно-экономической мобилизации СССР и подчеркивается необходимость дальнейшей детализации данных на основе новых архивных источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация предприятий, историография, современный дискурс, основные проблемы исследований.

A.V. Morozov, O.N. Morozova

EVACUATION OF ENTERPRISES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article examines approaches of contemporary Russian historiography to the study of the evacuation of enterprises during the Great Patriotic War (1941–1945). Regional aspects of evacuation are explored using the examples of the Urals, Siberia, and the Volgaregion as the main centers for relocated industries. Trends in contemporary historiography are identified: the growing interest in microhistory (the history of individual factories and collectives), the expansion of the source base, and others. The article concludes on the importance of studying the evacuation of enterprises as a key factor in the USSRs military-economic mobilization and emphasizes the need for further datadetailing based on new archival sources.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation of enterprises, historiography, contemporary discourse, main research issues.

Эвакуация промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны имела особое значение для победы и формирования мощной мобилизационной экономики СССР в 1941–1945 гг. Данная проблема получила широкое освещение в советской исторической литературе, не обошла стороной эту тему и современная наука. В литературе нашли отражение основные вопросы, связанные с масштабами эвакуации 1941–1942 гг., ключевыми регионами размещения предприятий (Поволжье, Урал, Сибирь, Средняя Азия и др.), различными социальными, материальными и психологическими проблемами, сопровождавшими процесс перемещения огромных масс людей и материальных ценностей.

Цель данной небольшой статьи заключается в анализе того как современные российские исследователи (и в какой-то степени тяготеющие к ним ученые стран СНГ) изучают эвакуацию предприятий в период Великой Отечественной войны, какие аспекты привлекают наибольшее внимание и какие новые подходы применяются.

Советская историография была скована идеологическими рамками и пыталась представить процесс эвакуации предприятий как целиком и полностью контро-

лируемый партийными, государственными и хозяйственными органами [4, с. 139]. Основное внимание уделялось анализу различных нормативно-правовых актов, регулирующих эвакуацию предприятий, макроэкономическим процессам, освещению истории эвакуации важнейших оборонных предприятий и роли партии в этом процессе. Трудности и проблемы, возникавшие в ходе эвакуации нередко затушевывались или вообще оставались без внимания исследователей.

Современные тенденции в изучении эвакуации предприятий обусловлены все еще сохраняющимся плюрализмом методологических подходов и смещением фокуса с макропроцессов на микроисторию – историю эвакуации отдельных заводов, трудовых коллективов, а также отдельных партийных, государственных и хозяйственных деятелей, руководивших эвакуацией и т. д. [4, с. 140; 8, с. 56–59; 9; 13; 30–31]. В этом длинном ряду авторов можно, например, назвать исследования С.А. Пьянкова, посвященные эвакуации Московского автомобильного завода им. Сталина (ЗиС) [20–21], процессу становления кузнечно-прессового производства в Челябинске на основе мощностей ЗиС [19]. Современные исследователи, получив доступ к новым архивным документам, попытались осветить ранее неизученные моменты истории эвакуации и пришли к ряду неоднозначных выводов, в частности о том, что «работа по эвакуации населения и промышленных предприятий на местах часто решалась конкретными людьми, руководствовавшимися личными интересами, использующими свое служебное положение в ущерб интересам руководимых ими предприятий и трудовых коллективов» [1, с. 2243]. А.С. Абдирайымова и Е.В. Ануфриева считают, что некоторые руководители эвакуируемых заводов и фабрик во время эвакуации стремились в первую очередь отправить свое имущество и семьи, отодвигая государственные интересы на второй план [1, с. 2241]. Однако, по нашему мнению, основываясь на отдельных фактах, вероятно, имевших место, нельзя составить объективную картину происходящего. Значительная масса источников свидетельствует о трудовом героизме большинства советского народа, в том числе и участвующего в эвакуации промышленности [12, с. 35; 25, с. 356, 358].

Современные исследователи по-прежнему подчеркивают роль государственных органов и местных властей в организации эвакуации [3]; анализируют проблемы координации между наркоматами, ведомствами и регионами [6], изучают проблемы, связанные с логистикой и транспортом [1, с. 2242].

В историографии первых двух десятилетий 2000-х гг. широко представлена география эвакуации предприятий, отражающая почти все регионы СССР [16–17; 22; 25; 27–29]. На примере отдельных населенных пунктов, в которые эвакуировались работники и предприятия, рассматривается процесс изменения экономических статусов районов эвакуации, предпринимается попытка оценки вклада эвакуированных предприятий в наращивание военного производства и экономического потенциала регионов. Так, Н.А. Антипин отмечает, что «эвакуация промышленных предприятий и населения стала фактором “глобализации” Челябинской области. Регион в целом и отдельные его районы, например, Сатка, получили новейшее и технологичное оборудование, дополнительные вложения в развитие, импульс модернизации промышленности. Эвакуация повлияла также на повышение уровня кадрового потенциала региона» [2, с. 66]. То же самое, как показывают О.А. Кошкина и П.О. Леханов, происходило в Марийской АССР [10, с.64], в Ульяновской области «среди всех эвакуированных заводов самым крупным и значимым для Ульяновска был автозавод им. Сталина, который впоследствии стал градоформирующим предприятием, в котором работал почти каждый восьмой трудоспособный житель города» [14, с. 99].

С.В. Горбунов пишет, что Стерлитамак, как и вся Башкирия, благодаря эвакуации предприятий «пережил промышленную революцию» [5, с. 195]. Подобные процессы происходили повсеместно. Так, в Астраханский округ, ставший в годы войны

ключевым промежуточным центром «эвакуации населения и промышленности из западных прифронтовых регионов» было перемещено более 120 крупных оборонных и машиностроительных заводов из Москвы, Ленинграда, Харькова и Сталинграда [7, с. 19]. Но, как указывают В.А. Дурманова и С.В. Лебедев, «социальные последствия этих процессов были масштабными. Плотность населения в Астрахани увеличилась более чем вдвое, что вызвало нехватку жилья, ухудшение санитарных условий и резкий рост заболеваемости» [7, с. 19].

Оренбург за годы войны, благодаря эвакуированным предприятиям, «смог добиться серьезных успехов в увеличении объемов производства», «стал крупным промышленным центром на тот период» [15, с. 165]. М.Б. Огнетова в своей статье указывает, что «в годы войны из 68 заводов Наркомата боеприпасов (НКБ) было эвакуировано на восток 38 заводов, в том числе на Урал – 22 завода. К началу 1942 г. большинство вывезенных заводов давали продукцию. Довоенного уровня производство боеприпасов достигло к концу 1942 г.» [17, с. 73]. Е.Ю. Стародубцев также пишет о том, что эвакуация 81 предприятия на территорию Кемеровской области «вызвала невиданный рост промышленного потенциала региона. Кузбасс стал одним из крупнейших экономических центров страны» [24, с. 317]. Казань в годы войны также превратилась в крупный промышленный центр, «значительную часть предприятий которого составили заводы и фабрики, прибывшие сюда в процессе эвакуации» [25, с. 358].

Не вдаваясь в перечисление количественных данных эвакуированных предприятий, отметим, что до настоящего времени существуют разные точки зрения на эффективность эвакуации. Так, О.Б. Мозохин утверждает, что «перебазирование промышленности на восток СССР было проведено исключительно быстро и эффективно, что позволило сохранить экономический потенциал страны для последующего мощного развития военной экономики» [12, с. 36]. С.А. Пьянков, напротив, пишет: «...сведения о становлении отдельных заводов в тылу свидетельствуют, что запуск эвакуированного производства давался советским гражданам в результате приложения неимоверных усилий и личного самопожертвования» [19, с. 60]. Однако наиболее распространенная точка зрения звучит следующим образом: «Благодаря сохраненному оборудованию, технике и кадрам получилось создать крупное военное производство, которое стало материальным фундаментом победы СССР в войне над германо-фашистскими захватчиками» [26, с. 122].

Е.В. Бодрова и В.В. Калинов, изучавшие процесс эвакуации предприятий Наркомата вооружения (НКВ), отмечали, что «не все, что планировалось, удавалось реализовать, в том числе из-за некомплектности, сбоев в работе железной дороги, дефицита кадров и потерь при перевозке. Форсированная эвакуация была не только очевидно сложным процессом, но и подчас требовала поистине героических усилий» [3, с. 39]. По их подсчетам, «только в Сибирь было эвакуировано более 400 предприятий, но не хватало площадей для размещения, рабочих рук, строительных материалов» [3, с. 40]. Авторы считают, что только «централизация и жесткая дисциплина смогли в итоге обеспечить оптимальную управляемость государственных, военных и политических структур» в период Великой Отечественной войны [3, с. 41]. Ситуация с работниками почти везде была похожей: «На промышленных предприятиях остро стоял вопрос недостатка профессиональных рабочих кадров, как, например, станочников, наладчиков револьверных станков, токарей, операторов фрезерных станков, гальваники, сталеплавильщиков, термистов и т. д.» [14, с. 99]. Т.З. Рысбеков и Е.А. Калинина подтверждают, отмечая ситуацию в Уральске: «...производственных площадей не хватало, поэтому эвакуированным предприятиям передавалась значительная часть рабочих площадей местных заводов, фабрик, мастерских, гаражей, вплоть до школьных зданий» [23, с. 275].

В.А. Гуськов, изучавший проблемы восстановления производства на новых местах, отмечал, что «хотя значительная часть советской тяжелой и особенно военной промышленности была успешно вывезена на восток за четыре-пять месяцев, это сопровождалось неизбежным снижением производства. Советский оборонно-промышленный комплекс (ОПК) на новом месте столкнулся с огромными трудностями. В силу ряда причин оборудование сопровождало только 40–50 % персонала. На перемещенных предприятиях попросту не хватало рабочих рук» [6, с. 145]. В.О. Кривов отмечает, что «отсутствие полной количественной информации о числе эвакуированных предприятий и людей ограничивает нашу возможность получить полную картину и оценить истинные масштабы этого феномена» [11, с. 200].

Большое значение для современной историографии имеет статья М.Н. Потемкиной и А.Ю. Климанова [18], которая является одной из первых удачных комплексных попыток анализа современной отечественной историографии эвакуации промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны. Авторы осветили основные подходы к изучению проблемы, рассмотрели региональные особенности эвакуации предприятий, показали перспективные направления изучения проблемы на пути создания полноценной концепции промышленной эвакуации в годы Великой Отечественной войны [18, с. 766]. Они также сформулировали основные тезисы современной концепции эвакуации, в которых большинство исследователей проблемы пришло к консенсусу. Это, во-первых, тезис об отсутствии в СССР заранее подготовленных эвакуационных планов и разработанного эвакуационного механизма к началу войны. Во-вторых, тезис о том, что эвакуация предприятий вызвала рост оборонного потенциала страны и явилась одним из факторов Победы. В-третьих, тезис о влиянии эвакуированных предприятий (не подлежавших реэвакуации в послевоенный период) на последующее индустриальное развитие регионов-реципиентов [18, с. 765]. Они также зафиксировали факт того, что «конфликт точек зрения в современной российской историографии касается вопроса об эффективности советской экономической системы в чрезвычайных условиях войны. Одни считают, что эвакуация продемонстрировала ее успешное функционирование, другие делают вывод о том, что только трансформация управленческих практик в условиях войны позволила осуществить эвакуацию и адаптацию промышленных предприятий в тыловых регионах [18, с. 766]. Выводы данных ученых коррелируются и с нашими собственными наблюдениями, основанными на изучении проанализированных в данной статье исследований.

Безусловно, данными работами и сюжетами не исчерпывается вся проблематика эвакуации предприятий в годы Великой Отечественной войны. Проблема нуждается в комплексном исследовании на основе новых архивных документов и источников личного происхождения. Но уже сейчас можно отметить значительный вклад современных исследований в историческую науку и общественное сознание. В научный дискурс введены новые знания о механизмах мобилизации экономики в экстремальных условиях войны. Сделана серьезная попытка восстановления индивидуальных историй эвакуированных предприятий и трудовых коллективов. Кроме того, изучение истории эвакуации предприятий имеет не только большой исторический, но и практический интерес, вызванный военно-политическими процессами, происходящими в современном мире.

Литература и источники

1. *Абдирайымова А.С., Ануфриева Е.В.* Организационные аспекты эвакуации промышленных предприятий в Казахскую ССР в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2021. Т.14. № 11. С. 2240–2244.

2. *Антипин Н.А.* Эвакуация предприятий и населения в Сатку в годы Великой Отечественной войны // Горное сердце Евразии: сборник избранных материалов I Всероссийской научно-практической краеведческой конференции, посвященной 95-летию Саткинского муниципального района (Сатка, 1–2 февраля 2022 г.). Челябинск: ЧГУ, 2022. С. 64–67.

3. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Эвакуация и восстановление предприятий Наркомата вооружения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 34–44.

4. *Викторова Л.К.* Эвакуация населения и промышленности в годы Великой Отечественной войны // Труды студенческого научного общества: сборник научных статей. Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. С. 138–143.

5. *Горбунов С.В.* Эвакуация заводов и фабрик, населения и учреждений на территорию Башкирии и их размещение в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2007. № 1 (36). С. 103–108.

6. *Гуськов В.А.* Опыт эвакуации и запуска предприятий оборонно-промышленного комплекса в годы Великой Отечественной войны // Перспективные технологии для систем безопасности. 2023. № 1 (1). С. 140–152.

7. *Дурманова В.А., Лебедев С.В.* Эвакуация населения, объектов промышленности в Астраханский округ Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XIX Всероссийской научной конференции к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Астрахань, 22 мая 2025 г.). Астрахань: Астраханский гос. ун-т им. В.Н. Татищева, 2025. С. 19–21.

8. *Елохов В.В., Корнаковский И.Л.* Массовая эвакуация 1941 года как феномен Великой Отечественной войны // Прикоснись сердцем к подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 сентября 2022 г.). Москва: Дашков и К, 2022. С. 45–64.

9. *Запарий В.В.* Эвакуация танковых заводов на Урал в годы Великой Отечественной войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 86. № 1. С. 53–58.

10. *Кошкина О.А., Леханов П.О.* Проблемы эвакуации промышленного оборудования московских заводов и создание крупных предприятий в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 1 (41). С. 60–66.

11. *Кривов В.О.* Современная историография советской эвакуации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летнему юбилею И. Канта): сборник статей по материалам XIX Международной научной конференции (Нижний Новгород, 20 января 2024 г.). Нижний Новгород: НГАСУ, 2024. С. 196–202.

12. *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 20–37.

13. *Музыченко В.В.* А.Н. Косыгин. Эвакуация промышленности в годы Великой Отечественной войны // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А.Н. Косыгина: материалы XXX международной научной конференции: в 3 т. (Санкт-Петербург, 11 апреля 2024 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 644–648.

14. *Мухамедов Р.А., Карпов А.В., Фролов А.Ю.* Эвакуация промышленных предприятий в Ульяновск в годы Великой Отечественной войны // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 95–102.

15. *Мякинина Н.П., Капкова А.И.* Оренбуржье – район промышленной эвакуации в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 4 (4). С. 160–165.

16. *Неганов С.В., Старкова Н.А.* Эвакуация из Ворошиловградской (ЛНР) и Сталинской (ДНР) областей в Молотовскую область в годы Великой Отечественной войны // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). Донецк: Донецкий гос. ун-т, 2024. С. 138–139.

17. *Огнетова М.Б.* Эвакуация Ленинградских предприятий в Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация: сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научной конференции (Пермь, 08–10 ноября 2024 г.). Пермь: Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», 2025. С. 66–77.

18. *Потемкина М.Н., Климанов А.Ю.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772.

19. *Пьянков С.А.* Челябинский кузнечно-прессовый завод в годы Великой Отечественной войны: эвакуация и становление предприятия // Танкоград в Великой Отечественной войне: малоизученные страницы истории: материалы Всероссийской научной конференции (Челябинск, 21–22 августа 2024 г.). Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2024. С. 50–61.

20. *Пьянков С.А.* Эвакуация Московского автозавода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны в город Шадринск: воспоминания Л.Я. Пучкова // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 253–262.

21. *Пьянков С.А., Сушков В.А.* Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны: от проектов к реализации // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 435–455.

22. *Руф В.С.* Эвакуация промышленного сектора на Урал в годы Великой Отечественной войны // Эволюция российского права: материалы XXI международной научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 28 апреля 2023 г.). Екатеринбург: Уральский гос. юридич. ун-т им. В.Ф. Яковлева, 2023. С. 318–325.

23. *Рысбеков Т.З., Калинина Е.А.* Эвакуация предприятий и населения в годы Великой Отечественной войны в Уральск // Вестник ЗКУ. 2021. № 1 (81). С. 272–278.

24. *Стародубцев Е.Ю.* Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24. № 3. С. 312–318.

25. *Тимофеева Л.С., Вагапова Ф.Г.* Эвакуация предприятий оборонной промышленности в Казань в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сборник статей по материалам Международной научной онлайн-конференции (Казань, 20–21 октября 2020 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 350–359.

26. *Топчиенко М.В., Русанов А.Ю., Кураев А.М.* Анализ эвакуации танковой промышленности на Урал и в Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Архив в социуме – социум в архиве: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Челябинск, 28–29 сентября 2023 г.). Челябинск: ОГАЧО, 2023. С. 121–123.

27. *Хаблиева Л.Ч.* Эвакуация предприятий и населения с территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 12 (42). С. 49–51.

28. *Цыплин В.Г., Аракчеева Е.С.* Эвакуация промышленных предприятий СССР в Саратовскую область в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 16 мая 2024 г.). Чебоксары: Среда, 2024. С. 220–223.

29. *Шабельник Н.В.* Эвакуация промышленности Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9–1 (59). С. 202–205.

30. *Шарапова Л.И.* Об эвакуации предприятий в годы Великой Отечественной войны на страницах энциклопедий // Вопросы энциклопедистики. 2020. № 1 (3). С. 48–52.

31. *Яковкин Н.Н.* Проблема эвакуации промышленных предприятий в город Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: материалы симпозиума XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Кемерово, 25 апреля 2024 г.). Кемерово: КГУ, 2024. С. 50–52.

УДК 325.111

В.И. Мусаев

СПЕЦЭВАКУАЦИИ ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 ГОДАХ

Аннотация. Во время Великой Отечественной войны, наряду с обычными, проводились принудительные эвакуации с территорий, которые могли оказаться в зоне военных действий. Под эти так называемые спецэвакуации попадали лица, вызывавшие у властей сомнение в отношении политической благонадежности, в первую очередь этнические немцы и представители титульных национальностей других государств, участвовавших в войне на стороне Германии. На Северо-Западе России это коснулось в основном финнов – жителей Ленинградской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, спецэвакуация.

V.I. Musaev

SPECIAL EVACUATIONS FROM THE LENINGRAD REGION IN 1941–1942

Abstract. During the Great Patriotic War, along with the usual, forced evacuations were carried out from territories that could be in awar zone. These so-called special evacuations targeted individuals whose political reliability the authorities considered questionable, primarily ethnic Germans and representatives of the titular nationalities of other states that had fought on Germanys side. In northwestern Russia, this primarily affected the Finns living in the Leningrad region.

Keywords: the Great Patriotic War, Leningrad region, special evacuation.

Через три дня после нападения Германии на Советский Союз, 26 июня 1941 г., Финляндия вступила в войну на стороне Германии. Ленинградская область с первых дней войны оказалась прифронтовой зоной. В этих условиях оставлять в городе и области финское и немецкое население власти не считали допустимым. 24 августа А.А. Жданов, В.М. Молотов и ГМ. Маленков в секретном письме И.В. Сталину сообщали о принятом ими решении эвакуировать из Ленинградской области 88 700 финнов и 6700 немцев. При определении этих цифр за основу брались данные переписи населения 1939 г., согласно которым на территории Парголовского, Всеволожского, Красногвардейского (Гатчинского) и пяти других наиболее близко расположенных к Ленинграду районов области проживало 88 764 этнических финна (с населением городов и поселков городского типа – 91 494)[11, л. 50–51]. В действительности к августу 1941 г. численность финского населения этих районов оставалась, по всей видимости, несколько меньшей, так как часть мужчин призывного возраста была мобилизована в действующую армию. Планировалось переместить в Казахстан – 15 тыс. чел., в Красноярский край – 24 тыс., в Новосибирскую область – 24 тыс., в Алтайский край – 12 тыс. чел. и в Омскую область – 21 тыс. чел. [6, с. 213].

Через день Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинградской области» за № 196/сс. Эвакуацию предписывалось провести в срок с 27 августа по 7 сентября. Местами назначения эвакуируемого населения были определены Коми АССР и г. Котлас Архангельской области. Осуществление эвакуации возлагалось на областное управление НКВД. На местах проведением эвакуационных мероприятий

руководили тройки в составе представителей исполкома районного совета, райкома партии и уполномоченного райотдела НКВД. Эвакуируемым разрешалось взять с собой продукты питания весом в пределах 200 кг на семью, одежду, белье, предметы первой необходимости и мелкий сельскохозяйственный инвентарь. В случае сопротивления эвакуации или отказа от выезда предписывалось выявлять и арестовывать зачинщиков [11, л. 36–39]. Решение об эвакуации финского и немецкого населения было подтверждено секретным приказом НКВД СССР от 30 августа 1941 г. за № 001175 «О мерах по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР», согласно которому операцию надлежало провести в срок с 31 августа по 7 сентября 1941 г., 96 тыс. чел. следовало вывезти из Ленинградской области и расселить в четырех областях Казахской ССР. Проведение операции было возложено на заместителя народного комиссара внутренних дел В.Н. Меркулова [3, л. б/л].

Осуществить это решение тогда удалось только частично, так как немецкое наступление развивалось стремительно, в августе немецкие войска заняли Лугу, Нарву, Кингисепп, Красногвардейск (Гатчину), Мгу, Тосно и Колпино, 8 сентября Ленинград был блокирован. Прежде чем железнодорожное сообщение с городом было перерезано, успели вывезти около 28 тыс. этнических финнов и немцев [12, p. 251]. Оставлять их в осажденном городе не считали желательным: существовали опасения, что оставшиеся в Ленинграде и окрестностях финны и немцы могут заниматься шпионажем и провокаторством. Сохранилось, в частности, письмо командующего ВВС Ленинградского фронта к председателю Ленсовета П.С. Попкову от 25 сентября 1941 г., в котором утверждалось, что финны и немцы – жители колонии Смольнинская во Всеволожском районе, неподалеку от которой был расположен аэродром бомбардировочной авиации, враждебно настроены против советской власти, что колония «кишит шпионами», а во время авианалетов со стороны колонии в сторону аэродрома пускаются ракеты. В письме содержалась просьба «ускорить выселение жителей колонии Смольнинская» [8, с. 60]. Возможно, среди остававшихся в кольце блокады финнов и были лица, не сочувствующие советской власти, однако совершенно абсурдной выглядит информация областного управления НКВД о раскрытии среди ингерманландцев некоей «контрреволюционной повстанческой организации» [2, с. 35]. По данным В.А. Иванова, изучавшего уголовные дела этого периода, по таким статьям, как шпионаж, диверсии, террор, вредительство и т. п., финны и немцы привлекались куда реже, чем русские, украинцы или евреи [5, с. 258].

20 марта 1942 г. было принято повторное постановление Военного Совета Ленинградского фронта за № 00714/а о высылке оставшихся внутри блокадного кольца финнов и немцев [10, с. 25–26]. За неделю до этого постановления, 12 марта, народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия утвердил план, согласно которому около 50 тыс. чел. из числа эвакуированных из прифронтовых местностей по специальному плану должны были быть направлены на рыбные промыслы Сибири – в Красноярском крае, Омской и Иркутской областях [4, л. 30]. Именно в эти области и решено было отправить ленинградских финнов и немцев. Исполком Леноблсовета и областное управление НКВД должны были начать проведение операции 26–27 марта. Фактически выселение началось раньше, еще до выхода постановления Военного Совета Ленфронта: уже 17–18 марта с Финляндского вокзала в сторону станции Борисова Грива были вывезены 10 474 финна и немца, проживавшие в Ленинграде [5, с. 259]. С территории области, из Парголовского, Всеволожского, Слуцкого (Павловского), Ораниенбаумского районов и из городов Колпино и Сестрорецк, по расчетам исполкома Ленсовета, эвакуации подлежали 27 942 чел., из которых до 27 марта надо было вывезти 20 568 чел., остальные 7374 чел. эвакуировались позднее. Подлежавшие эвакуации оповещались за 24 часа до срока выезда. Большую часть имущества приходилось оставлять на месте, скот

отбирался под расписки. Затем высылаемые перевозились по льду Ладожского озера на «большую землю» и далее отправлялись эшелонами вглубь страны [11, л. 14].

Высланные впоследствии вспоминали о том, как все это происходило: «Пришли военные и силой выгнали нас на улицу. До сих пор в глазах стоит дверь, заколоченная крест-накрест. По дороге через озеро было холодно, детей завернули в одеяло, молили, чтобы не умерли от холода. На станции Бабаево умер больной свекор. Хоронить не было возможности. Поражали горы трупов, которые складывали у станций» (М.И. Хусу) [7, с. 66]. «23 марта 1942 г. мы были отправлены эшелоном из поселка Токсово Ленинградской области, затем через Ладогу (по "Дороге жизни") под усиленной бомбежкой, в ходе которой многие из переселенцев утонули... Затем снова в "телячьих вагонах", без каких бы то ни было удобств, с плохим питанием, под усиленной охраной проследовали по железной дороге до станции с красивым названием Зима, далее пароходом по Ангаре, после на машинах до Усть-Кута и далее на баржах до устья Лены, где проживали в поселке Быков Мыс-Булунского района. Какими были жилищные условия? Люди пристроились в бондарной мастерской, в трюмах разбитой баржи, в юртах из дерна...» (Р.И. Хаукка и Ф.М.Ахава) [1, с. 97]. «22 марта 1942 года объявили, чтобы к утру все были готовы к выезду, предупредив, что с собой разрешается брать груза не более 30 кг на человека. Утром прибыли военные машины и увезли все ингерманландские семьи из деревни. Повезли нас по льду Финского залива сперва в Кронштадт, оттуда в Лисий Нос, затем в Ленинград и на Ладогу. За "Дорогой жизни" нас поджидал товарный состав. Погрузили нас в вагоны как скотину, где все удобства – нары и посреди вагона – железная печка. Везли нас в ужасных антисанитарных условиях, голодные истощенные люди начали болеть дизентерией и тифом. Многие не доехали до места спецпоселения. Трупы из вагонов выносили на больших станциях военные из сопровождающей нас охраны» (М.И. Маллинен) [2, с. 48]. Бывший житель пос. Колтуши Л. Стрём рассказывал в интервью о своей эвакуации в Сибирь весной 1942 г.: его партия была отправлена в конце марта через Ладогу, опять же под немецкими бомбами. Далее путешествие в Сибирь продолжилось в товарных вагонах и длилось около месяца, прежде чем эшелон прибыл Красноярск. Здесь были оставлены старики и дети, а более молодых и крепких отобрали для отправки в район устья Енисея на рыбные промыслы. Стрёму и другим пришлось преодолеть еще около 200 км вниз по Енисею. «Никто не спрашивал у нас, умеем мы ловить рыбу или нет. Нас вообще ни о чем не спрашивали, только возили нас как рабов. Среди нас были по большей части ингерманландцы, но был также один русский, немцы и латыши. Нас довезли до порта Дудинка. Оттуда недалеко было уже до Северного Ледовитого океана» [13, s. 141–142].

Эвакуация проводилась интенсивно, «плановые показатели» заметно перекрывались: так, из Парголовского района к исходу 27 марта вместо 11 505 чел. было вывезено около 13 800 чел., из Всеволожского – 12 080 чел. вместо 11 379 чел. [5, с. 260]. Согласно донесениям из районов, «в целом эвакуация финско-немецкого населения прошла организованно и без каких-либо серьезных происшествий», хотя «со стороны отдельных лиц были заявления, что они отказываются выполнить распоряжение об эвакуации». Довольно неожиданно на проведение эвакуации подчас реагировало соседнее русское население. Как сообщал секретарь Ораниенбаумского райкома ВКП(б) И. Кирьянов, «во всех почти сельсоветах зарегистрированы многочисленные факты, когда отдельные лица из русского населения просили включить их в список подлежащих обязательной эвакуации и выражали недовольство тем, что им в этом отказывают» [11, л. 5]. Всего в марте-апреле 1942 г. «по специальному плану» из Ленинграда и Ленинградской обла-

сти были эвакуированы 38 112 чел., среди которых этнические финны составляли большинство, но были и немцы, а также лица, высылаемые в административном порядке, без различия национальности, как «политически сомнительные граждане», в соответствии с постановлением Военного Совета Ленинградского фронта от 11 марта [4, с. 35]. Данные об этническом составе эвакуированных удалось найти только по Ораниенбаумскому району, из которого было вывезено 4485 финнов, 166 немцев и 124 чел. «по специальному списку» [11, л. 5].

По сведениям отдела спецпоселений НКВД на 2 июня 1942 г., в общей сложности на спецпоселение поступили 44 737 финнов, эвакуированных из Ленинграда и неоккупированных районов области в 1941 и 1942 гг. Из них в Красноярском крае были поселены 17 837 чел., в Иркутской области – 8267, в Омской – 3602 (общая численность «спецконтингента» эвакуированных из Ленинградской области, размещенного по указанным областям, составляла 18 895, 8625 и 6247 чел. соответственно, из Иркутской области 3485 чел. были отобраны для отправки в Якутию) [4, л. 30–32]. Однако и эти цифры нельзя считать окончательными, так как эвакуация продолжалась и в июне. В Омскую область, в частности, в этом месяце дополнительно прибыл 4321 чел. Всего же, по данным на 5 июля 1942 г., численность финнов, немцев и административно-высланных из Ленинградской области, поступивших в Красноярский край, Иркутскую и Омскую области, составила 40 824 чел. [4, л. 35, 38]. Около 22 900 финнов и немцев, эвакуированных еще в 1941 г., оказались в Вологодской области, 350 – в Кировской [4, л. 30]. Сохранилась также справка начальника УНКВД по Ленобласти от 1 октября 1942 г., согласно которой, из Ленинграда и пригородных районов было выселено в общей сложности 58 210 финнов и немцев [8, с. 442].

В ходе финского наступления в Олонецкой Карелии летом и осенью 1941 г. значительная часть местного населения была эвакуирована в тыл. Бывшие ингерманландские «кулаки», высланные в 1930-е гг. на Кольский полуостров, а в 1940 г. поселенные в Карелии, также не были оставлены на месте. В справке Наркомата госбезопасности КФССР о политических настроениях населения республики от 30 июля сообщалось о том, что «часть подучетного элемента, в том числе финнов, с началом военных действий резко изменила свое поведение и внешне проявляет себя с положительной стороны» [9, с. 20]. Однако власти предпочли все же отправить их подальше от зоны военных действий: осенью 1941 г. ингерманландцы были эвакуированы из Карелии в восточные части страны, в частности, в Среднюю Азию. В декабре 1941 г. НКВД КФССР сообщал в НКВД СССР об отправке в тыл из Пудожского и Кемского районов 2435 чел. «спецконтингента» [9, с. 33]. По всей видимости, речь шла в первую очередь именно об ингерманландцах, которые проживали в основном в Пудожском районе.

В местах поселения эвакуированные финны оказались на положении спецпоселенцев, хотя какого-либо формального постановления о зачислении их на спецпоселение в течение достаточно долгого времени не было. В 1943 г. НКВД предложил местным властям «всех лиц финской национальности, переселенных в 1942 г., снять с учета и не считать спецпоселенцами, оставив при этом на жительстве как административно высланных». Однако 29 декабря 1944 г. НКВД был издан приказ № 274, согласно которому эвакуированные финны подлежали постановке на учет по линии спецотдела комиссариата [1, с. 97]. Вероятно, издание этого приказа было связано с тем обстоятельством, что после распоряжения СНК СССР от 11 августа 1944 г. о реэвакуации в Ленинградскую область населения к прежнему месту жительства многие находившиеся в эвакуации финны начали подавать заявления о разрешении вернуться

в родные места, однако власти считали нежелательным это допускать. Снова сняты с учета спецпоселений эвакуированные финны были уже после войны, в январе 1946 г.

В заключение следует отметить, что проведение подобных спецэвакуаций не было сугубо советской спецификой. Жесткие меры, направленные против представителей «неблагонадежных» национальностей, принимались во время войны всеми сторонами, в том числе западными демократиями. В Великобритании после начала Второй мировой войны интернированию подверглись все лица немецкого происхождения. В США после японского нападения на Пёрл-Харбор в специальные лагеря были помещены все жители Америки – этнические японцы. Подобные меры, как бы к ним ни относиться, были обычной практикой военного времени.

Литература и источники

1. *Бугай Н.Ф.* Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С. 83–102.

2. *Гильди Л.А.* Народ-изгой в России: ингерманландские финны в России. Санкт-Петербург: [б. и.], 2006. 293 с.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1.

4. ГА РФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 107.

5. *Иванов В.А.* Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Санкт-Петербург: Лисс, 1997. 462 с.

6. Из архива партии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 137–223.

7. Из истории ингерманландских финнов // Радуга. 1990. № 10. С. 56–73.

8. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. Санкт-Петербург: Лики России, 1995. 640 с.

9. Неизвестная Карелия. 1941–1956. Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск: СДВ-Оптима, 1999. 307 с.

10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 19. Д. 25.

11. ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 58.

12. *Gelb M.* The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. Vol. 24. № 2. 1996. P. 238–262.

13. *Miettinen H.* Inkeriläiset maaton kansa. Helsinki: Otava, 1989. 329 s.

УДК 930.2

М.С. Носова

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ТЫЛ: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ВОЙНЫ В МИР (НА ПРИМЕРЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ В СИБИРЬ ИЗ ЛЕНИНГРАДА)

Аннотация. В первые месяцы войны эвакуация была основной возможностью спасения мирного населения. Люди уезжали сами и организованно с заводами, фабриками и детскими домами. В статье на основании личных источников приводится взгляд эвакуированных на размещение и особенности быта в Сибири. Авторы – люди разного возраста и положения, что позволяет увидеть жизнь эвакуированных в разных ракурсах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дневники, воспоминания, эвакуация, повседневность.

M.S. Nosova

THE LONG ROAD TO THE REAR: A JOURNEY FROM WAR TO PEACE (USING THE EXAMPLE OF THOSE EVACUATED TO SIBERIA FROM LENINGRAD).

Abstract. In the first months of the war, the main opportunity to save the civilian population. People left on their own and in an organized manner with factories, factories and orphanages. Based on personal sources, the article presents the evacuees view of the road and the peculiarities of life in Siberia. The authors are people of different ages and positions, which allows us to see the life of the evacuees from different angles.

Keywords: the Great Patriotic War, diaries, memories, evacuation, everyday life.

Благодаря расположению в глубоком тылу Омская область в годы Великой Отечественной войны стала одним из крупных пунктов эвакуации гражданского населения, семей с детьми и детских учреждений. Полной статистики эвакуированных в область граждан исследователями не выявлено. По подсчетам М.А. Кожевиной, «за годы войны в Омской области были размещены 272,6 тыс. чел. Из них 40–50 % взрослых и детей из Ленинградского региона» [4, с. 789].

Разрозненные данные Исторического архива Омской области дают лишь приблизительные сведения о том, какими партиями и откуда прибывали эвакуированные. В исторической литературе принято подразделять эвакуацию населения из Ленинграда на три этапа [2]:

– с 29 июня по 27 августа 1941 г.; этот этап характеризуется нежеланием населения уезжать из города; в результате в городе осталось около 400 тыс. детей; по данным фондов Музея обороны и блокады Ленинграда, в указанный период из города были вывезены 488 703 чел., из них 219 691 ребенок;

– с середины сентября 1941 до апреля 1942 г. эвакуация проводилась тремя способами: 1) водным транспортом через Ладожское озеро до Новой Ладоги, а затем до станции Волховстрой автотранспортом; 2) авиацией; 3) по ледовой дороге через Ладожское озеро; за время этого этапа из города, в основном по «Дороге жизни» через Ладожское озеро, вывезены в общей сложности около 659 тыс. чел.;

– с мая по октябрь 1942 г., когда после освобождения Ладожского озера от льда в тыл было отправлено еще 403 тыс. чел.

В главной газете региона «Омская правда» прибытие эвакуированных в город отражалось регулярно [5]. Корреспонденты рассказывали читателям как о положительных примерах размещения, так и о проблемах, возникающих в регионе.

Цель нашей статьи – это не рассказ о статистике эвакуированных в Омскую область, а показ частных примеров из жизни людей, оказавшихся в далекой Сибири на основании их личных документов (дневников, воспоминаний, личных публикаций). И увидеть, где для обычного человека заканчивалась «долгая дорога в тыл».

В источниках личного происхождения мы находим яркие и эмоциональные (не всегда положительные) описания дороги в тыл и налаживания быта в относительно мирных условиях. Пишутся они, как правило, значительно позже описываемых событий, что становится причиной некоторых неточностей в текстах, однако зачастую именно эти неточности позволяют понять, что именно автор источника запомнил ярче всего.

Первый герой – Ольга Викторовна Синакевич – учитель, пожилая женщина, которая описывала свое «путешествие» в дневниках и потом, уже спустя многие годы после войны, редактировала свои воспоминания, передав их в отдел рукописей Российской национальной библиотеки [6]. В первые дни войны она фиксировала, как быстро уезжали знакомые из замыкающегося в кольцо осады города:

«18-го июля мы проводили Катю с эшелоном на Омск, откуда она должна была поехать в Павлодар к отцу. Она уехала, так и не простившись с Алей, которая вернулась в Ленинград только на следующий день.

20-го уехала с эшелоном в Новосибирск Лиля Розанова.

21-го уехала с эшелоном в Новосибирск В.Г. Комм с сыном. В этот же день уехал на фронт (в южном направлении) Петя Станюкович.

23-го августа уехала с эшелоном в восточном направлении семья Ивановых, столько лет проживших в нашей квартире. Я провожала их» [7, л. 13].

Люди уезжали в Сибирь, в далекие и незнакомые тыловые города.

Сама Ольга Викторовна останется в Ленинграде в самую страшную зиму и уедет лишь после смерти мужа вместе с племянницей Лидией Александровной.

И здесь, в небольшом городке Иртышск, оказавшись в относительно мирных условиях, она столкнется с новыми проблемами. Местное руководство, не зная подробности о жизни в Ленинграде, не принимает во внимание истощение блокадников, и пожилой женщине дают только третью группу инвалидности, которая не позволяет получить какие-то поблажки в работе. Более того, Ольге Викторовне предлагают работу и удивляются ее аргументам в пользу того, что она не может работать. Поселились эвакуированные втроем с уехавшей в тыл ранее родственницей – Екатериной.

Ольга Викторовна занимается ведением нехитрого хозяйства, описывает частую нехватку продуктов и отмечает последствия голодной зимы – на физическую работу сил хватает, а вот стоять в очередях за продуктами сложно – теряет сознание. В общем настроении воспоминаний нет обиды и горечи, есть только усталость пожилого человека и желание зафиксировать происходящее вокруг.

Если взрослый человек может понять, что жизнь в стране слишком напряжена и все работают на износ, то подростки, сталкиваясь с несправедливостью огорчаются до глубины души. Так произошло с Ф.К. Надем. Он оказался в эвакуации на территории Омской области, так как дальнейшая дорога представлялась невозможной: «Ехать было очень тяжело, в поезде все время кто-то умирал, и приходилось ехать вместе с ними. Еще в Исилькуле жили родственники, и казалось, что пережить войну вместе будет легче».

Ференц Карольевич Надь, попавший в тыл из Ленинграда, помнит пренебрежение к нему, ведь в школе, в которой он оказался, до него одноклассники и учителя не видели блокадников, и о событиях в городе знали понаслышке. «В октябре пошел в

школу. Из ленинградских двое – я и сестра. Меня поразило, что дети могут бросаться хлебом, пинать горбушку как мяч» [3, л. 72]. Подобный факт, скорее всего, был невозможен: недостаток хлеба ощущался в области, и просто не было возможности както не по назначению его использовать.

После его рассказов о жизни в блокадном городе, очевидцем которой он был, его, подростка, вызвали сотрудники НКВД и предупредили, что рассказывать о подобном не стоит, аргументируя это тем, что его личный трудный опыт не означает, что всем ленинградцам плохо жилось [3, л. 73].

Трудно пришлось семье в первый сибирский год, пока не созрел новый урожай. В дневниках Ференц вспоминает, что Омскую область покидали с облегчением. Это, наверное, единственный пример, когда эвакуированные настолько негативно воспринимали бытовые сложности в тылу.

Еще одна категория эвакуированных – это дети. Мы рассмотрим воспоминания Александровой Маргариты Павловны, которой на момент начала войны было восемь лет. Ее воспоминания отличаются практически безоценочным описанием событий – в пересказах много восхищения дорогой (дети впервые увидели горы в дороге). Это можно объяснить тем, что свои воспоминания она восстанавливала спустя долгие годы для официальной публикации в журнале [1]. Быт в тыловом детском доме она вспоминает как организованную и спокойную жизнь, но тоже отмечается недостаток еды, дети даже написали письмо Сталину с жалобой на недостаток продуктов. Реакция была – после письма директора интерната сменили. Возвращения домой они тоже ждали с нетерпением, уже в 1944 г. ожидая писем от родных, что те могут забрать их домой.

Стоит отметить, что восприятие жизни в тылу напрямую зависит от возраста. Перенесшие достаточно тяжелые месяцы блокады взрослые ленинградцы полагали, что заслуживают большего внимания в тылу, и, сталкиваясь с трудностями, реагировали достаточно остро, в то время как дети достаточно легко переносили новые испытания. Однако, рассуждая об условиях жизни большинства эвакуированных ленинградцев, следует согласиться с М.А. Кожевиной: «Жизнь с момента размещения на омской земле сливалась с жизнью советского тыла, и каких-либо различий ни в труде, ни в быту между эвакуированными и местным населением, а также эвакуированными из разных регионов не проводилось, всех объединяла военная жизнь и одно желание – победить врага» [4, с. 789].

Литература и источники

1. *Александрова (Раутиан) М.П.* Воспоминания о годах войны // Псковский букет: альманах. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. Вып. 13 (16). С. 33–48.

2. *Букренева К.Г.* Эвакуация населения из Ленинграда: этапы, условия, численность // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19–2. С. 107–114.

3. Государственный исторический архив Омской области. Ф. Р-2915. Оп. 1. Д. 13.

4. *Кожевина М.А.* Омская область и ленинградцы во время войны // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. Москва: РОССПЭН, 2019. С. 782–826.

5. Омская правда: областная газета. 1941. № 252; 1942. № 6, № 9, № 57; 1945. № 152.

6. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 163. Д. 357, 358.

7. РНБ. Ф. 163. Д. 374.

УДК 94(470.344)-055.2”1941/1945”

А.А. Солнышкин

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «СПЛОЧЕННЫЕ ВОЙНОЙ: ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЛЕНИНГРАДА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ». ФАКТЫ ОБ ЭВАКУАЦИИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ЧУВАШСКУЮ АССР В 1941–1942 ГОДАХ

Аннотация. С 2023 г. Центральным государственным архивом Санкт-Петербурга реализуется проект «Сплоченные войной: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой», главной задачей которого является объединение данных об эвакуированных. Одним из результатов проекта стало размещение на портале электронной выставки документов. В данной статье проанализированы материалы проекта, а также документы архива, которые раскрывают факты эвакуации из Ленинграда в Чувашскую АССР в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, Чувашия, эвакуация, «Сплоченные войной», Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

A.A. Solnyshkin

THE INTERREGIONAL MEMORIAL PROJECT «UNITED BY WAR: EVACUATION FROM LENINGRAD AND RETURN HOME». FACTS ABOUT THE EVACUATION FROM LENINGRAD TO THE CHUVASH ASSR IN 1941–1942 ACCORDING

Abstract. Since 2023, the Central State Archive of St. Petersburg has been implementing the project «United by War»: Evacuation from Leningrad and return home», the main task of which is to combine data on evacuees. One of the results of the project was the placement of documents on the electronic exhibition portal. This article analyzes the project materials, as well as archive documents that reveal the facts of the evacuation from Leningrad to the Chuvash ASSR in 1941–1942.

Keywords: the Great Patriotic War, the blockade of Leningrad, Chuvashia, evacuation, «United by the war», Central State Archive of St. Petersburg

С 2023 г. Центральным государственным архивом Санкт-Петербурга реализуется межрегиональный мемориальный проект «Сплоченные войной: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой», главной задачей которого является объединение данных об эвакуированных из Ленинграда не только из учреждений Санкт-Петербурга, но и регионов Российской Федерации в информационно-поисковой системе, размещенной в свободном доступе на портале «Архивы Санкт-Петербурга» в 2026 г. [1]. Участниками проекта на данный момент являются более 100 организаций и учреждений Санкт-Петербурга и ряда регионов Российской Федерации. Одним из результатов проекта стало размещение на портале электронной выставки документов, один из разделов которой посвящен эвакуации из Ленинграда в Чувашскую АССР [11]. В фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) сохранились документы об эвакуации из Ленинграда в Чувашскую АССР. Материалы проекта и архива позволяют раскрыть ряд фактов, касающихся эвакуации в республику в период Великой Отечественной войны. Обратимся к ним.

Летом 1941 г. в Чувашскую АССР стали прибывать эвакуированные из Ленинграда. Так, например, 22 августа 1941 г. в республику прибыли эвакуированные из Ленинграда на поезде № 95, следовавшем до станции Ярославль, а далее водным путем в Чувашию [6, л. 11]. По решению Совета по эвакуации при СНК СССР от 13 августа 1941 г. 30 тыс. ленинградцев должны были быть размещены в республике [9, л. 25]. 16 августа 1941 г. по решению исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (далее Ленгорисполкома) уполномоченным по эвакуации детей и женщин из Ленинграда в Чувашскую АССР был назначен Г.И. Трукшин. Всего на 6 сентября 1941 г. в Чувашскую АССР было эвакуировано 2110 чел., включая 1192 детей [2, л. 13]. Согласно справке Статистического управления Ленинграда о численности эвакуированного населения с указанием места эвакуации, на декабрь 1941 г. из Ленинграда в Чувашскую АССР был эвакуирован 1731 чел. [4, л. 50]. В 1942 г. эвакуация из Ленинграда в Чувашскую АССР была продолжена. Согласно имеющимся в ЦГА СПб данным, в 1942 г. в Чувашскую АССР было эвакуировано 19 673 чел. [8, л. 39]. Из приведенных выше разрозненных данных видно, что сведений о точном количестве эвакуированных из Ленинграда в ЧАССР до сих пор не имеется. В связи с этим отметим, что предстоит большая совместная дальнейшая работа специалистов Санкт-Петербурга и Чувашии по установлению точного числа эвакуированных из Ленинграда в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны.

В период Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР из Ленинграда был эвакуирован и ряд промышленных предприятий. Так, по решению Совета по эвакуации при СНК СССР от 30 июля 1941 г. в г. Цивильск Чувашской АССР был эвакуирован Ленинградский штамповочный механический завод [9, л. 10]. В августе 1941 г. из Ленинграда в г. Чебоксары были направлены вагоны с оборудованием и персоналом ленинградского завода «Электрик» [7, л. 41]. Среди персонала промышленных предприятий, эвакуированных в 1942 г. в республику, мы можем также выделить персонал: завода № 302, фабрики «Рабочий», Пролетарского завода, завода «Экономайзер», мелькомбинатов Кирова и имени В.И. Ленина [3, л. 22]. Среди других учреждений в республику в 1942 г. были также эвакуированы из Ленинграда сотрудники и семьи Южной водопроводной станции, Дворца труда, Спецторга НКВД [3, л. 6, 7, 22].

В период эвакуации на территории Чувашской АССР оказалось большое количество детей. Их эвакуация продолжалась и в 1942–1943 гг. Так, например, по решению Ленгорисполкома в июле 1943 г. в Чувашскую АССР было эвакуировано 700 воспитанников детских домов [5, л. 15].

Отметим, что многие из эвакуированных в период Великой Отечественной войны из Ленинграда в Чувашскую АССР были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Среди них была, например, Ефимова Прасковья Ивановна 1914 г. р., технорук Ленинградской фабрики механизированного счета, которая 2 августа 1942 г. была эвакуирована в г. Чебоксары [10, л. 13].

В заключение подчеркнем, что в годы Великой Отечественной войны Чувашская АССР стала настоящим вторым домом для многих эвакуированных из Ленинграда благодаря особому отношению жителей республики, которые нередко делились последним с эвакуированными. На территории Чувашии в этот период было размещено большое количество эвакуированных детей. Находясь в эвакуации, ленинградцы внесли свой значимый вклад в развитие республики. Главная цель проекта «Сплоченные войной» – восстановление имен и судеб эвакуированных из Ленинграда, в том числе

в Чувашскую АССР, ранее несправедливо забытых. Очень надеемся на участие в проекте коллег из региона, ведь только совместными усилиями мы сможем сохранить не только нашу общую память о блокаде Ленинграда и эвакуации из него, но и память о единении и подвиге всего нашего народа, победившего в Великой Отечественной войне.

Литература и источники

1. Информационно-поисковая система «Сплоченные войной: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой». URL: https://regionevacuation.spbarchives.ru (дата обращения: 10.02.2026).

2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4. Оп. 6. Д. 3.

3. ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 3.

4. ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5.

5. ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 16.

6. ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 2. Д. 3.

7. ЦГА СПб. Ф. 1357. Оп. 8. Д. 6.

8. ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3–1. Д. 46а.

9. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36–1. Д. 59.

10. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 38. Д. 466.

11. Электронная выставка архивных документов «Сплоченные войной: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой». URL: https://spbarchives.ru/evacuation2023-2-51 (дата обращения: 10.02.2026).

УДК 93/94 (537.3)

И.М. Широков

ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 ГОДАХ

Аннотация. В статье рассмотрено состояние электроэнергетического комплекса в связи с эвакуацией в г. Ульяновск промышленных предприятий. Основная задача электроэнергетиков города заключалась в обеспечении энергоснабжения эвакуированных предприятий и населения.

Ключевые слова: эвакуация, энергоснабжение, электрические сети, промышленные предприятия.

I.M. Shirokov

QUESTIONS OF ELECTRIC SUPPLY OF THE EVACUATED ENTERPRISES IN THE TERRITORY OF THE ULYANOVSK REGION IN 1941–1945

Abstract. The article discusses the state of the electric power complex in connection with the evacuation of industrial enterprises to Ulyanovsk. The main task of the citys electric power engineers was to ensure the energy supply of the evacuated enterprises and the local population.

Keywords: evacuation, energy supply, electric networks, industrial enterprises.

Великая Отечественная война нарушила привычный уклад жизни и внесла существенные коррективы, став суровым испытанием для экономики Советского Союза, в том числе отрасли энергетики. Ульяновск являлся одним из важнейших центров эвакуации промышленности, населения. С началом войны в Ульяновск стали пребывать эшелоны беженцев и эвакуируемых заводов и фабрик.

Эвакуация населения, производств фабрик и заводов в г. Ульяновск с и без того тяжелой ситуацией в сфере энергоснабжения резко увеличила нагрузку на городские ресурсы, в особенности на систему электроснабжения. Это привело к резкому повышению нагрузки на городскую инфраструктуру, включая энергетические сети. В довоенный период Ульяновск был относительно небольшим городом с ограниченными ресурсами, поэтому появление новых производств потребовало значительных усилий для адаптации городской инфраструктуры под новые нужды. Кроме того, население города значительно выросло за счет эвакуированных граждан, что дополнительно усилило нагрузку на системы жизнеобеспечения [4, с. 138].

Основной проблемой в обеспечении электроэнергией эвакуированных производств и населения было недостаточное количество генерирующих мощностей. Также проблемы возникали в связи с изношенностью электрических сетей. Линии электропередач, трансформаторные подстанции города находились в неудовлетворительном состоянии и не могли обеспечить стабильную подачу электроэнергии при возросших нагрузках, что приводило к частым авариям и отключениям электричества, это в свою очередь влияло на работу и функционирование предприятий и жизнь населения города. Для решения этих вопросов пришлось срочно вводить дополнительные мощности, однако процесс их строительства и ввода в эксплуатацию занял значительное время.

Также стоит отметить проблему нехватки квалифицированных кадров. В условиях мобилизации значительная часть специалистов была призвана на фронт, что создало дефицит рабочих рук в энергетической отрасли. Это замедлило темпы ремонтных работ и модернизации оборудования, усугубляя ситуацию с энергоснабжением.

В условиях эвакуации промышленных предприятий в Ульяновск и роста нагрузки на энергосистему города потребовалось перераспределение ресурсов и выработки дополнительных мер для поддержания стабильного энергоснабжения города [4, с. 139].

Заводы сталкивались с серьезными трудностями в своей деятельности. К примеру, завод № 8 им. Ворошилова располагал необходимыми материалами и оборудованием для производства, а также имел квалифицированную рабочую силу, однако отсутствие стабильного электроснабжения существенно снижало его производственные возможности.

По данным за январь и февраль, на заводе случались простои, составляющие 24 % и более рабочего времени. Это приводило к задержкам в выполнении планов по поставке вооружения, утвержденных Государственным комитетом обороны (ГКО) и Советом Народных Комиссаров СССР. Рабочие завода, получая лишь 50 % от своей тарифной ставки, сталкивались с финансовыми трудностями, что негативно сказывалось на их моральном состоянии. Ситуация усугублялась тем, что городская электростанция была вынуждена распределять электроэнергию между различными предприятиями. Это приводило к тому, что завод № 8 им. Ворошилова работал только 8 часов в день, вместо необходимых 19 часов для выполнения правительственных заданий.

Анализ ситуации показывает, что городские органы власти недостаточно внимания уделяли потребностям завода № 8 им. Ворошилова в электроэнергии. Для обеспечения бесперебойной работы завода и выполнения правительственной программы по вооружению, необходимо было пересмотреть график снабжения электроэнергией других предприятий, не выпускающих продукцию для Красной Армии, но работающих на тот момент бесперебойно. Руководство завода беспокоилось, что в таком случае предприятие не сможет выполнить утвержденную программу по производству парашютов для Военно-воздушного и Морского флота [1, л. 14–15].

В 1942 г. особое внимание уделялось выполнению программы по восстановлению и запуску завода им. Сталина (ЗИС), производственные мощности которого были эвакуированы из Москвы в Ульяновск. С трудом решался вопрос по монтажу цеха № 2. Согласно решению ГКО, к 15 марта 1942 г. завод должен был иметь доступ к 4100 кВт электроэнергии для запуска автомобильного производства. Однако фактическое количество доступной электроэнергии составляло лишь 600 кВт от завода им. Володарского, что значительно ниже минимальной по-требности в 1800–2000 кВт.

Для решения проблемы дефицита электроэнергии на заводе велось строительство дизельной станции, которая планировалась к вводу в эксплуатацию в апреле 1942 г. На 7 марта 1942 г. на заводе трудилось 3182 чел., включая рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Для выполнения полного объема работ требовался дополнительный персонал всех квалификаций в количестве 4900 чел. [2, л. 5–6 об.].

Таким образом, несмотря на предпринимаемые усилия по восстановлению завода и обеспечению его электроэнергией, программа запуска производства сталкивалась с серьезными вызовами. Дефицит электроэнергии и нехватка квалифицированных кадров существенно затрудняли выполнение поставленных задач.

В период Великой Отечественной войны государственные предприятия играли ключевую роль в обеспечении нужд армии и флота. Одной из таких фабрик была Государственная всесоюзная чулочно-трикотажная фабрика им. КИМ, которая производила продукцию для Красной Армии и Военно-морского флота. Однако в усло-

виях дефицита электроэнергии и ресурсов руководство фабрики столкнулось с необходимостью пересмотра графика работы.

9 марта 1942 г. фабрика получила извещение от горисполкома о том, что с 10 марта 1942 г. ей установлен лимит электроснабжения в размере 35 кВт, что означало переход на односменный режим работы. Этот шаг привел к уменьшению производственной нагрузки на 50 %. Фабрика не могла пойти на такой шаг без разрешения соответствующих органов, так как это противоречило утвержденной правительством программе. Переход на односменный режим работы также вызвал проблему излишков рабочей силы. В связи с ликвидацией одной смены около 100 квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников и служащих, приехавших из Витебска, оказались без работы. Сокращение этих кадров без учета их квалификации и опыта было бы недопустимым.

Фабрика обратилась в Наркомлегпром СССР с просьбой о разрешении оставить режим двухсменной работы до решения вопроса о распределении рабочей силы. Это позволило бы сохранить производственные мощности и квалификацию кадров. Переход на односменный режим работы был вынужденной мерой, вызванной дефицитом электроэнергии. Однако это решение имело негативные последствия для фабрики, включая снижение производственных показателей и потерю квалифицированных кадров. В условиях войны сохранение производственных мощностей и квалифицированных кадров было особенно важно для обеспечения нужд армии и флота [1, л. 26].

Таким образом, проблема электроснабжения предприятий города оставалась сложной и требовала скорейшего решения.

В условиях Великой Отечественной войны Ульяновск как важный промышленный центр столкнулся с необходимостью обеспечения бесперебойной работы Ульяновского автомобильного завода им. Сталина (УАЗ). В мае 1942 г. руководство завода обратилось к руководству Ульяновской городской электростанции (УльГЭС), а также к представителям городских властей с письмом, в котором изложило проблемы, связанные с электроснабжением. Директор завода П.И. Шварцбург в письме указывал на систематические перебои в подаче электроэнергии со стороны городской электростанции. Перебои создавали угрозу срыва выполнения производственных планов и строительных задач. В связи с этим П.И. Шварцбург просил принять меры для немедленного восстановления нормального электроснабжения. Письмо Шварцбурга имело под собой веские основания. Ульяновскому авиазаводу как одному из ключевых предприятий города необходимо было добиться стабильного и надежного энергоснабжения для обеспечения своей деятельности.

В годы войны Ульяновск стал одним из центров эвакуации промышленных предприятий, что привело к значительному увеличению нагрузки на городскую инфраструктуру, включая систему электроснабжения. Проблемы с электроснабжением были вызваны несколькими факторами. Во-первых, это могло быть связано с общим дефицитом электроэнергии в стране, вызванным войной. Во-вторых, городская электростанция Ульяновска испытывала трудности с обеспечением необходимого объема электроэнергии из-за нехватки ресурсов, в том числе по техническим проблемам.

Обращение П.И. Шварцбурга к представителям городских властей свидетельствует о том, что руководство завода понимало важность решения проблемы электроснабжения для продолжения своей работы. Просьба о принятии мер в соответствии с решением Государственного комитета обороны от 6 мая 1942 г. указывает на то, что вопрос электроснабжения был признан приоритетным на государственном уровне [3, л. 147].

В годы Великой Отечественной войны энергоснабжение Ульяновска претерпело значительные трансформации, направленные на удовлетворение потребностей фронта и тыла. Электроэнергия стала критически важным ресурсом, обеспечивающим

функционирование оборонных предприятий, транспортных узлов, логистических и коммунальных объектов. Особую значимость имели поставки электроэнергии для военных объектов, включая госпитали и склады.

Система энергоснабжения Ульяновска, несмотря на острый дефицит электроэнергии и повышенный спрос, мобилизовала все доступные ресурсы для организации слаженной работы энергетических предприятий. В условиях войны город продолжал функционировать, обеспечивая фронт необходимыми ресурсами, что свидетельствует о высоком уровне организации и координации действий. Энергетические предприятия Ульяновска смогли преодолеть трудности и обеспечить бесперебойное снабжение электроэнергией [4, с. 140–141].

Таким образом, события Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием для энергетической системы Советского Союза. В условиях дефицита ресурсов и повышенной нагрузки энергетические предприятия Ульяновска проявили высокую степень устойчивости и эффективности, что стало важным вкладом в достижение победы. Их деятельность является ярким примером успешной адаптации и мобилизации ресурсов в условиях военного времени.

Литература и источники

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 2026.
2. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2027.
3. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2028.
4. *Широков И.М.* Энергоснабжение Ульяновска в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа советского народа в памяти поколений: материалы Международной научно-практической конференции (III Юрчёнковские чтения, Саранск, 22–23 мая 2025 г.) / отв. ред.: Г.А. Куршева, Е.Н. Бикейкин. Саранск: НИИГН, 2025. С. 136–141.

Секция 2

ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ

УДК 355.41(476)

Е.Г. Дашкевич

ЭВАКУАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ БССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1941 ГОДА)

Аннотация. Эвакуация учреждений образования БССР летом 1941 г. проходила в экстремальных условиях стремительного наступления немецких войск. Основной вывоз вузов, техникумов, школ и детских домов осуществлялся в июне–июле в восточные регионы СССР (РСФСР, Поволжье, Урал), при этом многие документы и оборудование были утрачены из-за нехватки транспорта и быстрого окружения.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, учреждения образования, эвакуационная комиссия, Народный комиссариат просвещения.

E.G. Dashkevich

EVACUATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE BSSR AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (SUMMER 1941)

Abstract. The evacuation of educational institutions in the Byelorussian SSR in the summer of 1941 took place under extreme conditions, driven by the rapid advance of German troops. The bulk of the evacuation of universities, technical schools, schools, and orphanages took place in June and July, heading to the eastern regions of the USSR (the RSFSR, the Volga region, and the Urals). Many documents and equipment were lost due to transport shortages and rapid encirclement.

Keywords: evacuation, the Great Patriotic War, educational institutions, evacuation commission, Peoples Commissariat of Education.

В Белорусской ССР накануне Великой Отечественной войны действовала всеобщая государственная общеобразовательная школа, включавшая начальную (4 года обучения), неполную среднюю (7 лет) и среднюю (10 лет) школы. Государство обеспечивало бесплатное обучение подрастающих поколений, для чего строились специальные школьные здания, выпускалось учебное оборудование и наглядные пособия, письменные принадлежности, издавались учебные программы и учебники, осуществлялась плановая подготовка учителей. В 1940/41 учебном году в республике работало 12 149 общеобразовательных школ (из их — 8388 начальных, 2827 неполных средних, 934 средних), в которых обучалось 1 818 780 детей и работало 60 842 учителя [4, л. 26]. Школьная сеть обеспечивала всеобщее обязательное обучение детей в возрасте 8–15 лет в начальной и неполной средней школах. Руководство общеобразовательной школой осуществлял Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) БССР во главе с наркомом просвещения Е.И. Ураловой.

Трагедия, постигшая советские войска в первые дни боевых действий, поставила задачу организации эвакуации из прифронтовых регионов СССР, в том числе и Беларуси, в разряд самых неотложных. Угроза захвата территории республики диктовала необходимость в кратчайшие сроки обеспечить отправку на восток населения и важнейших материальных и иных ресурсов, чтобы в дальнейшем использовать их в интересах советских оборонных усилий.

В первый день войны начался стихийный исход на восток части населения западных областей БССР. Первую волну устремившихся в советский тыл составляли преимущественно семьи военнослужащих, партийные и советские функционеры и их семьи, работники железных дорог, учреждений связи и их семьи, дети из детских учреждений в сопровождении педагогических работников [6, с. 17–18].

Вечером 22 июня последовало первое распоряжение, касавшееся эвакуации населения республики: ЦК КП(б)Б дал указание Наркомату просвещения вывезти «детские учреждения из мест, подвергнутых бомбардировке» [2, с. 32]. Принятое постановление обязывало «СНК БССР (т. Былинского), Наркомпрос (т. Уралову), ЦК ЛКСМБ (т. Зимянина) и председателя Минского горисполкома (т. Бударина) в двухдневный срок вывезти детей из детских домов, садов, лагерей, городов, подвергающихся бомбардировке в полосе военных действий, и из Минска» [5, с. 11–12].

Утром 23 июня, когда представление о крайне тяжелом положении на фронте стало более ясным, и в Минск стали прибывать первые беженцы с запада, руководство республики попыталось придать начавшемуся процессу эвакуации населения организованный характер. ЦК КП(б)Б обязал СНК БССР, Наркомпросс, ЦК ЛКСМБ и Минский горисполком в двухдневный срок вывезти детей из детских домов, садов, летних лагерей Минска и городов, подвергавшихся бомбардировке в полосе военных действий. Также было решено «в целях оказания помощи и эшелонирования семей начсостава и населения, следующего с территории, занятой противником», создать «транспортные пункты» в Минске, Орше, Бобруйске, Слуцке, Борисове, Заславле, Смолевичах, Пуховичах и Жлобине.

Работами по отправке населения, материальных ценностей, учреждений науки и культуры на восток страны, а также трудоустройством эвакуированных граждан руководила республиканская эвакуационная комиссия. Она была образована при СНК БССР 25 июня 1941 г. во главе с председателем Совнаркома И.С. Былинским. В комиссию входили заместители председателя И.А. Захаров, И.А. Крупеня и др. Кроме того, в областных и районных центрах, на крупных транспортных узлах работали эвакуационные тройки, которые создавались из числа советских, хозяйственных органов и представителей охраны общественного порядка. В местах наибольшей концентрации людей, а также на крупных железнодорожных узлах – Орше, Витебске, Могилеве, Полоцке, Гомеле и др. — было организовано 24 эвакуационных пункта. Там проводилось медицинское обслуживание, наиболее нуждающимся оказывалась помощь деньгами, продуктами питания, обувью, одеждой. На эти потребности правительство республики в централизованном порядке выделило 3 млрд руб. [1, с. 23].

Стремительное и неблагоприятное развитие военных событий крайне осложнило перевод процесса эвакуации населения в упорядоченное русло и сорвало многие соответствующие мероприятия. Предназначавшиеся для отправки населения в тыл транспортные (эвакуационные) пункты так и не были созданы. Большинство детских учреждений западной части республики эвакуировать не удалось. Благополучная отправка детей в тыл стала возможной там, где персонал детских учреждений не стал дожидаться директив сверху, а действовал соответственно обстановке. Так, уже 22 июня, еще до получения санкции на эвакуацию, Е.Е. Харевская, заведующая находившегося на загородной даче минского детского сада № 58, распорядилась собрать детей в дорогу. При активном участии воспитателей Б.А. Померанец, Я.И. Рымдейко, Н.П. Карачун, Э.И. Розиной более 100 малышей на двух автомашинах доставили в Минск, где их быстро посадили в отправлявшийся на восток поезд.

Своевременно была проведена эвакуация детей с пригородных дач минских детских садов № 7, 15, 26, 38, 65 и Ратомского, Дзержинского, Самохваловичского и Минского № 1 детских домов. Работники детских яслей-изолятора № 43 г. Минска под руководством главного врача П.В. Дыло, несмотря на бомбежки и массовые пожары,

вывезли из города в безопасный тыл 60 больных малышей в возрасте от 1 до 4 лет [1, с. 453–454]. Эвакуация детей из охваченного огнем Минска – образец выполнения служебного и нравственного долга персоналом детских учреждений в экстремальных условиях войны.

Как и на западе республики, в ее восточных областях принимались меры по вывозу в безопасные районы детей и детских учреждений. Организованно была проведена эвакуация Гомельского и Могилевского детских домов, Полоцкого дома ребенка, детских садов Краснополья и т. д. [1, с. 425; 2, с. 224].

Однако экстремальные условия войны не позволили и на востоке Беларуси эвакуировать все детские учреждения. Воспитанники Полоцкого детского дома, к примеру, были переправлены в советский тыл с партизанских аэродромов уже в 1942–1943 гг. [1, с. 455]. Согласно официальным данным, из БССР летом 1941 г. было эвакуировано 110 детских домов (около 10 тыс. детей), 50 детских садов (более 2 тыс. детей), 28 пионерских лагерей (1525 детей), 3 спецшколы (155 детей), 3 детских санатория (310 детей) [1, с. 456].

Наиболее организованно и планомерно происходила отправка населения на восток страны в Гомельской и Полесской областях, так как они «находились в более благоприятных условиях эвакуации в силу сложившегося положения на этом участке фронта» [2, с. 236]. В Гомельской области всю работу по эвакуации возглавил созданный обкомом оперативный штаб в составе секретарей ОК КП(б)Б Ю.Л. Гутнера, А.А. Куцака, секретаря горкома партии С.Ф. Антонова, заместителя председателя облисполкома М.А. Шайкевича и др. Была образована также Гомельская эвакуационная комиссия во главе с Карасиком.

Массовая эвакуация в Гомельской области началась в начале июля 1941 г. В сфере деятельности руководства эвакокомиссии находилась масса вопросов, требующих немедленного разрешения. Согласно указаниям ЦК КП(б)Б и СНК БССР были приняты срочные меры по перебазированию на восток детских дошкольных учреждений, детских домов, пионерских лагерей. Как следует из информационного сообщения первого секретаря Гомельского обкома КП(б)Б В.Ф. Жиженкова «начиная с 3 по 11 июля, в порядке эвакуации, отправлено детей детдомов, пионерских лагерей, детсадов и яслей, матерей с детьми, прибывших жителей районов западных областей 445 вагонов» [2, с. 181–182].

Согласно сведениям Гомельской эвакуационной комиссии только с 24 июня по 18 июля 1941 г. из Гомеля выехало 1937 детей из детских домов и 487 детей, находящихся в детских больницах [2, с. 234].

В конце июня – первой декаде июля 1941 г. немецкие войска захватили ряд городов, в которых размещались эвакопункты (Осиповичи, Витебск, Полоцк, Лепель). 11 июля, находясь уже в Рославле (Смоленская область), ЦК КП(б)Б обязал СНК БССР развернуть 14 новых эвакуационных пунктов. 9 из них должны были дислоцироваться на территории Беларуси (Езерище, Сураж, Орша – Витебская область; Кричев, Климовичи – Могилевская область; Чечерск, Тереховка – Гомельская область; Калинковичи, Брагин – Полесская область), 5 – на прилегающей территории РСФСР (Невель, Велиж, Рославль, Унеча, Новозыбков). Для помощи в организации эвакопунктов правительство Беларуси командировало 19 своих работников. Правда, из справки СНК БССР «О деятельности правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г.» следует, что из 14 новых эвакопунктов фактически действовали только 10 (к сожалению, не указано, какие именно). Всего, по официальным данным, через эвакуационные пункты в тыл страны было направлено около 230 тыс. жителей Беларуси, многим из которых была оказана помощь продуктами питания, деньгами, одеждой, обувью, на что было потрачено до 1,5 млн руб.[5, с. 19–20, 69].

Эвакуация вузов БССР в 1941 г. проходила в крайне сжатые сроки из-за быстрого наступления немецких войск. Многие вузы не успели полноценно эвакуироваться,

их деятельность была приостановлена, а студенты и преподаватели ушли на фронт или в партизаны.

22 июня 1941 г. более 600 студентов и преподавателей Минского государственного медицинского института (сегодня Белорусский государственный медицинский университет) сдали кровь для нужд фронта. Они активно участвовали в расчистке посадочных площадок для самолетов, разбирали завалы, оказывали медицинскую помощь пострадавшим, помогали жителям столицы в эвакуации.

Белорусский государственный университет (БГУ), как и другие вузы столицы, эвакуироваться не успел. Выехали в тыл только 620 чел., в Минске остались около 780 чел.– преподавателей, студентов и работников университета. Большинство из них приняло активное участие в подпольном движении [5, с. 151].

Одними из первых в действующую армию вступили: будущий ректор БГУ И.С. Чимбург, заведующий кафедрой русской литературы и ученый секретарь Отделения гуманитарных наук АН БССР И.В. Гутарев, заведующий кафедрой экономической географии У.Я. Зудилин, историк И.Ф. Лочмель, биолог В.А. Нисневич, математик НВ. Рыбаков, философ П.В. Саевич.

Некоторые студенты исторического и биологического факультетов не находились в Минске, когда началась война – они проходили практику. Историки работали на археологических раскопках в Крыму, а биологи – в Беловежской пуще. Не имея возможности вернуться домой, большинство из них явились на призывные пункты по месту нахождения и вступили в Красную Армию.

В университете, как и во всех учреждениях науки и культуры, захватчики разграбили лаборатории, музеи, уничтожили или вывезли оборудование. Из библиотек и архивов оккупанты тысячами выбрасывали книги и документы, жгли их. В зданиях Университетского городка по улице Советской расположились части СД (Служба безопасности – нацистская разведывательная служба), там же, в подвалах, сделали тюрьму, во дворе поставили виселицу.

После оккупации территории республики немецко-фашистскими войсками в июле 1941 г. Наркомпросс прекратил свое существование, а Е.И. Уралова вошла в состав СНК БССР, работавшего в эвакуации в Москве до начала освобождения территории БССР.

В августе 1941 г. работники Наркомпроса были командированы в Пензенскую, Куйбышевскую, Саратовскую, Тамбовскую области и Татарскую АССР для проведения работы по учету эвакуированных из БССР педагогов и оказания им помощи в трудоустройстве, в первую очередь тем, чьи документы были утеряны.

В марте–мае 1942 г. Наркомпросс организовал поиск эвакуированных педагогических работников в Воронежской, Сталинградской, Чкаловской областях и Казахской ССР. В результате проделанной работы к середине июля 1942 г. было учтено 3625 работников (из них: 3337 учителей, в том числе 252 директора школ, 99 работников вузов, 84 воспитателя детских садов и детских домов, 62 руководителя отделами народного образования областных и районных уровней).

Всего в 1941–1943 гг. СНК БССР взял на учет 4189 работников образования, в том числе 3425 педагогов, эвакуировавшихся и проживавших в других советских республиках [3, л. 158–160].

Общее руководство эвакуацией осуществляла созданная 25 июня 1941 г. республиканская эвакуационная комиссия под руководством председателя СНК БССР И.С. Былинского. Учреждения образования направлялись в глубокий тыл. Например, Белорусский лесотехнический институт (БЛТИ) решал вопрос о месте эвакуации, окончательно определенном только в начале июля.

Таким образом, вопросы эвакуации учреждений образования тесно связаны с вопросами эвакуации населения, стихийного беженства в начальный период Великой

Отечественной войны и являются актуальной исторической проблемой. Эвакуация учреждений образования БССР летом 1941 г. проходила в экстремальных условиях стремительного наступления немецких войск. Основной вывоз вузов, техникумов, школ и детских домов осуществлялся в июне–июле в восточные регионы СССР (РСФСР, Поволжье, Урал). Открытыми остаются вопросы, связанные со своевременной подготовкой эвакуационных мероприятий, определение конкретной роли высшего и местного партийного и советского руководства в инициировании и проведении эвакуации, а также определение общего количества эвакуированных работников образования, воспитанников и обучающихся, изучение их дальнейшей судьбы.

Литература и источники

1. *Андрэева А.Г.* Эвакуацыя дзяцей і дзіцячых устаноў у савецкі тыл // Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945): зб. артыкулаў: Бел. НДІ адукацыі / Народная асвета; рэдкал.: Г.Р. Сянькевіч [і інш.]. Мінск, 1993. 518 с.

2. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): документы и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. Минск: НАРБ, 2006. 458 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Оп. 4. Д. 5.

4. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 106. Д. 2075.

5. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945 / склад.: С.А. Балашэнка [і інш.]. Мінск: БДУ, 2005. 151 с.

6. *Сугако Л.А.* Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны // Веснік Брэсцкага універсітэта. 2008. № 2. С. 10–21.

УДК 94(470)”1941/1945”:351.862.2-048.72-054.73(470.344)

А.Д. Григорьев

РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОЙ АССР

Аннотация. Эвакуация промышленности, людей, материальных и культурных ценностей в условиях начавшейся Великой Отечественной войны имела в СССР всенародный характер. В данной статье предпринята попытка проанализировать на примере Чувашской АССР, где были размещены эвакуированные граждане, какой была проделанная органами власти и общественными организациями республики работа, направленная на создание базовых условий для проживания вынужденных переселенцев. Итогом данной работы стало то, что эвакуированные своим трудом внесли значительный вклад в нужды страны и фронта, демонстрируя при этом высокую производительность на предприятиях республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация населения, Чувашская АССР, тыл в годы войны, материальное положение населения.

A.D. Grigoriev

THE PLACEMENT OF THE EVACUATED POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE TERRITORY OF THE CHUVASH ASSR

Abstract. The evacuation of industry, people, material and cultural values in the conditions of the outbreak of the Great Patriotic War was nationwide in the USSR. This article attempts to analyze, using the example of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, where the evacuated citizens were housed, what work was done by the authorities and public organizations of the republic aimed at creating basic living conditions for internally displaced persons. The result of this work was that the evacuees made asignificant contribution to the needs of the country and the front, while demonstrating high productivity at the enterprises of the republic.

Keywords: the Great Patriotic War, the evacuation of the population, the Chuvash ASSR, the rear during the war, the financial situation of the population.

С началом Великой Отечественной войны руководство СССР принимает решение об экстренной эвакуации промышленных предприятий, равно как и обслуживающего их персонала. Тяжелая обстановка на фронте в первые месяцы войны потребовала начать форсированную переброску промышленных предприятий и материальных ценностей в тыловые районы государства. Эвакуация промышленности, людей, материальных и культурных ценностей в условиях происходивших боевых действий приняла поистине всенародный характер.

В регионах страны, где в перспективе предполагалось разместить значительное количество эвакуированных, а также производственные мощности, были назначены уполномоченные Управления по эвакуации. В Чувашской АССР эта обязанность была возложена на В.Г. Григорьева [5, л. 5, 6], занимавшего в тот период пост заместителя председателя Совнаркома республики. Именно уполномоченному Управления вменялось организация приема и размещение прибывших граждан, а также помощь в трудоустройстве и выявление наиболее нуждающихся в материальной помощи. В.Г. Григорьев был обязан контролировать распределение среди вновь прибывших продоволь-

ствия и промышленных товаров, контролировать медицинско-санитарное обслуживание, а в случае необходимости принимать меры для улучшения бытовых условий и вести учет прибывшего населения, используя имеющийся аппарат районных и сельских советов.

Прибывающие на территорию Чувашской АССР граждане в первую очередь попадали на эвакопункты, наиболее значимыми из них на территории Чувашии были те, что находились на железнодорожных станциях. Одной из таких станций был Канаш, а также водная пристань в г. Чебоксары, там эвакопункт открылся 10 июля 1941 г., все имеющиеся эвакопункты подчинялись напрямую СНК Чувашской АССР [6, л. 11]. В период Великой Отечественной войны через эвакопункты пройдет основное число эвакуированного населения, которое прибывало как для расселения, так и для дальнейшей транспортировки на восток СССР. В крупных городах, в частности в Чебоксарах, были выделены предприятия общепита, занимающиеся обслуживанием эвакуированного населения. Данные столовые, принадлежавшие тресту общественного питания, располагались при Сельскохозяйственном институте и Доме колхозника.

Уже 1 июля 1941 г. на территорию республики прибыл первый эшелон с эвакуированными, встреча и размещение людей была организована оперативно, местные жители оказали прибывающим всестороннюю помощь. В соответствии с постановлением правительства от 8 июля 1941 г. в Чувашской АССР планировалось разместить 50 000 эвакуированных [7, л. 14]. 4 июля 1941 г. в г. Алатыре приняли поезд с 1195 эвакуированными гражданами из г. Минска. К прибытию состава было все подготовлено: это и автомобили, которые доставили прибывших в специально оборудованные бани, а также медицинское обслуживание, которое смогли получить все прибывшие. На начальном этапе проведения эвакуации их расселение проходило в основном по колхозам, обладавшим необходимыми ресурсами для удовлетворения минимальных нужд эвакуированных. В ряде районов республики прибывающим предоставлялось жилье, а в первые дни все обеспечивались общественным питанием. В дальнейшем колхозы продавали эвакуированным сельскохозяйственную продукцию по фиксированным ценам [2, л. 23].

Вместе с тем при проведении эвакуации существовали и проблемы. Так, на крупных пунктах сбора, включая Чебоксары и Канаш, наблюдалось скопление большого числа эвакуированных, ожидающих транспорт из колхозов и поездов в другие города СССР. Люди находились в переполненных помещениях. Ситуация усугублялась тем, что прошедшие санитарную обработку находились в непосредственной близости от тех, кто ее еще не проходил, что серьезно подрывало возможность соблюдения санитарных норм. Наиболее острая обстановка сложилась в Чебоксарах в сентябре 1941 г., когда здесь находилось 2175 эвакуированных, ожидающих отправки.

Длительность пребывания в эвакопунктах г. Чебоксары во второй половине декабря 1941 г.

	до 2 дней	от 2 до 4 дней	от 4 до 7 дней	свыше недели	свыше 2 недель
Проживало в эвакопункте	–	181 чел.	376 чел.	1176 чел.	3951 чел.

Наиболее мощный приток эвакуированного населения пришелся на начальный период войны. К декабрю 1941 г. республика приняла 62 909 чел. К середине 1942 г. общее число достигло 64 429 чел., включая 22 109 муж. и 42 320 жен., среди которых было 28 065 детей младше 15 лет [8, л.10]. К сентябрю 1942 г. в Чувашии находилось 66 448 эвакуированных, из которых 78,1 % были размещены в сельской местности, а 21,9 % – в городах. К апрелю 1943 г. число эвакуированных возросло до 70 715 чел. С 1944 г., по мере возвращения оккупированных территорий, начался обратный процесс. К июлю 1944 г. в республике осталось 28 642 чел., а к октябрю 1945 г.– 6352. Основную массу эвакуированных составляли дети, женщины и нетрудоспособные. По данным на сентябрь 1942 г., из 66 448 чел. более 50 % (33 332) были трудоспособны, причем среди них преобладали женщины (25 825 против 7507 муж.) [9, л. 13].

К апрелю 1943 г. в Чувашии находилось 70 715 эвакуированных граждан. Основная часть прибыла из Москвы (21 838), Ленинградской (8357) и Московской (4861) областей, а также из Украинской ССР (7083), Калининской области (5793), Белорусской ССР (5276) и Карело-Финской ССР (4000) [13, с. 248, 249]. Прибытие большого количества людей стало серьезным вызовом для местных властей, особенно в части обеспечения жильем. Сельская местность испытывала перенаселение, а города не располагали достаточным жилищным фондом. В Канаше 14 июля 1941 г. городские власти обязали государственные учреждения, предприятия, общественные организации и частных владельцев жилья принять все меры для расселения прибывших. Исполнение данного решения было возложено на милицию и местные органы власти.

В период Великой Отечественной войны, в соответствии с постановлением СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», республиканские органы власти предпринимали решительные шаги для урегулирования проблемы, связанной с размещением прибывающих. Было предписано немедленно возводить временные постройки, такие как общежития, бараки, землянки, а также создавать столовые и бани. 10 октября 1941 г. Совнарком Чувашской АССР издал собственное постановление, направленное на строительство упрощенного жилья для эвакуированных. Предполагалось, что до середины 1942 г. в республике появится 11 одноэтажных каркасных общежитий, 7 в Чебоксарах и 4 в Канаше [4, л. 49].

Нередко для обеспечения эвакуированных жильем приходилось уплотнять городские квартиры, людей заселяли в кладовки, санузлы, кухни и коридоры. Трудящихся из перемещенных предприятий размещали в общежитиях заводов, а при их нехватке эвакуированные были вынуждены снимать квартиры, немногим из них удавалось предоставить отдельные дома. Несмотря на все сложности, многие местные жители проявляли исключительную щедрость и заботу. Нередко жилье предоставлялось бесплатно, семьи селились вместе. Жители с. Нижнее Кляшево Ибресинского района, например, делились с эвакуированными своими продуктами – яйцами, молоком, картофелем, а также одеждой для особенно нуждающихся. Спустя десятилетия те, кто прошел через это испытание, с благодарностью вспоминали эту помощь, выразив ее в письме в редакцию газеты «Советская Чувашия»: «Спасибо им, натруженным рукам нижнекляшинцев! Это они помогли нашей семье пережить лихолетье» [12].

Резкий скачок цен на продовольствие, включая хлеб, картофель и мясо, создал значительные трудности для эвакуированных, ухудшив их материальное положение. В отличие от местного населения, располагавшего собственными запасами, прибывшие оказались в более уязвимой ситуации. В ответ на это Исполкомом республиканского Совета депутатов трудящихся было поручено сельским советам, а также колхозам

осуществлять продажу продуктов и овощей прибывшим гражданам, которые работали в колхозах по фиксированным ценам [4, л. 23].

Государству, благодаря своевременно введенному строгому учету, а также распределению продуктов, удалось справиться с обеспечением и бесперебойным снабжением продуктами питания Красной Армии, трудящихся промышленных предприятий и транспорта. При этом правительство страны искало новые источники пополнения продуктового резерва. Здесь огромную роль сыграла организация как индивидуального, так и коллективного огородничества. Началом ей послужило постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земли для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих». К 1944 г. подсобные хозяйства предприятий Чувашской АССР занимали уже 11 168 га, что было на 42 % больше, чем годом ранее [3, л. 26].

Огромной проблемой для прибывших была элементарная нехватка одежды и обуви, так как многие приезжали в том, что на них было надето. Так, у прибывших в Козловский район из Москвы к началу зимы не было теплой одежды, а приобрести ее не было денег. Для поддержки наиболее нуждавшихся беженцев в июле 1941 г. СНК СССР выделил более 150 млн руб., что составляло примерно 100 руб. на одну семью. Так, с июля по декабрь 1941 г. на единовременную материальную помощь нуждающимся семьям было направлено 35 млн руб.[11, с. 97]. 25 декабря 1941 г. уже Совнарком Чувашской АССР выделил из бюджета республики 600 тыс. руб., это по 300 руб. на одну эвакуированную семью [13, с. 224]. Для более эффективного распределения создавались комиссии при исполкомах для выявления наиболее нуждающихся семей.

Люди, эвакуированные в республику, смогли получить не только финансовую помощь, им также оказывалась продовольственная поддержка. Ряд коллективов учреждений и предприятий, общественных организаций, местные власти оказывали всю возможную помощь. Она заключалась в сборе необходимых вещей, ремонте жилых помещений, заготовке дров. Показательным является пример, когда осенью 1942 г. в Шихазанском районе в рамках проведенного в районе декадника эвакуированным выделили 2118 пудов овощей, 2475 пудов картофеля, 1896 пудов хлеба, а колхозы предоставили 67,4 тыс. руб. денежной помощи [1, с. 26].

Обеспечение эвакуированных достаточным уровнем жизни зависело от их трудоустройства, чему правительство республики уделяло пристальное внимание. Проводилось регулярное информирование Переселенческих отделов о прибывающих специалистах и потребностях предприятий в кадрах. К июню 1942 г. 74 % трудоспособных эвакуированных работали на предприятиях, в колхозах и учреждениях Чувашской АССР. К октябрю 1943 г. в народном хозяйстве республики было занято 92,2 % трудоспособных переселенцев, а к январю 1944 г.– 88,6 % [10, л. 35, 41].

Трудности с размещением и осуществлением снабжения эвакуированного населения имели объективный характер, были в основном обусловлены общими сложностями военного времени и особенностями развития народного хозяйства Чувашской АССР, напрямую связанной с ее сельскохозяйственной направленностью, невысоким уровнем развития промышленности, малым количеством городов и неразвитостью социально-культурной сферы. Республика не была готова к приему столь большого числа людей, однако продовольствие и предметы первой необходимости им были обеспечены, что является заслугой руководства и жителей республики. Эвакуированные чувствовали себя частью единой общности, внесли свой вклад в развитие хозяйства и достижение Победы.

Литература и источники

1. *Ахазов Т.А.* Укрепление дружбы народов и сближение наций в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вопросы социологии и демографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 3–27.

2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 23. Д. 109.

3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1239.

4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 18. Д. 79.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 18. Д. 218а.

6. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 29.

7. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 31.

8. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 36.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 50.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 69.

11. *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародная помощь фронту. Москва: Наука, 1982. 327 с.

12. *Подколзина Н.А.* Письмо от «Иволги» // Советская Чувашия. 1995. 11 апреля.

13. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): сборник документов и материалов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 528 с.

УДК 94(575.172)”1941/1945”

Г.С. Алламуратов

ЭВАКУАЦИЯ И ДЕПОРТАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ В КАРАКАЛПАКСТАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассказывается о том, что представители около десяти национальностей – корейцы, калмыки, чеченцы, поляки, крымские татары и др. – были переселены на территорию Каракалпакстана в годы войны и смогли выжить благодаря братской поддержке местного населения. Эвакуированное население и дети-сироты получили приют, им была оказана всесторонняя помощь.

Ключевые слова: Каракалпакстан, Чимбай, Муйнак, эвакуация, депортация, продовольствие, население, приюты, беженцы, дети.

G.S. Allamuratov

EVACUATION AND DEPORTATION OF VARIOUS PEOPLES TO KARAKALPAKSTAN DURING THE SECOND WORLD WAR

Abstract. This article describes how representatives of about ten nationalities, including Koreans, Kalmyks, Chechens, Poles, Crimean Tatars, and others, were relocated to Karakalpakstan during the Great Patriotic war and survived thanks to the brotherly support of the local population. The evacuated population and orphaned children were provided with shelter and comprehensive assistance.

Keywords: Karakalpakstan, Chimbay, Muynak, evacuation, deportation, food, population, shelters, refugees, and children.

В годы независимости уделяется особое внимание чествованию участников Второй мировой войны, увековечению памяти погибших, прославлению имен наших предков, показавших примеры героизма своим стойким трудом в тылу, на заводах и фабриках, в сельскохозяйственной сфере, созданию художественных произведений, отражающих гуманистические, добросердечные и заботливые чувства народа Узбекистана, поддерживанию научных исследований. Ведь «нам еще предстоит проделать большую работу, чтобы узнать правду о Второй мировой войне и донести ее до нашего народа, увековечить память наших предков» [1]. В самом деле, важно проанализировать исторический опыт Второй мировой войны и сделать выводы, показать реальное положение и жизнь населения в тылу в годы войны, общественно-политическую жизнь народа Каракалпакстана.

Вторая мировая война оставила печальный след в истории многих народов. Это были годы страшных и трагических событий, которые происходили не только на фронтах, но и в глубоком тылу. В эти годы мирное население было эвакуировано в среднеазиатские республики, и больше всего эвакуированных – около 1 млн чел. – нашли приют в Узбекистане. В Каракалпакстан как составную часть Узбекистана первые эвакуированные стали поступать в конце 1941 г. Жители республики активно занимались расселением эвакуированных граждан. Для оказания помощи создавались городские и районные комиссии, при Совете народных комиссаров (СНК) ККАССР был создан Эвакуационный совет. На добровольных началах создавались специальные денежные и продовольственные фонды для нужд эвакуированных. Большинство прос-

тых людей Каракалпакстана, несмотря на тяжелое экономическое положение, не скрывало своего сочувствия и не отказывало в помощи эвакуированным гражданам из Украины, Белоруссии и прифронтовых областей Российской Федерации.

Одной из наиболее злободневных проблем, обострившейся из-за прибытия в республику огромного количества эвакуированных граждан, стал жилищный вопрос. Как известно, в первые годы войны из западных районов военных действий началась депортация народов. 28 августа 1941 г. был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья. Вскоре по надуманному обвинению в «пособничестве врагу» оказались насильственно переселены сотни тысяч крымских татар, калмыков, ингушей, чеченцев, турков-месхетинцев и других народов [5; 6]. В целом, в 1930–1940-е гг. свыше 60 национальных групп населения СССР были подвержены насильственной депортации, общая численность которых составила около 3,5 млн чел. Из них представители свыше 10 национальностей были массово эвакуированы в Среднюю Азию и Казахстан [15, с. 61].

Из числа народов Северного Кавказа одними из первых насильственной депортации подверглись карачаевцы. 9 октября 1943 г. руководство Казахстана, ссылаясь на указания Государственного комитета обороны СССР, предписало руководителям ряда областей готовиться к приему переселенцев с Северного Кавказа. Через три дня, 12 октября, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115-13 о выселении карачаевского народа в Казахскую и Киргизскую ССР [12]. Этим же указом Карачаевская автономная область была упразднена, а 14 октября 1943 г. принято закрытое постановление СНК СССР о выселении карачаевцев. За короткий срок в Среднюю Азию были депортированы 14 774 семьи общей численностью 69 257 чел. В Узбекистане были поселены 353 карачаевца [15, с. 64].

В мае 1944 г. из Крыма было депортировано более 191 тыс. крымских татар. Большинство из них попало в Узбекистан, а остальных отправили в ряд областей европейской части СССР и на Урал. Часть крымских татар была поселена и в Каракалпакстане. В течение мая-июня 1944 г. из Крыма кроме татар выехали около 42 тыс. греков, болгар, армян, турок и иранцев (греков депортировали также из Закавказья). В ноябре 1944 г. республики Средней Азии и Казахстан приняли свыше 110 тыс. турков-месхетинцев [2, с. 6].

Вскоре такая же участь постигла и калмыков. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР и постановлением СНК СССР от 28 октября 1943 г. калмыки были депортированы в восточные и западные районы, а также в республики Средней Азии. За короткий срок оказались выселенными 99 252 чел. Из них 648 семей численностью в 2268 чел. были размещены в Кзыл-Ординской области, а в Каракалпакстан прибыли 224 семьи (605 чел.) спецпереселенцев калмыков, которых разместили в Муйнакском районе [4, с. 305]. В своих воспоминаниях бывший прокурор Муйнакского района, заслуженный юрист республики Сапарбай Доспанов писал: «Калмыки были обустроены в Муйнакском районе, работали на рыбно-промышленных предприятиях, в колхозах, рыбных заводах, Муйнакском рыбоконсервном заводе, Южно-Аральском государственном рыбном тресте, в ондатровом хозяйстве, на различных должностях под надзором спецкомендатуры районного отдела НКВД» [4, с. 306].

По воспоминаниям известного деятеля С. Каниязова, спецпереселенцев в основном заселяли в Муйнакском районе: «...в годы войны в Муйнак были эвакуированы калмыки, чеченцы, карачаевцы, даже крымские татары» [10, с. 8].

В годы войны на территорию Узбекистана были переселены также около 35 тыс. поляков, часть которых прибыла и в Каракалпакскую автономную республику. По данным Общества польских патриотов, в Каракалпакской автономной республике в 1943 г. проживало 3000 (1249 семей) поляков [4, с. 316]. Они были рассредоточены по разным районам республики, какая-то часть проживала в Чимбае, а также в Муйнаке.

В целом, на территорию Каракалпакстана в годы войны были переселены около десятка народностей – корейцы, калмыки, чеченцы, поляки, крымские татары и др. Сложно представить их страдания в период насильственного переселения, в процессе которого на местах прежнего обитания ими было оставлено все. Среди них было много женщин, детей и стариков, которые оказались без средств существования и гражданских прав. Руководству республики приходилось расселять их в коммунальных и государственных домах, общежитиях. Для расселения беженцев передавались здания школ, домов культуры, ведомственных клубов, кроме того, в добровольно-принудительном порядке их подселяли в квартиры горожан. А в сельской местности судьба эвакуированного и депортированного населения была еще сложней. Ветеран труда И. Шагилов свидетельствовал, что «накануне и в годы войны в Муйнак завозили на работу депортированных чеченцев, ингушей, крымских татар, калмыков. Вначале их положение было трудным. Не было мест для ночлега, поэтому они спали на открытой площадке, обведенной колючей проволокой. Затем жили в землянках» [13, с. 93].

К концу 1941 г. в нашу республику начали прибывать первые эшелоны эвакуированного населения. Первым делом приступили к обустройству прибывших детей. Постановлением СНК Каракалпакской АССР и Бюро обкома партии (протокол № 2) от 13–16 января 1942 г. была организована комиссия по устройству и воспитанию эвакуированных детей-сирот [3, с. 69]. Данной комиссии было поручено в недельный срок, т. е. к 20 января, провести точный учет детей, потерявших родителей, принять меры по размещению их в индивидуальном порядке, использовав опыт ташкентских общественных организаций, организовать общественное шефство над детскими домами и сбор вещей для детей-сирот. Детей распределяли по районам республики, часть из них брали на воспитание рабочие, служащие, колхозники. Например, более 900 рабочих, колхозников и служащих автономной республики взяли на воспитание детей, у которых война отняла родителей [11, с. 255]. Учителя школы им. М. Горького Кегейлийского района взяли на воспитание 23 ребенка, собрали 525 руб. на нужды фронта. А жители колхоза им. Кагановича этого же района собрали для нужд эвакуированных детей свыше 1500 руб., брали на воспитание в семью прибывших детей [7]. Женщины-активисты Кипчакского района приютили 22 детей, собрали большие суммы для их нужд. Население Чимбайского района только в первые дни прибытия эвакуированных детей собрало свыше 16 000 руб., в Кунградском районе – более 20 000 руб., а в целом по республике было собрано свыше 100 500 руб. [8]. В каждом районе были образованы детские дома, например, при Чимбайском хлопкоочистительном заводе был организован детский дом на 20 детей, и в целом по Каракалпакстану 20 299 детей военнослужащих и эвакуированных были устроены в подобные детские ясли, сады и детские дома, обеспечены питанием и одеждой [9, с. 261].

Трудоспособное население из числа эвакуированных было устроено на работы. Создавались республиканские комиссии для проверки состояния трудоустройства эвакуированных – обеспечения их работой в колхозах, совхозах, МТС и промышленных предприятиях. Если в мае 1942 г. в Каракалпакстане на заводах и промышленных предприятиях работали 909 эвакуированных, почти 1500 чел. на колхозных полях, то к октябрю 1943 г. в республику прибыло еще 5183 эвакуированных граждан [14, л. 9].

Все 5183 эвакуированных, среди которых были 1239 семей военнослужащих, были размещены в следующих городах: Нукус – 764, Турткуль –1172, Чимбай – 853, Ходжейлий – 647, Муйнак – 491 и т. д.

В сложных условиях они смогли выжить только благодаря братской помощи местного населения. Особое отношение было к детям, которых брали на воспитание, собирали денежные средства, для оказания помощи перечисляли часть своих колхозных трудодней. Часто брали детей в семью, несмотря на традиционную многодетность каракалпакских семей, на всеобщую нужду и нищету сельских жителей. За короткое

время для фонда помощи эвакуированным детям по республике было собрано более 100 500 руб., в том числе предметы различной одежды [8]. Местное население по мере возможностей оказывало посильную помощь вновь прибывшим в самый критический момент их жизни. Несмотря на все тяготы военного времени, тяжелую социально-экономическую ситуацию, народ Каракалпакстана принял народы, покинувшие родные места, помог им преодолеть все трудности и освоиться на новых землях.

Литература и источники

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и почестей. 9 мая 2021 года. URL: https://president.uz/ru/lists/view/4335 (дата обращения: 10.04.2026).

2. *Балыкова А.М., Сисекешова А.С.* История депортации народов в Казахстан в 30–50 годы XX века // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 12 (21). С. 5–7.

3. *Бабашев Ш.* Забота каракалпакстанцев об эвакуированных гражданах в годы Второй мировой войны // Вестник ККО АН РУЗ. 1998. № 5.

4. *Бабашев Ш.* Репрессии. Депортация. Преступления против человечества. Нукус: Каракалпакстан, 2014. 430 с.

5. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию» [О депортации народов в СССР в 30–40-е гг.]. Москва: АИРО-XX, 1995. 319 с.

6. *Бугай Н.Ф.* Сталин – Л. Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии / [авт. вступ. ст., сост., авт. послесл. Н.Ф. Бугай]. Москва: Дружба народов, 1992. 286 с.

7. Кызыл Каракалпакстан. 1942. 30 января.

8. Кызыл Каракалпакстан. 1942. 13 февраля.

9. История Каракалпакской АССР / гл. ред. коллегия: И.М. Муминов (пред.) [и др.]; АН УзССР. Каракалп. филиал. Ин-т истории, языка и литературы им. Н. Давкараева. Т. 2: От победы Великой Октябрьской Социалистической революции до наших дней / ред. коллегия: С.К. Камалов (отв. ред.) [и др.]. Ташкент: Фан, 1974. 454 с.: ил.

10. *Каниязов С.* Алтын жагыс. Некис: Билим, 2006. С. 49.

11. Новая история Каракалпакстана. Каракалпакстан в период со второй половины XIX века и до XXI века. Нукус: Каракалпакстан, 2003. 290 с.

12. Театрализованное представление «Депортация карачаевцев». URL: https://www.kavkazr.com/a/deportaziya-karachaevzev-prestuplenie-dlinoyu-v-jizny/28090025.html (дата обращения: 10.04.2026).

13. *Шагилов И.* Өткен күнлерди еслеймен. Нөкис: Билим, 2012.

14. Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан. Ф. 127. Оп. 1. Д. 32.

15. Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). Иккинчи китоб. Тошкент: Ўзбекистон, 2019. 560 с.

УДК 7.073+008.001

Г.В. Алжейкина

ЭВАКУАЦИЯ СОВЕТСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ЧУВАШИЮ

Аннотация. Статья посвящена эвакуации художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны в Чувашию, выявлению их роли в формировании искусства военных лет и влияния на работу местных творческих коллективов. Мобилизация творческого потенциала эвакуированных деятелей культуры и искусства, их адаптация к местным условиям создавала новый ресурс для развития региональной культуры. Эвакуированные в Чувашию работники театров, музыкального и изобразительного искусства, преподаватели учебных заведений сферы культуры способствовали сохранению и поддержанию высокой профессиональной активности как ведущих, так вновь созданных местных художественных коллективов, творческих союзов. Это стало одним из важнейших факторов возрастания уровня профессионального искусства, решения актуальных вопросов творческой деятельности в Чувашии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация деятелей культуры и искусства, деятельность творческих работников в условиях эвакуации.

G.V. Alzheykina

EVACUATION OF SOVIET CULTURAL AND ARTIST FIGURES TO CHUVASHIA

Abstract. This article examines the evacuation of artistic intellectuals to Chuvashia during the Great Patriotic War, their role in shaping wartime art, and their influence on local creative groups. The mobilization of the creative potential of evacuated cultural and artistic figures and their adaptation to local conditions created a new resource for the development of regional culture. Theater, music, and fine arts workers, as well as teachers from cultural institutions evacuated to Chuvashia, contributed to the preservation and maintenance of high professional activity among both leading and newly formed local art groups and creative unions. This became a key factor in raising the level of professional art and addressing pressing creative issues in Chuvashia.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation of cultural and artistic figures, activities of creative workers during evacuation.

Великая Отечественная война вынудила население фронтовых и прифронтовых районов нашей страны временно покинуть родные города и переместиться в восточные районы. В печати отмечалось: «Советское государство проявляет исключительную заботу об эвакуированном населении. На перевозку, устройство на новом месте лиц, выехавших из прифронтовых районов, правительством отпущены огромные средства. В тыловых районах принимаются все меры к тому, чтобы быстро определить прибывшее по эвакуации население на работу, обеспечить его жильем, позаботиться об улучшении бытовых условий эвакуированных» [13, с. 1].

Детально разработанного плана эвакуации населения на случай вторжения противника на территорию страны не существовало, и механизм переброски в тыл производства и людских ресурсов формировался уже в ходе войны (Совет по эвакуации был образован 24 июня 1941 г., т. е. на третий день войны). Но в целом эвакуация носила организованный характер.

В декабре 1941 г. эвакуированный в Томск Комитет по делам искусств при СНК СССР разослал местным Управлениям по делам искусств письмо «Об укреплении

местных органов, руководящих искусством», в котором сообщалось, что во время войны произошли значительные изменения в дислокации сети учреждений искусств. Культурная составляющая ряда городов, областей и республик, в которые переводились ведущие учреждения искусства страны, а также высококвалифицированные мастера искусств – драматурги, композиторы, художники, артисты, – значительно повышалась. Крупнейшими центрами в области искусства стали города Казахской ССР (Алма-Ата, Чимкент, Семипалатинск), Узбекской ССР (Ташкент, Фергана), России (Фрунзе, Куйбышев, Саратов, Свердловск, Челябинск, Казань, Уфа, Новосибирск, города Кузбасса, Иркутск, Омск, Хабаровск, Чкалов, Молотов) и многие другие. Изменения, связанные с приемом и размещением эвакуированных, увеличили объем работы местных органов по делам искусств и требовали от них более квалифицированного руководства организациями и учреждениями искусства.

Страница истории, связанная с эвакуацией в Чувашию советских деятелей культуры и искусства, является одной из малоизученных. Автор этой статьи ранее обращалась к этой теме, работая по гранту Российского гуманитарного научного фонда [1; 2].

В Чувашии нашли временный приют художественные коллективы, а также десятки советских деятелей культуры и искусства – специалисты в области музыкального, изобразительного искусства, работники театра, преподаватели. Для того, чтобы принять и разместить прибывших людей, требовалась слаженная работа местной интеллигенции, партийного руководства.

Аппарат некоторых управлений по делам искусств страны не мог справиться с возложенными задачами из-за крайней его малочисленности, недостаточной квалификации отдельных руководителей. В документальных источниках имеются сведения о направлении в управления по делам искусств групп квалифицированных работников для укрепления местных органов искусств, облегчения успешного выполнения поставленных задач. В качестве специалистов были и работники аппарата Комитета по делам искусств при СНК СССР и Управления по делам искусств при СРК РСФСР [5, л. 8].

В Чувашии эти процессы проходили уже в предвоенный период, и на начало войны имелись квалифицированные специалисты, находящиеся на учете в Комитете по делам искусств при СНК СССР [5, л. 179].

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СНК ЧУВАШСКОЙ АССР

КОНТРОЛЬНЫЙ СПИСОК
СПЕЦИАЛИСТОВ, ИМЕЮЩИХ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ В КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СНК СССР.

Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Национальность	Какое высшее учебное заведение окончил	Год окончания	Специальность по образованию	Занимаемая должность	В каком учреждении работает
Алексеева Нина Петровна	1913	русская	Чувашпединститут	1938	естествовед	преп. химии	Музыкальное училище
Архипова Эмилия Григорьевна	1898	русская	Гос. ритмич. ин-т Казанск. высш. жен. курсы	1918 1924	ритмика, сцена	преп. по ритмике	–"–
Войловникова Ольга Александр.	1894	русская	Саратовск. Государст. Консерватория	1922	пианистка	препод. Фортепиано	–"–
Дробнер Мечислав Болеславович	1912	поляк	Гос. Консерват. Краков	1938	композитор-дирижер музыковед	преп. чтения партитуры	–"–
			Университет Краков	1938			
Ильина Вера Григорьевна	1907	чувашка	Ин-т усовершенствован. учителей	1939	преп. немецк. яз.	Преп. немецк. языка	–"–
			Чувашпединститут	1940	пр. литературы		
Казачков Семен Абрамович	1909	еврей	Ленинградская Гос. Консерватория	1940	Дирижер хора	Завуч Музыкального училища	–"–

Ил. 1. Фрагмент контрольного списка специалистов, имеющих высшее образование, состоящих на учете в Комитете по делам искусств при СНК СССР. Сентябрь 1941 г.

К началу войны во главе учреждений культуры и искусств Чувашии находились профессиональные специалисты с опытом творческой или административной работы. Это Н.А. Элле, К.И. Иванов, Б.А. Архангельский, Е.А. Токмаков, Г.Н. Чуганенко, А.Д. Демидов, С.А. Казачков, Г.С. Лебедев, В.П. Воробьев, И.В. Флорентинская.

С началом войны многие руководители организаций, а также рядовые работники отрасли были призваны в ряды Красной Армии. Среди ушедших на фронт: начальник Управления по делам искусств при СНК Чувашской АССР В.Т. Ржанов, его заместитель Г.Д. Сергеев, художественный руководитель чувашской труппы Чувашского государственного академического театра К.И. Иванов, заместитель директора Чувашского государственного академического театра А.М. Платонов; музыканты: А.М. Токарев, Ф.С. Васильев, К.П. Волков, Т.И. Фандеев, А.В. Асламас, В. Кутаркин, Н. Мартьянов, Б. Косарев, М. Ефимов, Н. Ильин, А. Цветков; художники И.Т. Григорьев, Н.Д. Мохов, И.Ф. Кудрявцев, Г.Д. Харлампьев, А.Д. Демидов, В.С. Ильин; преподаватели: А.М. Ростиславин, Ф.Г. Егоров, О.М. Круц [5, л. 181].

К началу осени 1941 г. в составе руководства учреждениями культуры и искусств Чувашии были: Е.Г. Андреева – заместитель начальника Управления по делам искусств, Г.В. Мордкович – директор Чувашского государственного академического театра, Г.С. Лебедев – директор Чебоксарского музыкального училища, А.Г. Орлов-Шузьм – художественный руководитель и дирижер Чувашского государственного ансамбля песни и пляски и др. [5, л. 162]. Т.С. Сергеев отмечает: «Эвакуированные специалисты из западных областей пополняли поредевшие ряды чувашской интеллигенции <...> Значительное пополнение преподавателями получили специальные учебные заведения» [15, с. 107].

В права и обязанности местных управлений по делам искусств в отношении эвакуированных организаций искусства входило оказание повседневной помощи в создании условий для нормальной работы, контроль выполнения директив и указаний Комитета по делам искусств, информация о состоянии и работе этих организаций.

В сентябре 1941 г. в республику был эвакуирован Черниговский театр музыкальной комедии и драмы, который работал в Алатыре, Шумерле, Канаше, Чебоксарах. За 9 месяцев этот коллектив дал более 180 спектаклей и концертов, обслужив 55 000 зрителей. В репертуаре театра были опера С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем»; музыкальные постановки «Наталка-Полтавка» Н.В. Лысенко и И.П. Котляревского «Майская ночь», «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці», «Тарас Бульба» Н.В. Лысенко, М.П. Старицкого; «Сватання на Гончарівці» Г.Ф. Квитка-Основьяненко, а также концерты в трех отделениях, состоящие из классических произведений, украинских народных песен и плясок с участием хора и балета [8, л. 189].

Ю.А. Илюхин пишет о выступлениях в Чебоксарах артистов, эвакуированных в соседние города Поволжья: «Концерты, в которых звучали русские, украинские, белорусские, молдавские, чувашские, татарские, удмуртские песни и песни других народов Советского Союза, имели большое идейно-воспитательное значение» [11, с. 75].

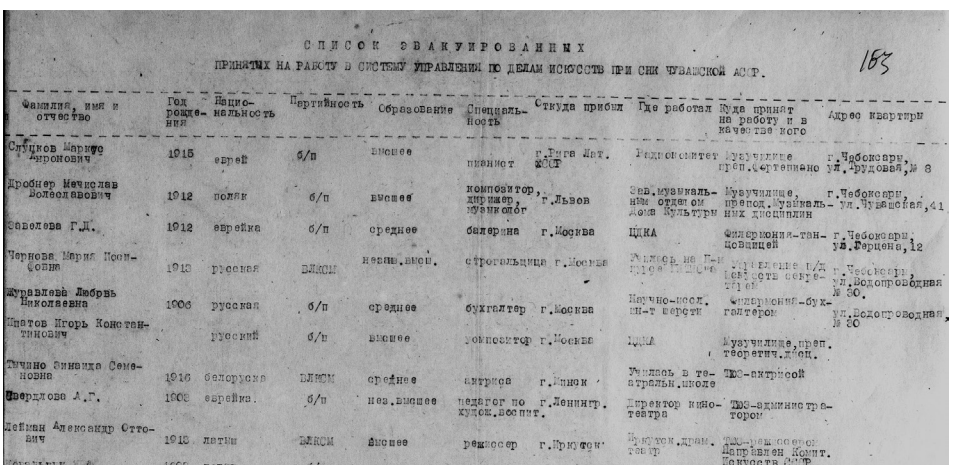
Помимо контроля деятельности эвакуированных организаций по художественному обслуживанию частей Красной Армии, госпиталей, оборонных предприятий, управления по делам искусств вели военно-патриотическую работу; координировали взаимодействие эвакуированных организаций искусства с местными, наблюдали за состоянием производственно-трудовой дисциплины, политико-воспитательной работы в коллективе, руководили проведением всех общественно-политических кампаний и мероприятий [7, л. 17].

Списки находящихся в Чувашии и прибывающих эвакуированных граждан направлялись в Комитет по делам искусств при СНК СССР и обновлялись каждые десять дней. Так, в августе в систему Управления по делам искусств при СНК Чувашской АССР были приняты на работу специалисты из Москвы (композитор И.К. Иг-

натов, балерина Г.Д. Завелева), Ленинграда (педагог по художественному воспитанию А.Г. Свердлова), Риги (пианист М.А. Слуцков, художник Л.С. Герцмарк), Львова (композитор, дирижер, музыковед М.Б. Дробнер), Минска (актриса З.С. Тычина), Иркутска (режиссер А.О. Лейман) [5, л. 163]. Почти половина эвакуированных специалистов имела высшее образование. Мастера своего дела, обремененные бытовыми проблемами, в условиях реорганизации учреждений культуры и искусства, они по возможности интегрировались в творческую среду. М.Г. Кондратьев, в частности, отмечает: «В поддержании профессионального уровня художественных коллективов, обескровленных сокращением штатов, средств, мобилизацией, сыграли известную роль и эвакуированные в Чувашию артисты» [12, с. 78].

Позже в столицу Чувашии прибыла очередная группа эвакуированных в тыл специалистов, среди которых находились и представители творческой интеллигенции [5, л. 165]. Основные трудности при их размещении в столице республики были связаны с трудоустройством. В Чебоксарах не функционировал ряд организаций культуры и искусства. В связи с этим прибывшие специалисты находили работу в местных организациях культуры – товариществе «Художник» [5, л. 170], пока еще действующих филармонии и музыкальном училище [5, л. 171].

Так как многие организации культуры и искусств Чебоксар временно приостановили свою работу, эвакуированные работники культуры также перемещались в районы республики. В их размещении и трудоустройстве были определенные трудности. В республиканской газете «Красная Чувашия» отмечалось: «...было бы преждевременным утверждать, что в части обслуживания прибывшего к нам населения и детей у нас все уже сделано. Кое-где еще есть работники, которые безответственно относятся к нуждам эвакуированных, проявляют бюрократизм, волокиту при разрешении вопросов, связанных с размещением прибывших из прифронтовой полосы граждан» [13, с. 1].

СПИСОК ЭВАКУИРОВАННЫХ

ПРИНЯТЫХ НА РАБОТУ В СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СНК ЧУВАШСКОЙ АССР. 183

Фамилия, имя и отчество	Год рожде-ния	Нацио-нальность	Партийность	Образование	Специаль-ность	Откуда прибы	Где работал	Куда принят на работу и в качестве кого	Адрес квартиры
Слуцков Марк Аронович	1915	еврей	б/п	высшее	пианист	г.Рига Лат. ССР	Радиокомитет	Музучилище преп.сольфеджио	г.Чебоксары, ул.Трудовая,№ 8
Дробнер Мечислав Болеславович	1912	поляк	б/п	высшее	композитор, дирижер, музыковед	г.Львов	Зав.музыкаль-ным отделом Дома Культуры	Музучилище, преподав.музыкаль-ных дисциплин	г.Чебоксары, ул.Чувашская,41
Завелова Г.Д.	1912	еврейка	б/п	среднее	балерина	г.Москва	ЦДКА	Филармония-танцовщицей	г.Чебоксары, ул.Герцена,12
Чернова Мария Иосифовна	1913	русская	ВЛКСМ	незак.высш.	строгальщица	г.Москва	Учащаяся на курсах ПВХО	Управление НКВД области секретарем	г.Чебоксары, ул.Водопроводная № 20.
Журавлева Любрвь Николаевна	1906	русская	б/п	среднее	бухгалтер	г.Москва	Научно-иссл. ин-т перси	Филармония-бухгалтером	ул.Водопроводная, № 20
Игнатов Игорь Константинович		русский	б/п	высшее	композитор	г.Москва	ЦДКА	Музучилище,преп. теоретич.дисц.	
Тычино Зинаида Семеновна	1916	белоруска	ВЛКСМ	среднее	актриса	г.Минск	Училась в театральн.школе	ТКО-актрисой	
Свердлова А.Г.	1909	еврейка	б/п	нез.высшее	педагог по худож.воспит.	г.Ленингр.	Директор кино-театра	ТКО-администратором	
Лейман Александр Оттович	1913	латыш	ВЛКСМ	высшее	режиссер	г.Иркутск	Иркутск.драм. театр	ТКО-режиссером Управлен.Комит. Комитета СССР	
Кольчуги М.С.	1903	поляк	б/п	высшее	рас.специ	Рос.об.спец. проф.перебеж.	Парикмахер	ТКО	
Серёгина Г.Н.	1906	еврей	б/п	среднее	артист	г.Москва	ЦДКА	ТКО-актером	
Герцмарк Л.С.	1901	еврей	б/п	среднее	художник	г.Рига	Еврейск.гос. театр	Чув.Академ. театр	г.Алатырь,Первомайский театр
Крылатов П.Г.	1914	украинец	б/п	начальное	танцор	Сане оверо отряд 108	находился в заключении	Филармония-танцов	г.Чебоксары,ул. Октябрьская,№ 22

И.о.Нач.Управления по делам Искусств при СНК ЧАССР /А.Калган/

УП-41 г.

Ил. 2. Фрагмент списка эвакуированных специалистов, принятых на работу в систему искусства Чувашской АССР. 18 августа 1941 г.

Значительная часть эвакуированного населения была размещена в сельской местности. Но и в отдельных районах беженцы не были заняты. В некоторых населенных пунктах было плохо организовано снабжение эвакуированных (в первую очередь детей) продуктами питания, не было налажено медицинское обслуживание. Отношения между эвакуированными и местными жителями различных национальностей на бытовом уровне в целом характеризовались как дружелюбные. Местные партийные, советские и хозяйственные организации в силу своих возможностей окружали заботой эвакуированных граждан, создавали им условия для работы, помогали устроиться на новом месте. Сельские советы, правления колхозов принимали меры к тому, чтобы «физически здоровые и способные к труду эвакуированные получили работу» [13, с. 1].

Дети, эвакуированные из прифронтовой полосы, были размещены в детских учреждениях, подведомственных Наркомпросу республики – детских садах, интернатах. Некоторые передавались на патронат в семьи трудящихся.

В соответствии с приказом Наркомпроса № 91 от 23 декабря 1941 г. директорам и заведующим детскими садами Наркомпроса Чувашской АССР было предложено оформить личные дела на всех эвакуированных детей, завести именной списочный учет. Об изменениях в составе воспитанников сообщалось ежедневно. Заведующие районо и гороно также вели именной списочный учет всех эвакуированных детей, переданных на патронат в семьи трудящихся, и детей, находящихся в школах-интернатах [3].

Среди эвакуированных в республику из Ленинграда детей находилась Людмила Чарыкова 1937 г. р. Ее отец был ранен на одном из фронтов Отечественной войны и умер в госпитале. Мать погибла во время блокады в Ленинграде. В 1942 г. Людмила была удочерена И.М. Чарыковым – секретарем обкома ВКП(б) Чувашской АССР. Людмила Чарыкова обучалась в восстановленной в 1943 г. музыкальной школе, имела отличные успехи как по специальным предметам, так и по всем дисциплинам [9, л. 15]. В 1944 г. она была переведена в IV класс музыкальной школы, занималась по фортепиано у Е.М. Сиверс. Как лучший исполнитель принимала участие в открытых концертах музыкальной школы.

По инициативе эвакуированного композитора М.М. Когана в Мариинском Посаде в 1941 г. был организован детский музыкально-художественный кружок, который имел большую популярность. В июне 1942 г. силами участников кружка было дано несколько концертов, в том числе и в Чебоксарах. В программе музыкального кружка было несколько тематических программ: «Зимняя», «Весенняя», «Летняя», «Осенняя», музыкальная сказка «Любимец», инсценировка «Наша страна должна быть сильна», написанные композитором на стихи С. Михалкова. «Все выступления детского музыкального кружка проходили с большим успехом», – писала «Красная Чувашия» [14, с. 1].

Пребывание некоторых представителей творческой интеллигенции в Чувашии в эвакуации затянулось на несколько лет.

Из эвакуированных музыкантов в Чувашии работал польский композитор М.Б. Дробнер, прибывший из Львова в первые дни войны. Приказом начальника Управления по делам искусств при СНК Чувашской АССР М.Б. Дробнер был назначен дирижером симфонического оркестра Чувашской государственной филармонии [10, л. 69]. Когда работа филармонии была приостановлена, М.Б. Дробнер был приглашен на должность руководителя духового оркестра Дома Красной Армии, оркестровал для духового оркестра произведения П.И. Чайковского, А.С. Даргомыжского, М.И. Глинки. Помимо этого, М.Б. Дробнер создал несколько массовых песен, преимущественно героико-патриотических, рекомендованных художественным советом к исполнению [7, л. 7–9].

Непродолжительное время находился в Чувашии композитор И.К. Ипатов. Осенью 1941 г. он выехал в Хабаровск и был назначен главным дирижером и заведующим музыкальной частью местного театра оперетты.

Ил. 3. Аронова-Батвинкина Лея Соломоновна (Шлемовна). Портрет М.С. Спиридонова. 1943

М.А. Слуцков, будущий декан Латвийской государственной консерватории, также покинул Чувашию осенью 1941 г. Имеются сведения об участии М.А. Слуцкого в заседаниях Художественного совета по прослушиванию новых песен чувашских композиторов [4, л. 100].

Из театральной среды примечательна судьба Зинаиды Семеновны Тычины – известной белорусской актрисы. В 1941 г. она окончила Минское театральное училище, была эвакуирована в Чувашию. Вместе с группой актеров Чувашского государственного академического театра выступала перед бойцами красноармейских подразделений. Работала в Театре юного зрителя, руководила самодеятельностью в Доме Красной Армии.

Интересна творческая судьба А.Г. Лихтенштейна-Лаврова, артиста Центрального театра Красной Армии. Известно, что он находился в переписке с Ю.А. Завадским. Эвакуированный из Москвы, Лихтенштейн был принят на работу в русскую труппу Чувашского государственного академического театра. Его успешная работа как актера была отмечена в приказе Управления по делам искусств при СНК Чувашской АССР № 19 от 16 мая 1942 г. [10, л. 96]. 26 октября 1942 г. А.Г. Лихтенштейн назначен художественным руководителем Концертно-эстрадного бюро на место призванного в действующую армию С.А. Казачкова [10, л. 106].

Из представителей творческой интеллигенции наиболее плодотворной была деятельность эвакуированных художников. Они служили агитационной пропаганде – выпускали агитокна, занимались основной творческой деятельностью, участвовали в выставках. Председатель Союза советских чувашских художников М.С. Спиридонов в одном из писем, датированных 1 февраля 1980 г., вспоминал: «Время было очень тяжелое, все испытывали трудности и лишения. Союз художников Чувашии принимал активное участие в судьбах эвакуированных художников – помогал организовать их быт и трудоустройство. Содействовали художникам в их творческой работе. В результате многие из них принимали участие на местных выставках. Хорошо помню Лею Аронову. Она много работала над портретами передовых людей республики и всегда была участницей выставок, организованных в Чебоксарах в годы войны. Лея Аронова сделала с меня рисунок, который хранится в нашей галерее» [16, л. 1].

В настоящее время в Чувашском государственном художественном музее сохранились работы И.М. Рубанова, О.В. Эйгес, А.П. Петровой, В.С. Кизевальтер, А.А. Гладун, Г.Б. Ингер, И.И. Рождественской, М.Г. Ранкова, Л.С. Ароновой-Батвинкиной, Н.Н. Волкова и др.

В начале 1980-х гг. Л.А. Жолткевич, супруга известного художника Г.А. Ечеистова (в 1941–1942 гг. они были в эвакуации в Чувашии), принесла в дар Чувашскому государственному художественному музею его ксилографии и акварели. Теперь они, как и многие другие работы художников – мастеров изобразительного искусства, занимают достойное место в собрании музея.

Таким образом, эвакуация художественной интеллигенции в годы войны рассматривалась как одна из ведущих социально-политических задач военного времени. Мобилизация творческого потенциала эвакуированной художественной интеллигенции способствовала сохранению и поддержанию высокой профессиональной активности как ведущих, так и вновь созданных местных художественных коллективов, творческих союзов. Это стало одним из важнейших факторов их адаптации к режиму работы в условиях военного времени, возрастанию уровня самостоятельного профессионального искусства, в решении вопросов творческой деятельности.

Литература и источники

1. *Алжейкина Г.В.* Культура и искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. Чебоксары: Новое Время, 2014. 649 с.

2. *Алжейкина Г.В.* Культура и искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны: монография. Чебоксары: Новое Время, 2014. 424 с.

3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 2852/1262. Оп. 1. Д. 152.

4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 266.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 268.

6. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 323.

7. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 332.

8. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 335.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 16.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 6. Д. 26.

11. *Илюхин Ю.А.* Развитие чувашской советской музыки в 1917–1945 годах // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 35. Чебоксары, 1967. С. 62–83.

12. *Кондратьев М.Г.* Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 159 с.

13. Красная Чувашия. 1942. 6 января. № 4 (6510).

14. Красная Чувашия. 1943. 13 октября. № 204 (7012).

15. *Сергеев Т.С.* Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 334 с.

16. Чувашский государственный художественный музей (ЧГХМ). КП – 1036/2.

УДК 94(47)”1941/1945”

Н.Е. Балыкина

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РАБОЧИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ АЛАТЫРСКОЙ ОБУВНОЙ ФАБРИКИ)

Аннотация. Статья посвящена освещению повседневной жизни работников Алатырской обувной фабрики в годы Великой Отечественной войны. Исследование основано на архивных документах и материалах научных публикаций, СМИ. Показано, как благодаря стараниям женщин, являвшихся основной рабочей силой фабрики, в короткие сроки эвакуированное предприятие не только стало функционировать на новом месте, но и стало образцом для других предприятий Алатырского района.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, повседневность тыла, женщины, обувная фабрика, эвакуированные предприятия.

N.Y. Balykina

THE DAILY PRODUCTION OF WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF ALATYR SHOE FACTORY)

Abstract. The article is devoted to the everyday life of the workers of the Alatyr Shoe Factory during the Great Patriotic War. The study is based on archival documents and materials from scientific publications and the media. Thanks to the efforts of the women who were the main workforce of the factory, the evacuated enterprise not only began to function in a new location in a short time, but also became a model for other enterprises in the Alatyr region.

Keywords: the Great Patriotic War, everyday life of the rear, women, shoe factory, evacuated enterprises.

«Есть память, которой не будет забвенья, и слава, которой не будет конца», – сказал Роберт Рождественский о подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне. Мало кто в нашей стране не помнит кадры с Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. На солдатах и офицерах новенькая, с иголочки, форма из лучшего сукна. Золотые погоны генералов, сверкающие награды на груди и брызги дождя на начищенных до блеска сапогах – таков был внешний облик Армии-Победительницы, Армии-Освободительницы. Советская военная форма – это не меньший символ Победы, чем «тридцатьчетверка» или «Катюша». Минувшая война уже стала историей. Победа ковалась не только на фронте, но и в тылу. Каждый район страны старался помочь армии всем, чем мог: продуктами, техникой, одеждой, транспортом, сырьем и трудом людей.

Забота о качественном удовлетворении потребностей войск в вещевом довольствии составляла одну из первоочередных задач советских военных и государственных органов. Между тем без труда рабочих заводов и фабрик – женщин, подростков и стариков – невозможно было бы обеспечить фронт всем необходимым.

С началом Великой Отечественной войны вся жизнь г. Алатыря Чувашской АССР была перестроена на военный лад. В публикациях районной газеты «Ленинский путь» постоянно подчеркивалось, что каждый житель Алатырского района обязан помогать фронту, а любое предприятие должно выполнять военные заказы и повышать

производительность труда [6]. Чувашская АССР являлась одной из территорий для размещения эвакуированных жителей, в том числе инвалидов войны, матерей с детьми. На 15 апреля 1942 г. в республике было размещено 63 785 чел. В г. Алатыре – 5209 чел., в Алатырском районе – 1544 чел. [2, с. 71, 72].

31 декабря 1941 г. в г. Алатырь была эвакуирована Полтавская обувная фабрика. Она была передана в введение Народного комиссариата местной промышленности (Наркомместпром) Чувашской АССР. Совнарком Чувашской АССР обязал исполком Алатырского райсовета предоставить для размещения фабрики два жилых дома, находящихся на территории фабрики «Спортинвентарь», переселив проживающих в этих домах граждан в другие жилые помещения, а также передать обувной фабрике помещение склада фабрики «Спортинвентарь» (здание бывшей церкви), и немедленно предоставить жилую площадь для эвакуированных рабочих обувной фабрики и их семей [1, с. 252].

В заметке «Сапоги для фронта» районной газеты «Ленинский путь» № 76 от 24 июня 1995 г. есть следующая информация: «Обувная фабрика была создана осенью 1941 года на базе эвакуированного оборудования Полтавской, Витебской, Орловской и других обувных фабрик страны. Вначале производство обуви было примитивным. Предприятие размещалось в малоприспособленном помещении по улице Ленина, 26. В1942 году фабрике передали бывший дом купца Попова по улице Кирова, в котором было установлено дополнительное оборудование, сделан целый ряд приспособлений, и предприятие приступило к пошиву сапог, ботинок и полуботинок. Но большая часть производства была направлена на выпуск сапог для бойцов» [3, с. 59].

Весь 1942 г. рабочие не только выпускали продукцию, но и строили новые производственные помещения. Главными трудностями в работе фабрики были: нехватка квалифицированных рабочих, низкая трудовая дисциплина, трудности с заготовкой дров, болезни, призыв на фронт молодых парней.

Книга приказов по личному составу Алатырской государственной фабрики была начата 1 января 1942 г., но тогда были написаны только 2 приказа о приеме на работу 4 чел. на строительство фабрики. Остальные приказы датированы уже августом 1942 г. Первыми работницами были в основном женщины, принимаемые на должность учениц с окладом 115 руб. [7].

В августе 1942 г. на предприятии работали 9 чел. инженерно-технических работников, 7 служащих, 8 работников, выполняющих функции по уходу за служебными помещениями, по обслуживанию рабочих, 61 рабочий. Все рабочие были приняты на должность учеников. 30 октября 1942 г. корреспондент районной газеты «Ленинский путь» Добросмыслов, посетив фабрику, подготовил статью «На фабрику пришла молодежь», из которой можно получить представление о первых месяцах работы предприятия. «Высокие, просторные комнаты большого дома еще не имеют вида цехов. Всюду идет работа по оборудованию. Однако работа на обувной фабрике протекает своим чередом. Фабрика представляет собой сейчас кузницу молодых кадров. Специалисты здесь – только мастера, под руководством которых люди разных возрастов, различных профессий осваивают специальность обувщиков.

В закройном цехе царит тишина. У окна, за высоким столом, нагнувшись над доской, стоит молодая белокурая женщина Аня Прокопенко. Она углубилась в работу по раскрою деталей. Нужно соблюдать исключительную точность, использовать каждый миллиметр ценной кожи. Тщательно прикладывает она выкройки к коже, затем уверенно начинает действовать острым ножом. Работа идет плавно, споро, стопки выкроенных деталей быстро растут. Второй месяц на этой работе Аня Прокопенко. В первое время она давала от 8 до 10 пар. Это составляло только 30 % нормы. Сейчас она изо дня в день выполняет норму, а нередко превышает ее на 10–20 %, соблюдая строгую экономию материалов.

В этом же цехе на раскройке подкладки работает бывшая студентка Калининского пединститута тов. А.Я. Максимова. 10 дней – небольшой срок. Однако за это время Анфиса Яковлевна успела достаточно овладеть новой для нее специальностью и стала уже перевыполнять норму, выкраивая 65 пар вместо 60. Мастер очень доволен ее работой и намерен перевести молодую работницу на заготовку верха.

Украинка Зина Ноженко хорошо освоила ответственную операцию по срезке краев кожаных деталей. Здесь нужен зоркий глаз, четкое движение ножом. Маленькая неточность – и деталь относится к браку. На третьем месяце работы у Зины Ноженко брак – редкое явление. Она приобрела твердые навыки, уверенно и быстро владеет ножом, выполняет план на 120–130 %. Норма ее уже не удовлетворяет.

Самый разнообразный состав рабочих в цехе пошива обуви. Здесь овладевают специальностью обувщиков 14-летние подростки, девушки и пожилые женщины» [4].

Отмечая 26-ю годовщину Октябрьской революции, работники обувной фабрики выполнили месячный план валовой продукции на 117,3 %. Более 200 % выполняли задание комсомольцы Платонова, Плотников, Максимова и кандидат в партию Шогурова [5].

На фабрике в основном трудились женщины. Достигших призывного возраста парней мобилизовали на войну, также призывались и девушки. Многие женщины увольнялись с работы из-за болезней. За неявку на работу по неуважительной причине администрация фабрики передавала дело в суд для привлечения к уголовной ответственности. За опоздание на работу на 15 минут работнику объявляли выговор. За уход с работы на 15 минут раньше окончания рабочего дня – снова выговор. Такими были законы военного времени.

Осенью и зимой 1942–1943 гг. возникали трудности с отоплением фабрики и заготовкой дров. Для вывозки леса нужны были лошади, возчики, фураж, дисциплина, четкая организация труда. Существовала даже должность охранника дров на берегу р. Бездны.

Работники фабрики шили обувь не только для фронта. 27 июня 1942 г. СНК Чувашской АССР принял постановление об организации при Алатырской обувной фабрике мастерской индивидуального пошива обуви для снабжения обувью эвакуированного и местного населения [1, с. 255].

2 октября 1942 г. в целях укрепления трудовой дисциплины главный инженер Жуков издал приказ о том, что руководителям всех производственных цехов и участков нужно являться на работу за 20 мин. до начала работы для своевременного начала работы. Был установлен следующий режим работы: Начало работы – 8.00, начало обеденного перерыва – 12.00, конец обеденного перерыва – 13.00, конец работы – 17.00.

Отопительный сезон 1942–1943 гг. официально начался 1 октября 1942 г. Но завхоз предприятия Срединский экономил дрова. Было предложено для сохранения тепла установить зимние рамы по всему зданию, вставить недостающие стекла в окна, их оклеить или забить фанерой [7]. Для обеспечения фабрики дровами на зимний период 1943 г. всех рабочих и служащих фабрики командировали на лесосплав с 16 по 19 сентября 1942 г. [7].

10 октября 1942 г. директор фабрики приказывает начальнику отдела кадров тов. Корецкому приступить к подбору учеников для комплектования кадров для производства, строительства и монтажа фабрики, и начать распределение рабочих по цехам вместе с главным инженером Жуковым.

В целях быстрейшего проведения сроков обучения молодых рабочих и освоение норм выработки на производстве, а также ускорения хода строительных и монтажных работ с 12 октября 1942 г. устанавливался 9-часовой рабочий день, а для строительных

и монтажных цехов отменялись все выходные. Оплата сверхурочных работ производилась по нормативам КЗОТа.

Осенью 1942 г. в связи с объявлением в г. Алатыре опасного положения были назначены ответственные дежурные по фабрике. Во время дежурства дежурный находился всю ночь на территории фабрики и следил за порядком [7].

2 октября 1942 г. СНК Чувашской АССР принял постановление о вводе в эксплуатацию Алатырской обувной фабрики в ноябре 1942 г. с производственной мощностью в 500 тыс. пар в год. За исполнение постановления несли ответственность директор Алатырской обувной фабрики тов. Алексеев и нарком местной промышленности Чувашской АССР тов. Васильков [1, с. 256].

Освоение механизированного пошива обуви началось в марте 1945 г., а в апреле перешли уже на этот метод работы. Предварительную подготовку рабочие и механики проходили на кожкомбинате «Спартак» в г. Казани, где было обучено 4 рабочих и 4 механика.

Материальное обеспечение деятельности фабрики было сложным. В ее распоряжении имелось 2 автомашины и 2 лошади. Алатырский горисполком выделил фабрике под подсобное хозяйство земельный участок в 12 га, 3 га в пригороде и полевой участок 7 га, естественных луговых угодий – 2 га. Выделенный земельный участок своевременно был обработан и засеян следующими культурами: ячмень – 2 га, овес – 3 га, картофель – 3,5 га, овощи и капуста – 1 га, свекла – 0,5 га, итого – 10 га. В течение лета за посевами производился уход, рыхление, прополка, окучивание. Сбор посева произвели в хорошее время и в сжатые сроки. Был получен следующий урожай: ячменя – 1656 кг, овса – 2830 кг, картофеля – 215 ц, капусты – 100 ц, свеклы сахарной – 19 ц. Участок луговых угодий площадью 2 га был своевременно убран. Весь урожай посева 1945 г. и сена был засыпан в надлежащие для хранения помещения. Полученный урожай расходовался на общественное питание в столовой фабрики и на корм лошадям и 2 свиноматкам. В течение 1945 г. на свиноферме было выращено 7 голов свиней [1, с. 263].

Алатырская обувная фабрика сыграла важную роль в годы Великой Отечественной войны. Выполнение планов проходило в тяжелых условиях, но, несмотря на проблемы, обувная фабрика продолжала работать ради фронта и страны. Вклад легкой промышленности в Победу был значительным, потому что она обеспечивала страну важным ресурсом и была частью общего трудового подвига советского народа.

Литература и источники

1. Алатырь. Летопись города: Факты, события, воспоминания, фотографии. Ч. 2. XX век – начало XXI века. Алатырь: [б. и.], 2002. 512 с.: ил.

2. В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 208 с., ил.

3. И стал тыл фронтом, город Алатырь и Алатырский район в годы Великой Отечественной войны. Алатырь: Алатырский издательский дом, 2010. 102 с.

4. Ленинский путь. 1942. 30 октября.

5. Ленинский путь. 1943. 7 ноября.

6. Ленинский путь. 1943. 16 декабря.

7. Приказы по личному составу Алатырской государственной фабрики // Алатырский городской архив. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1.

УДК 94(470.344)"1941/1945"

Д.В. Басманцев

ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЧУВАШСКОЙ АССР В 1941–1945 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ИБРЕСИНСКОГО РАЙОНА)

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны в Ибресинском районе размещалось более 2,3 тысяч эвакуированных. В статье проведен анализ их численного, национального, половозрастного состава, откуда они прибыли. Изучены вопросы, связанные с распределением эвакуированного населения по селам и деревням Ибресинского района, трудоустройством, судьбой известных личностей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуированное население, Чувашия, Ибресинский район.

D.V. Basmantsev

EVACUATED POPULATION IN THE CHUVASH ASSR IN 1941–1945 (USING THE EXAMPLE OF THE IBRESINSKY DISTRICT)

Abstract. During the Great Patriotic War, more than 2,300 evacuees were accommodated in the Ibresinsky district. The article analyzes their numerical, national, and gender-age composition, as well as the places from which they came. It also examines the distribution of the evacuated population in the villages and settlements of the Ibresinsky district, their employment, and the fate of famous individuals.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuated population, Chuvashia, Ibresinsky district.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз поставило под угрозу жизни миллионов граждан, оказавшихся в прифронтовой полосе. Война заставила эвакуировать женщин, стариков и детей в тыловые регионы нашей Родины. Массовый вывоз и размещение населения стали еще одним важным направлением правительственной политики. В конечном итоге, как справедливо отмечает М.Н. Потемкина, приобретенный нашей страной опыт перемещения огромных масс людей и их адаптации на новых местах проживания в экстремальных условиях войны стал уникальным [25, с. 4].

27 июня 1941 г. на особом заседании Совнаркома Чувашской АССР принимается секретное постановление «О размещении и устройстве на работу эвакуированного населения с прифронтовой полосы». Оно обязывало исполком Ибресинского райсовета в пятидневный срок разработать план приема, размещения и устройства на работу эвакуированного населения [23, с. 15–16]. С учетом роста числа переселяющихся нельзя было медлить с принятием организационных решений. 1 июля 1941 г. из прибывающих в Чувашию восьми эшелонов один был направлен на станцию Ибреси [8, л. 1]. 8 июля 1941 г. из 50 тыс. чел. на Ибресинский эвакуационный пункт определили 4,7 тыс. чел. В свою очередь их распределяли по районам: за Первомайским и Ибресинским районами по 1000 чел., Чкаловским – 1200 чел., Шемуршинским – 1500 чел. [9, л. 14; 24, с. 20].

19 августа 1941 г. исполкомом Ибресинского райсовета утвержден очередной план размещения эвакуированных по 49 колхозам района. К этому времени в селениях проживало более 1 тыс. чел., почти столько же следовало принять в ближайшее время.

Например, прибывших по эвакуации граждан в колхозе им. Сталина было 26 чел., «Красный фронтовик» – 52 чел., «Тымар» – 30 чел., «Костер» – 27 чел., им. К. Маркса – 24 чел., «МОПР» – 36 чел., «Молния» – 58 чел., «Красный партизан» – 30 чел., «Красный водник» – 73 чел., «Заря» – 25 чел. Всего их в 10 колхозах насчитывалось 381 чел. Согласно плану они обязывались дополнительно принять 190 чел., что в итоге составило бы 571 чел. В среднем на указанные колхозы приходилось 50–60 чел. В расчет брались количество дворов и численность жителей. Всего в упомянутых хозяйствах проживало 5175 чел. в 1189 дворах. При дополнительной раскладке старались также учесть экономический потенциал колхозов [7, л. 304]. Наиболее полные сведения о размещении семей эвакуированных по населенным пунктам Ибресинского района представлены в таблице.

Таблица

Размещение эвакуированных граждан по Ибресинскому району Чувашской АССР на февраль 1942 г.

№	Населенные пункты	Количество семей	Численность эвакуированных
1	2	3	4
1	Поселок лесозавода «Спотара»	15	45
2	Поселок Новая Жизнь	1	2
3	Поселок Красная Заря	2	11
4	Поселок Паральшинского лесопункта	1	4
5	Поселок Паральшинского лесозавода	4	11
6	Поселок 11 лет Чувашии	2	6
7	Деревня Большие Абакасы	11	47
8	Деревня Шоркасы	3	13
9	Деревня Нижние Абакасы	15	44
10	Деревня Шибегечи	2	7
11	Село Ибреси	45	134
12	Поселок Тымар	6	17
13	Деревня Сюрбеевка	12	25
14	Деревня Малое Батырево	10	36
15	Поселок Огонек	6	16
16	Поселок Костер	4	13
17	Деревня Ширтаны	29	68
18	Деревня Кукшумы	5	20
19	Деревня Сосновка	12	33
20	Село Хомбусь-Батырево	15	37
21	Деревня Русские Тимяши	20	35
22	Село Чувашские Тимяши	30	85
23	Деревня Тойси-Паразуси	28	82
24	Поселок Молния	17	42

Окончание таблицы

1	2	3	4
25	Деревня Андреевка	18	48
26	Деревня Кошмас-Тойси	4	12
27	Село Климово	22	76
28	Поселок Мерезень	4	11
29	Деревня Верхнее Кляшево	13	38
30	Деревня Нижнее Кляшево	5	16
31	Село Хормалы	55	138
32	Деревня Новые Высли	18	58
33	Деревня Хом-Яндоба	18	47
34	Деревня Андрюшево	13	34
35	Село Новое Чурашево	10	39
36	Деревня Нижний Околодок	14	41
37	Деревня Сирикли	8	29
38	Деревня Сив-Сирма	6	11
39	Деревня Новое Климово	2	6
40	Деревня Айбечи	14	49
41	Деревня Вудоялы	8	18
42	Поселок Буинск	87	218
43	Поселок Ибреси	148	378
	Всего	762	2100

Подсчет наш: [17, л. 1–115].

Директивные указания центральных учреждений республики и принятые на заседаниях исполкома Ибресинского райсовета решения позволили в целом организованно осуществить прием и размещение эвакуированного населения. 12 июля 1941 г. на заседании обсуждались вопросы о санитарно-профилактических мероприятиях с определением ответственных должностных лиц. Перед ними ставились задачи по созданию врачебных бригад для общего наблюдения, выделению помещений для матерей с детьми и 15 коек в случае инфекционных больных, организации столовых для детей, обеспечению кипяченой водой на всех пунктах размещения. Председатели Ибресинского поселкового и Ибресинского сельского советов должны были «взять на учет все индивидуальные бани и обеспечить мытьем» эвакуированных [7, л. 267–267 об.].

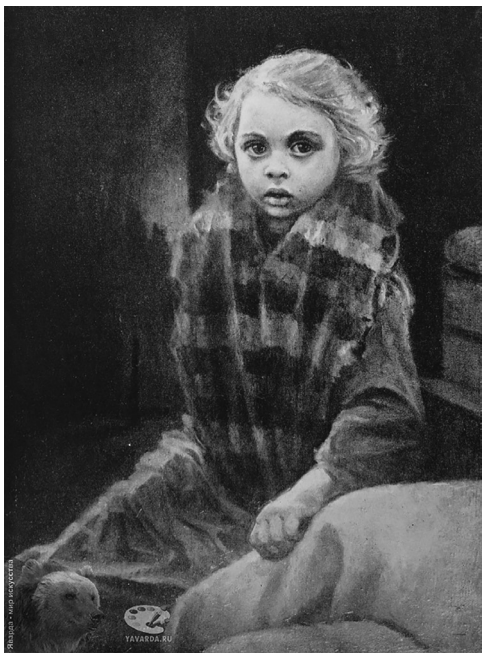
Прибывших первым эшелоном в Ибресинский район кормили бесплатными обедами из расчета 6 руб. в день. Для них в поселках Ибреси, Буинск и сельских местностях на июль месяц выделялось 540 ц муки. Она отпускалась в Ибресинский и Буинский рабкоопы (321,1 ц), Чуваш-Тимяшское, Хормалинское, Новочурашевское, Тойси-Паразусинское и Кировское СПО (188,5 ц), Леспродторг (30 ц). 29 августа 1941 г. с целью наведения порядка была установлена единая ставка квартирной платы для эвакуированных граждан, проживающих в частных домах поселков Ибреси и Буинска. Теперь частные домовладельцы не имели права взимать квартирную плату выше 99 коп. за 1 квадратный метр. В октябре 1941 г. определена норма выдачи хлеба взрослому населению по 800 г и детям по 400 г в сутки [7, л. 261, 270 об., 310 об.– 311, 346].

По сохранившимся спискам Переселенческого отдела при Совнаркоме Чувашской АССР становится известно, что больше всего прибывших на станцию Ибреси пришлось на июль 1941 г. 5 июля в список внесены персональные данные 543 чел., 18 июля – 552 чел. (399 семей), 31 июля – 567 чел. (215 семей). К осени 1941 г. Ибресинский район принял более 1700 чел. Для достижения плановых показателей перед местными властями ставилась задача о дополнительном приеме 900 чел. На 15 октября 1941 г. размещенных по району было 1959 чел., в 1942 г.– чуть выше 2300 чел. [9, л. 21; 10, л.49; 11, л.10; 12, л.14, 31, 42; 14, л.116а; 15, л. 34, 45; 16, л. 26, 38 об.].

Статистическая информация на 15 июня 1942 г. показывает, что из 2357 чел. 43,4 % (1023 чел.) эвакуированных в Ибресинский район граждан составляли жители Московской области. Сюда также прибыли с Латвийской ССР 251 чел. (10,6 %), Белорусской ССР – 121 чел. (5,1 %), Украинской ССР – 80 чел. (3,4 %). Переселившихся из Орловской области было 247 чел. (10,4 %), Тульской области – 193 чел. (8,2 %), Ленинградской области – 181 чел. (7,7 %), Калининской области – 157 чел. (6,7 %). Остальные эвакуированные граждане являлись выходцами из Эстонской, Карело-Финской, Литовской ССР, Смоленской, Мурманской, Тамбовской, Рязанской и Ивановской областей, Дальневосточного края, Крымской АССР [12, л. 42].

Национальный состав населения с учетом географии выбытия был следующим: русских – 73,1 % (1724 чел.), евреев – 12 % (282 чел.), украинцев – 4,4 % (104 чел.), латышей – 3,9 % (93 чел.), белорусов – 3,4 % (80 чел.). Менее одного процента приходилось на поляков, литовцев, эстонцев, немцев, армян, мордву, татар, башкир, а также эвакуированных из Карело-Финской ССР чувашей [12, л. 42].

Среди эвакуированного населения преобладали лица женского пола (1574 чел.), что вполне объяснялось военным временем. Их в возрасте от 16 до 59 лет учтено 935 чел. (около 60 %). Численность мужчин была в 2 раза меньше (783 чел.). В то же время доля граждан трудоспособного возраста составляла всего 27 % (212 чел.). Эвакуированных детей было 1059, в том числе 626 чел. в возрасте до 7 лет. Детей, прибывших в Ибресинский район без родителей, выявлено 9, в том числе 7 мальчиков и 2 девочки [12, л. 27, 42]. В течение 1942 г. в Ибресинский детский дом устроились 277 детей, в том числе из Ленинграда 47 чел. и Москвы 30 чел. [1, л. 5].

Ил. 1. Эк Шандор. Эвакуированная маленькая девочка. 1943 [26]

Из документов видно особое отношение местных учреждений к детям эвакуированных граждан, которых должны были охватить заботой и вниманием. В октябре 1941 г. в целях обучения детей школьного возраста решался ряд назревших проблем. В Ибресинском районе было зафиксировано 254 детей, эвакуированных из прифронтовой полосы, а также детей мобилизованных родителей в Красную Армию. В этих целях была усилена работа в части обеспечения питанием, обувью, одеждой, учебной литературой и различными школьными принадлежностями. Заведующему роно вменялось в сжатые сроки организовать интернаты с питанием для нуждающихся детей [7, л. 336]. Дети эвакуированных также

посещали дошкольные учреждения. В марте 1943 г. в Ибресинский поселковый детский сад ходили мальчики и девочки 3–7 лет. Они были родом из Москвы (2 чел.), Риги (6 чел.), Сталиногорска (ныне г. Новомосковск. – *Д.Б.*) (3 чел.), Тулы (1 чел.), Минска (1 чел.), Киева (2 чел.), Харькова (1 чел.), Эстонской ССР (1 чел.). В Буинском детском саде при лесозаводе находились ребята, вывезенные из Ленинградской области (8 чел.) и Латвийской ССР (2 чел.) [5, л. 10, 12].

Деятельность дошкольных и образовательных учреждений позволяла родителям и родственникам, на иждивении которых они находились, трудоустроиться и регулярно ходить на работу. Однако открытие яслей и детских садов в Ибресинском районе, как и в Чувашской АССР, решалось медленно, вызывая недовольство у прибывших по эвакуации граждан. По данным на март 1942 г., в Ибресинском районе 46 % эвакуированного населения не было трудоустроено. Совнарком Чувашской АССР отмечал, что исполкомы районных, сельских советов и правления колхозов недооценили дело трудоустройства эвакуированных, а отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения не принял исчерпывающие меры по организации этой работы в районах [8, л. 3].

В середине 1942 г. в Ибресинском районе учтено 997 чел. трудоспособного эвакуированного населения. Из указанного числа доля нетрудоустроенных составила всего 12,7 % (127 чел.). Остальные 594 чел. трудились в колхозах, 99 чел. – учреждениях и организациях, 56 чел. – промышленных предприятиях, 13 чел. – промартелях, по 4 чел. – в МТС и на железнодорожном транспорте. Властные структуры требовали, чтобы на местах принимались меры к устройству на работу всех трудоспособных, учитывая в то же время специальность эвакуированных лиц [11, л. 11, 12].

Прибывшая из Украинской ССР Р.А. Павленко до войны трудилась акушеркой в районной больнице. Она, прибыв в Буинск, заняла должность врача-акушера врачебного участка [18, л. 81–81 об.]. А.Н. Штурманова в октябре 1941 г. устроилась по своей специальности счетоводом в «Союзутиль», позже – в Заготсено [17, л. 101; 18, л. 43]. Для москвички Е.А. Дюдиной в соответствии с прежней ее специальностью в Ибресях нашлась работа бухгалтера в Заготзерно [17, л. 100].

Учителя, имевшие за плечами огромный педагогический стаж, в надежде устроиться на работу обращались с заявлениями в Наркомпрос Чувашской АССР. В сен-

Ил. 2. Ингер Г.Б. Колхозницы в поле. 1942. 31 × 42 [19, № 11574856]

тябре 1941 г. Евгения Васильевна Гулидова (1894 г. р.), размещенная по эвакуации в д. Передние Сятры Чебоксарского района, писала: «В связи с эвакуацией из Старорусского района я осталась без работы. Прошу назначить меня на учительскую работу. Специальность моя – русский язык и литература, но могу работать в педагогическом кабинете, учителем начальной школы и районным школьным инспектором» [2, л. 51]. Она начала учительскую деятельность еще в 1913 г., а с 1934 по 1941 г. являлась школьным инспектором Старорусского отдела народного образования Ленинградской области. Для таких, как Евгения Васильевна, война стала настоящей трагедией. В своей автобиографии она отмечала: «Эвакуация выбила меня из обычной колеи жизни, лишила работы и оторвала от педагогической литературы, что больно отозвалось на моем самочувствии. Но я твердо полагаю, что это явление временное и я снова буду иметь возможность отдать свои знания и свой опыт любимой педагогической работе» [2, л. 54 об.]. Вскоре Е.В. Гулидова переезжает в пос. Буинск и вплоть до 1945 г. ведет свои любимые предметы, работает в должности директора школы [3, л. 80; 4, л. 9–9 об.; 6, л. 8, 37].

К 17 января 1942 г. в школы Ибресинского района было трудоустроено всего 12 учителей. И.А. Шишкалов, бывший инспектор облоно г. Пинска Белорусской ССР, занял должность инспектора Ибресинского роно, а его жена Татьяна Ивановна и дочь Лидия Ильинична вели занятия в Ибресинской неполной средней школе. Эвакуированные из Москвы П.П. Преснова, М.М. Демидова и В.З. Крупенин работали в поселках Новая Жизнь, Паральша и Спотара, располагавшихся в Ворошиловском и Кировском сельских советах. В Климовской школе обучала детей А.А. Ринская, в Хормалинской – Е.Г. Шварц (г. Рига), а в Буинской – Е.В. и И.В. Гулидовы, А.П. Рябов и Д.Б. Салямон (г. Тарту) [3, л. 80].

В Ибресинском районе оказались в эвакуации также известные художники и деятели искусств. В списках прибывших граждан за июль 1941 г. значатся художники Г.Б. Ингер, А.И. Лейхт-Кейль, В.С. Кизевальтер, А.А. Гладун, А.П. Петрова, [16, л. 30, 31, 36 об.]. Григорий Борисович (Бенционович) Ингер со своей семьей поселился в д. Новое Климово, где писал свои произведения, в том числе из серии «Жертвы войны». Он, несмотря на бытовые проблемы и тяготы войны, полностью был погружен в творческий процесс. Григорий Борисович в дневнике от 13 декабря 1943 г. написал: «Бушует война. Далеко не все художники понимают, как велика роль искусства в эти трагические дни. Многие, нечутким сердцем, люди холодной и черствой души, ничему не научились. Главное для них – хорошо поесть, пожить в свое удовольствие. Такие художники забывают, что мало видеть... нужно иметь живую душу, чувствовать сердцем» [21, с. 320]. Он, видя сельскую жизнь в чувашской глубинке, все пропускал через себя, выбирая актуальные сюжеты для своих картин. Его сопереживания запечатлелись также в следующих строках дневника: «Ново-Климово – несколько полуразвалившихся избушек, где царит страшная нужда и голод. Наш сосед с пятью детьми и женой всю зиму сидят без хлеба, получают по 200 г в день. Одного из этих

Ил. 3. Ингер Г.Б. Из серии «Жертвы войны». Серёжа. 1944. 43,2 × 31,7 [21, с. 328]

детей, Сережу, я рисовал. Он смотрел на меня большими голодными глазами – хотя мы его накормили, он остался голодным. Во время моей работы жена, посмотрев на него, разрыдалась» [21, с. 321].

Венгерский художник, живописец, график и плакатист Александр Иванович Лейхт-Кейль (Алекс Кейль, Лейхт Шандор, Эк Шандор) проживал в лесном поселке Паральша. В годы эвакуации, видимо, была создана картина «Эвакуированная маленькая девочка» (1943) [17, л. 4; 26]. В д. Сив-Сирма (ныне в составе Канашского муниципального округа. – *Д.Б.*) размещалось несколько семей деятелей искусств. М.Ф. Кизевальтер прибыла из Ленинграда с двумя дочерями – Верой и Татьяной. Первая являлась художником, а вторая – артисткой Малого театра [17, л. 79; 22]. Художники Александра Антоновна Гладун и Александра Платоновна Петрова, оказавшись в чувашской деревне, как и их коллеги по кисти, начали писать картины, сконцентрировав свое внимание на жизни тружеников тыла и местных просторах. В 1942 г. работы А.П. Петровой демонстрировались на выставке «Художники Чувашии в дни Отечественной войны» [20]. Сегодня часть произведений эвакуированных художников хранится в фондах Чувашского государственного художественного музея [19].

Большинство эвакуированных в сельскую местность трудилось на колхозных полях и фермах района. В д. Русские Тимяши проживала семья Дицманис. Глава семейства Эдуард Денисович, бывший сапожник артели инвалидов, устроился в колхоз «Буденный», в котором к весне 1942 г. заработал 246 трудодней. Из документа следует, что он является ударником, и все колхозники относятся к нему с уважением [13, л. 27; 17, л. 32]. В с. Чувашские Тимяши насчитывалось 85 эвакуированных. Из них 32 чел. трудоустроились в колхозе. Прибывшая из Риги полька Юзефа Тумович (1883 г. р.) до войны была портнихой на фабрике. В колхозе «Большевик» она являлась птичницей [17, л. 36; 28].

До начала войны городские жители были заняты в различных сферах экономики. Например, в Москве А.М. Васильева имела профессию инкассатора, Ф.А. Зарипова – кондитера на фабрике, В.И. Михайлова – парикмахера, Л.Ф. Буланкина – экономиста, А.А. Быстров – юриста на заводе, Е.Ф. Кряжина – токаря. В 1-й картографической фабрике им. Дунаева М.Е. Садунова являлась фоторетушером, О.Н. Титкова – мастером участка сортировочного цеха [17, л. 1, 5, 7, 9, 38, 61]. На предоставленных рабочих местах эвакуированные, освоив новые профессии, трудились самоотверженно. Среди них отличались передовики-стахановцы. Н.Ф. Молев (1906 г. р.) был родом из Волхова Ленинградской области. В Буинском лесозаводе он занимал одновременно должности слесаря и машиниста. Из-за нехватки квалифицированных рабочих рук Николай Федорович, став наставником, обучил коллег по цеху профессиям электромонтера, слесаря и шорника. Фронтовик Р. Блох после ранения остался с семьей в Буинске,

Ил. 4. Петрова А.П. Уборка в поле. 1942–1943. 20,5 × 27 [19, № 11574833]

где со своей супругой работал на складе лесозавода. Они перевыполняли норму на 150–160 % [17, л. 87; 27]. Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от Буинского лесозавода наградили механика Н.Ф. Молева и пилостава П.П. Пономарева [28]. Петр Петрович приходился земляком Николая Федоровича и до войны трудился на Волховском лесозаводе [17, л. 85].

Таким образом, более двух тысяч эвакуированных граждан временно обрели свою малую родину в Ибресинском районе Чувашии и приняли активное участие в приближении Победы в глубоком тылу.

Литература и источники

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1187.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 826.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 1076.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 1092.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 1157.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 1285.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 213.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 30.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 31.
10. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 35.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 36.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 39.
13. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 46.
14. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 51.
15. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 52.
16. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 58.
17. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 71.
18. ГИА ЧР. Ф. Р-1292. Оп. 11. Д. 9.
19. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 25.04.2026).
20. *Готлиб М.В.* 3 апреля исполняется 130 лет со дня рождения Александры Платоновны Петровой // Мемориальный музей-квартира М.С. Спиридонова. URL: https://vk.com/wall-175172301_1498?ysclid=mpdskizfmd408254956 (дата обращения: 25.04.2026).
21. Григорий Ингер: художественный альбом / сост. М.Г. Гадас. Москва: Книжники, 2018. 471 с.
22. Личный состав труппы Малого театра 1917–1982 гг. Артистки // Государственный академический Малый театр России. URL: https://www.maly.ru/pages?name=truppa_new&ysclid=mpdv15bhsn132776960 (дата обращения: 02.05.2026).
23. Повседневная жизнь населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / сост.: И.И. Бойко (отв. сост.), Н.Ю. Толстова, А.Ю. Гусарова, Л.И. Васильева и др. Чебоксары: Новое Время, 2025. 468 с.
24. Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 556 с.
25. *Потемкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 265 с.
26. *Рублев В.* Живописец и график Эк Шандор // Интернет-альманах Валерия Рублева «Яварда». URL: https://yavarda.ru/eksandor.html (дата обращения: 25.04.2026).
27. *Рубцов И.* Эвакуаци йĕркипе килнисем ĕç фронтĕнче // Колхоз пурнăçĕ. 1942. Сентябрь, 5. 73 (1057) №.
28. Тематическая база данных «Награжденные медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”» // Государственный исторический архив Чувашской Республики. URL: https://giachr.archives21.ru/archives/giachr/db/awarded?page=1&size=30 (дата обращения: 25.04.2026).
28. Эвакуациленĕ халăхшăн тăрăшмалла // Колхоз пурнăçĕ. 1942. Март, 2. 18 (1003) №.

УДК 93/94

Л.И. Васильева

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЛЕБА АНДРЕЕВИЧА ИЛЬЕНКО: ИЗ ЛЕНИНГРАДА ДО ЧЕБОКСАР

Аннотация. В статье выделяются особенности использования нарративных документов в изучении истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и, в частности, эвакуации из блокадного Ленинграда. На основе воспоминаний Глеба Андреевича Ильенко анализируются основные события, пережитые им в юном возрасте в осажденном городе и во время эвакуации в тыл, что в комплексе способствует составлению подробной картины жизни эвакуированной семьи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Ленинград, блокада, эвакуация, дети войны, воспоминания, Чувашия.

L.I. Vasilieva

THE LIFE JOURNEY OF GLEB ANDREEVICH ILENKO: FROM LENINGRAD TO CHEBOKSAR

Abstract. The article highlights the peculiarities of the use of narrative documents in the study of the history of the Great Patriotic War of 1941–1945, and in particular the evacuation from besieged Leningrad. Based on the memoirs of Gleb Andreevich Ilyenko, survival in a besieged city and evacuation to the rear are analyzed, which together contributes to compiling a detailed picture of the life of the evacuated family.

Keywords: the Great Patriotic War of 1941–1945, Leningrad, blockade, evacuation, children of war, memoirs, Chuvashia.

Блокада Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стала одной из самых трагических и героических страниц в мировой истории. Это была самая продолжительная и кровопролитная осада крупного города в XX столетии. Для спасения страны и укрепления тыла было необходимо успеть вывезти из угрожаемых вражеской оккупации районов промышленное оборудование, сельскохозяйственное имущество, культурные ценности, а главное – десятки тысяч людей.

Об этих событиях в отечественной историографии, как в советской, так и в современной российской, не говоря уже о зарубежной, сказано очень многое, но тема эвакуации периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по-прежнему неисчерпаема.

В научных работах в основном акцент сделан на анализе процесса эвакуации, результатах перевода в тыл промышленного оборудования и населения, проблемах адаптации эвакуированных в тылу. Обращение к архивным документам в изучении данных аспектов темы способствует сохранению подлинной истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) основной комплекс документов, свидетельствующий об эвакуации населения в Чувашию, содержится в фондах Совнаркома Чувашской АССР, Переселенческого отдела Совнаркома Чувашской АССР (в 1942–1945 гг.– отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения), Наркомата просвещения Чувашской АССР, районных отделов образования и детских учреждений. Среди них имеются материалы секретного хранения, рассекреченные на рубеже XX–XXI вв.

Анализируя представленные фонды, нужно помнить, что официальные документы и сводки не дают понимания эвакуации в ее человеческом аспекте, не раскрывают психологические нюансы и, как следствие, не позволяют полностью понять такое явление, как эвакуация из блокадного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Для всестороннего изучения темы особое внимание следует уделить такому историческому источнику, как воспоминания. Обращаясь к подобным материалам необходимо учитывать некоторые особенности.

Одна из ведущих российских исследователей эвакуации М.Н. Потемкина отмечает: «Главная особенность воспоминаний и мемуаров – их субъективность. В описании фактов проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение и политические взгляды. При анализе этих документов необходимо учитывать социальную обусловленность мышления их создателей и различать три уровня отражения духовных процессов: общие представления, характерные для эпохи; идеи и представления той социальной общности, к которой принадлежит автор; наконец, его собственное, индивидуальное отношение к действительности» [9, с. 7–8].

Источниковой базой данного исследования являются воспоминания первого генерального директора АО «Элара», заслуженного работника промышленности Чувашской АССР, почетного авиастроителя, почетного гражданина г. Чебоксары Глеба Андреевича Ильенко (17.09.1938 – 23.03.2007), чей личный фонд хранится в ГИА ЧР. В фонде представлены статьи о его жизни и деятельности, документы о награждении, присвоении званий, личные фотографии, рукопись стихотворения «Прощание с Волгой». Информационным дополнением стала книга Г.А. Ильенко «Воспоминания» (2006) из научно-справочной библиотеки архива.

Нами был изучен его личный фонд, сторонние источники – статьи в сборниках документов и периодических изданиях, интервью и т. д. [1, с. 56–61; 2, с. 126; 3; 4; 8; 10]. Примечательно, но тема блокадного Ленинграда и эвакуации в жизни Глеба Андреевича во многих источниках представлена лишь фрагментарно. Вероятно, это связано с тем, что Глеб Андреевич широко известен, прежде всего, как выдающийся организатор и созидатель.

Благодаря его усилиям и профессиональному мастерству на обширной строительной площадке был создан один из ведущих авиаприборостроительных заводов страны – АО «Научно-производственный комплекс «Элара»». Деятельность Г.А. Ильенко отличалась высокой степенью ответственности, целеустремленности и волевыми качествами, что позволило достичь значительных успехов в реализации поставленных целей. Более 200 тыс.кв. м жилья, десятки детских садов и общежитий, больничный комплекс «Северный», детско-юношеская спортивная школа, лечебно-оздоровительный комплекс «Лесная сказка» и многие другие объекты появились благодаря предприятию «Элара», которое с 2007 г. носит имя Г.А. Ильенко [5, л. 8].

Помимо профессиональной деятельности, Глеб Андреевич также активно занимался благотворительностью. Оказывал поддержку различным организациям, включая благотворительные фонды, Чувашскую епархию, городские администрации и спортивные учреждения. Кроме того, он внес значительный вклад в строительство Покровско-Татианинского собора, расположенного вблизи завода, вложив в этот проект половину необходимых средств [5, л. 10].

Г.А. Ильенко проявлял инициативу в решении сложных задач, не боялся рисков, участвовал в трудовом процессе, вдохновляя своих сотрудников личным примером: «...чтобы доказать, в первую очередь себе, что я на своем месте, работал больше любого специалиста на заводе. Было огромное желание не просто самореализовываться, но и принести пользу государству и своей малой родине – Чувашии, которая во время [Великой Отечественной] войны приютила нашу семью, ленинградцев-блокадников...» [5, л. 3].

Воспоминания Глеба Андреевича об эвакуации позволяют под привычным образом «железного» руководителя с мощной статью и сильным характером увидеть ребенка, пережившего страшные события: голод, холод, страх, лишения. Кроме того, его личностное восприятие позволяет реконструировать исторический контекст, выявляя, главным образом, социальные и психологические аспекты выживания населения в условиях военного времени.

Необходимо сделать акцент на том, что в начале Великой Отечественной войны маленькому Глебу было неполных 3 года. «Процесс "вспоминания" военного детства – это интерпретация, сформировавшаяся под влиянием военной действительности, официальной советской пропаганды, индивидуальных особенностей личности и преломленная через время. Поскольку память индивидуальна, единого унифицированного "детского образа" войны и эвакуации быть не может. <...> Детская память имеет свои социальные рамки, отличные от взрослых, во многом определяемые особенностями воображения, воспоминания "детей войны" содержат множество житейских подробностей, они переполнены эмоциями. Все это позволяет сделать историю эвакуации более полной и аутентичной» [9, с. 7].

Исследование воспоминаний Глеба Андреевича позволяет выделить четыре основных периода, каждый из которых соответствует определенным хронологическим рамкам и связанным с ними перемещениям и событиям семьи Ильенко:

1. Начало войны – июнь 1942 г.– Ленинград;
2. Июнь 1942 – 1943 г.– Саратовская область;
3. 1943–1948 гг.– Самарская область;
4. С 1948 г.– Чебоксары.

Рассмотрим каждый пункт подробнее.

К первому из них относятся воспоминания, связанные, главным образом, с жизнью в блокадном Ленинграде. При этом следует иметь в виду, что речь идет о более позднем описании событий, осмысленных с учетом собственного жизненного опыта, рассказов о блокаде родственников, прочитанных книг и др. Нарративы Глеба Ильенко рисуют общий облик города, условия жизни блокадников, дают характеристику того времени: «...В большой многокомнатной квартире жило 5–7 семей. В нашей комнате площадью 35–40 метров мы жили впятером, в то время так жили почти все ленинградцы. Поставили буржуйку, трубу вывели в окно. Если не задувало ветром дым в комнату, то, разрубив очередной стул, можно было немного натопить» [5, л. 12]. «В марте добавилась еще одна задача – приближалась теплая погода. Все население должно было ежедневно по 2 часа в день вырубать ломами трупы, боялись эпидемий. Зимой люди на улице, обессилив, присаживались отдохнуть и не вставали больше. Около каждого дома у подъездов клали умерших ночью, зашивали их только в простыни. Все заметалось снегом» [7, с. 9–10].

В блокаде на фоне ежедневных ужасов проявлялись и лучшие человеческие качества: забота о ближних, самопожертвование, вера в лучшее.

В воспоминаниях об этом периоде часто можно встретить выражения «Наш Ангел-Хранитель дал нам выжить», «Ангел-Хранитель спас нас...», «...надо благодарить Бога, Ангела-Хранителя...», «...Ангел-Хранитель спас нас и здесь» – подобные фразы явно указывают, что порой жителям осажденного города оставалось только верить в чудо. И чудеса случались.

Удивительно, как жизнь семьи Ильенко, словно незримой нитью судьбы, соединилась с Чувашией еще тогда, в блокадном Ленинграде. Глеб Андреевич вспоминал, как его обессиленная мама – Ильенко (Душина) Вера Ивановна (06.01.1903 – 02.08.1984) придя в морозы за водой на Неву, поскользнулась и почувствовала, что самостоятельно встать уже не сможет. В то время это привело бы к неминуемой смерти. Женщину спас военный. Он помог дойти до дома, поделился провизией. «Этот эпизод мне врезался в память, когда все радостно, возбужденно хлебали из большой кастрюли суп из

хлеба с тушенкой и радовались. Это было спасение на какое-то время. Он пробыл с нами, рассказал, что ему дали одно- или двухдневный отпуск за геройство в каком-то деле, что он из Чувашии. Мама спросила тогда: "Где это?" Не знала, что судьба распорядится так, что все мы будем связаны с Чувашией, что город Чебоксары станет нашим родным на всю жизнь» [7, с. 11–12]. По словам Глеба Андреевича, когда семья оказалась в Чувашии, они пытались найти своего спасителя – капитана Устинова Ивана Устиновича из Красноармейского района, но Ильенко удалось узнать только то, что он пал смертью храбрых при защите Ленинграда. Впоследствии Г.А. Ильенко повторял: «Помните и вы об этом, дорогие внуки – нас спас Чуваш, погибший при защите Ленинграда!» [7, с. 12].

В июне 1942 г. семья Ильенко эвакуировалась. Этот нелегкий путь оставил неизгладимый след в памяти Глеба Андреевича: «Нас посадили на маленький, перегруженный людьми пароходик, и мы поплыли по Ладоге – на той стороне были наши. Все тревожно смотрели в небо. Любой немецкий истребитель (фашисты любили топить гражданские корабли) мог с одного захода отправить нас на дно...» [7, с. 14]. «...армейские кухни варили кашу. Я помню ее – это пшенка с изумительным запахом. Нас предупреждали: ешьте не сразу, а в 3–4 приема, опасно для жизни – кишки у всех стали тонкими, как пергамент. Удержаться было трудно, и многие умирали от заворота кишок прямо здесь же... Все кричали: "Дай еще, еще!" Мама плакала, но не давала много и только мазала ложкой по нашим губам. Я часто думаю о своих родных, что они пережили, глядя на угасающего от голода 3-летнего мальчика, который в конце уже перестал просить хлеб» [5, л. 12].

Важным фактором в военном социуме для эвакуированных являлось моральное преодоление себя и приобщение к чужой культуре и традициям. Данные условия выживания прослеживаются во втором пункте исследования, который посвящен размещению эвакуированной семьи Ильенко в г. Балаково (Саратовская область). В воспоминаниях Г.А. Ильенко отложились впечатления от города: «...в июне 1942 г. это была татарская деревня – на левом песчаном берегу Волги, где единственным видом транспорта был верблюд» [7, с.16]. Как и многие эвакуированные родные Глеба Андреевича старались адаптироваться к новому укладу жизни: «...пили верблюжье молоко, ели верблюжье мясо» [7, с. 16]. Нарративов о пребывании в данном городе немного, вероятно, это связано с тем, что все силы организма маленького ребенка были в первую очередь направлены на восстановление ресурсов, а не на запоминание новой среды. Кроме того, в г. Балаково семья находилась недолго.

Важно отметить, что архивные документы и источники личного происхождения предоставляют нам возможность выявить комплекс материально-бытовых проблем, возникавших у эвакуированных с прибытием на новые места жительства. Граждане, оказавшиеся в эвакуации, нуждались в жилье, медико-санитарном обслуживании; они должны были определиться на работу или учебу, обеспечить себя продуктовыми и промышленными товарами. Кроме того, в худшем положении находились эвакуированные из блокадного Ленинграда, поскольку им требовалось время на физическое восстановление после голода и истощения, а также люди, пережившие двойную, а то и тройную эвакуацию.

К счастью, семья Ильенко имела ряд преимуществ. Во-первых, они прибыли в эвакуацию в летний сезон, когда вопрос с продовольствием обстоял значительно лучше.

Во-вторых, в быстрых сборах перед отправкой в эвакуацию блокадникам нужно было сообразить, что именно им пригодится для выживания и заработка. Так, мать семейства Вера Ивановна успела забрать из Ленинграда швейную машинку «Singer», благодаря чему в г. Балаково она имела возможность зарабатывать шитьем.

В-третьих, личная способность человека подстраиваться под сложившиеся условия и находить применения своим способностям. Показателен случай, когда отец и старший брат Г.А. Ильенко отремонтировали дизель на мельнице и начали посменно

работать мельниками. Люди со всей округи привозили зерно, оставляя мельникам положенную долю [7, с. 17].

Для Глеба Андреевича отец Ильенко Андрей Иванович (30.09.1891 – 01.10.1964) был примером сильного и смекалистого человека. До блокады А.И. Ильенко трудился работником оборонного завода, поэтому, когда из Балакова он написал письмо в Наркомат оборонной промышленности, в 1943 г. его направили на завод боеприпасов в г. Чапаевск Куйбышевской (ныне Самарской) области. В воспоминаниях ребенка встречаем впечатления от города, преломленные через восприятие взрослого человека: «Чапаевск – в сорока км от Куйбышева – захолустный, грязный, утопающий во вредных выбросах городок, где прямо по улицам вдоль дорог и тротуаров в деревянных лотках текли желтые, вонючие стоки с производства взрывчатых веществ. Некогда было на это обращать внимание. Шла кровопролитная война» [7, с. 18]. Как и в г. Балаково, семья обустраивалась на новом месте. Подсобное хозяйство завода, которым заведовал отец Ильенко, располагалось недалеко от д. Журавли, где семья прожила до 1946 г.

По признанию самого Глеба Андреевича, именно в д. Журавли он «начал жить нормальной мальчишеской жизнью» [7, с. 19]. Затем семья вновь перебралась в г. Чапаевск, там Глеб и его сестра пошли в школу [7, с. 21].

Именно в этом городе семья Ильенко встретила День Победы. В памяти Глеба Андреевича сохранился митинг 9 мая 1945 г.: «Мы, мальчишки, пристраивались к колонне солдат, маршировали с ними. Крепкие солдатские руки сажали нас на плечи, давали нам изумительные солдатские сухари, иногда кусок сахару. И девушки-санинструкторы, и солдаты почему-то всегда смотрели на нас с улыбкой, шутили, трепали по затылкам. С тех пор каких бы я не видел старых, убеленных сединой ветеранов, где время оставило на лицах борозды войны и прожитых лет, у меня всегда всплывают в памяти те дни 1944–1945 гг.: молодые парни и девчата в военной форме – шутливые, сильные, добрые к нам, мальчишкам военной поры. 9 мая – святой для всех день! Никогда нельзя его забывать!» [5, л. 12].

Для многих людей, находящихся в эвакуации, за днем Победы последовала реэвакуация. Но и в этот раз переезд семьи Ильенко зависел от служебной деятельности отца семейства. Так, в 1948 г. Наркомат оборонной промышленности назначил его заместителем директора завода № 320 по общим вопросам в г. Чебоксары.

Первые впечатления Глеба Андреевича о Чувашии, в частности о Волге, контрастируют по сравнению с предыдущими местами пребывания: «Отец уехал чуть пораньше, а мы упаковали вещи, сели на почтово-пассажирский пароход “Вячеслав Молотов” и поплыли вверх по Волге. Вот тогда-то я в нее и влюбился и прирос к ней на всю оставшуюся жизнь» [7, с. 22].

На этом этапе исследования проявилось глубокое понимание и освоение адаптационных практик, которые семья Ильенко приобрела за годы переездов. Закономерно, что приоритетной задачей в процессе адаптации являлось создание и обустройство жилого пространства и домашнего хозяйства. Об этом свидетельствует следующий фрагмент воспоминаний Глеба Андреевича: «19 мая 1948 года мы в 12 часов ночи благополучно приехали в Чебоксары. Долго ехали до Чапаевского поселка, где был завод... Мои родители, намыкавшись, взялись очень основательно за устройство быта. Отец в каждой комнате сложил печки-голландки, построил обширный сарай во дворе, выкопали большой погреб, куда закладывалась тонна картошки. Развели свиней, кур. Попросил разрешения и засеял гречкой поле. Мать набила крупой все сундуки, солила капусту, огурцы, помидоры и хорошо подготовились к зиме 1948–1949 года. Блокада научила» [7, с. 25–26]. Такой подход давал человеку ощущение психологической защищенности и стабильности, что является основным аспектом успешной интеграции в новую социокультурную среду.

Можно предположить, что указанные факторы сыграли ключевую роль в решении семьи Ильенко остаться в Чебоксарах. Здесь Глеб Андреевич познакомился со своим лучшим другом Б.В. Николаевым и пронес дружбу с ним сквозь года, закончил

школу, начал свою трудовую деятельность, женился, вместе с супругой Ниной Андреевной воспитал двух дочерей – Татьяну и Ольгу, а затем и внуков. Здесь же 23 марта 2007 г. после продолжительной болезни Г.А. Ильенко ушел из жизни.

На сегодняшний день имя Глеба Андреевича Ильенко известно далеко за пределами Чувашии и России, оно вписано золотыми буквами в историю авиации и приборостроения. Г.А. Ильенко удостоен множества государственных наград, включая звания заслуженного работника промышленности Чувашской Республики и почетного гражданина г. Чебоксары. Многочисленные документы о награждениях, присвоении почетных званий (благодарственные письма, грамоты, дипломы, свидетельства и др.) [6, л. 1–28] красноречиво свидетельствуют о его активной жизненной позиции.

Ильенко внес значительный вклад в сохранение чувашской культуры и этноса, что было отмечено Всечувашской национальной премией имени Ивана Яковлевича Яковлева. Данная награда присуждается за особые заслуги перед чувашским народом, поэтому Глеб Андреевич всегда очень гордился тем, что был первым русским, удостоенным этой награды. Но главное признание заслуг Г.А. Ильенко – это добрая память, которую он оставил после себя людям.

В Чебоксарах в честь человека-легенды названа одна из улиц в микрорайоне «Волжский-3». В сквере, носящем его имя, установлен бюст-памятник Г.А. Ильенко; на доме, где он жил в последние годы, размещена мемориальная доска. Ильенко в бронзе каждое утро встречает заводчан – у проходной установлен памятник первому директору, который продолжает своим образом вдохновлять работников на дальнейшие успехи.

Г.А. Ильенко останется в памяти людей, как сильный и мудрый человек. Подводя итоги жизни, Глеб Андреевич резюмировал: «Я сделал все, что задумал, все, что смог, на что хватило моих душевных и физических сил и здоровья. Совесть моя чиста перед Богом, Людьми и Отечеством, перед ставшей нам родной Чувашией» [10].

Литература и источники

1. *Александрова Н.Н.* Судьба человека в истории города (заслуженный работник промышленности Чувашии Г.А. Ильенко) // Информационные ресурсы архивов в изучении региональной истории: сборник материалов IX Межрегиональных архивных чтений, посвященных 550-летию города Чебоксары (Чебоксары, 8 августа 2019 г.). Чебоксары: Формат М, 2019. С. 56–61.

2. *Бойко И.И.* Ильенко Глеб Андреевич: Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2: Ж–Л. 491 с.

3. *Васильева Л.И.* Чебоксарскому приборостроительному заводу (ныне АО «Научно-производственный комплекс «ЭЛАРА» имени Г.А. Ильенко») – 50 лет! URL: https://archives21.rchuv.ru/news/2020/02/09/cheboksarskomu-priborostroiteljnomu-zavodu-nine-ao (дата обращения: 27.01.2026).

4. Видеосюжет ГТРК «Чувашия» «Легендарный директор «Элары» Глеб Ильенко теперь в бронзе». URL: https://chgtrk.ru/novosti/legendarnyy-direktor-elary-gleb-ilenko-teper-v-bronze/ (дата обращения: 27.01.2026).

5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2696. Оп. 1. Д. 1.

6. ГИА ЧР. Ф. Р-2696. Оп. 1. Д. 3.

7. *Ильенко Г.А.* Воспоминания. Чебоксары: ПРИНТ-ЛЮКС, 2006. 121 с.

8. Наследие Чувашии (цифровая библиотека чувашского наследия). URL: https://наследиечувашии.рф/russian/ильенко-глеб-андреевич-организатор-п/ (дата обращения: 27.01.2026).

9. *Потемкина М.Н.* «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. технического ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 151 с.

10. «Сделал все, что задумал, все, что смог»: (к 80-летию со дня рождения Г.А. Ильенко) // Советская Чувашия. URL: http://sovch.chuvashia.com/?p=200544 (дата обращения: 27.01.2026).

УДК 94(47).084.8:355.244”1941–1942”

Л.Л. Газиева

ЭВАКУАЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1942 ГОДА

Аннотация. В статье раскрыто взаимодействие центральных и местных органов советской власти по организации спасения населения Ленинграда летом – осенью 1942 г. Выделены основные направления эвакуационной деятельности органов государственной власти, механизмы преодоления возникших трудностей, а также причины недостаточной эффективности эвакуации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, блокада Ленинграда, гражданское население, спасение населения.

L.L. Gazieva

EVACUATION OF THE LENINGRAD POPULATION IN THE SUMMER AND FALL OF 1942

Abstract. This article reveals the interaction between central and local soviet authorities in organizing the rescue of the population of Leningrad in in the summer and fall of 1942. It highlights the main areas of evacuation activities of government bodies, the mechanisms for overcoming the difficulties that arose, and also the reasons for the insufficient effectiveness of evacuation.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, the siege of Leningrad, civilians, rescue of the population.

Летом 1942 г. эвакуация населения из Ленинграда проводилась прежде всего водным транспортом через Ладожское озеро, затем эшелонами или речным транспортом по водным артериям. При этом вопросы эвакуации населения оказывались неразрывно связаны с вопросами вывоза и ввоза грузов, в том числе военного назначения. Уже 2 апреля 1942 г. началась подготовка к речной навигации 1942 г., в соответствии с постановлением СНК СССР № 431 «О мероприятиях по подготовке речного транспорта к навигации 1942 года» [2, л. 179–188]. В связи с чем было принято постановление ГКО № 1565сс от 9 апреля 1942 г. «О перевозке грузов для Ленинграда и фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» на основе докладной записки А.А. Жданова и А.Н. Косыгина И.В. Сталину [8, с. 282]. Подготовке к навигации предшествовали работы по переучету эвакуированного и неустановленного оборудования в феврале – марте 1942 г.

19 апреля 1942 г. постановлением Военного совета Ленфронта № 00812, во исполнение постановления ГКО от 9 апреля 1942 г., были даны распоряжения по подготовке к эвакуации населения и грузов из Ленинграда в навигацию 1942 г. [1, с. 690–693].

14 мая 1942 г. вышло постановление ГКО № 1751с об эвакуации раненых и больных речным флотом в навигацию 1942 г., которым определялся порядок следования, а также пункты приема и размещения больных и раненых [8, с. 321]. За ним последовали постановления ГКО № 1763с от 18 мая 1942 г. об оставлении 1000 чел. рабочих из числа учащихся ленинградских ремесленных училищ на предприятиях Новосибирской области, занятых производством боеприпасов, и № 1805с от 24 мая 1942 г. об эвакуации населения из г. Ленинграда [8, с. 324, 332].

Номер 1805с постановления ГКО был присвоен письму на имя И.В. Сталина от 24 мая 1942 г. за подписями Н.А. Вознесенского и А.Н. Косыгина, в котором они просили утвердить предложение Военного совета Ленинградского фронта и Ленгорисполкома об эвакуации, начиная с 25 мая 1942 г., 300 тыс. чел. из Ленинграда [12, л. 16].

Уже 4 июня 1942 г. на заседании Ленгорисполкома П.С. Попков заявил об имеющемся решении об эвакуации 300 тыс. женщин с детьми (пр. № 52). Само решение Военного совета Ленфронта появилось спустя месяц, 5 июля 1942 г., в связи с планами превращения Ленинграда в военный город [9, с. 84–87; 13, с. 185].

Стремление придать эвакуации строго плановый характер было сорвано рядом обстоятельств, основным из которых являлся переход немцев в наступление на южном направлении в мае – июле 1942 г.

Лица, эвакуированные за период начиная с 27 мая 1942 г., отслеживались по мере продвижения эшелонов и должны были разместиться строго в соответствии с имеющимся планом на 290 тыс. взрослых и 25 тыс. детей. Из них на 10 августа 1942 г. было размещено 211 700 чел., в том числе 37 тыс. детей. Из этого числа 47 200 чел. были размещены в неплановых регионах [3, л. 113].

В июне 1942 г. уполномоченным СНК СССР по эвакуации из Ленинграда Вознесенским был составлен перечень вопросов, требующих уточнения, в том числе о выдаче железнодорожной милицией эвакуируемым пропуска в любые направления. Это привело к тому, что отъезжающие отказывались выходить из теплушек, требуя перенаправить их в Калининскую или другие области, вместо предусмотренных по плану, к примеру, Саратовской и Сталинградской областей. В эвакопунктах, размещенных в Кобоне и Лаврове, через которые проходили составы, «сортировка» людей по направлениям не производилась, ехали смешанными партиями [3, л. 15]. Этот документ подтверждает, что многие из эвакуируемых выходили из эшелонов соответственно своим обстоятельствам и представлениям.

Еще одной проблемой стала значительная смертность среди эвакуируемых, распространение эпидемий. Так, в справке о снятии больных и трупов за подписью начальника Ярославского областного отдела хозяйственного устройства эваконаселения М. Соловьева, отмечается, что до Ярославля и в Ярославле за период с 1 июня по 25 июля 1942 г. с эшелонов было снято всего 58 трупов и 687 больных [3, л. 138]. За 1942 г. в сведениях, приводимых Е.Ю. Волковой, зарегистрированная смертность ленинградских детей (0–17 лет) в Ярославской области составила 2698 чел. [11, с. 242].

В самой Ярославской области на 20 июля 1942 г. насчитывалось 85 738 чел. из Ленинграда, размещенных, в основном, в сельской местности, согласно справке фонда Переселенческой комиссии СНК РСФСР [3, л. 141]. Прием, размещение и лечение эвакуированных являлось серьезной нагрузкой на население области. Тем не менее ярославцы не только оказали всю возможную помощь переселенцам, но и отправили 124 вагона различных продуктов в Ленинград [11, с. 241].

Согласно отчету Д.П. Быченко, уполномоченного СНК РСФСР по проверке выполнения постановления СНК СССР от 24 мая 1942 г., направленному заместителю председателя СНК РСФСР К.Д. Памфилову, до места назначения прибывало 30–40 % от общего числа отправленных с места погрузки эшелонов людей. В указанном контингенте не оказалось и детских учреждений из Ленинграда [3, л. 143, 144].

На станции Борисова Грива количество пассажиров и наполняемость вагонов проверялись на соответствие норме, установленной Военным советом Ленинградского фронта: 1584 чел. на эшелон, по 70 мест в 22 вагонах. В ходе проверок выявлялись нарушения. Например, с 6 по 11 июля 1942 г. перегруз составил 149 чел., недогруз 3168 чел. (20,2 %) от 15 656 граждан, перевезенных за этот период [15, л. 56–120].

Количество эвакуированного из Ленинграда и Ленинградской области населения можно выяснить по сведениям Переселенческой комиссии о количестве размещенного

эваконаселения, прибывшего из г. Ленинграда и Ленинградской области на 1 декабря 1942 г. Согласно этим сведениям, за весь период эвакуации было размещено 604 800 чел., эвакуированных из Ленинграда, в том числе 383 700 чел., выехавших с июня, точнее, с конца мая 1942 г. Из Ленинградской области было размещено 256 200 чел., в том числе выехавших с июня 1942 г. – 48 800 чел. [4, л. 1].

Таблица 1

Численность населения, эвакуированного из Ленинграда с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. [14, л. 1–6].

№	Наименование групп населения	Человек
1	Рабочие и служащие с семьями эвакуированных предприятий	101 417
2	Рабочие и служащие с семьями, временно потерявшие трудоспособность	55 023
3	Женщины, имеющие 2 детей и более	102 069
4	Учащиеся институтов, техникумов, преподаватели, артисты, писатели, ученые с их семьями	4908
5	Женщины, имеющие 1 ребенка	35 572
6	Дети детских домов и обслуживающий персонал с семьями	45 596
7	Ученики ремесленных училищ	8440
8	Пенсионеры и инвалиды труда с семьями	29 833
9	Инвалиды Великой Отечественной войны	10 557
10	Больные с семьями	3983
11	Спецконтингент	6677
12	Население Ленинградской области и Прибалтийских республик	43 954
	Всего:	448 029

Для решения организационных задач по эвакуации постановлением ГКО № 1922 от 22 июня 1942 г. при Государственном комитете обороны была создана Комиссия по эвакуации [8, с. 363]. Председателем Комиссии вновь был назначен Н.М. Шверник, а заместителем А.Н. Косыгин.

Важной задачей было обеспечение эвакуационных потоков вагонами и паровозами дальнего следования, которых остро не хватало на станции Тихвин. Летом 1942 г. вагоны и паровозы начали перебрасываться через Ладожское озеро специальным паромом. С 1 августа по ноябрь 1942 г. было переброшено 139 паровозов с тендерами [10, с. 356–357]. Однако крытых вагонов не хватало. По воспоминаниям В.М. Виролайнена летом 1942 г. удалось для перевозки людей получить не более 400 вагонов. Следует отметить, что это составляло около 40 % от всего эвакуированного вагонного парка.

Условия эвакуации оставались очень тяжелыми. Помимо бомбежек самолетами противника, людям приходилось сталкиваться все с той же неорганизованностью процессов эвакуации. Так, к 17 июня в Лавровском отделении эвакопункта Кобона не были подготовлены в необходимом количестве помещения для ожидания эвакуируемыми своих вещей, которые доставлялись в течение трех суток, не были налажены медико-санитарная помощь, питание [16, л. 70]. Несмотря на телеграмму начальника Военно-автомобильной дороги (ВАД)-1, генерала-майора интендантской службы А.М. Шилова, к 25 июня недостатки не были устранены. В докладной записке Особого отдела Ленинградского фронта П.С. Попкову от 24 июня 1942 г. сообщалось «о

ненормальном отношении к эвакуируемому населению г. Ленинграда на эвакопункте с. Лаврово» [16, л. 71–73].

Финансирование процесса эвакуации шло по разным каналам, в том числе финансовая помощь оказывалась непосредственно эвакуируемым. Так, с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13 555 тыс. руб. из средств, выделенных СНК СССР [3, л. 17].

Переход гитлеровской армии в контрнаступление на юго-востоке страны в июле–августе 1942 г. потребовал срочно реэвакуировать из прифронтовой полосы гражданское население, в том числе вывезенное ранее из Ленинграда.

В этот период было принято постановление ГКО № 2197сс от 20 августа 1942 г. о размещении населения, эвакуируемого из прифронтовой полосы, в Армении, Грузии и Азербайджане [8, с. 429]. Борьба за спасение жизни и сохранение здоровья вывезенных в эвакуацию людей требовала тесного взаимодействия центральных и местных органов власти. Особенно это было важно для спасения ленинградских детей и подростков в эвакуации.

Вывоз детей предполагал решение целого ряда новых и сложных задач, прежде всего, по их жизнеобеспечению. Разрешение проблем, возникающих при эвакуации детей, осуществлялось под непосредственным контролем наркоматов СНК РСФСР, которым напрямую подчинялись соответствующие отделы Ленгорисполкома. Бригады Наркомпроса РСФСР, по предложению СНК СССР, проверяли в 1942 г. устройство и состояние детских домов в эвакуации. В декабре 1942 г. в поездку по стране (в республики Закавказья, Казахстан, Узбекистан) для выяснения условий устройства и работы эвакуированных детских учреждений отправились уполномоченные Наркомпроса РСФСР и СНК СССР. Однако результаты были неутешительными: в большинстве случаев детские дома оказывались в тяжелом положении.

В конце декабря 1942 г. Е.В. Коняхина, член Коллегии Наркомпроса РСФСР, начальник Управления детскими домами, и заведующий Секретариатом НКП РСФСР Сазонов проверили состояние 21 эвакуированного детского дома в Ташкентской, Ферганской и Андижанской областях Узбекской ССР. Тогда же Сазонов обследовал 15 детских домов и интернатов в Казахстане совместно с председателем НКП Казахской ССР А.И. Сембаевым. Были выявлены недостатки: переуплотненность детских домов, недостаток самого необходимого продовольствия, мебели, посуды, высокая заболеваемость детей. К решению вопросов устройства жизни эвакуированных детей подключились председатели Совнаркомов Узбекской ССР А.А. Абдурахманов и Казахской ССР А.П. Заговельев [5, л. 5]. Несколько лучше оказалось положение размещенных в Армении 18 эвакуированных детских домов с количеством детей 1401, из них 363 – ленинградских детей. Детям выделили достаточное количество продуктов, снабдив в III квартале 1942 г. дополнительно сахаром, карамелью, маслом животным, пшеницей, рисом, сыром, мясом, мукой, а в I квартале 1943 г. дополнительно к нормам выдали пшеницу, муку, макароны, виноградный сгущенный сок. «Это содействовало значительному улучшению питания детей и состоянию их здоровья» [6, л. 4, 5, 5 об., 6].

На территории Киргизии были размещены воспитанники 7 детских домов Ленинграда, частично распределенные между местными детскими домами [11, с. 868].

В трудное положение попали детские дома на территории РСФСР. Ряд детских домов оказался в оккупации. Другие, из-за наступления гитлеровцев, реэвакуировались из Краснодарского края, Ярославской области и других мест в районы, которые не были подготовлены для их приема. Сказывались как недостатки финансирования, обеспечения продуктами и промтоварами, так и военные травмы детей и взрослых.

Серьезную трудность вызывало то, что в некоторых областях возникала скученность эвакуированных учреждений, количественно превышавших все существующие

планы и фондовые разнарядки. Так, на 1942 г. по всей стране было запланировано разместить в детских домах 192 635 детей, а фактически необходимо было устроить 212 955 чел.

Трудности с перераспределением фондов привели к тому, что в III–IV кварталах 1942 г. положение детских домов ухудшилось в связи с передачей эвакуированных учреждений весной 1942 г. на местное финансирование. В феврале 1942 г. при обсуждении областных бюджетов на заседании СНК РСФСР были внесены поправки с учетом выделения средств из местных бюджетов на содержание эвакуированных из Ленинграда детских учреждений. Дополнительные средства на организационно-хозяйственные мероприятия по эвакуации населения из Ленинграда и других областей в размере 10 млн руб. предлагалось выделить из госбюджета РСФСР.

Таблица 2

Распределение эвакуированных детских учреждений г. Ленинграда в 1942 г. по регионам РСФСР [7, л. 4].

Наименования краев, областей и АССР	Всего детских учреждений (ед.)	Всего детей (чел.)
Алтайский край	40	4569
Горьковская область	28	3500
Ивановская область	34	3884
Кемеровская область	13	1808
Кировская область	133	11 758
Краснодарский край	9	1130
Красноярский край	21	1504
Курганская область	61	5826
Куйбышевская область	13	1479
Молотовская область	71	5447
Новосибирская область	11	1511
Омская область	97	9232
Свердловская область	19	2286
Татарская АССР	12	1095
Удмуртская АССР	1	102
Челябинская область	34	3770
Ярославская область	215	17 240
Итого	812	76 161

Таким образом, в период весны – лета 1942 г. из Ленинграда было эвакуировано значительное количество детей, в том числе детей-сирот и инвалидов (см. табл. 2). Практически полностью были вывезены учащиеся школ со школьными интернатами, а также преподаватели и студенты высших и средних профессиональных учебных заведений.

Решение задач обустройства населения обуславливалось и переводом в восточные регионы страны значительной части материальных ценностей, в том числе оборудования промышленных предприятий, научных лабораторий, учебных учреждений. Стремление интегрировать вывезенные мощности и людей в экономику новых хозяйственных

регионов сопровождалось передачей их на местное финансирование. Для этого регионам, в которые были размещены ленинградцы, были выделены дополнительно значительные финансовые средства из бюджета РСФСР. Только в первом полугодии 1942 г. более 13 млн руб. было отпущено СНК СССР на финансовую помощь ленинградским переселенцам.

Однако сложное положение на фронте и трудности эвакуационного процесса привели к гибели и пропаже без вести значительной части эвакуируемого населения. Из планового контингента ленинградского населения до конца 1942 г. до места назначения прибыло не более 62 %. Часть этих потерь надо корректировать, с учетом на неизбежные статистические ошибки.

Литература и источники

1. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. Москва: Аст; Санкт-Петербург: Полигон, 2004. 766 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199.

3. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50.

4. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 62.

5. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2963.

6. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3005.

7. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968.

8. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). 1222 с.

9. Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / под ред. А.Р. Дзенискевича. Санкт-Петербург: Лики России, 1995. 640 с.

10. Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. В.В. Чубарова, сост. М.Д. Опендик. Ленинград: Лениздат, 1970. 431 с.

11. Побратимы: сборник / отв. ред. Ю.З. Кантор. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 951 с.

12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Д. 64.

13. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [сост. И.М. Сапронов, Н.Ю. Черепенина (отв. сост.)] // Архивы Санкт-Петербурга. URL: https://spbarchives.ru/documents/10157/18919/сборник.pdf/7d47718d-a1b1-4b 74-b77d-40a5959aa1ae/ (дата обращения: 25.07.2018).

14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1415.

15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 37.

16. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 50.

УДК 94(470.344)-055.2”1941/1945”

Л.М. Добролюбова

СМОЛЕНСКИЕ ПОДРОСТКИ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ В ГОРЬКОВСКУЮ ОБЛАСТЬ В 1942 ГОДУ)

Аннотация. На основе ранее не опубликованных архивных материалов автор исследует жизнь и проблемы подростков в системе государственных трудовых резервов, эвакуированных из Смоленской области в 1942 г. Показан их вклад в дело Победы.

Ключевые слова: трудовые резервы, смоленские подростки, ремесленные училища, школы фабрично-заводского обучения, железнодорожные училища, стахановцы.

L.M. Dobrolyubova

SMOLENSK TEENAGERS IN THE LABOR RESERVE SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF THOSE EVACUATED TO THE GORKY REGION IN 1942)

Abstract. Using previously unstudied archival materials, the author explores the lives and struggles of teenagers evacuated from the Smolensk region in 1942, in the state labor reserve system, and their contribution to the Victory.

Keywords: labor reserves, smolensk teenagers, vocational schools, factory training schools, railway schools, stakhanovites.

Активное социалистическое строительство в СССР требовало постоянного притока новой рабочей силы. В этих условиях задача создания необходимых трудовых резервов для промышленности стала общегосударственной. 2 октября 1940 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» [6, с. 774–775], где поставлена задача обучения городской и колхозной молодежи производственным профессиям в ремесленных училищах (РУ), железнодорожных училищах (ЖДУ) и в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО).

Отличие этих образовательных учреждений состояло в сроках обучения, возрастном цензе и сложности профессии. Ремесленные и железнодорожные училища имели двухгодичный срок обучения, а школы фабрично-заводского обучения – шестимесячный [6]. Училища готовили квалифицированных рабочих сложных профессий, а школы ФЗО – массовых. Обучение в них проводилось бесплатно, и учащиеся находились на иждивении государства: получали трехразовое питание, рабочую и выходную одежду, учебники и учебные пособия, имели право бесплатного проезда по железной дороге [5, с. 4]. В училища принимались подростки 14–15 лет, а в школы ФЗО – 16–17.

Все окончившие РУ, ЖДУ и школы ФЗО считались мобилизованными и обязаны были проработать 4 года на государственных предприятиях.

Исследование основано на не введенных ранее в научный оборот материалах архива Нижегородского областного отдела народного образования, которые в данный момент переданы в фонды Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), но еще не обработаны. Находка связана с поисками документов по истории операции

«Дети», произведенной смоленскими партизанами летом 1942 г. В 1972 г. учащиеся средней школы № 4 г. Бор под руководством учителя Л.К. Новикова начали поиск организаторов и участников данной уникальной операции. Музей школы располагает экспозицией, посвященной этим событиям.

27 июля 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) СССР принял решение о переключении учебно-производственной деятельности школ ФЗО, РУ и ЖДУ на выполнение государственных оборонных заказов. Училища и школы развернули в своих мастерских и на предприятиях производство боеприпасов, оружия и инструментов, необходимых для армии и флота, авиации и транспорта.

Одной из первых территорий, занятых фашистами в 1941 г., была Смоленская область. Летом 1942 г. фашисты начали операцию «Желтый слон» по вывозу подростков на работу в Германию. Благодаря деятельности партизанского соединения «Батя» под руководством Н.З. Коляды подростков стали выводить из Смоленской в Калининскую область и отправлять в тыл. Так, в г. Горький массово были эвакуированы подростки из оккупированной фашистами Смоленской области [3].

Организацией их приема и размещением занималось Горьковское областное управление трудовых резервов (ГОУТР). Распределение подростков проходило по следующим учреждениям г. Горького и области: 31 ремесленное училище, 2 железнодорожных училища, 19 школ фабрично-заводского обучения. Училища и школы готовили судомотористов, столяров, слесарей, железнодорожных рабочих, вальцовщиков горячего проката, сталеваров, формовщиков, слесарей котельных установок, электромонтеров, строителей, речников и др. [9]. Детей к месту учебы сопровождали сотрудники Главного управления трудовых резервов (ГУТР) и составляли акт приемки-сдачи. Железнодорожное училище № 1 находилось в г. Муроме (Муром входил в состав Горьковской области). Представитель ГУРТа Дроздов доставил сюда 101 чел.: 72 мальчика и 29 девочек. Принимая детей, директор Гераськин отметил:

«1. Все ученики документов никаких не имеют.

2. У большинства учеников абсолютно нет никакой обуви, у части обувь изношена, требует капитального ремонта.

3. Верхнее и нижнее белье изношено...

20 детей были заражены чесоткой, их пришлось изолировать и приступить к лечению» [10, л. 141].

Такие же проблемы были во всех учебных заведениях. Смоленские дети пешком выходили с оккупированной территории, затем больше недели ехали поездом. Когда в августе 1942 г. в Горький пришел самый большой эшелон с 3225 детьми, часть детей выносили на руках, а в акте приемной комиссии было записано: «Дети имеют ужасный внешний вид, совершенно не имеют одежды и обуви... Приняли от Вольской 3225 детей» [3, с. 179].

Серьезной проблемой для администрации учебных заведений стал самовольный уход учащихся с места учебы. Так, из школы ФЗО № 7 ушло 78 чел. [10, л. 12–17], РУ № 27 – 112 чел. [10, л. 26–34]. Подобные поименные списки составлялись по каждому учебному заведению. Причины здесь были разные.

Так, из Выксунского училища № 15 группу сбежавших возглавил подросток по прозвищу «Батя» [10, л. 126]. Имя Н.З. Коляды – Бати, командира партизанских соединений на Смоленщине, было там известно всем от мала до велика и обладало магической силой. Возглавляемая «самозванным» Батей группа отправилась пешком домой, вероятно, продолжать борьбу с врагом. Были среди учащихся ФЗО ребята с образованием 8–9 классов, которые не были заинтересованы учиться в этой системе [10, л. 153 об.].

Руководство школы ФЗО № 24 объясняет причины побега условиями проживания: «Когда прислали нам в школу смоленскую молодежь, за неимением жилой площади пришлось временно поселить их в подвальное помещение, которое было к жилью

не приспособлено. В результате чего ученики прожили в этом подвале 5–6 дней и начали уходить» [10, л. 89].

Существовали и проблемы с обмундированием. Поставляемая школе ФЗО № 20 базой № 4 спецодежда была такого низкого качества, что полученная в первые дни по нарядам обувь быстро пришла в негодность, и дети зимой буквально ходили по снегу босиком или в портянках [10, л. 154].

Свою роль играли письма с родины от родных и друзей с призывом вернуться. Иногда дети из одной семьи попадали в разные учебные заведения и перебегали, группируясь в одной школе. Были случаи, когда убегали юноши, достигшие призывного возраста и скрывающиеся от призыва в Красную Армию [10, л. 153 об., 154].

Принимались разные меры по возвращению сбежавших. В Горьком работал сборный пункт милиции, который выявлял подростков и направлял их в учебные заведения. Отправлялись телеграммы в органы НКВД городов на пути следования в Смоленскую область, письма областному прокурору Смоленской области и в районные советы. В районы Смоленской области, освобожденные от фашистов, направлялись письма родителям сбежавших подростков.

Основная масса побегов совершалась в первые дни после эвакуации, затем шло снижение числа побегов и их прекращение. ГОУТР контролировало положение дел, создавались новые школы и училища. Его сотрудники регулярно посещали с инспекцией учебные заведения, проводились ревизии, общественные смотры оборудования, ряд директоров поплатились своим местом за неумение организовать работу. Жалобы учащихся разбирались быстро, и решения принимались без проволочек. Жизнь постепенно входила в свое русло.

В качестве примера рассмотрим жизнь школы ФЗО № 20 г. Дзержинска. 30 июля 1942 г. в школу прибыло 104 чел. Их расселили по комнатам общежития, выдали постельные принадлежности, разбили на группы. Уже 1 августа все вышли на работу. В основном это был капитальный ремонт общежитий и постройка бытовых сооружений. Был установлен распорядок дня: подъем в 8 часов, завтрак до 9 часов, работа на производстве с теоретическими занятиями и инструктажем до 18 часов с перерывом на обед. 5 августа были получены обмундирование и обувь с упоминаемой выше базы № 4, качество новой обуви было низкое. Тут же была создана бригада по ремонту обуви. Ребята заготовили торф и дрова, отремонтировали столовую и общежитие, сделали мебель для общежития, пошили рукавицы. Каждая группа имела возможность получить производственные навыки в разных цехах. При отсутствии военрука был привлечен политрук одной из частей РККА, организованы два суточных похода с тактическими занятиями и ночевкой. По всем правилам были сданы нормы по плаванию и метанию гранат, введена караульная служба, прививались навыки военной дисциплины. Учащиеся оказывали помощь близлежащему совхозу в уборке урожая, участвовали в сборе средств на подарки красноармейцам, провели два воскресника, деньги с которых пошли на постройку танковой колонны.

В школе выпускались стенные газеты, был организован товарищеский суд и комиссия по контролю за столовой. Устраивались лекции, показывались кинофильмы, было радиофицировано общежитие. Руководство поощряло учащихся благодарностью в приказе, присвоением соответствующего разряда, первоочередностью выдачи обмундирования, вывешиванием на доску почета, изыскивало возможности в премировании учащихся деньгами или вещами. К нарушителям дисциплины на производстве и в общежитии применялись выговоры, наряды. Злостные прогульщики вынуждено лишались обеда. Эта мера, по мнению руководства, применялась не часто, но была очень действенной [10, л. 152, 152 об., 153, 153 об.].

В документах отражен единственный пример применения решительных мер к нарушителю из Смоленской области. «Учащийся РУ № 17 Петров Николай, 1927 г. р., из д. Городищи Велижского района в августе месяце был из училища исключен за кражу казенного обмундирования. До этого он был дважды уличен в краже у своих товарищей ...денежных сумм. По дороге в Уголрозыск сбежал» [10, л. 168 об.].

Рядом с учащимися находились их кураторы – мастера производственного обучения. В непростое военное время их труд в тылу был высоко оценен. Пункт 3 приказа № 105 от 4 июня 1942 г. по ГОУТР гласил: «Предложить директору ремесленного училища № 4 командировать в Москву за получением правительственной награды (медали "За трудовое отличие". – *Л.Д.*) мастеров производственного обучения тт. Багаева Василия Дмитриевича и Дейнего Андрея Романовича, согласно вызова Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 2.06. с. г. за № С-01» [8, л. 83].

Появились и первые стахановцы. В РУ № 17 (Молотовский затон, ныне пос. Октябрьский, район г. Бор) были направлены в основном девушки. Занятия с ними начались с августа 1942 г. в 2 группах – столяров и слесарей. Уже к осени группа слесарей освоила производство линеек, кронциркулей, нутромеров, циркулей, гаечных калибров и слесарных молотков. Начиная с тренировочных операций по изготовлению рамок, табуреток, группа столяров перешла к ремонту и изготовлению дверей для общежитий. Группа слесарей заняла 2-е место в училище по итогам социалистического соревнования [9, л. 56]. Руководство изыскивало возможность выделить денежные средства на премирование отличившихся учащихся.

В школе ФЗО № 24, созданной в г. Дзержинск в 1941 г. при заводе им. Свердлова, смоленских подростков так и называли «группа смоленских». Эта группа в октябре 1942 г. выполнила задание на 115,5 %, завоевала переходящее Красное знамя и премию в 2000 руб. [10, л. 89].

«Лучшие ученицы ФЗО № 1 Смирнова, Трощенкова, Кузнецова, Родионова, Баранова, Маркелова 30 октября 1942 г. были премированы начальником Горьковской железной дороги деньгами в сумме по 400 рублей» [10, л. 177]. Сумма в 400 руб. была существенной, так как ежемесячная зарплата сотрудников РУ и школ ФЗО составляла 150–700 руб. [7, л. 57].

Приведенные факты позволяют уверенно говорить о том, что смоленские подростки и молодежь наравне со взрослыми ковали оружие Победы, заменив ушедших на фронт.

В училищах большое внимание уделялось культурно-массовой работе. В отчетах ГУТР особо отражалась занятость смоленских подростков.

В РУ № 12 пос. Правдинск работали физкультурный кружок, кружок затейников. В каждой группе выпускались стенгазеты, а стенгазету в общежитии оформляли смоленские девушки. Ребята занимались в оборонных кружках и духовом оркестре [10, л. 149]. В школе ФЗО № 1 ГЖД работали кружок ликбеза, хоровой и драматический [10, л. 177].

Учащиеся РУ № 16 г. Горького часто посещали кино, театры, цирк. После окончания учебного заведения смоленские подростки распределялись по предприятиям.

16 выпускниц РУ № 17 Молотовского затона, слесари 3–5 разрядов, по путевке ГОУТР № 185 от 25.11.1944 г. были распределены в Москву на завод Нагатино – 11 чел., Калугу – 1 чел., Смоленскую область – 4 чел. [9].

Одной из выпускниц РУ № 11 г. Балахны была Вера Гайлит. В ноябре 1944 г. за молодыми специалистами приехал представитель Ленинградской области. Нужны были рабочие руки для восстановления электростанции 8-й ГРЭС. Ребята и девчата получили аттестаты, попрощались с училищем и уехали начинать новую трудовую жизнь. Это был рабочий поселок Невдубстрой Ленинградской области, ныне г. Кировск. Вера Карповна вспоминала: «Подъезжая к 8-й ГРЭС, с парохода мы увидели

огромное бесформенное нагромождение из железа и бетона, и здесь предстояло нам работать. Был ноябрь 1944 г. Здесь все было, как нам сказали, сожжено "Катюшей", были сильные бои. Жилья не было, стояли палатки, в них установлены "буржуйки", которые топили круглосуточно. Оставляли двух человек по очереди, остальные ходили на работу разбирать завалы. На 8-й ГРЭС скоро построили первый рубленый дом и нас, как первых рабочих, перевели в этот дом. Вторую группу смоленских из РУ № 11 г. Балахны направили на восстановление г. Сталинграда. После восстановления и сдачи в эксплуатацию первой очереди 8-й ГРЭС я работала там до марта месяца 1955 года» [1].

Николай Анищенков, будущий первый Герой Социалистического труда Сормовского завода, «Почетный металлург РСФСР», «Заслуженный сормович», был распределен в фабрично-заводское училище № 15 при заводе «Красное Сормово». В 1943 г. был принят в мартеновский цех завода «Красное Сормово» и проработал здесь 34 года [2].

В 1942 г. система трудовых резервов Горьковской области столкнулась с большими трудностями: не хватало образовательных учреждений, отставало материальное обеспечение, имелся дефицит кадров педагогов и мастеров производственного обучения, велик был процент самовольного ухода учащихся с места учебы.

Однако уже к концу 1942 г. удалось переломить положение, и система заработала более стабильно. Снизился процент самовольного ухода. Учащиеся активно включились в ход социалистического соревнования, появились собственные стахановцы, отличники учебы, училища и школы стали изыскивать средства для премирования лучших учащихся. Активизировалась культурно-массовая работа. Несмотря на трудности и недостатки в организации ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, Горьковская область справилась с подготовкой рабочих кадров для различных отраслей промышленности, в том числе и оборонной. Первый выпуск рабочих кадров школы ФЗО сделали уже в 1943 г. В 1944 г. к ним прибавились выпускники ремесленных и железнодорожных училищ. Смоленские подростки и молодежь внесли значительный трудовой вклад в дело Победы.

Литература и источники

1. Архив музея МАОУ СШ № 4 г. Бор Нижегородской области. Фонд Л.К. Новикова.

2. Николай Анищенков. Сормовский корабел и Герой Социалистического труда. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/nikolay_anischenkov_-_sormovskiy_korabel_i_geroy_socialisticheskogo_truda.html (дата обращения: 17.03.2026).

3. *Новиков Л.К.* По следам операции «Дети». Нижний Новгород: [б. и.], 1997. 246 с.

4. Поименная книга РУ № 17. Л. 41. Справка архива Борского губернского колледжа, бывшего РУ № 17 от 08.11.2025 г.

5. Призыв в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО // Правда. 1940. 15 ноября. № 317 (8383).

6. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 2. 1929–1940 гг. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. Москва: Политиздат, 1967. 798 с.

7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Фонд Государственного управления трудовых резервов (в стадии обработки)(ГОУТР). Оп. 2. Д. 4.

8. ЦАНО. Ф. ГОУТР. Оп. 2. Д. 9.

9. ЦАНО. Ф. ГОУТР. Оп. 2. Д. 17.

10. ЦАНО. Ф. ГОУТР. Оп. 2. Д. 18.

УДК 94(470.344)”1941/45”:614.21

Н.В. Золотова

ИХ СПЛОТИЛА ВОЙНА: О РАБОТЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ЭВАКОГОСПИТАЛЯХ № 3062 И № 3070

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности эвакуационных госпиталей № 3062 и № 3070, развернутых в г. Канаше Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется роли многонационального коллектива госпиталей, объединившего специалистов из Чувашии, Московской, Владимирской, Кировской, Ленинградской и других областей, а также республик СССР. Подчеркивается, что слаженная работа медиков разных национальностей стала символом единства советского народа в борьбе с фашизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская АССР, Канаш, эвакогоспитали, медицинская служба, медицинские работники.

N.V. Zolotova

THEY WERE BROUGHT TOGETHER BY THE WAR: ABOUT THE WORK OF EVACUATED MEDICAL WORKERS IN EVACUATION HOSPITALS No. 3062 AND No. 3070

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of evacuation hospitals No. 3062 and No. 3070, which were deployed in the city of Kanash, Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the role of the multinational team of hospitals, which included specialists from Chuvashia, Moscow, Vladimir, Kirov, Leningrad, and other regions, as well as the republics of the USSR. It is emphasized that the coordinated work of medical professionals of different nationalities became asymbol of the unity of the Soviet people in the fight against fascism.

Keywords: the Great Patriotic War, the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, Kanash, evacuation hospitals, medical service, medical personnel.

Чем дальше в прошлое уходит Великая Отечественная война, тем сильнее ощущается значимость подвига советского народа — и тех, кто сражался на фронте, и тех, кто самоотверженно трудился в тылу. С каждым годом становится все меньше свидетелей и непосредственных участников тех событий, чей ратный и трудовой подвиг достоин бессмертия. Их истории — не просто страницы прошлого, а нравственный ориентир для новых поколений, напоминание о силе духа, единстве и ответственности перед Родиной.

В статье мы обращаемся к истории тыловых госпиталей — второго фронта Великой Отечественной войны, где велась борьба за жизнь каждого раненого бойца. Работа этих учреждений уже много лет находится в поле зрения историков и краеведов, однако тема по-прежнему остается не раскрытой. В частности, до сих пор недостаточно изучен и раскрыт вклад эвакуированных медицинских работников, которые, оставив родные места, приехали в Чувашию и отдали свои силы, знания и душевные ресурсы делу спасения раненых бойцов.

Сотни тысяч спасенных жизней, миллионы благодарных писем от выздоровевших бойцов и их семей, память, которая живет до сих пор. Эвакогоспитали военных лет стали символом того, как люди разных национальностей, возрастов и судеб объединяются ради высшей цели — спасения человека. Их ежедневный подвиг в тылу, самоотверженность и сплоченность приближали Победу.

В архивах сохранилось крайне мало сведений о судьбах врачей, медсестер, санитаров и других специалистов, самоотверженно трудившихся в эвакогоспиталях. Годы неумолимо стирают живую память: все меньше остается тех, кто лично мог бы рассказать о буднях госпиталя, о подвигах его сотрудников, о том, как спасали жизни в тяжелейших условиях военного времени.

Мы постараемся воссоздать подлинную картину их работы: показать, как в условиях острой нехватки лекарств, инструментов и сна медики самоотверженно спасали жизни. Как эвакуация специалистов из прифронтовых районов позволила выстроить слаженную и эффективную систему медицинской помощи раненым бойцам.

Фактологическая база статьи построена на архивных материалах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Канашского краеведческого музея, где хранятся списки медицинского персонала эвакогоспиталей № 3062 и № 3070, дислоцированных в г. Канаше, документы, свидетельствующие о создании и деятельности эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны, организации их работы, письма и воспоминания непосредственных участников тех событий, фотографии.

Цель исследования — отдать дань уважения эвакуированным медицинским работникам, чей самоотверженный труд в экстремальных условиях военного времени, взаимопомощь и сплоченность стали неотъемлемой частью общего подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны.

С первых дней войны по всей стране шло развертывание эвакогоспиталей – война показала, как важно грамотное обеспечение раненых специализированным лечением. И одним из мест сосредоточения таких учреждений стала Чувашская АССР. Ее удобное географическое положение, отдаленность от фронта, но удобная транспортная сеть сыграли решающую роль.

Канаш, будучи крупным железнодорожным узлом, имел стратегическое значение: через него шли эшелоны с ранеными на восток. Это обусловило создание в городе сети госпиталей для оказания медицинской помощи и реабилитации бойцов.

Уже в июне 1941 г. в Чувашии начали формироваться первые эвакогоспитали. С сентября 1941 по июнь 1942 г. на территории республики было развернуто 15 эвакогоспиталей, два из которых находились в г. Канаше, им были присвоены номера № 3062 и № 3070 [3, л. 21].

Через эвакогоспитали Канаша за этот период прошли около 10 тыс. раненых и больных командиров и солдат Красной Армии, через эвакогоспитали всей республики – более 72 тыс. чел., что может являться весомым показателем, учитывая количество развернутых эвакогоспиталей по республике. Следует упомянуть, что статистика смертности в эвакогоспиталях Канаша за все годы войны была одной из самых низких в республике.

26 июня 1941 г. в Канаше в здании глазной больницы (ныне Первичное сосудистое отделение при Канашском межтерриториальном медицинском центре) был сформирован первый эвакогоспиталь № 3062; начальником был назначен военврач 2-го ранга Ананий Иванович Ананьев, с большим опытом работы – 28 лет, родом из Ярославля. Военным комиссаром с 9 августа 1941 г. был назначен политрук Василий Александрович Александров, главным хирургом – военврач 3-го ранга из Минска Самуил Юльевич Рутштейн, с 19-летним клиническим опытом [15, л. 1]. Начальником первого отделения была назначена Нина Александровна Турская, уроженка с. Лебедино Алтайской ССР. Начальником второго отделения стала Антонина Алексеевна Цирулина (Карушкина) [15, л. 65].

В госпитале было два отделения. По состоянию на 27 августа 1941 г. штатное расписание эвакогоспиталя № 3062 было укомплектовано 145 единицами (100 %). Медицинский состав представлен 91 единицей (63 %): врачи – 9 чел. (6 %), среднее звено (медсестры) – 33 чел. (23 %), младший медицинский персонал (санитарки) – 49 чел. (34 %). Вспомогательный состав – 54 чел. (37 %) [15, л. 14].

С начала июля 1941 г. эвакогоспиталь № 3062 начал принимать первых раненых и выполнял функции сортировочного центра: после первичной обработки ран раненых отправляли дальше, в восточные города страны, где были развернуты специализированные госпитали. Но с приближением врага к Москве и ростом ожесточенности боев поток раненых в Канаш резко возрос. Первоначальный план на 200 коек оказался недостаточным – число мест оперативно увеличили, сначала до 320 [4, л. 224], а позже до 500. Это потребовало существенной перестройки работы учреждения: перераспределения персонала, мобилизации ресурсов и адаптации к новым масштабам медицинской помощи. Профиль эвакогоспиталя № 3062 был определен как общехирургический: с тяжелыми случаями травм конечностей, случаями полостной хирургии и неотложной хирургической помощи [5, л. 36–37].

В июле 1941 г. было принято решение сформировать в г. Канаше еще один эвакогоспиталь № 3070 [3, л. 21]. Предполагалось, что по плану он будет иметь 200 коек, но 22 ноября 1941 г. госпиталь открылся с количеством в 400 коек [3, л. 106]. Эвакогоспиталь занял два здания: средней школы № 2 (ныне МБУ ДО «Дом детского творчества») и, через дорогу, школы № 13 (ныне МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8») [18, л. 90]. Место начальника госпиталя № 3070 занял Абрам Израилевич Островский. К концу года начальником госпиталя была назначена Зинаида Николаевна Софинская [1, с. 22], но уже с конца января 1942 г. им стал военврач 3-го ранга Ефим Макарович Макаров [18, л. 24], который занимал должность до 1946 г. Заместителем Макарова по политической части был Сергей Михайлович Синицын. Должность главного хирурга-консультанта исполнял С.Ю. Рутштейн.

Госпиталь № 3070 специализировался на лечении бойцов с ранами верхних и нижних конечностей, терапии, легкими обморожениями, ожогами и инфекционными заболеваниями (кишечные, сыпнотифозные инфекции) [5, л. 36–37].

Из списка сотрудников госпиталя по состоянию на 10 октября 1941 г. можно понять, что штатное расписание было укомплектовано 49 единицами. Медицинский состав представлен 23 единицами (47 %): врачи – 4 чел. (8 %), среднее звено (медсестры) – 15 чел. (31 %), младший медицинский персонал (санитарки) – 4 чел. (8 %). Вспомогательный состав – 26 чел. (53 %) [18, л. 21–22]. Не хватало медицинского персонала, основная нагрузка легла на эвакогоспиталь № 3062.

Первые месяцы войны оказались для медиков Канаша крайне сложными. Остро не хватало хирургов — многие из них ушли на фронт. К операционным столам встали терапевты, педиатры, окулисты, стоматологи, акушеры-гинекологи, никогда ранее не имевшие военного опыта и практики. Возникла острая необходимость в повышении квалификации персонала [2, с. 52].

С первых дней войны в качестве консультантов были привлечены профессора Казанских медицинских вузов. Они принимали активное участие в работе госпиталей до самого их закрытия. Одним из них был Алексей Константинович Коростелев — единственный из врачей, имевший звание кандидата медицинских наук.

В середине июля 1941 г. в Канаше были организованы курсы подготовки врачей по военно-полевой хирургии. Для подготовки дополнительного медицинского персонала в Канаше действовали специальные курсы по обучению сестер милосердия и санитарных дружинниц.

Днем и вечером шла подготовка медицинского персонала по военно-полевой хирургии: учебные и практические операции проводил С.Ю.Рутштейн [18, л. 64]. С утра все были заняты проведением процедур – раненые прибывали ежедневно, а ночью все искали, заучивали и передавали друг другу монографии разных врачей. А. Карушкина вспоминала: «Военкомат направил в госпиталь местных врачей и сестер, а также часть медперсонала, эвакуированного из Москвы и Ленинграда. Одновременно с комплектованием штата госпиталя шла и учеба. Все для нас было новым и неожиданным. Приходилось искать монографии врачей разных профессий, которые работали в госпиталях в период военных событий на Халхин-Голе и финской компании» [10, с. 37].

Экстренно шло обучение и подготовка медицинских сестер с опытом работы в операционной и перевязочной, а также по переливанию крови. Их подготовкой занималась врач Н.А.Турская [16, л. 64].

Согласно приказу № 112 по Канашскому эвакогоспиталю № 3062 от 9 августа 1942 г., весь штат врачей, которые могли самостоятельно работать, был укомплектован благодаря обучению и руководству С.Ю. Рутштейна [16, л. 64].

К концу 1942 г. практически весь медицинский персонал обоих эвакогоспиталей был укомплектован и состоял из уроженцев Чувашии, Московской, Владимирской, Кировской, Ленинградской, Ростовской (Ростов на Дону), Свердловской, Куйбышевской, Полтавской, Киевской, Одесской областей, Красноярского края, Татарской АССР, Удмуртской АССР, Крыма, Белоруссии, Эстонии (Тарту) [17, л. 1–169].

Согласно списку работников госпиталя, в обоих эвакогоспиталях за весь период трудилось более 200 чел.[6], включая начальников, военкомов, среднего, младшего и технического медперсонала, рабочих и т. д., многие из которых работали в 2–3 смены сразу в двух госпиталях [9, с. 9].

Работать приходилось в тяжелейших условиях: на 100 больных – 1 врач, 1 медсестра, 1 санитарка. Врачи и медсестры трудились по 15–20 часов в сутки. При этом коллектив демонстрировал поразительную сплоченность: несмотря на колоссальную нагрузку, все действовали слаженно и организованно — как единый отлаженный механизм, где профессионализм и взаимовыручка стали залогом спасения человеческих жизней [10, с. 31].

С материальным обеспечением часто возникали проблемы, имелась нужда в перевязочном материале, хирургических инструментах, кухонном оборудовании и посуде. В 1941 г. не хватало одеял больным. В Канашских госпиталях для пациентов медсестрами, санитарками и шефами собственноручно шились рубашки, кальсоны, полотенца, постельные наборы: наволочки, простыни, изготавливались носилки [5, л. 25–26]. Из воспоминаний медсестры эвакогоспиталя № 3062 Ольги Андреевны Андреевой: «Работа была тяжелая – круглыми сутками, беспрерывно санитарные поезда доставляли раненых, и мы трудились не покладая рук, не считаясь со временем. Иногда за сутки-двое нельзя было ни присесть, ни глаз сомкнуть. Но никто не хныкал, не опускал руки, глубоко осознавая, что над Родиной, каждой семьей, над всеми нами висит смертельная угроза» [10, с. 33].

Несмотря на активную помощь горожан, запасов донорской крови часто не хватало. Если была необходима кровь определенной группы, а под рукой ее не было, донорами становились сами медики. А.А. Карушкина вспоминала: «Все сотрудники госпиталя были донорами; в этой акции милосердия участвовали также и тысячи горожан. В ходе операции бывают моменты, когда больному срочно требуется кровь той группы, которая присуща только ему. В наличии под рукой нет, а она нужна именно сейчас, срочно. Вопрос жизни и смерти больного зачастую решали работающие меди-

ки-доноры. Они, отдав кровь, порой отказывались идти домой, немного отдохнув, шли на свое рабочее место. А это разве не подвиг во имя спасения человека!» [10, с. 37]. Канашскими донорами в действующую армию было отправлено: в 1942 г.– 140 тыс. л крови, в 1943 г.– 250 тыс. л крови [9, с. 60].

Боец С.Е. Иванов в своих воспоминаниях писал, что обязан жизнью сотрудникам вагоноремонтного завода Канаша: «Девушки этого завода помогли мне выжить своей кровью. Так что я себя считаю рожденным русским и воскресшим чувашом!» [7].

Все сотрудники эвакогоспиталей жили по законам военного времени, строго выполняя приказы. Новый ритм работы и жизни выдержать было очень трудно, война стала частицей биографии всех сотрудников эвакогоспиталей. Использование казенного имущества в личных целях, нарушение дисциплины, светомаскировки госпиталя, опоздание на работу – все это вело к определенному наказанию по законам военного времени вплоть до возбуждения дела в судебном порядке. Медсестра О.А. Андреева вспоминала: «Железная воинская дисциплина, присяга, которую принимал медперсонал, естественно, требовали от каждого большой ответственности за порученное дело. А дело-то было связано с жизнью раненых. Поэтому малейшее нарушение наказывалось, вплоть до увольнения» [10, с. 29].

Важным моментом в деятельности эвакогоспиталей являлась правильная организация приема больных и раненых. Транспортировку до станции Канаш осуществляли военно-санитарные поезда. После погрузки в военно-санитарный поезд, следующим пунктом был сортировочный госпиталь, в Канаше таким пунктом было здание железнодорожного вокзала [1, с. 33]. Начальником сортировочного госпиталя в Канаше была назначена врач-эвакуатор эвакогоспиталя № 3070 А.В. Сайгакова. В ноябре 1941 г. ее заменила З.Н. Софинская [2, с. 54].

Транспортом для перевозки от сортировочного госпиталя до эвакогоспиталей чаще всего обеспечивали предприятия Канаша: выделяли грузовой и легковой транспорт вместе с водителями из своих штатов. Эвакуация и прием пострадавших и больных проходили в любое время и при любой погоде. Прибывать могло от 500 чел. в сутки. Выгрузка, размещение и загрузка происходила вручную носилками. После проверки на инфекционные заболевания, педикулез, дезинфекции и санитарной обработки раненые и больные распределялись по госпиталям. Благодаря быстрому реагированию, поэтапной работе и добросовестной санобработке в сортировочном госпитале г. Канаша, за весь период не было зарегистрировано вспышек педикулеза и инфекционных заболеваний [2, с. 55].

Лечебная деятельность в эвакогоспитале включала в себя хирургическую работу: оперативные вмешательства, обработка ран и проч.; медицинскую реабилитацию: ЛФК, физиотерапия, витаминолечение и т. д., организация лечебного питания и аптечная служба [8].

Эффективность работы эвакогоспиталей напрямую зависела от профессионализма и самоотверженности медицинского персонала. Организация хирургической помощи целиком лежала на плечах начальников отделений. В эвакогоспитале № 3062 начальниками отделения проработали А.А. Карушкина; с 1943 г.– К.В. Забавина, немногим позже – И.П. Луидина [1, с. 37]. Самоотверженно трудились хирурги – С.Ю. Рутштейн, В.А. Гурьева, К.С. Колбасова; важнейшую поддержку им оказывали фельдшера А.И. Макарова, М.А. Беляева, А.Я. Кошкина, медицинские сестры А.Р. Демьянова, А.А. Архипова [10, с. 37]. Терапевтическо-инфекционный эвакогоспиталь № 3070 также имел небольшое хирургическое отделение, в разное время его возглавляли З.Н. Софинская, А.К. Коростелев и С.Г. Беккер [2, с. 55].

Особенно сложной была работа терапевтов. Самыми опасными диагнозами, приводившими к летальным исходам (особенно в первые годы войны), являлись: воспаление легких, пневматоракс и язвенная болезнь. Заслуги врачей-терапевтов Канашских эвакогоспиталей – А.А. Карушкиной, Н.А. Турской, С.Г. Беккера и А.А. Ерехиной — в лечении таких тяжелых больных были высоко оценены главным терапевтом эвакогоспиталей РСФСР профессором С.О. Барылкес [1, с. 46].

Чрезвычайно важную роль играла клиническая лаборатория эвакогоспиталя № 3062 под руководством А.Ф. Андреевой. Ежедневно здесь выполнялось более сотни различных анализов. По воспоминаниям А.А. Карушкиной, исследования всегда проводились оперативно, а за все годы работы лаборантки не допустили ни единой ошибки – показатель высочайшего профессионализма в экстремальных условиях [2, с. 52].

В госпитале № 3062 действовало и зубное отделение во главе с Анной Петровной Сперанской. Стоматологи и зубные техники активно ассистировали при хирургических операциях, расширяя возможности комплексной медицинской помощи.

Неотъемлемой частью восстановления раненых были и реабилитационные методы. В физиотерапии ведущими специалистами были врач Галина Владимировна Забавина и медсестры Зинаида Андреева и Татьяна Белоусова. Высокого авторитета в массажном деле добились медсестры М.М. Киселева и С.Б. Шульгина. Занятия по ЛФК проводили М.М. Киселева и В.В. Акчурин, помогая бойцам восстанавливать силы и подвижность [2, с. 56].

Ключевыми условиями выздоровления являлись правильное питание и диетотерапия. Несмотря на трудности военного времени, снабжение госпиталя было налажено на достойном уровне.

По воспоминаниям О.А. Андреевой: «Несмотря на суровое время войны, питание в госпитале было хорошее, диетическое. Рацион состоял из трех блюд: первое, второе и третье. Была установлена норма хлеба – 800 г. Имелось подсобное хозяйство. Над госпиталем шефствовали колхозы и совхозы, поставляя различные продукты питания» [10, с. 38].

Значительный вклад в лечение вносил сбор лекарственных растений, организованный сотрудниками, членами общественных организаций и школьниками. На основе собранного сырья работники аптечной службы эвакогоспиталей Канаша — начальник аптеки Л.С. Нифонтова и рецептор С.М. Фортунатова – готовили настои, сиропы, мази, порошки, пилюли и растворы для всех пациентов [2, с. 56].

Раненых, поступающих с фронта, в госпиталях окружали большим вниманием и заботой. Врачи и сестры делали все необходимое для того, чтобы они снова встали в строй. Тем, кого не вернули в строй, медицинские работники и администрация госпиталя помогали обрести новое место в тылу: многие после трудового обучения устроились водителями в Канаше, на заводах и мебельных фабриках. Другие остались работать в госпиталях — библиотекарями, сотрудниками клуба, младшими кухонными и складскими работниками и проч.

Помощь медицинских работников фронту не ограничивалась лечением раненых: они активно участвовали в сборе средств в Фонд обороны, собирали посылки для бойцов и отчисляли часть заработка на нужды армии.

9 октября 1941 г. персонал эвакогоспиталя № 3070 на общем собрании единогласно решил ежемесячно до конца войны направлять на фронт сумму однодневного заработка (1225,06 руб.). Средний размер отчислений с сотрудника составлял около 30 % зарплаты [18, л. 21].

За период с января 1942 по май 1945 г. госпитали № 3062 и № 3070 перечислили на военные займы и налоги более 700 тыс. руб.

Всего через эвакогоспиталь № 3062 в период с июля 1941 по 1945 г. прошли 5709 чел.: 5101 – раненых, 608 – больных. Эвакогоспиталем № 3070 за этот же период было принято 4042 чел.: 3893 – раненых, 149 – больных [6].

Профессионализм, самоотверженность и слаженная работа медицинского персонала обоих эвакогоспиталей позволили обеспечить высокое качество медицинской помощи раненым бойцам и способствовали скорейшему восстановлению многих из них для возвращения в строй.

Смертность в госпиталях была невысокой, но оставалась самым тяжелым испытанием для медработников. В эвакогоспитале № 3062 (29.08.1941–10.07.1945) зафиксировано 146 смертей (0,39 %) [13, л. 15], в эвакогоспитале № 3070 (03.12.1941–26.03.1945) – 104 случая (0,38 %) [14, л. 14].

Свою работу эвакогоспиталь № 3062 закончил в начале октября 1945 г., а эвакогоспиталь № 3070 был расформирован в конце 1945 г. [11, л. 434; 12, л. 994]. 1 января 1946 г. на его месте развернулся госпиталь для инвалидов, который функционировал до 1948 г. [9, с. 60].

Многие эвакуированные врачи и медсестры после Победы остались в Чувашии, связав свою жизнь с республикой. Те, кто вернулся в родные города, сохранили теплые воспоминания о работе и жизни в Канаше.

Послевоенные встречи бывших медицинских работников эвакуационных госпиталей с ранеными, лечившимися в них во время войны, состоялись в 1974, 1975 г. (к 30-летию Победы) и в 1985 г. (к 40-летию Победы).

В бывшем здании эвакуационного госпиталя № 3070 в 1986 г. открыт музей «Слава госпиталя» и военно-патриотический клуб «Поиск». В настоящее время мемориальные доски на зданиях двух школ и больницы напоминают о событиях военных лет. На городском кладбище установлены 11 обелисков, под которыми захоронены 377 солдат, умерших в госпиталях от тяжелых ран, полученных на фронте.

Работа эвакогоспиталей № 3062 и № 3070 в г. Канаше стала символом единства и самоотверженности советского народа в годы Великой Отечественной войны. Эвакуированные медики из разных уголков СССР, объединившись с местными специалистами, не только спасали жизни бойцов, но и заложили основы послевоенного здравоохранения Чувашии. Их подвиг – пример мужества, гуманизма и профессионализма, достойный вечной памяти.

Сегодня задача историков, краеведов, архивистов и всех неравнодушных людей — собрать крупицы информации, пока еще есть возможность: изучить сохранившиеся документы, найти личные письма, дневники, фотографии, записать воспоминания родственников.

Пусть голоса врачей эвакогоспиталей, приглушенные временем, вновь зазвучат ясно — как свидетельство их подвига, как благодарность потомков и как часть нашей общей памяти.

Литература и источники

1. *Алексеев Г.А.* О работе эвакуационных госпиталей на территории Чувашии. Чебоксары: [б. и.], 1991. 77 с.: ил., портр. URL: http://old-medicin.cap.ru/SiteMap.aspx?id=817994 (дата обращения: 25.03.2026).

2. *Гареева Р.Р.* О работе эвакогоспиталей города Канаш Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: материалы LXI конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам научно-

исследовательской работы за 2020 год. Вып. 3 / отв. ред. П.Н. Волков. Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 47–58. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45624824 (дата обращения: 02.04.2026).

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 17.

4. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 27.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 68.

6. *Кузнецова С.Ю.* И эта память – наша совесть... // Канаш. 2020. № 19. С. 4.

7. Письма раненых бойцов // Коллекция писем музея «Слава госпиталя» МБУ ДО «Дом детского творчества» г. Канаш Чувашской Республики.

8. Сборник работ о лечении раненых и больных за время Великой Отечественной войны: научный сборник / Министерство здравоохранения ЧАССР; отв. ред. А.И. Лихачев. Чебоксары: Госиздат ЧАССР, 1947. 594 с.

9. *Соколова В.И.* О работе эвакогоспиталей в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 2. С. 54–61.

10. *Стасева А.Б* и др. Подвиг медицинского персонала эвакогоспиталей № 3062 и № 3070 в городе Канаше Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Русская старина. 2020. № 11. С. 26–40.

11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 33. Оп. 686046. Д. 49.

12. ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 378.

13. ЦА МО РФ. Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 5279.

14. ЦА МО РФ. Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 5282.

15. ЦА МО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 1.

16. ЦА МО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 2.

17. ЦА МО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 11а.

18. ЦА МО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 2.

УДК 94(517.13)”1941/1945”

Н.В. Кабакова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны в Омскую область были эвакуированы десятки детских учреждений, большая часть которых прибыла из Ленинграда. Статья посвящена вопросу об организации повседневной жизни этих учреждений в Омской области, в которой участвовали органы власти и местные жители. Статья основана на архивных материалах.

Ключевые слова: эвакуация, детские учреждения, повседневная жизнь, Омская область, Великая Отечественная война.

N.V. Kabakova

ORGANIZATION OF DAILY LIFE EVACUATED CHILDRENS INSTITUTIONS IN THE OMSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. During the Great Patriotic War, dozens of childrens institutions were evacuated to the Omsk region, most of which came from Leningrad. This article focuses on the organization of daily life in these institutions in the Omsk region, which involved government agencies and local residents. The article is based on archival materials.

Keywords: evacuation, childrens institutions, everyday life, Omsk region, the Great Patriotic War.

Организация эвакуации населения, учреждений и предприятий в условиях вероломного вторжения Германии в пределы СССР началась в первые дни Великой Отечественной войны. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации, а 26 сентября 1941 г. образовано Управление по эвакуации населения, на которое возлагались задачи по вывозу населения из опасных районов и его обеспечению в пути следования. В пунктах прибытия вопросы по размещению и обустройству эвакуированных, среди которых было немало детей, решали местные власти.

Проблематика эвакуации детей, налаживания их дальнейшей жизни неизменно остаются в ракурсе исторических исследований [1; 11], среди которых немало трудов омских ученых [9; 10; 13]. Настоящая работа посвящена организации жизни эвакуированных детей на территории Омской области в годы Великой Отечественной войны. Статья базируется на материалах фонда № 17 «Омский обком ВКП(б)» Государственного исторического архива Омской области.

К середине августа 1941 г. в Омск прибыло 11 701 чел. эвакуированных, из них детей из детских домов и обслуживающего персонала – 2104 чел. [3, л. 7]. До 25 декабря 1941 г. в области было размещено около 17 тыс. детей из Москвы, Ленинграда, Запорожья, Карело-Финской ССР и других областей страны [5, л. 137]. На 1 июля 1942 г. в Омской области размещались 102 детских учреждения из Ленинграда, 5 – из Москвы, 24 – из других районов страны [8, л. 15]. В итоге из общего числа эвакуированных в Омскую область (272,6 тыс. чел.) дети составляли 39,2 % (106,9 тыс. чел.) [12, с. 38]. Однако исчерпывающих данных о количестве эвакуированных нет, поскольку переселенческий отдел в первые недели войны не смог наладить четкого

учета прибывающих в область, о чем говорилось на одном из заседаний Омского обкома ВКП(б) в августе 1941 г. [2, л. 24].

Вопросы приема, обустройства и обслуживания эвакуированного населения находились в поле внимания областных властей. В середине августа 1941 г. подверглись критике органы здравоохранения, не принимавшие достаточных мер по санитарной обработке прибывающих, что приводило к вспышкам эпидемических заболеваний среди детей [2, л. 24]. В первые недели войны медицинское обслуживание эвакуированных было налажено плохо, поскольку врачи закреплялись только на омском эвакопункте, тогда как в области, в лучшем случае, эту работу обеспечивал средний медперсонал.

Питание на омском эвакопункте и промежуточных станциях также было организовано неудовлетворительно. В Омске действовал станционный буфет, который размещался в чрезвычайно тесном помещении, был постоянно перегружен эвакуированными, которым приходилось тратить значительное время на получение обеда. На промежуточных станциях столовых не было вовсе, поэтому и взрослые, и дети ограничивались сухим пайком. Подобные обстоятельства также вызывали критику со стороны областных властей.

22 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) опубликовал постановление «О детях, эвакуированных из Москвы и Ленинграда», на основании которого руководство городов и районов Омской области определяло взять под постоянный контроль содержание эвакуированных детей, принимать необходимые меры к созданию нормальных условий жизни и учебы [4, л. 13].

Наибольшая часть эвакуированных детей прибывала в Омск в составе детских учреждений (детских домов, интернатов, ясель и проч.). В ряде эшелонов вспыхивали инфекционные и другие заболевания: в составе из Запорожья 80 % детей были больны чесоткой, в составе из Ярославской области 92 ребенка болели корью, 5 – скарлатиной. Детей отправляли в эвакуацию, плохо обеспеченных одеждой. В отчетах отмечались дети Калужского детского дома, прибывшие в Омскую область в середине ноября, многие из которых были в потрепанных ботинках, некоторые вовсе без обуви. Упоминалось, что четыре ребенка из Заонежского детского дома обморозили ноги в пути [5, л. 138].

В основном дети размещались в сельской местности, поскольку многие помещения в городе и райцентрах были отведены под госпитали, либо уже были предоставлены эвакуированным предприятиям. Первоначально дети направлялись в Тобольск, Уватский, Усть-Ишимский, Викуловский, Тевризский и некоторые другие отдаленные районы Омской области. Но с момента прекращения навигации и наступления холодов их стали размещать в районы, находящиеся вблизи железнодорожных станций. Для детей отводили небольшие здания, вмещавшие от 50 до 200 коек. Во всех помещениях проводили ремонт, старались наладить медицинское обслуживание.

В первую очередь требовалось обеспечить эвакуированных детей одеждой и обувью, что стало жизненно необходимым в условиях суровой сибирской зимы. Поэтому областное руководство обратилось с просьбой в народный комиссариат просвещения о выделении нарядов на 10 тыс. пар валенок, 8,5 тыс. пар кожаной обуви, 5 тыс. теплых пальто, 24 тыс. пар чулок и носков, 6 тыс. одеял [5, л. 140].

В течение 1942 г. проводились обследования детских домов, расположенных в Омской области. В одном из подобных учреждений в с. Ембаево Тюменского района размещались ясли № 26 из Смольнинского района Ленинграда. Всего в эвакуацию прибыло 116 детей (55 чел. – до 3 лет, 59 чел. – 3–4 года, 2 чел. – старше 4 лет). Их путь был тяжелым: 6 июля 1941 г., когда дети выехали с Московского вокзала Ленинграда, в эшелоне насчитывалось 219 чел. В Ярославской области, куда они прибыли на станцию Пречистая и оставались до 17 ноября, 88 детей забрали родители, 4 ребенка умерло. При дальнейшем следовании в пути умерло еще 3 чел. И уже 8 детей в возрасте от 1 до 2 лет, ослабленные дорогой, умерли на территории Омской области [14, л. 3 об. – 15 об.]. Для яслей в Ембаево выделили 6 домов, в четырех из которых разместили детей,

в остальных – кухню и прачечную. В каждом доме у детей была спальня с деревянными топчанами и соломенными матрацами и столовая, где проводились занятия. Инспекторы, прибывшие для проверки в марте 1942 г., отмечали: «...помещения для детей светлые, воздух в них свежий; постельное белье чистое, на окнах белые занавески, вышитые руками нянь; детей раз в неделю купают, у каждого в кармашке носовой платок» [7, л. 15]. В отчете было отмечено «удовлетворительное» питание. Кормили детей четыре раза в день. Примерное меню выглядело следующим образом: утром – хлеб с маслом, чай с молоком; в 12 часов – молоко, хлеб; в обед – картофельный суп-пюре с маслом, пшеничные котлеты с брусничным подливом; на ужин – макароны с маслом, чай с хлебом. Однако трудности с продуктами были. С декабря не поступала манная крупа, в марте – мясо, мало было картофеля, отсутствовали лук и морковь. Яиц было достаточно, хлеба также хватало, но он был плохого качества. Для яслей вскоре выделили подсобное хозяйство, включавшее огород в 3 га, и домашний скот (три свиньи и овцу). Вызывало беспокойство то, что в дефиците был запас топлива, мыла (им только купали детей, тогда как стирали щелоком). У детей имелось по две смены белья и платья, но остальной одежды и обуви недоставало (зимних пальто – только 100, летних – 70, при том что 20 требовали замены, не было чулок, рейтуз – всего 70, ботинки и туфли не подходили по размеру).

Вместе с яслями в эвакуацию прибыл персонал из Ленинграда (35 чел.), который разместился на частных квартирах. При этом по штату для обслуживания детей полагалось 54 чел.

Из ленинградского детского дома Кировского прядильно-ниточного комбината в Омскую область прибыло 100 детей. У большинства этих детей родители умерли, либо находились в рядах РККА, на фронте. Этот детский дом занимал двухэтажное деревянное здание, где на одного ребенка приходилось по 1,2 м площади. В младшей группе (до 3 лет) числилось 29 чел., в средней (от 3 до 4 лет) – 29 чел., в старшей (от 6 до 7 лет) – 25 чел. Кроме того, в детском доме было 17 детей школьного возраста в возрасте от 8 до 14 лет [7, л. 18]. В апреле 1942 г. в ходе проведенной проверки были зафиксированы перебои с питанием: в феврале не было мяса, сахара, масла и крупы. Детский дом спасался благодаря помощи колхозников. За март продукты стали поступать только с 28 числа. Остро стояла проблема с обеспечением детей одеждой и обувью: не хватало 18 пар валенок, детям требовалось 50 пар обуви, совсем не было галош, чулок, у 28 чел. не имелось пальто. Дети росли, потому нуждались в летней одежде, школьной форме. Плохо в этом детском доме была налажена учеба – на троих первоклассников выделялся один букварь, недоставало учебников, тетрадей, бумаги.

Еще один ленинградский детский дом с конца октября 1941 г. размещался в с. Кулаково Тюменского района. Среди 104 прибывших детей в возрасте от 2 до 7 лет были представители разных национальностей – украинцы, корейцы, чуваши, татары, финны, даже китаец. Педагоги отмечали, что подобное обстоятельство облегчает интернациональное воспитание. В этом детском доме также существовали проблемы с питанием, обеспечением обувью и одеждой, учебниками. Остро ощущалась нехватка мыла, керосина и ламп для освещения комнат [7, л. 39–42].

Особую тревогу в ходе инспекции вызвало «тяжелое» состояние эвакуированных детских учреждений, находившихся в Сорокинском районе, что повлекло специальное заседание Омского обкома ВКП(б), состоявшееся 9 марта 1942 г. Областные организации обязывались оказать немедленную помощь детским учреждениям: областной отдел торговли (облторготдел) должен был ежемесячно выделять масло животное (200 кг), мясо (1 т), крупу (0,5 т) и проч. Обеспечить интернаты необходимой столовой и кухонной посудой, хозяйственным инвентарем; облпромсовет должен был изготовить 200 пар кожаной обуви, по 500 пар чулок и носок, по 500 штук платьев, костюмов и пальто, 100 ватных одеял [6, л. 5]. Предполагалось обеспечить детские дома мылом из расчета 1 кусок на 1 ребенка в месяц.

Эвакуированные детские учреждения стали первоочередным образом укомплектовываться медицинскими работниками и медикаментами.

С весны 1942 г. усилилось внимание со стороны властей по доставке продуктов для детских учреждений, особенно во время распутицы, по подвозу дров. Повсеместно с помощью местных жителей начали организовываться подсобные хозяйства, выделяться семена. Это позволяло не только улучшить рацион эвакуированных, но и обеспечивать трудовое воспитание детей, которые работали вместе со своими воспитателями и преподавателями. Старшие выполняли посильные работы на огородах, по заготовке хвороста, по сбору летней порой грибов, ягод и трав. Кроме того, они поддерживали чистоту в собственных жилых помещениях, помогали ухаживать за малышами.

В детских домах устраивались праздники, в проведении которых участвовали местные жители. Хотя проверяющие повсеместно обращали внимание на слабость пионерской работы с эвакуированными детьми, вскоре развернулось тимуровское движение, когда уже сами эвакуированные дети помогали семьям красноармейцев.

В отчетах об организации устройства эвакуированных детей на территории Омской области нередко отмечалась роль женщин, оказывавших «деловое материнское шефство». Они готовили помещения, стирали и штопали белье, оборудовали бани, зимой – катки на реках, собирали посуду для столовых. Так, женщины из Ханты-Мансийского округа сшили для эвакуированных детей теплые платьица, организовали сбор музыкальных инструментов [5, л. 140].

Таким образом, несмотря на то, что в условиях войны ресурсы главным образом направлялись для фронта, эвакуированных детей при общей ограниченности средств на Омской земле старались обеспечивать всем необходимым. Организация жизни эвакуированных детей стала заботой не только государственных органов, но и населения Омской области.

Литература и источники

1. *Алексеев А.А.* Социальная история Великой Отечественной войны. Проблемы эвакуации детей в Западную Сибирь // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 6. С. 59–63.

2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 2615.

3. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2616.

4. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2621.

5. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2694.

6. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3177.

7. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3427.

8. ГИАОО. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 185.

9. *Кабакова Н.В.* Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны в Омскую область // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 441–446.

10. *Кожевина М.А.* Война: Омск и ленинградцы (1941–1945) // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): в 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т Мин-ва внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 955–964.

11. *Меркурьева В.С.* Дети войны: к вопросу об оказании помощи детям, эвакуированным в Сталинградскую область в 1941 – нач. 1942 гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 8. С. 139–148.

12. *Снегирева Л.И.* Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 38–40.

13. *Сушко А.В., Носова М.С.* Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 330–347.

14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-9713. Оп. 4. Д. 51.

УДК 930.2

А.А. Козлова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГРАЖДАН, ЭВАКУИРОВАННЫХ В СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)

Аннотация. В статье характеризуется повседневная жизнь граждан, вынужденных в условиях оккупации значительных территорий во время Великой Отечественной войны эвакуироваться в глубокий тыл. Автор показывает процесс адаптации этих граждан, с одной стороны, и отношение местных жителей, чье бытование изменилось в связи с эвакуационными процессами, – с другой.

Ключевые слова: эвакуация, повседневность, Великая Отечественная война, тыл, Сибирь.

A.A. Kozlova

THE DAILY LIFE OF CITIZENS EVACUATED TO SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (USING OMSK AS THE EXAMPLE)

Abstract. This article describes the daily lives of citizens forced to evacuate to the rear during the occupation of large territories during the Great Patriotic War. The author describes the adaptation process of these citizens, on the one hand, and the attitudes of local residents, whose way of life changed due to the evacuation process, on the other.

Keywords: evacuation, everyday life, the Great Patriotic War, the rear, Siberia.

Изучение истории Великой Отечественной войны не теряет своей актуальности с момента ее окончания, разница между исследователями заключается в том, что историки рассматривают ее с разных точек зрения и разных аспектов. На протяжении последних десятилетий в центре внимания многих авторов находится вопрос повседневной жизни советских граждан в тылу, поскольку именно здесь готовилась экономическая база нашей Победы. Проблема влияния войны на жизнь обычных граждан начала исследоваться еще после Первой мировой войны, появился даже специальный термин «экстремальная повседневность», из которого очевидно, что военные условия практически полностью меняют привычный образ жизни и быта, род занятий, отношения людей друг к другу и к жизненным целям, которые для всех воплощаются в идее достижения победы, ее приближения и готовности или неготовности менять свой образ жизни и самих себя ради этого [1; 2; 4; 6].

С другой стороны, по-прежнему историков интересуют вопросы экономического развития военного периода, прежде всего организации эвакуационных процессов и начало производства военной техники в новых условиях [3; 5; 7; 8].

Начало Великой Отечественной войны, конечно, стало и началом изменений привычного образа жизни: для одних граждан в связи с приближением фронта, для других – из-за попадания под оккупацию, для третьих – в связи с эвакуацией, причем как для эвакуированных, так и для тех жителей, к которым прибыли эти граждане.

Сибирь была регионом, куда эвакуировали большинство приграничных предприятий вместе с работниками и их семьями. Омск стал одним из городов, принявших более сотни фабрик, заводов, организаций из европейской части страны.

Облик города изменился очень резко: на момент лета 1941 г. численность населения города составляла менее 300 тыс. чел. Самая острая проблема, с которой столкнулись горожане второй половины 1941 г., была жилищная. Именно поэтому началось масштабное строительство жилья, в результате чего в городе появился новый район – Молотовский. Причем наиболее напряженным периодом были осень и зима 1941–1942 гг., когда местным жителям пришлось принять в своих домах приезжих и делиться с ними бытовыми предметами, поскольку норма багажа эвакуированных была 100 кг, то они, конечно, прибывали без мебели, которой приходилось делиться омичам. Это была существенная проблема, но еще более сложной оказалась топливная, а в условиях суровой сибирской зимы без топлива, конечно, выжить было невозможно [4].

Почти двойной прирост населения Омска, конечно, сразу привел к росту дефицита и продуктов, и товаров народного потребления. Было очевидно, что проблему нужно решать не только на уровне руководства региона, но и конкретно каждому учреждению. В результате в городах Омской области решением облисполкома для бесперебойного обеспечения жителей и стремления избежать продуктовых очередей было приказано в пятидневный срок увеличить число магазинов, торгующих хлебом по карточкам и укомплектовать их штатом продавцов. Помимо этого, директор «Гастронома» к 1 сентября 1941 г. обязывался открыть образцовый магазин, который начал функционировать в центре Омска в помещении, которое располагалось под гостиницей «Октябрь» [2].

26 июня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военный период», согласно которому на всех стратегически важных заводах вводились обязательные сверхурочные продолжительностью от 1 до 3 часов в день, таким образом, фактически предприятия переводились на круглосуточный режим, а рабочий день значительно увеличивался. Но даже в свободное время и выходные дни по инициативе партийных органов и работников часто проводились субботники и воскресники. Очевидно, что при такой занятости на производстве свободного времени у рабочих было крайне мало. Как и в довоенное время, они посещали кинотеатры, театры, цирк. Отличительной особенностью было то, что теперь перед фильмами обязательным стал показ документальной военной хроники. Омск стал местом для эвакуации не только промышленных предприятий и их коллективов, но и ученых, театральных и цирковых трупп, что способствовало изменению его облика, повысило возможности приобщения местных жителей к науке и культуре.

Несмотря на военное время, не забывали о праздниках. Особое внимание, конечно, уделяли годовщинам Великой Октябрьской революции, Дню международной солидарности трудящихся, но и праздникам в честь Дня железнодорожника и Сталинской авиации. Так, еще в довоенное время на праздник железнодорожника проводили карнавал, в годы войны эта традиция сохранялась, а за лучшие карнавальные костюмы даже выдавались призы, что в военных условиях было особенно значимо. Карнавалы проводили также в честь Нового года, хотя, конечно изготовить костюм было очень сложно, поскольку ткани были большим дефицитом [3].

Одной из существенных перемен стало изменение роли женщин на производстве: их обыденная жизнь изменилась больше других категорий населения. Многие женщины до войны были домохозяйками, теперь же стали частью производства. Именно женщинам предстояло освоить новые, совершенно неженские профессии, для ранее работавших часто смежные с прежними: вагоновожатые становились еще и слесарями, станочницы – наладчицами. Нормой стали женщины-кочегары, мотористы, наметчики. В июле 1941 г. были организованы курсы шоферов, рассчитанные на ежедневные занятия по 4–5 часов по вечерам без отрыва от производства. В начале августа 1941 г. Омский педагогический институт организовал двухмесячные курсы медицинских сестер, на которые записалось более 100 девушек. Такое мероприятие было необходимо, поскольку в тыловой Омск активно начали прибывать раненые, открывались госпи-

тали, а медицинского персонала в городе явно не хватало. Именно поэтому активно стали привлекать студенток, которые становились сначала санитарками, а затем иногда и медсестрами [1].

Для привлечения к работе домохозяек стали открывать ясли, детские сады, причем не только в городе, но и на селе. Остро ощущалась нехватка педагогических кадров, поэтому было принято решение открыть педагогическое училище, которое должно было подготовить новых специалистов. На педагогов ложилась серьезная задача – не только занять и обучать подрастающее поколение, но и воспитание в патриотическом духе. Кроме того, именно учителя должны были заниматься профилактикой эпидемий вместе с медицинскими сестрами. Так, благодаря тщательным регулярным осмотрам предупредили возникновение сыпного тифа. Много внимания уделялось учителями анализу прессы, нужно было обсуждать со школьниками статьи местных и центральных газет, воспитывая патриотический дух в подрастающем поколении. Особое внимание уделялось подвигам земляков. Кроме того, дети под руководством учителей постоянно писали письма красноармейцам, поздравляли с праздниками. На эти письма приходили ответы с призывами помогать взрослым и благодарностью за поддержку.

Большое внимание уделялось загородному отдыху детей и подростков, что с одной стороны позволяло занять их круглосуточно, с другой – оздоровить в сосновом бору. Именно с этими целями в Чернолучинской зоне отдыха началось создание лагерей для пионеров и школьников. Результаты стали видны уже к лету 1942 г., когда более тысячи детей отправилось на отдых, а их матери могли спокойно работать в это время.

Таким образом, нужно отметить, что жизнь сибирской провинции существенно изменилась в военное время: значительно увеличилась численность населения, стал более пестрым его социальный состав (выросло не только количество рабочих, но и студентов, ученых, деятелей культуры), в силу необходимости были построены новые дома для жителей, больницы, школы, открывались детские сады, появились загородные зоны отдыха в Чернолучье, а затем и в Красноярке. Конечно, многие прибывшие в город, покинули его после освобождения оккупированных территорий, но предприятия и учреждения остались и продолжили работу и в послевоенный период.

Литература и источники

1. *Кабакова Н.В.* Исторический портрет преподавателей и студентов СибАДИ: 1930-е гг. // Архитектура, строительство, транспорт: материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). Омск: СибАДИ, 2015. С. 1652–1658.

2. *Кабакова Н.В.* Организация снабжения и питания населения в период Великой Отечественной войны в Западной Сибири (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 3. С. 213–222.

3. *Кабакова Н.В., Козлова А.А.* Процесс эвакуации промышленных предприятий и их коллективов в Омск // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2016. С. 248–254.

4. *Козлова А.А.* Повседневность Омска в годы Великой Отечественной войны: по материалам омских газет 1941 г. // Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики: вклад науки: материалы Международной научно-практической конференции. Омск: КАН, 2014. С. 191–194.

5. *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР в 1941–1945 гг. Москва: Воениздат, 1963. 400 с.

6. *Остроухов А.* Жены комбайнеров овладевают профессией своих мужей // Омская правда. 1940. № 165. С. 4.

7. *Рыженко В.Г., Назимова В.Ш.* Интеллигенция в эвакуации: настроения, труд и быт (по источникам личного происхождения) // Культурное наследие Сибири. URL: http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=58 (дата обращения: 11.05.2026).

8. *Чуянов А.С.* В трудные дни // Эшелоны идут на восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Москва: Наука, 1966. 263 с.

УДК [355.244.211:378](091)(470)”1941/1945”

В.Б. Ласточкин

ЭВАКУАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье показаны (главным образом на материалах Чувашии) ход и результаты эвакуации высших учебных заведений в тыловые районы СССР, их научная и образовательная деятельность, роль в научной, хозяйственной и культурной жизни на новых местах, забота местных советских, партийных и комсомольских органов об устройстве эвакуированных детей, организации образовательного процесса в школах в условиях военного времени.

Ключевые слова: эвакуация, высшая школа, общеобразовательная школа, вузовская наука, образовательный процесс, забота о детях, комсомол.

V.B. Lastochkin

EVACUATION OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AND THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER AND SECONDARY SCHOOLS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines (primarily based on materials from Chuvashia) the course and outcomes of the evacuation of higher education institutions to the rear regions of the USSR, their scientific and educational activities, and their role in the scientific, economic, and cultural life of their new locations. It also addresses the efforts of local Soviet, Party, and Komsomol bodies in arranging the living conditions of evacuated children and organizing the educational process in schools under the new conditions of wartime.

Keywords: evacuation, higher education, general education school, university science, educational process, childcare, Komsomol.

С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. 147 из имевшихся тогда в СССР 817 вузов, в которых обучались 811,7 тыс. студентов и работали около 50 тыс. преподавателей, в том числе 5,3 тыс. профессоров, были эвакуированы. Многие из них были объединены с местными университетами и институтами. ЦК ВКП(б) и СНК СССР поставили перед ними ответственную задачу – не только продолжить научные исследования и подготовку специалистов высшей квалификации, крайне необходимых как фронту, так и тылу, но и резко повысить качество и результативность этой работы в соответствии с новыми условиями и вытекавшими из них новыми требованиями. Уже в 1942 г. в 460 вузах учились 227,5 тыс. студентов, 81,3 % из которых – женщины. Вузы, эвакуированные на восток, быстро наладили учебный процесс на новых местах. К их числу относились ряд факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, переехавших в Ашхабад и Свердловск, Ленинградский университет, возобновивший работы в Саратове, Киевский и Харьковский университеты – в Кзыл-Орде (Казахстан), Московский авиационный институт – в Алма-Ате, Днепропетровский горный институт – в Караганде и др. Эти эвакуированные вузы получили огромную помощь от местных партийных и государственных органов и сами помогали местным институтам в учебной и научной

работе. За период Великой Отечественной войны советская высшая школа выпустила 302 тыс. специалистов, в том числе 70,8 тыс. инженеров, 21,7 тыс. агрономов и других специалистов сельского хозяйства, 12,1 тыс. экономистов и юристов, 131,4 тыс. педагогов, 62,4 тыс. врачей. За выдающиеся научные достижения 315 профессоров и преподавателей в годы войны были удостоены Сталинской (Государственной) премии, 6975 – награждены орденами и медалями [2, с. 196–197].

Видный исследователь истории советской высшей школы периода Великой Отечественной войны М.Р. Круглянский приводит примеры этого плодотворного, поистине братского сотрудничества ученых разных советских республик. Киевский индустриальный институт своевременно вывез научно-техническое оборудование в Ташкент и там возобновил подготовку инженерных кадров высшей квалификации в составе Среднеазиатского индустриального института. Киевские ученые и специалисты непосредственно участвовали в монтаже оборудования эвакуированных в Ташкент многочисленных предприятий и местных новостроек, среди которых такие важные, как Северный Ташкентский канал, гидроэлектростанции, в проектировании новых промышленных предприятий, в организации повышения квалификации местных инженерно-технических кадров и работы местных отделений научных инженерно-технических обществ. 16 научных сотрудников этого эвакуированного института были награждены орденами и медалями СССР, 15 – грамотами Верховного Совета Узбекской ССР.

Благодаря заботам партийных и советских органов Казахской ССР созданный на базе эвакуированных в Кзыл-Орду факультетов Киевского и Харьковского государственных университетов Украинский госуниверситет получил полноценную возможность вести занятия в корпусах Кзыл-Ординского государственного института. По инициативе украинских ученых в Кзыл-Орде весной 1942 г. была проведена объединенная межвузовская конференция представителей Украинского университета, Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства и Кзыл-Ординского педагогического института по проблемам противодействия фашистской фальсификации общественных наук и развития производительных сил Казахстана и советских республик Средней Азии. Ученые университета оказали большую помощь в развитии промышленности, выявлении и рациональном использовании естественных ресурсов Южного Казахстана и примыкающих к нему среднеазиатских республик.

Научный коллектив Днепропетровского горного института оказал большую и разнообразную научно-техническую помощь угольной промышленности Карагандинского бассейна по развитию стахановского движения, внедрению новых и совершенствованию имевшихся систем разработки угольных пластов, механизации производственных процессов и повышению их эффективности. Ряд работников института за это были награждены орденами.

Эвакуированный в Пржевальск (областной центр Киргизии на берегу озера Иссык-Куль) Николаевский кораблестроительный институт оказал значительную помощь промышленности, транспорту и сельскому хозяйству советской Киргизии, выполнив 32 крупных проекта. Сотрудники кафедры химии во главе с профессором Колосовым и доцентом Федосеевым спроектировали и внедрили принципиально новую установку по производству из местного сырья стратегически важного продукта – каустической соды. Профессор Архангельский многое сделал для электрификации процессов молотьбы и очистки семян. За плодотворную работу в эвакуации институт был награжден Почетной грамотой Народного комиссариата судостроения СССР [5, с. 80–83].

И подобных замечательных примеров сотрудничества можно привести множество. Поволжье – важнейшая научная и индустриальная база России – не могло быть исключением. Деятельность эвакуированных в Татарстан, Самарскую (Куйбышевскую), Ульяновскую, Пензенскую, Саратовскую области научных учреждений и высших учебных заведений отражена в защищенной в 1998 г. в Самаре кандидатской диссертации С.В. Кузнецовой «Подготовка научных и педагогических кадров в университетах, педагогических и учительских институтах Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Она пишет: «Трудно переоценить практический вклад ученых Поволжья в военное время. Сделанные ими открытия способствовали укреплению оборонной мощи страны, позволили сохранить многие жизни советских людей. Был завершен ряд научных исследований, подготовлены интереснейшие монографии и сборники. Особое место в годы войны уделялось подготовке национальных научных кадров» [6, с. 14–15].

Эта закономерность, конечно, целиком и полностью распространяется и на Чувашию. В августе 1941 г. в Чебоксары прибыли профессоры, преподаватели и студенты Смоленского сельскохозяйственного института. В результате объединения этого института и Чувашского сельхозинститута кадровый потенциал последнего значительно вырос. Был сформирован высокопрофессиональный профессорско-преподавательский коллектив, в состав которого входил 31 чел., в том числе один член-корреспондент Академии наук Белорусской ССР, 4 профессора, 20 доцентов, 5 старших преподавателей, 1 ассистент. Существенно пополнился эвакуированными учеными и специалистами и коллектив Чувашского государственного педагогического института. Заведующими кафедрами ЧГПИ были назначены профессор политэкономии А.И. Лурье (из Минского государственного университета), доктор биологических наук, профессор В.А. Дорфман (из Всесоюзного института экспериментальной медицины), доктор химических наук В.И. Касаточкин (из Московского института цветных металлов), кандидат исторических наук К.В. Кудряш, ранее работавший в Ленинградском государственном университете и др. [11, с. 106–107].

Уже в середине 1942 г. ЧГПИ осуществил первый в условиях военного времени досрочный выпуск 83 студентов четвертого курса, которые были направлены в школы Чувашии и пополнили ряды дипломированных педагогов вместо тех, которые ушли на фронт. В дальнейшем выпускники педагогического и учительского институтов направлялись и в другие, в первую очередь – освобожденные районы страны, где требовалось срочно восстановить школьное обучение. Так, в 1944 г. из 33 выпускников педагогического и 115 выпускников учительского института в Чебоксарах 5 молодых специалистов были распределены Наркомпросом РСФСР в Кабардино-Балкарскую АССР, еще 6 – в Дагестан. Значительных успехов в подготовке кадров для аграрного сектора народного хозяйства добился и Чувашский сельхозинститут. В декабре 1941 – июле 1942 г. он выпустил 42 агронома и 66 зоотехников, из которых 3 агронома и 24 зоотехника были сразу мобилизованы в Красную Армию, а остальные направлены в МТС (в качестве директоров, начальников и заместителей начальников политотделов), колхозы и совхозы. Институт обеспечивал кадрами не только Чувашию. В нашу республику были направлены 27 агрономов и 19 зоотехников, а остальные получили распределение в Казахстан, Алтайский край, Иркутскую, Новосибирскую, Омскую, Челябинскую, Читинскую области. По результатам государственных экзаменов 71,3 % выпускников имели только отличные и хорошие оценки.

В 1943 г. сельхозинститут окончили 19 чел., 8 из которых были направлены в области, пострадавшие от военных разрушений и последствий фашистской оккупации:

6 (3 агронома и 3 зоотехника) в Курскую и 2 агронома в Сталинградскую области. Это был реальный вклад в выполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

В 1945 г. ЧСХИ выпустил уже 348 специалистов, из них 224 агронома и 124 зоотехника. Многие из них снова были направлены на кадровое укрепление аграрного сектора народного хозяйства других регионов. Так, из агрономов 34 были распределены в Куйбышевскую, 34 – в Челябинскую, 24 – в Тамбовскую области, из зоотехников 34 – в Пензенскую, 44 – в Читинскую области, 24 – в Бурят-Монгольскую АССР.

Таким образом, институт стал кузницей кадров сельского хозяйства не только Чувашии, но и всей России. В дальнейшем они проявили себя достойно, из их рядов выдвинулись партийные руководители и талантливые организаторы производства [11, с. 110–111].

Продолжалась плодотворная деятельность высших учебных заведений Чувашии и в области научных исследований. Чувашский государственный педагогический институт разрабатывал проблемы историко-патриотической тематики, его преподаватели и студенты выступали в лектории, организованном в Мариинском Посаде, куда институт был временно (до октября 1944 г.) эвакуирован. Продолжались исследования вопросов истории, культуры, языка чувашского народа даже в тот период, когда деятельность профильного научно-исследовательского института в Чебоксарах была временно приостановлена. Уже 23 октября 1941 г. газета «Красная Чувашия» сообщала: «Кафедра ботаники и дарвинизма приступила к комплексной работе над темой “Условия выращивания сахарной свеклы в Чувашии”». Вопрос этот имеет чрезвычайную важность, так как перед нашей республикой поставлена задача – иметь свой сахар. Не менее важен и вопрос о выращивании на полях нашей республики каучуконосов, в частности кок-сагыза. Над этим работает доцент Миловидов. В колхозах республики под его руководством и наблюдением проводятся опыты по выращиванию каучуконосов.

– «Очень важную работу проводят работники кафедры химии. Товарищ С. Васильев работает над темой о получении озона при помощи тока высокого напряжения для дезинфекции бомбоубежищ и газоубежищ.

В плане работы кафедры русской и мировой литературы намечено интересное и важное мероприятие – экспедиция по сбору русского и чувашского фольклора об Отечественной войне. Научные сотрудники кафедры работают над темами, связанными с войной. Преподаватель всеобщей литературы товарищ Стаценко готовит научный доклад на тему “Лион Фейхтвангер как антифашистский писатель”. Он же прочтет ряд популярных лекций о писателях-антифашистах для студентов и для населения Чебоксар.

Заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма профессор Лурье уже заканчивает работу над темой “Партизанская война в тылу немецких фашистов”. Следующая его работа по плану “Экономическое содержание фашизма”. Работники этой кафедры готовят ряд научно-популярных работ об Отечественной войне.

Все преподаватели этой кафедры, а также кафедры истории тесно связаны с работой парткабинета Чебоксарского горкома ВКП(б) и лекционного бюро Наркомпроса. Они уже провели десятки лекций и докладов об Отечественной войне как в самом городе, так и в ряде районов республики» [1].

В период временной эвакуации педагогического института в Мариинском Посаде его преподаватели и студенты постоянно выступали с лекциями и докладами перед тружениками колхозов, учащимися школ Мариинско-Посадского, Козловского, Цивильского и других районов республики на русском и чувашском языках.

В июне 1943 г. газета «Красная Чувашия» отмечала: «Значительно расширен объем научно-исследовательской работы в сельскохозяйственном институте. Из 28 тем, утвержденных для исполнения, в настоящее время практически разрабатываются 22 темы, имеющие серьезное производственное значение. Член-корреспондент Белорусской академии наук доктор сельскохозяйственных наук профессор Н.В. Найденов занят изучением источников минерального и витаминного питания сельскохозяйственных животных и разрабатывает вопрос о применении сапропеля на корм скоту. Профессор Л.А. Пельцих разрабатывает основные вопросы агротехники сахарной свеклы и коксагыза и способы получения высоких урожаев картофеля в условиях Чувашской АССР. Доцент П.А. Коренев занят изучением ресурсов сельского хозяйства и разработкой мероприятий по повышению производительности труда в колхозах Чувашской АССР. Большую научную работу ведут и остальные научные сотрудники и преподаватели института» [13].

Разносторонней была помощь ЧСХИ сельскохозяйственному производству республики. Ученые института работали на ответственных должностях в Народном комиссариате земледелия Чувашской АССР: доцент В.А. Соловьев – заместителем народного комиссара по животноводству, доцент И.А. Рыжов – начальником управления животноводства, профессор М.Ф. Петропавловский – инспектором Госсортсети. При участии научных работников института были подготовлены проекты постановлений СНК ЧАССР и распоряжений НКЗ республики, организованы совещания руководителей и специалистов сельского хозяйства. Только за 1943 г. профессорско-преподавательским коллективом института были изданы 15 научно-популярных брошюр (и еще 3 выпущены под редакцией научных работников ЧСХИ) и 2 плаката, опубликованы в республиканских газетах «Красная Чувашия» и «Чăваш коммуни» 35 статей, прочтены в городах и районах республики 180 лекций и по радио – 12 лекций по вопросам полеводства, животноводства и механизации сельского хозяйства. За организацию этой работы и активное участие в ней знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства» были награждены 12 преподавателей, сотрудников и студентов Чувашского сельскохозяйственного института. Среди них – директор Г.И. Калинцев, профессоры Н.М. Замятин и Л.А. Пельцих. Доцент ЧСХИ Н.А. Сычев в конце 1941 г. принимал участие в организации центральной биохимической лаборатории для эвакогоспиталей Чувашии, которой руководил до 1944 г. [11, с. 112–113].

Война поставила в новые трудные условия не только высшую, но и среднюю школу, принявшую множество эвакуированных детей, в том числе и воспитанников детских домов. В Чувашию, по подсчету Е.В. Суховой, уже к началу 1942 г. прибыли свыше 17 тыс. эвакуированных детей, которые были встречены и приняты как родные [10, с. 166].

Обеспечение нормальных условий образовательного процесса в школах и училищах, предотвращение отсева учащейся молодежи стало предметом самого серьезного внимания высших партийных и правительственных органов нашей страны, народных комиссариатов просвещения РСФСР и других союзных республик.

13 июня 1942 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О школьных учебниках», направленное на улучшение снабжения школ учебной литературой. Оно предусматривало издание до конца года 13 млн учебников, изыскание для этого необходимого количества бумаги и коленкора, а также обязывало наркомпросы союзных и автономных республик обеспечить массовую скупку у населения старых учебников, широко привлекая к этому делу самих учителей и школьников [4, с. 310]. К этой работе активно подключились комсомольские организации школ и горкомы комсомола.

3 апреля 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о восстановлении школьных библиотек в освобожденных областях, краях и республиках РСФСР и создании с этой целью централизованного фонда школьной книги [4, с. 498]. Аналогичные программы восстановления системы народного образования были предусмотрены постановлениями ЦК ВКП(б) об улучшении массово-политической и культурно-просветительной работы, учреждений народного просвещения и здравоохранения в других республиках: Молдавии (постановление от 14 июня 1944 г.), Белоруссии (от 9 августа 1944 г.), Украины (от 27 сентября 1944 г.). Так, постановлением ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР Народный комиссариат просвещения РСФСР был обязан направить туда 160 учителей, учебные пособия и оборудования общей стоимостью 350 тыс. руб., издать для школ республики 395 тыс. экземпляров учебников на молдавском языке. Кроме того, постановление предусматривало отгрузку в школы Молдавии 60 тыс. учебников на русском и 20 тыс.– на украинском языках [4, с. 501–502].

Были приняты меры по открытию новых типов образовательных учреждений и постепенному расширению контингента обучающихся в них с учетом потребностей Вооруженных Сил и народного хозяйства СССР. Знаковой вехой на пути реализации этой цели стало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которое предусматривало открытие 9 суворовских военных училищ (в дальнейшем были открыты еще три нахимовских военных училища) и 23 ремесленных училищ в освобожденных краях и областях России и Украины. В первую очередь в эти училища принимались дети живых и погибших воинов Красной Армии и партизан [4, с. 459–462].

Важнейшее значение для улучшения качества отечественного школьного образования имело постановление ЦК ВКП(б) от 21 июня 1944 г. «О мерах по улучшению качества обучения в школе», устанавливавшее обязательные выпускные экзамены по окончании курса обучения в начальной и неполной средней (семилетней) школе и награждение золотыми и серебряными медалями выпускников средних школ, которые при сдаче государственных экзаменов на аттестат зрелости проявили глубокие знания при отличном поведении. Они получали преференции при поступлении в вузы. Эти меры способствовали улучшению работы общеобразовательной школы, повышению успеваемости и укреплению дисциплины школьников, а также ответственности педагогов и организаторов образовательного процесса за его конкретные результаты [4, с. 505].

Конечно, верным помощником партии в организации народного просвещения выступал Ленинский комсомол, ведь большинство обучавшихся в вузах, техникумах и старших классах школ юношей и девушек были его членами. XII пленум ЦК ВЛКСМ принял в марте 1942 г. постановление «О мерах по улучшению работы комсомола в школе», в котором подчеркнуто важнейшее государственное, политическое значение этой работы. Пленум поставил задачу оказания помощи учителям в воспитании школьников сознательными, дисциплинированными, всесторонне развитыми, готовыми к подвигу гражданами-патриотами, обязал комсомольские организации проявлять инициативу в постановке вопросов политической и культурной работы с учащимися во внеучебное время, активно помогать директорам и военным руководителям школ в военно-патриотическом и трудовом воспитании юношей и девушек [12, с. 24].

Следующий, XIII пленум ЦК ВЛКСМ в январе 1945 г. снова потребовал от комсомольских организаций и комитетов обеспечить дальнейшую, еще более активную помощь органам народного образования, директорам школ, учителям в повышении качества обучения и воспитания учащихся, разъяснил, что комсомольцы должны

служить примером для всех учащихся в поведении и учебе, в сдаче обязательных выпускных экзаменов и экзаменов на аттестат зрелости. Комсомольские организации должны повседневно расширять свое влияние на всех учащихся, заботу об организации их разумного и увлекательного досуга, добиваться улучшения массовой внешкольной работы. Необходимо расширить сеть кружков художественной самодеятельности, юных техников, юных натуралистов, военных кружков, спортивных команд и секций, проводить с учащимися экскурсии, туристические походы, военные игры и спортивные соревнования [12, с. 42].

Этот же пленум ЦК ВЛКСМ поставил новые задачи совершенствования политической работы со студенческой молодежью: «...популяризировать опыт отличников учебы, добиваться, чтобы студенты строго соблюдали дисциплину, своевременно и хорошо выполняли учебные задания. Особое внимание необходимо обратить на изучение студентами основ марксизма-ленинизма – этой важнейшей отрасли науки, знание которой обязательно для всех специалистов» [12, с. 42].

Великая Отечественная война, отмечают профессоры Т.С. Сергеев и Л.А. Ефимов, наложила отпечаток на содержание учебно-воспитательной работы в школах. Значительно возросла идейно-политическая направленность этой работы в духе безграничной любви к Родине, к советскому народу, в духе ненависти к фашизму. Программы школ были резко переработаны в сторону обучения основам естественных и общественных наук и умению практического применения получаемых в этой сфере знаний. В соответствии с указаниями СНК СССР и ЦК ВКП(б) 4 декабря 1941 г. Совнарком Чувашской АССР и бюро Чувашского обкома партии приняли совместное постановление «Об организации обучения сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних школ, высших и средних учебных заведений и части служащих городов и райцентров». В соответствии с ним учащиеся седьмых и восьмых классов должны были приобрести основные знания по агротехнике и умение работать на простых сельхозмашинах, а студенты вузов, техникумов и учащиеся девятых и десятых классов общеобразовательных школ – умение работать на более сложной технике, управлять трактором или автомобилем. Был введен новый предмет «Основы сельского хозяйства», из-за нехватки профессиональных преподавателей по которому на соответствующие должности приглашались агрономы или даже опытные колхозники [8, с. 25–26].

Коллективы педагогических учебных заведений сами часто выступали организаторами помощи сельскому хозяйству. Студенты педагогического института, учащиеся педагогических училищ непосредственно трудились на агробиологических станциях и в подшефных колхозах. Коллектив преподавателей и учащихся Порецкого педагогического училища каждый год отрабатывал там до 5–6 тыс. трудодней [8, с. 41].

Не отставали от них и сами школьники. В декабре 1943 г. в Чебоксарах был проведен слет юных натуралистов. Был объявлен республиканский конкурс на звание лучшего юного натуралиста. К тому времени опытные участки школ Чувашии занимали площадь в 1410 га. Юннаты проводили опыты по выращиванию пшеницы, овса, моркови, свеклы, лука, капусты, помидоров, огурцов, в ряде случаев добивались высоких урожаев. Чешламинская школа Козловского района создала на пришкольном участке полноценный плодовый сад, одновременно ее учащиеся помогли местному колхозу «Ударник» в посадке сада, где высадили 96 яблонь, 300 кустов малины, 280 кустов крыжовника. Так не только частично решалась продовольственная проблема, но и делом воспитывались трудолюбие, коллективизм, трудовые навыки. Школьники помогали колхозам расширять и создавать новые высокопродуктивные ягодные плантации [9, с. 172–173].

Крайне важно было воспитательное значение организованного коллективного труда учащихся. Именно тогда член Политбюро ЦК ВКП(б), Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин счел необходимым подчеркнуть: «Там, где будут участвовать в сельскохозяйственных работах группы учащихся, они должны быть возглавляемы учителями. Надо сделать все, чтобы работа молодежи была как следует организована и эффективна» [3].

В ответ на обращение комсомольцев, пионеров и школьников Рязанской области слет учащихся Красночетайского района Чувашии обязался вместо обязательного минимума в 50 трудодней в год выработать каждому учащемуся пятых-шестых классов 75, седьмых-восьмых – 100, девятых-десятых классов – 150 трудодней. И это слово юные патриоты сдержали [10, с. 175].

Конечно, в авангарде подобных дел шел комсомол и его боевой отряд – учащиеся юноши и девушки. Они шефствовали над детьми фронтовиков и сиротами, на заработанные на комсомольско-молодежных воскресниках средства приобретали для этих детей обувь, одежду, продовольствие. 5 июня 1944 г. Чувашский обком ВЛКСМ докладывал Центральному комитету о том, что комсомольцы Чувашии собрали из своих личных сбережений, от субботников, воскресников и платных концертов художественной самодеятельности 1 млн 149 тыс. руб. в фонд помощи семьям фронтовиков. Из этого фонда 200 отличника учебы, которые и сами, в свою очередь, помогали взрослым, удостоились стипендии Ленинского комсомола [7, с. 239].

Комсомольцы и пионеры активно поддерживали патриотические инициативы по сбору средств на строительство боевой техники. На фронтах громили гитлеровцев танки «Горьковский пионер», «Пионер Башкирии», «Ташкентский пионер», авиаэскадрильи «Арзамасский школьник», «Пионер Дагестана», «Пионер Сибири» и др. [2, с. 560]. В этом же боевом строю отважно сражался экипаж танка «Пионер Чувашии», на постройку которого пионеры Чувашии по своей инициативе собрали 239 200 руб. [14, с. 343]. Комсомольцы и пионеры школ республики участвовали и в сборе средств на строительство бронепоезда «Комсомол Чувашии». Так, в Чебоксарах учащиеся школы № 1 в ноябре-декабре 1941 г. внесли 1544 руб. деньгами и на 11 200 руб. облигациями государственных займов, школы № 2 – 766 руб. деньгами и больше 1000 руб. облигациями, школы № 4 – 453 руб. деньгами и на 1455 руб. облигациями, школ ФЗУ – 555 руб. деньгами и 3620 руб. облигациями [14, с. 325].

Широко развернулось и патриотическое движение юных тимуровцев. Тимуровцы Алатыря помогали семьям фронтовиков в уходе за детьми, заготовке дров, ведении индивидуальных огородов, построили заборы семьям, пострадавшим от оползня. Тимуровцы Чебоксарской женской средней школы № 1 провели в октябре 1944 г. воскресник помощи в заготовке дров, подготовке к зиме. Тимуровцы шефствовали над госпиталями. И таких примеров – множество [10, с. 165].

Получила дальнейшее развитие в Чувашии и сеть техникумов. В связи с развитием новых отраслей промышленности – электротехнической и текстильной, в Чебоксарах были открыты два новых техникума: в октябре 1942 г. текстильный и в октябре 1944 г. электромеханический, готовившие кадры руководителей среднего звена – техников и мастеров соответственно, в первую очередь, для Чебоксарских текстильной фабрики и электроаппаратного завода. Кроме того, были организованы вечерние школы рабочей и сельской молодежи.

Таким образом, советская высшая и средняя школа с честью выдержала испытание огнем, подготовила новое поколение квалифицированных, граждански зрелых специалистов, достойно проявивших себя в деле возрождения и дальнейшего развития нашей страны после Победы.

Литература и источники

1. *Алатырцев В.Н.* На военный лад // Красная Чувашия. 1941. 23 октября.

2. Великая Отечественная война. Энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.

3. *Калинин М.И.* Учительство и война // Учительская газета. 1942. 14 июня.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 7. 1938–1945. Москва: Политиздат, 1985. 574 с.

5. *Круглянский М.Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. Москва: Высшая школа, 1970. 315 с.

6. *Кузнецова С.В.* Подготовка научных и педагогических кадров в университетах, педагогических и учительских институтах Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 1998. 18 с.

7. Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 544 с.

8. *Сергеев Т.С.* Образовательные учреждения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: конспект лекций. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2000. 60 с.

9. *Степанов Н.С.* Очерки истории Чувашской советской школы. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 232 с.

10. *Сухова Е.В.* Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР). Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумов, 2008. 212 с.

11. *Сухова Е.В.* Высшая школа Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны // Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны: сборник статей республиканской научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 105–115.

12. Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 2. 1941–1968. Москва: Молодая гвардия, 1969. 496 с.

13. *Тураев Н.Н.* Чувашский сельскохозяйственный институт в дни Отечественной войны // Красная Чувашия. 1943. 27 июня.

14. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): сборник документов и материалов / сост. Н.М. Семенов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 528 с.

УДК 94

А.К. Махадов, М.А. Акаев

ЭВАКОГОСПИТАЛИ ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В первый год Великой Отечественной войны Дагестанская АССР, как и другие тыловые районы страны, проделала большую работу по перестройке народного хозяйства, органов здравоохранения на военный лад. Летом 1942 г. гитлеровская Германия предприняла наступление на Кавказ. Бои за него продолжались с 25 июля 1942 до 9 октября 1943 г. После разгрома оккупантов на Кавказе и на Волге госпитали республики стали выполнять функции тыловых госпиталей. В 1944 г. эвакогоспиталь № 4655 был передислоцирован на Украину. Таким образом, госпиталь № 4655 функционировал в Дагестане с 1942 по 1944 г. Начало его деятельности пришлось на сложный период в истории Великой Отечественной войны: битвы за Кавказ. В середине 1942 г. Дагестан, в связи с приближением фронта, стал ближайшей госпитальной базой войск Закавказского фронта. Колоссальный труд медицинских работников госпиталя позволил оказать медицинскую помощь около 8 тыс. раненым бойцам Советской армии.

Ключевые слова: Дагестан, Великая Отечественная война, эвакогоспиталь, врачи, СССР, Кавказ.

A.K. Makhadov, M.A. Akaev

EVACUATION HOSPITALS OF DAGESTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. In the first year of the Great Patriotic War of 1941–1945. The Dagestan ASSR, like other rear regions of the country, has done a lot of work to restructure the national economy and health authorities in a military manner. In the summer of 1942, Nazi Germany launched an offensive into the Caucasus. The fighting for it lasted from July 25, 1942 to October 9, 1943. After the defeat of the invaders in the Caucasus and on the Volga, the republics hospitals began to perform the functions of rear hospitals. In 1944, Evacuation hospital No. 4655 was relocated to Ukraine. Thus, Hospital No. 4655 functioned in Dagestan from 1942 to 1944. The beginning of his activity fell on a difficult period in the history of the Great Patriotic War: the Battle for the Caucasus. In the middle of 1942, Dagestan, due to the approach of the front, became the nearest hospital base for the troops of the Transcaucasian Front. The colossal work of the hospitals medical staff made it possible to provide medical assistance to about 8 thousand wounded soldiers of the Soviet army.

Keywords: Dagestan, the Great Patriotic War, evacuation hospital, doctors, USSR, Caucasus.

В первый год Великой Отечественной войны Дагестанская АССР, как и другие тыловые районы страны, проделала большую работу по перестройке народного хозяйства, органов здравоохранения на военный лад. В этот период в нашей стране осуществлялось создание обширной сети эвакуационных госпиталей. Не остался в стороне от этой серьезной работы и Дагестан, который уже в первый год войны наладил работу эвакогоспиталей, сначала в г. Дербенте, организовав в июле 1941 г. госпиталь № 1628, а затем в столице республики – г. Махачкале, создав госпиталь № 3187. При Наркоме здравоохранения ДАССР формируется отдел эвакогоспиталей под руководством заместителя наркома здравоохранения республики О.В. Бароян. В 1943 г. отдел возглавил С.Ю. Алибеков. «Под госпитали были отведены лучшие помещения всех городов Дагестана. Всего лишь 3,1 % госпитальных коек было размещено в зданиях

больниц. Остальные больницы были размещены в школах (38,7 %), общежитиях (26,4 %), учебных заведениях (15,3 %), гостиницах (6,7 %), клубах (3,1 %)» [2, с. 92].

Летом 1942 г. гитлеровская Германия предприняла наступление на Кавказ. Бои за него продолжались с 25 июля 1942 до 9 октября 1943 г. Летом 1942 г. немецкое командование рассчитывало занять Махачкалу, превратив ее в основную военно-морскую базу на Каспии. Дагестан жил в тот период суровой прифронтовой жизнью, требовавшей от дагестанцев максимального напряжения сил. В таких условиях усиливается работа по развертыванию эвакогоспиталей во всех городах республики, в которой были активно задействованы высококвалифицированные сотрудники Дагестанского медицинского института. «В Дагестане была развернута наиболее крупная сеть эвакогоспиталей, а также госпиталей, подчиненных Министерству Обороны, насчитывавшая в 1942 году 24, а затем более 60 госпиталей, рассчитанных на 43 тыс. коек» [3, с. 9]. Их возглавляли А.Ф. Серенко, М.М. Максудов, Д.Н. Розен, М.Ю. Нахибашев, С.И. Акаев, Д.А. Нападенский, Д.Г. Коваленко, С.Ю. Алибеков и многие другие.

Интересна история эвакогоспиталя № 4655, созданного зимой 1941 г. в поселке Нефтяников (ныне г. Избербаш). Архивные данные Военно-медицинского музея МО РФ (№ 7/1/297 от 4 июля 2006 г.), полученные по просьбе юных краеведов СОШ № 1 г. Избербаша, свидетельствуют о том, что в 1942–1945 гг. в поселке находились два эвакогоспиталя – № 4655 и № 1614 [3]. Первый функционировал с 1942 по 1944 г., а после его передислокации на Украину в поселок был переведен из г. Махачкалы эвакогоспиталь № 1614. Первый эвакогоспиталь был размещен в помещениях ремесленного училища, средней школы № 1, расположенного поблизости здания треста «Дагнефть». Поступление раненых и больных в госпиталь № 4655 состоялось 25 января 1942 г. Эвакогоспиталь находился на расстоянии 4,5 км от станции железной дороги, что составляло проблему при приеме и эвакуации тяжелораненых, так как не хватало автотранспорта. К тому же шоссейная дорога к госпиталю нуждалась в ремонте. Госпиталь имел лишь одну крытую машину на 16 мест. Автотранспортом госпиталю помогли вблизи расположенные воинские части и трест «Дагнефть». На помощь раненым солдатам и офицерам пришли и жители поселка. Руководитель отдела эвакогоспиталей республики С.А. Алибеков вспоминал о событиях тех лет: «25 января 1942 года сюда (в Избербаш) поступила первая партия раненых. С утра дул пронизывающий холодный ветер, потом пошел густой снег. У вокзала выстроилась колонна автомашин. Дорогу совершенно занесло снегом... Поэтому часть раненых несли прямо на носилках, сквозь ледяной ураган. На вокзал пришли все жители города, их было так много, что носилок не хватало. Добровольцы-носильщики разбивались попарно, сажали легкораненых на сплетенные руки и так несли» [3].

Раненые фронтовики были размещены в 7 корпусах госпиталя. Первый корпус был рассчитан на 230 тяжелораненых с повреждением черепа, грудной клетки, а также с осложнением и повреждением костной ткани нижних и верхних конечностей. Палаты первого корпуса были большими и светлыми, в большинстве – окнами на юг. Второй корпус представлял собой деревянный одноэтажный барак с длинным коридором, по бокам которого размещались палаты с окнами на юг и северо-запад. Барак был рассчитан на обслуживание 120 раненых с повреждениями верхних конечностей. Третий корпус – одноэтажное каменное здание с большими светлыми палатами, предназначался для раненых с повреждениями нижних конечностей и был рассчитан на 180 чел. Четвертый корпус – одноэтажное деревянное здание, предназначенное для 100 раненых с повреждениями верхних конечностей. Часто использовался как сортировочное отделение. Пятый корпус, двухэтажное каменное здание, был рассчитан на 180 чел.; шестой и седьмой корпуса были рассчитаны соответственно на 180 и 205 легкораненых. Таким образом, основной профиль госпиталя был хирургический, однако при нем имелось 100 коек терапевтических, 100 коек инфекционных, 15 коек

неврологических, 10 коек глазных. Всего госпиталь располагал 1200 штатными койкоместами.

Неизменным спутником всех предыдущих войн XX в. являлись тяжелые инфекционные болезни на фронтах боевых действий и среди мирного населения. Инфекции уносили жизни солдат, офицеров и населения, смертность от которых намного превышала потери от ранений. Они влияли на ход боевых действий. В условиях нависшей угрозы непосредственного вторжения врага в пределы Дагестана осенью 1942 г. предупреждение вспышек опасных инфекций в республике, в том числе в госпиталях, стало первоочередной задачей, которую в большей степени решал оборудованный при госпитале санпропускник, отвечавший основным принципам и правилам приема раненых в тот период, а также выявления инфекционных больных. Помещение санпропускника располагало 4 душевыми рожками, шлангом для обмывания тяжелораненых и другим оборудованием. Здесь же находился склад для приема вещей, суховоздушная дезкамера, парикмахерская. В ненастную погоду по корпусам больных развозили автомашиной.

Начальником эвакогоспиталя являлся кандидат медицинских наук, военврач II ранга Д.А. Нападенский, удостоенный за самоотверженный труд ордена Красной Звезды, медали «За оборону Кавказа». Обязанности помощника начальника госпиталя по медицинской части исполнял военврач III ранга Е.Г. Рябышенко. Ведущим хирургом госпиталя работал Г.Я. Будкевич, высококвалифицированный и опытный врач, выпускник Киевского медицинского института в 1924 г., награжденный впоследствии Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАССР и медалью «За боевые заслуги». Уважением в госпитале пользовались высококвалифицированный врач-невролог А.С. Абрамов с 13-летним стажем, начальник отделения 1-го корпуса; доктор Шепельти с 12-летним стажем; начальник отделения 1-го корпуса Каторгина, окулист по специальности, хорошо овладевшая техникой оперативных вмешательств переливания крови; высококвалифицированные терапевты З.Д. Мочалова и Е.Т. Скрыпник. В госпитале имелись и свои рационализаторы. Начальник лаборатории доктор Пендлер в 1942 г. представил Народному комиссариату здравоохранения ДАССР рационализаторское предложение о применении азур-редезина для гемограммы – комплексного исследования крови. Начальник эвакогоспиталя Нападенский отмечал, что члены коллектива при первой необходимости на месте сдавали свою кровь для переливания раненым, спасая жизни бойцов. Из 390 сотрудников госпиталя в штате состояло только 38 врачей. Остальную часть составлял младший медицинский и техперсонал.

В 1942 г. в эвакогоспиталь № 4655 поступило с фронта 7857 раненых солдат и офицеров Красной Армии. Статистика поступлений показывает, что в январе в госпиталь поступило 418 раненых, феврале – 191, марте – 349, апреле – 348, мае – 568, июне – 148, июле – 198. С августа их количество выросло до 650, в сентябре – 835, октябре – 1067, ноябре – 1253, декабре – 1832 бойцов [5, с. 168–169]. Как показывают цифры, наибольший прирост раненых пришелся на август – декабрь 1942 г., период упорных оборонительных боев советских войск за Кавказ в районе Моздока, Малгобека, Нальчика, на подступах к Грозному и Орджоникидзе, на перевалах Главного Кавказского хребта против немецко-румынских захватчиков. Из общего числа раненых в 1942 г. после оказания квалифицированной медицинской помощи в строй вернулись 2252 бойца, скончались от тяжелых ран – 127, откомандированы в отпуск – 220. Негодными для дальнейшей службы в армии признан 251 чел. Эвакогоспиталь в 1942 г. провел сложную работу по реэвакуации раненых больных. Кроме того, им осуществлялся перевод больных в случае отсутствия специалистов в другие специализированные госпитали республики. Всего за указанный период реэвакуировали 2838 чел. [4, с. 169]. Дагестан издавна славился целебной минеральной водой, полезными горными

травами, теплым климатом. Все эти факторы, помноженные на добросовестный труд медицинских работников, быстро ставили на ноги раненых солдат и офицеров. «Более 70 % из них возвращались в строй действующей армии» [1, с. 17].

В фондах Государственного архива Республики Дагестан отложились документы, в частности акты и отчеты по обследованию эвакогоспиталей, раскрывающие недостатки в обеспечении госпиталей хирургическими инструментами, обезболивающими препаратами, перевязочным материалом, рентгенопленками, мощными дезинфекционными установками. Об этих проблемах докладывал в своей записке секретарю обкома ВКП(б) А. Алиеву начальник отдела госпиталей Бароян в январе 1943 г. [1, с. 421–422]. Тем не менее, несмотря на сложности материально-технического оснащения госпиталей, их работа находилась под постоянным вниманием дагестанского обкома ВКП(б), председателя совнаркома Дагестана, наркома здравоохранения республики, руководителей районов, городов. Каякентский, Сергокалинский, Карабудахкентский районы республики взяли шефство над госпиталями поселка Нефтяников, снабжали их разнообразными овощами и фруктами, мясом и мукой, молоком, маслом и сыром. Жители поселка Нефтяников, в свою очередь, обеспечивали госпитали рыбой и другими продуктами. Активную помощь эвакогоспиталю оказывали фабрика им. III Интернационала, колхоз им. Димитрова, Радиоузел, Главный почтамт, Нефтеперегонный завод, школы № 2, 3, 4 поселка Нефтяников, организация «Дагнефть». Вот что написала в адрес юных краеведов школы № 1 г. Избербаша в 1998 г. бывшая медсестра хирургического отделения госпиталя № 4655 А.И. Белова: «Тихий поселок на берегу Каспийского моря нас встретил радушно, как самых дорогих людей. Мы, медицинские работники ЭГ № 4655, приехали на специальном поезде вместе с ранеными бойцами Красной Армии. Я никогда не забуду ту заботу, которую проявили за весь период нашего нахождения руководители треста “Дагнефть”, директор СОШ № 1 Левандовский Игорь Емельянович, глава поселка Шаповалова Екатерина Матвеевна, врач Мащенко Елизавета Павловна, учителя, учащиеся школы, население. Со мной в ЭГ работали врачи Евдошенко Е.А., Сергеева Н.М., медсестры Осипова К.Ф., Жукова П.П., главврачом был Д.А. Нападенский. Мы делали все, иногда ночами не спали, чтобы облегчить страдания тяжелораненых красноармейцев. Большинство раненых были молодые ребята, многие из них не успели еще обзавестись семьей. Было очень больно и обидно, когда они умирали... Я прекрасно помню и нашего шеф-повара из Изберга Шутько Екатерину Ивановну, до сих пор чувствую вкус ее дагестанского хинкала с сушеным мясом, приправленного чесноком и орехами. Эта еда очень нравилась раненым, и они просили почаще ее готовить» [6].

После разгрома оккупантов на Кавказе и на Волге госпитали республики стали выполнять функции тыловых учреждений. В 1944 г. эвакогоспиталь № 4655 был передислоцирован на Украину. Начальник эвакогоспиталя Д.А. Нападенский 18 марта 1944 г. обратился с благодарственным письмом к правительству Дагестана: «Благодаря непосредственной помощи Правительства ДАССР, обкома ВКП(б) и Отдела эвакогоспиталей НКЗ ДАССР, эвакогоспиталь № 4655 вырос в один из крупнейших госпиталей республики. Оснащенный всем необходимым оборудованием для лечения героических бойцов и офицеров Красной Армии, отдающих свою жизнь и кровь на полях исторических сражений за свободу и независимость нашей любимой великой Родины. Сейчас, во исполнение решения Правительства Союза, эвакогоспиталь № 4655 готов к передислокации в другой пункт – УССР» [4, л. 24–25].

В мае 1944 г., согласно решению Совнаркома, в поселок Нефтяников был передислоцирован госпиталь № 1614, работавший до этого в г. Махачкале. Здесь он проработал чуть более года. Начальником эвакогоспиталя был майор медицинской службы Ф.А. Голубцов. Обязанности ведущего терапевта в госпитале № 1614 до 1943 г. выполняла С.А. Майзель. Она была награждена за свой неустанный труд медалью «За

боевые заслуги», «За оборону Кавказа», почетными грамотами Наркомздрава СССР и Верховного Совета ДАССР. С 1943 г. по день расформирования госпиталя ведущим терапевтом госпиталя являлся врач с 30-летним стажем работы З.М. Зусман. Награжден медалью «За оборону Кавказа» и Почетной грамотой Верховного Совета ДАССР. В госпитале в 1944 г. для бойцов, потерявших вследствие ранений трудоспособность к прежней профессии, были организованы курсы счетоводов и курсы по обучению сапожному делу. В мае того же года было выпущено 25 чел. счетоводов и 18 чел. обучено сапожному делу. В августе 1945 г. Наркомздравом РСФСР было вынесено решение о расформировании госпиталя. Впоследствии на зданиях г. Избербаша, где в годы войны располагались военные госпитали № 4655 и № 1615, установлены мемориальные доски.

Умерших в госпитале бойцов хоронили за поселком в братской могиле, где нашли свой последний приют воины разных национальностей. Здесь было открыто «Воинское кладбище», в 1990–1992 гг. оно было благоустроено, а в 2011 г. на этом месте был сооружен памятник «Обелиск славы». В 2015 г. к 70-летию Победы на территории «Воинского кладбища» были проведены ремонтные работы, а также установлена мемориальная плита, где перечислены 189 фамилий солдат, умерших в госпитале в 1942–1944 гг.

Таким образом, госпиталь № 4655 функционировал в Дагестане с 1942 по 1944 г. Начало его деятельности пришлось на сложный период в истории Великой Отечественной войны: битвы за Кавказ. В середине 1942 г. Дагестан, в связи с приближением фронта, стал ближайшей госпитальной базой войск Закавказского фронта. Колоссальный труд медицинских работников госпиталя позволил оказать медицинскую помощь около 8 тыс. раненым бойцам Советской армии. Забота трудящихся и руководства Дагестана о фронтовиках проявлялась в регулярной помощи госпиталям. Над эвакогоспиталем № 4655 шефствовали коллективы предприятий, колхозов, организаций и учебных заведений. Самоотверженный и добросовестный труд врачей и медицинских работников, работавших в эвакогоспиталях Дагестана в годы войны, был высоко оценен советским государством: 223 медика были награждены государственными наградами [2, с. 95].

Литература и источники

1. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы / сост.: М.Д. Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.Н. Джамбулатова, Г.И. Какагасанов. Махачкала: Издательско-полиграфич. центр ДГУ, 1995. 765 с.

2. *Нагиева М.К.* Организация госпиталей в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 92–95.

3. *Салбиева С.З.* Здравоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 07.00.10. Москва, 2009. 25 с.

4. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6158. Л. 24–25.

5. *Чупалаев А.Ч.* Боевая слава избербашцев: в 2 ч. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. Ч. 2. 274 с.

6. *Шихова Р.А.* Эвакуационные госпитали в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. 2019. № 2. Март-апрель. URL: https://zoritabasarana.ru/rubriki/news/obshchestvo/item/1940-evakuatsionnye gospitali-vdagestane-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny (дата обращения: 26.01.2026).

УДК 94(470)

И.В. Муравьева, Е.В. Плотникова

ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВНОГО ФОНДА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЧУВАШСКОЙ АССР

Аннотация. События, связанные с началом Великой Отечественной войны, стали переломными в истории нашего государства. С одной стороны, на территорию Чувашской АССР был эвакуирован ряд предприятий со специалистами и рабочими, заложивший основу дальнейшего развития промышленности республики, с другой стороны, эвакуация стала испытанием для руководства и населения республики. Изучение материалов архивного фонда Верховного Совета Чувашии позволяет более детально раскрыть проблемы и ход реализации эвакуации в республике, выявить сложности и методы их решения.

Ключевые слова: Верховный Совет Чувашской АССР, эвакуация, эвакопункт, детские учреждения, снабжение, норма питания, Наркомторг Чувашской АССР.

I.V. Muravyeva, E.V. Plotnikova

PROBLEMS OF PLACEMENT AND PROVISION THE EVACUATED POPULATION: BASED ON THE MATERIALS OF THE ARCHIVAL FUND THE SUPREME COUNCIL OF THE CHUVASH ASSR

Abstract. The events related to the beginning of the Great Patriotic War became a turning point in the history of our state. On the one hand, a number of enterprises with specialists and workers were evacuated to the territory of the Chuvash ASSR, which laid the foundation for the further development of the republics industry, on the other hand, the evacuation became a test for the leadership and the population of the republic. Studying the materials of the archival fund of the Supreme Council of Chuvashia allows us to reveal in more detail the problems and progress of evacuation in the republic, to identify difficulties and methods of their solution.

Keywords: Supreme Council of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, evacuation, evacuation center, childrens institutions, supply, food ration, Peoples Commissariat of Trade of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic.

Стремительные события начала Великой Отечественной войны вызвали необходимость оперативной эвакуации органов власти, учреждений и предприятий народного хозяйства, населения с западных приграничных территорий. Чувашская АССР находилась в глубоком тылу, поэтому стала одной из республик, принявших эвакуированное население из Москвы, Ленинграда, Латвийской и Эстонской АССР. Главной задачей было размещение и обеспечение эвакуированного населения одеждой, предметами первой необходимости, продовольствием и жильем. Актуальность темы статьи определяется необходимостью более детального изучения этих вопросов, в том числе на основе документов Верховного Совета Чувашской АССР, непосредственно участвовавшего в организации управленческих процессов, связанных с перестройкой жизни республики под нужды военного времени: координировал работу Советов всех уровней; участвовал в сборе средств в Фонд мира, оказывал помощь семьям красноармейцев, решал вопросы, связанные с эвакуацией [6; 7].

В материалах фонда № 1041 «Верховный Совет ЧАССР» Государственного исторического архива Чувашской Республики содержатся документы по вопросу эвакуации. Острейшей проблемой для республики стала организация приема, размещения и обеспечения эвакуированного населения.

В отчетах постоянных комиссий Чебоксарского городского Совета за декабрь 1941 г., представленных в Президиум Верховного Совета Чувашской АССР, содержится информация об общежитии эвакопунктов г. Чебоксары. Член комиссии по здравоохранению при Чебоксарском городском Совете депутатов трудящихся Арзамасова сообщает о результатах инспекции санитарного состояния общежития: «...все точки эвакопункта находятся в антисанитарном состоянии. Почти 100 % завшивленность. В общежитии (бывший парткабинет) большая скученность, такое же явление и в кинотеатре, академическом театре. Помещение плохо отапливается, не убирается. Среди проживающих имеются больные, главным образом болеют дети, пьют холодную воду, не в чем кипятить, у многих совершенно нет теплой одежды и обуви. Маленькие дети из молочной кухни ничего не получают. Со дня приезда ни разу не прошли санобработку. Дезостанция из-за отсутствия дров не пропускает через санпропускник. Многие эвакуированные находили в городе углы, но жилуправление отказывается прописать, и люди вынуждены жить в такой тесноте, в грязи, в холодном помещении, имеется смертельный случай среди детей» [1, л. 1].

В итоге комиссией было принято решение об осмотре эвакуированных участковым врачом с последующим направлением нуждающихся в лечении в стационар, об обеспечении эвакопункта кипятком, о ежедневной проверке их санитарного состояния санинспекцией города, о санобработке всех жильцов перевалочных пунктов г. Чебоксары. Реализация последнего решения затруднялась в связи с неукомплектованностью санитарных постов. Не хватало подготовленных людей, носилок, санитарных сумок.

В соответствии с докладной запиской временно исполняющего обязанности уполномоченного государственной торговой инспекции по Чувашской АССР старшего инспектора Троицкого от 16 августа 1941 г., составленной в адрес начальника Госторинспекции при Наркомторге СССР, уполномоченного Госторинспекции при Наркомторге СССР по РСФСР, народного комиссара торговли Чувашской АССР, работа велась, несмотря на объективные сложности. В результате проверки качества обслуживания эвакуированного населения в городах Шумерля, Мариинский Посад и Чебоксары и их окрестностях было выявлено следующее. В Шумерлинском районе эвакуированное население в основном размещено в сельской местности, в колхозах. В Шумерле проживают те, которые устроились на работу в госучреждения и на предприятия. «Находящееся в городе эвакуированное население хлебом, булочными изделиями и другими видами продовольственных товаров снабжается за счет общих фондов розницы местной торговли. Хлебом обеспечиваются бесперебойно и в достаточном количестве через магазины № 9 и № 12. Эвакуированное население, находящееся в сельской местности, обеспечивается продуктами за счет фонда розницы районного потребительского союза» [2, л. 19].

Для малолетних детей в городе и районе были организованы ясли. В Шумерле ясли достаточно обеспечивались крупой, но крайне не хватало сахара и белой муки. В связи с этим «нормы питания детей по сахару и изделий из муки не соблюдались. Такая же ситуация сложилась и в сельских яслях Шумерлинского района. Особенно остро она чувствовалась в Больших Алгашах, куда было эвакуировано 180 семей с детьми, и все они были устроены в ясли» [2, л. 19].

В г. Мариинский Посад эвакуированных для получения хлеба прикрепляли к магазину, как и работающих в госучреждениях и их семьи, семьи красноармейцев,

пенсионеров, учащихся. Это делалось для того, чтобы не провоцировать поток эвакуированных из колхозов в город ради получения хлеба. «Детские сады, в которые ходили как местные, так и эвакуированные дети, снабжались плохо. Марпосадское горпо обеспечивает крупяными, макаронными и кондитерскими, в частности, сахаристыми товарами и печеньем» [2, л. 19 об.].

В Чебоксарах снабжение продуктами было организовано лучше. «Такие продукты как масло, сыр, рис, сахар, манная крупа, картофельная мука, яйца, мука и ряд других имеются в большинстве своем всегда. В Чебоксарах вначале был организован специальный закрытый магазин для эвакуированных, в настоящее время магазин реорганизован в открытый» [2, л. 19 об.]. Однако в столовых (при сельскохозяйственном институте и доме Крестьянина), обслуживавших эвакуированных по бесплатным талонам, была нехватка продуктов. Заведующая столовой при сельскохозяйственном институте Матвеева сообщала: «Никаких особых фондов не получали, а все продукты получали в обычном порядке, мясо покупают на рынке. Никаких продуктов не было для питания детей, их кормили из общего стола» [4, л. 21].

В связи с такой ситуацией 30 августа 1941 г. в эти столовые поступило распоряжение Наркомторга Чувашской АССР: «Прекратить приготовление пищи из крупяных изделий: риса, манной муки, макаронных изделий. Сделанный запас использовать для питания детей эвакуированных, приходящих по бесплатным талонам» [4, л. 21]. Рекомендовалось больше готовить овощных блюд.

Эвакуированные могли питаться на пристанях в Чебоксарах и в Мариинском Посаде. В наличии всегда были мясные, крупяные и овощные блюда. Для этой цели «наркоматом торговли ЧАССР были выделены Торгречтрансу дополнительные фонды. Марпосаду было выделено и получено масла животного 200 кг, колбасных изделий 500 кг, макаронных изделий 1400 кг, крупы 200 кг, молока 600 л, яиц 1 ящик» [2, л. 19 об.].

Для обеспечения питания эвакуированных через сеть общественного питания Наркомат торговли ЧАССР выделял дополнительные фонды продовольствия. Например, «Шумерлинскому райторгу 16 июля было спущено 2250 кг кондитерских изделий, 150 кг мяса, 100 кг колбасы, 100 кг животного масла» [2, л. 19]. Но проверка исполнения распоряжения, проведенная в августе, показала, что «ничего не получено, ввиду отсутствия таковых у поставщиков, как объяснил Райторготдел. На август месяц Шумерлинский Райсоюз должен был получить риса 150 кг, получено на 16 августа 60 кг, пшена 300 кг, овсянки 200 кг, манной 150 кг, перловой 300 кг, гороху 200 кг. Кроме риса остальные крупы полностью получены. Указанные крупяные продукты пойдут исключительно для снабжения сети общественного питания, а в основном для обеспечения детских учреждений села» [2, л. 19].

Перебои со снабжением были связаны не только с увеличением объемов потребления продовольственных товаров, вызванного прибытием эвакуированного населения, но и перебоями в поставках продовольствия, в связи с отсутствием актуальной информации о количестве нуждающихся в продовольствии. Необходимое и своевременное обеспечение продуктами питания зависело от оперативно предоставленных заведующими райторготделами в Наркомат торговли ЧАССР сведений. К примеру, неудовлетворительное снабжение детских садов с эвакуированными детьми в Шумерле было связано с тем, что Наркомторгу не было известно о них, о численности детей и персонала. «Старые работники Райторготделов ушли в РККА, а вновь приступившие к работе еще многое не знают» [2, л. 19 об.]. Таким образом, единого порядка организации размещения и обеспечения не было, решение этих вопросов зависело от возможностей города, района и их руководства.

В отчетной документации, по результатам проверки использования продуктов, полученных для снабжения эвакуированных, направленной в Президиум Верховного Совета 26 сентября 1941 г. были представлены сведения об эвакуированных на территорию Чувашской АССР детских учреждениях из Москвы, а также детских яслях для детей эвакуированных (см. табл.).

Основной проблемой в обеспечении этих учреждений оставалось снабжение. 12 июля 1941 г. в Норкомторг Чувашской АССР поступила телеграмма из Наркомторга СССР о выделении дополнительных фондов следующих продуктов для обеспечения эвакуируемых в республику: «...рыбы 30 т, сельди 19 т, масла животного 13 т, мяса 30 т, колбасы 17 т» [4, л. 20]. Эти фонды распределялись по детским садам и детским домам эвакуированных.

Выделенные Наркомторгом ЧАССР фонды не всегда доходили до детских учреждений. Например, из 30 т мяса и 30 т рыбы, выделенных Наркомторгом СССР, «детские учреждения получили 2131 кг, рыбы отпущено 287 кг» [4, л. 23]. Проблема заключалась в отсутствии учета и контроля исполнения нарядов на отпуск товаров торговыми организациями. Работники Наркомторга и его руководитель Г. Никитин объясняли сложившуюся ситуацию малочисленностью аппарата.

Таблица

Перечень эвакуированных детских учреждений, размещенных на территории Чувашии
[2, л.14; 4, л. 20]

№	Наименование эвакуированных детсадов, детдомов, пионерлагерей	Местонахождение	Число детей	Число обслуживающего персонала
1	Детсад Моссовета	с. Ильинка Сундырского р-на***	200	50
2	Детсад КОГИЗа*	г. Чебоксары, Грязевская стрелка	60	12
3	Пионерлагерь НАТИ	г. Чебоксары, Левый берег Волги	55	5
4	Детсад НАТИ**	г. Чебоксары, Левый берег Волги	237	45
5	Детсад № 63 г. Москва	г. Мариинский Посад, Дом отделения Горьковской Коопинкассы	50	20
6	Детсад № 26 г. Москва	г. Чебоксары, Левый берег Волги	110	25
7	Деткомбинат «Большевик»	с. Ильинка Сундырского р-на	170	–
8	Детсад Управления делами СНК РСФСР	Каршлыхский детский санаторий	св. нет	св. нет
9	Детясли эвакуированных	Козловский р-н	св. нет	св. нет
10	Ибресинский детдом	пос. Ибреси	св. нет	св. нет

* КОГИЗ – книготорговое объединение государственных издательств (г. Москва).

** НАТИ – Научный автотракторный институт (г. Москва).

*** С 1962 г. с. Ильинка относится к Моргаушскому району в связи с упразднением Сундырского района.

Проверка материалов в конкретных детских учреждениях выявила расхождение данных Наркомторга и фактически полученных продуктов на местах. Так, «детскому дому КОГИЗа Наркомторгом дан наряд на мясо на 365 кг, фактически детдом мяса не получил ни одного килограмма. Масло растительное не числится отпущенным, а детдом получил масло 30 кг. На кондитерские изделия дан наряд на 160 кг, а получено детдомом 96 кг. На крупы получил наряд на 434 кг и фактически получил крупы 355 кг» [4, л. 23]. Такие же расхождения были и по другим детским учреждениям.

Президиум Верховного Совета ЧАССР контролировал работу наркоматов, городских и районных Советов по размещению и обеспечению эвакуированного взрослого и детского населения. Он вел учет численности детей, эвакуированных в 1941 г., а также в его делах содержатся сведения об их национальном составе. По этим данным, в 1941 г. в Чувашскую АССР прибыло 5578 детей: 4489 русских, 524 еврея, 183 украинца, 175 эстонцев, 75 латышей, 49 белорусов, 28 татар, 25 литовцев, 14 мордвинов, 9 чувашей, 2 башкира, 2 армянина, 1 венгр, 1 поляк, 1 узбек [3, л. 1].

Особо следует отметить работу приемной Президиума Верховного Совета Чувашской АССР по оказанию помощи эвакуированным. Только «с 10 июля по 1 сентября 1941 года Председателем Президиума ВС ЧАССР было принято 19 человек, приемной 87 человек, поступило письменных заявлений 37 случаев, а всего обращались по различным вопросам 143 человека» [5, л. 28]. Эвакуированных граждан волновали проблемы устройства на работу, предоставление городского жилья, розыск членов семьи, материальная помощь и проч.

Все эвакуированные граждане, обратившиеся за помощью с заявлениями и ходатайствами, получили поддержку. Нуждающиеся в жилье получили его через горжилуправление. Лично председатель Президиума Верховного Совета ЧАССР З.А. Андреева и аппарат приемной принимали активные меры по устройству на работу путем запросов и переговоров с наркоматами, городским Советом, учреждениями и организациями. «Только по линии просвещения устроено на работу 17 человек, а остальные 21 человек в других наркоматах и предприятиях» [5, л. 28].

Большая помощь была оказана эвакуированным по выдаче единовременного пособия. «За июль – август 1941 г. 20 человек получили 3247 рублей 90 коп. и 1 группе прибывших из Киевской ФЗО (школа фабрично-заводского обучения) 1000 рублей, а всего 4247 рублей 90 коп. В том числе отдельным лицам приобретена одежда и выданы 3-м беременным женщинам по 100 и более рублей на приобретение детского приданого и пр.» [5, л. 28]. По вопросу розыска семей и родных за 2 месяца непосредственно приемная Президиума Верховного Совета ЧАССР сделала запросы по 5 заявлениям. После разъяснения в печати о том, что заявления по этому вопросу необходимо направлять в переселенческий отдел Совнаркома Чувашской АССР, приемной было передано 32 таких обращения.

Остальные заявления относились к вопросам о неудовлетворительной работе сельских Советов и колхозов по устройству эвакуированного населения на работу, по предоставлению жилья, снабжению продовольственными товарами. Такие жалобы поступали, к примеру, из Козловского, Чебоксарского, Комсомольского районов [5, л. 28 об.].

Таким образом, рассмотренные документы архивного фонда Верховного Совета Чувашской АССР позволяют проиллюстрировать различные направления деятельности по проведению эвакуации. Обобщая изученный материал, можно выделить следующие основные вопросы, находившиеся под контролем высшего представительного

органа власти республики: распределение эвакуированного населения, обеспечение питанием и медицинским обслуживанием, трудоустройство, решение жилищного вопроса и обеспечение пособием, поиск родных эвакуированных в Чувашскую АССР. Значительный информационный потенциал данного источника требует дальнейшего изучения и анализа.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 474.

2. ГИА ЧР. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 492.

3. ГИА ЧР. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 511.

4. ГИА ЧР. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 512.

5. ГИА ЧР. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 599.

6. *Муравьева И.В.* Верховный Совет Чувашии (1938–1994 гг.): формирование, состав, основные направления деятельности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 184 с.

7. *Муравьева И.В.* Личный вклад депутатов Верховного Совета национальной республики в победу над фашистской Германией (на материалах Верховного Совета Чувашской АССР первого созыва) // Научные исследования: теория, методика и практика: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 21 мая 2017 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 51–54.

УДК 94(470.42).(1941/1945):614.2:355.415.6

Р.А. Мухамедов, Д.И. Ахтямов

ЭВАКУАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматривается организация системы здравоохранения в г. Ульяновске в период Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов анализируются основные аспекты функционирования медицинских учреждений: подготовка кадров в местных медицинских учебных заведениях, влияние эвакуации Воронежского медицинского института на развитие специализированной медицинской помощи, организация медицинского обслуживания на промышленных предприятиях. Особое внимание уделяется проблемам, с которыми столкнулась система здравоохранения в военное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, здравоохранение, Ульяновск, эвакуация, медицинские кадры, санитарное состояние населения.

R.A. Mukhamedov, D.I. Akhtyamov

EVACUATION AND HEALTHCARE ORGANIZATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE ULYANOVSK REGION)

Abstract. The article examines the organization of the healthcare system in the city of Ulyanovsk during the Great Patriotic War. Based on archival materials, the main aspects of the functioning of medical institutions are analyzed: the training of personnel in local medical educational institutions, the impact of the evacuation of the Voronezh Medical Institute on the development of specialized medical care, and the organization of medical services at industrial enterprises. Special attention is paid to the challenges faced by the healthcare system during wartime.

Keywords: the Great Patriotic War, healthcare, Ulyanovsk, evacuation, medical personnel, sanitary condition of the population.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего народа, настоящим вызовом для промышленности и армии. Она изменила абсолютно весь уклад жизни. Красная Армия несла потери, надо было в срочном порядке выстраивать работу учреждений здравоохранения.

На региональном уровне среди работ, посвященных развитию здравоохранения в годы Великой Отечественной войны, интерес вызывает юбилейный сборник научных работ Воронежского медицинского института. В сборнике обобщен опыт по организации медицинской службы, выстраиванию работы медицинских учреждений в годы войны [6]. В монографиях и исследованиях, изданных в военные годы, нашли отражение состояние отдельных отраслей здравоохранения, работа врачей, организация медицинского обслуживания [1; 2; 4; 5; 7]. Деятельности медицинских учреждений Ульяновской области в годы войны посвящена диссертация А.А. Митрофановой [6]. Появились исследования о подготовке медицинских кадров страны в военный период [10]. Делается акцент на все более узких вопросах, более локальных проблемах, изучаются отдельные отрасли здравоохранения.

Необходимо отметить, что на современном этапе открывается доступ ко многим фондам военных архивов, создаются открытые банки данных, таких как «Подвиг народа», издаются сборники документов [11].

Необходимо отметить, что Ульяновская область была организована в годы Великой Отечественной войны (19 января 1943 г.), а сам город стал крупным промышленным центром Поволжья благодаря эвакуированным из западной и центральной части СССР промышленным предприятиям, что повлияло на все сферы, включая здравоохранение. Одним из базовых вопросов военного времени являлась подготовка кадров, сфера здравоохранения также была вынуждена ускоренно готовить медицинские кадры.

Всего на территории Ульяновской области действовало 2 медицинских учебных заведения: Карсунская школа медицинских сестер и Ульяновская фельдшерско-акушерская школа. Из-за дефицита кадров была введена ускоренная подготовка, также осуществлялись досрочные выпуски [7, с. 27].

В Ульяновской фельдшерско-акушерской школе в разные военные годы готовили фельдшеров, акушеров, санитарных фельдшеров и медицинских сестер. Всего в период с 1940 по 1944 г. школа подготовила 511 медицинских кадров. Наибольшее количество кадров было выпущено в 1941–1942 гг. Условия войны заставляли сократить программу и сместить акцент на профессиональные предметы. Так, фельдшеры проходили обучение в течение полутора лет, а акушеры – в течение двух лет [4, с. 19; 5, с.17]. По мере улучшения ситуации на фронте закономерно улучшалась ситуация и в тылу. В 1942 г. обучение проходило в обычном режиме три года. В годы войны возникал дефицит кадров не только на фронте, но и в тылу, например, возникала необходимость участия врачей и среднего медицинского персонала для работы в комиссиях, горвоенкомате, военных училищах, ФЗО, стройбатальонах и т. д. [9, л. 1].

Важной вехой в истории здравоохранения Ульяновской области стала эвакуация Воронежского медицинского института, который начал свою работу в г. Ульяновске 1 октября 1942 г. Студенты института осуществляли дежурства в госпиталях города, а преподаватели выступали консультантами для местных врачей. К примеру, кафедра госпитальной хирургии была расположена в здании госпиталя. Один из госпиталей Ульяновска № 1847 специализировался на черепно-мозговых травмах, преподаватели кафедры оказывали консультативную поддержку. Специалисты кафедры нервных болезней проводили консультации в 5 эвакогоспиталях Ульяновска. Преподаватели и специалисты, студенты Воронежского медицинского института внесли значимый вклад в развитие специализированной терапевтической, хирургической, оториноларингологической служб области [9, л. 7].

В 1942 г. в Ульяновске были размещены 12 эвакуированных предприятий: заводы № 3, № 8, № 10, № 11, № 25, № 280, № 650, фабрика № 5, фабрика КИМ, фабрика им. Горького, строительная организация № 110, завод им. Сталина (ЗИС) [8, л. 9]. На этих предприятиях появился ряд лечебных учреждений, от фельдшерских здравпунктов до поликлиник и санитарных частей с врачебными приемами.

В сложной военной обстановке требовалось изменить подход к организации работы, связанный и дефицитом кадров, и нехваткой материальной базы, и еще множеством факторов. Работа всех лечебно-санитарных учреждений, как стационарных, так и амбулаторных, была перестроена в связи с требованиями военного времени: выделялись оперативные койки для военнослужащих, допризывников и т. д. В числе таких повседневных проблем стали постоянные перебои с электричеством, из-за чего не могли работать специализированные кабинеты, останавливалась срочная работа лабораторий, к тому же снижалось качество работы и в стационарах. К такого рода проблемам можно отнести и постоянный дефицит горючего. Например, во второй половине 1942 г. всякое снабжение горючим было прекращено, следовательно, перевозки на автотранспорте сократились, транспортировка раненых и больных производилась исключительно на лошадях, включая и инфекционных больных.

На начало 1943 г. сеть учреждений здравоохранения в г. Ульяновске состояла из 79 учреждений. Все они демонстрировали достаточно высокие показатели несмотря на

те условия, в которых находились. Удалось сохранить предвоенные показатели уровня смертности населения. Стабильным оставалось и состояние детской смертности: на родившихся 100 детей умерло до 1 года: в 1939 г. – 26,6 чел.; 1940 г. – 26,4; 1941 г. – 24,0; 1942 г. – 24,3 чел. [9, л. 7].

Одними из главных причин смерти по данным на 1942 г. стали инфекционные заболевания, практически четверти от общего числа умерших (24,4 %), болезни системы кровообращения – 22,6 %, болезни органов дыхания – 15,2 % [9, л.17].

Таким образом, система здравоохранения Ульяновска в годы Великой Отечественной войны прошла через серьезные испытания и трансформации. Несмотря на многочисленные трудности военного времени – дефицит кадров, материальных ресурсов, проблемы с электричеством и горючим – медицинские учреждения города продолжали эффективно функционировать. Важную роль в развитии системы здравоохранения города сыграл эвакуированный в Ульяновск Воронежский медицинский институт, что способствовало качественному росту специализированной медицинской помощи в регионе. Подготовка медицинских кадров в местных учебных заведениях хотя и была ускоренной, позволила обеспечить необходимый минимум медицинского персонала. Показатели смертности населения, включая детскую, оставались относительно стабильными, что свидетельствует об эффективности принятых мер в области здравоохранения. Опыт организации медицинской помощи в Ульяновске в военный период демонстрирует способность системы здравоохранения адаптироваться к экстремальным условиям при сохранении основных показателей качества медицинского обслуживания населения.

Литература и источники

1. *Бурденко Н.Н.* Советская военная хирургия в годы Великой Отечественной войны. [Москва]: Московский Рабочий, 1946. 24 с.

2. Двадцать пять лет советского здравоохранения / под ред. Г.А. Митерева. Москва: Гос. изд-во мед. лит., 1944. 294 с.

3. *Митрофанова А.А.* Деятельность медицинских учреждений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ульяновской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Ульяновск, 2023. 22 с.

4. *Ростоцкий И.Б.* Боец в госпитале. Москва: Наркомздрав СССР. Ин-т санитарного просвещения, 1942. 47 с.

5. *Ростоцкий И.Б.* Забота о раненом. Москва: Ин-т санитарного просвещения, 1942. 31 с.

6. Сборник работ Научной сессии, посвященной 25-летию советского здравоохранения и 25-летию Воронежского мединститута (10–12 июля 1943 г.) / отв. ред. проф. Л.М. Эйдлин. Ульяновск: [б. и.], 1944. 132 с.

7. *Смирнов Е.И.* Советские военные врачи в Отечественную войну. Москва: Сов. наука, 1945. 99 с.

8. Ульяновский городской архив (УГА). Ф. Р-14. Оп. 5. Д. 6.

9 УГА. Ф. Р-14. Д. 8.

10. *Хадимуллина Э.Д., Ахмадуллин М.Л., Хадимуллин Р.Р.* Подготовка медицинских кадров страны в условиях военного времени (1941–1945 гг.) // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 124–130.

11. Эвакуация: трудный путь к Победе / авт.-сост. Г.А. Демочкин, науч. и археографич. ред. Р.В. Ильязова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2020. 384 с.

УДК 94(47)

А.Б. Мясникова

ЭВАКОГОСПИТАЛИ ИЖЕВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. Рассматривается организация работы эвакуационных госпиталей на территории Удмуртии в годы Великой Отечественной войны с акцентом на деятельность медицинских учреждений, развернутых в зданиях школ г. Ижевска. Особое внимание уделяется деятельности эвакогоспиталя № 3672, функционировавшего на базе школы № 24.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуационный госпиталь, школа г. Ижевска № 24, госпиталь № 3672, шефская работа, тыловые госпитальные базы.

A.B. Myasnikova

EVACUATION HOSPITALS IN IZHEVSK IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: ORGANIZATION OF MEDICAL ASSISTANCE

Abstract. The organization of evacuation hospitals in Udmurtia during the Great Patriotic War is examined, with an emphasis on the activities of medical institutions established in school buildings in Izhevsk. Special attention is paid to the work of Evacuation Hospital No. 3672, which operated on the premises of School No. 24.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation hospital, Izhevsk School No. 24, Hospital No. 3672, patronage work (sponsorship/auxiliary support), rear hospital bases.

В летне-осенний период 1941 г. на территории СССР была развернута широкая сеть военных госпиталей, функционировавших на базе городских и рабочих поселений, санаториев, домов отдыха. Лечебные учреждения оснащались необходимым оборудованием, инструментарием, обеспечивались медицинскими кадрами, лекарственными средствами, вещевым и продовольственным довольствием. Под эвакуационным госпиталем понималось военно-медицинское лечебное учреждение, создаваемое на период боевых действий.

В годы Великой Отечественной войны Удмуртская АССР выступала одной из госпитальных баз глубокого тыла. В различные периоды войны на территории республики было сформировано и передислоцировано из западных регионов страны 57 эвакогоспиталей, два батальона выздоравливающих, санаторий-госпиталь, республиканский госпиталь для инвалидов Отечественной войны, госпиталь восстановительной хирургии, а также протезный госпиталь.

Структура санитарных потерь среди поступивших в госпитали Удмуртии распределялась следующим образом: раненые составляли 87,5 %, контуженные – 2,0 %, обмороженные – 2,8 %, обожженные – 0,3 %, больные – 7,4 %. Преобладали военнослужащие с осложненными формами огнестрельных ранений. В первый год войны регистрировались ранения: черепа – 2,7 %, лица – 2,5 %, груди – 6,9 %, живота – 1,2 %, таза – 3,8 %, нижних конечностей – 34,2 %, верхних конечностей – 45,6 %, прочие локализации – 3,1 %. По этиологии превалировали пулевые ранения (46,7 %), ранения осколками авиабомб составили 4,6 %, минами – 19,1 %, артиллерийскими снарядами – 17,8 %, ручными гранатами – 1,7 %, прочими видами оружия – 10,1 % [3,

с. 25]. Среди осложнений огнестрельных ранений наиболее часто встречались абсцесс головного мозга, дефект свода черепа, эмпиема плевры, дефекты брюшной стенки и кишечные свищи, несросшиеся переломы, ложные суставы, контрактуры, длительно незаживающие язвы.

Транспортировка раненых осуществлялась железнодорожным транспортом: санитарные поезда прибывали в Ижевск трижды в неделю. Пациенты с наиболее тяжелыми травмами направлялись в головной госпиталь, размещавшийся в отдельных корпусах современной Республиканской детской клинической больницы. Остальные распределялись через сортировочный госпиталь на базе школы № 25. Доставка раненых по эвакогоспиталям производилась гужевым, автомобильным и трамвайным транспортом [2].

Для обеспечения лечебного процесса была проведена мобилизация гражданских врачей, организована систематическая подготовка среднего медицинского персонала. В госпиталях осуществлялся комплекс лечебно-восстановительных мероприятий, направленных на возвращение раненых в строй. Население активно участвовало в донорском движении.

Основная часть специализированных госпиталей и профильных отделений была сосредоточена в Ижевске. Наличие в городе медицинского института с научно-педагогическими кадрами, а также эвакуация крупных специалистов из Москвы на Урал создали условия для организации специализированной медицинской помощи на высоком организационно-методическом уровне.

Перед Ижевским государственным медицинским институтом в начальный период войны стояли задачи ускоренной подготовки врачей для действующей армии в условиях изменения учебного плана и частичной мобилизации сотрудников в Красную Армию, а также обеспечения участия профессорско-преподавательского состава и студентов в работе эвакогоспиталей, лечебных учреждений и реализации санитарно-эпидемиологических мероприятий на территории республики [4, с. 69].

Эффективность организации специализированной помощи определялась тем, что ведущими специалистами эвакогоспиталей являлись преподаватели. В зависимости от профиля госпиталя создавались соответствующие лечебно-диагностические подразделения, утверждались штаты медицинского и обслуживающего персонала. Во всех госпиталях внедрялись плановые принципы работы и лечебного процесса: составлялись индивидуальные планы лечения с промежуточными эпикризами в историях болезни. Организации лечебного и рационального питания уделялось повседневное внимание.

В период Великой Отечественной войны 16 школ Ижевска были перепрофилированы под эвакогоспитали. Здания школ обладали функциональными преимуществами: наличие водопровода и центрального отопления, широкие коридоры и лестничные марши, хорошая освещенность палат и операционных, переоборудованных из учебных классов.

Эвакогоспиталь № 3672 был открыт в 1941 г. на базе школы № 24 по адресу: г. Ижевск, ул. Советская, д. 23, и функционировал до 1945 г. Госпиталь специализировался на лечении черепно-мозговых травм и повреждений позвоночника. Начальником госпиталя назначен капитан медицинской службы Е.Я. Гемдои, заместителем по политической части – майор А.А. Велик. Мощность госпиталя составляла 400 коек, распределенных в четыре отделения. В структуре учреждения на первом этаже размещались перевязочная, процедурная, столовая, физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты; на втором этаже – палаты для тяжелораненых; на третьем и четвертом — для пациентов, находящихся в стадии выздоровления. Нагрузка на одного врача достигала 100 раненых, медицинская сестра обслуживала три палаты по 20 чел.

В годы войны в госпитале проводились уникальные хирургические вмешательства по пластическому закрытию дефектов черепа после трепанации и ранений головы.

В одном из клинических случаев пациенту с обширным дефектом черепной кости, образовавшемся вследствие осколочного ранения, оперативное лечение выполнено профессором Н.Ф. Рупасовым – ректором Ижевского медицинского института, с 1944 г. — нарком здравоохранения Удмуртской АССР. Дефект был закрыт аутотрансплантатом из ребра пациента с последующей пластикой кожными лоскутами. Аналогичная методика применялась для закрытия пострезекционных дефектов черепа. Хирургическая тактика включала декомпрессивную трепанацию черепа при повышенном внутричерепном давлении с последующей пластикой дефекта расщепленным реберным аутотрансплантатом. Всего в школе № 24 выполнено около 50 подобных операций [2]. Обеспечение госпиталей хирургическим инструментарием и предметами ухода осуществлялось Ижевским машиностроительным заводом, Можгинским и Факельским стекольными заводами, а также предприятиями местной промышленности.

В годы войны образовательные учреждения осуществляли шефство над госпиталями. Учащиеся и педагоги школ, переведенные в приспособленные здания, организовывали для раненых концерты, чтение литературы, содействовали в написании писем родственникам. Часть школьниц после завершения десятимесячных курсов медицинских сестер привлекались к работе в госпиталях с высокой трудовой нагрузкой. Общая доля возвращенных в строй раненых, проходивших лечение в Ижевске, составила около двух третей.

В 1963 г. в здании школы № 24 открыта комната боевой славы и установлена мемориальная доска в честь выпускника 1941 г., Героя Советского Союза А.С. Черезова.

На территории Нагорного кладбища (Первомайский район Ижевска) расположены воинские захоронения периода Великой Отечественной войны. Здесь погребены военнослужащие, скончавшиеся от ран в эвакогоспиталях города. В память о защитниках Отечества на кладбище установлен мемориал с именами солдат и офицеров [1].

Таким образом, Удмуртия в годы войны функционировала как одна из ключевых тыловых госпитальных баз, где под эвакогоспитали были перепрофилированы санатории, дома отдыха, больницы и школы. Здание школы № 24, занимаемое нейрохирургическим эвакогоспиталем № 3672, стало объектом историко-медицинского наследия, отражающим вклад региона в восстановление здоровья военнослужащих.

Литература и источники

1. «Воинские захоронения. Эвакогоспитали» // Нагорное кладбище, Воинский мемориал. URL: https://imena.onf.ru/placements/respublika-udmurtiya/voinskie-zahoroneniya-evakogospitali-nagornoe-kladbishche-voinskiy (дата обращения: 25.02.2026).

2. Герои в белых халатах. Как работали эвакогоспитали Удмуртии в войну // АиФ в Удмуртии. 2025. № 35. 27 августа. URL: https://udm.aif.ru/gazeta/number/58225 (дата обращения: 01.03.2026).

3. *Попова Н.М., Шубин Л.Л.* История работы эвакогоспиталей Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Труды Ижевской государственной медицинской академии. Т. 54: сборник научных статей. Ижевск: Ижевская государственная медицинская академия, 2016. С. 24–25.

4. *Шубин Л.Л., Зайцева В.И., Попова Е.В., Сухих Н.В.* История создания и становления Государственного медицинского института // Исторический научный обозреватель. 2016. № 11 (16). С. 69–72.

УДК 94(470.344)”1941/1945”

С.В. Охотникова

РАБОТА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ ЧАССР ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и опубликованных исследований рассматривается деятельность Наркомата просвещения Чувашской АССР по приему, размещению и обеспечению функционирования эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны. Анализируются основные направления работы наркомата: организационно-распорядительная деятельность, решение материально-бытовых проблем, организация учебно-воспитательного процесса. Особое внимание уделяется взаимодействию Наркомпроса ЧАССР с местными органами власти, колхозами и населением для создания приемлемых условий жизни для детей, эвакуированных из прифронтовой полосы и блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская АССР, Народный комиссариат просвещения, эвакуация, детские дома, детские сады, эвакуированные дети.

S.V. Okhotnikova

THE WORK OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION OF THE CHUVASH ASSR IN ORGANIZING THE ACTIVITIES OF EVACUATED CHILDREN'S INSTITUTIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. Based on archival materials and published research, the article examines the activities of the People's Commissariat of Education of the Chuvash ASSR in receiving, placing, and ensuring the functioning of evacuated children's institutions during the Great Patriotic War. The main areas of the Commissariat's work are analyzed: organizational and administrative activities, solving material and everyday problems and organizing the educational process. Special attention is paid to the interaction of the People's Commissariat of Education with local authorities, collective farms, and the public to create acceptable living conditions for children evacuated from the front-line zone and besieged Leningrad.

Keywords: the Great Patriotic War, Chuvash ASSR, People's Commissariat of Education, evacuation, orphanages, kindergartens, evacuated children.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для советского народа. Одной из трагичных страниц этой войны была судьба детей, оказавшихся на прифронтовых территориях. Спасение подрастающего поколения стало важнейшей государственной задачей. С первых дней войны началась масштабная эвакуация миллионов мирных жителей, включая детские учреждения – детские дома, интернаты и сады.

Чувашская АССР, являясь тыловым регионом, приняла десятки тысяч эвакуированных граждан. По сведениям Наркомпроса ЧАССР, на 1 января 1942 г. в республике числилось 17 085 эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет, из которых 705 чел. прибыло в организованном порядке (детские дома, интернаты и сады), а остальные 16 880 чел. прибыли с родителями [7, л. 108–109]. Ключевую роль в организации

их жизнеустройства играл Наркомат просвещения Чувашской АССР (Наркомпрос ЧАССР), на который легла ответственность по приему, размещению, материальному обеспечению и организации учебно-воспитательного процесса в эвакуированных детских учреждениях.

К настоящему времени имеются некоторые труды о работе Наркомпроса ЧАССР, руководившего развитием народного образования на территории республики в 1941–1945 гг. [4; 5], а также по вопросам помощи эвакуированным в республику детям [1; 24] и функционирования детских учреждений Чувашии в указанный период [2; 28; 30]. Однако организация наркоматом деятельности эвакуированных детских учреждений не являлась темой отдельного исследования. Данная статья призвана подробно осветить указанный аспект деятельности Наркомпроса ЧАССР в условиях военного времени. Основой для данного исследования послужил комплекс документов, выявленных в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики и Государственного архива современной истории Чувашской Республики.

26 июня 1941 г. при Совнаркоме (СНК) ЧАССР была создана правительственная комиссия по приему и размещению эвакуированного населения во главе с председателем СНК А.В. Сомовым. Решения комиссии были окончательными и обязательными для выполнения всеми наркоматами, в том числе для Наркомата просвещения ЧАССР [26, с. 17]. Наркомпрос ЧАССР под руководством наркома К.Е. Евлампьева, а затем М.П. Макарова стал одним из основных исполнительных органов, отвечающих за судьбу эвакуированных детей. Главными структурными подразделениями наркомата по вопросам эвакуированных являлись отдел детских домов и управление начальных, неполных средних и средних школ [5, с. 93].

Согласно архивным данным, к ноябрю 1941 г. в Чувашию прибыли 10 детских учреждений и группа ребят из Москвы, всего 707 детей (табл. 1). В декабре 1941 г. в республике насчитывалось 14 детских учреждений, в которых находилось 760 детей [31, с. 221]: в сентябре 1942 г. 15 учреждений и 949 детей (табл. 2). Летом 1943 г. в республику были эвакуированы группы детей из блокадного Ленинграда и детского приемника НКВД Москвы (около 1 тыс. чел.) [24]. Этих детей приняли учреждения, организованные в 1943 г. в Ишлейском, Алатырском, Янтиковском, Ибресинском, Чебоксарском, Моргаушском районах и г. Шумерля [23, с. 85]. Самая многочисленная группа детей (110 чел.), эвакуированных из трех детских домов Ленинграда (№ 73 Невского района, № 9 и № 43 Выборгского района) была размещена в Ишакском детском доме, открытом в августе 1943 г. в Ишлейском районе [25]. Всего за годы войны Наркомпросом Чувашии было открыто 18 детских домов, в которых проживали около 2500 воспитанников [3, с. 268].

В довоенное время в Чувашии было пять детских домов в городах Цивильск, Чебоксары, Мариинский Посад, Ядрин и пос. Ибреси [2, с. 10]. С началом войны их вместимости стало недостаточно для приема эвакуированных детей. В связи с этим первоочередной задачей Наркомпроса ЧАССР было размещение прибывших в республику учреждений. Постановлением СНК ЧАССР от 2 августа 1941 г. «О размещении эвакуированных детских домов» под детские учреждения в различных районах республики были выделены здания школ, общежития училища, дома колхозника и даже народного суда [11, л. 85]. В 1942–1943 гг. для детских домов выделялись здания школ, сельсоветов, клубов, домов отдыха и т. д.

Одной из проблем, с которой столкнулся Наркомпрос ЧАССР, заключалась в неприспособленности многих выделенных помещений для проживания детей. В отдельных случаях здания не имели спальных комнат, утепленных рам или исправных печей, отсутствовали прачечная и (или) баня [18, л. 2–4, 6, 9–12]. Согласно постановлению СНК ЧАССР от 1 сентября 1941 г. «О подготовке к зиме эвакуированных детских учреждений» местные власти в кратчайшие сроки были обязаны отремонтировать все

переданные помещения [11, л. 91]. Большую помощь при их реконструкции оказывали колхозы, местные предприятия и население.

С 29 августа 1941 по 25 марта 1942 г. Наркомпросом ЧАССР было произведено обследование условий проживания эвакуированных детей в 16 районах Чувашии. Обследованием установлено, что после принятых мер жилищно-бытовые условия большинства эвакуированных детских учреждений были удовлетворительными [7, л. 108]. Однако, как показывают акты обследований, в некоторых из них проблемы не были решены полностью. К примеру, инспектор СНК ЧАССР, обследовавший Ишакский детский дом в декабре 1943 г., отметил, что его помещения не были утеплены для зимнего периода, поэтому дети ходили внутри здания в той же одежде, что и на улице [23, л. 154]. В некоторых детских учреждениях существовала проблема ограниченности площади предоставленных помещений, наблюдались теснота и скученность, способствовавшие распространению заболеваний [30, л. 38–39].

Таблица 1

Детские учреждения, эвакуированные на территорию Чувашской АССР на 1 ноября 1941 г. [15, л. 120; 20, л. 40]

№	Наименование	Размещение	Число детей
1	Детский дом пос. Тикопись Кингисеппского района Ленинградской области	с. Покровское Октябрьского района	81
2	Детский дом Книготоргового Объединения государственных издательств (КОГИЗ), г. Москва	г. Чебоксары, Чапаевский поселок	55
3	Детский дом № 3 специального назначения Наркомпроса РСФСР, г. Москва	с. Убеево Красноармейского района	10
4	Тивдийский детский дом Карело-Финской ССР, г. Петрозаводск	с. Порецкое Порецкого района	64
5	Детский сад № 80 Научно-исследовательского института автотракторной промышленности (НАТИ), г. Москва	с. Сутчево Мариинско-Посадского района	116
6	Детский сад Управления делами СНК РСФСР, г. Москва	Детский санаторий Каршлыхи Сундырского района	105
7	Детский сад № 26 Наркомпроса РСФСР, г. Москва	с. Кугеси Чебоксарского района	77
8	Детский сад Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), г. Москва	с. Комсомольское Комсомольского района	40
9	Детский сад № 63 Художественного фонда СССР, г. Москва	с. Нерядово Мариинско-Посадского района	47
10	Детский комбинат издательства «Московский Большевик», г. Москва	с. Ильинка Сундырского района	95
11	Группа детей Всесоюзного треста «Текстильпроект», г. Москва	г. Чебоксары	17

Упомянутое выше постановление от 1 сентября 1941 г. обязало наркома просвещения ЧАССР К.Е. Евлампьева «осуществлять систематический контроль за обес-

печением одеждой, обувью, бельем, постельными принадлежностями, а также продуктами питания» воспитанников эвакуированных детских учреждений [11, л. 91].

В докладных записках сотрудников Наркомпроса ЧАССР фиксировались случаи недостатка мебели, посуды, игрушек, теплой одежды и обуви [17, л. 18–19]. Особенно остро ощущался недостаток одежды и обуви [23, л. 154, 154 об.]. В целях удовлетворения потребностей эвакуированных детских учреждений, Наркомпросом ЧАССР в 1941 г. было отпущено со склада: ботинок – 137 пар, сапог валяных – 78 пар, носков – 465 пар, чулок – 360 пар, разной мануфактуры 2516 м. С целью смягчения проблемы в городах республики проводился сбор детских вещей, некоторыми колхозами изготавливались и бесплатно передавались в детские учреждения валенки [30, с. 42]. В июле 1943 г. Совнарком ЧАССР передал из государственных резервов Наркомпросу ЧАССР 5 тыс. м бязи, 3 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 1,5 т шерсти для пошива верхней одежды, нижнего белья и изготовления валенок эвакуированным из Ленинградской области детям [26, с. 99].

Для обеспечения эвакуированных детей необходимыми вещами и продуктами Наркомпрос ЧАССР посылал заявки Наркомату торговли ЧАССР и представителю Наркомторга РСФСР [12, л. 88 об.; 13, л. 39 об.]. Однако в первое время в Наркомторге ЧАССР отмечалось отсутствие должного контроля за отпуском товаров детским учреждениям. По этой причине некоторые из этих учреждений выделенные им товары не получали или получали лишь частично. Так, в 1941 г. детскому дому Книготоргового Объединения государственных издательств Наркомторгом ЧАССР был выдан наряд на мясо (365 кг), а фактически мяса получено не было [6, л. 34].

Летом 1942 г. руководители детских домов Чувашии обсудили проблемы учреждений. Отмечались нехватка оснащения, трудности с ремонтом, заготовкой топлива и соблюдением санитарных норм [2, с. 16–18]. В первой половине 1942 г. в некоторых детских учреждениях наблюдались трудности и с питанием. В Покровском детском доме дети «продуктами обеспечивались плохо»; «в детском учреждении, находящемся в пос. Кугесях Чебоксарского района, питались вместе с детьми и посторонние люди, которые к этому детскому учреждению никакого отношения не имели», «в Порецком детдоме продукты в значительной степени идут самим руководителям, дети нужных продуктов недополучают» [26, с. 77].

В ходе инспектирования деятельности детских домов в 1943/44 учебном году было выявлено, что работа шла планово, за исключением Кувшинского и Алдиаровского детских домов. В последнем неудовлетворительные материально-бытовые условия, частая смена руководства и невнимательное отношение со стороны воспитателей стали причинами побегов детей. Правительством было принято решение перевести детский дом в г. Цивильск [2, с. 18]. Зимой 1943/44 учебного года тяжелая ситуация сложилась в Ишакском детском доме. Дети столкнулись с перебоями в питании, были вынуждены сами заготавливать дрова, стирать белье и мыть полы, в связи с чем «у них понизился вес, ухудшилось состояние здоровья» [21, л. 14]. Выявленные недостатки привели к смене директора. В результате обследования Ишакского детского дома представителем Наркомпроса ЧАССР в мае 1944 г. было установлено, что новым руководством большинство из наблюдаемых ранее нарушений было устранено [25].

В условиях частых задержек и перебоев в снабжении детских учреждений продуктами Наркомпрос ЧАССР инициировал привлечение внебюджетной помощи. В случаях, когда выделенные централизованные фонды не сразу доходили по назначению, на помощь приходило население, колхозы, учреждения и предприятия. Так, после приезда эвакуированных детей в Ишакский детский дом посильную помощь оказывал не только колхоз, но и местные жители, приносившие продукты, одежду и обувь [27, с. 17, 36].

Таблица 2

Детские учреждения, эвакуированные на территорию Чувашской АССР на 1 сентября 1942 г. [30, с. 39–40]

№	Название детского учреждения	Место, откуда эвакуирован	Дата эвакуации	Число детей	Обслуживающий персонал, чел.
1	2	3	4	5	6
1	Детский интернат № 26 (пос. Кугеси, Чебоксарский район)	г. Москва	1941 г.	65	18
2	Детский интернат издательства «Московский большевик» (с. Ильинка, Сундырский район)	г. Москва	июль 1941 г.	57	35
3	Детский интернат КОГИЗа (г. Чебоксары)	г. Москва	июль 1941 г.	49	14
4	Детский интернат Народного комиссариата морского флота (пос. Козловка, Козловский район)	г. Астрахань	август 1942 г.	59	11
5	Детский интернат Управления делами Совнаркома РСФСР (с. Каршлыхи, Сундырский район)	г. Москва	июль 1941 г.	100	37
6	Детский сад № 6 при заводе № 654 (г. Чебоксары)	г. Харьков Украинской ССР	декабрь 1941 г.	107	16
7	Детский сад № 63 «Художник» Художественного фонда СССР (с. Нерядово, Мариинско-Посадский район)	г. Москва	1941 г.	51	нет сведений
8	Детский сад № 80 НАТИ (с. Сутчево, Мариинско-Посадский район)	г. Москва	1941 г.	142	27
9	Детский сад ВИЭМ (с. Комсомольское, Комсомольский район)	г. Москва	июнь 1941 г.	26	6
10	Детский сад Наркомата мясной и молочной промышленности РСФСР (пос. Козловка, Козловский район)	г. Москва	декабрь 1941 г.	27	нет сведений
11	Покровский детский дом (с. Покровское, Октябрьский район)	Кингисеппский р-н Ленинградской обл.	1941 г.	81	нет сведений
12	Порецкий детский дом (с. Порецкое, Порецкий район)	г. Петрозаводск, Карело-Финская ССР	ноябрь 1941 г.	72	18

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6
13	Синьяльский детский интернат (с. Синьялы, Чебоксарский район)	дети из разных городов	1941–1942 гг.	16	на самообслуживании
14	Шумерлинский дом младенца / Шумерлинский дом грудного ребенка (г. Шумерля)	г. Полоцк, Белорусская ССР	август 1941 г.	66	28
15	Явлейский детский дом и санаторий (с. Явлеи, Алатырский район)	г. Москва	август 1941 г.	31	15

После принятия 5 апреля 1943 г. постановления СНК РСФСР «О подсобных хозяйствах детских домов» организации этих хозяйств, позволявших хоть частично решить проблему продовольствия, придавалось большое значение. Наркомпрос ЧАССР контролировал создание подсобных хозяйств при детских домах. В результате планомерной работы в семи детских учреждениях были организованы хорошие подсобные хозяйства, с которых ежегодно собирали сотни килограммов овощей. Кроме того, многими детскими домами были заключены договора взаимопомощи с ближайшими колхозами [17, л. 8–13; 19, л. 94–97].

Наряду с сохранением жизней эвакуированных детей одной из важнейших задач Наркомпроса ЧАССР являлось продолжение их образования. Постановление СНК ЧАССР от 24 сентября 1941 г. поставило перед наркоматом цель как можно быстрее включить эвакуированных детей в учебный процесс [12, л. 89]. В целях обеспечения охвата эвакуированных детей всеобщим обязательным обучением Наркомпросом ЧАССР проводились инструкторские проверки с выездом на места в районные отделы народного образования. Так, в 1941/42 учебном году проверкой было охвачено 23 района и 4 города [13, л. 14].

Наркомпросом ЧАССР также контролировалось состояние кадров всех эвакуированных детских учреждений [7, л. 108]. Многие детские учреждения, перемещенные в республику, сопровождал квалифицированный персонал. У большинства сотрудников в Шумерлинском доме младенцев, детском саду № 6, Явлейском детском доме, детских садах № 63 и Научно-исследовательского института автотракторной промышленности, детских интернатах № 26 и Управления делами Совнаркома РСФСР имелись среднее или высшее педагогическое образование, а также значительный стаж работы. Однако отдельные детские учреждения, такие как детский дом Книготоргового Объединения государственных издательств, «Московский большевик» и ВИЭМ, существовали в условиях дефицита квалифицированных кадров, а Синьяльский детский интернат функционировал вовсе без персонала [23, л. 241, 244–245]. В силу нехватки специалистов в республике Наркомпрос не имел возможностей для улучшения ситуации.

Согласно указанию Наркомпроса ЧАССР, на 3 октября 1941 г. эвакуированные дети были прикреплены к школам по месту жительства. По данным Наркомата на 1 января 1942 г., в семи школах с наибольшей концентрацией эвакуированных детей (Ишлейской, Хыркасинской, Ишакской, Сыбайкасинской школах Ишлейского района, Ильинской школе Сундырского района, Трехбалтаевской и Шемуршинской школах Шемуршинского района) для них были открыты дополнительно десять параллельных классов с обучением на русском языке. Остальные эвакуированные дети обучались совместно с местными детьми, причем учебный материал им пояснялся на русском

языке [7, л. 108; 12, л. 1011; 26, с. 30]. По воспоминаниям одной из воспитанниц Ишакского детского дома В.И. Масасиной, дети «учились в школе, где один и тот же урок шел для двух групп на чувашском и русском языках» [10, л. 39]. Специально для эвакуированных закупались учебники на русском языке: в 1942 г. по заявке Наркомпроса ЧАССР было приобретено 18 тыс. экз. [7, л. 108–109]. После возобновления обучения эвакуированных детей возникла острая необходимость в канцелярских принадлежностях: детям не хватало книг, тетрадей, карандашей, чернила были самодельные – из дубовых шишек [10, л. 39; 22, л. 36–37].

Несмотря на серьезные трудности в условиях эвакуации (нехватку учебных материалов, игрушек, письменных принадлежностей и отсутствие полноценного воспитательного процесса) в отдельных детских учреждениях успешно реализовывались мероприятия, направленные на формирование патриотического сознания, развитие творческих способностей и сохранение образовательной активности. Примерами удачной воспитательной работы являлись создание агитбригады детей при интернате Наркомморфлота, выступавшей в колхозах и эвакогоспитале; организация коллективных занятий по лепке, рисованию, пению в детском саду № 6 и др. [19, л. 97; 29].

В ходе начавшейся в конце 1944 г. реэвакуации эвакуированные в ЧАССР детские учреждения со своим штатом воспитателей были отправлены эшелонами на прежние места жительства. За отдельными детьми приезжали родители и родственники, разыскавшие их на чувашской земле. Наркомпросом ЧАССР велась активная переписка по розыску и возвращению детей. Он рассылал списки находившихся в ЧАССР эвакуированных детей в Наркомпрос РСФСР и наркоматы соседних регионов, а также проводил поиск детей в имевшихся учетных списках по поступавшим от родителей заявлениям [16]. Многие воспитанники детских учреждений с благодарностью покидали чувашскую землю, сохранив о ней светлую память на долгие годы [8, л. 75; 9, л. 11; 27, с. 9, 79, 84]. Часть подросших воспитанников, достигших 16 лет и трудоустроенных на предприятиях, осталась в Чувашии. Некоторых из них посылали на учебу в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения [24, л. 29–30].

Таким образом, деятельность Наркомата просвещения ЧАССР в годы Великой Отечественной войны является примером достаточно эффективной работы государственного органа в военных условиях. Несмотря на острую нехватку материальных средств, продовольствия, помещений и квалифицированных кадров, Наркомпрос совместно с местными Советами, колхозами и населением сумел обеспечить размещение и деятельность эвакуированных детских учреждений. Наркоматом была проделана большая организационная работа: от поиска и ремонта помещений до контроля за питанием и учебой детей. Деятельность детских учреждений находилась на постоянном контроле Наркомпроса, благодаря чему многие недостатки в их работе удавалось выявлять и частично устранять в течение довольно быстрого времени. Совместные усилия власти и общества позволили сохранить жизни эвакуированных детей, не допустив при этом и прерывания учебно-воспитательного процесса. Опыт Чувашской АССР доказывает, что даже регион с ограниченными ресурсами способен внести посильный вклад в дело спасения подрастающего поколения в годы тяжелых военных испытаний.

Литература и источники

1. *Андреева Н., Игнатьева О.* «К чужим, как к своим...» (эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2006. № 1. С. 86–90.

2. *Бойко И.И., Ертмакова Г.В., Толстова Н.Ю.* Воспитанники детских домов Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 7–22.

3. *Васильева Л.И.* Ишакский детский дом Чувашии в воспоминаниях детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда (по документам личного фонда В.Е. Сорокина, хранящегося в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики) // История и политика: Война

и мир XX века. Уроки прошлого и угрозы современности: сборник научных трудов по материалам XII всероссийского симпозиума, посвященного 75-летию Великой Победы (Нижний Новгород, 23 апреля 2020 г.). Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. С. 266–273.

4. *Гасанова М.Н.* Основные направления деятельности Наркомата просвещения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 16 мая 2024 г.). Чебоксары: Среда, 2024. С. 234–237.

5. *Гасанова М.Н.* Структура аппарата Наркомата просвещения Чувашской АССР и ее реорганизации в середине 1930-х – 1940-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 85–95.

6. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 23. Д. 51.

7. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 321.

8. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2998. Оп. 1. Д. 4.

9. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2998. Оп. 1. Д. 5.

10. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2998. Оп. 1. Д. 7.

11. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 21–91.

12. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2208.

13. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2209.

14. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2261.

15. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2272.

16. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2304.

17. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2345.

18. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2352.

19. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2474.

20. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2537.

21. ГИА ЧР. Ф. Р-1262. Оп. 2. Д. 22.

22. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 46.

23. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 66.

24. *Ертмакова Г.В.* От войны спаслись в Чувашии // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне: материалы научно-практической конференции (Чебоксары, 15 апреля 2010 г.). Чебоксары: [б. и.], 2010. С. 29–35.

25. Из акта обследования Ишаковского детского дома заведующим отделом детских домов Наркомпроса ЧАССР П.Н. Мартыновым. 18–22 мая 1944 г. // «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии / подгот. публ. В.Ф. Питерновой // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 85–93.

26. Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 556 с.

27. *Соловьева Г.С.* Дети войны: материалы воспитанников Ишакского детского дома, эвакуированных ленинградских детей в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2015. 136 с.

28. *Тимофеев В.В.* Детские эвакуированные учреждения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере республик Волго-Вятского региона) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 149–154.

29. *Тимофеев В.В.* Трудности эвакуации и их преодоление в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на материалах республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 113–120.

30. *Толстова Н.Ю.* Трудности в организации деятельности детских учреждений, эвакуированных на территорию Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Исторический поиск. 2022. Т. 3. № 2. С. 37–47.

31. *Толстова Н.Ю.* Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Чебоксары, 2023. 226 с.

УДК 94(470).24”1941/1945”:355.233.2

А.Н. Петров, Д.Г. Ситников

7-Я ЛЕНИНГРАДСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ШКОЛА В ПЕРИОД ЭВАКУАЦИИ (ФЕВРАЛЬ 1942 — СЕНТЯБРЬ 1945 ГОДА)

Аннотация. Статья посвящена истории 7-й Ленинградской специальной артиллерийской школы в период эвакуации (1942–1945). Рассмотрены условия обучения, быт учащихся, участие в обороне Ленинграда и путь школы на Алтай.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, специальная артиллерийская школа, эвакуация, Ленинград, военное образование, Алтай, блокада.

A.N. Petrov, D.G. Sitnikov

THE 7TH LENINGRAD SPECIAL ARTILLERY SCHOOL DURING EVACUATION (FEBRUARY 1942 – SEPTEMBER 1945)

Abstract. The article covers the history of the 7th Leningrad Special Artillery School during evacuation (1942–1945). It examines training conditions, students life, participation in Leningrads defense, and the schools relocation to Altai.

Keywords: the Great Patriotic War, special artillery school, evacuation, Leningrad, military education, Altai, siege.

Специальные артиллерийские школы — средние учебные заведения, существовавшие с 1937 по 1946 г. в ведомстве Народного комиссариата просвещения в 17 городах Советского Союза. В них готовили юношей для поступления в артиллерийские военные училища [12, с. 13].

В Ленинграде существовало пять специальных артиллерийских школ. 7-я Ленинградская спецартшкола располагалась в здании по адресу: Большой проспект П.С., д. 29/2, лит. А (до 1944 г. — пр. Карла Либкнехта), в котором в настоящее время располагается Академия технического творчества и цифровых технологий Санкт-Петербурга. В предвоенные годы в здании находилась 10-я средняя школа Петроградского района [3, с. 349]. Поступивший в артиллерийскую школу в год открытия Г.Н. Малиновский вспоминал, что общеобразовательная школа продолжала существовать, занимаясь во вторую смену [10, с. 7]. В скором времени среднюю школу перевели.

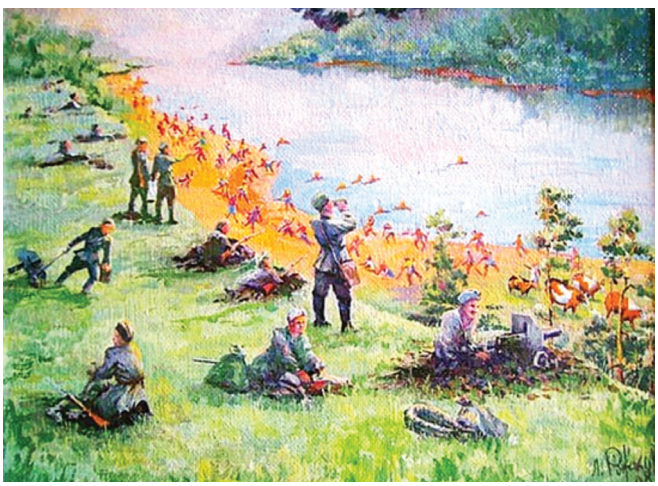
В специальные артиллерийские школы принимали юношей, окончивших семь классов на оценки «хорошо» и «отлично». Учащиеся осваивали такие предметы, как математика, физика, химия, черчение, рисование и военное дело. В распоряжении спецшкол находились образцы настоящих орудий и другой качественный наглядный материал. Программы и учебники по этим дисциплинам были специально адаптированы под курсы артиллерийских училищ. Остальные предметы преподавались по стандартным программам обычных средних школ. Математика, физика, химия, черчение, рисование и военное дело ориентировались на программы военных училищ и преподавались по специальным учебным пособиям. Также были созданы учебные кабинеты с образцами вооружения [2, с. 38]. О занятиях по материальной части Г.Н. Малиновский вспоминает так: «А вот занятия по материальной части артиллерии (а это

были полковые 76-мм пушки образца 1927 г.) с элементами боевой службы при орудии и освоение основ военной топографии с основами глазомерной съемки оставили неизгладимый след в нашем сознании» [10, с. 13].

В летнее время учащиеся второй и третьей батареи, то есть 9-го и 8-го класса, выезжали в лагеря на военные сборы. Учащиеся спецшколы осваивали тактику, военную топографию, проходили военно-инженерную и химическую подготовку и т. д. Условия пребывания соответствовали лагерным сборам в действующих войсках [2, с. 42]. Именно на сборах, на Лужском артиллерийском полигоне, 22 июня 1941 г. учащиеся 7-й спецшколы встретили начало Великой Отечественной войны. Г.Н. Малиновский, будучи уже курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища (ЛАУ), вспоминал, что на построении в 12 часов 22 июня слушали обращение В.М. Молотова [10, с. 13].

Л.И. Рожков (1925–2018), выпускник школы 1943 г., так отметил этот день в своих воспоминаниях: «В этот же день, 22 июня, после обеда, мы приступили к рытью щелей для укрытия, на случай бомбежки. Щели оборудовали на опушке леса, недалеко от палаток <...> Это была моя первая работа по сооружению оборонительной защиты. Занятия почти прекратились, нас тренировали по сигналу “воздух” укрываться в щелях...» [4, с. 40–41].

Вскоре школа была отозвана в Ленинград, спецшкольники определены на казарменное положение в школе, однако их позже отпустили домой. После начала войны многие учащиеся, в том числе не окончившие школу, поступили добровольцами в Красную Армию. Окончившие полный курс школы направлялись в артиллерийские училища, где проходили ускоренные курсы. Другие учащиеся остались в Ленинграде. В августе 1941 г., исходя из докладной записки секретаря ГК ВКП(б) П.Г. Лазутина и председателя исполкома Ленгорсовета П.С. Попкова, было принято решение о переводе на казарменное положение учащихся специальных школ Наркомпроса [14, л. 1, 2], однако скоро этот режим был отменен. Спецшкольники участвовали в обороне Ленинграда: строили оборонительные сооружения, патрулировали город, входили в отряды местной противовоздушной обороны (МПВО), участвовали в строительстве по

Ил. 1. Рожков Л.И.[1] Спецшкольники в Лужском лагере. Из личного архива Л.Л. Русиновой

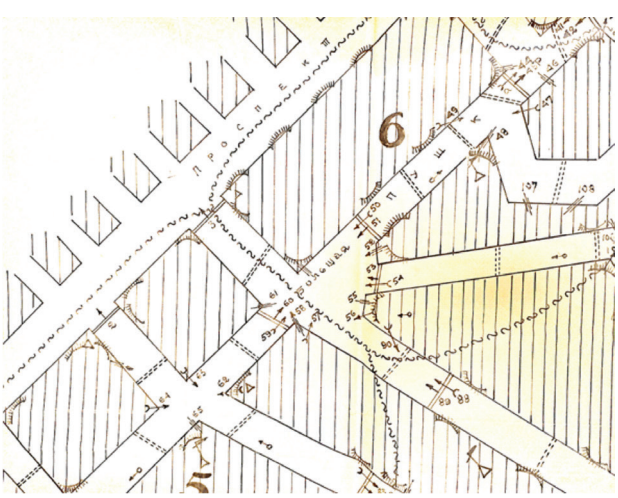
[1] Лев Иванович Рожков (1925–2018) – художник, выпускник 7-й Ленинградской специальной артиллерийской школы (1943).

укреплению обороны Петроградского района – в здании 7-й спецшколы были оборудованы одна артиллерийская и одна пулеметная точки [13, л. 116].

В 1941 г. набор учащихся не прекращался, однако учебный год начался только 13 октября. В 1941/42 учебном году в 7-ю Ленинградскую спецартшколу было принято 138 чел. [11, л. 8–11]. Выпускник школы 1944 г. В.М. Зикеев вспоминал: «...я стал учащимся 3-го взвода 7-й артспецшколы. В каптерке я получил шинель и шапку. Начались занятия. Были уроки и даже контрольные работы. Но из-за холода в помещениях и истощения ребят и преподавателей занятия проводились вяло. Главное для нас – рацион питания. По ленинградским меркам он был очень приличный. Мы получали в сутки 250 граммов хлеба (норма рабочего), тарелку горячего супа из дрожжей, чуть больше ложки каши, кусочек сливочного масла, два или три кусочка пиленого сахара и котлетку весом ровно 42 грамма. И в завершение что-то похожее на чай. Питались один раз в день. Рацион, как говорится, не умрешь, но жить захочешь» [8, с. 98].

Занятия продолжались в условиях холода и дефицита продовольствия. Ситуация усугубилась к декабрю 1941 г. Из-за недоедания спецшкольники слабели. Спать ложились, не раздеваясь. Те, кто жил далеко от школы, оставались жить в интернате при школе. За декабрь-январь 1941–1942 гг. школа потеряла около 20 % учащихся [12, с. 122]. В начале декабря 1941 г. заместитель народного комиссара просвещения послал телеграмму в Военный совет Ленинградского фронта с просьбой дать распоряжение о переводе спецшкол в Сибирь.

В январе 1942 г. учащихся 7-й спецшколы повели на новогоднее представление в Александринский театр. «Утром 6 января нам скомандовали построение, — вспоминает В.В. Госданкер (1925–2018), выпускник школы 1943 г., — и объявили, что идем в центр на елку» [6, с. 241]. «Исхудавшие и голодные мальчики шли пешком до театра. В фойе стояла елка, пели оперетты, был дан спектакль. После спектакля состоялся обед в ресторане “Метрополь”. Настоящее потрясение мы испытали, увидев сервированные столы, белоснежные скатерти и салфетки, ножи, вилки... Пусть, пусть

Ил 2. Фрагмент схемы обороны 4-го сектора МПВО Петроградского района.[ЦГАИПД СПб. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 1089. Л. 26]

Ил. 3. Рожков Л.И.Спецдистрофик на Финляндском вокзале перед отправкой в Тогул. 05.02.1942. Из собрания Тогульского краеведческого музея

был жидкий суп, на второе — крошечная, но настоящая котлетка и мусс в причудливой розеточке... Чудо какое-то, сказка!» [6, с. 242].

Военный совет Ленинградского фронта дал распоряжение об эвакуации только в конце января 1942 г. К этому времени 7-я спецшкола уже имела потери в личном составе школы среди учащегося и преподавательского состава. Об этом свидетельствуют списки преподавателей 7-й ЛСАШ на декабрь 1941 г. и январь 1942 г., полученные из бывшего архива Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Преподаватель литературы Арван Абрам Матвеевич и завхоз Ганичев Иван Павлович не попали в эвакуацию и умерли в апреле 1942 г. [1; 5]. Неизвестными остаются судьбы учителя математики П.И. Бухарина и учителя истории С.Д. Желтовского.

Эвакуация школы началась 5 февраля 1942 г. О происходивших событиях оставил воспоминания Стэнли Александрович Курочкин, выпускник 1944 г.: «5 февраля 1942 г. холода спали. Мороз всего градусов 25. 7-я спецартиллерийская школа-дивизион, с развернутым знаменем, начала шагать к Финляндскому вокзалу. Впереди — командование, преподаватели, плотным строем, чтобы не отстать, в шинелях съежившиеся ученики <...> Сколько-то ребят не пришло, одиннадцать из школы не вышли, остались лежать, погибли» [9, с. 4]. На Финляндском вокзале, как вспоминает С.А. Курочкин, учащиеся прошли санитарный контроль.

Некоторое время пришлось ожидать отъезда, он случился на следующий день, 6 февраля 1942 г. В последующем ветераны спецшколы считали этот день днем своего спасения. «Знаменательный для 7-й САШ и для каждого из нас день. Это был тот единственный шанс, цена которому — жизнь. С этого дня через Ладогу, по Дороге жизни протянулась пуповина, соединявшая меня с мать-Большой землей», — вспоминает Л.И. Рожков [4, с. 60 об.]. Эта дата стала днем ежегодных встреч выпускников, которые проходили вплоть до 2014 г.

Учащихся 7-й специальной артиллерийской школы эвакуировали по «Дороге жизни»: поездом до Ладожского озера, затем по ледовой трассе. От станции Жихарево они поездом направились в с. Тогул Алтайского края, по пути они сделали длительную остановку в Костроме.

После двух месяцев нахождения в Костроме учащиеся вновь отправились в пункт назначения. Путь по железной дороге проходил только до станции Бийск.

По воспоминаниям С.А. Курочкина, далее спецшкольники следовали пешком до с. Тогул: «Через пару недель погрузили хозяйство дивизиона на 3–4 подводы, за ними — строем в Тогул. Из Бийска вышли, строй распустили. Идите вольно, впереди три пеших

Ил. 4. Рожков Л.И. Эвакуация спецшкольников по Дороге жизни. Из личного архива Л.Л. Русиновой

Ил. 5. Рожков Л.И. На пути в Тогул. Из личного архива Л.Л. Русиновой

перехода. Алтайский край. От села до села было километров 35–40. Распахано вокруг сел на километр, да пастбищ столько же, остальное – степь первозданная. Куропатки, дрофы, жаворонки, чибисы и солнце. Три-четыре сопки, кто-то сказал, что это бывшие вулканы. В села входили строем, с песней “В бой за Родину, за Сталина”, “Там в заливе, где море сине”. ...Село Яминское. Площадь с толпой женщин, детей. Несколько стариков. У многих в руках узелки, тарелки со снедью, кринки с молоком. Спрашиваем: Почем? Отвечают: Ни почем! Мы, выжившие из трех один, волчата, взъерошились: “Чего сюда пришли?” “Вас ждали. Накормить.” Голова колхоза сказала, что из Ленинграда вы, голод там. Ей из района звонили, а яки вы солдаты? Диты! Ешьте! Что тут началось! Обнимания, слезы, всхлипы младших. Всех украинки колхоза им. Шевченко накормили, приютили, утром проводили. Строем покидая село, бодро пели “Врагу не сдается наш гордый Варяг”. Остальные села были русские. Без встреч, но с ночлегом, постоем. Вот и Тогул. Мы ему – чума. Там уже была другая спецшкола. Цены росли. С нашим приходом они на базаре взвились вдвое. Иждивенцам хлеба по 100 грамм, остальное – с огорода или с поля, откуда Бог даст» [9, с. 6–7].

В процессе эвакуации личный состав школы нес потери: некоторые спецшкольники были оставлены в Ленинграде и не попали в эвакуацию, некоторые были оставлены в больницах в Борисовой Гриве, Жихарево и Костроме, многие умерли в дороге. Из 309 учащихся 21 чел. умер в дороге, 120 чел. были оставлены в дороге и только 165 добрались до места эвакуации [2, с. 53]. В Ленинграде остались 43 чел., из числа которых дальнейшая судьба известна только у десятерых: пять умерли, пять пережили блокаду.

Школа прибыла в с. Тогул 4 мая 1942 г. Директор школы Сабуров в донесении заведующему Ленгороно отмечал: «...ученики все здоровы, бодры (иногда излишне). Питание 3 раза в день. Из учителей не доехали двое: Соловьев математик (умер на ст. Жихарево) и Белоголовин – химик, оставлен в госпитале на станции Вологда. О нем никаких известий нет. Его жена с дочерью и сыном остались в Костроме до выздоровления сына – ученика нашей школы» [11, л. 30–30 об.].

На месте спецшкольникам пришлось самостоятельно создавать условия. Жизнь спецшколы в эвакуации подробно и колоритно описал выпускник школы 1944 г., алтайский писатель, журналист Виктор Самуилович Серебряный (1926–2009). Обучение продолжалось по прежним программам. Набор в школу теперь состоял из уроженцев Сибири и эвакуированных из других регионов страны. Выпускники распределялись по трем Ленинградским артиллерийским училищам, которые располагались в эвакуации в разных областях РСФСР, а также в училища Ростова-на-Дону, Одессы, Омска и Томска. Поступившие в училища в 1942–1943 гг. проходили ускоренные курсы в ар-

Ил. 6. Заготовка дров «спецами». с. Тогул. 1942–1943.
Из собрания Тогульского краеведческого музея

тиллерийских училищах и направлялись в зоны боевых действий, участвовали в крупных сражениях Великой Отечественной войны. В июле 1943 г. 7-я Ленинградская спецартшкола переехала в с. Троицкое Алтайского края (ст. Большая Речка) в связи с тем, что была необходима близость к железной дороге [12, с. 125].

Следует отметить, что эвакуация, безусловно, сохранила жизни многих учащихся школы, но одновременно из-за отсутствия полноценных условий ухудшились показатели успеваемости. Это не раз отмечалось руководством края. Вопрос о реэвакуации школы был поставлен директором Сабуровым почти через месяц после полного освобождения Ленинграда от блокады, 21 февраля 1944 г. В своем письме председателю Ленгорисполкома он отмечает: «... экономическое и бытовое положение осталось по-прежнему тяжелым <...> Местные организации школой не интересуются и смотрят на нее как на временную обузу» [15, л. 30–30 об.]. Одновременно руководители других ленинградских спецшкол направили письма о реэвакуации. 29 февраля 1944 г. заместитель народного комиссара просвещения РСФСР направил председателю Ленгорисполкома письмо о рассмотрении возможности реэвакуации спецшкол. Среди приоритетных 7-я спецартшкола указана не была.

Повторное обращение из Наркомпроса направлялось в июле 1944 г. В декабре Ленгороно сообщил, что есть предварительная договоренность о реэвакуации школ в 1945 г. Еще одно обращение из Наркомпроса направлялось в марте 1945 г. Ответ Ленгорисполкома состоял в том, что считает возможным организовать одну спецартшколу с условием, что она будет комплектоваться учащимися из Ленинграда. Таким образом, вернулась в Ленинград только 9-я спецшкола.

7-я Ленинградская специальная артиллерийская школа была ликвидирована осенью 1945 г. на основании приказа НКП РСФСР № 522 от 2 августа 1945 г. [7, л. 66 об.]. Учащиеся, не окончившие школу, были переведены в другие специальные артиллерийские школы.

Литература и источники

1. Арван Абрам Матвеевич // Возвращенные имена. Книги памяти России. URL: https://visz.nlr.ru/blockade/show/931587 (дата обращения: 14.05.2026).

2. *Березняцкий В.С.* История военно-подготовительных, специальных школ и подготовительных училищ отечественных Вооруженных сил: 1921–1955 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2006. 185 с.

3. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1935: с прил. пл. гор. Ленинграда. Ленинград: Леноблисполком и Ленсовет, 1935. 1254 с.

4. Воспоминания Л.И. Рожкова // Архив семьи Рожковых-Русиновых.

5. Ганичев Иван Павлович // Возвращенные имена. Книги памяти России. URL: https://visz.nlr.ru/blockade/show/1109776 (дата обращения: 14.05.2026).

6. *Госданкер В.В.* От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. 544 с.

7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-573. Оп. 1а. Д. 1436. Л. 66 об. Приказы по 7-й Ленинградской специальной артиллерийской школе по личному составу.

8. *Зикеев В.С.* Блокадник // Простор. 2015. № 5.

9. *Курочкин С.А.* «Свою задачу выполняй!»: Из воспоминаний капитана дальнего плавания. Санкт-Петербург: Гангут, 2016. 32 с.

10. *Малиновский Г.Н.* Записки ракетчика. [Б. м.]: ЦИПК, 1999. 207 с.

11. Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центр архивных документов». Ф. 1. Оп. 2. Д. 533е.

12. *Сыченков Б.П.* Юные боги войны: краткая история средних военно-учебных заведений Советского Союза. Москва: Голос-Пресс, 2006. 378 с.

13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 12.

14. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2б. Д. 890.

15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-7384. Оп. 17.Д. 1240.

Секция 3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭВАКУИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

УДК 94(470.344)”1941/1945”

С.И. Алексеев

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ ОБ ЭВАКУАЦИИ И СТАНОВЛЕНИИ ЧЭАЗ В ЗАВОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «ЭЛЕКТРИК»

Аннотация. В статье рассматривается проблема сохранения памяти о масштабной эвакуации производственных сил ХЭМЗа и людей в годы Великой Отечественной войны, являющейся одним из ключевых факторов победы. Особое внимание уделяется судьбам эвакуированных. Оценивается вклад эвакуированных работников, объединившихся с местными кадрами, в тяжелых условиях наладивших производство всего необходимого для фронта в Чувашской АССР и обеспечивших создание Чебоксарского электроаппаратного завода.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, Чебоксарский электроаппаратный завод, память, судьбы людей, ХЭМЗ.

S.I. Alekseev

PRESERVING MEMORY OF THE EVACUATION AND THE ESTABLISHMENT OF CHEAZ IN THE FACTORY NEWSPAPER «ELECTRIC»

Abstract. The article discusses the problem of preserving the memory of the large-scale evacuation of the Cheboksary Electromechanical Plants production facilities and people during the Great Patriotic War, which was one of the key factors in the victory. Special attention is paid to the fates of the evacuees. The article evaluates the contribution of the evacuated workers, who, together with local personnel, established the production of everything necessary for the front in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic under difficult conditions and ensured the creation of the Cheboksary Electromechanical Plant.

Keywords: evacuation, the Great Patriotic War, Cheboksary Electrical Equipment Plant, memory, the fate of people, HEMZ.

Эвакуация в годы Великой Отечественной войны стала большим испытанием не только для государственной машины управления, но и для миллионов людей. Они были вынуждены оставить свои родные края, чтобы укрыться от войны и помочь стране в тылу бороться с фашистскими захватчиками. Невозможно переоценить вклад каждого рабочего человека и солдата в победу. Всей стране пришлось преодолеть множество трудностей и лишений. Если вести речь о Чебоксарском электроаппаратном заводе, как примере эвакуированного предприятия, то многие вехи его истории отражены на страницах заводской газеты «Электрик». Так, в материалах, посвященных 40-летию Великой Победы, приводятся интересные сведения о судьбе предприятия и отдельных работников.

Выполняя приказ Наркомата электропромышленности об эвакуации первой очереди, директор завода И.Т. Скиданенко закончил ее в сентябре 1941 г. ХЭМЗ получил новую прописку одновременно в нескольких городах. Производство взрывобезопасного оборудования развернулось на площадях трамвайного депо и автогаража в Кемерово, выпуск серийной аппаратуры – в так называемых Торговых рядах Ульяновска. Цехи крупных машин были эвакуированы на «Уралэлектроаппарат», цехи машин постоянного тока – в Прокопьевск. Цех коммутационной аппаратуры разместился в недостроенном Доме культуры в Уфе, цехи реле и спецаппаратуры – в зданиях клуба строителей и двух техникумов в Чебоксарах.

На базе трех цехов ХЭМЗа за полтора месяца был создан Чебоксарский завод электроаппаратуры, который уже с января 1942 г. начал выпускать новую продукцию – электрооборудование для боевых машин. Организацией и налаживанием производства руководили А.И. Якунин (впоследствии директор ХЭМЗа) и И.М. Шульга. Вскоре были пущены Кемеровский электромеханический и Уфимский заводы электроаппаратуры. На базе ХЭМЗа возникло пять самостоятельных заводов и несколько филиалов электротехнических предприятий Урала.

Большую роль в развитии ХЭМЗа в годы войны и организации на его базе производств сыграли Я.Н. Заробян, И.Т. Скиданенко, Д.С. Черничкин, Н.И. Борисенко, А.И. Якунин, А.А. Невеженко и многие другие высококвалифицированные специалисты электротехнической промышленности, ставшие впоследствии крупными и хозяйственными руководителями.

Эвакуация цехов и оборудования в глубокий тыл дала жизнь еще многим предприятиям электротехнической промышленности [2, с. 1].

Все эти события повлияли на жизни многих и людей и отразились в их судьбах. Вспоминая эвакуацию, ветеран Р.Е. Цекиновская пишет: «Уже 44 года живем мы в Чебоксарах, а из памяти все не стирается тот месяц путешествия нашего из Харькова, когда немцы уже подступали к окраине города, и мы под бомбежкой садились в вагоны. Ехали с бесконечными остановками. Немного проедем, и стоим – паровоз отцеплялся, чтобы везти воинские эшелоны. Иногда паровозов приходилось ждать по 3–4 дня, и мы слышали звуки перестрелки. Когда они приближались, мы, женщины, с детьми бежали в ближайшую деревню, чтобы скрыться от бомбежки.

Потом мы возвращались в вагоны, а там подходил и паровоз. Но нередко было так, что ближайшие поселки, через которые лежал наш путь, были уже заняты фашистами, и приходилось менять маршрут, его меняли каждую пятидневку. Конечно, это удлиняло путь. В одной из перестрелок я оказалась почти в огне. В поезде, как известно, полки в два этажа. Наша семья «жила» на втором этаже, с нами были двое маленьких детей – двух и трех лет. Взглянула я в окна, с двух сторон выстрелы, и справа и слева зазвенели стекла, я успела соскочить вниз. Через несколько минут наши воины отогнали врага от эшелона, и мы смогли продолжать путь.

Наконец, мы добрались до г. Пушкино, что в нескольких километрах от Москвы, и тут ночью началась очень сильная бомбежка. Мы все посыпались вниз, вагоны от перестрелки качались, над крышами надсадно гудели самолеты. К утру все затихло, наши самолеты отогнали врага.

В Чебоксарах мытарства наши закончились. Мы прибыли туда, где нас ждали, и где труд наш был нужен фронту» [5, с. 2].

Своими воспоминаниями делился и ветеран завода, в числе первых эвакуированных из Харькова электроаппаратчиков, Григорий Исаакович Литвинский: «Грянула Великая Отечественная война. Из Харькова уезжали под канонаду близкого боя. Даже мост через реку уже взорвали наши саперы, не успели мы проскочить. Пришлось на лодках и пароме перевозить оборудование на другой берег, опять грузить на платформы. И вновь в путь, на восток. Нас, харьковчан, было тогда немало. Только моей родни приехало десять человек» [1, с. 2].

В статье А. Кравцовой рассказывается о музее предприятия. Автор пишет, что война и последовавшая эвакуация оставили след в памяти многих эвакуированных заводчан. Несмотря на множество проблем, возникавших при переезде и размещении, их дух не был сломлен, и все работали на благо страны, совершая трудовой подвиг. И память о тех событиях была запечатлена в истории завода. Множество экспонатов и памятных вещей хранились в заводском музее, рассказывая новым поколениям о тех нелегких временах. Сохранение истории было очень важно для заводчан, так как

история их предприятия начиналась в сложные времена и коснулась жизней многих людей.

Вот приказ начальника Главного управления аппаратмашпрома от 8 ноября 1941 г.: «В связи с реорганизацией Харьковского электромеханического завода имени И.В. Сталина образовать в г. Чебоксары Чувашской АССР на базе выделенной из состава группы аппаратных цехов самостоятельный завод специальной аппаратуры, завод "СЭА" (специальной электроаппаратуры)».

Здесь же, на стенде, личные документы эвакуированных: удостоверения Л.З. Бунина, А.И. Якунина, О.В. Троицкого, прибывших сюда первыми для размещения цехов завода. Посадочный билет на эшелон в Чебоксары ветерана С.М. Шварцмана. Фотографии эшелонов на станции Чебоксары: идет разгрузка оборудования. Снег, мороз, стынут люди, измученные долгой дорогой под бомбежками. На разгрузке никакой техники, но работа идет... На другом снимке бывший начальник инструментального цеха С.Г. Федченко и старший инженер-технолог И.Л. Княжевский за наладкой станков, а далее фотографии женщин, подростков, которые работают взамен ушедших на фронт отцов, братьев, мужей.

В музее есть первый «боевой листок», изданный на заводе в Чебоксарах. Он призывает: «Все для фронта! Все для победы!». За стеклом первое изделие – 69-К, тумблер для танка, а рядом штамп для рычага этого изделия – первый штамп, изготовленный на заводе руками большого специалиста, мастера своего дела Е.Г. Мищенко [3, с. 2].

Помимо музея память об эвакуации хранила и библиотека, куда попали книги, эвакуированные вместе с оборудованием. При разборе заводской библиотеки были найдены залежи старых книг еще дореволюционного издания. «Яти» и «еры» густо испещряли страницы сочинений русских и зарубежных классиков изданий «Товарищества Сытина», «С.-Петербургъ. Издание Ф. Павленкова», «Издание А.Ф. Маркса», «Брокгаузъ-Ефронъ», Академии наук, были и украинские произведения. Часть книг добиралась сюда издалека – из Харькова, где зимой 1941 г. под бомбежкой в спешке грузили и отправляли в далекую Чувашию станки, оборудование, инструмент для организации нового предприятия. Запаковали и техническую библиотеку, куда попала и беллетристика [4, с. 2].

Таким образом, можно сказать, что эвакуация проходила в сложных условиях. Множество предприятий вместе с людьми были эвакуированы в кратчайшие сроки. Все это определило судьбы тысяч людей. Несмотря на колоссальные трудности, эвакуированные работники продемонстрировали высочайший уровень самоотверженности и профессионализма. Их отдача и жертвенность позволили запустить оборонное производство в тылу в кратчайшие сроки. Местное население максимально постаралось обеспечить приезжих всем необходимым. Эвакуация дала начало Чебоксарскому электроаппаратному заводу, заложившему прочный фундамент для развития промышленности, на десятилетия вперед. Память о подвиге людей хорошо сохранилась самими заводчанами, которые чтут имена своих героев. Всю эту историю через года для последующих поколений заводчан несла газета «Электрик», чтобы не был забыт подвиг тех героев тыла.

Литература и источники

1. 8 декабря электроаппаратному заводу исполняется 46 лет. Чебоксарец «хэмзовской» закалки // Электрик. 1987. № 96. 8 декабря. С. 2.

2. Год 40-летия Великой Победы // Электрик. 1985. № 20.15 марта. С. 1.

3. *Кравцова А.* Первый штамп, первое изделие // Электрик. 1986. № 9. 31 января. С. 2.

4. *Максимова Л.* Стали книги экспонатами // Электрик. 1987. № 90. 17 ноября. С. 2.

5. Шла война народная. 44 года назад // Электрик. 1985. № 89. 22 ноября. С. 2.

УДК 94(470.344)”1941/1945”:371.12.011.3-051

Л.А. Ефимов

ЭВАКУИРОВАННЫЕ УЧИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов эвакуации населения из прифронтовых регионов СССР, проблемам размещения, социальной адаптации, трудоустройства учительских кадров в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рассматривается процесс вливания эвакуированных детей и учителей в образовательный процесс, исследуются проблемы функционирования школьных учреждений и подготовки научно-педагогических кадров в республике в условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашия, эвакуация, школа, система образования, трудоустройство учителей и ученых.

L.A. Efimov

EVACUATED TEACHERS IN THE CHUVASHIA SCHOOL SYSTEM DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract. The article is devoted to the study of the evacuation of the population from the frontline regions of the USSR, the problems of accommodation, social adaptation, and employment of teachers in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945. The article examines the process of integrating evacuated children and teachers into the educational process, the problems of functioning of school institutions, and the training of scientific and pedagogical personnel in the republic during wartime.

Keywords: the Great Patriotic War, Chuvashia, evacuation, school, education system, employment of teachers and scientists.

Межэтнические отношения были актуальны во все периоды исторического развития российской государственности. Особая сплоченность и единство народов страны проявились в период Великой Отечественной войны. Пусть годы войны, отмеченные скорбью, испытаниями и подвигами, отступают в прошлое, но память о них останется навечно. В горниле ожесточенной, длительной и кровопролитной битвы советские граждане, представители всех наций великой страны, проявили несгибаемую волю и выстояли.

2026 год по Указу № 952 от 25 декабря 2025 г., подписанному президентом РФ Владимиром Путиным, стал Годом единства народов России [25]. В год, посвященный укреплению дружбы, мира и согласия между всеми народами большой и многонациональной страны, все усилия будут направлены на достижение национального единства, мира и согласия между всеми народами страны, укреплению дружбы и взаимопонимания. Ибо сохранение русской самобытности и традиций всех национальностей, проживающих в России, является краеугольным камнем государственной национальной политики на современном этапе развития, что позволит укрепить взаимное уважение, поддержать культурное многообразие и создать условия для гармоничного сосуществования.

В региональной историографии исследуемая тема затрагивалась недостаточно. Автором вводится в научный оборот новый пласт рассекреченных архивных документов, связанных с деятельностью эвакуированных учителей. В материалах фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) [4] и Государственного архива современной истории (ГАСИ ЧР) [3] отражена напряженная деятельность органов государственной власти и образовательных учреждений с эвакуированным населением в годы войны.

Особую ценность представляют мемуарные и эпистолярные источники эвакуированных. Многие аспекты заявленной проблемы нашли отражение в специальных исследованиях Н.Ю. Толстовой [24], Г.В. Ертмаковой [8], Л.А. Ефимова [9; 10], Ф.Н. Козлова [2], Д.А. Захарова [19], Е.В. Касимова [19], В.Н.Иванского [12], М.П. Михайлова [16], Т.С. Сергеева и др. [21; 22].

В книгу Г.С. Соловьевой «Дети войны» [23] включены ценные воспоминания бывших блокадников Ленинграда – воспитанников Ишакского детского дома.

В диссертационном исследовании Н.Ю. Толстовой [24] проведено комплексное исследование истории пребывания эвакуированного населения на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны, рассмотрены основные направления деятельности властных структур Чувашской АССР по приему и размещению эвакуированных граждан, определены численный, национальный, половозрастной состав прибывшего населения и география его размещения, показаны взаимоотношения между местным населением республики и эвакуированными гражданами.

В годы войны в Чувашию прибыло эвакуацией немало представителей педагогической интеллигенции. Большую их часть составили учителя и воспитатели детских садов, врачи и медицинские сестры. Так, к началу июня 1942 г. в городах и районах республики было учтено 379 эвакуированных учителей [4]. Многие из них были трудоустроены учителями в школы республики. Но трудоустроить всех по специальности не представлялось возможным. Правления сельских советов и колхозов физически здоровых и способных к труду эвакуированных трудоустраивали в полях, огородах, токах и фермах вместе с местным населением, и за выработанные трудодни выдавали хлеб, картофель и другие продукты питания.

В фонде Наркомата просвещения Чувашской АССР [4] сохранилось множество приказов о назначении эвакуированных граждан педагогами в школы республики. Большинство из них работали учителями немецкого языка, математики, русского языка и литературы, а также учителями начальных классов, воспитателями в детских домах и приютах. Известны случаи назначения эвакуированных директорами и завучами образовательных учреждений. Так, прибывшие из г. Москвы Г.Г. Генкина и С.Б. Жарков, Н.П. Теплов, Л.А. Ливотов были назначены директорами школ, а Е.В. Горская (г. Витебск), Б.М. Гершман (г. Гомель), Е.Я. Петрикова, Н.Д. Халтурина, Т.Я. Кабанова были направлены завучами в школы республики. Эвакуированный учитель из Прибалтики Август Петрович Грюнберг непродолжительное время работал директором Тиушской средней школы Ишлейского района, преподавал в школе немецкий язык. В августе 1944 г. он был реэвакуирован и направлен на работу в Латвийскую ССР.

По спискам-представлениям секретарей районных исполнительных комитетов Чувашской АССР в школах республики на 1 июля 1942 г. учителя были трудоустроены в следующих районах:

1. Алатырский район и г. Алатырь – 32 (9 + 23) чел.;
2. Аликовский район – 40;
3. Калининский район – 21;
4. Комсомольский район – 15;
5. Ядринский район – 47;
6. Ибресинский район – 42;

7. Советский район – 18;
8. Чкаловский район – 16;
9. Красноармейский район – 26,
10. Шумерлинский район – 52;
11. Октябрьский район – 14;
12. Мариинско-Посадский район – 25;
13. Канашский район – 12;
14. Урмарский район – 16;
15. Вурнарский район – 15;
16. Шихазанский район – 15.

Итого – 389 учителей [4, л. 8].

В списках эвакуированных учителей указаны сведения: год рождения, где и в какой школе работал до эвакуации, в какую школу района трудоустроен, место жительства и т. д. В архивном деле удалось обнаружить сведения только по 16 районам Чувашии. Самое большое количество эвакуированных учителей прибыло в Шумерлинский (52), Ядринский (47), Ибресинский (42) районы.

Рассмотрим трудоустройство учителей в Аликовском и Мариинско-Посадском районах. В отдел Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения на запрос от 18 мая 1942 г. секретарь исполкома Аликовского райсовета трудящихся Х.И. Волкова отправила сведения об эвакуированных учителях по району. По данным на 1 июня 1942 г. в Аликовский район прибыли 40 эвакуированных учителей, некоторые из них были трудоустроены в школы. Николай Прохорович Теплов (1882 г. р.) до эвакуации работал в неполной средней школе, назначен директором Панклеевской школы; Вера Гавриловна Теплова (1887 г. р.), учитель начальной школы г. Серпухов, направлена в Панклеевскую школу; Евдокия Алексеевна Скворцова (1879 г. р.), учитель средней школы № 35 г. Серпухов – не работает, нет места; Наталия Касьяновна Халтурина (1918 г. р.), учитель средней школы – в Юськасинскую среднюю школу; Наталия Димитриевна Халтурина (1894 г. р.), учитель начальной школы, стала завучем Юськасинской средней школы; Галина Георгиевна Шапошникова (1911 г. р.), учитель русского языка средней школы – не работает, нет места; София Александровна Изотова (1913 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Вера Ильинична Серова (1902 г. р.), учитель начальной школы, начала работать в Чувашско-Сорминской неполной средней школе; Тимофей Иванович Малинин (1893 г. р.), учитель русского языка средней школы – не работает, нет места; Эвель Вельнович Басин (1911 г. р.), учитель математики средней школы – учитель математики Русско-Сорминской средней школы; Антонина Игнатьевна Николаева (1918 г. р.), учитель математики средней школы – учитель математики Русско-Сорминской средней школы; Мария Петровна Быкова (1903 г. р.), учитель ж/д школы – не работает, нет места; Василий Васильевич Задорский (1883 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Евгения Николаевна Бутусова (1875 г. р.), учитель начальной школы – учитель Русско-Сорминской средней школы; Анна Павловна Зряновская (1898 г. р.), учитель начальной школы – учитель Русско-Сорминской средней школы; Вера Николаевна Никитина (1907 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Евсей Николаевич Никитин (1865 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Екатерина Григорьевна Головащенко (1911 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Елизавета Григорьевна Андреева (1892 г. р.), учитель средней школы – не работает; Василий Михайлович Андреев (1894 г. р.), учитель средней школы – не работает; Мария Викентьевна Шило (1905 г. р.), учитель средней школы – учитель Аликовской средней школы; Тит Трофимович Трофимов (1900 г. р.), научный работник Наркомата земледелия РСФСР – учитель Аликовской средней школы; Нина Назарьевна Обидейко (1904 г. р.), учитель химии средней школы – учитель Али-

ковской средней школы; Татьяна Яковлевна Кабанова (1913 г. р.), учитель истории средней школы – завуч Аликовской средней школы; Люселя Максимовна Хаимова (1918 г. р.), учитель биологии средней школы – учитель Аликовской средней школы; Леонид Алексеевич Ливотов (1900 г. р.), учитель средней школы – директор Большевыльской неполной средней школы; Александра Николаевна Морозова (1896 г. р.), учитель начальной школы – счетовод Большевыльской неполной средней школы; Екатерина Васильевна Головник (1886 г. р.), учитель средней школы – учитель немецкого языка Большевыльской неполной средней школы; Давыд Григорьевич Директор (1913 г. р.), мастер средней школы – учитель математики Большевыльской неполной средней школы; Галина Владимировна Разумовская (1901 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Елизавета Архиповна Ризанова (1908 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Мария Андреевна Миронова (1893 г. р.), учитель начальной школы – учитель Туривыльской школы; Глафира Ивановна Карпова (1916 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Зинаида Никитична Кузнечихина (1921 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Любовь Алексеевна Булагина (1911 г. р.), учитель начальной школы – не работает, нет места; Фауста Николаевна Лиив (1904 г. р.), учитель неполной средней школы – не работает, нет места; Евгения М. Журкина (1912 г. р.), учитель Талькинской неполной средней школы Минской обл.– учитель Асакасинской неполной средней школы; Вера Светопольская (1901 г. р.), учитель начальных классов Чусаковской школы Московской обл.– учитель Карачуринской начальной школы; Летте Сановна Гуревич (1905 г. р.), учитель Вильягдинской средней школы Эстонской ССР – учитель немецкого языка Шумшевашской средней школы; Татьяна Алексеевна Миронова (1905 г. р.), учитель Рдевской средней школы Ленинградской обл.– учитель Шумшевашской средней школы [4, л. 1–1 об.].

Из 40 учителей 17 эвакуированным не нашлось вакантных мест в школах района. В вышеприведенном списке числятся супруги Тит Трофимович Трофимов (1900 г. р.) и Нина Назарьевна Обидейко (1904 г. р.). Они эвакуировались в июле 1941 г. из Москвы на малую родину в д. Видесючь Аликовского района. Супруги работали в Аликовской средней школе. В августе 1942 г. Т.Т. Трофимов был призван в РККА, воевал на фронте в составе 143-го стрелкового полка, награжден орденами Славы III ст., Отечественной войны I ст. После войны он стал видным советским ученым-ботаником, профессором, первым заведующим дендрария на новой территории Ботанического сада МГУ.

Ниже приведем сведения по учителям, эвакуированным в Мариинско-Посадский район. Список эвакуированных учителей, проживавших в Мариинско-Посадском районе, представленный инструктором трудоустройства эвакуированных Мариинско-Посадского исполкома райсовета, состоит из 26 чел.: В.М. Кострова (1915 г. р.), учитель начальной школы г. Старая Русса – учитель Амачкинской неполной средней школы; А.В. Любославская (1899 г. р.), учитель начальной школы г. Москвы – учитель Мариинско-Посадской школы; М.Я. Резникова (1906 г. р.), учитель начальной школы г. Москвы – воспитатель Мариинско-Посадского детского дома; Хр. А. Искуратова (1916 г. р.), учитель начальной школы г. Львова – учитель Арзаматовской неполной средней школы; П.М. Фомина (1904 г. р.), учитель средней школы г. Пскова – учитель Нерядовской неполной средней школы; К.К. Пушкарева (1905 г. р.), учитель средней школы г. Москвы – учитель Нерядовской неполной средней школы; М.С. Половкин (1907 г. р.), учитель средней школы г. Москвы – учитель Новинской неполной средней школы; Х.И. Иоффе (1894 г. р.) учитель начальной школы г. Москвы – учитель Нерядовской неполной средней школы; А.С. Артемчук (1910 г. р.), учитель начальной школы г. Москвы – учитель Нерядовской неполной средней школы; А.И. Максимова (1910 г. р.), учитель начальной школы г. Москвы – учитель Сутчеевской неполной

средней школы; К.В. Вавpецюк (1905 г. р.), учитель неполной средней школы г. Москвы – учитель Яндашевской средней школы; С.Х. Коган (1917 г. р.), учитель неполной средней школы г. Москвы – учитель Яндашевской средней школы; О.И. Лимарова (1893 г. р.), учитель неполной средней школы г. Москвы – учитель Мариинско-Посадской средней школы; Е.П. Гамбурцева (1900 г. р.), учитель средней школы г. Москвы – учитель Мариинско-Посадской средней школы; Г.М. Зайцева (1916 г. р.), учитель неполной средней школы г. Москвы – учитель Мариинско-Посадской средней школы; Т.Ф. Новикова (1904 г. р.), учитель музыки г. Москвы – учитель Мариинско-Посадской средней школы; Ф.С. Гуревич (1918 г. р.), учитель начальной школы г. Горки – работник Мариинско-Посадского РАЙФО; Н.И. Попова (1899 г. р.), учитель средней школы г. Брасово – преподаватель земтехникума г. Мариинский Посад; А.Ф. Попов (1889 г. р.), учитель средней школы г. Брасово – преподаватель земтехникума г. Мариинский Посад; Г.И. Чавка (1910 г. р.), студент г. Москва – преподаватель Чувашского пединститута, г. Мариинский Посад; Т.Я. Фандеева (1906 г. р.), учитель средней школы г. Москвы – преподаватель земтехникума г. Мариинский Посад; О.Д. Галанина (1908 г. р.), преподаватель Московского текстильного института – колхоз д. Анаткасов; Г.П. Ермилов (1875 г. р.), учитель средней школы г. Дмитрова – преподаватель Чувашского пединститута, г. Мариинский Посад; З.С. Железкова (1913 г. р.), учитель неполной средней школы, лаборант – колхоз д. Большое Маклашкино; В.Н. Грачева (1916 г. р.), учитель начальных классов г. Каширы – воспитатель Мариинско-Посадского детского дома; А.И. Мурзаева (1908 г. р.), Академия, г. Москва – учитель Покровской школы [4, л. 28–28 об.].

В отличие от эвакуированных учителей Аликовского района, в г. Мариинский Посад и районе были размещены учителя более высокой квалификации. Некоторые из них принимали участие в подготовке учительских кадров для школ Чувашии в педагогическом институте, который был эвакуирован из г. Чебоксары осенью 1941 г. Отметим, что на 1940/41 учебный год план приема в ЧГПИ составлял 420 чел. (Педагогический институт + Учительский институт). Принято было 413 чел. (в пединститут – 173, в Учительский институт – 237). На 1 сентября 1940 г. контингент студентов состоял из 635 обучающихся по Педагогическому и 415 чел. по Учительскому институтам (всего 1050 чел.). К январю 1941 г. в обоих учреждениях насчитывалось 720 студентов (445 чел. и 275 чел. соответственно) [7, л. 1].

Годы Великой Отечественной войны стали сложным испытанием для Чувашского государственного педагогического института. В связи с эвакуацией Харьковского электромеханического завода в г. Чебоксары, 22 октября 1941 г. было принято постановление о размещении Чувашского государственного педагогического института в г. Мариинский Посад. Эвакуированному заводу ХЭМЗа (ныне Электроаппаратный завод) были предоставлены учебные здания пединститута, общежития.

С началом войны резко снизилось количество преподавателей, студентов, сотрудников пединститута в связи с мобилизацией в ряды Красной Армии. Автором подсчитано, что в 1941 г. на фронт ушли 128 студентов (из них 73 студента – заочного отделения) и 46 преподавателей [13].

В то время как часть преподавателей уходила на фронт, их место занимали квалифицированные кадры, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Риги, Минска, Смоленска, Одессы и других городов [7, л. 1]. По приказу Наркомата просвещения РСФСР в институт были зачислены 17 преподавателей из других вузов, прибывших из западных прифронтовых регионов страны. Среди них были историки, профессора: Абрам Иосифович Лурье из Белорусского университета, Константин Васильевич Кудрявцев из Ленинградского университета. Последний с 15 августа 1941 по февраль 1942 г. заведовал кафедрой истории, затем эту должность занимал Александр Зосимович Кузьмин, выпускник 2-го курса Московского государственного университета, с августа 1944 по

февраль 1946 г.– Георгий Иванович Чавка, выпускник Московского государственного педагогического института, кандидат исторических наук. По состоянию на 12 октября 1942 г. на кафедре истории кроме А.З. Кузьмина и Г.И. Чавки работали также Зоя Ивановна Федорова, выпускница Московского государственного института истории и философии (читала историю Средних веков), доцент Федор Макарович Нечай, выпускник МГУ (история Древнего мира), кандидат исторических наук, доцент Серафим Максимович Максимов, выпускник аспирантуры при Центральном НИИ истории (история народов СССР, методика истории), лаборантка Татьяна Максимовна Федосова. Эвакуированные стали прибывать в Чувашский пединститут с 15 июля 1941 г. Так, исполняющим обязанности заведующего кафедрой педагогики был назначен Роберт Мартынович Микельсон, ранее работавший доцентом педагогики в Рижском педагогическом институте [17, с. 74].

Татьяна Эммануиловна Хмара-Борщевская, кандидат филологических наук, автор учебников по русскому языку для чувашских школ, была также из числа эвакуированных в начале войны из западных областей страны.

Пополнение преподавательского корпуса института 8 профессорами и доцентами из других вузов подняло его рейтинг, дало возможность перенимать опыт известных в стране ученых. Наступило заметное оживление научно-исследовательской работы, особенно по военной тематике. Ф.М. Нечай написал работу о партизанском движении в условиях Великой Отечественной войны, А.О. Букштейн – о разгроме тевтонских рыцарей в XIII в., Г.И. Чавка – о Луи Блане и люксембургской комиссии, Г.В. Васильев – о преподавании истории в условиях войны. В 1944 г. доцент кафедры истории И.Д. Непомилуев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Купечество в царствование Екатерины II».

Видный чувашский историк Василий Димитриевич Димитриев вспоминал годы учебы в вузе так: «В институте работали несколько эвакуированных пожилых профессоров: по математике – А.С. Турчаников, русскому языку – П.А. Дудель, физике – В.И. Касаточкин, зоологии – В.А. Дорфман, политэкономии – А.И. Лурье. Студенческие группы стали малочисленными. В нашей группе в четвертом семестре осталось только пятеро: Карпеева А.С., юноши 1924 г. р. – Сибяков А.М., Сергеев Г.С., Ванюшкин К.И. и я. В августе 1942 г. все мы были призваны в Красную Армию.

Георгий Иванович Чавка, грек по национальности, вместе с семьей прибыл в Чувашгоспединститут 1 августа 1941 г. по направлению Наркомпроса РСФСР и был назначен старшим преподавателем новой истории. О.А. Букштейн, по национальности еврей, прибыл в институт также в 1941 г. Он эвакуировался вместе со своей младшей сестрой, которая в 1942 г. вышла замуж за незрячего студента-чуваша Павлова. О.А. Букштейн читал нам историю средних веков. В середине второго полугодия его призвали в армию.

...Помню Фаю Марковну Тейтельбаум. Она прибыла в институт в августе 1941 г., в войну стала кандидатом филологических наук, доцентом.

Преподавательницей английского языка была молодая москвичка Анастасия Александровна Петрова» [21, с.129–130].

Анна Васильевна Игнатьева, выпускница пединститута 1946 г., также оставила воспоминания о годах учебы в г. Мариинский Посад: «В 1942 г., после окончания Бичуринской средней школы Марпосадского района (тогда – Октябрьский район), я поступила учиться в Чувашский государственный педагогический институт на исторический факультет. Институт был эвакуирован из г. Чебоксары в г. Мариинский Посад. Главный корпус размещался в здании лесотехнического техникума на берегу р. Волга, а наш исторический факультет – в двухэтажном здании на центральной улице города. Студенты жили в общежитии техникума: это были деревянные двухэтажные и одноэтажные здания с печным отоплением, без канализации.

Среди преподавателей института много было эвакуированных из Москвы, Ленинграда, других городов, а также учились студенты, прибывшие к нам. Деканом исторического факультета работал Ф.М. Нечай, белорус по национальности, преподавал историю древнего мира. Основы марксизма-ленинизма читал Д.Ф. Андреев, лекции по психологии читал профессор Р.М. Михельсон, латыш по национальности, эвакуированный из Латвии. Содержательные, интересные лекции, много практических советов для жизни давал он студентам. Русскую литературу преподавала "знаменитая" Б.А. Бройтман. Она наизусть декламировала стихи Маяковского. Всеобщую литературу читала Ф.М. Тейтельбаум, историю средних веков – З.И. Федорова, историю СССР – А.З. Кузьмин. В институте лекции читали также очень известные преподаватели, как профессор А.И. Лурье, М.Г. Мотуз – декан физмата, А.А. Кондакова – декан естественного факультета. Долгие годы на истфаке работал Г.И. Чавка, вел занятия по новой истории.

На нашем курсе учились И. Кон, ставший известным ученым, эвакуированные латышка В. Гудзукс и А. Таттари из Ленинграда. В. Гудзукс потом стала ученой, после войны уехала в Латвию и преподавала там» [1, с. 114].

Особой заботой республиканских властей стало размещение эвакуированных детей и организация учебно-воспитательного процесса со школьниками. В июле 1941 г. прибыл первый эшелон с эвакуированным населением с территории Западной Украины. Первые небольшие группы детей из Ленинграда прибыли в Чувашию осенью 1941 г. Чувашская АССР стала одной из территорий для размещения эвакуированных жителей, в том числе инвалидов войны и матерей с детьми из Латвийской и Эстонской АССР, Москвы, Ленинграда и других прифронтовых местностей. Руководство республики организовывало места приема и жительства, одежду, предметы личного потребления для эвакуированных. 10 июля 1941 г. на заседании бюро Чувашского обкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о размещении эвакуированных детей и инвалидов войны в республике.

В Чувашию было эвакуировано 28 заводов, фабрик, цехов, которые начали выдавать продукцию в предельно сжатые сроки, а вместе с ними прибыли и рабочие с семьями. В 1941–1942 гг. количество эвакуированных составило более 70 тыс. чел., в числе которых было около 27,7 тыс. детей [26, с. 294].

Районные и городские отделы народного образования организовывали при всех средних школах республики интернаты с питанием для эвакуированных детей, всех охватывали обучением.

Уже на 14 сентября 1941 г. в Чувашскую АССР прибыло 20 017 детей, а к началу декабря в республике насчитывалось 16 586 детей в возрасте до 7 лет и 10 907 детей от 7 до 15 лет. На 1 января 1942 г. в республике стояли на учете 17 085 эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет, из которых 705 чел. прибыли с детскими учреждениями, 16 380 детей – с родителями [3, л. 163].

Возрастной состав эвакуированного населения имел следующую структуру: на 15 октября 1941 г. удельный вес трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 59 лет составлял 48,2 % (5061 муж., 20 521 жен.), детей – 47,0 % (до 7 лет – 15 218; от 7 до 15 лет – 9690 чел.), лиц старше 59 лет – 4,8 % (2545 чел. обоего пола). В апреле 1942 г. численность трудоспособного населения достигла 31 912 чел. (50,0 %), а детей и лиц старшего поколения – 27 866 (43,7 %) и 4007 (6,3 %) чел. соответственно [20].

В информации о трудоустройстве эвакуированного населения в Калининском районе Чувашской АССР от 22 октября 1942 г. отмечено следующее: «...Всеми силами, правления колхозов, с/советы, исполком райсовета стараются создать эвакуированным благоприятные условия жизни, устроить к труду. Большая часть эвакуированных живут и работают в колхозах, которые составляют 405 чел. трудоспособных, работы для них достаточно, но с неимением опыта работы в сельском хозяйстве для них эта работа

не легка. Многие уже привыкают к работе и выработали немало трудодней <...> Детей эвакуированных школьного возраста насчитывается 160 чел., из них охвачено обучением 149 чел.» [18, с. 60].

Сотрудники отдела СНК Чувашской АССР по хозустройству эвакуированного населения систематически выезжали с проверкой в районы и выявляли недостатки в работе местных органов власти. Так, в ходе проверок в декабре 1942 г. выявилось: «... Марпосадском районе имеется два эвакуированных детсада из Москвы – детсад "НАТИ" на 105 детей и детсад "Художник" – 41 человек <...> Выделено 300 пар валенок и 150 пар кожаной школьной обуви. В районе имеются 749 детей, из них школьного возраста 190 чел. Некоторые эвакуированные дети школьного возраста не посещают школу из-за отсутствия обуви и одежды. В настоящее время большинство детей, нуждающихся в обуви, будет удовлетворено ботинками и валенками...

...В Калининском районе для эвакуированных детей организованы специальные русские группы по 1, 2, 3, 4 классам при средних школах в Калинине, Ойкас-Яндобах и Юманаях...» [18, с. 69].

В связи с ростом контингента детей школьного возраста Наркому просвещения Чувашии пришлось пересмотреть первоначальный план, принятый СНК ЧАССР 21 марта 1941 г., которым контингент учащихся на 1941/42 учебный год был определен в 183 398 чел. С учетом выбывших учащихся и прибывших эвакуированных их число составило 190 896 чел., из них 7795 – эвакуированных детей [3, л. 10]. В срочном порядке организовывались дополнительные параллельные классы и интернаты с питанием.

Следует отметить, что в Чувашской АССР наряду с государственными детскими домами, функционировали 19 межколхозных детских домов, в которых воспитывалось 367 детей-сирот [14]. Всего за годы войны было создано 116 школьных интернатов, преимущественно для эвакуированных детей [16, с. 76].

Появление нового контингента учащихся, не владеющих чувашским языком, создавало определенные трудности в общении детей разных национальностей, но это преодолевалось усилиями учителей Чувашии.

В начале 1941/42 учебного года в республике функционировало 1025 школ, в том числе 556 начальных, 343 неполных, 126 средних. По сравнению с 1940/41 учебным годом сеть школ сократилась на 10 единиц. Предпринимались соответствующие меры по поддержанию существующей сети общеобразовательных школ. Сохранению сети школ способствовали решения советских и партийных органов, разрешавшие открывать школы в населенных пунктах, имеющих не менее 15 детей школьного возраста [21, с. 17].

Работники городских и районных отделов народного образования прилагали много сил для обеспечения школ необходимым числом учителей. Например, в 1942/43 учебном году для 1028 общеобразовательных школ требовался 6341 учитель, в том числе в I – IV классах – 3305 чел., в V – VII – 2427 чел., а VIII – X – 609 учителей. Указанная потребность заполнялась студентами и учащимися из педучилищ – 337 чел., учительского – 31 чел. и педагогического институтов – 61 чел., окончившими средние школы – 204 чел., бывшими учителями, не работавшими по специальности – 17 чел., передвинутыми из I – IV классов в старшие классы – 105 чел. Всего было принято 6082 работника, недокомплект учительских кадров по I – X классам на начало 1942/43 учебного года составлял 259 чел. К концу первого полугодия количество учителей было доведено до 6187, тем не менее не хватало 182 педагогов. Вакантные места заполнялись за счет прибывших эвакуированных учителей [21, с. 21].

На 1 января 1942 г. от общей численности эвакуированного населения более 50 % составляли москвичи (45,0 %) и ленинградцы (13,1 %). Их доля оставалась высокой и в последующие 1943–1944 гг. Более 2,5 тыс. чел. прибыло к началу 1942 г. из Белорусской, Карело-Финской, Латвийской, Украинской и Эстонской ССР, а также Калининской области [4, л. 17].

Всего к середине 1943 г. на территорию Чувашской АССР были эвакуированы почти 71 тыс. чел., из которых примерно треть составляли мужчины и две трети – женщины. Несмотря на то, что вновь прибывшие граждане представляли более тридцати этносов, подавляющее большинство из них (свыше 95,0 %) относилось к пяти национальным группам: русские (67,5 % на 15 мая 1943 г.), евреи (13,6 %), украинцы (6,9 %), чуваши (3,9 %) и белорусы (3,2 %) [4, л. 31].

Большинство прибывших граждан являлись выходцами из центральных и северо-западных районов страны.

По состоянию на 1 января 1942 г. в республике было 7600 детей школьного возраста: по национальному составу: русских – 6614, евреев – 814, украинцев – 183, эстонцев – 175, латышей и литовцев – 102, белорусов – 49, других национальностей – 58 чел. [27].

На 15 октября 1943 г. в Чувашии насчитывалось детей дошкольного возраста (до 7 лет) – 12 717 и школьного возраста (от 7 до 15 лет включительно) – 12 052 чел. [5, л. 25 – 25 об.].

Руководство Чувашии старалось оказывать всяческую помощь эвакуированным детям, что подтверждают телеграммы, поступавшие в адрес заместителя председателя Совнаркома СССР А.И. Микояна: «Телеграмма от 29 июня 1943 г. председателя Совнаркома Чувашской АССР А.М. Матвеева к заместителю председателя Совнаркома СССР Микояну с ходатайством выделить одеяла для эвакуируемых из г. Ленинграда детей.

...В Чувашию прибывают 700 детей из Ленинграда. Нигде не можем находить одеяла. Прошу разрешить из имеющегося госрезерва 700 одеял» [5, л. 20].

Во второй телеграмме А.И. Микояну, поступившей 25 октября 1943 г., содержится ходатайство о выделении мануфактуры для пошива одежды эвакуированному в республику населению.

«Юные ленинградцы, прибывшие в период самой страды сельской жизни, сразу влились в коллектив тружеников колхоза – помогали им, собирали урожай до колоска. Собирали грибы, орехи, щавель, крапиву, готовили дрова для детского дома. Сушили сухари, вязали варежки, носки. Вместе со взрослыми они готовили посылки на фронт» [23, с. 27].

Воспитанница детского дома Л.И. Дороненко, эвакуированная в Чувашию из Ленинграда, вспоминала: «В Ишакском детдоме на уроки мы приходили все вместе, и эвакуированные, и местные. А учительница – одна. Полкласса русские, другая половина – чуваши. Учительница на всех уроках сначала на одном языке говорит, потом на другом. На уроках никто никому не мешал. Мы были взрослыми детьми и понимали, что война, что все надо делать серьезно. Бывало, услышим новое чувашское слово, потом расспрашиваем, что оно означает. Так русские дети учили новый язык. Не из-под палки – с желанием. Интересно ведь было. А чувашские ребятишки, общаясь с нами, приезжими, лучше осваивали русский язык» [12].

38 воспитанников школьного возраста Ишакского детского дома обучались в четырех русских классах. Уроки в школе проводились сразу для двух групп учащихся.

Учительница поочередно объясняла предмет каждой группе на русском и чувашском языках. Местные ребята учились русскому языку, а ленинградцы – чувашскому. Проводились занятия по развитию речи, ознакомление с природой, один раз в месяц проводился показ самодеятельности в колхозном клубе [6, л. 94].

Работниками Ишакского детского дома, учителями и воспитателями Ишакской средней школы в годы войны трудились В.И. Андреев, М.С. Волков, Г.И. Щербович, С.И. Мясникова, О.А. Калинина, С.Ф. Смирнова, К.В. Скворцова, Е.И. Шухгардт, В.Е. Сорокин, А.Ф. Арбатова (воспитанница Симбирской чувашской учительской школы).

Из докладной записки отдела СНК ЧАССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения о состоянии Ишакского детского дома Ишлейского района от 14 декабря 1943 г. известно, что: «В Ишакском детском доме размещено 110 детей школьного и дошкольного возраста. Дошкольного (от 3 до 8 лет) – 67 человек и школьного (от 8 до 15 лет) – 43 человека. Одну четырехлетнюю девочку Морозову местная колхозница взяла на воспитание. Дети размещены в двух зданиях. Помещения по-настоящему к зиме не утеплены. Дети школьного возраста ходят одетые, как на улице.

Для детского дома заготовлено 210 куб. м дров и выделено 50 т торфа. Для подвоза топлива прикреплены колхозы Ишакского сельсовета» [6, л. 36].

В акте обследования Ишакского детского дома от 18–22 мая 1944 г. указывалось: «...Питание. Принимают горячую пищу три раза в день. Меню на 21 мая: завтрак – каша, хлеб с маслом, чай. Обед из двух блюд – хлеб 100 г, суп картофельный с мясом и гороховое пюре. Ужин из двух блюд – суп и яичница, хлеб.

... Детдом имеет 4,5 га земли. Площадь засеивается: крупяно-бобовыми – 1 га, картофелем – 0,5 га, капустой и разными овощами – 0,5 га, кормово-фуражными культурами – 2,5 га. Из животных имеется лошадь по кличке Ванька, три поросенка и одна свиноматка. Между детдомом и правлением колхоза "Верный путь" заключен договор о взаимной помощи. В детском доме была своя баня, прачечная, каждую неделю няни мыли младших. Мыло варили сами, потому что в продаже не было. Была своя библиотека. Территория детского дома была чистая, утопала в цветах. На участках работали сами дети, все делали своими руками» [23, с. 24–26]. Труженики колхоза «Трактор» Чебоксарского района взяли обязательство: «...Мы берем шефство над эвакуированным детским садом. Ежедневно мы будем выделять для нужд детсада по 30 л молока, 60 штук яиц. Каждый колхозный двор обязался вырастить по 1 курице для детсада. Кроме того, мы обеспечим детсад овощами и картофелем, а также дровами» [8].

Подробные воспоминания об Ишаковском детском доме оставил его и директор Василий Ефремович Сорокин (1922–1997): «Меня демобилизовали в марте 1944 г. Будучи инвалидом, на третий день пошел работать директором детского дома. Блокадные дети – их было 110 – стали называть меня "отцом".

После войны, в 1946 г., был клич: "Ленинград собирает своих детей!" У кого нашлись родные, родители, тех забирали. Я и сам по двое, по трое детей отвозил в Ленинград. В Ишакском детском доме остались 78 осиротевших детей. Детский дом функционировал до 1948 года, после чего был переведен в Калининский детский дом Минпроса ЧАССР в августе 1948 года. Я проработал в Ишакском детдоме 4,5 лет» [23, с. 41].

К концу войны, в связи с освобождением оккупированных фашистами западных регионов страны, большая часть учителей и ученых были реэвакуированы в прежние места жительства и работы.

Таким образом, эвакуированные в Чувашскую АССР учителя и ученые-педагоги в годы Великой Отечественной войны внесли значительный вклад в развитие системы школьного образования республики. Их добросовестная работа позволила восполнить недокомплект учительских кадров в школах республики вследствие мобилизации местных учителей на фронт. Благодаря совместным усилиям учителей и партийно-советских органов Чувашии удалось сохранить жизни и здоровье эвакуированных детей, а учебно-воспитательный процесс в школах был организован на должном уровне. Основную массу учителей готовил Чувашский педагогический институт. В 1942–1945 гг. институт подготовил 436 учителей истории, русского языка и литературы, физики и математики, естествознания и географии для школ республики. В 1945 г. в нем обучалось 525 студентов. Вуз с 4-годичным сроком обучения готовил учительские кадры на 4 факультетах. На 14 кафедрах работали 53 преподавателя [15]. 25 октября 1944 г. было принято постановление СНК Чувашской АССР о возвращении учебных зданий и общежитий пединститута, не занятых под производственные цели и госпитали, к 1 января 1945 г. для использования по прямому назначению [9, л. 8].

Интеграция эвакуированных профессоров и доцентов из других высших учебных заведений в преподавательский состав Чувашского педагогического института способствовала существенному росту его академического рейтинга, открыло новые перспективы для обмена знаниями и передовым опытом ведущих отечественных ученых.

В суровые годы войны жители Чувашии продемонстрировали несгибаемую выдержку и глубокую взаимопомощь, с честью приняв и поддержав эвакуированное население. Совместное преодоление жилищно-бытовых, культурно-образовательных трудностей стало поистине героическим примером сплоченности и человечности. А единство фронта и тыла, крепкая дружба народов СССР стали важным источником Победы над фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. Атланты света и добра (Воспоминания выпускников и работников Чувашского государственного госпедуниверситета) / под ред. В.С. Григорьева. Чебоксары: Чуваш. госпедуниверситет, 2002. 325 с.

2. В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 208 с.

3. Государственный архив современной истории. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 665.

4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1270. Оп. 1.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 13. Д. 5.

6. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 822.

7. ГИА ЧР. Ф. Р-1335. Оп. 1. Д. 545.

8. *Ертмакова Г.В.* От войны спаслись в Чувашии // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в ВОВ: материалы научно-практической конференции. Чебоксары, 2010. URL: https://lost-childhood.com/ertmakova-ot-vojny-spaslis-v-chuvashii/ (дата обращения: 12.05.2020).

9. *Ефимов Л.А.* Подготовка учительских кадров в Чувашском государственном педагогическом институте в годы Великой Отечественной войны // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память народа». Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 70–77.

10. *Ефимов Л.А.* Сплоченная работа эвакуированного и местного населения Чувашии в тылу как источник победы над фашистской Германией // Исторический поиск. 2020. Т. 1. № 3. С. 22–29.

11. *Захаров Д.А.* Размещение эвакуированного населения на территории Чувашской АССР в 1941 г.) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 23 апреля 2010 г.). Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 211–212.

12. *Иванский В.Н.* Нева и Волга в войне и судьбе // АиФ-Чувашия. 2007. 23 июля.

13. Книга приказов Чувашского государственного педагогического института за 1941 год // Текущий архив ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

14. Красная Чувашия. 1944. 18 ноября.

15. Красная Чувашия. 1945. 12 июня.

16. *Михайлов М.П.* Комсомол Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1972. 88 с.

17. Первенец высшего образования Чувашской Республики. 70 лет в датах, событиях, фактах и цифрах (Посвящается 70-летию Чувашского педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Чебоксары: Чувашия, 2000. 200 с.

18. Повседневная жизнь населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / Министерство культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; Государственный исторический архив Чувашской Республики; сост.: И.И. Бойко (отв. сост.), Н.Ю. Толстова, А.Ю. Гусарова, Л.И. Васильева и др. Чебоксары: Новое Время, 2025. 468 с.

19. Под грифом «Секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 556 с.

20. Прием и размещение эвакуированных предприятий в Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела: офиц. сайт. URL: http://culture.cap.ru/news/ 2013/05/10/priem-i-razmeschenie-evakuirovannih-predpriyatij-v (дата обращения: 12.05.2020).

21. *Сергеев Т.С., Ефимов Л.А.* Возрожденный исторический (к 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева). Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. 398 с.

22. *Сергеев Т.С., Ефимов Л.А.* Образовательные учреждения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: конспект лекций. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2000. 59 с.

23. *Соловьева Г.С.* Дети войны: материалы воспитанников Ишакского детского дома, эвакуированных ленинградских детей в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: НИИ этнопедагогики и психологии, 2015. 136 с.

24. *Толстова Н.Ю.* Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2023. 23 с.

25. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003 (дата обращения: 09.05.2026).

26. Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1: А–Е. 590 с.: ил.

27. Эвакуированные дети в Чувашии // Управление по делам архивов: офиц. сайт. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=1&id=96853 (дата обращения: 09.05.2026).

УДК 93/94 + 355.244.211

Е.А. Евдокимова

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В СИБИРЬ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО-ЗЫРЯНСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА

Аннотация. Статья посвящена вопросу эвакуации ленинградских детей в Сибирь в годы Великой Отечественной войны. В статье анализируются исторические факты формирования Ленинградского-Зырянского детского дома № 1: сопровождение детей до места назначения, образовательные учреждения, принявшие детей, судьбы эвакуированных детей и сотрудников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокадный Ленинград, эвакуация детей, Сибирь, Ленинградский-Зырянский детский дом.

E.A. Evdokimova

EVACUATION OF CHILDREN FROM BESIEGED LENINGRAD TO SIBERIA: PAGES OF HISTORY OF THE LENINGRAD-ZYRYANSKY CHILDRENS HOME

Abstract. This article is dedicated to the issue of the evacuation of Leningrad children to Siberia during the Great Patriotic War. The article analyzes the historical facts surrounding the formation of the Leningrad-Zyryansky Childrens Home No. 1: the transferring of children to their destination, the educational institutions that accepted them, and the fates of the evacuated children and staff.

Keywords: the Great Patriotic War, blockaded Leningrad, evacuation of children, Siberia, Leningrad-Zyryansky Childrens Home.

Эвакуация детей из блокадного Ленинграда – одно из самых впечатляющих явлений Великой Отечественной войны. Мероприятие подобного рода требовало согласованности действий всех структур, институтов и т. д., призванных решить главную задачу – сохранение жизни маленьких граждан нашей страны. Однако в условиях неразберихи военного времени многие механизмы эвакуации были не отрегулированы: дети не всегда отправлялись с детскими эшелонами, как того требовала инструкция НКПС от августа 1941 г., а вместе с ранеными и беженцами; не была скоординирована деятельность фронтовых, промежуточных эвакопунктов с учреждениями, принимающими детей в тылу; отсутствие выверенных списков (составлялись вручную, нередко терялись в дороге), также присутствовали самоуправство и неформальные инициативы и т. д.

На основе анализа имеющихся архивных материалов выделяют несколько этапов эвакуации детей из блокадного Ленинграда [4]:

1 этап (июнь-август 1941 г.) – эвакуация детей в летние лагеря и санатории Ленинградской области, в Карелию, Ярославскую и Вологодскую области. На данном этапе эвакуация в основном проводилась образовательными учреждениями (школами, детскими садами и т. д.), в связи с чем списки формировались по учебным заведениям, однако и здесь не было гарантированного учета;

2 этап (сентябрь-ноябрь 1941 г.) – один из самых сложных этапов, так как проходил через Ладожское озеро. Для этого периода характерна массовая гибель детей,

так как началась блокада Ленинграда, в результате чего ухудшились условия эвакуации (авианалеты, приводящие к бомбардировке транспортных средств);

3 этап (декабрь 1941 – апрель 1942 г.) – эвакуация по «Дороге жизни» шла через Ладожское озеро. Эвакуируемые дети были ослаблены, большая часть из них была очень истощена, многим требовалась срочная госпитализация сразу после пересечения Ладоги;

4 этап (май 1942 – 1944 г.) – началась более организованная эвакуация, особенно после частичного прорыва блокады. Нас интересует именно этот этап эвакуации, характеризующийся массовой отправкой детей в Сибирь. Очень ярко говорит об этом Варвара Вольтман-Спасская: «Мы детишек поспешно вывозим, / Метим каждый детский носочек, / И клокочет в груди паровоза / Наша боль – дети едут не в Сочи... // На восток уходят составы, / Чтоб спасти ленинградских детишек. // Возвращаются мамы устало, / Скорбный шепот шуршанья тише» [7, с. 14].

Осенью 1942 г. Новосибирская область приняла маленьких жителей блокадного города, осиротевших и уже познавших все ужасы и тяготы войны. Детей распределили по разным районам, в том числе и на томскую землю (г. Томск, Нарымский округ, Асиновский и Зырянский районы): дети до 3 лет (ясли № 237, 162, 209, г. Ленинград) – Дом ребенка, г. Томск, Каргосокский район, пос. Вертикос (Ленинградский детский дом № 82), пос. Усть-Чижапка (Ленинградский детский сад № 49), пос. Ново-Югино (Ленинградский детский дом № 45), Чаинский район, пос. Тоинка (Ленинградский детский дом № 4), Зырянский район – Ленинградский детский дом № 1 [6]. Также эвакуированных детей приняли детский дом в с. Ягодное (Асиновский район), Парабельский и Новиковский детские дома (Парабельский район), Тогурский детский дом (Колпашевский район), Бакчарский район (Бакчарский район). Прибывшие неполные семьи с детьми также расселяли по районам: Асиновский район – 1090 чел., Туганский район – 616 чел., Зырянский, Первомайский, Пышкино-Троицкий районы – 909 чел.

Обратимся к некоторым страницам из истории Ленинградского-Зырянского детского дома. Их встретила сибирская земля – Новосибирская область (с 1944 г. – Зырянский район в Томской области), станция Асино, с. Зырянское (с. Зырянка). По данным единой информационной базы данных на жителей Ленинграда, эвакуированных из города в годы блокады (проект Архивного комитета Санкт-Петербурга «Блокада Ленинграда. Эвакуация» [1]), 28 июня, 3–9 сентября 1942 г. было эвакуировано 202 чел.

9 сентября 1942 г. были эвакуированы 50 детей и 6 преподавателей из детского дома № 5 Октябрьского района г. Ленинграда. Перебирая карточки эвакуированных детей, видим, что их большая часть – сироты: у кого-то родители умерли или погибли под бомбежками, у кого-то сражались на фронте, кого-то нашли на улице и т. д. У некоторых детей были указаны домашние адреса. Самому младшему было 3 года, а самому старшему – 12 лет. Многие дети, кроме своего имени, ничего больше не знали, потому что их подбирали в бомбоубежищах, не у всех детей были документы. Детей из одной семьи старались не разлучать, однако известны случаи, когда по прошествии какого-то времени дети теряли друг друга. Позже один из воспитанников Ленинградского-Зырянского детского дома № 1, Валерий Шумилин, напишет следующие строки: «Ах, если б можно жизнь начать сначала / И никогда о том не вспоминать, / Как нас в бомбежку Ладога качала, / Как мы спаслись — рассудком не познать. // Друг к другу молча в ужасе прижались, / Когда навстречу ринулись беде: / Суда с детьми в пучину погружались, / А куклы... куклы плыли по воде!.. // ...Шел состав в Сибирь. В теплушках — дети, / на ногах стоявшие с трудом... // Но не на ребят, похожих внешне, / а на изможденных стариков. / До костей в блокаду истощавших, /

(кое-кто ходил пешком под стол), / вместо диких воплей источавших / под обстрелом тихий-тихий стон...» [2, с. 11].

Из воспоминаний Евгении Андреевны Мамонтовой, воспитателя, сопровождавшего детей: «25 сентября 1942-го года эшелон прибыл в Новосибирск. К нашему детскому дому добавили еще 100 детей. На барже плыли по Чулыму. 3 октября 1942-го года прибыли в село Зырянское» [2, с. 12]. Детей встретили тепло. Их было 121: 62 девочки и 59 мальчиков.

Надо заметить, что Е.А. Мамонтова сумела спасти и довезти всех доверенных ей детей живыми. Дети очень любили Евгению Андреевну, которая заменила им матерей. Валерий Шумилин, хорошо знавший ее, напишет в 2007 г.: «Евгения Андреевна, Вы помните, как под огнем по Ладоге прошли? // В блокаду это было высшим подвигом / Что Вы детей спасли. // Над эшелоном – в воздухе сражение, / Но победил фашиста русский “ас”. / Родителей лишавшись, “мамой Женей” / Питомцы называли Вас. [5] // ...Мама Женя слезно нас просила: // “Деточки скорее под вагон!” / Бомбы разрывались рядом мимо, / Взрывы наяву, а не в кино. // От пожара копоти и дыма / Свет померк / В глазах темным-темно...»

Ил. 1. Евгения Андреевна Мамонтова – первый директор Ленинградского-Зырянского детского дома № 1

Прибывшие в Зырянский район ленинградские дети также были размещены и в Чердатском детском доме на базе школы-семилетки, строительство которой остановилось с началом Великой Отечественной войны. Еще в 1941 г. школа предоставила площади для размещения детей из фронтовой зоны. Чердатский детский дом окончательно сформировался в 1943 г.

Именно Е.А. Мамонтова, выпускница Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена (ил. 1), стала первым директором Ленинградского-Зырянского детского дома № 1.

В 1941 г., когда началась блокада, Евгения Андреевна училась на последнем курсе института (ил. 2) и работала воспитателем. Сдав в декабре в бомбоубежище государственные экзамены, она в феврале 1942 г. стала учителем физики, получив диплом о высшем образовании.

Из воспоминаний Евгении Андреевны: «13 октября я стала директором Зырянского (Ленинградского) детского дома. Мне было 23 года, я была самой молодой из воспитателей, единственная имела высшее образование» [2, с. 12].

По данным паспорта Ленинградского-Зырянского детского дома [3]: дата образования – 5 октября 1942 г. Расположение: ул. Ленина, 42. Здание было построено в 1936 г., рассчитано на 80 чел. При детском доме имелось подсобное хозяйство, завхозом которого был Герой Советского Союза Михаил Карпович Ефанов. Также в 12 км от детского дома имелся земельный участок – 25 га, 40 га луговой земли.

Из воспоминаний Е.А. Мамонтовой: «Летом в детском доме завели подсобное хозяйство: 10 коров, 7 лошадей. Для них взрослые заготавливали сено. На 5 гектарах сажали картофель, сеяли просо и гречиху. Воспитатели работали по 12 часов в группе с детьми, а на следующий день по 12 часов на подсобном хозяйстве. Без выходных».

Таким образом, подсобное хозяйство давало возможность быстро восстановить силы ослабленных за блокаду детей. Надо заметить, что сотрудники детского дома

сделали все возможное, чтобы никто из детей не болел инфекционными заболеваниями.

Дети из блокадного Ленинграда учились в Зырянской школе, увлекались художественной самодеятельностью, давали концерты для односельчан. Занимались спортом, особенно преуспевали в городках, легкой атлетике и другим видам спорта. Жили большой дружной семьей, вечерами любили, сидя все вместе в спальне, читать, а затем обсуждать прочитанное.

Ил. 2. Евгения Андреевна Мамонтова на практике

В паспорте Ленинградского-Зырянского детского дома № 1 [3] также указаны и другие сотрудники (кладовщики, конюхи, доярки и т. д.).

Е.А. Мамонтова руководила детским домом до октября 1945 г. Затем с частью детей она возвращается в Ленинград. К сожалению, по разным причинам не все дети смогли вернуться в родной город. Многие остались в Томской области, некоторые уехали в другие города. Мария Михайловна Васильева, воспитанница детского дома, спустя 30 лет скажет: «Мы всю свою жизнь помним и будем помнить всех тех, кто заменил нам матерей, отцов, бабушек и дедушек». Но Ленинград забыть она не может... У Маши Васильевой не осталось никого и ничего, она потеряла всех родных, и даже от дома в Ленинграде ничего не осталось, как и у многих других. Самые близкие и дорогие для нее – это бывшие воспитанники детского дома, с которыми было пережито суровое время войны. Всеволод Широков, Юрий и Нина Лесаковы, Люда Данилова, Нина Бардадинова, Нина Филатова, Нина и Анатолий Игнатьевы, Рая Дудченко, Коля Быстров и многие-многие другие. За каждым именем судьба, страшная, сложная, трудная. Война лишила ребят родных, близких, а время раскидало их по всей стране. Долгое время воспитанники детского дома № 1 встречались в Ленинграде (ил. 3) у Е.А. Мамонтовой, заменившей им самое дорогое – маму.

Из паспорта Ленинградского-Зырянского детского дома № 1 следует, что директорами были И.П. Детков (на 1948 г.), А.М. Мельников (на май 1950 г.), Е.Н. Комиссарова (на июль 1950 г.), заместителем директора – А.В. Калинов. Завучем была В.В. Бабкина (ил. 4). Именно ей В. Шумилин посвятил следующие строки: «Бабкина Вера Васильевна, / Вас не согнули года. // Чуткое сердце не старится / И не приемлет покой. // Первая наша наставница, / Шлю вам нижайший поклон. // Снова промозглою полночью / В думах брожу у Невы. // Детство военное вспомнится, / Школа зырянская, Вы. // Драною Петькиной шапкою / Гол забивает наш класс. // Вера Васильевна Бабкина, / Как Вам сегодня без нас?».

Воспитателями в это время были В.Г. Жуковская, К.Т. Агаркова, М.Ф. Быкова, Л.М. Веникова, О.Ф. Замятина, В.М. Лысанова, Е.Г. Жукова, Г.С. Михайлова, А.И. Пименова, врачом – О.А. Пушкарева, медсестрой – Ф.М. Кафтонова.

Также директорами детского дома в разные годы были В.В. Тимофеева (на сентябрь 1953 г.), М.К. Мазалова (на сентябрь 1954 г.), Л.С. Попова (на октябрь 1957 г.), М.К. Мазалова (на июль 1959 г.), Е.Е. Фефелова (с 1961 г.), М.В. Межова (на 1962–1963 гг.).

Ил. 3. Встреча воспитанников Ленинградского-Зырянского детского дома № 1 на мемориале «Разорванное кольцо» (Юра Лисаков, Нина Лисакова, Коля Быстров, Лида Вавилова, Галя Иовлева, Лиля Сергеева, Света Никифорова)

Необходимо заметить, что в конце 1953 г. некоторых детей забрали родственники, однако основная часть ленинградских детей была переведена в детский дом № 9 г. Томска. 50 воспитанников вернулись в Ленинград. Таким образом, Ленинградский-Зырянский детский дом был расформирован.

По решению исполнительного комитета Зырянского районного Совета депутатов трудящихся Томской области от 2 ноября 1953 г. Зырянский детский дом (44 ребенка) объединили, т. е. перевели в Чердатский детский дом (82 ребенка).

В 1954 г. детский дом в с. Зырянское, куда были переведены воспитанники дошкольного возраста из с. Березовки, стал называться Зырянским дошкольным детским домом № 1.

В 1963 г. приказом директора от 5 февраля 1963 г. № 15 Зырянский дошкольный детский дом № 1 был закрыт.

В настоящее время проводится исследовательская работа по восстановлению неизвестных страниц деятельности Ленинградского-Зырянского детского дома № 1 по установлению судеб эвакуированных детей, а также сотрудников, сохранивших жизнь маленьким ленинградцам. Юрий Лесаков, бывший воспитанник Ленинградского-Зырянского детского дома № 1, посвятил свое стихотворение селу Зырянскому: «Село Зырянское, родное / Перебирает память даты, / Тот трудный путь, что мы прошли. // Сибиряки, вы нас когда-то / От верной гибели спасли. // ...Мы помним: осенью тревожной / Нас эшелон доставил к вам. // А мы и с места встать не в силах / И немощны, как старики, / И на руках нас выносили / В слезах мои сибиряки. //...Сибирь в ребят из Ленинграда / Вдохнула все свое тепло. // В Зырянке наше детство крепло, // И мы

Ил. 4. Вера Васильевна Бабкина, завуч Ленинградского-Зырянского дома. Учитель математики

мужали и росли. // И с той поры всегда со мною / И, как маяк, в моем пути // Село Зырянское, родное, / Родней тебя мне не найти. //...Нам не забыть вовек Зырянку, // Так вспоминайте нас и вы».

Литература и источники

1. Блокада Ленинграда. Эвакуация. Поиск эвакуированных граждан. URL: https://evacuation.spbarchives.ru/?ysclid=mp9mt75lgb673939985 (дата обращения: 01.04.2026).

2. *Долдин Н.* Сирота Сибири. Томск: Ветер, 2015. 584 с.

3. Зырянский дошкольный детский дом № 1 Томского областного отдела народного образования с. Зырянское Зырянского района Томской области 05.10.1942-05.02.1963. URL: https://notarc.org/ru/448649?ysclid=mnne75krys112933450 (дата обращения: 13.04.2026).

4. *Кубин Ф.* Эвакуация детей из блокадного Ленинграда. URL: https://proza.ru/2025/05/11/955?ysclid=mlb5xohtsf978189308 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Мамонтова Евгения Андреевна. URL: https://manegepobeda.ru/tpost/z0piu8yyu1-mamontova-evgeniya-andreevna?ysclid=mmrx495xii814561282 (дата обращения: 12.04.2026).

6. *Приль Л.Н.* Сибирь, ты нас растила! URL: https://cdnito.tomsk.ru/2023/01/27 (дата обращения: 12.04.2026).

7. Ты выстоял, ты выжил, Ленинград!: сборник стихов о блокаде Ленинграда, использованных в рамках Городского поэтического микрофона «Блокадной вечности страницы» / Библиотечно-информационный центр Кушвинского городского округа № 1; сост. Л.П. Николенко. Кушва: Гор. б-ка № 1, 2024. 41 с.: ил.

УДК 94(47)”1941/1945”:325.254.1 (093.3)

А.И. Уперовец

ТРАГЕДИЯ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СУДЬБАХ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье показана обстановка в Брестской крепости и в г. Бресте в июне 1941 г., единичные попытки эвакуации семей с началом войны. Судьбы людей, в одночасье ставших беженцами, раскрыты через испытания, пережитые на дорогах войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Брест, эвакуация семей, беженцы, воспоминания.

A.I. Uperovets

THE TRAGEDY OF THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE FATES OF THE CIVILIANS

Abstract. The article describes the situation in the Brest Fortress and in Brest in June 1941 and the attempts to evacuate families at the beginning of the war.The fates of people who suddenly became refugees are revealed through the trials they experienced on the roads of war.

Keywords: the Great Patriotic War, Brest, evacuation of families, refugees, memories.

С сентября 1939 г. в Брестской крепости размещались части 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии Западного Особого военного округа (ЗапОВО). Вместе с личным составом гарнизона сюда прибыли и семьи командиров.

Согласно заявке на эвакуацию членов семей начсостава и их имущества на 1 июня 1941 г. в крепости проживало 270–300 семей (600–700 чел.). На вывоз гражданского населения и вывод из крепости подразделений «потребовалось бы не менее 1–1,5 дней» [3, с. 17].

«В Бресте тогда было очень тревожно. Каждый день над крепостью летали немецкие самолеты... Выходить из крепости мне не разрешали, и дали пропуск на выход в день моего отъезда» [1], – вспоминала Мария Васильевна Ковалева, жена младшего сержанта, командира бронемашины автоброневроты 75-го отдельного разведывательного батальона Николая Семеновича Кречикова. Она приезжала с двухлетним сыном к мужу в крепость из Смоленска на несколько дней. 20 июня 1941 г. вечером на вокзале в Бресте они виделись в последний раз. М.В. Ковалева всю войну работала санитаркой в госпитале. Н.С. Кречиков погиб в июне 1941 г.

По воспоминаниям начальника штаба 4-й армии ЗапОВО, полковника Л.М. Сандалова, в середине июня 1941 г. начальник политотдела 6-й стрелковой дивизии полковой комиссар Г.С. Пименов в донесении на имя начальника политуправления ЗапОВО указывал, что по данным Брестского погранотряда скоро ожидается нападение немцев. В связи с этим семьи необходимо отправить вглубь страны. За это был назван «паникером, призывающим к провокационным действиям на границе» [4, с. 58].

О том, что война не за горами, говорил и майор Петр Михайлович Гаврилов, командир 44-го стрелкового полка. Его обвинили в том, что он «сеет тревожные

настроения среди своих подчиненных» [5, с. 167]. Рассмотрение дела было назначено на 27 июня 1941 г.

Существовал запрет на вывоз семей, проживавших в крепости, за нарушение которого следовало наказание вплоть до исключения из партии. Однако некоторым военнослужащим удалось отправить родных из города до начала войны.

21 июня за час до полуночи Сергей Сергеевич Ермолаев, военврач 2-го ранга, начальник санитарно-эпидемиологической лаборатории 4-й армии, привез свою семью, жену и дочку, на вокзал к поезду, который отправлялся в Москву. «Я уехала из Бреста за 3–4 часа до боя» [7], – вспоминала Мария Федоровна Ермолаева. Из вещей с собой был лишь маленький чемоданчик с детским бельем и немного продуктов в дорогу. Сначала жили у родственников в Москве. Потом перебрались в Ясную Поляну (Тульская область). В августе 1941 г. М.Ф. Ермолаева поступила на работу в эвакогоспиталь № 2977. В октябре 1941 г. с дочкой эвакуировались вместе с госпиталем за г. Куйбышев (ныне г. Самара). После освобождения Ясной Поляны Мария Федоровна работала бухгалтером в Музее-усадьбе Л.Н. Толстого.

Муж М.Ф. Ермолаевой – С.С. Ермолаев был пленен в ходе боев в Брестской крепости. Умер в 1944 г. в шталаге I F в Сувалках (Польша).

На рассвете 22 июня 1941 г. части вермахта пересекли западную границу СССР. Началась Великая Отечественная война. Боевая тревога была объявлена уже после внезапного нападения противника. Части Брестского гарнизона несли значительные потери в личном составе и материальной части. В связи с этим эвакуировать гражданское население не представлялось возможным. «Подавляющая часть семей начсостава осталась в городе Бресте и в крепости» [2, с. 40].

Таким образом, говорить о плановой эвакуации из Брестской крепости и г. Бреста и в начале Великой Отечественной войны невозможно. Несмотря на сложное положение, единичные попытки вывезти семьи из города и его окрестностей все-таки были предприняты.

Старший политрук, Брестский районный военный комиссар, участник обороны Брестского областного военкомата Самуил Львович Ушеров в воспоминаниях писал: «В кузов (грузовой машины. – *А.У.*) посадили восемнадцать женщин и детей, погрузили документы. Старшим назначили адъютанта облвоенкома — младшего лейтенанта Олейника. Все семьи, находившиеся с нами, он должен был несколькими рейсами вывезти в район Кобрина и укрыть в лесу. Машина ушла, но назад не вернулась» [6, с. 84]. Транспорт попал под обстрел немецких самолетов. Были погибшие, раненые, в том числе Олейник. Однако семьи добрались до Березы-Картузской (ныне г. Береза Брестской области).

Оставшиеся семьи в ожидании второго рейса находились в подвале, потом было принято решение отправить их по домам. Александр Васильевич Лещев, техник-интендант 1-го ранга, вспоминал: «Мне было приказано вывести со двора жен и детей и направить их по домам. Я тут же побежал в подвал и объявил об этом всем... Простился с семьей и сам вернулся, доложил облвоенкому Стафееву, что семьи все ушли» [8]. Жена и сын А.В. Лещева были расстреляны в 1942 г. Сам А.В. Лещев участвовал в обороне облвоенкомата, а позже – в партизанском движении. После войны жил в г. Бресте.

Семья майора Бориса Степановича Губанова, командира 131-го артиллерийского полка, эвакуировалась из г. Кобрина (Брестская область), где встретила войну. Его дочь, Лидия Борисовна, вспоминала: «Мама успела посадить старшую сестру (Анну. – *А.У.*) и передать ей на руки двухлетнюю младшую сестренку (Людмилу. – *А.У.*). Нам места

не осталось» [12]. Так семья разлучилась. Лида вместе с мамой отправилась следом пешком, не раз подвергалась обстрелу и бомбежке. Однажды уснула во ржи и едва не потерялась. В Барановичах их устроили в эшелон, идущий на восток.

Машину, в которой ехали сестры Лидии Борисовны, разбило в одной из бомбежек. Девочки, к счастью, остались живы и дальше шли пешком. Им удалось добраться до Москвы, где жили родственники, которые переправили девочек к маме в г. Бугуруслан (ныне Оренбургская область), и семья воссоединилась. Отец писал им письма, но недолго. Пропал без вести осенью 1941 г.

Елизавета Павловна Сандалова, жена начальника штаба 4-й армии ЗапОВО полковника Леонида Михайловича Сандалова, с маленькой дочкой прошла по дорогам войны от Кобрина до Гомеля, где их посадили в поезд. «...Шли толпой женщины с детьми, старики. Вначале кое-кто нес в руках вещицы, чемоданы. Но чем дольше, тем больше их валялось на обочинах дороги и никому они не были нужны... Фашисты летали низко-низко над нами, видели, что все в цветном – женщины и дети, и строчили из пулемета. Мы бросались в кювет, в рожь, подминая под себя детей. Точно если убьют мать, останется дитя» [9], – писала Елизавета Павловна в своих воспоминаниях. Они жили у родственников в г. Ефремове (Тульская область). Здесь их нашел Л.М. Сандалов и отправил в г. Новосибирск. Елизавета Павловна смогла встретиться с мужем только в декабре 1943 г.

22 июня 1941 г. семья лейтенанта Сергея Дмитриевича Передельского, не взяв с собой вещей и продуктов, отправилась вместе с другими беженцами вглубь страны. 1 июля дошли до Минска, а потом в эшелоне шесть суток ехали до г. Сердобска Пензенской области. «...Вся была грязная, переодеться было не во что, Галочка осталась в одном платье, Идочка в распашонке, ни одной пеленки, ни копейки денег» [11], – писала Капитолина Михайловна Передельская в письмах к мужу в конце войны. В 1942 г. уехали в Свердловскую область, проживали в г. Верхняя Тура до 1944 г., после чего смогли вернуться на родину в г. Карачев (Брянская область).

С.Д. Передельский в ходе боев в районе г. Бреста получил тяжелое ранение и попал в плен, потеряв связь с женой и дочерями. 9 апреля 1945 г. совершил побег из лагеря Бухенвальд. В 1945 г. продолжил службу в одной из воинских частей на территории Австрии.

О семье: жене, сестре и двух дочерях ничего не знал, кроме того, что «23 июня 1941 г., на второй день войны, часть жен комсостава уехала на автомашинах по направлению Волковыска (ныне Гродненская область. – *А.У.*) <...> эта машина подверглась жестокой бомбежке» [10]. Сергей Дмитриевич начал вести активный поиск семьи: писал письма родным в г. Карачев, делал запросы и получил ответ. Семья осталась жива! Жена и дети встретились с мужем и отцом в 1946 г.

Трагедия начального периода Великой Отечественной войны в том, что обстановка на западной границе СССР, внезапное нападение противника, значительные потери в личном составе и материальной части в начале боевых действий сделали плановую эвакуацию гражданского населения невозможной, превратили процесс вывоза семей из г. Бреста и его окрестностей в стихийное действие.

Судьбы жителей приграничных районов страны (женщин и детей), которые в одночасье превратились в беженцев, оставив на границе мирную жизнь, в дальнейшем сложились по-разному.

Литература и источники

1. Архив научно-экспозиционного отдела ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 75 орб. Д. 43. Л. 7–8.

2. Боевое донесение командира 28-го стрелкового корпуса генерал-майора Попова командующему 4 армии генерал-майору Коробкову от 08.07.1941 г. «Боевые действия частей корпуса с 22/VI 1941 г. по 1/VII 1941 г.» // В памяти и в сердце: сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости и о войне / Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»; редкол.: А.А. Коркотадзе [и др.]. Брест: Полиграфика, 2025. С. 39–41.

3. *Крупенников А.А.* Предисловие // Героическая оборона. Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне – июле 1941 г. Минск: Гос. изд-во БССР, 1961. С. 5–43.

4. *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. Москва: Воениздат, 1989. 224 с.

5. *Смирнов С.С.* Брестская крепость. Москва: Молодая гвардия, 1965. 496 с.

6. *Ушеров С.Л.* Военкомат держит оборону // Буг в огне. Минск: Беларусь, 1970. С. 82–86.

7. Фонды ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (Фонды ГУ «МК «БКГ»). Оп. Госпиталь. Д. 38. НВ11071.

8. Фонды ГУ «МК «БКГ». Оп. ОВК. Д. 8. КП 12748. Д. 5592.

9. Фонды ГУ «МК «БКГ». Оп. Управление 4 армии. Д. 1. НВ31177.

10. Фонды ГУ «МК «БКГ». Оп. 62 УР. Д. 120. КП 24468. Д. 11493.

11. Фонды ГУ «МК «БКГ». Оп. 62 УР. Д. 120. КП 24474. Д. 11499.

12. Фонды ГУ «МК «БКГ». Оп. 131 ап. Д. 63. КП 26240. Д. 11847.

УДК 94(470.344)-055.2”1941/1945”

А.В. Карташов

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ МОРДОВСКОЙ АССР В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ РАЗМЕЩЕНИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье рассмотрены архивные документы, раскрывающие сведения по приему и размещению эвакуированного населения из прифронтовой полосы. В архивных документах отражены организационные мероприятия партийных и советских органов власти по социальной адаптации эвакуированного населения на примере Мордовской АССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, архивные источники, адаптация эвакуированного населения, партийные и советские органы власти.

A.V. Kartashov

THE ROLE OF PARTY AND SOVIET AUTHORITIES OF THE MORDOVIAN ASSR IN RESOLVING THE PROBLEMS OF ACCOMMODATION, SOCIAL ADAPTATION, AND WORK OF THE EVACUATED POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article examines archival documents revealing information on the reception and accommodation of the evacuated population from the frontline areas. The archival documents reflect the organizational measures of party and soviet authorities to facilitate the social adaptation of the evacuated population, using the Mordovian ASSR as an example.

Keywords: the Great Patriotic War, archival sources, adaptation of the evacuated population, party and soviet authorities.

Требования военного времени диктовали необходимость перехода народного хозяйства страны на военный лад. Мобилизационные мероприятия, проводимые в стране, проходили при крайне неблагоприятных условиях. Враг оккупировал обширную территорию СССР, где до войны проживала значительная часть населения, производилась сельскохозяйственная и промышленная продукция. Перед страной стала задача максимально быстро обеспечить работу эвакуированных предприятий, принять и благоустроить эвакуированное население. Огромное значение в этих условиях приобретала четкая и слаженная работа партийных и советских органов власти тыловых районов нашей страны, в том числе и Мордовии.

Во многом данная работа стала сферой ответственности Василия Павловича Петушкова – первого секретаря Мордовского обкома ВКП(б) с 1939 по 1945 г., Ивана Максимовича Кшнякина – заместителя Председателя Совета народных комиссаров МАССР с апреля 1941 по декабрь 1943 г., военного комиссара МАССР – И.А. Староватых, Председателя Совета народных комиссаров МАССР – В.В. Верендякина, заместителя Председателя Совета народных комиссаров МАССР – П. Сачина [3].

Архивные документы показывают высокую оперативность работы партийных и советских органов власти. Так, уже 1 июля 1941 г. на заседании Совнаркома Мордовской АССР был рассмотрен вопрос «О приеме и размещении эвакуированного на-

селения прифронтовой полосы». В принятом документе определялись районы для размещения эвакуированного населения и порядок его трудоустройства. Саранск как пункт для эвакуации населения не упоминается. Это объясняется тем, что Саранск был определен для приема и развертывания эвакуированных промышленных предприятий, так как обладал более развитой инфраструктурой [4, л. 11–12].

Поезда с эвакуированными начали прибывать в Мордовскую АССР в июле 1941 г. Специально созданные комиссии из работников районных и городских Советов организовывали прием эвакуированных. Комиссии в своей работе руководствовались постановлением СНК СССР № 1874 от 16 июля 1941 г. «О питании эвакуированного населения из прифронтовой полосы». Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановлял: «Бесплатное питание эвакуированному населению из прифронтовой полосы предоставляется во время всего пути следования и 5–7 дней по прибытии на место расселения из расчета 6 рублей в сутки при 2-кратном питании» [5, л. 58].

Было принято постановление Совнаркома Мордовской АССР от 22 июля 1941 г. «О порядке размещения эвакуированного населения в Мордовской АССР», в котором подробно прописывались действия по приему населения: «Размещать эвакуированных в местах вселения в пустующие дома и в квартиры граждан в порядке уплотнения, при приеме на работу эвакуированных выдавать единовременное пособие в размере до 100 руб., выдачи пенсий инвалидам, организовать немедленный учет всех эвакуированных и бюро справок о их местонахождении» [2, с. 208–209].

Наибольший приток эвакуированного населения пришелся на первые полгода войны. Среди эвакуированных преобладали жители городов и областей СССР. В основном население прибывало из Москвы и Московской области (14 240 чел.), Ленинграда и Ленинградской области (7526 чел.), Мурманской (6337 чел.) и Смоленской (2264 чел.) областей. Мордовия приняла представителей почти всех союзных республик европейской части СССР. Так, к концу 1941 г. из Белорусской ССР – 9986 чел., Украинской ССР – 9069, Карело-Финской ССР – 3194, Литовской ССР – 2009, Латвийской ССР в республику прибыли 968 чел. [1, с. 216].

Значительной частью эвакуированного населения были представители еврейского, украинского, белорусского, латышского, эстонского, литовского и молдавского народов. Следует отметить, что среди эвакуированных встречались и представители мордовской национальности, находившиеся до войны на учебе, работе в оккупированных областях.

Партийные и советские органы Мордовии проявили заботу об эвакуированном населении. В течение второй половины 1941 г. в Мордовскую АССР прибыло около 60 тыс. чел. эвакуированных из западных регионов страны. Среди них было около 27 тыс. детей в возрасте до 15 лет. В 1941 г. из фронтовой и прифронтовой полосы в республику прибыло 3490 воспитанников детских домов и интернатов. По указанию Центрального Комитета партии и Советского правительства для размещения этих детей в республике было создано 26 детских домов и интернатов. Местная промышленность республики изготовила для них обувь, верхнюю одежду. В первые месяцы войны было усыновлено и взято на воспитание в семьи более 1300 детей [6, л. 490–490 об.]. Эвакуированные дети часто не имели документов. Предпринимались меры по поиску родителей, заводились личные карточки на детей, эвакуированных без родителей [7, л. 1].

Партийные и советские органы республики принимали меры к обеспечению бесперебойной работы промышленности. Одной из таких мер явилось привлечение на фабрики и заводы квалифицированной рабочей силы. С этой целью у эвакуированных граждан собиралась информация о месте их работы и квалификации [8, л. 83].

В августе 1941 г. на базе Саранской котонинной фабрики был создан завод № 583 «Механический». Основной продукцией завода стали взрыватели для снарядов, мин, ручных гранат. Из Ленинграда в Саранск в конце 1941 г. прибыл Всесоюзный институт электроизмерительных приборов. Сразу удалось наладить производство аккумуляторов и зарядных устройств для зарядки аккумуляторов танков, самолетов, бронемашин, артиллерийских установок и др.

Саранский консервный комбинат, приняв в свои ряды эвакуированных квалифицированных рабочих, сумел в короткий срок освоить новый ассортимент продукции.

Наиболее трудной задачей, вставшей перед партийными и советскими органами власти Мордовии, было обеспечение эвакуированного населения жильем. В соответствии с постановлением СНК СССР и СНК РСФСР Совет народных комиссаров Мордовской АССР принял постановление от 26 сентября 1941 г. «О строительстве жилых и коммунально-бытовых помещений для эвакуированного населения»:

1. Обязать исполкомы гор (рай)советов депутатов, трудящихся до 5/X 1941 г. отвести в черте городов и поселений участки под строительство упрощенного жилья для эвакуированного населения и коммунально-бытовых помещений.

2. Установить на IV квартал 1941 г. объем строительства упрощенного типа жилых и коммунально-бытовых помещений: общежитий, казарм, бараков, полуземлянок, столовых и бань по городу, согласно приложению № I [9, л. 25–26].

Госпитали Мордовии начали принимать эвакуированных раненых уже в августе 1941 г. Для обеспечения успешной работы эвакогоспиталей туда были направлены из системы здравоохранения наиболее опытные врачи, медицинские сестры. По решению Совнаркома СССР на территории республики было развернуто 14 госпиталей, пять из которых размещались в Саранске, а остальные в районных центрах [10, л. 1066–1067].

Война создала огромные трудности и намного осложнила работу партийных и советских органов власти, однако опыт войны показал, что предпринятые партийными и советскими органами власти действия по решению проблем размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны были своевременными, результативными и способствовали успешной реализации поставленных задач.

Литература и источники

1. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2005. Т. 1. 382 с.

2. Очерки истории Мордовской АССР. Т. II. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 543 с.

3. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 6169-П. Оп. 1. Д. 1664.

4. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 62.

5. ЦГА РМ. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 119.

6. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 895.

7. ЦГА РМ. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 137б.

8. ЦГА РМ. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 137а.

9. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 265.

10. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 73.

УДК 75.03(470.344)”1941/1945”

А.А. Малинина

ТВОРЧЕСТВО ЭВАКУИРОВАННЫХ В ЧУВАШИЮ ХУДОЖНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Великая Отечественная война вторглась в мирную жизнь, меняя человеческие судьбы, нарушая привычный уклад. Эвакуация населения с прифронтовых зон вглубь страны оказала влияние на разные сферы жизни. Художники, прибывшие в Чувашию из Москвы и Латвии, были устроены в Мариинско-Посадском, Ибресинском, Урмарском районах, в Алатыре и Чебоксарах. Наряду с чувашскими мастерами изобразительного искусства, они были призваны отражать в своих произведениях ряд ключевых аспектов, связанных с войной, патриотизмом, героизмом и мобилизацией духовных сил общества. В результате, чувашское искусство пополнилось работами живописи, графики, скульптуры. Их участие в выставках, организованных в годы войны, отвечало поставленным перед художниками задачам и нашло живой отклик у зрителей.

Ключевые слова: эвакуированные в Чувашию художники, живопись, портреты жителей Чувашии, скульптурный портрет, скульптурный рельеф, акварельные зарисовки.

A.A. Malinina

CREATIVITY OF ARTISTS EVACUATED TO CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The Great Patriotic War invaded peaceful life, changing peoples destinies and disrupting their usual way of life. The evacuation of people from the frontline areas to the interior of the country had an impact on various aspects of life. Artists who arrived in Chuvashiafrom Moscow and Latviawere settled in Mariinsky Posad, Ibrisinsky, Urmar, Alatyr, and Cheboksary districts. Along with the Chuvash masters of fine art, they were called upon to reflect anumber of key aspects related to war, patriotism, heroism, and the mobilization of societys spiritual forces in their works. As aresult, Chuvash art was enriched with paintings, graphics, and sculptures. Their partici pation in exhibitions organized during the war years was in line with the challenges faced by the artists and resonated with the audience.

Keywords: artists evacuated to Chuvashia, paintings, portraits of Chuvash residents, sculptural portraits, sculptural reliefs, and watercolor sketches.

В современном мире, когда события СВО открывают качественно новый этап российской и мировой истории, возвращение к памяти о Великой Отечественной войне имеет значение не только для изучения истории, но и для адекватного восприятия и анализа современных политических, социальных и культурных вопросов. В годы Великой Отечественной войны значительное развитие получили наука, промышленность, культура. Борьба против вторгшегося на советскую территорию врага стала испытанием и проверкой на прочность всей культурной системы страны. С первых дней военных действий искусство, литература, театр и кино были мобилизованы на службу Отечеству. Деятели культуры осознавали свою ответственность перед народом и понимали, что их творчество может стать мощным идеологическим оружием в борьбе с фашизмом. Так, Управление по делам искусств при СНК РСФСР уже к в конце июня 1941 г. определило основные задачи для структур культуры, одной из которых было «Повышение агитационно-пропагандистской роли учреждений искусств, особенно театра, музыки, эстрады и изобразительного искусства» [10, л. 265]. Центральный комитет Союза работников искусства в письме председателям областных

и краевых комитетов наметил основные мероприятия в связи с настоящим моментом, утвердив в том числе следующее: «...загрузка художников работами по оформлению призывных пунктов, вокзалов, главных площадей, подготовка злободневных карикатур» [3, л. 18]. К выполнению поставленных задач чувашские мастера изобразительного искусства подошли со всей ответственностью. В скором времени в эту работу включились художники, приехавшие в республику на период эвакуации.

В настоящей работе предпринята попытка обзора и анализа творчества эвакуированных в Чувашию художников в годы Великой Отечественной войны. Систематизация и анализ творческой деятельности эвакуированных скульпторов, графиков, живописцев требуют должного внимания, без которых история чувашского изобразительного искусства была бы не полной.

Интерес к творчеству эвакуированных в Чувашию художников эпизодически возникал среди исследователей, однако не получил должного освещения. Искусствовед В.М. Петрова в 1980-е гг. занималась изучением темы, однако собранный материал не был опубликован. Специалист в области культуры Чувашии Г.А. Алжейкина выступила автором монографии, посвященной комплексному описанию культурно-исторических процессов, происходивших в республике в период Великой Отечественной войны [1]. Опираясь на архивные материалы фондов ГИА ЧР и ГАСИ ЧР, автор называет события и их участников. Один из параграфов монографии освещает художественную жизнь Чувашии военного времени, в котором автор сообщает имена вывезенных в республику художников, приводит названия созданных ими произведений, однако не дает оценку их творчества.

С началом Великой Отечественной войны из зоны боевых действий и территорий, над которыми висела угроза оккупации, промышленные предприятия, учреждения культуры, детские сады были эвакуированы на восток страны. В 1941–1942 гг. в Чувашию прибыло более 70 тыс. эвакуированных [18]. Художники, наряду с деятелями музыкальной культуры и театра, составили часть творческой интеллигенции, которая создала новый потенциал для развития культуры в регионах, оказала влияние на морально-нравственный настрой общества в годы Великой Отечественной войны. Эвакуация интеллектуальных и художественных специалистов рассматривалась руководящими органами культуры в качестве одной из важных социально-политических задач военного времени по сохранению культурного потенциала страны. Как показывают архивные документы, в течение 1941–1943 гг. сведения о местопребывании эвакуированных художников поступали во Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР, Управление по делам искусств при СНК РСФСР, Оргкомитет ССХ СССР.

В период Великой Отечественной войны в Чебоксарах и районах республики находилось около 40 эвакуированных художников. Фактически их пребывание в Чувашии следует рассматривать с июля 1941 г. до конца весны 1943 г. С освобождением Ржева в марте 1943 г., когда угроза наступления на Москву была окончательно ликвидирована, многие вынужденные переселенцы поспешили вернуться домой. Художники, приехавшие из Латвии, покинули место временного пребывания осенью 1944 г., после завершения Рижской операции.

Наибольшее количество эвакуированных художников проживало в Чебоксарах. Помощь в эвакуации и устройстве семей московских художников была возложена на уполномоченного комитетом Союза советских художников СССР, скульптора В.М. Кудимова. Однако определить приехавших людей на проживание оказалось недостаточным. Не имея работы, они оказались в тяжелом материальном положении. Товарищество «Художник», которое занималось организацией творческой оплачиваемой работы, в начале 1942 г. было ликвидировано. С тем чтобы обеспечить работой не только местных, но и эвакуированных деятелей изобразительного искусства, назрела необходимость создания специальной структуры, которую бы утвердили органы власти.

При поддержке обкома ВКП(б) и Совнаркома Чувашской АССР Союз художников Чувашии организовал мастерскую «для содействия творческой деятельности художников и искусствоведов, улучшения их материального и бытового положения» [16, с. 414], которая отвечала бы поставленной перед работниками художественного фронта задаче воспитания патриотических чувств любви к Родине и ненависти к немецко-фашистским захватчикам. С 1 марта 1942 г. здесь стали изготавливать агитплакаты и агитокна, выполнять оформительские работы, оформлять портреты с фотокарточек [4, л. 3]. Вместе с тем в статье, опубликованной в газете «Красная Чувашия», было отмечено, что почти все художники мастерской «занялись выполнением частных заказов – рисованием портретов с фотографий. О творчестве не было и речи» [2, с. 2].

Работу художникам могли предоставить и полиграфические предприятия. Книжное издательство республики, как и многие в стране, скорректировав свою работу с учетом военного времени, начало издавать продукцию патриотического содержания, продолжало выпускать, например, учебники. По найму привлекались вновь прибывшие художники, которые выполняли госзаказ наряду с чувашскими мастерами: П.В. Сизовым, Г. Харлампьевым и Н.Д. Моховым, в декабре 1941 г. призванными в ряды Красной Армии. Согласно ведомостям начисления заработной платы по производственному персоналу Чувашгиза [8, л. 9 об.–10, 13 об.–14, 44 об.–45], с октября 1941 г. к работе привлекались Г.А. Ечеистов, Е.Н. Мерега, Л.А. Жолткевич, Л.Л. Дойбан, О.В. Эйгис, Н.Н. Кроневальд, Д.С. Архипов.

Большие группы эвакуированных художников вместе с семьями проживали в Чебоксарах – 15 чел., Мариинско-Посадском – 9 чел., Ибресинском районах – 6 чел. Кроме того, на временное поселение их приняли в Урмарском, Сундырском районах, в г. Алатырь. Вопросами содействия размещению и обеспечению работой на местах занимался М.С. Спиридонов, возглавлявший правление Союза советских чувашских художников. Живописцы, графики, скульпторы, вставшие на учет в Союз чувашских художников, по данным на 30 декабря 1941 г., составляли 26 чел. [4, л. 7]. На условиях договора с Союзом художников они выполняли творческие произведения, в которых должны были отражать патриотический и трудовой подъем советского народа.

С началом эвакуации около 100 детей московских художников было решено вывезти в Чувашскую АССР. По решению Совнаркома ЧАССР в г. Мариинский Посад был организован детский дом для их проживания. С детьми эвакуировались и некоторые родители-художники, всего 8 чел.

Творчество художников, эвакуированных в г. Мариинский Посад, представлено работами, хранящимися в коллекции Чувашского государственного художественного музея (ЧГХМ). Скульпторы В.М. Кудимов и И.И. Рождественская посвятили свои произведения героям тыла. В барельефе Владимира Кудимова «Мариинско-Посадская судоверфь» (ил. 1) увековечено одно из ведущих предприятий района и края, сыгравшее немалую роль во время Великой Отечественной войны. Его история ведется с 1928 г., когда 3 декабря развернулось строительство судоверфи, и уже 30 июня 1930 г. на воду были спущены первые две баржи. С началом войны производство было перестроено под военные нужды. Здесь стали строить катера, которые использовались в низовьях Волги во время Сталинградской битвы. В рельефной скульптуре художник символически передал работу стратегически важного объекта, изобразив профиль судостроителя на фоне ферменных конструкций верфи. Гипсовый рельеф покрыт темным тоном, что отвечает характеру темы производственного труда и настроению времени. История судоверфи заканчивается в 1957 г., когда на предприятии перестали выпускать суда. Скульптура В.М. Кудимова воплощает собой один из знаменательных ее периодов.

Самоотверженный труд рабочих Мариинско-Посадской судоверфи отразил в своих произведениях Георгий Александрович Ечеистов (1897–1946). Советский художник, график, акварелист, живописец, театральный художник, мультипликатор, пред-

Ил. 1. Кудимов В.М.Мариинско-Посадская судоверфь. 1942. Гипс тонированный. 38,5 × 70,8 × 4,8. ЧГХМ. Госкаталог. РФ (ГК) – 8473091

Ил. 2. Ечеистов Г.А. На судоверфи. Марпосад. 1942. Бумага, акварель. 38 × 52. ЧГХМ. ГК 7975655

ставитель русского авангарда, мастер ксилографии и книжный иллюстратор, член Московского отделения Союза советских художников (МОССХ) с 1932 г. В условиях эвакуации он, обратившись к технике акварели, выполнил целый ряд зарисовок рабочих верфи и непосредственно процесса строительства судов (ил. 2, 3).

Галерею жителей Чувашии, чей труд был весомым вкладом во благо Победы над врагом, составили работы Александры Платоновны Петровой (1896–1990). В портретах колхозников, написанных акварелью, читается неподдельно теплое отношение автора к каждому своему герою. Трогательный образ свинарки (ил. 4) – прямая параллель с Глашей, героиней вышедшего на экраны страны 7 ноября 1941 г. фильма «Свинарка и пастух» и вероятно знакомого художнику. Теплый колорит произведений А.П. Петровой выражает позитивную жизненную позицию автора (ил. 5). Близок по настроению работам Александры Платоновны небольшой этюд Веры Сергеевны Кизевальтер (1899–1982) «Письмо с фронта» (ил. 6), запечатлевший за чтением заветной весточки от солдата двух молодых работниц.

Ил. 3. Ечеистов Г.А. Плотник на судоверфи. 1942. Бумага, акварель. 50 × 35. ЧГХМ. ГК 7975477

Ил. 4. Петрова А.П. Свинарка Настя. Ордена Ленина колхоза им. Сталина. 1943. Бумага, акварель. 43,3 × 31,4. ЧГХМ. ГК 8469386

Ил. 5. Петрова А.П. Обед в поле. 1943. Бумага, акварель. 27 × 29,8. ЧГХМ. ГК 11574827

Профессиональный художник по керамике Ирина Ильинична Рождественская (1903–1991), находясь в эвакуации, проявила свои творческие возможности в работе над скульптурой. В собрании ЧГХМ находятся два произведения рассматриваемого периода. Это бюсты, воплотившие образы героев времени, выполнены в гипсе. Работа скульптора в условиях военного времени, в связи с острой нехваткой художественных материалов, была, пожалуй, более сложной. Технология работы с трехмерными объемами требует специальных материалов. На начальном этапе художник выполняет эскиз, затем прорабатывает его в полном размере в пластилине. Утвержденная модель затем отливалась в гипсе. В процессе работы И.И. Рождественской пришлось столкнуться с такими трудностями, как ограниченное количество пластилина, дефицит сырья для изготовления каркаса. Этим обусловлена ограниченная пластика формы произведения «Бюст кавалериста С.П. Прокопьева» (ил. 8). К такому типу бюста-портрета, с обрезом ниже плеч, автор обратился, с тем чтобы включить в композицию изображение форменной одежды. Гимнастерка образца 1935–1943 гг. со знаками отличия (3 кубика и пропеллер на петлицах), орден Красной Звезды на груди справа сообщают о герое портрета ценную информацию и важны в данном случае, наряду с визуальным сходством с моделью. И.И. Рождественская в период эвакуации явилась автором еще одного скульптурного портрета (ил. 7). В инвентарной карточке ЧГХМ он указан как «Бюст К. Иванова». Из обсуждения эскиза скульптуры И.И. Рождественской, занесенного в протокол заседания художественного совета от 17 июля 1942 г., становится очевидным, что художник работал над созданием портретного бюста председателя Мало-Маклашкинского колхоза Е.А. Анкудинова. Это был передовой колхоз Мариинско-Посадского района, и его председатель «был занесен на Доску почета. За работу тов. Анкудимов представлен к награде» [5, л. 8][1]. Члены худсовета в критическом разборе произведения предлагали внести в работу некоторые поправки. Например, представитель ОК ВКП(б) тов. Здобнов рекомендовал показать героя не в галстуке, а «в национальной вышитой рубашке» [5, л. 8]. В этом его поддержал начальник Управления по делам искусств А.Д. Калган. Художник Г.А. Ечеистов, отметив работу как интересную, предложил устранить недочеты в пользу большей пластической

Ил. 6. Кизевальтер В.С. Письмо с фронта. 1942. Бумага, акварель. 18,6 × 22,5. ЧГХМ ГЕ 7975669

Ил. 7. Рождественская И.И. Председатель колхоза «Красная Армия» Е.П. Анкудинов. 1942. Гипс. 48 × 20 × 18. ЧГХМ. ГК 11604871

Ил. 8. Рождественская И.И. Бюст кавалериста С.П. Прокопьева. 1942. Гипс. 56 × 40 × 22. ЧГХМ. ГК 11604861

[1] В документе фамилия указана ошибочно. Председателя Мало-Маклашкинского колхоза «Красная Армия» звали Егор Павлович Анкудинов [17, с. 50, 52]

выразительности. С учетом замечаний И.И. Рождественская отлила работу в гипсе, внесла изменения по уточнению пропорций. Скульптура решена без плечевого пояса. Вышитый ворот национальной рубахи скрывает шею. Опорой служит небольшой куб. Таким образом, центром зрительского восприятия становится лицо героя. Найденный баланс композиционно уравновешивает визуальные элементы, позволяя воспринимать скульптуру как гармоничное и законченное произведение. Выполнение скульптуры в материале – камень или литье – исключалось, или могло быть отложено на более благоприятный для этого период. В то же время творческой результат И.И. Рождественской – несомненный вклад в процесс формирования чувашской скульптуры, не получившей к 1940-м гг. должного развития.

Проведение выставок, на которых экспонировались произведения, созданные на темы происходящих событий, получили особую актуальность. В ноябре 1942 г. в фойе Чувашского академического драматического театра начала работу экспозиция «Художники Чувашии и МОСХа в дни Отечественной войны». Ее участниками были члены творческого Союза художников Чувашии, известные в республике мастера М.С. Спиридонов, Н.К. Сверчков, Ю.А. Зайцев, Н.Д. Мохов, В.Д. Воронов, П.В. Сизов. Вместе с ними свои работы представили и эвакуированные из столицы художники члены Московского Союза советских художников: Е.И. Родова, Г.А. Ечеистов, Л.Л. Дойбан, Л.А. Жолткевич, Г.Б. Ингер, В.С. Кизевальтер, А.П. Петрова, М.Г. Ранков, И.М. Рубанов, художник из Латвии Л.С. Аронова, а также скульпторы И.И. Рождественская, Г.И. Мотовилов и В.М. Кудимов. Выставка работала с 15 ноября 1942 г. по 7 февраля 1943 г. ежедневно с 14 до 17 часов [13, л. 104].

Осенью 1941 г. в Алатырь на период эвакуации приехал с семьей известный советский скульптор-монументалист Георгий Иванович Мотовилов. Здесь он выполнил рельеф «Великая Отечественная война». Произведение, отражающее участие советского народа в войне, было представлено на Чебоксарской выставке в 1942 г.

В мае 1943 г. начальник Управления по делам искусств при Совнаркоме ЧАССР А.Д. Калган в своем сообщении в отдел пропаганды и агитации Чувашского обкома ВКП(б) о деятельности учреждений искусств республики и о работе Союза чувашских советских художников проинформировал, что «Художники Чувашии за время Великой Отечественной войны создали ряд интересных, политически актуальных картин» [12, л. 100]. В 1942 г. Иосиф Менделевич Рубанов (1903–1988) представил полотно, выполненное маслом (ил. 9). Сюжетом произведения стало шефское посещение школьниками и студентами бойцов, находящихся на лечении в госпитале. В Чувашии первые эвакогоспитали были сформированы еще в начале июля 1941 г. С сентября 1941 до июня 1942 г. на территории республики было развернуто 14 эвакогоспиталей (в Алатыре — 3, Чебоксарах — 3, Канаше — 2, по одному в Цивильске, Шихазанах, Вурнарах, Шумерле, Козловке, Мариинском Посаде). Под госпитали отдавались самые лучшие помещения: школы, больницы, вузы, общежития и др. [20, с. 55].

Произведение И.М. Рубанова «Пионеры у раненных бойцов» из собрания ЧГХМ на этапе создания носило название «Тимуровцы у раненых бойцов» [4, л. 5]. В просторной палате, освещенной летним солнцем, идущие на поправку военнослужащие ведут живую беседу с пришедшими в гости молодыми людьми. Все здесь дышит теплом, воздухом, льющимся в открытые панорамные окна, за которыми просматривается узнаваемый ландшафт Чебоксар 1940-х гг. Светлая палитра, выбранная художником, оправдана и формирует жизнеутверждающий характер восприятия темы произведения. Композиционная задача произведения решается на диалоге фигур, жестов, деталей, которые вводит художник – музыкальные инструменты, письмо, книга в руках присутствующих, – что обеспечивает живое позитивное прочтение произведения и мотивирующий настрой.

Роль советской медицины в годы Великой Отечественной войны трудно переоценить. Борьба за жизнь раненого начиналась на поле боя, красноармейцев с более тяжелыми ранениями, требовавшими длительного или специализированного лечения,

Ил. 9. Рубанов И.М. Пионеры у раненых бойцов. 1942. Холст, масло. 130,5 × 169,5. ЧГХМ. ГК 4950521

Ил. 10. Жолткевич Л.А. Эскиз композиции «В операционной». 1942. Картон, масло. 47 × 50. ЧГХМ. ГК 4849888

эвакуировали в тыл фронта или в тыл страны [19, с. 6–10]. Подвиг советских врачей стал одной из тем в изобразительном искусстве. Ответственная миссия, возложенная на медицинских работников тыловых госпиталей, была отображена в произведениях Лидии Александровна Жолткевич (1901–1991) «В операционной» (ил. 10) и Леи Лейбовны Дойбан (1911–2000) «Операция» [4, л. 6][2] (ил. 11). Сюжет, к которому обратились оба автора, решен напрямую – работа хирургической бригады в операционной. Л. Жолткевич выполнила работу в масляной технике, на картоне. В процессе работы над композицией Лидия Александровна сделала целый ряд карандашных набросков с натуры. Два эскиза (в собрании ЧГХМ) дают полное представление о концепции произведения. Пластически найденное расположение героев и освещение формируют логически согласованное произведение. Как и в работе Л.Л. Дойбан, выполненной акварелью, происходящее очевидно, врач проводит операцию. Их окружают медицинские сестры, каждая из которых выполняет необходимые действия – подает инструмент, удерживает софит, капельницу, следит за состоянием пациента и проч. Произведения близки друг другу по своим размерам, при этом Л. Жолткевич выполнила тему камерно, по законам станковой композиции, в то время как акварельная работа Л. Дойбан решена монументально.

Акварель была более доступным материалом в годы войны. Л.Л. Дойбан, мастер станковой и книжной графики, в 1942 г. выполнила несколько листов водными красками на тему боевой и политической подготовки, запечатлев непосредственное проведение занятий, а также портреты отличниц (ил. 12). Работы выполнены в технике a la prima и носят этюдный характер.

Другой художник-иллюстратор – М.М. Михаэлис в 1941 г. была эвакуирована в Мариинско-Посадский район. Мастер книжной графики, в сотрудничестве с Детгизом, она оформила немало книг для детей, но в Эльбарусовской средней школе Маргарита Максимилиановна преподавала черчение, рисование и немецкий язык. Лишь в 1944 г. М.С. Спиридонов смог «выписать» художника в Чебоксары. Ее принимают на работу в Чувашгиз, а со 2 октября 1944 г. М.М. Михаэлис назначена старшим художником

[2] В протоколе расширенного заседания правления Союза художников Чувашии работа названа «Переливание крови» [4, л. 6].

Ил. 11. Дойбан Л.Л. Операция. 1942. Бумага, акварель, белила. 40,5 × 55; 36,5 × 52,5 (р. и.). ЧГХМ. ГК 11574821

Ил. 12. Ростовцева (Дойбан) Л.Л. Отличница боевой подготовки Е. Мясникова. 1942. Бумага, акварель. 53,5 × 39,8; 48,5 × 38 (в свету). ЧГХМ. ГК 11574824

издательства [7, л. 123 об.]. Вся последующая творческая деятельность художницы с этого времени связана с нашей республикой.

Портретные изображения рассматриваемого периода носят характер набросков. Эта тенденция отмечена в графических листах Л.С. Ароновой-Ботвинкиной, в которых она отобразила и героев войны, отмеченных боевыми наградами («Портрет Героя Советского Союза Яшина», «Портрет Героя Советского Союза Ф. П. Ахаева»), и героев тыла («Стахановка-ткачиха Зоя Казанкова», «Стахановка-прядильщица А. Корнеева»). В быстрых карандашных зарисовках А.А. Гладун фиксировала деревенские будни, изображая людей и животных в бытовых сценах, на фоне пейзажа («Колхозник в кепке», «Крестьянин с топором», «Женщина с лопатой», «Лошади и пастушок», «Пахота» и т. д.). Совершенно иной подход к творческой работе следует отметить в произведениях А.В. Лобанова (1901–1983). Проживая в одном из лесничеств Урмарского района, он, на условиях творческого договора с Чувашским отделением Союза художников, выполнил серию портретов лесорубов. Это цельные, законченные произведения творчески зрелого профессионала. Воплощая внешнее сходство, индивидуальные черты лица, мимику, жесты, характерные позы, о чем свидетельствуют записи в книге отзывов выставки, художник вместе с тем смог отразить характер каждого героя, его судьбу. Обращаясь к масляной технике, Лобанов доводит свою работу до исчерпывающей законченности и в полихромной живописи (ил. 13, 14), и в серии монохромных портретов сухой кистью (ил. 15). На заседании художественного совета Управления по делам искусств 20 мая 1943 г. состоялось обсуждение «портретов стахановцев, ударников лесной промышленности Ибресинского и Буинского леспромхозов в исполнении художника Лобанова Аркадия Васильевича». Присутствующие А.Д. Калган, М.С. Спиридонов, Ю.А. Зайцев, Зарин[3] дали высокую оценку работам художника и рекомендовали к приобретению «Для Чувашской художественной галереи 10 портретов сухой кистью тов. Никитина, Смирнова, Иванова, Жукова, Карабанова, Васильева, Кудряшова, Крымова, Чаева, Тарасова и 3 портрета маслом: Гордеева, Ефремова и Пикфенова» [14, л. 45]. Вместе с портретами Героя Советского Союза Ф.П. Ахаева

[3] Представитель Народного комиссариата лесной промышленности.

Ил. 13. Лобанов А.В. Портрет стахановца-лесоруба. 1943. Холст, масло. 108 × 64. ЧГХМ. ГК 7839581

Ил. 14. Лобанов А.В. Ударник-лесоруб. 1943. Холст, масло. 79,2 × 70,5. ЧГХМ. ГК 4950244

Ил. 15. Лобанов А.В. Лесоруб Смирнов Исаак Яковлевич. 1943. Сухая кисть, бязь, масло. 77 × 49,8. ЧГХМ. ГК 4936888

(1942) и чувашского сказителя Н.Г. Волкова (1943) они стали воплощением образов чувашского народа военной эпохи.

Трагизм и страдания, которые несет война, отражены в творчестве Григория Бенциановича Ингера (1910–1995). В апреле 1943 г. он начал работу над серией акварелей и рисунков «Помни о детях фронтовиков». Художник наметил выполнить с мая по август 1943 г. с натуры 25–30 листов формата А3. В созданных им в Чувашии работах он показал самых незащищенных и беспомощных маленьких жертв военного конфликта. В трактовке драматических сюжетов, героями которых стали дети, Ингер использует плавные линии. Выделяя светом главных персонажей – детей, он мягко обволакивает их фигуры тоном, словно боится причинить им резкими линиями еще большее страдание (ил. 16). Еще более драматичную сцену он отразил в акварели «Казнь Зои Космодемьянской» (ил. 17).

В годы войны в Чувашский государственный академический театр были приняты латвийские театральные художники Рижского театра. Один из них – Л.С. Герцмарк [11, л. 78], эвакуированный в Чувашию летом 1941 г. После войны, в 1946–1956 гг., он служил художником-декоратором в Рижском ТЮЗе, оформляя спектакли как русской, так и латышской трупп [6]. В театре также были задействованы художники А.П. и Э.П. Оситис, И.А. Эрмтер, М.М. Иоффе, Е.Л. Хайкина. Творчество латвийских сценографов братьев Оситисов было отмечено директором театра Г.В. Мордковичем. Оформленные ими спектакли «Нашествие», «Бесприданница», «Бессмертный» во время летних гастролей русской труппы по республике в 1943 г. увидели жители Канаша, Шумерли, Козловки [9, л. 10]. Начальник Управления по делам искусств при Совнаркоме ЧАССР А.Д. Калган, оценивая работу коллектива Чувашского государственного академического театра в летний период 1943 г., объявил персональную благодарность Альберту Петровичу Оситису и Эвальду Петровичу Оситису [15, л. 124]. Творческий потенциал А.П. Оситиса (1908–1960) нашел выражение и в станковой живописи. Находясь в вынужденной разлуке с родиной, в произведении «Латвийские партизаны» он выразил свою гражданскую позицию, сопереживая ее судьбе. В картине им изображен ночной рейд одного из отрядов подполья (ил. 18).

Искусство Чувашии, процесс формирования которого еще только набирал силу, пережило влияние художественной культуры, сложившейся в условиях начавшейся войны. Время тяжелых испытаний для страны в период Великой Отечественной

Ил. 16. Ингер Г.Б.Серия «1941–1944 гг.» «Я не забуду». 1944. Бумага, смешанная техника. 43,6 × 32. Место создания: Чувашия. Тульский музей изобразительных искусств. ГК 14133081

войны стало для ее культуры проявлением духовного подъема. Изобразительное искусство этого периода было пополнено произведениями патриотического характера. В своем творчестве художники отражали жизнь страны в условиях военного положения. Произведения живописи, графики, скульптуры стали проявлением гражданского долга и выражением любви к Родине. Тема войны на долгие годы стала одной из важнейших в отечественной культуре.

Организованная эвакуация деятелей искусства из прифронтовой зоны вглубь страны сыграла свою роль в жизни регионов, дополнив ее событиями культуры. Среди эвакуированных в Чувашскую АССР были и признанные мастера, и малоизвестные художники. В своем творчестве, находясь вдали от дома, они отразили то, что происходило в тылу, на их глазах, с чем соприкасались, чем жили сами, создавая образы самоотверженных тружеников, чей вклад в победу над врагом был чрезвычайно значим. Работы военной поры, которые в силу сложившихся обстоятельств не всегда удавалось завершить, являются документальным свидетельством жизни республики, жизни ее народа в этот непростой для всей страны период.

Художники московского отделения Союза художников, эвакуированные в Чувашию, создали целую серию портретов жителей республики. Среди них и герои войны, и передовики производства, и обычные жители чувашских сел и деревень, которые стали главными действующими лицами произведений живописи, скульптуры, графики, многие из которых вошли в музейные собрания. Сегодня они, наряду с официальными свидетельствами, являют подлинную картину Великой Отечественной войны, ее участников и свидетелей.

Ил. 17. Ингер Г.Б. Казнь Зои Космодемьянской. 1942. Бумага, гуашь, акварель, перо, тушь. 40,5 × 61,3. ЧГХМ.ГК 4950521

Ил. 18. Оситис А.П. Латвийские партизаны. До 1944. Холст, фанера, масло. 47 × 67,3. ЧГХМ. ГК 4936790

Литература и источники

1. *Алжейкина Г.В.* Культура и искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: Новое Время, 2016. 426 с.

2. В стороне от творческой жизни (С собрания художников Чувашии) // Красная Чувашия. 1942. 22 мая. № 117 (6623).

3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-2741/1527. Оп. 1. Д. 76.

4. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2741/1527. Оп. 1. Д. 77.

5. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2854/1621. Оп. 1. Д. 82.

6. Герцмарк Лев Соломонович // Кино-Театр.РУ. URL: https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/883008/bio/ (дата обращения: 03.03.2026).

7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 64.

8. ГИА ЧР. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 71.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-538. Оп. 5. Д. 3.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 257.

11. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 294.

12. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 325.

13. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 326.

14. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 356.

15. ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 6. Д. 26.

16. *Григорьев А.Г., Малинина А.А.* Художественный фонд // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Си–Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 414.

17. *Коротков Ю.Т.* Вăрманкасси – Атыково – Большое Маклашкино при корабельной роще. Исторический очерк о деревнях Сутчевского сельского поселения. Чебоксары: Новое Время, 2010. 116 с.

18. *Михайлов В.М.* Великая Отечественная война 1941–1945. Чувашская энциклопедия. URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/150212 (дата обращения: 02.03.2026).

19. Роль медиков в Великой Отечественной войне: учебно-методическое пособие / сост. О.О. Янушевич, К.А. Пашков. Москва: Росунимед, 2025. 88 с.

20. *Соколова В.И.* О работе эвакогоспиталей в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Современные проблемы сервиса и туризма. № 2. 2010. С. 54–61.

УДК 94(47).084:330

В.Н. Мамяченков

ЭВАКУАЦИЯ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье кратко рассматриваются воспоминания известных деятелей советской экономики о начале Великой Отечественной войны и проводимой в этот период массовой эвакуации населения и материальных ценностей в восточные районы страны. Делается вывод о ценности подобных воспоминаний и неослабевающем интересе к ним.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, руководители, воспоминания.

V.N. Mamyachenkov

EVACUATION AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMORIES OF THE LEADERS OF THE SOVIET ECONOMY

Abstract. This article briefly examines the memoirs of prominent Soviet economic figures about the outbreak of the Great Patriotic War and the mass evacuation of population and material assets to the eastern regions of the country during this period. It concludes on the value of such memoirs and the enduring interest they generate.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, leaders, memories.

По мере того, как грандиозные события Великой Отечественной войны отодвигаются от нас, ныне живущих, все дальше и дальше в Лету, все острее встает вопрос сохранения исторической памяти. В этой связи огромную роль призваны сыграть воспоминания участников знаковых исторических событий – как занимающих высокие посты, так и рядовых граждан.

В небольшой статье мы бы хотели дать краткий обзор воспоминаний тех, кто в первый, самый тяжелый, год войны стоял у руля советской экономики и на чьи плечи лег тогда тяжкий труд по эвакуации огромного количества материальных ценностей и населения в тыловые районы страны.

Начать, видимо, следует с высшего должностного лица в СССР в то время – И.В. Сталина (1879–1953), сосредоточившего к тому времени в своих руках всю полноту политической, военной и экономической власти. Но, что интересно, в его работах собственно об эвакуации говорится лишь эпизодически. Характерным в этом плане явился его доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся г. Москвы 6 ноября 1942 г., посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В этом докладе Сталин, в частности, отметил: «Мирная строительная работа наших руководящих органов выразилась за этот период (1941–1942 годы. – *В.М.*) в перебазировании нашей промышленности, как военной, так и гражданской, в восточные районы нашей страны, в эвакуации и устройстве на новых местах рабочих и оборудования предприятий». А далее он добавил, что «...это была труднейшая и сложнейшая организаторская работа большого масштаба всех наших хозяйственных и административных наркоматов, в том числе – нашего железнодорожного транспорта. Однако трудности удалось преодолеть. И теперь наши

заводы, колхозы и совхозы, несмотря на все трудности военного времени, работают бесспорно удовлетворительно» [5, с. 109–110].

Как видим, ничего существенного руководитель СССР по интересующей нас теме не сказал.

Следующим «по рангу» руководителем советской экономики был в начале войны Л.М. Каганович (1893–1991), член Политбюро ЦК в 1930–1957 гг., нарком путей сообщения в 1938–1942 гг. Он 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был назначен председателем Совета по эвакуации, но уже в июле был освобожден от этой должности, «сосредоточившись» на работе железнодорожного транспорта.

В своих воспоминаниях Каганович отмечает, что основная тяжесть эвакуации (которую он, кстати, назвал «переселением народов») выпала на транспорт, и прежде всего – железнодорожный. В этой связи он приводит такую цифру: уже в июле 1941 г. эвакуационными грузами было занято более 300 тыс. вагонов. Всего же в период эвакуации до лета 1942 г. было перевезено, по самым минимальным подсчетам, не менее полутора – двух миллионов вагонов, в том числе только до ноября 1941 г. – более миллиона. При этом, по словам Кагановича, железнодорожники, чтобы сохранить основные фонды отрасли, эвакуировали в тыл более 6 тыс. паровозов и большое количество железнодорожного имущества. Его вывод о работе Наркомата путей сообщения звучит следующим образом: «Освоение, переработка и продвижение трех колоссальных потоков: 1) эвакуационного, 2) воинского и 3) народно-хозяйственного, и притом большей частью встречных – было, несомненно, героическим подвигом железнодорожников, которые, не зная ни дня, ни ночи, самоотверженно, под бомбежкой врага, делали свое героическое дело. Трудно сегодня, особенно не работавшим тогда на железной дороге, представить себе то напряжение и самоотверженность, с которыми работали железнодорожники, начиная со стрелочника, машиниста и кончая народным комиссаром» [2, с. 509–510].

Надо сказать, что в своих мемуарах Каганович практически ничего не пишет о том, что, конечно, процесс эвакуации «тянул» на себе не только вверенный ему Наркомат. В этом плане его воспоминания органично дополняются мемуарами А.И. Микояна (1895–1978), члена Политбюро и с 1937 г. заместителя председателя СНК СССР.

В частности, Микоян пишет, что к середине декабря 1941 г. положение на железнодорожном транспорте резко обострилось, в связи с чем был экстренно создан еще один новый Комитет по разгрузке транзитных и других грузов, застрявших на железных дорогах, председателем которого стал Микоян. Обострение же обстановки проявлялось в том, что при наличии огромного количества груженых вагонов на дорогах не хватало порожняка для отправки новых грузов. При этом большое количество эшелонов с эвакуируемым оборудованием и другими материалами застряли в тупиках, на разъездах, перевалочных базах, а НКПС не был в состоянии разрубить этот сложный узел, так как многие наркоматы не торопились разгружать вагоны с прибывшим оборудованием и материалами ввиду неподготовленности производственных площадей и отсутствия складов и превратили эти эшелоны в склады на колесах. Далее Микоян пишет: «...каждый из нас, членов комитета, имея в своем распоряжении данные из НКПС о наличии грузов на дорогах и их принадлежности, готовил конкретные предложения для решения вопросов без какого бы то ни было промедления». В частности, для экстренной разгрузки транзитных эшелонов с углем, нефтью, мазутом, застрявших на дорогах, принимались решения разгружать эти грузы на ближайшие к железным дорогам заводы, электростанции и на склады железных дорог [4, с. 464].

Комитет рассматривал и принимал решения и по другим конкретным случаям скопления вагонов. Так, например, 1 января 1942 г. нарком танковой промышленности В.А. Малышев обязывался (!) (знак наш. – *В.М.*) в 2-дневный срок обеспечить раз-

грузку 312 вагонов с оборудованием Кировского завода из Ленинграда, простаивавших на станции Челябинск с 11 декабря 1941 г., а нарком среднего машиностроения Ю.С. Коган обязывался в 3-дневный срок обеспечить разгрузку оборудования автозавода им. Сталина из Москвы, прибывшего на станции Челябинск и Шадринск. Каждое такое распоряжение предусматривало отчет перед комитетом строго в назначенный день, а НКПС был обязан ежедневно докладывать Комитету по разгрузке сведения по каждому промышленному наркомату и по каждой железной дороге [4, с. 465–466].

Из мемуаров Микояна очевидно следует, что далеко не один НКПС осуществлял эвакуацию...

Еще один заместитель председателя СНК СССР – М.Г. Первухин (1904–1978) – с 24 июня 1941 г. стал одним из заместителей председателя упомянутого нами Совета по эвакуации. В своем интервью известному советскому историку Г.А. Куманёву он сказал: «Эвакуация, проведенная в Советском Союзе в первые месяцы войны, является одним из самых выдающихся подвигов, которые совершил советский народ в Великой Отечественной войне. Эта эпопея, без всякого преувеличения, не знает аналогов в мировой истории, в истории войн. Причем исключительная сложность ее проведения заключалась в том, что в таких масштабах и в такие короткие сроки эвакуация не предусматривалась и никогда не планировалась <...>. А без спасения нашей западной военно-промышленной базы просто невозможно было рассчитывать на достойный отпор врагу и тем более на его последующий сокрушительный разгром» [3, с. 138].

К сказанному выше Первухин далее добавил, что всего за несколько военных месяцев удалось (причем нередко под огнем противника) перебросить в тыловые районы страны миллионы людей, основные фонды тысяч предприятий, сельскохозяйственные ресурсы, а также стратегические запасы сырья, топлива и другие материальные и культурные ценности. И не только перебросить, но и планомерно разместить весь этот огромный потенциал на новых местах и в кратчайшие сроки подключить его на удовлетворение нужд фронта. По мнению Первухина, «...можно только восхищаться, как нам удалось в целом весьма успешно решить такую грандиозную, я бы сказал, невероятно трудную задачу» [3, с. 139].

Представляют интерес также цифры и факты, сообщенные Первухиным Куманёву в упомянутом интервью. Так, он сообщил, что уже 16 августа 1941 г. было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О Военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». В нем предусматривалось развертывание военно-промышленной базы на востоке страны, в том числе за счет оборонных предприятий, эвакуируемых из угрожаемых районов страны. Благодаря этому уже в первом полугодии 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. было произведено больше: танков – на 6,4 тыс., орудий – на 23,4 тыс., минометов – на 80,5 тыс., пулеметов – на 2,5 тыс., а пистолетов-пулеметов – даже на 445,7 тыс. штук. За это же время производство боеприпасов (снарядов, бомб и мин) возросло почти на 3 млн единиц [3, с. 139–140].

Дальнейшее развитие размышлений Первухина об упомянутом Военно-хозяйственном плане мы можем найти в труде еще одного виднейшего руководителя советской экономики в годы Великой Отечественной войны – Н.А. Вознесенского (1903–1950), на начало описываемых нами событий – кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и первого заместителя председателя СНК СССР.

В оставленном нам в наследство своем главном труде [1] он сообщает, что этот план был рассчитан на перемещение промышленности в восточные районы СССР и форсирование в этих районах военного производства, необходимого для нужд Великой Отечественной войны, и предусматривал организацию и увеличение производства практически всех видов вооружений. В частности, план предусматривал организацию на

Востоке страны новых и развитие имеющихся предприятий по производству авиамоторов и самолетов, танковой брони, тяжелых и средних танков, артиллерийских тягачей, малых военных кораблей и т. д. А кроме того, план предусматривал для восточных районов программу увеличения производства угля, нефти, авиа- и автобензина, чугуна, стали, проката, меди, алюминия, олеума, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты и толуола. В добавление ко всему, уже на IV квартал 1941 и на 1942 г. был утвержден план ввода в действие в восточных районах СССР электрических мощностей в размере 1386 тыс. кВт, а также план эвакуации в эти районы котлов и турбин и план ввода в действие 5 новых доменных печей, 27 мартеновских печей, блюминга, 5 коксовых батарей и 59 каменноугольных шахт. При этом объем капитальных работ на 1942 г. предусматривался в сумме 16 млрд руб. [1, с. 39–40].

Оценивая масштабы, роль и значение эвакуации в истории Советского Союза, Вознесенский привел ряд фактов и цифр, которые и по сей день используют исследователи начального периода войны. Так, по мнению Вознесенского, вторая половина 1941 г. характеризовалась «...великим перемещением производительных сил СССР на Восток, которым руководил сталинский Государственный комитет обороны. Передвигались миллионы людей, перемещались сотни предприятий, десятки тысяч станков, прокатные станы, прессы, молоты, турбины и моторы. В течение каких-либо трех месяцев 1941 г. было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных, предприятий, в том числе эвакуировано на Урал 455 предприятий, в Западную Сибирь – 210 предприятий и в Среднюю Азию и Казахстан – 250 предприятий» [1, с. 40–41].

Далее Вознесенский утверждает, что критическая точка падения производства была пройдена в конце 1941 г., а уже на протяжении всего 1942 г. рост промышленного производства в СССР уже продолжался из месяца в месяц: валовая продукция всех отраслей промышленности СССР с января по декабрь возросла более чем в 1,5 раза. При этом в восточных районах страны было введено в действие (заново построено) 2250 крупных промышленных предприятий (что, добавим мы, конечно, не было бы возможно без эвакуации на Восток огромного объема материальных ресурсов) [1, с. 47].

Завершая нашу небольшую статью, упомянем воспоминания еще одного выдающегося руководителя советской экономики описываемого нами периода: Д.Ф. Устинова (1908–1984), который встретил войну на посту наркома вооружения и возглавлял этот важнейший оборонный наркомат до 1946 г. В своих воспоминаниях, говоря об эвакуации, он отметил, что «...приходилось одновременно с развертыванием массового выпуска вооружения эвакуировать предприятия и организовывать производство в новых местах размещения. Руководил этой работой Совет по эвакуации во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК Н.М. Шверником. Совет определял предприятия и учреждения, подлежащие эвакуации, новые места их размещения, сроки и средства перебазирования, осуществлял контроль за его ходом. Проекты решений об эвакуации предприятий подготавливались наркоматами и рассматривались с участием наркомов или их заместителей на Совете, после чего утверждались Политбюро ЦК и ГКО. Это придавало гигантской работе, связанной с эвакуацией, высокую организованность, планомерность, согласованность действий во всех звеньях и на всех уровнях. Мне довелось участвовать в деятельности Совета по эвакуации, непосредственно ощущать и огромные масштабы задач по перемещению многих сотен предприятий, миллионов людей, и остроту возникающих ежечасно, ежеминутно проблем» [6, с. 142–143].

Представление о том, как происходила эвакуация крупных промышленных предприятий, дает подробное описание Устиновым эвакуации киевского завода «Арсенал». Так, директор завода был подробно проинструктирован руководством наркомата о порядке эвакуации и сроках перебазирования. В частности, предписывалось спланировать подачу эшелонов так, чтобы обеспечивался последовательный и быстрый монтаж

оборудования. Предлагалось заранее отправить на место прибытия группу опытных специалистов для конкретного согласования вопросов, связанных с размещением оборудования и людей, так как с прибытием последнего эшелона должен был начаться выпуск продукции [6, с. 144].

Эвакуация завода, как отмечал Устинов, проводилась организованно, под руководством штаба во главе с директором: 29 июня из Киева ушел первый эшелон, а 14 августа – уже последний, 36-й. Всего было отправлено 1100 вагонов. Вместе с оборудованием эвакуировались 2500 рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Все материальные ценности были вывезены полностью [6, с. 145].

Наконец, в мемуарах Устинова заслуживает внимания то, что он неоднократно упоминает и о тяжелейших бытовых трудностях, с которыми сталкивались работники эвакуированных предприятий, прибывая на новое место. В частности, он приводит следующий диалог с рядовым цеховым работником:

«– Ну, а как устроились с жильем после эвакуации?

– Можно сказать, неплохо, товарищ нарком. Время военное.

– И все же?

– Да есть у нас в хате у хозяев лежанка и деревянные нары. Две дочки спят на лежанке, а мы с женой Верой Митрофановной – на нарах. Свою “комнату” отгородили простыней. Ведь кроме нас в хате живут еще две семьи. Хозяева добрые, живем дружно. Так что ничего. Главное – скорей бы фашистов разбить!» [6, с. 145].

Подводя итоги статьи, следует отметить, что воспоминания непосредственных участников таких великих событий, каковой явилась эвакуация военного времени, представляют собой ценный исторический источник, а потому всегда будут вызывать интерес всех поколений исследователей. И это будет происходить, несмотря на имеющий в них место неизбежный налет идеологизации и субъективности.

Литература

1. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Москва: Госполитиздат, 1948. 192 с.

2. *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. Москва: Вагриус, 2003. 669 с.

3. *Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. 632 с.

4. *Микоян А.И.* Так было. Москва: Вагриус, 1999. 612 с.

5. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне советского народа. Изд. 5-е. Москва: Первая Образцовая тип. им. А.А. Жданова Главполиграфиздата при Совете министров СССР, 1950. 377 с.

6. *Устинов Д.Ф.* Во имя Победы. Москва: Воениздат, 1988. 320 с.

УДК 708

Л.В. Ревенко

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ХУДОЖНИКИ В ЧЁРМОЗЕ

Аннотация. Если бы не эвакуация 1941–1942 гг., у российской культуры была бы совсем иная география. Культурный шлейф эвакуации был долгим и в основном плодотворным. Но всесторонняя социальная история эвакуации, в том числе и уникальной миграции организаций культуры и творческой интеллигенции, еще не написана.

Ключевые слова: эвакуация, Молотовская область, Чёрмозский завод, отделение мастерских по производству агитплакатов в Чёрмозе.

L.V. Rewenko

EVACUATED ARTISTS IN CHERMOZ

Abstract. Had it not been for the evacuation of 1941–1942, Russian culture would have had a completely different geography. The cultural legacy of the evacuation was long-lasting and largely fruitful. However, a comprehensive social history of the evacuation, including the unique migration of cultural organizations and the creative intelligentsia, has yet to be written.

Keywords: evacuation, Molotov region, the Chermozsky plant, Department of workshops for the production of propagandaposters in Chermoz.

Чёрмозский район в составе Пермской области находился с 1938 г. Население его составляло 35 756 чел. (1939). В годы Великой Отечественной войны к декабрю 1941 г. в районе было размещено 2050 эвакуированных [2, с. 564].

Основная часть прибывала с эшелонами до г. Перми. Эвакуированные приезжали из Белорусской, Украинской, Молдавской, Литовской, Эстонской, Латвийской ССР, Крымской АССР, центральных областей РСФСР. Прибывшие с промышленными предприятиями отправлялись к месту дислокации завода, остальные переправлялись в районы. Размещали прибывших людей в общежитиях за счет уплотнения местного населения, что в некоторых случаях вызывало негативную реакцию. Позднее начали строить бараки. Часто условия жизни, особенно в первые месяцы эвакуации, были спартанскими – плохая освещенность, сырость, скученность, отсутствие постельных принадлежностей, одежды и обуви, дров. Проблемы решались авральными методами. Обустройством эвакуированных занимались несколько учреждений. Районные отделы социального обеспечения отвечали за условия жизни, отделы коммунального хозяйства – за размещение в жилом фонде, торговые отделы областного и районного уровней – за снабжение, колхозы и совхозы – за обеспечение топливом и продуктами питания.

Уже в августе 1941 г. в Молотове была организована мастерская по производству агитплакатов, а 15 декабря в Чёрмозе – ее отделение. В Чёрмоз прибыли в эвакуацию семьи членов Московской организации Союза художников – Б.В. Иогансона, Г.Г. Ряжского, Я.Д. Ромаса, Н.А. Соколова, Н.М. Ромадина и др. [3, с. 53].

Областная газета «Звезда» 2 февраля 1942 г. писала: «Московский скульптор З.М. Виленский автор известных памятников В.И. Ленину и С.М. Кирову, находясь в эвакуации в Чёрмозе, начал работу над скульптурными изображениями передовиков Чёрмозского металлургического завода. Он вылепил с натуры бюсты сталевара И. Садыкова, листопрокатчика М.М. Базанова, старейших мастеров Н.Ф. Новикова, И.И. Вотинова» [3, с. 126].

14 марта 1943 г. в клубе металлургов г. Чёрмоза открылась первая выставка произведений московских художников, находившихся в Чёрмозе (Ф.В. Смирнов, Н.А. Лаков, Л.И. Аронов, З.М. Виленский, П.В. Кенинг, В.М. Терзибашьян, Е.М. Коварская, В.П. Ганшева, М.А. Щетинина, Н.Г. Ганина, М.В. Зотова, К.В. Зотов)[3, с. 248].

Народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР скульптор Зиновий Моисеевич Виленский создал в Чёрмозе знаменитую «Уральскую серию», в которую вошло более 100 работ. З.М. Виленский работал непосредственно в цехах завода. В основе большинства портретов и жанровых скульптурных композиций – конкретные прототипы. Каждая работа делалась без каркаса в единственном экземпляре из огнеупорной глины (шамота). В рабочем клубе регулярно проводились выставки портретов ударников, причем они постоянно менялись.

Из «Уральской серии» в филиале Ильинского краеведческого музея – Чёрмозском историко-краеведческом музее находятся портреты почетного металлурга СССР Исмагила Садыкова (1943), листопрокатчика Степана Петровича Пермякова, привлекающие своей серьезностью и внутренней собранностью.

Народный художник РСФСР Иван Филиппович Титов создал в 1943–1944 гг. цикл о Чёрмозе в графике и живописи – всего более 30 работ. В музее хранятся его произведения: «Чёрмозский пруд» (холст, масло, 1944), «Усть-Чёрмоз», портрет Героя Советского Союза Ивана Ульяновича Бутырина (холст, масло, 1944). Особая ценность этих картин в том, что в настоящее время ни завода, ни пруда не существует, имеются лишь их изображения на холсте.

Заводскую тематику военного времени продолжают работы художников Николая Лакова, Якова Ромаса. В фондах музея несколько рисунков, множество эскизов Н. Лакова, выполненных углем, картина Я. Ромаса «Сутунка», сохранившие суровость того времени, выполненные в темных тонах [3, с. 116].

Мастерская военного агитплаката, которой руководил Николай Андреевич Лаков, выпускала агитокна тиражом до 150–200 экземпляров. В состав мастерской входило 13 членов Союза советских художников: Лев Ильич Аронов, Федор Васильевич Смирнов, Павел Васильевич Кениг, Вааги Мартович Терзибашьян, Вера Парамоновна Ганшева, Мария Алексеевна Щетинина, Наталья Егоровна Ганина, Константин Васильевич Зотов, Зиновий Моисеевич Виленский, Евгения Михайловна Коварская (супруга Виленского), Иван Филиппович Титов, Яков Дорофеевич Ромас.

С первых дней пребывания на уральском заводе художники включились в работу. Сначала были размножены 4 плаката «окон ТАСС», которые призывали людей приложить все усилия к разгрому врага. Затем мастера готовили эскизы, наброски для будущих работ, отражающих технологический процесс, создавали портреты рабочих и служащих, тиражировали вручную плакаты. Вместе со взрослыми работали дети художников, которых привезли в Чёрмоз ранее, в августе 1941 г.

Чёрмозский период оказался плодотворным для З.М. Виленского. Из эвакуации он вывезет более 100 работ, которые впоследствии будут известны как «Уральская серия» скульптурных портретов из шамота. Две из них останутся в Чёрмозе. Иван Титов и Яков Ромас подарят несколько полотен клубу металлургов, благодаря чему позднее, в 70-х гг. XX в., они разместятся в фондах народного музея города. Николай Лаков напишет несколько десятков рисунков, часть которых также вернется в Чёрмоз, спустя несколько лет, в 80-х гг. XX в.

В настоящее время музейное собрание работ эвакуированных московских и ленинградских художников состоит из нескольких подколлекций, объединенных одним периодом. Это «Коллекция живописи Якова Ромаса и Ивана Титова. 1943–1944 годы», «Коллекция рисунков и эскизов Николая Лакова. 1942–1943 годы», «Коллекция скульптуры Зиновия Виленского и Вааги Терзибашьяна. 1943–1944 годы», всего 52 единицы хранения. Здесь работы, выполненные маслом, акварелью, карандашом, тушью, а также из шамота и гипса.

Нужно сказать о том, что это не просто творческая иллюстрация военного времени. Художники выполняли свое повседневное дело, оставляя потомкам историю жизни завода. Труд был смыслом жизни, страстью людей и одновременно подвигом. Не случайно заводу Чёрмоз (завод как поселение) в 1943 г. был присвоен статус города. А художники, несомненно, внесли свой скромный вклад в это событие.

Чёрмозский район в годы войны – типичный район старого Урала. Сам Чёрмоз жил от гудка до гудка, где на металлургический завод ложилась основная нагрузка по выполнению специальных заказов по выпуску продукции для фронта (прокат броневого листа, литье сборных чугунных печек, выпуск стабилизаторов для мин и т. д.). Художники воспроизводили жизнь не только завода, но и находили места, где шло, казалось бы, медленно время: спокойное течение в верховьях пруда, где скользит лодка с двумя рыбаками; лыжники, поднимающиеся на косогор. Но одновременно было ясно, что это суровые приметы войны. У Ивана Титова: Камская грузо-перевалочная база Усть-Чёрмоз, как место работы и одновременно поселение (5 бараков и 11 домов), где стояли портовые краны и происходила погрузка заводской продукции на баржи.

Особый интерес вызывают рисунки и эскизы Николая Лакова, созданные в 1942–1943 гг. Они относятся к периоду пребывания художника в Чёрмозе и Майкоре (до 1959 г. Майкор входил в состав Чёрмозского района). Здесь производственный и городской пейзажи, портреты заводчан, процесс производства.

Работы иллюстрируют лозунг «Все для фронта, все для победы!». Победу в тылу ковали женщины, дети, старики. На места ушедших на фронт кадровых рабочих вставали подростки 14–16 лет, окончившие фабрично-заводское училище (ФЗУ) и ремесленное училище № 18, а также старики-специалисты, которые давно вышли на пенсию. Всего с Чёрмозского завода ушло на фронт 830 чел.

Пройдет время и незадолго до затопления завода в 1954 г. художник и журналист Анатолий Тумбасов так опишет работу в листобойном цехе: «Я ходил по заводу, рассматривал в цехах старинушку. В листобойном цехе старина надвинулась на меня грохотом тяжелых молотов. На деревянных рычагах они поднимались вверх и всей тяжестью опускались, ударяя по горячим пачкам железа. Грохот стоял оглушающий, рабочие орудовали у подставок-наковален, и мне казалось: молоты вот-вот прихлопнут кого-нибудь – но люди трудились ловко и слаженно <... > Кровельное железо под листобойными молотами проходило окончательную обработку. Листы выравнивались, повышалась их эластичность и гибкость. Из-под молотов выходило качественное железо» [1].

Сегодня г. Чёрмоз и пос. Ильинский находятся в составе одного муниципального округа с центром в Ильинском.

Литература и источники

1. *Баканина И. Г.* Произведения искусства в фондах Чёрмозского историко-краеведческого музея // Чёрмоз: вчера, сегодня, завтра: материалы научно-практической конференции, посвященной 300-летию г. Чёрмоза (Пермь, 28–29 июня 2001 г.) / Адм. г. Чермоза Перм. обл.; Чермоз. историко-краевед. музей, Некоммерч. партнерство «Чермоз. землячество. Причал». Пермь: Мини-Принт, 2002. 143 с.: ил.

2. Пермский край в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: энциклопедия. Пермь: Пермский гос. архив социально-политической истории, 2020. 799 с.

3. Пермский край в Великой Отечественной войне. Иллюстрированная хроника. Пермь: Пушка, 2020. 430 с.

УДК 94(470.344)”1941/1945”

Н.Б. Смирнова

«ЧУВАШСКАЯ СТРАНИЦА» В БИОГРАФИЯХ ЭВАКУИРОВАННЫХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе архивных документов, материалов периодической печати и воспоминаний исследуется «чувашский след» в биографиях лиц, эвакуированных из Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Анализируются численность, национальный состав и география расселения беженцев. Особое внимание уделяется их трудовой деятельности в промышленности, сельском хозяйстве, транспортной сфере, а также вкладу белорусских медиков, педагогов и ученых в развитие принимающего региона. Рассматриваются проблемы социально-бытовой адаптации и процесс реэвакуации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Белорусская ССР, Чувашская АССР, социальная адаптация, трудовая деятельность, реэвакуация, межнациональное взаимодействие.

N.B. Smirnowa

THE «CHUVASH PAGE» IN THE BIOGRAPHIES OF EVACUATED RESIDENTS OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. Based on archival documents, periodicals, and memoirs, this article examines the «chuvash trace» in the biographies of persons evacuated from Belarus during the Great Patriotic War. It analyzes the number, national composition, and settlement geography of the refugees. Special attention is paid to their labor activities in industry, agriculture, and transport, as well as the contribution of Belarusian physicians, teachers, and scientists to the development of the host region. The problems of social and everyday adaptation and the process of re-evacuation are also considered.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, Byelorussian SSR, Chuvash ASSR, social adaptation, labor activity, re-evacuation, interethnic interaction.

Великая Отечественная война стала периодом не только масштабных боевых действий, но и грандиозных перемещений населения. Сотни тысяч жителей Белорусской ССР, оказавшихся на пути стремительного наступления вермахта, были эвакуированы в глубокий тыл, что стало их единственным шансом спастись от оккупации и геноцида. Одним из регионов, принявших перемещенных лиц, стала Чувашская АССР. «Чувашская страница» в биографиях жителей Белоруссии, вынужденных покинуть родные места, отражает не только историю борьбы за выживание, но и сложный процесс социальной адаптации, трудовой мобилизации и налаживания новых связей в условиях тыла.

В историографии эти события нашли отражение в трудах как отечественных, так и белорусских исследователей [2; 5; 6; 19; 23; 25; 26; 29; 30; 32–34; 36 и др.]. Значительный вклад в изучение регионального аспекта темы эвакуации внесла Н.Ю. Толстова, защитившая в 2023 г. кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам организации размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности эвакуированных в Чувашии [32]. Автор анализирует национальный состав прибывшего населения, географию его размещения, бытовые условия, трудовую активность и особенности

реэвакуации. Хотя стратегические аспекты и общие масштабы эвакуационного процесса в целом хорошо изучены, региональные особенности адаптации представителей отдельных советских республик в тылу и их вклад в социально-экономическое развитие принимающей территории требуют дальнейшего анализа. Исследование участия эвакуированных жителей Белорусской ССР в жизни Чувашии в годы Великой Отечественной войны способствует сохранению исторической памяти и укреплению культурных связей между народами России и Беларуси.

Источниковую базу статьи составляют документы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), материалы периодической печати, сборники документов [4; 27], воспоминания.

Цель данной статьи – представить и обобщить научные данные об этой группе эвакуированных, а также показать ее роль в социально-экономической жизни принимающего региона.

В 1941 г., в связи с началом военных действий, была организована массовая эвакуация населения из фронтовых и прифронтовых зон в более безопасные районы. Важную роль в этом процессе сыграла и Чувашия, выступив в качестве принимающего региона для тысяч людей. 26 июня 1941 г. в республике была создана правительственная комиссия, ответственная за прием, размещение и трудоустройство эвакуированного населения, которую возглавил председатель Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР А.В. Сомов.

По данным историков, общее число граждан, эвакуированных в годы войны в Чувашию, превышало 70 тыс. чел., из которых более 30 тыс. составляли дети. Среди них находились и жители Белоруссии, которые образовывали значительную и стабильную группу. Первый эшелон с эвакуированными прибыл в Чувашию 1 июля 1941 г., а 4 июля в г. Алатырь был принят поезд с 1195 беженцами из Минска (из них 421 ребенок). Было организовано медицинское обслуживание, через которое прошли почти все эвакуированные [19, с. 60].

По состоянию на 1 января 1942 г., численность прибывших из Белоруссии лиц в республике составляла 5978 чел. (9,2 % от общего числа эвакуированных) [32, с. 63]. В дальнейшем эта цифра менялась в связи с перемещением людей в другие регионы. На 1 июня 1942 г. она составила 5276 чел., на 1 декабря 1943 г. – 5272 чел., а к 1 января 1944 г. уменьшилась до 4611 чел. [32, с. 64, 215].

По национальному составу среди эвакуированных из Белорусской ССР доминировали белорусы (около 55 %), на втором месте находились евреи (35 %), русские и представители других национальностей составляли около 10 %. Некоторые эвакуированные прибыли вместе с учреждениями и предприятиями, в то время как другие оказались на территории Чувашии как члены эвакуированных семей [5, с. 35; 9, л. 162].

Размещение белорусских эвакуированных в Чувашии определялось как нуждами военного времени, так и экономической целесообразностью. Около 9,3 % были направлены в Козловский район, далее следовали Алатырь (7,6 %), Чебоксары (5,7 %) и Шумерля (4,9 %). Немногим более 100 чел. проживали в Калининском, Первомайском, Шемуршинском, Шихазановском, Янтиковском и других районах [32, с. 68].

Появление вынужденных переселенцев стало серьезным испытанием для тыловой республики. Власти и местное население, руководствуясь принципом солидарности, стремились обеспечить их жильем, работой, питанием и одеждой. Однако трудности на этом пути были неизбежными. Социальная адаптация представляла собой многослойный процесс: эвакуированные, пережившие горький опыт бегства и утрату родного дома, сталкивались с психологическими проблемами, непривычным бытом. Часть прибывших была непривычна к тяжелому физическому труду. Некоторым из них также приходилось преодолевать языковой барьер и материальные трудности, а в ряде

случаев – сталкиваться с невозможностью трудоустройства. Например, Я.П. Даневская, эвакуированная из г. Бельска, в феврале 1942 г. писала в НКВД Шемуршинского района о невозможности трудиться, так как «детский сад не работает третий месяц и негде оставлять своего ребенка» [32, с. 108]. Это письмо подчеркивает уязвимое положение женщин-матерей в сложных условиях эвакуации. Учительница русского языка А.А. Плавская, размещенная в г. Алатырь, также столкнулась с трудностями: после эвакуации она лишилась не только работы, но и пенсии за выслугу лет и неоднократно получала отказы в трудоустройстве по специальности из-за отсутствия вакансий [10, л. 7]. Тем не менее, благодаря мерам властей и помощи неравнодушных местных жителей, многие проблемы удавалось решать. Постепенно эвакуированные включались в работу. Их распределение по отраслям происходило в соответствии с потребностями тыла, однако не всегда учитывалась их предшествующая профессиональная подготовка, особенно в сельской местности.

Многие эвакуированные жители Белоруссии трудились на промышленных предприятиях в Шумерле, Чебоксарах, Канаше, Алатыре, Ядрине. Например, на Алатырских лесозаводах № 7 и 8 работали фасовщиками Л.И. Сагалович из Минска, а также Ю.С. Шлифенсон из Витебска [14, л. 118–118 об.]. На Алтышевском лесозаводе трудился рабочий Л.Ф. Горячук также из Минска. На предприятиях г. Ядрина работала уборщицей эвакуированная С.О. Петрова, которая впоследствии осталась в городе и дожила до 104 лет [23, с. 476–477]. Из Брестской области в г. Алатырь ребенком был эвакуирован будущий кандидат военных наук, преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе Л.Н. Лопуховский. Его мать, М.И. Лопуховская, работала на военном заводе и осталась жить в Алатыре после войны. Он вспоминает: «...Мать работала на военном заводе, который занимался ремонтом вооружения, непрерывно поступающего из действующей армии (в том числе и трофейного). Работали там без выходных по 14 часов в сутки, а иногда и более – в зависимости от поступления матчасти и сроков, отпущенных на ремонт» [22].

На промышленных предприятиях республики трудились и представители белорусской интеллигенции, зачастую не имевшие соответствующей квалификации. Например, учительница из г. Гомель А.Н. Рожавская работала на заводе № 471 в г. Шумерля, на лесозаводе в Алатырском районе – музыкант из Минска Х.А. Сагалевич, а композитор Н.Ф. Соколовский, будущий автор музыки гимна Республики Беларусь, – на военном заводе в Алатыре [13, л. 19 об.; 14, л. 84 об.; 21; 28]. Кроме того, в Чувашию было доставлено оборудование Гомельского клинкерного завода (часть из него была утеряна в процессе транспортировки) и Речицкого экстрактового завода им. К.Е. Ворошилова, которое успешно нашло применение в местной промышленности.

Важно отметить участие белорусских эвакуированных в сельскохозяйственной деятельности. Многие из них, включая представителей интеллигенции, трудились в колхозах, которые имели фонды и могли авансировать эвакуированных в счет оплаты за трудодни [19, с. 60]. Например, учительница А. Зильшовская из Гомеля работала в колхозе Калининского района, Е.В. Кривицкая из Минской области – в колхозе «Ударник» с. Чкалово Батыревского района, Р.Х. Полей из Гомельской области – в колхозе с. Батырево, М.Т. Акулова из Бобруйска – в колхозе в Шихазановском районе [14, л. 15, 29]. Трудились и люди старшего возраста. Например, 68-летний П.А. Залмон, эвакуированный из Гомеля, работал на молотьбе в колхозе «Путь социализма» Первомайского района [27, с. 33]. Некоторые занимали руководящие должности, как, например, заведующая молочно-товарной фермой (МТФ) в том же колхозе, также эвакуированная из Гомеля (фамилия и инициалы в источнике не указаны). Многие беженцы добивались успехов и становились передовиками. Так, в колхозе «Красный луч» Первомайского района эвакуированная Шалыгина (инициалы в источнике отсутствуют) из Гомеля заработала более 150 трудодней, обеспечив себя картофелем, капустой и другими овощами [15, л. 115–115 об.]. В воспоминаниях жительницы с. Кудеиха Порецкого района А.П. Батыжиной (Сорокиной) говорится о двух белорусских

скотниках – Быбоеве и Крупском, которые работали вместе с ней на ферме. Они «пригнали своим ходом скот» (по-видимому, крупный рогатый скот, эвакуированный из Белоруссии) и старательно трудились [3].

Белорусские эвакуированные сыграли важную роль и в транспортной сфере, активно участвуя в социалистических соревнованиях. Например, в 1942 г. среди железнодорожников развернулась Всесоюзная инициатива за экономию топлива, в ходе которой только за январь-февраль по Канашскому депо было сэкономлено 397 т. Среди участников выделялся эвакуированный из Могилева машинист Х.А. Кочмарев. Он был признан «лучшим по профессии» и впоследствии награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени [6, с. 251; 20; 26, с. 346–347].

Лица, прибывшие из Белоруссии, также находили работу в финансовом секторе республики. Например, бухгалтер Л.А. Маргалина из г. Жлобин трудилась в леспродторге Алатырского района, а эвакуированные из Гомеля А.Д. Громыко и И.И. Громыко занимали должности в Ибресинском районном финансовом отделе [14, л. 11 об.].

Весомый вклад в систему здравоохранения региона внесли эвакуированные белорусские медики, которые помимо лечебной деятельности участвовали в научных конференциях, делясь опытом лечения раненых [31]. Работая врачами, медсестрами, санитарами в госпиталях и больницах, развернутых в Чувашии, они демонстрировали высокий профессионализм и самоотверженность.

В материалах Наркомата здравоохранения Чувашской АССР упоминается медсестра эвакогоспиталя № 3459 (г. Шумерля) Т.И. Кацнельсон, эвакуированная из Могилевской области. Она не только добросовестно выполняла возложенные на нее обязанности, но и предложила ряд рационализаторских идей по обслуживанию пациентов, за что была премирована. Медсестра из г. Борисов З.П. Капилевич, трудившаяся в эвакогоспитале № 3057 (г. Чебоксары), регулярно проводила занятия с санитарами, организовывала беседы с ранеными на санитарно-профилактические темы и редактировала стенгазету, получив благодарность от руководства больницы [12, л. 30, 59–60].

В эвакогоспитале № 3062, расположенном в г. Канаше, трудились санитары, врачи и медсестры из Витебска и Могилева. К примеру, одной из санитарок была Г.С. Ерухимович из Витебска [12, л. 169; 30, с. 29]. В спецгоспитале для военнопленных № 3064, находившемся в Козловском районе, работала врач З.Г. Карпова (Филипченко), которая вспоминала: «...Мы работали с 8 утра до 7 вечера. Отпуска не было... Сотрудники друг к другу по именам не обращались, только по званиям. Следили за нами особисты, ничего личного с пленными не позволяли... Я же от них бежала из Белоруссии, а тут пришлось их лечить!» [29, с. 69]. Это высказывание подчеркивает сложные морально-этические аспекты деятельности медицинских работников в условиях войны, которые были вынуждены выполнять профессиональные обязанности, несмотря на личные чувства и сложные жизненные обстоятельства.

Уроженка Могилева М.С. Радуто в 1941–1942 гг. трудилась в первой Чебоксарской городской больнице, а в 1942–1945 гг. – в эвакогоспитале № 3058, руководя терапевтическим отделением. Это учреждение специализировалось на лечении больных и раненых с повреждениями мягких тканей. Врачи-терапевты, включая М.С. Радуто, использовали в практике новые лекарства (сульфазол, белый и красный стрептоцид и др.) и внедряли современные методы лечения: физиотерапию, лечебную физкультуру, трудотерапию, диету, массаж и витаминотерапию. Эти меры ускорили реабилитацию и помогли пациентам вернуться в строй [2, с. 343; 8, л. 56]. После войны М.С. Радуто осталась в Чувашии, была удостоена почетных званий «Заслуженный врач Чувашской АССР» (1960) и «Заслуженный врач РСФСР» (1967), что подчеркивает ее высокий профессиональный уровень и значимость вклада в здравоохранение республики.

В Чувашии бережно сохраняется память о трудовом подвиге медицинских работников. Так, с 1986 г. в Канаше в здании бывшего эвакогоспиталя № 3070 действует музей «Слава госпиталя», а в Чебоксарском институте усовершенствования врачей с

2005 г. функционирует музей истории медицины имени Г.А. Алексеева, где можно найти материалы, посвященные их самоотверженной работе.

В эвакогоспиталях эвакуированные жители Белоруссии были не только медиками. Например, А.Л. Шлифенсон из Минска трудилась машинисткой в эвакогоспитале № 3057 [11, л. 45]. До этого она работала в системе Наркомата финансов Белорусской ССР.

В годы войны в Шумерле находился в эвакуации Полоцкий дом ребенка им. К.Н. Самойловой. В нем воспитывалось 66 детей в возрасте от одного месяца до 3 лет, численность персонала составляла 28 чел. [32, с. 223]. Защита и сохранение здоровья малышей стала коллективной задачей: заведующая учреждением П.С. Портнова сделала все возможное для обеспечения их благополучия, включая поездку в Москву в октябре 1941 г. по вопросам получения медикаментов и продуктов. Сотрудники учреждения активно участвовали в уходе за детьми: «Галя Филипенок, например, так ослабла, что ее постоянно держали в вате, словно птенчика, несколько раз сотрудники сдавали свою кровь Даше Дороженской», проявляя высокий уровень самопожертвования [35].

Взаимопомощь проявлялась не только в уходе за детьми, но и в других формах поддержки. Жители Шумерли приносили одежду и продукты, а чувашские медики оказывали помощь белорусским эвакуированным.Так, профессор П.Н. Осипов, срочно доставленный самолетом в Шумерлю по указанию председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР З.А. Андреевой, спас дочь П.С. Портновой Майю [35]. Кроме того, 21 июня 1943 г. СНК Белорусской ССР принял отдельное постановление, посвященное состоянию этого учреждения, тем самым подчеркивая особое внимание руководства к судьбе детей даже в условиях войны [4, с. 78]. В Шумерлю также приезжали высокие гости: председатель Верховного Суда Белоруссии В.Я. Седых и главный хирург эвакогоспиталей Чувашии И.М. Стельмашонок, что свидетельствует о значимости данного детского учреждения.

В конце сентября 1945 г. дом ребенка возвратился в Белоруссию. За свою благородную работу П.С. Портнова была награждена орденом Трудового Красного Знамени, тремя медалями и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. В 2022 г. в Полоцке на здании детского сада № 24 ей установили мемориальную доску.

Эвакуация сыграла важную роль в развитии системы образования региона. Белорусские учителя, воспитатели и преподаватели вузов, заменив коллег, ушедших на фронт, помогли восполнить кадровый дефицит. Среди них были учителя математики, русского языка и литературы, немецкого и английского языков, обладавшие педагогическим стажем более 10 лет и работавшие как на рядовых, так и руководящих должностях. Так, учительницей математики в Милютинской НСШ Порецкого района трудилась эвакуированная из Могилева С.И. Добкина; прибывшая из Витебска Р.М. Корень работала в школе № 2 г. Канаша, учительница немецкого языка из Минска Б.М. Зельдина была направлена в Кирскую среднюю школу Алатырского района [10, л. 5, 362, 374 об.]. Завучами в Цивильскую, Верхнемайданскую и Елышевскую НСШ соответственно были назначены эвакуированная из Витебска Е.В. Горская, Б.М. Гершман и Е.А. Петрикова из Гомеля, С.М. Пахина из Витебской области – в Чирш-Хирлепскую НСШ Калининского района [10, л. 71; 32, с. 127–128]. Белорусские учителя демонстрировали высокие результаты своей работы. Например, ученики А.А. Плавской из Алатырского района за год не получили плохих оценок и успешно перешли в следующий класс [36, с. 163]. Не меньшую роль сыграли и специалисты в сфере дошкольного воспитания, такие как бывшая заведующая детским садом в г. Минске В.А. Кенгурова, направленная в ясли для детей железнодорожников в Алатырском районе [13, л. 85].

Среди белорусских эвакуированных были и ученые: профессор Белорусского государственного университета А.И. Лурье и профессор Белорусской сельскохозяйственной академии Н.В. Найденов. А.И. Лурье в 1941–1943 гг. работал в Чувашском педагогическом институте в должности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма. Несмотря

на инвалидность, связанную с последствиями инсульта 1937 г., он стремился попасть на фронт, однако был вынужден остаться в тылу [24]. Работа возглавляемой им кафедры проходила в сложных условиях: перебои в снабжении топливом и светом затрудняли учебный процесс и научные исследования. А.И. Лурье преподавал на первом и третьем курсах (его нагрузка составляла 584 часа по учебной работе и 90 часов в государственной экзаменационной комиссии) и разрабатывал следующие темы: «Образцы диалектики в работах Сталина о Великой Отечественной войне», «Законы советской экономики в военное время», «Экономика Чувашской АССР в Великой Отечественной войне» [16, л. 15, 16, 23 об.]. Кроме того, ученый подготовил работы: «Экономическое содержание фашизма» и «Партизанская война в тылу у немецких фашистов». 18 октября 1941 г. А.И. Лурье принял участие в антифашистском митинге работников науки и искусства в г. Чебоксары, подчеркнув важность отдачи «всех своих сил, знаний и опыта великому делу победы над врагом» [7; 33, с. 32]. Также он проводил публичные лекции, участвовал в рытье окопов, а в свободное время писал стихи, что демонстрировало его патриотизм и активную жизненную позицию. Осенью 1943 г. А.И. Лурье выехал из Чувашии.

Другим видным исследователем был Н.В. Найденов, который в эти же годы заведовал кафедрой кормления сельскохозяйственных животных Чувашского сельскохозяйственного института. Деятельность кафедры в военное время была полностью направлена на оказание помощи фронту и сельскохозяйственному производству. Под руководством Н.В. Найденова коллектив кафедры разрабатывал технологию приготовления соломы для кормления животных, а также способ получения сенной муки из клевера и люцерны, что заменяет до 20 % зерна в рационе свиней и птицы. По рекомендации ученых, для повышения содержания белка в кормовом рационе начали использовать крапиву и лебеду [18, л. 67]. В 1942 г. кафедра занималась внедрением рациональных методов откорма скота и техники воспитания телят в молочный период. Также Н.В. Найденов разрабатывал эффективные приемы откорма свиней, крупного рогатого скота и птиц [17, л. 10, 122]. В декабре 1942 г. в Чувашском сельскохозяйственном институте состоялась научная конференция, в которой он принял участие. В 1943 г. ученый реэвакуировался.

Деятельность А.И. Лурье и Н.В. Найденова в Чувашии иллюстрирует две основные линии мобилизации научного потенциала: идейно-воспитательную и прикладную. Накопленный ими в тылу опыт впоследствии нашел применение в исследованиях как чувашских, так и белорусских ученых.

Отдельным аспектом стало трудоустройство эвакуированных из Белоруссии в уголовно-исполнительной системе Чувашии. Согласно воспоминаниям жителей пос. Первомайский Алатырского района А. Фадеева и Н. Большовой, здесь находилась одна из таких семей. Глава семьи служил надзирателем в исправительно-трудовой колонии № 1 НКВД Чувашской АССР, расположенной в этом поселке. Его жена работала нянечкой в детских яслях при колонии, где содержались дети заключенных женщин [1].

В 1943 г. сложились благоприятные условия для реэвакуации. В этот период значительная часть территории Советского Союза была освобождена от оккупантов, однако страна испытывала острую нехватку рабочей силы для восстановления разрушенной экономики. К весне 1944 г. реэвакуационный процесс набрал обороты: с июля 1943 по апрель 1944 г. общая численность эвакуированных в Чувашии сократилась на 35,8 %, снизившись с 70 901 до 45 506 чел. [32, с. 135]. Согласно данным Совнаркома Чувашской АССР, в очереди на возвращение находились 4084 чел. из Белорусской АССР, однако политика реэвакуации находилась под жестким контролем властей: распоряжением Совета Народных Комиссаров РСФСР № 931-р от 28 апреля 1944 г. были введены ограничения, запрещавшие возвращение без специального разрешения.

Реэвакуация продолжилась и в послевоенные годы. Лица, оставшиеся в Чувашии, неоднократно обращались в местные учреждения с просьбами о возвращении,

а в их адрес поступали письма с разъяснениями причин задержек и рекомендациями по ускорению процедуры. Например, 28 мая 1945 г. жителя пос. Ибреси Ф.И. Качара уведомили о невозможности его переезда в Гомель без распоряжения правительства о реэвакуации и соответствующих лимитах на отправки [32, с. 144].

На имя отдельных эвакуированных лиц и их семей в Чувашию поступали письма-вызовы. На их основе оформлялись разрешительные документы. Так, в июне 1945 г. был получен вызов из Плисского райисполкома Белорусской ССР, ставший поводом для выдачи семье В.Н. Кореневского пропусков на выезд из республики. В это же время М.Я. Зайцевой готовили документы для реэвакуации в г. Мстиславль Белорусской ССР. Семье Д.М. Дубровенской также выдали разрешение на возвращение в г. Рогачев Белоруссии, что свидетельствовало об активизации и налаживании процесса реэвакуации [32, с. 145]. К концу 1940-х гг. большинство белорусских семей вернулись на родину, но небольшая часть эвакуированных осталась в Чувашии и связала с ней свою судьбу.

Таким образом, эвакуация жителей Белоруссии в Чувашскую АССР стала не просто историей спасения, а сложным и во многом противоречивым процессом интеграции. Белорусские эвакуированные, численность которых достигала почти 6 тыс. чел. (около 10 % всех эвакуированных), стали полноправными членами тылового сообщества. Они восполнили кадровый дефицит в промышленности и сельском хозяйстве, способствовали развитию региональной науки, медицины и педагогики. Цена этой интеграции была высока: работа по 14 часов, полуголодное существование, тяжелые бытовые условия, необходимость преодолевать психологический шок от потери дома и адаптироваться к новой социальной среде. Однако, выдержав эти испытания, выходцы из Белоруссии смогли помочь стране выстоять в трудные годы. Некоторые из них остались в республике навсегда, их потомки до сих пор чтят историю своих семей. Чувашская земля стала для эвакуированных жителей Белоруссии не просто тылом, а местом, где они обрели второй дом, что стало важным элементом общей исторической памяти двух народов.

Литература и источники

1. Алатырская голгофа: история ЛИТК № 1 НКВД Чувашской АССР // Алатырь-крест. URL: https://alatyr-krest.ru/istoryaaitk/ (дата обращения: 19.01.2026).

2. *Алексеев Г.А.* Медики Чувашии в годы войны: энциклопедия. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 466 с.

3. Батыжина (Сорокина) Анастасия Петровна // Сурский рубеж. URL: https://сурскийрубеж.рф/portfolio/10506/ (дата обращения: 19.01.2026).

4. Белорусы в советском тылу: июль 1941–1944: сборник документов и материалов. Вып. 2: 1943 г. – 1944 г. Минск: НА РБ, 2010. 182 с.

5. *Бойко И.И.* Повседневная жизнь населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны: подходы и направления // Современная гуманитаристика. 2025. № 4. С. 30–43.

6. *Воронкова И.Ю.* Эвакуированные белорусы в Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 244–255.

7. Все силы народа на разгром гитлеризма! // Красная Чувашия. 1941. 19 октября.

8. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 923.

9. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 11.Д. 16.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 28. Д. 826.

11. ГИА ЧР. Ф. Р-259. Оп. 4. Д. 63.

12. ГИА ЧР. Ф. Р-259. Оп. 2. Д. 104.

13. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 52.

14. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 2. Д. 101.

15. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 46.

16. ГИА ЧР. Ф. Р-1335. Оп. 6. Д. 24.
17. ГИА ЧР. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 496.
18. ГИА ЧР. Ф. Р-1512. Оп. 3. Д. 24.
19. *Григорьев А.Д.* Материальное положение и быт населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 168 с.
20. *Ивуть А.* Его судьба – дорога // Белорусский железнодорожник. URL: https://xpress.by/2017/01/21/ego-sudba-doroga/ (дата обращения: 23.01.2026).
21. К 120-летию композитора Нестора Соколовского, автора музыки белорусского гимна // Родные вытоки. URL: https://www.dokshitsy.by/2022/11/kompozitora-nestora-sokolovskogo/ (дата обращения: 15.01.2026).
22. К 75-летию Великой Победы: «В 5 часов утра отцу доложили, что “неизвестная авиация бомбила артсклады”»: история 90-летнего Льва Николаевича Лопуховского // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27128/4213398/ (дата обращения: 23.01.2026).
23. *Ксенофонтов Г.Н.* Долгожители Чувашии. Чебоксары: Новое Время, 2009. 704 с.
24. *Лурье Н.А.* Воспоминания // Мое местечко. URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/minsk/lurie.html (дата обращения: 19.01.2026).
25. *Машнюк Г.А.* Эвакуация детей дома ребенка имени К.Н. Самойловой в июне 1941 года // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2021 г., Полоцк, 23 февраля 2022 г.). Гродна: ГрДУ, 2024. С. 77–83.
26. *Олехнович Г.И.* Помощь белорусского народа сражающейся Родине // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: в 2 кн. Кн. 2. Трудовой подвиг народа. Москва: Мысль, 1974. 367 с.
27. Повседневная жизнь населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары: Новое Время, 2025. 468 с.
28. Сакалоўскі Несцер Фёдаравіч // Беларусь у асобах і падзеях. URL: https://bis.nlb.by/by/documents/128397 (дата обращения: 25.01.2026).
29. *Смирнова Н.Б.* Организация лечебного процесса и медицинское обслуживание военнопленных в спецгоспитале № 3064 в 1943–1946 гг.// Марийский край в военной истории России: материалы региональной научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 23 ноября 2018 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. С. 62–75.
30. *Стасева А.Б., Кириллова И.Г., Максимов Б.И., Золотова Н.В., Пчелкина А.Н., Шромина Н.К., Гареева Р.Р.* Подвиг медицинских работников эвакуационных госпиталей № 3062 и № 3070 в г. Канаш Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Русская старина. 2020. № 11 (1). С. 26–40.
31. *Стельмашонок И.М.* Научная конференция врачей эвакогоспиталей Чувашской Республики // Красная Чувашия. 1942. 20 сентября.
32. *Толстова Н.Ю.* Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Чебоксары, 2023. 226 с.
33. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Чебоксары: ЧГПУ, 2010. 324 с.
34. Чувашский сельскохозяйственный институт: 1931–1981: [брошюра]. Чебоксары: [б. и.], 1981. 48 с.
35. Чужих детей не бывает // Вперед. URL: https://вперёд21.рф/2017/11/23/чужих-детей-не-бывает/ (дата обращения: 19.01.2026).
36. *Широкова М.А.* Сельская интеллигенция Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2013. 275 с.

УДК 94(47).084.8

О.В. Александрова

СУДЬБА СЕМЬИ ХРОМОВЫХ, ЭВАКУИРОВАННОЙ ИЗ МОСКВЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация. Подлинная переписка военных лет московской семьи, обнаруженная в рассекреченном архивном фонде, послужила началом поиска судьбы ее членов. В истории семьи отразились разные стороны Великой Отечественной войны: фронт и тыл, эвакуация, плен и подвиги, а география протянулась от Москвы до Рязани и Грозного через Татарстан, Чувашию и Пермский край, достигнув Германии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, семья, письма, эвакуация, фронт, тыл, военнопленные.

O.V. Alexandrova

THE FATE OF THE CHROME FAMILY EVACUATED FROM MOSCOW (BASED ON DOCUMENTS FROM THE STATE HISTORICAL ARCHIVE OF THE CHUVASH REPUBLIC)

Abstract. Genuine correspondence from a Moscow family during the war years, discovered in a declassified archival fund, initiated asearch for the fate of its members. The familys story reflected various aspects of the Great Patriotic War: the front and the rear, evacuation and captivity, acts of heroism, and its geography stretched from Moscow to Ryazan and Grozny, through Tatarstan, Chuvashia, and Perm Krai, reaching Germany.

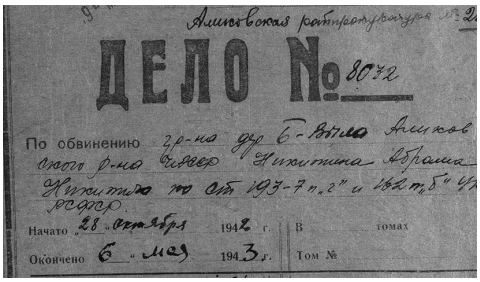
Keywords: the Great Patriotic War, family, letters, evacuation, front, rear, prisoners of war.

Великая Отечественная война прошлась безжалостным катком по бессчетному числу семей, разорвав их узы. Но все же каким-то невероятным чудом сохранились и через толщу десятилетий проникают к нам уже в третье тысячелетие куцые свидетельства, обнажающие боль и трагедию семей во время войны. Сегодня приходится складывать, словно рисунок из тысяч пазлов, чудом сохранившиеся фрагменты этой когда-то счастливой жизни.

В Государственном историческом архиве Чувашии при проведении работ по целевой подшивке единиц хранения фонда «Прокуратура Аликовского района Чувашской АССР» (Р-1297) внимание специалиста привлекло одно из следственных дел, касающихся обвинения в дезертирстве [1]. Интерес оно вызвало тем, что содержало в себе 29 писем, основная часть которых написана старательным детским почерком.

В ходе изучения дела стало известно, что письма были изъяты у молодого дезертира осенью 1942 г. и попали в ведение Красноармейского районного отдела НКВД Чувашской АССР.

История, стоявшая за этим делом, была следующей. 19-летний Абрам Никитин, уроженец Аликовского района Чувашской АССР, самовольно покинувший боевую часть в Калуге, был вынужден прибегать к мелким кражам для обеспечения своего пропитания. В сентябре 1942 г., оказавшись на вокзале в Казани, он похитил из сумки некой гражданки денежные средства вместе с различными бумагами. Спустя месяц преступник был задержан на территории Чувашии. Помимо чужой корреспонденции, никаких других документов при нем не обнаружилось. А стопочка писем, адресован-

Ленинская райпрокуратура
ДЕЛО № 8072
По обвинению гр-на
Начато 28 октября 1942 г. В томах
Окончено 6 мая 1943 г. Том №

Ил. 1. Обложка следственного дела по обвинению в дезертирстве А.Н. Никитина и письма, содержащиеся в нем [ГИА ЧР. Ф.Р-1297. Оп. 10. Д. 12]

ных Аграфене Петровне Хромовой, эвакуированной из Москвы, оказавшихся посланиями от детей, с которыми ее разлучила война, навсегда обрела свой «приют» в уголовном деле в качестве вещественных доказательств, так и не вернувшись к адресату. Лишь спустя 80 лет эти письма оказались в руках архивиста, положив начало поиску тех, кто стоял за перепиской.

Письма, о которых идет речь, написаны с июня 1941 по апрель 1942 г. [1, л. 11–31 об.]. Они рассказывают о большой и дружной семье Хромовых из Москвы, которая в трудное военное время поддерживала друг друга весточками. Удивительным образом в письмах и во всей истории в целом отразились разные стороны жизни тех лет: фронт и тыл, плен и эвакуация, трусость и подвиги, а география протянулась от Москвы до Рязани и Грозного через Татарстан, Чувашию и Пермский край, достигнув Германии.

Было установлено, что семья Хромовых состояла из 7 чел.: родители, сын Саша, дочери Надя, Валечка, Галочка и Ниночка.

Глава семейства с первых дней войны оказался на фронте, но весточек о себе не давал уже спустя два месяца. Имя его изначально не было известно, но на одном из конвертов письма от старшей дочери Нади обозначено отчество буквой «П».

Мама Аграфена Петровна Хромова, упомянутая выше, с младшими дочками Галочкой и Ниночкой была эвакуирована в с. Косяково Татарской АССР, а дочка Валечка, вероятно ученица 3–4 класса, вместе с лагерем 235-й школы – сначала в Рязанскую область, а затем – в Молотовскую (ныне Пермский край). Сын Саша проходил в это время обучение в Борисоглебской школе пилотов им. В.П. Чкалова, а старшая дочь Надя работала на строительстве укрепленных рубежей, оставаясь в Москве, чтобы сохранить квартиру № 19 по улице 3-й Мещанской в доме № 47.

Пожалуй, это все, что удалось узнать из сохранившихся писем. Однако кропотливые поиски помогли установить не только имена членов семьи, разлученных войной. Буквально по крупицам архивистом собирались сведения, прослеживались их судьбы. Благодаря сопоставлению фактов, указанных в письмах, с информацией с сайтов «Память народа», «Подвиг народа», банка данных «Мемориал» поиски увенчались некоторым успехом.

По базе данных «Подвиг народа» [5] из сотни однофамильцев, по единственной зацепке – месту призыва Борисоглебской военно-авиационной школе пилотов, были обнаружены сведения о сыне – Александре Хромове с отчеством на «П». Именно там, судя по содержанию писем, он проходил обучение [1, л. 25] и должен был окончить ее весной 1942 г. летчиком-истребителем. Таким образом, были установлены отчество Александра – Петрович, дата и место рождения – 12 октября 1922 г., д. Пятница Московской области. Стало также известно, что в действующей армии он находился с января 1945 г. в составе 721-го истребительного авиационного Касторненского ордена Александра Невского полка.

Победу Саша встретил в Берлине. Как и обещал в письмах маме получить орден, он отличился в боях и заслужил его, и даже не один. К 1956 г. его грудь украшали ордена Славы III степени, Красного Знамени, Ленина, Красной Звезды и медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За боевые заслуги». В базе данных Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации обнаружены сведения о награждении

Ил. 2. Хромов Александр Петрович, выпускник Борисоглебского высшего военного авиационного ордена Ленина Краснознаменного училища летчиков им. В.П.Чкалова. Не позднее 1945 г. Фото из открытых источников

Ил 3. Хромов Александр Петрович в группе летчиков. Слева направо сидят: И.Г. Проняков, А.П. Хромов, Р.Н. Бекетов, И.К. Мороз; стоят: П. Васин, А. Абрамов, Г. Алексеев, П. Данилин, В. Козлов, А.И. Гавинский. Декабрь 1944 г. Фото из открытых источников

Александра орденом Славы III степени [5] за выполнение задачи по прикрытию группы бомбардировщиков в районе г. Зеелов (Германия) 16 апреля 1945 г. В воздушном бою лейтенант Хромов, действуя в паре со своим ведущим, смело атаковал ФВ-190, отсекая их от бомбардировщиков. Несмотря на численное превосходство и тактическое преимущество истребителей противника поставленная задача была выполнена. Однако самолет Хромова был подожжен противником, а лейтенант спасся на парашюте, получив ожоги лица и рук 3-й степени.

На сайте Борисоглебского училища имя Александра Хромова значится в списке выпускников 1942 г. Здесь размещены его фотографии и биографическая справка [4], благодаря которой стало известно, что после окончания войны он продолжил службу в ВВС до 1960 г.

Поиск информации об отце Петре Хромове (теперь уже известно его имя) проводился по базе данных «Мемориал», так как с сентября 1941 г. вестей о нем семья не получала. Имя главы семьи обнаружено на сайте по месту призыва – д. Пятница Московской области. Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, размещенные на сайте, предоставили следующую информацию: младший командир Хромов Петр Иванович, 1897 г. р., ушел на фронт добровольцем, пропал без вести 6 сентября 1941 г. [7]. Супруга Аграфена Петровна Хромова получила об этом извещение [7]. В нем указан адрес местожительства, который совпадает с тем, что отмечен на конверте письма маме от старшей дочки Нади [1, л. 30].

Из карточки военнопленного удалось узнать точную дату рождения Петра Ивановича – 29 июня 1897 г., а также о том, что он погиб 23 марта 1942 г. в лагере военнопленных Шталаг 321. Стало известно и место первичного захоронения – нацистский концлагерь Берген-Бельзен (в настоящее время территория Нижней Саксонии).

Ил. 4. Карточка военнопленного Шталаг XI D (321) П.И. Хромова [ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977529. Д. 7].

Как сложилась жизнь Аграфены Петровны с детьми после войны, известно мало. На сайте «Поиск захоронений на территории г. Москвы» удалось найти сведения о датах жизни: Аграфены Петровны (1900–1951), дочерей Надежды (1924–1994) и Валентины (1931–1995) [2], чьи письма составляют основную часть переписки. Захоронена Валентина рядом с мамой и старшей сестрой Надей под фамилией Лысенкова.

Почти ничего не известно о младших дочерях Ниночке и Галочке, находившихся вместе с матерью в эвакуации в Татарской АССР. На сайте «Жди меня» обнаружена заявка на поиск потомков Александра Петровича Хромова [6]. Заявка направлена зятем Галины Петровны. Связь между братом Александром и сестрой Галиной, видимо, была потеряна, так как Саша после войны проживал в Одессе. Из заявки стали известны даты жизни Галины (1940–2021), что она была замужем за Соловьевым Владимиром, проживала в Костромской области, работала швеей, а также имела единственную дочь (имя не установлено), которой уже нет в живых.

Возможно, у Хромовых есть потомки. Их поиски продолжаются. Есть надежда, что они откликнутся и обретут уникальную семейную реликвию – копии писем военных лет, хранящихся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики.

Что касается человека, похитившего, но сумевшего не растерять письма за целый месяц с момента кражи и до задержания – его судьба тоже прослежена архивистом. После ареста Абрам Никитин был заключен в Цивильскую тюрьму, а затем проходил обучение в военно-учебном лагере в окрестностях пос. Суслонгер Марийской АССР. Однако свою жизнь все-таки завершил честно и достойно. Он успел послужить Родине в составе 42-го стрелкового полка Смоленской дивизии, погиб от ран 21 марта 1944 г. и был захоронен в д. Копти под Витебском [3, с. 40].

Было бы неправильно не привести здесь строки из этих писем как примера трогательных семейных отношений.

***

Письмо Валечки Хромовой маме Аграфене Петровне (начало января 1942 г.):

«С новым годом! Здравствуйте дорогие мамочка, Ниночка и Галочка. Мамочка, я учусь здесь на "хорошо" и "отлично". Мамочка, ты пишешь, где я живу, я живу здесь в бывшей церкви. Мамочка, у нас в помещении тепло. Мамочка, у нас здесь сильные морозы, но у меня есть зимнее все: и пальто, и валенки, шапка и варежки. Это все прислала Надя. Она прислала еще одно платье байковое, матроску и шерстяную кофту. Мамочка, а гостинцы мне Надя прислала такие: колбасу, икру, масло, печенье, белый батон и какую-то рыбу, а из белья – майку, шерстяной купальник и двое штанов, а еще гребешок и мыло. Мамочка, мы ходим в баню через неделю, и в бане тепло. Мама, нам стирают белье прачки.

Мамочка, из нашего двора здесь Коротеева Рая и Ермаковы Зоя и Фая. Больше нет. Мамочка, я тебе письма шлю редко, потому что у меня нет марок, а не доходят без марок письма. Мамочка, ты за меня не беспокойся, я здесь живу хорошо, кормят тоже хорошо. Мамочка, я здесь привыкла кушать суп и картошку с луком. Мама, в Рязанской области наша заведующая не получала никакой телеграммы. Мама, мне Надя прислала твой адрес и еще написала, что она уезжает на трудовой фронт. Мама, у меня нет фотокарточки. Мама, я лето провела хорошо, мы ходили купаться. Мама, меня к тебе отправить нельзя. Мама, если ты приедешь, то ты возьми с собой справку от школы, чтоб меня отпустили домой. Мамочка, меня остригли наголо. Мамочка, пока, до свидания» [1, л. 11–11 об.].

Письмо Саши Хромова маме Аграфене Петровне (22 ноября 1941 г.).

«Здравствуй, дорогая мама!

Мама, твое письмо получил и спешу ответить. Мама, сейчас только написал письмо Василию Петровичу. Мама, ты пишешь, что от отца нет никаких известий. Почему же это он ничего не пишет и мне тоже ни одного письма не написал. Мама, ты пишешь, что хочешь увидеть меня. Шлю свою фотокарточку. Фотографировался еще в Борисоглебске курсантом. Мама, ты пишешь, что нуждаешься в деньгах. Посылаю тебе 400 рублей. Оставил себе на расход 125 рублей. В этот месяц купил себе хромовые сапоги за 370 рублей и брюки за 260 рублей, купил замечательный теплый свитер за 60 рублей. Напиши, кем работает Надя. Почему она не взяла Валичку? Если есть возможность взять ее, то пусть обязательно возьмет. Денег я пришлю. Почему она мне ничего не пишет? Я ей написал уже штук 5 писем и ни одного ответа. Очень хорошо, что у нас живет Коля – Наде не так страшно будет. Мама, месяцев через пять кончу училище, буду средним командиром и буду получать 1200 рублей. Вот тогда заживем, а когда кончится война, приедем все в нашу родную Москву и заживем лучше прежнего.

Мамочка, дорогая, как я раньше не ценил, что у меня есть родные. Как я вас всех люблю и тебя, и папу, и сестренок, и тетю Олю и вообще всех. Кончу училище, поеду на фронт. Разобьем врага, отомстим ему за все наши несчастья, которые он нам причинил. С истребительским приветом. Твой сын Александр. Жду ответа. г. Грозный» [1, л. 25–25 об.].

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1297. Оп. 10. Д. 12.

2. Захоронение № 2606338348 // Поиск захоронений на территории г. Москва: сайт. URL: https://epoisk.ru/burmsk/?gid=2606338348 (дата обращения: 15.05.2026).

3. Память – Астăвăм: Чувашская республиканская книга памяти: в 2 ч. / Российская Федерация. Чувашская Республика. Ч. 2. Т. 4: [Уроженцы и жители Аликовского, Канашского, Красноармейского, Мариинско-Посадского, Цивильского, Чебоксарского районов, г. Новочебоксарск, не вернувшихся с Великой Отечественной войны] / [ред.-сост. Н.В. Пыркин и др.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. С. 640.

4. Хромов Александр Петрович: выпускник 1942 года // Борисоглебское высшее военное авиационное ордена Ленина Краснознаменное училище летчиков имени В.П. Чкалова: сайт выпускников училища. URL: http://www.bvvaul.ru/profiles/6435.php (дата обращения: 15.05.2026).

5. Хромов Александр Петрович 1922 г.р. // Подвиг народа. 1941–1945: сайт. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=26935918&tab=navDetailManAward (дата обращения: 15.05.2026).

6. Хромов Александр. Статус: В поиске. Заявка № 2834432 от 23.12.2021 // Жди меня: сайт. URL: https://poisk.vid.ru/?p=10&view=1&id=2834432&id_people=6036174 (дата обращения: 15.05.2026).

7. Хромов Петр Иванович // Мемориал: обобщенный банк данных. URL: https://obd-memorial.ru/html/search.htm?f=%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B2&n=%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%80&s=%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87&y=1897&r (дата обращения: 15.05.2026).

8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 977529. Д. 7.

УДК94(470.345).084.8

Т.Н. Кадерова

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ МОРДОВСКОЙ АССР)

Аннотация. В статье рассматривается организация приема и размещения эвакуированного населения на территории Мордовии, показаны имевшиеся трудности, поддержка со стороны местных органов власти и населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, эвакуированное население, Мордовская АССР.

T.N. Kaderova

EVACUATION OF THE POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE MORDOVIAN ASSR)

Abstract. The article discusses the organization of reception and accommodation of the evacuated population in the territory of Mordovia, shows the difficulties encountered, support from local authorities and the population..

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, evacuated population, Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic.

В годы Великой Отечественной войны чрезвычайно важной была задача по перемещению в глубокий тыл и размещению там миллионных масс советского населения, прибывавшего из западных областей, где до войны проживали около 40 % граждан страны [1, с.122].

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на восток в первую очередь подлежали детские учреждения, квалифицированные кадры рабочих и служащих, люди пожилого возраста, женщины с детьми, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение [1, с.125].

Партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные органы восточных областей, в том числе и Мордовской АССР, активно готовились к приему эвакуированных.

Так, 22 июля 1941 г. при Совнаркоме МАССР был создан эвакуационный отдел, который руководил размещением и устройством на работу эвакуированного населения, контролировал работу райисполкомов в данном направлении. Начальников эвакуационного отдела был назначен П.А. Турдазов [5, с. 208].

22 июля 1941 г. вышло постановление СНК МАССР «О порядке размещения эвакуированного населения в Мордовской АССР» [5]. Из него следовало, что председатели райисполкомов были обязаны подготовить жилищный фонд для размещения эвакуированного населения за счет пустующих домов в городах и селах, за счет уплотнения жилой площади местного населения; обеспечить современную переброску эвакуированного населения с железнодорожных станций до места назначения, используя для этого бесплатно транспорт колхозов, совхозов и учреждений; немедленно

устраивать прибывших на работу; исполкомы райсоветов в течение декады должны были проверить все семьи эвакуированных, как они размещены в квартирах, обеспечить их топливом, керосином и продуктами [5, с. 208–209].

Кроме этого, эвакуированным оказывали медицинскую помощь, питание на первое время из расчета 6 руб. в сутки на человека. Детей, не имеющих родителей, определяли в дома матери и ребенка, в детские дома и пионерлагеря [5, с. 208].

Ответственность за размещение, устройство на работу и создание эвакуированным нормальных условий жизни возлагалась лично на председателей райисполкомов, учет всех эвакуированных и бюро справок о их местонахождении – на переселенческое управление при СНК МАССР [5, с. 209]. То есть в короткие сроки были созданы органы, которые отвечали за прием, размещение и трудоустройство прибывших людей, обеспечение их всем необходимым. Уже в августе 1941 г. бюро Мордовского обкома ВКП(б) рассматривало вопрос «О состоянии снабжения граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы» и обязало райком и горкомы партии обеспечить чуткое, внимательное отношение к эвакуированным гражданам, принять меры по их трудоустройству [3, с. 245].

К 12 июля 1941 г. в республику прибыло 25 тыс. чел. эвакуированных [7, с. 390], к 16 июля – более 32 тыс. чел. [6, с. 47]. В 1943 г. в Мордовии размещалось свыше 70 тыс. чел., в том числе 31 605 детей до 14 лет [7, с. 392]. В основном эвакуированные были из Белоруссии, Карело-Финской ССР, Мурманской области, Ленинграда, Москвы. Среди них более 55 % составляли русские, 25 % – евреи, 9,9 % – белорусы, 4 % – украинцы и другие национальности [7, с. 392].

В 30 районах МАССР на 1 января 1942 г. размещалось почти 94 % эвакуированного населения, в городах – только 6 % [7, с. 392].

Наряду с этим нельзя не отметить, что отсутствие необходимого опыта при проведении столь масштабного перебазирования приводило к некоторым ошибкам и упущениям со стороны соответствующих органов власти. Так, в «Письме Совнаркома МАССР в Совет по эвакуации при Совнаркоме РСФСР по вопросам, связанным с устройством эвакуированного населения» от июля 1941 г. отмечалось, что «на станции Рузаевка организован эвакопункт, а кого пункт должен принимать – ясности нет. Железнодорожные организации в эвакопункт направляют прибывших на станцию тех эвакуированных, которые едут по билетам, литерам к выбранному месту жительства, превращая таким образом эвакопункт во второй вокзал. Казанская, Горьковская и Пензенская железные дороги, эвакуированных с билетами и литерами, едущих в разные направления, сажают в вагоны и направляют в Красный Узел и Рузаевку, а дальше их у нас никто не принимает. Таким порядком на Красном Узле собралось эвакуированных около 1000 и на станции Рузаевка – 3000 человек» [6, с. 63–64].

Нелегким делом было размещение прибывающих людей и выделение им самого необходимого. Не хватало помещений, продовольствия, одежды и обуви. Неудовлетворительным было и оказание медицинской помощи. Все это вызывало справедливые нарекания и недовольство людей, вынуждало их обращаться в органы власти. Поэтому регулярными были проверки, по результатам которых принимались соответствующие меры.

Например, в сентябре 1941 г. было установлено, что в пос. Михайловском Лямбирского района не была оказана необходимая медицинская помощь заболевшей эвакуированной П.Т. Абдалиной, муж и сын которой находились на фронте. В этом же районе продукты, отпущенные для снабжения эвакуированных, были использованы исключительно в райцентре, а не по месту жительства эвакуированных. В с. Сузгарье Рузаевского района 76 чел. эвакуированных в течение двух дней не получали хлеба. Подобные факты имели место и в других районах Мордовии [6, с. 90].

Темниковский райисполком не принял меры по привлечению эвакуированных граждан на работу в колхозы. Из 436 работали в колхозах только 136 чел. [4, с. 273]. В Ковылкинском районе из 2008 чел. к июлю 1941 г. на работу устроилось лишь 120 чел. [6, с. 43].

Поэтому 4 сентября 1941 г. принимается постановление бюро обкома ВКП(б) «О работе партийных организаций среди эвакуированных из прифронтовых областей», которое обязало «всех секретарей райкомов ВКП(б) и председателей исполкомов райсоветов в недельный срок проверить положение эвакуированных граждан в районе и принять меры к полному их трудоустройству, предоставлению жилой площади, созданию необходимых бытовых условий и оказанию особо нуждающимся помощи в приобретении обуви, одежды и продуктов питания, используя для этих целей средства и фонды и за счет выделения товаров из фондов торгующих организаций» [6, с. 90]. Особое внимание требовалось обратить на положение эвакуированных в колхозах, куда должны были направляться все лица, которые не могли быть использованы по специальности. Разъяснить всем руководителям колхозов и самим эвакуированным, что они могут работать в колхозах на общих основаниях с колхозниками (за трудодни), так и по отдельному соглашению за деньги и продукты [6, с. 90].

В своем абсолютном большинстве местные жители Мордовии проявляли большое радушие и гостеприимство по отношению к эвакуированным, делясь с ними своим, зачастую и без того тесным и скудным кровом, одеждой, продуктами, лекарствами и прочим. Например, в газете «Большевик» Ардатовского района от 31 января 1942 г. сообщалось: «...Большую заботу об эвакуированном населении проявили правление Тургеневского и Турдаковского колхозов. С первых же дней приезда в эти колхозы эвакуированных здесь создали надлежащие бытовые условия. Эвакуированные устроены в теплых и уютных квартирах, организована подвозка топлива. Для детей отпускается молоко, выделена шерсть на валенки, носки и другие теплые вещи» [5, с. 222].

Из воспоминаний Нелли Яковлевны Терехиной (1931 г. р., г. Ленинград), которая во время войны была эвакуирована из блокадного Ленинграда в г. Саранск: «Здесь, в Саранске, начался новый этап нашей жизни. Город поразил нас тишиной и показался очень уютным – с маленькими домиками и деревянными тротуарами. Даже не верилось, что здесь не стреляют. В городе жили добрые и благородные люди, которые в тяжелейшее для страны время пытались обогреть нас сердцем и душой.

...В семье, где мы жили, было вместе с нами 9 человек. В 1944 г. в Саранске на улице Кирова открылся детский дом. Я и младшая сестра Раиса Яковлевна Кондакова (в девичестве мы Юнисовы) были, на наше счастье, определены туда <...> В наш детский дом поступали дети с Украины, Белоруссии, Прибалтики, с разных концов страны. В первую очередь, нас старались накормить, одеть, обуть, сделать все возможное, чтобы каждый ребенок, на долю которого выпало столько недетского горя, смог почувствовать теплоту, участие. Было такое ощущение, что мы попали в какой-то волшебный дворец, где тепло и светло, и четырехразовое питание. После 125 г хлеба в сутки, столярного клея, который мы ели в Ленинграде, это казалось чем-то необычным» [2, с. 701–702].

Приведем еще одно воспоминание – Павла Ильича Кулькова (26.01.1935, с. Чукалы Ардатовского района Республики Мордовия) – работника тыла. Войну пережил ребенком.«Реально, что война идет, я понял тогда, когда на станцию Ардатов 25 июля 1941 г. пришел эшелон с эвакуированными из Белоруссии, с городов Орша и Смоленск, – вспоминал Павел Ильич. – Одну семью поселили к нашим соседям. Это были евреи. Семья состояла из трех человек: мать, дочь и сын. Маму как звали, не помню, работала она в нашем сельпо, девочку звали Аллой, она была старше меня на один год, а мальчика звали Юрой, он был мой ровесник. Я с ним подружился, мы с ним ходили на пруд купаться, на речку ловить рыбу, в лес собирать ягоды. Юра быстро

освоил наш эрзянский язык и общался с нами на равных, на нашем родном языке. У других соседей поселили старого человека, но, видимо, человек был грамотный, поэтому он работал бухгалтером в сельпо.

Из эвакуированных председателем сельского Совета была назначена (тогда не избирали) Бася Исааковна Шапиро, 1909 г. р. Она имела среднее специальное образование, окончила газетный техникум. Эта женщина была принципиальная коммунистка, трудолюбивая, боевая и энергичная. Спуску она никому не давала, ее все боялись, и даже побаивался председатель нашего колхоза» [2, с. 309–310].

Эвакуированная А. Головачева писала: «Я приехала в МАССР из города Сумы. Передо мной прежде всего встал вопрос – что будет с нами дальше. Но скоро мои тяжелые размышления были рассеяны. Нас разместили в колхозах Большеберезниковского района. Прием колхозников был исключительно сердечным. Согретые их заботой, многие из нас нашли себе работу в колхозе и учреждениях. Особенно чуткое отношение проявил председатель Сосново-Гартовского сельисполкома Кузнецов. Он позаботился об обеспечении нас квартирами, топливом, необходимыми продуктами питания и другим» [4, с. 274].

Таким образом, несмотря на серьезные проблемы, в Мордовии эвакуированным жителям в основном быстро помогли преодолеть трудности. Согласимся с выводом авторов коллективной монографии «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» о том, что, хотя эвакуация людских контингентов сопровождалась многими, зачастую неизбежными потерями, основная ее цель – спасти от врага миллионы советских граждан и использовать этот людской потенциал в интересах фронта – была достигнута [1, с. 127].

Литература и источники

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7 / Мин-во обороны Российской Федерации; главная ред. комиссия: А.Э. Сердюков и др. Москва: Кучково поле, 2013. 864 с.

2. Великая Отечественная война: устная история: Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны: в 5 т. Т. 5 / сост.: Е.Н. Бикейкин и др. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 788 с.

3. История Мордовской АССР: в 2 т. Т. 2. 1917–1981 / под общ. ред. М.В. Дорожкина, А.В. Клеянкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 432 с.

4. *Кадерова Т.Н., Кечайкина Е.М.* Повседневная жизнь людей: трудности и проблемы // Мордовия в период Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В.А. Юрченкова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. 424 с.

5. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: документы и материалы / сост.: А.Е. Захаркина, В.И. Лопатова, В.Б. Смирнова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 567 с.

6. Мордовия. 1941–1945: сборник документов / ЦГА; ЦДНИ РМ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 752 с.

7. *Ранцева Г.* Суровая пора // Эхо войны: очерки, статьи, воспоминания и фотодокументы о Великой Отечественной войне / сост.: Н.М. Кулыгин, А.А. Мамаев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. 432 с.

УДК 94(470+571)(09)

Е.В. Сухова

НЕОБЫКНОВЕННАЯ СУДЬБА МАЛЬЧИКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В статье идет речь о судьбе эвакуированного из блокадного Ленинграда в детстве в Чувашию А.С. Никитина (1938–2008) – человека поистине необыкновенной, удивительной судьбы, патриота, прекрасного организатора, известного ученого, градостроителя, навсегда оставившего о себе добрую память в Чувашии, которая стала для него второй родиной.

Ключевые слова: А.С. Никитин, блокада Ленинграда, эвакуация детей в Чувашию, Чебоксарский горисполком, градостроительство, организатор образования и науки.

E.V. Sukhova

THE EXTRAORDINARY FATE OF A BOY FROM LENINGRAD

Abstract. This article explores the fate of A.S. Nikitin (1938–2008), aman evacuated from Leningrad during the siege of Leningrad as achild to Chuvashia. He was aman of truly extraordinary and remarkable destiny, apatriot, abrilliant organizer, arenowned scientist, and an urban planner who forever left afond memory in Chuvashia, which became his second homeland.

Keywords: A.S. Nikitin, siege of Leningrad, evacuation of children to Chuvashia, Komsomol and trade union official, Cheboksary City Executive Committee, urban planning, education and science organizer.

Александр Семенович Никитин родился в 1938 г. в Ленинграде. О его раннем детстве известно крайне мало. В возрасте трех лет он перенес первую страшную блокадную зиму, унесшую жизни его родителей и еще многих тысяч жителей и защитников города-героя на Неве. По данным на 1985 г., за время блокады в Ленинграде от голода умерли свыше 641 тыс. чел., еще десятки тысяч истощенных ленинградцев скончались во время эвакуации [1, с. 401]. На сегодня вследствие уточненных подсчетов эти цифры выросли до миллиона. Александр Семенович остался жив чудом благодаря подвигу красноармейцев, эвакуировавших его по легендарной «Дороге жизни» – единственной транспортной артерии, проходившей по Ладожскому озеру и связывавшей в сентябре 1941 – марте 1943 г. Ленинград со страной. По ней из Ленинграда были эвакуированы 1 млн 376 тыс. чел., из них 539,4 тыс. – в первую блокадную зиму [1, с. 251]. В Чувашии обездоленного, голодного малыша усыновили секретарь Чувашского обкома ВКП(б) Семен Петрович Никитин и его жена Нина Гавриловна. С тех пор он жил всю жизнь в нашей республике.

К тому времени (к 1 января 1942 г.) в республику были эвакуированы 17 085 тыс. детей в возрасте от 3 до 17 лет – русских, евреев, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев и др. 906 из них приехали в составе детских учреждений (к 1 февраля 1943 г. эта цифра составила уже 31 037 чел.). Первый эшелон доставил эвакуированных детей в Чебоксары уже через неделю после начала войны – 29 июня 1941 г. Они были устроены в переоборудованное жилье, помещены в кабинеты педагогического института, школы № 6, педагогического и музыкального училищ. Эвакуация потребовала создания дополнительных детских учреждений. Были открыты детские ясли в Чебоксарах, Мариинском Посаде, Цивильске, селах Комсомольское, Сундырь, новые сезонные ясли и детские дома, число которых достигло 12. С сентября 1943 г. были введены единые нормы снабжения детских домов в городах и сельской местности, при этом разрешено использовать всю продукцию подсобных хозяйств детских домов для улучшения питания их воспитанников без зачета в основную норму цент-

рализованного государственного снабжения. К каждому детскому дому прикреплялись врачи и квалифицированные медсестры, проводились медосмотры, ослабленные и больные дети направлялись для лечения в больницы и санатории. Во время войны в Чувашии были подготовлены более 900 медсестер для работы в детских яслях и 350 – в сезонных яслях. Появилась новая форма помощи детям – семейное патронирование. Лицам, принимавшим детей на патронирование, государство ежемесячно выдавало 50 руб. на ребенка и 200 руб. на одежду на сезон [5, с. 166–167]. Население встретило и приняло этих детей как родных, что хорошо показано в повести Леонида Агакова «Солдатские дети». 23 февраля 1942 г. СНК ЧАССР принял постановление об устройстве детей, оставшихся без родителей. В ответ труженики колхоза «Трактор» Чебоксарского района уже через несколько дней обратились ко всем колхозникам республики с призывом взять шефство над эвакуированными детьми: «Мы, колхозники и колхозницы колхоза "Трактор" Чебоксарского района, берем шефство над эвакуированным к нам детским садом. Ежедневно мы будем выделять для детсада по 30 литров молока, 60 штук яиц. Каждый колхозный двор обязался вырастить по одной курице для детсада. Кроме того, мы обеспечим детсад овощами и картофелем, а также дровами. Мы призываем всех колхозников и колхозниц Чувашской АССР последовать нашему примеру. Окружим детей лаской и заботой, воспитаем из них поколение стойких борцов за нашу Родину» [2]. Этот благородный почин, одобренный обкомом ВКП(б), нашел в Чувашии множество последователей.

Теперь о том, как сложилась дальнейшая жизнь А.С. Никитина. Он учился в школах в Батырево, Кугесях, в Чебоксарской школе № 6 – вместе с будущим народным художником Элли Юрьевым. После школы начал работать на заводе им. Чапаева токарем по обточке головых шашек и вскоре был избран секретарем комитета комсомола. Позже он предложил поставить в Чапаевском поселке г. Чебоксары памятник легендарному красному начдиву и настойчиво добивался этого, и прекрасный памятник В.И. Чапаеву – один из символов столицы – был доставлен из Москвы и воздвигнут в самом центре города.

Высшее образование Александр Семенович получил в Казанском химико-технологическом институте, а после его окончания вернулся в Чувашию на Всесоюзную комсомольскую стройку – химический комбинат, где работал сначала мастером ремонтно-механического, затем начальником антикоррозийного цеха. Уже тогда проявил организаторские способности, жизненную энергию, общественную активность – и в 25 лет был избран депутатом городского Совета депутатов трудящихся, а в 26 – секретарем Чувашского обкома ВЛКСМ. Он участвовал в строительстве Гайского горно-обогатительного комбината в Оренбургской области, выезжал на целину, посещал земляков в легендарной Чапаевской дивизии. Под его руководством в 1968 г. в юном Новочебоксарске на субботниках и воскресниках в честь 50-летия ВЛКСМ молодежь вместе с ветеранами посадила тысячи деревьев, соорудила детские площадки, благоустроила Ельниковскую рощу [6].

После окончания в 1971 г. Высшей партийной школы при ЦК КПСС, где Александр Семенович подготовил диссертацию «Роль и значение современных городов как центров экономики, науки, культуры», он с успехом проявил полученные знания на посту секретаря Новочебоксарского горкома КПСС по промышленности и транспорту, одновременно являясь депутатом городского Совета. Руководил строительством объектов химкомбината, завода силикатного кирпича, домостроительного комбината, Дворца культуры химиков, троллейбусного депо, новых жилых кварталов с социально-бытовой инфраструктурой. Был награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

В 1975–1979 гг., будучи секретарем Чувашского областного совета профсоюзов по капитальному строительству, Александр Семенович стал инициатором и организатором строительства санаторно-курортного комплекса нашей республики, прежде всего здравниц «Чувашия» и «Волжские зори», Чебоксарской грязелечебницы.

В 1979–1985 гг. в качестве первого заместителя председателя горисполкома он отвечал за капитальное строительство, архитектуру и коммунальное хозяйство столицы Чувашии, которая в те годы стремительно развивалась и достигла численности 300 тыс. чел. 30 октября 1980 г. по личному указанию Л.И. Брежнева Совет Министров

СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию в 1981–1985 годах городского хозяйства г.Чебоксары». Оно определяло перечень объектов, строительство, расширение и ввод в эксплуатацию которых в XI пятилетке обеспечивается Советом Министров РСФСР и 16 союзными министерствами. В их числе жилые дома общей площадью 889,3 тыс. кв. м, общежития, городские водопроводные сооружения на 90 тыс. куб. м воды в сутки с доведением их общей мощности до 250 тыс. куб. м, новые газовые и тепловые сети, ливневая канализация, автодороги, троллейбусные линии и многочисленные объекты соцкультбыта. Были предусмотрены значительные конкретные меры благоустройства и улучшения экологического состояния нашего города [7, с. 301–302].

Тогда для Александра Семеновича настало горячее время, и он снова проявил трудолюбие, целеустремленность, огромный организаторский талант. Под его руководством были сооружены здания Чувашского государственного театра оперы и балета, художественного музея, трехзального кинотеатра «Победа», Дворца детского и юношеского творчества и др., организовано переселение 20 тыс. чел. из зоны затопления и санитарной зоны Чебоксарского водохранилища, выстроены обширные жилые кварталы. Город с многовековой историей буквально на глазах обретал второе дыхание и вторую молодость.

Но не меньше Александр Семенович заботился о сбережении самобытной чебоксарской старины – верной хранительницы исторической памяти. Он возглавил работу по реставрации Воскресенской церкви и фактически спас старинный храм от сноса, активно участвовал в разработке программы реставрации памятников истории и культуры на западном и восточном косогорах, в центральной части города, на Владимирской горке. Он делал все возможное для сохранения памятников истории и культуры, выступал по этой проблеме в печати. Широкий общественный резонанс получила его статья «Чебоксарская старина требует особого подхода», опубликованная в газете «Советская Чувашия». Патриот категорически возражал против планов застройки исторического центра Чебоксар однообразными громадами новых зданий, чужеродных строений. Голос Александра Семеновича был услышан. Его компетентное мнение было учтено при подготовке постановления Правительства России «О мерах государственной поддержки развития исторического центра города Чебоксары». Об этом особенно уместно вспомнить именно теперь, когда кое-кто снова лоббирует противоестественные проекты сноса жилых домов в историческом центре Чебоксар и строительства на их месте высотных зданий.

Александр Семенович вообще любил и чрезвычайно высоко ценил чувашскую культуру и ее носителей – деятелей творческой интеллигенции. Он всегда с огромным уважением и теплом вспоминал о встречах с народными поэтами и писателями. И сам был заслуженным работником культуры Чувашской Республики, членом Союза российских писателей, Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов, лауреатом литературной премии им. А.Ф. Талвира. Помогал творческим людям в трудных жизненных ситуациях, оказал многим писателям, деятелям культуры и искусства спонсорскую помощь в издании книг и организации творческих командировок. Когда молодой скульптор Владимир Нагорнов собирался покинуть Чебоксары из-за отсутствия жилья, именно А.С. Никитин решил вопрос о предоставлении ему квартиры. Теперь В.П. Нагорнов – один из известных скульпторов Чувашии.

Александр Семенович понимал и значение инновационной системы управления городом и создал научный труд «Вопросы создания автоматизированной системы управления городом», получивший признание специалистов. Эту концепцию он успешно реализовал в течение двенадцати лет работы на посту директора Чувашского межотраслевого территориального центра научно-технической информации и пропаганды (ЦНТИ).

А.С. Никитин был инициатором открытия в Чебоксарах в 1996 г. филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, известного также как Институт туризма и сервиса, и последние двенадцать лет жизни руководил им. Этот вуз стал центром подготовки высококвалифицированных специалистов сферы туризма и научных исследований в этой области. Особое внимание здесь уделялось обучению студентов в области иностранных языков и межкультур-

ных коммуникаций, зарубежным стажировкам, что способствовало успешной профессиональной деятельности и карьере выпускников.

А.С. Никитин был известным ученым, членом-корреспондентом Российской Академии естественных наук и инженерно-технической Академии Чувашской Республики. Главным направлением его научной деятельности было краеведение. В соавторстве с Г.М. Можаровым была издана книга «Памятные места и достопримечательности Чувашской АССР и г. Чебоксары» (1987). По его инициативе и под его руководством в филиале были изданы 22 книги серии «Память Чувашии». Вершиной его творчества в этой области стала изданная в 2003 г. монография «Мир чувашский» объемом в 896 с., посвященная истории, современности и перспективам Чувашии и чувашского этноса. О качестве и значении этой книги, изображенной на памятнике Александру Семеновичу, очень хорошо сказали видные ученые. Профессор А.П. Хузангай: «Самый настоящий поиск путей чувашского мироздания». Профессор Н.Е. Егоров: «В этой книге – весь чувашский Космос, вся жизнь чувашского народа от его затерявшихся в тысячелетиях истоков до нынешнего дня». Свою вершинную книгу автор посвятил своим усыновителям: «Для меня Край Чувашский всегда олицетворяли мои родители – Семен Петрович, родом из деревни Самуково, и Нина Гавриловна, родом из поселка Кугеси. Они для меня самые родные люди. Семен Петрович и Нина Гавриловна приютили безвестного, без фамилии и имени ленинградского сироту, блокадника и вырастили как свою кровинку. Их семейное гнездо – теплый отчий кров – сохранилось и поныне. Когда-то в начале XX века приобретенный дедом дом в Будайке и перенесенный в Самуково, снова вернулся в Чебоксары. Это – дом, в котором родился В.И. Чапаев, он входит в музейный комплекс в одноименном сквере. Памяти моих родителей посвящается эта книга» [3, с. 3].

Серьезный вклад внес Александр Семенович в бичуриноведение, в увековечение памяти нашего великого земляка Н.Я. Бичурина, сотрудничая с виднейшими учеными Чувашии – профессорами П.В. Денисовым и В.Д. Димитриевым. Он стал одним из организаторов музея «Бичурин и современность» в Кугесях, за что снискал горячую благодарность сотрудников музея и земляков. При его активнейшем участии состоялись международные научно-практические конференции, посвященные юбилеям ученого-синолога. В серии «Память Чувашии» он выпустил книгу о Бичурине «Труженик ревностный, опередивший время». А уже после скоропостижной смерти А.С. Никитина, последовавшей 15 января 2008 г., вышла его последняя монография «Рожденный небом и землей. Встречь солнца. Цинская империя и отец Иакинф» с ценнейшими научными сведениями не только о биографии ученого, но и об истории Китая и российско-китайских отношений.

Александр Семенович Никитин останется навсегда в памяти многих тысяч знавших его людей, как замечательный человек, ученый и патриот, а его судьба – как яркий пример того, каких успехов может добиться талантливый и трудолюбивый человек под солнцем советской цивилизации, братства и единства народов и соотечественников, всегда готовых прийти на помощь, тем более в самых экстремальных обстоятельствах.

Литература и источники

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.

2. Возьмем шефство над эвакуированными детьми. Письмо тружеников колхоза «Трактор» Чебоксарского района ко всем колхозам // Красная Чувашия. 1942. 7 марта.

3. *Никитин А.С.* Мир Чувашский / С.-Петерб. гос. инж.-экон. ун-т, филиал в г. Чебоксары. Чебоксары: Ин-т туризма и сервиса, 2003. 896 с.

4. *Никитин А.С.* Рожденный небом и землей. Встречь солнца: Цинская империя и отец Иакинф. Чебоксары: Ин-т туризма и сервиса, 2008. 368 с.

5. *Сухова Е.В.* Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР). Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумова, 2008. 212 с.

6. *Сухова Е.В., Радиченко А.Н.* Дорога его жизни. К 80-летию со дня рождения Александра Никитина // Советская Чувашия. 2018. 5 июня.

7. Чувашская областная организация КПСС. Хроника. 1898–1991: в 2 кн. Кн. 2 (1956–1991). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 656 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акаев Магомедамин Акавович, независимый исследователь, учредитель АНО по развитию гражданско-патриотического воспитания «Активный гражданин» (г. Махачкала).

Алжейкина Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, член-корреспондент Международной академии образования (г. Чебоксары).

Александрова Оксана Викентьевна, главный архивист Государственного исторического архива Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Алексеев Сергей Ильич, ассистент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Алиева Севиндж Исрафил, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Бакинского инженерного университета (г. Баку, Республика Азербайджан).

Алламуратов Гулмурат Султамуратович, доктор философии (PhD) по историческим наукам, доцент Нукусского военно-академического лицея «Темурбеклар мактаби» МВД Республики Узбекистан (г. Нукус, Республика Узбекистан).

Андреев Олег Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Ахтямов Динар Илдарович, соискатель Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск).

Балыкина Наталья Евгеньевна, учитель средней общеобразовательной школы № 2 Алатырского муниципального округа Чувашской Республики (г. Алатырь).

Басманцев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского, цифрового и музейно-образовательного центра при Институте истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Берлов Артур Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель председателя Комитета общественных связей и молодежной политики г. Москвы, член Научного совета РВИО, председатель Совета регионального отделения РВИО в г. Москве, научный руководитель кафедры 918 «История» Московского авиационного института (г. Москва).

Бикбулатова Аниса Рифовна, доктор исторических наук, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Бойко Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Васильева Людмила Игоревна, главный архивист Государственного исторического архива Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Газиева Людмила Леонидовна, кандидат исторических наук, преподаватель Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова (г. Санкт-Петербург).

Гафуров Абдулло Мутиллоевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (г. Душанбе, Республика Таджикистан).

Григорьев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Дашкевич Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, заведующий центром военной истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

Добролюбова Людмила Моисеевна, учитель средней общеобразовательной школы № 4 г. Бор, руководитель школьного музея (г. Бор, Нижегородская область).

Евдокимова Елена Алексеевна, кандидат философских наук, доцент Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации (г. Санкт-Петербург).

Елтышева Лариса Юрьевна, заведующий отделом истории Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Кунгур).

Епифанов Александр Егорович, доктор юридических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД РФ (г. Москва).

Ермекбай Жарас Акишевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Астана, Республика Казахстан).

Ефимов Лев Архипович, доктор исторических наук, профессор Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).

Жиромская Валентина Борисовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН (г. Москва).

Золотова Наталия Витальевна, директор Дома детского творчества г. Канаш (г. Канаш).

Ильинская Елена Анатольевна, архивист Государственного музея истории Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург).

Кабакова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (г. Омск).

Кадерова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

Кайтаева Халимат Исхаковна, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Научно-исследовательского института (Военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва).

Камельских Денис Владимирович, заведующий отделением – врач-трансфузиолог Национального медицинского исследовательского центра гематологии (г. Москва).

Каринкина Евгения Владимировна, преподаватель Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации (г. Чебоксары).

Карташов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, главный археограф Центрального государственного архива Республики Мордовия (г. Саранск).

Козлова Анна Александровна, кандидат исторических наук, доцент Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (г. Омск).

Кузьминых Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России; профессор Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (г. Вологда).

Ласточкин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Малинина Алина Александровна, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, член Ассоциации искусствоведов Российской Федерации (г. Чебоксары).

Малышева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор Адыгейского государственного университета (г. Майкоп).

Мамяченков Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Махадов Ахмедия Камилович, аспирант, преподаватель Дагестанского кадетского корпуса-1 им. Героя России Г.Н. Трошева (г. Махачкала).

Махулова Загидат Абакаровна, кандидат политических наук, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства (г. Махачкала).

Морозов Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г. Казань).

Морозова Оксана Николаевна, старший преподаватель Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань).

Муравьева Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (г. Чебоксары).

Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург).

Мусаева Эльмира Мусаевна, кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства (г. Махачкала).

Мухамедов Рашит Алимович, доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им.И.Н.Ульянова (г. Ульяновск).

Мясникова Алла Борисовна, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им.И.Н.Ульянова (г. Чебоксары).

Носова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного технического университета (г. Омск).

Охотникова Светлана Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Петров Андрей Николаевич, педагог дополнительного образования учебного центра «Академия технического творчества и цифровых технологий» Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург).

Плотникова Елена Владимировна, старший преподаватель Чувашского государственного университета им.И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Потемкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; ведущий научный сотрудник Центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Магнитогорск).

Ревенко Людмила Васильевна, сотрудник Ильинского краеведческого музея (пос. Ильинский, Пермский край).

Сераzетдинов Борис Уразбекович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва).

Серебряный Роман Сергеевич, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко (г. Москва).

Ситников Даниил Григорьевич, лаборант учебного центра «Академия технического творчества и цифровых технологий» Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург).

Смирнова Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Солнышкин Андрей Александрович, ведущий архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург).

Сухова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, ответственный секретарь Чувашского регионального отделения МОО «Общество российско-китайской дружбы» (г. Чебоксары).

Уперовец Анна Игоревна, старший научный сотрудник Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» (г. Брест, Республика Беларусь).

Федотов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного технического университета (г. Самара).

Чуриков Артем Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Магнитогорской государственной консерватории (академии) им. М.И.Глинки (г. Магнитогорск).

Широков Илья Михайлович, аспирант Ульяновского государственного педагогического университета им.И.Н. Ульянова (г. Ульяновск).

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственные выступления

Николаев О.А., Глава Чувашской Республики 3
Мединский В.Р., помощник Президента Российской Федерации 4
Предисловие 5

Пленарное заседание. Доклады

Алиева С.И. Азербайджанская ССР и эвакуация: промышленность, люди и транспорт в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)..... 10
Батырбаева Ш.Д. Эвакуация в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны: историографические подходы, источниковедческие проблемы и перспективы исследования 20
Гафуров А.М. Прием и размещение эвакуированных предприятий в Таджикистане в годы Великой Отечественной войны 29
Ермекбай Ж.А. Эвакуация в Казахскую ССР в 1941–1942 годах 37
Жиромская В.Б. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: оценки численности и особенности размещения 48
Берлов А.В. Память об эвакуации в годы Великой Отечественной войны как основа всенародной памяти 54
Бойко И.И. Эвакуация и индустриальное развитие Чувашии 65

Секция 1. Эвакуация объектов промышленности, сельского хозяйства и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны

Бикбулатова А.Р. Влияние эвакуированной промышленности на социально-экономическую трансформацию Кыргызстана (1941–1945)..... 74
Сераздетдинов Б.У. Количество эвакуированных предприятий в годы Великой Отечественной войны: мифы и правда 77
Малышева Е.М. Эвакуация как фактор перевода экономики СССР на военные рельсы: первые шаги к победе СССР над нацистской Германией 85
Потемкина М.Н. Советская эвакуация 1941–1942: успехи и издержки ... 91
Кайтаева Х.И. Режим осадного положения как инструмент мобилизации и контроля: практика применения в годы Великой Отечественной войны 94
Федотов В.В. Опыт эвакуации населения в Поволжье в 1941–1945 годах: причины конфликтных ситуаций (по материалам региональных архивов) 100
Чуриков А.В. Советская мобилизационная экономика и управление эвакуацией промышленности СССР в 1941–1942 годы 105
Андреев О.В. Архивы и музеи военно-исторического направления, эвакуированные в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): подвиг по сохранению памяти о героизме народа 109
Мусаева Э.М., Махулова З.А. Трудовой подвиг Дагестана: прием эвакуированной промышленности, населения и скота из прифронтовых областей в годы Великой Отечественной войны 115
Елтышева Л.Ю. Эвакуация промышленных предприятий и населения на территорию Кунгурского района Молотовской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов 120
Епифанов А.Е. Эвакуация в СССР детских и образовательных учреждений в годы Великой Отечественной войны 125

Ильинская Е.А. Дороги к жизни: география эвакуации детей из Ленинграда в документах Государственного музея истории Санкт-Петербурга 130
Камельских Д.В., Серебряный Р.С. Многоаспектность проблем эвакуации и их решение в первом периоде Великой Отечественной войны 134
Каринкина Е.В. Эвакуация электромеханического завода «Молот» в Саратовскую область 139
Кузьминых А.Л. Организация приема и эвакуации военнопленных противника в завершающий период Сталинградской битвы 144
Морозов А.В. Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны в современном научном дискурсе 151
Морозов А.В., Морозова О.Н. Эвакуация предприятий в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии 158
Мусаев В.И. Спецэвакуации из Ленинградской области в 1941–1942 годах 164
Носова М.С. Долгая дорога в тыл: путешествие из войны в мир (на примере эвакуированных в Сибирь из Ленинграда) 169
Солнышкин А.А. Межрегиональный мемориальный проект «Сплоченные войной»: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой». Факты об эвакуации из Ленинграда в Чувашскую АССР в 1941–1942 годах 172
Широков И.М. Вопросы электроснабжения эвакуированных предприятий на территории Ульяновской области в 1941–1945 годах 175

Секция 2. Проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности эвакуированного населения

Дашкевич Е.Г. Эвакуация учреждений образования БССР в начале Великой Отечественной войны (лето 1941 года) 180
Григорьев А.Д. Размещение эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны на территории Чувашской АССР 185
Алламуратов Г.С. Эвакуация и депортация различных народов в Каракалпакстан в годы Второй мировой войны 190
Алжейкина Г.В. Эвакуация советских деятелей культуры и искусства в Чувашию 194
Балыкина Н.Е. Производственная повседневность рабочих в годы Великой Отечественной войны (на примере Алатырской обувной фабрики) 201
Басманцев Д.В. Эвакуированное население в Чувашской АССР в 1941–1945 годах (на примере Ибресинского района) 205
Васильева Л.И. Жизненный путь Глеба Андреевича Ильенко: из Ленинграда до Чебоксар 213
Газиева Л.Л. Эвакуация ленинградского населения летом – осенью 1942 года 219
Добролюбова Л.М. Смоленские подростки в системе трудовых резервов (на примере эвакуированных в Горьковскую область в 1942 году) 225
Золотова Н.В. Их сплотила война: о работе эвакуированных медицинских работников в эвакогоспиталях № 3062 и № 3070 230
Кабакова Н.В. Организация повседневной жизни эвакуированных детских учреждений в Омской области в годы Великой Отечественной войны 238
Козлова А.А. Повседневная жизнь граждан, эвакуированных в Сибирь в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) 242
Ласточкин В.Б. Эвакуация высшей школы и организация учебно-воспитательного процесса в высшей и средней школе в период Великой Отечественной войны 245

Махадов А.К., Акаев М.А. Эвакогоспитали Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 254
Муравьева И.В., Плотникова Е.В. Проблемы размещения и обеспечения эвакуированного населения: на материалах архивного фонда Верховного Совета Чувашской АССР 259
Мухамедов Р.А., Ахтямов Д.И. Эвакуация и организация здравоохранения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ульяновской области)... 265
Мясникова А.Б. Эвакогоспитали Ижевска в годы Великой Отечественной войны: организация медицинской помощи 268
Охотникова С.В. Работа Народного комиссариата просвещения ЧАССР по организации деятельности эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны 271
Петров А.Н., Ситников Д.Г. 7-я Ленинградская специальная артиллерийская школа в период эвакуации (февраль 1942 — сентябрь 1945 года) 279

Секция 3. Деятельность эвакуированных учреждений культуры, образования и науки в период Великой Отечественной войны. Люди и судьбы
Алексеев С.И. Сохранение памяти об эвакуации и становлении ЧЭАЗ в заводской газете «Электрик» 286
Ефимов Л.А. Эвакуированные учителя в системе школьного образования Чувашии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 289
Евдокимова Е.А. Эвакуация детей из блокадного Ленинграда в Сибирь: страницы истории Ленинградского-Зырянского детского дома 301
Уперовец А.И. Трагедия начального периода Великой Отечественной войны в судьбах гражданского населения 307
Карташов А.В. Роль партийных и советских органов власти Мордовской АССР в решении проблем размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны 311
Малинина А.А. Творчество эвакуированных в Чувашию художников в годы Великой Отечественной войны 314
Мамяченков В.Н. Эвакуация начала Великой Отечественной войны в воспоминаниях руководителей советской экономики 325
Ревенко Л.В. Эвакуированные художники в Чёрмозе 330
Смирнова Н.Б. «Чувашская страница» в биографиях эвакуированных жителей Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 333
Александрова О.В. Судьба семьи Хромовых, эвакуированной из Москвы (по документам Государственного исторического архива Чувашской Республики) 341
Кадерова Т.Н. Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Мордовской АССР) 346
Сухова Е.В. Необыкновенная судьба мальчика из Ленинграда 350

Сведения об авторах 354

Содержание 357

Министерство образования Чувашской Республики
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Российское военно-историческое общество

Научное издание

ЭВАКУАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ, СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник статей

Составители: *И.И. Бойко, В.Г. Харитонова*

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано к печати 07.08.2026. Формат 70х100 $^{1}/_{16}$.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 29,25. Уч.-изд. л. 27,62.
Заказ №____. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ООО «Типография “Новое Время”»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. М. Павлова, д. 50/1;
тел.: (8352)323-353; факс: (8352)41-27-98; e-mail: newtime1@mail.ru